

ВОРОНЕЖ
В ВОСПОМИНАНИЯХ
И ПИСЬМАХ СОВРЕМЕННОКОВ

XIX – первая треть XX века

12+

**ВОРОНЕЖ
В ВОСПОМИНАНИЯХ
И ПИСЬМАХ СОВРЕМЕННОКОВ**

XIX – первая треть XX века

*Публикация, предисловия
и комментарии
А.Н. Акиньшина*

ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВОРОНЕЖ • 2015

ББК 63.3 (2Р345)

А 39

А 39

Воронеж в воспоминаниях и письмах современников. XIX – первая треть XX века / публикация, предисловия и комментарии А.Н. Акиньшина. – Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2015. – 436 с.

ISBN 978-5-7458-1275-0

В книге собраны воспоминания и письма, в которых речь идет об общественной и культурной жизни губернского города Воронежа в XIX – первой трети XX века. Раскрывается жизнь губернской администрации, затрагивается музыкальная и театральная жизнь, живопись и рисование, книгоиздание, книжная торговля и библиотечное дело, развитие краеведения. Мемуарные и эпистолярные сюжеты связаны с именами Г.П. Успенского, С.Е. Зверева, Г.И. Недетовского, Б.М. Эйхенбаума. Публикации снабжены комментариями.

Предназначается для всех, кто интересуется историей Воронежского края.

ISBN 978-5-7458-1275-0

© Акиньшин А. Н., составление, 2015.

© Центрально-Черноземное книжное издательство, оформление, 2015.

От составителя

Публикуемые материалы извлечены из дореволюционных газет, центральных и местных архивов, рукописного отдела районного музея, семейного архива. Объединяет их одно – все они посвящены различным аспектам общественной и культурной жизни Воронежского края, в первую очередь города Воронежа. Все материалы, кроме воспоминаний В.Г. Успенского, ранее были напечатаны в сборниках «Из истории Воронежского края», «Общественная и культурная жизнь Центральной России в XVII – начале XX века», «Проблемы изучения истории Центрального Черноземья», журналах «Филологические записки» и «Подъем» на протяжении двух последних десятилетий. Для настоящего издания комментарии исправлены и дополнены.

Следует отметить, что публикация писем В.В. Литвинова к М.В. Ивченко осуществлена совместно с Натальей Борисовной Компаоре (Острогожск), писем Б.М. Эйхенбаума к брату – совместно с Олегом Григорьевичем Ласунским. Письма А.Г. Фомина к А.Н. Васильеву прокомментированы совместно с покойным Михаилом Давидовичем Эльзоном (Петербург).

Составитель благодарит за помощь в подготовке книги Ларису Юрьевну Акиньшину (Воронеж), Надежду Михайловну Балацкую (Петербург), Георгия Митрофановича Зверева (Москва), Владимира Сергеевича Колбаса (Пермь), Ирину Германовну Лильп (Москва), Татьяну Николаевну Литвинову (Воронеж), Дмитрия Леонидовича Лопатникова (Москва).

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ

Если внимательно просмотреть библиографические указатели краеведческой литературы, то можно убедиться: в общей копилке печатной продукции доля документов, введенных в научный обиход энтузиастами-следопытами, достаточно скромна. Это объясняется не столько недостатком соответствующих материалов, сколько банальным нежеланием ряда исследователей предаваться энергоемким и, с их точки зрения, непрестижным занятиям. Что обычно приносит специалистам научные дивиденды? Сугубо авторские, аналитические труды. Есть немало ученых, которые полагают нецелесообразным расходовать свой умственный потенциал на репродуцирование уже существующих в натуре источников. Тем более необходимо поощрять старания тех, кто кто вовсе не считает для себя зазорным «тратиться» на разыскание и воскрешение неизвестных или попросту забытых текстов.

В советскую пору источниковая база исторической науки была серьезно ограничена казенными рамками: предпочтение отдавалось материалам официальной политической направленности. Сегодня исследователи полностью раскрепощены в своих попытках осмыслить минувшее во всем его разнообразии. Для них в равной мере значительны как выдающиеся события, могущие повлиять на ход национального развития, так и обыденная сторона жизни, как личности государственного масштаба, так и обыватели в своей домашней обстановке, как столичные жители, так и провинциалы. Расширение содержательных границ публикаций позволяет более объективно, без крайностей прежней политизации прошлого изучать наследие давно отшумевших эпох...

Александр Николаевич Акинъшин осознает принципиальную важность усилий по выявлению и обнародованию документов, не попавших ранее в поле зрения местнографов. Он занимается обнаружением письменных (отчасти и трудно находимых печатных) свидетельств былого – и делает это не от случая к случаю, а регулярно и с большим воодушевлением...

Поисковая методика требует от специалиста, кроме определенных технических навыков, еще и некоего внутреннего настроя. Он у нашего героя имеется: трезвый расчет профессионала гармонично сочетается с увлеченностью первопроходчика, которому еще только предстоят открытия. Как известно, обретенный опыт вовсе не отменяет того, что принято называть романтикой

поиска: это когда чистый разум дополняется азартом, интуицией, охотничьим нюхом. Архивная и библиографическая разведка, на мой взгляд, тем и хороша, что позволяет (при всей заинтересованности в конечных результатах) насладиться самим процессом приближения к поставленной цели...

Индустрия исторической отрасли знаний постоянно испытывает потребность в дополнительной энергетической подзарядке, в освоении и обустройстве необжитых еще территорий, богатых «полезными ископаемыми». В этом смысле А.Н. Акиншин, как говорится, пришелся ко двору. Он относится к тому разряду ученых, для творческой манеры которых характерна тяга к кропотливой работе с фактами. Она, эта тяга, отнюдь не противоречит порывам к изыскательству. Александр Николаевич добывает для общих нужд драгоценные крупницы новых сведений. Однако недостаточно только найти в ворохе пожелтевших от времени бумаг любопытный для потомков документ. Надобно еще и приспособить его к современным нормам научного бытования, обеспечить ему успех в исследовательской среде. А.Н. Акиншин демонстрирует завидное владение приемами публикаторства. К коллегам по ученому сообществу приходит практически уже готовая к «употреблению» продукция.

А.Н. Акиншин зарекомендовал себя отменным комментатором. Он любит и умеет быть истолковвателем «белых пятен». Предлагаемые им тексты неизменно сопровождаются вспомогательным аппаратом, разъяснительными примечаниями. Все это позволяет воспринимать заключенную в публикациях информацию с максимальной выгодой. Завсегдатай центральных архивов, музеев, отделов редкой книги, А.Н. Акиншин чувствует себя там так же уютно, как в собственном доме. Что же касается нашего областного архива, то в нем, похоже, не осталось ни единого фонда, куда бы Александр Николаевич не заглянул хоть однажды. Он – поисковик до мозга костей, вечный архивный сиделец. От его пытливого взора не укроется никакая «единица хранения». А.Н. Акиншин, многолетний вузовский педагог, и здесь подает молодежи пример целеустремленности и рабочей производительности.

Предлагаемый сборник состоит из публикаций, осуществленных А.Н. Акиншиным на протяжении многих лет на страницах различных воронежских изданий. Собранные вместе, пересмотренные и по необходимости исправленные, снабженные систе-

мой подсобных сведений, давние тексты получают вторую жизнь. Они представляют разные жанры, с преобладанием мемуаристики и эпистолярия. Перед нами – те самые первичные источники, которыми так дорожат историки, прежде всего региноведаы. Возвращенные из небытия материалы способны давать специалистам богатую пищу для умозаключений.

Персонажами акиньшинских публикаций являются преимущественно люди науки и художеств – и это легко объяснимо: без учета тех интеллектуальных и эстетических ценностей, что создавались вдали от столиц, неклзя достоверно восстановить общую картину старой провинциальной действительности. Утраченные было строки приходят к читателю как раз в ту пору, когда резко вырос общественный интерес к духовным достижениям окраинной России.

* * * * *

В сентябре 2015 года составителю настоящего сборника исполнится шестьдесят лет. В таком возрасте можно подводить промежуточные итоги. Они более чем утешительные. Александр Николаевич Акиншин, один из учеников профессора Воронежского государственного университета Владимира Павловича Загоровского и позднее достойно продолжил его деятельность на краеведческом поприще. Вот уже несколько десятилетий А.Н. Акиншин является неоспоримым лидером в своей научной области (история воронежской земли в конце XVIII – первой трети XX веков). Теперь у него самого – немало талантливых учеников, заслуженно наделенных учеными степенями и званиями.

Становление А.Н. Акиншина как историка-региониста происходило в период, когда ломались изжившие себя стереотипы марксистского мышления, рушились теоретические каноны, сковывавшие свободу исследовательской инициативы. Благодаря перестроечным веяниям акиньшинскому поколению не довелось пасть жертвой большевистской пропаганды, игнорировавшей целые пласты отечественной старины. Александру Николаевичу выпал счастливый жребий стать пионером во многих сферах постсоветского воронежеведения. История православных храмов, социальная роль дворянского сословия, дореволюционный усадебный быт, губернская административная иерархия, трагедия сталинских репрессий, деяния тех местных уроженцев, чьи фигуры по идеологическим соображениям прежде безжалостно вычеркивались из земляческих списков. – все это (и многое другое,

ранее запретное) явилось для А.Н. Акиньшина предметом скрупулезного изучения, основанного на источниках, не вызывающих сомнения.

Перечень печатных трудов нашего юбиляра впечатляет своей содержательной многогранностью и количественной внушительностью. А.Н. Акиньшиным выполнен огромный объем исследовательской и публикаторской работы. Непревзойденный мастер научного поиска, знаток новейших информационных технологий, ценитель конкретного факта, А.Н. Акиньшин восполнил те невольные пробелы в наших представлениях о минувшем, которые были вызваны самим существованием однопартийной системы в стране.

Мы держим в руках книгу своего рода «свидетельских показаний», полученных от очевидцев тех событий, которые, казалось, уже навсегда растворились в туманной дали. Не останемся же равнодушными к этим примечательным памятникам протекших лет!

Олег Ласунский

А.А. Бартенева

ЖИЗНЬ И ВОСПОМИНАНИЯ ОДНОГО ДВОРЯНИНА

Алексей Аникеевич Бартенева (1792–1860) на склоне лет обратился к мемуарам и оставил потомкам большую тетрадь под заглавием «Жизнь и воспоминания одного дворянина». Рукопись до нас не дошла, ее в двадцать одном номере «Воронежских губернских ведомостей» (1862. 28 апр. – 22 дек.; 1863. 2 февр. – 29 июня) напечатал тогдашний редактор неофициальной части газеты Михаил Федорович Де-Пуле.

А.А. Бартенева, долгое время занимавший должность воронежского уездного судьи, охватил в своих воспоминаниях время с 1790-х гг. до 1847 г. и дал яркие, запоминающиеся характеристики местных губернаторов М.П. Штера, М.И. Бравина, Н.П. Дубенского, Д.Н. Бегичева, Н.И. Лодыгина и Х.Х. фон дер Ховена, вице-губернаторов А.К. Крыжановского и И.И. Рубашевского, губернского и уездного предводителей дворянства В.В. Тулинова, В.И. Македонца, И.В. Кейкуатова. Мемуары Бартенева были использованы при работе над книгой биографических очерков «Воронежские губернаторы и вице-губернаторы» (Воронеж, 2000), Т.Н. Литвиновой в работе над кандидатской диссертацией «Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.» (2005).

Имя А.А. Бартенева включено в «Воронежскую историко-культурную энциклопедию». Материал об обширном клане Бартенева был напечатан в одном из сборников¹.

Воспоминания А.А. Бартенева перепечатываются без сокращений по газетной публикации, с предисловием «От редакции», написанным М.Ф. Де-Пуле. Ему же принадлежат подстрочные примечания. Разбивка текста на главы осуществлена в соответствии с публикацией в номерах «Воронежских губернских ведомостей».

От редакции

В 14 № нашего отдела мы обещали читателям поместить в “Губернских ведомостях” записки одного из воронежских старожил¹. Записки эти принадлежат Алексею Аникеевичу Бартеневу, умершему в 1860 году, и носят следующее название, данное им самим автором: *Жизнь и воспоминания одного дворянина*. Покойного Алексея Аникеевича, конечно, еще очень хорошо помнят многие в Воронеже, и, как известно всем, его знавшим, что это был человек весьма умный, поэтому мы надеемся, что оставленные им записки возбудят заслуженное внимание. Жизнь и воспоминания дворянина тем более интересны, что они представляют если не историю воронежского общества, то историю воронежского чиновного быта за целое столетие. При недостатке в нашей литературе мемуаров, всякий, самый несовершенный в этом роде труд есть чистейшая находка для историка: он сумеет извлечь из него драгоценные материалы. Но и читатель-неисторик, как и всякий мыслящий человек, найдет в них несомненный интерес, если захочет отрешиться от собственных взглядов, стать на точку зрения автора, простить ему и излишнюю говорливость и очень понятный эгоизм. Записки А.А. Бартенева страдают последними недостатками, которые, впрочем, как увидят читатели, значительно выкупаются обилием материалов для внутренней истории нашего города в течение всей первой половины XIX века, – а это, согласитесь, не безделица! Для оправдания покойного автобиографа мы просим читателя не забывать, что А.А. Бартенев получил весьма недостаточное образование, не владел литературным языком и начал писать свои записки в преклонной старости, нисколько не думая об издании их в свет. Записки Бартенева составляют тетрадь в 44 листа мелкого убористого письма, писанного рукою самого автора начерно. Записки кончены в 1856 году: переписывать их покойный автобиограф или не желал, или не успел, хотя, судя по множеству перемарок, они не раз подвергались переделкам. Обнародованием записок мы обязаны просвещенной благосклонности супруги покойного автора,

¹ В № 14 от 7 апреля 1862 г. в конце фельетона “Воронеж” с подзаголовком “Грязь и мостовые. Проба пера. Музыкально-литературный вечер. Воскресные школы. Вести и слухи. Литературная новость” значилось: “Извольте – вот вам и новость, да еще литературная. Мы имеем в руках записки одного из воронежских старожил^{ов}, теперь умершего. Эти мемуары, обнимающие всю первую половину нашего столетия и имеющие несомненный местный интерес, будут напечатаны в “Воронеж[ских] губерн[ских] ведомостях”.

Надежде Ильиничне Бартеневой², которой приносим при этом нашу искреннюю благодарность.

Что касается до издания записок, то мы позволили себе сделать некоторые сокращения и поправки в языке, отнюдь не трогая своеобразного слога автора, без чего, т.е. без этой своеобразности, Записки Бартенева потеряли бы немало в своем интересе. Покойного Алексея Аникеевича мы назвали человеком весьма умным: таким он был на самом деле и таким, надеемся, останется в мнении читателей, несмотря на некоторые его взгляды и убеждения, которые в наше время разделять невозможно. А.А. Бартенев был человек не нашего времени, и как бы не судил о нем читатель, но он никак не должен отказать ему в благодарности за повествование об этом времени, нашем добром старом времени.

I.

Пращур мой Бартенев был стольником при последних Рюриковичах, Годунове и во время обладания Москвою самозванцем Димитрием в 1611 году. За непризнание этого самозванца он был замучен. Сын его, мой прапрадед, в 1629 году был взыскан новою царскою династиею Дома Романовых: пожалован поместьем на 700 четвертей с крестьянами. Прапрадед мой Сильвестр Бартенев ратовал против татар, попал в полон, содержался в Крыму 10 лет, ушел оттуда, приведя с собою много русского народа, за что, как сказано в грамоте 1680 года, “за полонное его терпение и прежнюю службу, за отдачею бывшего его поместья другому, вновь пожаловано 750 четвертей со крестьяны в Курске”. Возвратясь в преклонных летах на родину, он умер, оставя детей малолетних. Вследствие уничтожения стрелецкого войска, когда последовало повеление, чтобы все роды стрельцов и детей боярских, которые проживают без службы, записать в подушный оклад, – прадед мой Моисей Бартенев с сыном Поликарпом и с крестьянами их записаны были в оклад, под названием однодворцев³.

Великая Екатерина, вступив на престол российский, матерински соболезнуя о тех древних дворянских родах, которые без преступлений, а по одним несчастным стечениям обстоятельств, оставшись без образования, записаны были в звание однодворцев, разрешила открыть им средство возобновления дворянства личною службою – предоставив право им записываться в

гвардию. Отец мой Аникей Бартнев, воспользовавшись этим, записался в 1783 году в Преображенский полк сержантом, а в 1788 году уволен подпоручиком⁴.

Прежде собственных моих приключений расскажу об отце и матери моей. И если рассказ мой не для всякого покажется интересным, то я плачу этим мой долг благодарности к родившим меня: они в полной мере достойны благородности и внимания, великодушием и сердечной нежностью. Тетка моей матери была замужем за Белевцовым, человеком богатым, но хитрым и алчным. Вместе с ним жила и теща, бабка моей матери, и ее незамужняя сестра. Под предлогом улучшения, Белевцов забрал все имение жены своей и ее незамужней сестры, родной моей бабки, в свое распоряжение, а поступками своими с тещею достиг того, что она принуждена была выехать из имения детей в собственное свое наследственное поместье, заключавшееся всего только в одном крестьянском дворе, – с маленьким господским домиком, ибо в указной части из имения мужа ей отказали, за безотчетное управление имением детей и будто бы за расстройство оногo, несоблюдение доходов, по иску зятя ее, Белевцова; а сам-то он единственно и воспользовался ими; но искусного плута избличать трудно. Выставя тещу неспособною распоряжаться имением по безграмотству ее, хотя она была самая честнейшая женщина, аккуратная хозяйка и любила сироту-внучку, он успел захватить все в свое распоряжение, удержав у себя в доме и малолетнюю свояченицу, т. е. мать моей матери. Мать сироты, воспитываемой в доме зятя, так оскорбившего ее, старалась поскорее сыскать жениха младшей дочери, чтоб удалить ее из ненавистного дома; и первый представившийся ей молодой человек, подпоручик С.С. Долженков, сделался ее избранником. Белевцов, видя, что удержать воспитанницу нельзя, и узнав, что жених с добрым сердцем, но слабым характером, расчел, что несогласием на выдачу сироты в замужество может явно выставить себя во мнении многих неблагонамеренным, и, заметив слабость в характере жениха, решил не препятствовать браку, надеясь при разделе извлечь свои выгоды. После свадьбы хитрый свояк-хозяин предложил новобрачным до раздела имения жить в его доме, находящемся от Курска в 30 верстах, в деревне Мандоровой. Дедушка мой, живя на всем готовом – впрочем, на собственный счет жены – по безопасности своей не думал торопиться об отделе. Между тем хитрый свояк успел посорить его с тещею, а к году 1773 жена его произвела на свет дочь и от трудных родов умерла. Итак, мать⁵ моя, вместе

с рождением – сирота, осталась в доме Белевцова на попечении его жены, своей родной тетки; бабуку к ней не допустили. Дедушка мой, оставшись вдовцом, по беспечности, вместо того, чтобы посвятить себя воспитанию сироты дочери, предавшись мрачным мыслям, боялся и видеть эту сиротку, считая ее причину смерти избранной им подруги жизни, которую он любил полною любовью молодого человека. Он изъявил желание удалиться как можно дальше и навсегда. А свояк и рад был этому, чтобы поскорее сбыть его с рук: принимая притворное участие в его сердечном горе, он говорил, что это может послужить к успокоению его, присовокупляя, что сирота останется на попечение родной тетки, и как бы в своем доме; а для его прожитка он может назначить сумму из доходов с имения умершей жены его, состоящего из пятидесяти душ. Решившись привести в исполнение свое намерение, дед мой вспомнил, что во время военной своей службы видел он под Воронежем по реке Дону привольные места. Он поехал туда, сыскал и купил поместье над самой рекой, близ бывшего города Костенска. В Курск возвращался он только на короткое время, чтоб продать свое имение для покупки нового; из деревни умершей жены взял он одно семейство дворовых людей, и из крестьянских осьми дворов по одному мальчику. Теперь это покажется странно, но тогда еще был век татарщины: даже до 1820 года продавались дети от родителей поодиночке. Приехав на Дон, дед отдал этих восемь мальчиков в работники. Будучи в новой стороне решительно один, от скуки и по грубости тогдашнего века, дед мой, чтобы утопить горе, предался разгульной жизни, убивая на это все остатки денег от заключенных за поместье и все доходы от розданных в работники людей и за землю.

При такой жизни дочь, разумеется, была забыта. А свояк его вместо попечительности о сироте, будучи характера алчного к прибытку, составил план к удержанию в своем владении ее достояния, – не давать ей приличного воспитания. Удобство к такому злему умыслу вскоре открылось: скоро жена его, тетка родная матери моей, померла. Белевцов чрез год женился на другой; мать моя подверглась общей участи сирот при мачехе. Она не имела ласки, и дворовым детям оказываемой; ее ничему не учили. И потому бабка ее, хотя по проискам зятя жившая в удалении в бедной хижинке, решила освободить ее из великолепных палат зятя. Она тайно увезла мать мою в свой маленький домик, всего в двух комнатах заключавшийся. Это похищение было произве-

дено в ночное время. Наутро, узнав о том, Белевцов, хотя и ловкий был человек, и тотчас произвел погоню с большим числом холопов своих, дабы насильственно отнять жертву свою; но настиг ее только в доме бабки, своей тещи, которая успела о том предvarить соседей своих, а они, зная лично корыстолюбивость и несправедливости Белевцова, защитили ее и не допустили отнять сироту-внуку. Когда последней минуло уже лет 10, бабка, помышляя о будущности, потребовала было от зятя принадлежащего внучке ее, и грозила жаловаться начальству; но он, Белевцов, употребил хитрость. Во-первых, сам предvarил начальство бумагою, что теща его увезла из дома его племянницу, оставленную отцом на его воспитание, а как она, теща, безграмотная и потому не может дать приличного дворянке образования, поэтому просил возвратить ее на его попечение, так как и мать ее была в его же доме воспитана и выдана в замужество; и 2-е, вытребовал к себе свояка, и представя ему, что если допустить формальное судопроизводство на жалобу тещи, то как он забрал из имения людей и за всю свою указную часть из оногo взял при отъезде тысячу рублей, в чем и запись какую-то дал, то и надобно будет возвратить всех тех людей в имение, а он останется без всего, да еще положат с него взыскание за провладение взятыми людьми, на что оконфискуется купленное им в Воронеже поместье. По слабости характера, по нелюбви к нему тещи, дед мой не надеялся быть распорядителем имения дочери своей, если оно и выделится от Белевцова. Это опасение и привычка к разгульной жизни, при обещании любезного свояка из дружбы присылать ему ежегодно по сту руб[лей] и дача такой суммы вперед, заставили его подписать приготовленную Белевцовым просьбу против тещи, в которой изъяснял он, что он воспитание дочери своей вверить бабке ее не может, а за отсутствием своим в Воронеж поручает его и имение, ей принадлежащее, свояку своему, как воспитателю и матери его дочери. Открытая жизнь Белевцова и чрез то связи его со многими лицами жалобу тещи оставили в бездействии и грозили еще ей отнять внуку и передать ее в дом Белевцова. Бабку напугали до того, что она умолкла из опасения лишиться единственного оставшегося для нее утешения. А отец моей матери, усиленным ему окладом от свояка роскошествуя еще более водкою и наливками, не долго жил: в 1780 году он помер. Тогда корреспонденции за 300 верст были у нас трудны, и потому чрез год только прибыл один из слуг покойного с извещением о смер-

ти своего господина. Хотя старики и хвалят прошедшее время, но, кажется, это потому, что настоящее их не может веселить. За 60 лет, т.е. в 1790-х годах, отправляясь в дорогу за сто верст, непременно вооружались оборонительными орудиями, дубинами в роде цепов, каковые я в детстве в исходе минувшего столетия, еще помню, видел у себя в сараях, хранимые как дорожная принадлежность. Бабке моей было под 80 лет, а внучке ее, моей матери, только 12 или 13 лет, – одна стара, другая мала, – что могли они предпринять при бедном состоянии и несбережении умершим гулякою ни копейки денег! Прошел и еще год в размышлении, как ехать. Добрый дядюшка, вызывавшийся быть воспитателем, не давал ни гроша из опасения, что когда заведутся деньги, – могут завести и дело об отобрании имения. Был неурожайный год, и бедность до такой степени довела бабу с матерью моею, что им присылали хлеба сострадательные соседи, зная, что купить не на что. Белевцов ничего не присылал, оправдываясь тем, что не хотят жить в его доме! Впрочем, и бабка к нему просить не посылала, решаясь лучше терпеть голод, чем получать помощь от жестокосердного свойственника. Матери моей минуло 13 лет. В это время возвратился из Петербурга один из небогатых соседей-родственников и однофамилец бабки, молодой подпоручик Аникий Бартенев, родословная которого вначале описана. Ему предложили войти в положение бедного семейства: чрез год, когда исполнятся сироте лета замужества, жениться на ней, до того ж времени поехать осмотреть оставленное покойным Долженковым под Воронежем имение. Он согласился. Приехав туда, нашли господский двор с большим садом над самой рекой Доном. По приезде на двор 80-летняя бабка поражена была изумлением, увидав, что около дома все притворы окон приперты были костями[†]. По набожности и старообрядчеству, она, назвав это грехом и соблазном, не прежде согласилась войти во двор, как постаскали со двора эти допотопные древности, ныне редкие: это были слоновые и других допотопных зверей-великанов кости; на другой день приказали вырыть яму поглубже и засыпали их землею. А проказник дедушка совсем не для греха и соблазна, а так, от нечего делать, и для антика, усмотрев под двором, на берегах реки Дона, огромные кости допотопных животных, тогда бывшие во множестве, из которых были берцовые до 3 аршин, – натаскал их на двор, об-

[†] О Костенске и множестве находившихся там костей см. у Ев. Болховитинова стр. 99. – Ред.

ставив дом, чтоб задавать страх суеверным бабам, – они, проходя мимо, крестились, а он смеялся!

В господской экономии нашли только одну лошадь да несколько коров молочных и птицы. Земли крепостной пахотной до ста десятин, – половина из нее оставалась всегда впусе, или отдавалась сторонним людям, по ничтожной тогда бывшей цене от малолюдства! Кроме семейства дворовых людей, – восемь человек молодых крестьян, взятые из Курска и розданные в работники, хозяева их, представляя наследнице, сняли с некоторых верхнюю одежду, от них им данную, и оставили в одних рубашках. Но при таком расстройстве хозяйства, хотя один соседний помещик вызывался купить имение, – бабка, сколько по озлоблениям ее зятя Белевцова, не желая близ него оставаться, столько же по приятности местоположения над рекой Доном, прекрасной там рыбы, – единственной ее роскоши в пище, ибо она пред тем, как исполнилось ей 70 лет, перестала употреблять мясное, склонила отца моего, как жениха наследницы внучки ее, переехать с нею навсегда жить в это поместье. Возвратясь в Киев [Курск?] и совершив брак, забрав семейство крепостных людей, доставшееся отцу моему по разделу с братьями, другое собственное бабки, взяв четырех девок и денег сто руб[лей], данных Белевцовым моей матери, с таковою челядью, багажом и скотом, отец мой с молодою женою и с престарелою бабкою в 1790 году отправились из Курска в Воронеж, как бы в обетованную землю.

Мать моя с бабкою забыли прежнее горе, наслаждаясь настоящим счастьем с новым их путеводителем. Белевцов обещался, впрочем, во всем аккуратно разделиться. Лет чрез десять, когда для этого собственно ездили в Курск, Белевцов уже помер. Три сына его разделили имение, и из них один, старший, семейный, был на лицо, а двое в гвардии. Этот наличный из наследников, чувствуя несправедливость своего отца, сам предварил мать мою о ее части, с своей стороны предложил ей взять крестьянский двор, присовокупя, что только по отсутствию братьев не может и с их частей того ж ей предоставить, просил ее повременить. Мать моя, видя, что при большом его семействе и роскоши он уже затрудняется в жизни, не решилась от него больше требовать. При вторичной же поездке нашли этого старшего брата владельцем всего имения Белевцовых, заключавшего в себе до 400 душ: два другие брата пошли в монахи. Владельца угнетали сильно долги; ибо братья, надев черную рясу, хотя и отдали ему

имение, но обложили на содержание себя взносить по несколько тысяч, да воспитание детей много стоило. Он по-прежнему мать мою принял ласково. Одну из дворовых девок она только похвалила. Белевцов сказал: “Она твоя! возьми ее вместе с братом, – прекрасный мальчик, лет 16, музыкант на скрипке; будет забавлять детей”. Но вечером приехал брат-монах. Он застрашал дядю, сказав, что этим дает мысль сестре – матери моей – на права ее из имения. Наутро, не выдавшись с матерью моею, он рано уехал и увез мальчика. Мать мою поразила наследственная алчность этого второго брата-монаха. Она могла бы сказать, что она права свои знает, и что удерживает ее от иска не сомнение в правах, а ласка старшего брата и всегда выказываемая готовность поделиться, и притом видит, и что и многого ему уже недостает, а ее Бог благословил, нужды не терпит. Но тому, кто знает, что незаконно отцом удержано, и не отдает, – позорно, особенно отрекшемуся от мира предосудительно: видно, он надел черную рясу не в знак смирения, а как бес в черном цвете всегда с черными думами. Но мать моя имела нежное сердце, с нуждающимися всегда была готова последним поделиться, не злопамятна, а потому и оставила это, как будто не слышала. При отъезде семейный брат Николай, отдавая девку, извинялся со слезами, что мальчика по обстоятельствам отдать не может – брат увез! Вот судьба наследства моей матери – половины из девяноста душ по 5 ревизии с землею 800 десятин.

II.

Отец мой всего себя посвятил на устройство экономии. Имея добрую душу, он не настаивал, чтобы мать моя завела процесс о наследстве; может быть, удерживала его от этого и отдаленность жительства. Когда я достиг совершеннолетия и, узнав об алчности и жестокосердии моего дяди Белевцова, просил мать мою дать мне уверенность на иск, она не согласилась, отозвавшись решительно: обидевший ее давно помер, а теперешний владелец, двоюродный брат ее, получил часть как бы куплею от других братьев взносом значительной суммы денег, и притом хотя немного, но возвратил ей, чего она забыть и доводить его одного за всех до беспокойства не может. Отец мой, соглашаясь с нею, добавил: богат человек не по доходам, а по расходам, надобно только бояться не иметь необходимого; а с них и на воспитание нас достаточно; если ж хочешь быть богатым – трудись сам больше, Бог не

оставит. При таковой доброте сердечной, отец мой, могу сказать, уподоблялся в миниатюре великому преобразователю Петру I-му. С неутомимостью во всех отраслях хозяйства по сельскому быту испытывал он и узнавал все ремесла, и приучил крестьян и дворовых работать все – как то: бечевы, вязать сети и ими ловить рыбу, зимой куропаток. Плотничные и бондарные поделки, телеги, сани дельвались у него своими людьми, и сам он присутствовал при том неотлучно с топором или пилюю. Свечи сальные и восковые выделывались также дома. По образцам носимых платьев, не только дворовым людям, но и детям сам кроивал и все шилось дома; сапожник и башмачник свой; масло постное выбивалось дома и из своих продуктов. Словом, он беспрестанно или смотрел за работами крестьян в поле, на гумне, на дворе, под сараем или в комнате, наблюдая за благоустройством не только в своем господском доме, но и в крестьянских дворах. Он прощал убыток ему нерадением человека сделанный, но нерадение крестьянина о собственности, – худобу строений и скота крестьянского – им не спускал и даже побуждал к тому иногда не очень вежливо – палкою, даже погонялкою коней. Как теперь помню, однажды летом после дождя, проходя со мной по улице, увидел он у мужика раскрытый угол избы. Он взшел на двор, где представилась еще похилившаяся анбарушка. На вопрос хозяину: отчего у него неисправно накрыта изба, тот отвечал, что некогда – время летнее, все работают на поле! – А анбарчик почему не перестроен? Ответ: надобно прикупить леску, а денег-то лишних все нет! Тогда отец мой еще спросил крестьянина: сыновья его приезжают ли домой ночевать? – Вестимо, не в поле же, там волки съедят! Отец мой: я не хочу, чтоб вас кого-нибудь ели волки, но почему ж утром, прежде чем выедут в поле, не прикрыли этого угла, подверженного дождю и гниению напрасно? да и ты сам мог бы с бабами это исправить по возможности; ну, не правду ли я говорю? Мужик: оно хоть и так; конечно бы можно, да откладывал, когда будет посвободнее. – А вино к праздникам ты покупаешь? Крестьянин отвечал: как же без него обойтись! вестимо, ведерку, иногда и другую; но уже больше-то никогда, разве случаем свадьба; сам знаешь, что мы не пьяницы. Отец мой: верю, но, однако ж, не лучше ли было прежде покупки водки, когда заведутся деньги, наперед купить лесу да исправить строение; не веселей ли бы тогда было выдти тебе на двор, и не больше ли похвалил бы тебя тогда приезжий гость? Мужик: ну конечно! да от заведенья отстать не хочется!

Отец мой: следовательно, ты соглашаешься, что я говорю резон; а потому, дабы ты не позабыл его и впредь непременно исполнял... После этих слов отец повел его под сарай, и там снял погонялку ременную, велел прилечь наземь, да так отвалял его, что я от страха ушел со двора.

При таком обращении, которое филантроп назовет варварством, крестьяне жили и остались в примерном для всех соседей благоустройстве, зажиточности и поведении. А когда отец мой сыскал было верст за 400 на Волге имение с большим количеством земли и хотел здешнее малоземельное продать, то крестьяне, узнав об этом, пришли все и со слезами и на коленях стали просить, чтоб он их не оставлял, а взял бы их хоть в Орду, да только бы с собою. Таков точно отец мой был и в отношениях к сторонним. Соседи его любили, и казенным поселянам в нужде не отказывал он ни в чем. По смерти его некоторые приходили к матери и, принося долги, о которых мы не знали, говорили: дай Бог покойному царство небесное! В гражданскую службу он ни в какую не вступал, потому что считал за грех извлекать пользу на счет ближних. Не избегал совершенно повинностей по званию дворянина: двукратно был комиссаром во время рекрутских наборов для сбора и раздачи рекрутских складочных денег, и в этой должности помер.

Неутомимым и личным участием в трудолюбии довел он крепостных людей до такого совершенства, что ни один не отзывался неумением. Развел конный завод голов до 50, коров столько же, овец до 200, пчельник до ста колодок, и все это при десяти тяглых крестьянах и трех человек дворовых, не нанимая сторонних работников ни одного. Иной не поверит, но это так было. Крестьян старался он содержать в достатке, а дворовых тепло одетых и сытых; следствием этого был, конечно, доход денежный небольшой, но как и расход сокращался домашним производством почти всего, поэтому отец и мать моя не токмо без долгов жили, но и ежегодно имели остатки, хотя и небольшие. Мать моя не уступала отцу в хозяйстве: она неусыпно наблюдала по дому, за огородными овощами, за сборами молочными, и притом занималась рукоделием неутомимо. Все это при небольшом имении поставило их впоследствии в возможность выдать замуж четырех дочерей, дав каждой тысячи на три, без займов, и поставив соседям в пример зажиточности и благонравия крестьян своих. Эта завидная чета жила на завидном месте, как бы поощрявшем ее к неусыпному

хозяйству и трудолюбию, над рекою Доном. Эта река ныне от заселения и времени в 60 лет моей памяти много изменилась: берега обнажились, леса, которых тень не давала ветрам уносить из лона ее влагу, большею частию истреблены жадностию людей, не знающих меры довольства, или не хотевших поддерживать жизнь в природе.

Над самым берегом этой прекрасной реки произошел я на свет 1792 года, марта 9 числа, как мать моя рассказывала, на рассвете, при первых лучах ясного солнца на безоблачном небе. Я был первенец. Детства своего я не могу помнить. Как мать моя рассказывала, я был нравом довольно тих, будто бы пригож и смышлен; но ведь это воображение матери; а мало ли поэтов и прозаистов, которые своими детищами иногда восхищаются до такой степени, что даже уродцев отправляют торжественно на Геликон! Меня любили, ласкали, особенно прабабушка, о которой уже говорено было, воспитательница матери моей, имевшая от роду за сотню лет. Она не иначе меня называла, как полковником. Но двухлетний ее полковник едва не погиб от горшка молока. В один летний день дали мне ягод. Бывшая моя няня из усердия предложила к ним сливок, и для того отправилась со мною в анбар, где по старинному обыкновению, к стене на земле был коник, куда ставились молочные сборы. Коник накрывался дубовою огромною доской, каких ныне, из экономии и по редкости огромных дубов, уже не существует. Доска была вершка в три толщины и аршин ширины и поднималась только, и то с большим трудом, сильною женщиною. Когда няня моя подняла ее и, прислоня к стене, начала снимать с горшка сливки, я взлез на конец коника, на брус его, придерживаясь ручонками, а голову положил на другой боковой брус. Няня моя, не видя этого, опустила по-прежнему плечом крышку. Оглянувшись, она увидала, что только одни мои маленькие ножонки дрыгают, а сам я, будучи сдавлен, особенно голова, уже не кричал. Освободив меня, няня произвела крик. Меня вынесли на воздух и, качая на руках, привели в чувство. Через год после еще происшествие: когда было мне три года, весною утром был я у крыльца, и, увидав шедшего с реки гусака с гусынею, я вздумал подразнить их бывшим в руках моих прутом, но уронил его и не умел еще поднять. Гусак, подобно змее злобной, бросился на меня, впился в лицо, опрокинул и клевом своим перервал мне губу и веко над глазом; шрам на губе остался навсегда. Еще три происшествия: в пятилетнем возрасте напал на меня бык, и

хотя был он комолой, но, повалив, измял меня головою почти до бесчувствия. На шестом году возраста, в гостях у родственников я вышел на крыльцо. Дверь за мной затворилась на щеколду. Увидав на дворе огромную, черную, косматую собаку, которая с лаем бежала на меня к крыльцу, я хотел уйти в сени, но достать щеколды дверной по росту моему не мог; не видя сторонней защиты, – от страха быть растерзану, я упал без чувств. Собака не тронула, но меня подняли и внесли в комнату в беспамятстве. Все такие случаи, хотя родился я совершенно здоровым и крепким, развили во мне робость, так что и ничтожный предмет, но неожиданный, всегда приводил меня в ужас до беспамятства. Например: лет семи уже я был, как в одно тихое приятное летнее время, часов в 6 пополудни, игравши при матери моей на крыльце, обращенном к саду, я взял за руку полторагодовалую мою сестру, только начавшую ходить и отправился с нею в сад. Яблоки уже выспели и обыкновенно после полуденного зноя некоторые сами сваливались. Подошедши под яблоню, я указал малютке сестре одно красивенькое яблоко, чтобы сама она подняла его. В эту секунду из близ находящегося густого вишневого куста поднялся большой коршун с жертвою, им задранною, в когтях. Испуганный моим голосом, с пронзительным писком и хлопая крыльями, он пролетел почти надо мною. Напуганному воображению моему представилось, что это был человек темный, странный. Как теперь помню, у меня в глазах заискрилось и я, схватив маленькую сестру на руки, добежал с ней до крыльца и упал без чувства у ног матери. Через несколько минут только мог я объяснить причину испуга; и хотя мать уверяла меня, что пролетел надо мною не человек и не страшилище, а птица большая, коршун, я не верил и гнавших на двор из-за сада скотину пастухов расспрашивал: не видели ли они страшного человека, летевшего? Стечение таких многих случаев способствовало к развитию во мне лунатизма. Будучи лет пяти от роду, ночью сонный я один бродил по комнатам, отворяя и затворяя двери, находил букварь учебный, и с ним в руках где-нибудь засыпал. Вышеобъясненные испуги произвели еще то, что во сне представлялись мне разные ужасные видения: страшилища, звери; иногда змеи будто устремляются на меня, я кричу, призываю на помощь и умоляю, чтобы защитили меня. По осьмому году, в ноябре, в день Наума пророка, по преданиям старух, что в этот день заученные бывают умней, – меня заучили со всеми обрядами: призвали сельского попа и с ним родители мои

испрашивали благословения свыше. Заучили меня по старинному букварю, выговаривая не а, бе, ве, а аз, буки, веци и т.д., что ныне кажется смешным. В несколько недель добился я до складов: Аз – Ангел – Ангельский, Архангел – Архангельский. А потом в месяц и в два выучил наизусть на целый век слова: “Будь благочестив. Уповай на Бога и люби его всем сердцем. Государя своего почитай, и повелениям его повинуйся. Не желай того другому, чего себе не хочешь” и проч[ее] тому подобное, в старых букварях помещенное. А в год выучил все молитвы Часослова и писал малые и прописные буквы каракульками, как сами родители мои умели. Потом они отдали меня к соседу за несколько верст, у которого по большому семейству был нанят учитель, отставной сержант, происходивший из духовенства. Добрый он был человек и усердный учитель; но имел слабость, чрез которую, может быть, и переделся из широкой ризы в узкую солдатскую одежду: бывал временами подвержен пьянству. Когда накопятся у него деньги, а иногда и без денег, уйдет он со двора, и, стыдясь ли собственной слабости, или боясь, что лишат мнимого удовольствия, укрывался в питейных домах, переходя из одного села в другое, пока не отыщут посланные и дня чрез три, бывало, приведут его в одной рубашке. Всякий раз, вытрезвляясь, он признавал, что это худо. Делал зарок и по-прежнему сбивался в рассудке. Во время своего разгула нашли его однажды на берегу реки мертвым.

В один из воскресных дней, свободный от учения, он прибыл в дом мой. Родители прямо из церкви от обедни, по известной привычке его к водке, хотели поскорее угостить. Но не был еще готов пирог; когда он сам напомнил, что время бы закусить, я, увлеченный и чувством вежливости, и долгом угостить учителя водочкою, побежал сам в кухню проведать о пироге. Кухня была от покоев чрез одни сени; лишь только подошел я к двери кухни, женщина, уже склавши в лоток пироги (ибо их напекалось по воскресеньям много на несколько дней), в момент моего подхода к двери и прилаживания к ней левым боком, чтобы достать ручку дверную, всею силою корпуса толкнула на всем размахе эту дверь и ударила меня в голову, так что я противоположным боком ударился об пол. Я помню доныне, как подошел к той роковой для меня двери и старался достать скобку, но ударом лишился чувства, и уже опомнился лежа в постели, которую окружали отец и мать с учителем и домашними; у меня шумело в голове, и из одного уха вытекло несколько крови.

Хотя по молодости я тогда и перенес этот удар, но думаю, он был причиной впоследствии повреждения у меня слуха и головной боли.

III.

На 10-м году меня отвезли в губернский город учиться в бывшее тогда главное народное училище, единственное в губернии; поместили на квартиру, в дом секретаря уездного суда; но он скоро умер, и меня перевели к другому чиновнику, семейному же, человеку добрейшему. Но хозяйка иногда выказывала характер пренесносный: за пустяки рассердится – и святых неси вон! ничего не примет в резон, и злится до слез. Однажды, как помню, случилось это с ней поутру: не те чулки подала девка; вынуты другие, но и за эти она подняла крик. Муж, желая укротить ее, проговорил: ну, не все ли равно! она ту же секунду отпалила: для тебя равно, а для меня так не одно! Девку по щеке, а на мужа посыпалась дробь с пылью: какое ему дело вступаться не в свои дела и проч... Тот, накинув шлафор, ушел в сад; хозяйка пошла в столовую комнату, где стоял уже на столе самовар, прикрытый крышечкой. Она прикрикнула на девку: почему не кипит! та, сняв со стола самовар, хотела поставить на пол, чтоб удобнее раздуть уголья, но хозяйка в нетерпении шумя, что девка не знает своего дела, толкнула ногою под руки девку, самовар повалился; надобно было вновь разводить. Я учил урок, и чтобы избавиться развлечения, последовал за хозяином в сад. Но когда вторично закипела вода в самоваре и подали его на стол, хозяйка подняла снова такой шум, что нам в саду было слышно. Муж ее, взяв меня за руку и шуточно проговорив: слышишь! пойдем поскорее! ввел меня в комнату, и, желая как-нибудь укротить бурю, промолвил: давай-ка нам чаю, пора идти мне в палату, а ему (указав на меня) в училище; но вместо укрощения хозяйка вдруг закричала, что ей остается только умереть с огорчения, что ее всегда ежеминутно оскорбляют капризными обвинениями, унижениями, например, теперь будто она виновата, что пора идти к должности, а еще чаю не пили, но этому нисколько она не причиною, а всему виною он, муж ее – олух!.. Между тем наливала нам чаю – сухую воду; и хотя на столе был хлеб белый, которого обыкновенно давался мне ломоть, но на этот раз, так как хозяйка задвинула его сахарницею и собою, поэтому я остался без хлеба. Вообразите мое положение! Привычка да, кажется, и сама натура детей требует что-нибудь

позавтракать! Я должен был идти, выпивши только чашку теплой воды! Взяв сумку с книгами и тетрадями и проходя под окошком дома, у которого сидел хозяин, я взглянул на него. По природной доброте его души, он понял меня, позвал обратно на двор и под предлогом, что имеет надобность передать чрез меня нечто учителю, вышел на крыльцо и, притворив дверь, чтоб никто не видел, сунул мне в карман елнец пирога, уж не знаю, как и где он достал его. Может быть, читатель рассмеется, что я описываю такой ничтожный предмет; но я пятьдесят лет это помню: не презент, а внимание этого человека было мне дорого.

Из этого дома, не упомяну почему, перевели меня на 3-ю квартиру к чиновнику же, а прямо сказать к чиновнице, Уст. Ив. П. Муж ее служил, но был человек пьяный, потому весь дом зависел от хозяйки; она была благородного происхождения и нежных правил женщина. Кажется, порочные люди в пренебрежении у всех, и должно каждому их гнушаться; но я видел исключение: муж моей хозяйки, вполне горький пьяница, не могший копейки удержать в кармане, так что жалованье присылавали в дом со сторожем, пропивавший с себя платье, и неоднократно уносивший с жениных образов оклад серебряный в кабак, был не только между соседями принимаем, но и в доме своем несколько даже любим; вот этому причина: когда он был непьян, то и у должности прилежен, по дому приборчив, работящ, приветлив и словоохотлив. Он имел отличную способность ловить рыбу. Он имел свою лодку, на которую и в пьянстве посягал ездить по реке верст за десять, и возвращался с полными карманами рыбы и раков. Дом их был на берегу реки, и он, возвращаясь с рыбной ловли, всегда удачной, доставлял всем домашним удовольствие выбирать из лодки рыбу и живых раков. Лодка была так устроена, что оба носы ее, имея кормы с крышками и повернутые дыры, переменяли сами собою воду, и наловленное в лодке жило как бы в реке. Тогда давались обеды соседям, и все мирилось с пороком хозяина, а главное, он в пьянстве не терял кротости характера и на выговоры жены, с признательностью в виновности, предоставлял, бывало, право наказывать себя. Я и еще два соученика мои, родственники хозяйки, тотчас, бывало, принесем порядочную палку; но эта женщина хоть и плачет от досады позора, однакож не употребила во зло своих прав: все кончалось ласкою и миром. Хозяйка была необыкновенная женщина: при красоте наружной она имела добрую, нежную душу и была уважаема как родными, так и сосе-

дями. Будучи бездетна, она всех детей любила с нежностью матери, а ко мне выказывала ласки и доверенность более, нежели к жившим у нее вместе со мною родным ее, моим ровесникам. Этому была причина: они были ребята добрые, но один из них, брат ее, грубоват, а другой, племянник, довольно острый мальчик, но спорщик и хвальбишка. Еще жил с нами третий мальчик из богатых дворян, не дурак, но и прегрубый и ленивец.

Из означенных моих трех сверстников один, вышел в офицеры, водворился в деревне, и службы боится пуше холеры; второй пошел поверенным по откупам, женился на прекрасной женщине, имеет детей, нажил большое состояние, но жизнь проводит невоздержно. Третий записан был в какую-то канцелярию, до получения первого чина коллеж[ского] регистр[атора] жил в деревне своей порядочным хозяином, но в обществе нельзя было видеть его без отвращения, по небрежности к себе и ко всем; к себе – тем, что в самое благороднейшее собрание приходит худо одетым и пьяным, а к другим – наговорит всякие грубости и дерзости.

В народном училище, где обучался я, было четыре класса и только пять учителей, а учащихся до трехсот человек. Науки преподавались почти все, какие ныне в гимназиях: разность в том, что тогда и ленивые, если высиживали в классе по два года, оканчивали набивку головы своей в восемь лет, следовательно, в 15-ть или 16-ть лет оканчивался курс учения. С 16-ти лет поступал каждый на поприще службы – статской или военной. По молодости и мягкости еще сердечных наклонностей, без большого труда, приучались применяться к обязанностям и повинению старшим беспрекословно. Конечно, при нынешнем образовании, когда кончить курс в гимназии, т.е. пройти 7 классов, надобно времени по крайней мере 10 лет (?), да еще в университете лет 5, и когда молодой человек сам избирает по своим наклонностям службу, менее ошибок к тому, чтобы идти каждому по своей дороге; но едва ли можно определительно сказать, что для человечества выгоднее? До 25-летнего возраста читать книги и заниматься только словоприемом и сочинениями, больше на теории основанными? Великие гениальные люди выходили не из одних, кончивших курс университетский, а большею частью из таких, которые молодыми вступили в практическую жизнь. И в мой век знаю человека (уроженец барский, фамилия Наласкин), который, по бедному состоянию родителей кончив только курс уезд[ного] училища, потом записался в канцелярию 14-ти лет, где был усердным писцом,

потом правителем канцелярии уезд[ного] предводителя. Квартиру у меня в доме, он купил на третью часть своего небольшого жалованья русско-французский словарь, успел выучиться французскому языку, потом высшей математике, алгебре, и перейдя на службу в Москву, и слушая лекции в университете, выдержал экзамен, получил степень доктора юридических наук и теперь богатый человек, потому что вместе с занятием науками трудился существенно и руками. Но знаю я и такого господина, который, кончив курс в университете со степенью магистра в 25 лет, явился к отцу чудом воспитания, удивил и очаровал всех соседей. Отправясь в столицу, он получил место штаб-офицерское; но, привыкший мыслить по книгам и математическим линиям, упорно и по студенческим правам не уступая учителю, он и при вступлении в свет хотел быть аристократом. Не признавая никого умней и лучше себя, он мыслил, что везде должны его уважать. Раз на бале, в собрании, заметил он хорошо танцующую дочь товарища правителя области. По всем математическим соображениям признавая и себя достойнейшим партнером, в самоуверенности, что ему познакомиться легко, достаточно открыть свое имя, он подходит к девушке, заводит разговор, и когда загремела музыка, просит ее танцевать. Положение девушки было не без затруднения: это не в танц-классе, а в торжественном собрании, где строго должен соблюдаться этикет. Не будучи уверена в благородном происхождении этого господина, она решилась отказать, отозвавшись по безотчетной ли небрежности, или детской резвости, что больше не танцует. Но когда подошел к ней знакомый кавалер, она пошла. По окончании танца, философ вторично подходит к ней с изъяснениями прискорбия, что она так молода, а уж неправду умеет говорить: ему отозвалась, что не танцует, а с другим пошла. Тут обступили их: подошел отец девушки, она, подстрекнутая гордостью отцовского достоинства, наивно отвечала франту, что удивляется требованию в поступках ее отчета – она не знает его и не желает знать! Тогда он, встретив много обращенных на него взоров, из коих некоторые были не без насмешливости, решился заставить узнать себя, чтобы другие не могли над ним смеяться: подступив к девушке, он дал ей о себе знать легкой пощечиной! Дело кончилось тем, что его ту же минуту арестовали, судили, и присудили, для сохранения чести девушки, признать его помешавшимся в рассудке, выслали в деревню под надзор в дом, в котором я первоначально учился. Он сделался в характере похож на

быка с кольцом на морде: молчал, уединился, а иногда проказил; а как отцовское состояние было небогато, то и жизнь его была самая горькая. С учителем нашим, хотя оба они были из ученых, ладу не было: потому что один в духовной семинарии, а другой в светской академии и набирались духа мудрования разных покров. Академик пренебрегал семинаристом; а тот говаривал ему: когда бы в университете и академии поменьше лет пересыпали из пустого в порожнее, а приучали бы к подчиненности; то и он был бы счастливым сержантом и учителем, а то долгое словомудрие за всем готовым, даже мыслями, сделали его не способным к перенесению какой-либо обязанности, а дисциплине же и поминать тут нечего. Этот студент-академик произвел неприятное влияние на мысли отца моего в отношении ученых: отец мой, мало ученый, подумал, что если б сосед его меньше учился, то был бы счастливее; а потому не дозволил мне учиться иностранным языкам и звездочетству, по его словам – чтобы не вскружить головы. Опишу теперь нахождение мое в народном училище.

IV.

Приехавши в город, отец мой представил меня учителю 1-го класса. Наружный вид этого учителя и голос были скромны и привлекательны, обращение тихое. Я принялся за уроки со всею ревностью, и как был уже подготовлен, то в оставшиеся до каникул 8 месяцев оказался вполне знающим все предметы первого класса. На экзамене дали мне похвальный лист за благонравие, прилежание и успехи, и перевели во 2-й класс. Там учитель был другого разбора – г. З[еновьев]⁶, строгий в полном смысле, назидательный до неимоверности: из ста учеников своего класса он каждого знал даже наклонности. Главные предметы этого класса и его преподавания были: пространный катихизис, священная история, грамматика, чисто-и-правильно писание по-русски и по-латыни; хотя латинскому языку и не учили. У учителя 2-го класса преподаваемым им предметам невыучивались только сушие лентяи, да неспособные к понятию. Он их отсаживал на задние столы; на первых же учились дети лучших фамилий и собственное его, учителя, семейство: два сына и две дочери⁷. А за средним столом сживал с краю отличный по понятливости и поведению ученик; он назывался у нас просто *запищик*. До прихода учителя, или во время отлучки его из класса в свои комнаты, в том же корпусе бывшие, этот запищик наблюдал за благонравием и тиши-

ною в классе. На черной доске, висевшей пред глазами всех учеников, записывал он шалунов в два ряда крупными литерами, в красной строке обозначавшимися словами: *шумели, дрались*. Под эти красные строки всякой день вписывалось более десятка фамилий. Всякой раз, бывало, учитель наш, при входе в класс, по встании для него с мест всех учеников и по прочтении молитвы, идет прямо к черной доске; если не случалось записки, то, с недоверчивостью посмотрев на запищика, начинает преподавание предметов, спрашивание и объяснение уроков. Терпение его было неимоверно: без преувеличения можно сказать, что в классе его не выучивался только тот, кто нигде и никогда не мог ничему выучиться; но многие, вместо благодарности, его не любили; эти лентяи называли его *палочником*. И правду сказать, он ведь бивал жестоко, да и прилежным не попускал шалости: всех попадавшихся в записке на черную доску наказывал линейкою по рукам так, что, бывало, распухнет ладонь. Благороднейшее наказание за шалости и неприлежность – ставить на колени, на полчаса и час, смотря по вине, меньшей: на той же, лавке, где сидит за столом, а большей – посреди класса. Это наказания не избегали и его хорошенькие дочери, из которых одной уже было лет четырнадцать, и которую прямо из класса выдали замуж. Учился я прилежно, и хоть был не без резвости детской, но осторожен, и потому за лень и шалости не подвергался наказанию; не избегнул, однакож, строгости этого учителя. На другой год учения в этом классе я удостоился звания запищика. В одно послеобеденное занятие учитель, по обыкновению, в час пополудни войдя в класс и молитвою открыв учение, удалился в свои комнаты по случаю бывших у него гостей. Детство и с ним неизбежные резвости в такой многолюдной семье (100 человек), собранной в одной зале без глаза и уха учительского, не вытерпели: сначала обыкновенно кто-то толкнет близидящего, тот передает толчок соседу, а этот иногда, если писал, неизбежно портил свою тетрадь, или, читая и будучи не в духе, сердился и по детски отомщал. Товарищи начинали подсмеиваться, завязывался легкий говор, потом превращавшийся в совершенный шум, подобный крику скворцов. Чтобы иметь предлог встать с места или походить по классу, мальчики суются к запищику починить перо, и вот подымается порядочный гвалт по смежности комнат учительских. Для укрощения его сам учитель неоднократно по обыкновению к законопаченной двери и стучал кулаком; это производило магическое действие: в ту же секунду

водворялась совершенная тишина, но ненадолго; почти всю огромную черную доску я исписал именами шалунов, так что учителю много было бы работы отсчитывать удары по рукам линейкою. К отвращению большей раздражительности учителя, я решился предложить, что если не будут шуметь, а станут в молчании заниматься учением, то сотру всех записанных. Все встали со своих мест и дали слово, многие крестились. Я вытер доску губкою, которую положил на учительский стол. Но минуты чрез две, двое из отъявленных шалунов, Митрофановы⁸ дворяне, которых всегда рассаживали по разным столам, вновь подрались. Я вновь их и записал, потом еще человек двух-трех, не утерпевших пошуметь. Как теперь помню, в 2 часа входит учитель с миною недовольною и прямо к черной доске. – Ну, так! дрались М. и М.! шумели N, N и Б.! Это вечные шалуны, не дают мне покоя, а уроков не знают! – Сказавши это, он взял линейку, отправился к ним и начал с жестокостью задавать им удары. Один из шалунов виновных, получа удар, другой, не в состоянии был подставить ладонь для третьего, но учитель требовал ладони, иначе грозил розгою, приговаривая, что он обязан всячески останавливать резвости, что они одни (т.е. эти шалуны) позорят весь класс шумом, во всеуслышанье даже гостей, бывших у него. Нет виновного, который бы не хотел оправдаться – так и этот шалун на слова учителя, что они позорят класс, сказал: не одни мы шумели, а многие! вся доска была исписана, но Бартенев стер, а их только одних оставил записанными: извольте хоть спросить на первых столах! Эти два стола были точно оппозиция шалунам: на них, как выше я сказал, сидели дети лучших фамилий, или таких, которые жили у учителей дома пансионерами. Учитель обращается наперед ко мне; я молчу; он спрашивает на первом столе и узнает, что точно было записано много, но стерто. Тогда он в запальчивости своей идет ко мне, 14-тилетнему надзирателю, и, проговорив, что он, оставляя класс, полагался на меня, а я потворствую, теперь держи же руку сам за всех! Нечего было делать! я протянул и от удара линейки, раздавшегося по всему классу, ладонь моя загорелась. Без привычки я спрятал ее за спину, и на все приказания, чтобы ту же руку подал, я не в состоянии был этого сделать. Тогда учитель заставил меня подставить другую ладонь и дал другой удар. У меня искры посыпались из глаз; вдобавок на три дня последовало исключение меня из запищиков. Руки у меня без привычки к ударам так болели, что дня два я едва мог писать. Горько мне было напрасно тер-

петь; но я не сердился на учителя и любил его по-прежнему, потому что, хотя он был строг, зато внимателен и поощрителен. Поступил я во второй класс; там преподавались следующие предметы: российская и всеобщая география, всемирная история, космография, или описание тел мира, высшая математика, рисование, немецкий и французский языки. Первые три предмета преподавал учитель Ус[пенский]⁹; математику и немецкий язык учитель 4 класса Соко[оловский]¹⁰; французский язык природный француз из эмигрантов. Учитель У[спенский] предметы свои, историю и географию, как равно и космографию, которой и сам был переводчик с иностранного сочинения, преподавал с полною силою красноречия, расхаживая по классу не как учитель, а как бы повествователь: ученики, любуясь его величественною физиономиею, невольно увлекались всеми мыслями его о преподаваемом: он как бы отпечатывал словами своими в сердцах их предметы исторические. Напротив, г. Соко[оловский], учитель математики, физики, алгебры, латинского и немецкого языков, хотя ученый был человек и с дарованием, но рассеянный и не внимательный к ученикам. К несчастью, в мое время учения он занимался стихокропанием какого-то послания или оды. Более двух лет продолжалось, как он, все следуя великим творцам, поправлял и переменял по несколько строк свое сочинение. Тетрадка не выходила из его кармана. Особенно занимался он этой поправкой на классе рисования, который был в его заведывании: вознесясь, видно, во время дороги воображением на Парнас, он, по приходе в класс с роковою тетрадкою своих стихов, забывал об открытии класса молитвою, садился прямо на учительский стол и начинал шевелить губами, поворачивая голову направо и налево. Ни на что не глядя и как бы в сильном воображении поэтизма, которого в нем вовсе не было, в самозабвении брал он перо, макал его в песок, хотел писать, но оно не писало, точно так, как и в голове его не проявлялось ничего поэтического. Между тем ученики, кто как хотел и что придумывал, занимались по произволу: пережигали смотреть от одного к другому рисунки, пачкались тушей и красками, и наконец кто-нибудь постарше, желая извлечь учителя от сильных мыслей поэтизирования, прокричит: П[етр] В[асильевич]!, такой-то дерется! а тот, хотя сидит от прокричав-

⁹ Успенский. – О нем смот[ри] в “Воронеж[ской] Беседе” статью г. Веселовского “Истор[ический] очерк Воронеж[ской] гимназии”. – Ред.

¹⁰ Соколовский. – Ibid. – Ред.

шего стола через четыре, себе возгласит: нет! N дерется! Учитель, не глядя ни на кого, топнет ногою и прокричит: тш! тш! Начинается переключка учеников, топанье ногой и тш! тш! Наконец, хладнокровие нашего ментора теряется, он бросает перо, вскакивает, смотрит на учеников, и вся гроза падает на того, кто в этот момент привстал за своим рисунком, чтобы получше рассмотреть свою работу и поправить. Соц[оловский] вызывает такого молодца, и хотя сам он был русский человек и кроткого характера, но тут вспылит и ругается всячески на немецком диалекте, потому что в этих классах бывали часто дети благородные. В запальчивости и не слушая и не принимая никаких оправданий, он поставит иногда не повинного ни в чем мальчика среди класса на колени. Со мной однажды была напротив сцена, свидетельствующая о его доброте: по переводе меня в третий класс, я сначала, до получения запрещения родительского учиться иностранным языкам, стал было учиться по-немецки; в класса три я выучил совершенно все буквы произносить и писать, и когда это доказал учителю торжественно пред всем классом на доске, тогда он, как бы с некоторым изумлением осмотрев меня, спросил мою фамилию и кто мой отец? ибо он мало кого знал из учеников, разве только городских, бывая в гостях [у] их родителей. Потом он произвел меня в старшие, смотреть за классом в его отсутствие; но я не долго этим пользовался: отец мой приехал в город, я похвалился ему; но вместо одобрения, он сказал мне: не нужно забивать голову латынью, довольно, если и на своем языке будешь хорошо учиться, – будешь человеком! Признаюсь, я не без прискорбия повиновался, ибо чувствовал себя способным понимать скоро другие языки.

Меня интересовал французский язык; учитель, преподававший его, был природной француз, эмигрант Де-Ливри¹¹, удалившийся от бури революционной. Он был человек умный и за благонравием учеников наблюдал еще более всех наших отечественных учителей. Бывало, когда его очередь в воскресный день вести учеников в церковь, и там кого заметит в непристойности, то хотя и не мог он знать фамилий всех учившихся, но на другой день отправляется по всем классам, отыскивает по физиономии шалуна, рассказывает учителю классному о случившемся и требует непременно при себе взыскания. Однажды попался ученик взрослый, батюшкин сынок, потому и классный учитель шалушки его пропускал иногда сквозь пальцы. На требование французом взыскания, ученик тот, отрицаясь от шалости, возразил над-

менно: да что вы, мусье, так придиричивы! ведь эта церковь не ваша; вы напрасно и ходите в нее! Тогда Де-Ливри, затрепетав, схватил его за руку, вытащил из-за стола и, подведя к окошку, из которого видна была церковь, сказал: – Как это не моя церковь, а твоя!... Ах, твой глупец! а еще дворянин! твой не дворянин, а мужик! чтобы ты был умней, надобно тебя сию минуту высечь! – Он потребовал розог, но классный учитель не согласился, тогда он объяснил догматы веры христианской со всем жаром и как мог, ибо несвободно говорил по-русски, – что только один наружный обряд есть разница церквей и религий, а главное евангельское учение одно, и церковь у всех народов строится Богу: следовательно, она для всех есть храм святости. А чтобы шалун тверже это помнил, поставил его на колени среди класса, а чрез полчаса пришел отпустил, с кротким уже наставлением быть уважительней к святости и старшим, что это есть единственное и вернейшее средство к общественному благосостоянию и счастью семейному. Этот француз Де-Ливри, кажется, хотел навсегда остаться в России; с этою целью он купил и обстроил по-своему в Воронеже дом. Имение жены его находилось в Эльзасе на Рейне. Наполеон, сделавшись протектором Рейнского союза в 1806 или в 1808 году, объявил, что те из эмигрантов, которые не возвратятся во Францию в свои, или жен своих поместья, признаны будут вне покровительства закона. Мосье учитель оставил наш город со слезами, назвав его мирным в жизни его пристанищем. Еще вот что было достойно примечания в его характере: он имел прислугу только одного человека и женщину для детей. Когда понадобится к чаю белый хлеб, или нужно купить каких фруктов (лавка была чрез несколько дворов), то в хорошую погоду он всегда посылал покупать сына или дочь, детей лет 12 и 13, в сопровождении служанки, приказывая ей не вмешиваться в покупки, а только проводить, чтобы не случилось с ними чего неприятного. На замечание знакомых о неприличности ходить в такие мелочные лавочки благовоспитываемой девушке, при средствах его послать слугу, он отвечал: – он точно может ни сам не ходить, ни детей не посылать за мелочными предметами, но не знает: будут ли дети его иметь состояние нанимать слуг? а если судьба явится к ним немилостива, а он приучит их все делать через других, то в крайности самим им действовать будет уже трудно.

V.

15-ти лет я кончил науки в 3 классе, а в четвертом, где преподавались высшие предметы, отец мой не счел нужным оставлять меня, боясь ли, чтоб я не увлекся заманчивою идеальностию, подобно соседу его многоученому П., или по расчетливости, имея кроме меня еще шесть человек детей¹². Чтобы поскорее облегчить себя в содержании меня, и, кажется, по совету одного пожилого соседа полковника, которого два старших сына были учены в столице, и из них один дошел до полковника, а кончил ссылкой, другой убит на сражении, а последние два сына его, не больше меня учившиеся, служили счастливо по статской службе, – так я говорю, по совету этого старика, что ученых надобно немного, а если многие стали мудровать, то беду накличат, отец мой записал меня в статскую службу в совестный суд, где судьей был человек точно совестный. Н.В. Чертков¹³, сын старинного вельможи*, душой правдивый, а сердцем столь нежный, что однажды, гуляя по саду и увидев вора, обрывающего плоды, он посовестился изобличить его лично и ушел обратно в дом. На вопрос супруги¹⁴ о причине скорого возвращения он потихоньку ей рассказал о покраже плодов. Но супруга его, хотя у женщин сердца и чувства нежнее, но, вспомнив слова Священного писания: “греховно-шествующего постарайся совратить от путей неправды”, послала поймать мошенника. Но когда его привели, то совестный судья, подумав, что, может быть, нужда возвлекла его в искушение, приказал отпустить его со внушением, что ежели нужда вперед будет увлекать его к покраже, то пусть лучше он придет к нему и скажет о своем горе: он может пособить ему. Действительно, он никому не отказывал в пособии; чрез это из 600 душ родовых детям своим оставил он только 100 душ. Казалось бы, состояние детей его должно быть бедственно? Но у Творца миров воздаяние непостижимо: одна из дочерей его вышла за миллионщика и обеспечила вполне жизнь других сестер, а один из сыновей его был полковником и честными оборотами нажил себе капитал¹⁵.

Служба моя в совестном суде заключалась в натвержении руки в писании, хотя без жалованья, но зато и без расхода на бумагу и чернила. По подаче просьбы с представлением грамоты на дворянство отца моего, секретарь, указав мне в канцелярии место, заставил списывать с той грамоты копию, чтобы подлин-

* Вероятно, сын Василия Алекс[еевича] Черткова, генерал-губернатора воронежского и харьковского. – Ред.

ную возвратить моему отцу. Я не успел списать к окончанию часов заседания, и мне велели придти после обеда в 3 часа; хотя я и пришел в назначенное время, а писание грамоты было невелико, но так как в ней находилось много подписей, в которых были по-старинному слова под титлами и с рцы (р) наверху, поэтому и должен был беспрерывно спрашивать своего повытчика; от того-то засветло я не успел дописать, наступил вечер, а мне говорили, что начатое надобно сегодня же докончить. От страха идти одному ночью на квартиру, я горько заплакал, меня отпустили. В год службы я понаторел. По малому занятию в совестном суде, отец мой перевел меня в канцелярию губернатора; здесь открылось для меня новое поле деятельности. Я исписывал в сутки по полдести; ибо занимались сверх часов в канцелярии еще и дома, после ужина на сон грядущий и утром, вставая летом вместе с солнцем. В три года я достиг до помощника столоначальника. Приехавший новый губернатор, молодой, новообразованный человек, впоследствии бывший сенатор Штер¹⁶, заметив, что в губерн[ском] правлении повытчики были старинные подьячие и большею частью пьяницы, решил по возможности искоренить этот порок, бывший тогда между приказным людом как бы природным. Он стал советоваться с своими советниками и секретарями. Те отзывались, что трудно найти дельца подьячего не пьяницу. Он указал на новый рассадник людей в его канцелярии, облагоустроенный уже персональностями губернаторов, и решил взять из них хотя и малоопытных еще чиновников, но с хорошим поведением, подчинив им начальников столов, для водворения благопристойности и трезвости. В число таковых трех персон он назначил и меня. На отзыв мой, что я еще не знаю форм присутственных мест, он, отечески улыбнувшись, проговорил: “Формы не медведи, и тех к рукам приучают”. Потом, обратясь к старшему своему советнику, прибавил: “возьмите-ка его, покажите ему отделение, прикажите, чтоб слушались его и оставляли старые худые привычки: ведь грибы старые и прокислое пиво никуда не годятся. Если же он (указав на меня) по молодости еще в чем будет затрудняться, то мы сами его поучим; впрочем, в канцелярии моей он порядочно уже сочинял отписки”. Пред этим только получен был указ сената о производстве меня в первый офицерский чин. Не могу ныне пояснить той ра-

¹⁶ Матвей Петр[ович] Штер, действительный стат[ский] советн[ик]. Управлял губернией с 1811 по 1812 год. – *Ред.*

дости, какую испытал я, когда прочли мне указ сената о производстве, и когда надел я мундир и шпагу! мне казалось и солнце светлее, и люди-то глядели на меня милее! Итак, в 19 лет я был коллежский регистратор, и в губерн[ском] правлении начальником отделения! Все это как бы привело в забвение смерть отца моего, за полгода пред тем последовавшую, отца доброго, хотя и не давшего мне кончить науки, но любившего меня со всею горячностью. Ему не было и 50-ти лет, когда он скончался.

По смерти отца мы с матерью представили предводителю отчет: отец мой был комиссаром при сборе и раздаче рекрутских складочных денег. Предводитель был старинный человек, служивший лет сорок сначала по военной, потом по статской службе, небогатый человек, но бригадир, статский советник Македонец¹⁷. Он хотя и мало нас знал, но как-то полюбил и не стал принуждать, чтоб учреждать опеку над нашим имением. Он сказал моей матери, что он надеется, что она будет воспитывать малолетних и хорошо управлять имением, которое, впрочем, большей частью было ее наследственное. И если ей, как попечительной о детях матери, нужна будет в чем защита, то пусть лично к нему относится, “а предписание на бумаге, – добавил он, – разума не прибавит, а только доставит лишние хлопоты и расходы”. При этом случае мать моя просила его совета. Покойный отец хотел переменить свое хозяйство на большее; но смерть не допустила его это исполнить, а вот теперь один дворянин требует от нее решения купить приторгованные отцом моим за Волгою 2500 десятин за 20 тысяч руб. ассиг[нациями]. Имея небольшой капитал и продав лишние 160 десятин, она могла бы переселиться туда с крестьянами своими почти без долга. Этот почтенный человек был весьма умен, но уже стар, на седьмом десятке лет, когда предприимчивость, мать всякого риска, кажется опасною. Он рассуждал так: удалиться в малонаселенные места с большим семейством малолетних, как наше, значит погубить детей, ибо для образования их надобно хоть общество соседей, равных по происхождению, но их там нет; и указав на меня, что я имею способности к службе и могу здесь обеспечить себя в будущем, а там должен оставить службу и зарыть талант, данный мне от Бога в землю и проч[ее] подобное, решительно отсоветовал покупку имения, и мы его послушались. Но теперь, при всем моем уважении к этому человеку, я осуждаю себя, что послушался и считаю его виновником в лишении нами благ – земного богатства, виновником не менее дяди мате-

ри моей, захватившее ее наследственное имение – полсотни душ ревизских; ныне земля та, которую хотели мы купить за Волгою на Иргизе, стоит уже 80 руб. за десятину. Мы имели бы огромное состояние, но упавшей в море монеты не воротишь!

Этот старик, однакож, не забывал меня. Когда губернатор сделал меня начальником отделения в губернском правлении, то два сто-лоначальника из старинных подьячих, титуляр[ные] советники обиделись, что молодой человек будет ими управлять. Они каверзничали всячески против меня, затрудняя медленности подачи дел, а иных сокрытием, так что я мог подвергнуться ответственности. Однажды я изъяснил это моему патрону-предводителю. Он предложил мне место письмоводителя у себя, поехал со мною к губернатору и согласил его на мое перемещение. Опытность и ум этого предводителя облегчали меня в делопроизводстве совершенно для меня новым. Жаль, что кратковременно было мое при нем служение: всего 10 месяцев! При всей опытности интриганы за одно только слово: *моиенничают!* сокрушили его, восстановив против него губернатора. Это было так. В начале тягостного для России 1812-го года правительство, приготовляясь к великой борьбе с Наполеоном, назначило к продовольствию армии собрать натурою волов. С Воронежского уезда причиталось 265 голов. Но пьявка, где бы ни почуяла живую кровь, туда ползет и пьет, так и корыстолюбивые люди не упустят случая извлечь пользу, где представится возможность. Купец Вяхирев¹⁸, торговавший рогатым скотом, имея таковой же на степях в Бобровском уезде, захотел воспользоваться барышом. Явившись к земск[ому] исправнику, он предложил ему разделить барыш от поставки его быков вместо сбора натурою. Исправником был г. Иев[ский]¹⁹, человек не без чести, но небогатый, лукавый искусил его. Чрез полицейских чиновников разгласили по уезду, что обыкновенный здешний скот не годится, его будут браковать, а потому собрали бы денег по 70 руб. на быка, которых купят из купеческих гуртов. К сбору и отправлению быков назначен был краткий срок, под наблюдением предводителей дворянства, а не чиновников особых поручений; ибо тогда рассуждали иначе, нежели ныне: думали, что избранные обществом надежнее назначаемых благоусмотрением одного начальствующего лица, основывающегося часто на заверении секретарей. Может быть, имея пред глазами только что тогда написанную сатиру Нахимова²⁰ “Чорт и Смерть”, с 1810 по 1820 год правительство все заготовления производило под

наблюдением предводителей, а доставку к армии – через дворян, избираемых обществом. Все было доставлено сполна, даже лошади для кавалерии покупались предводителем. На счет свода волов к сдаче в назначенное число предводитель Македонец отправился на сборное место, но приведено было только штук двадцать из некоторых помещичьих вотчин, где помещики находились налицо, а от прочих сел и деревень казенных и помещичьих явились одни старосты с отзывом, что у них годных быков нет, а за них поставит купец В[яхирев] по 70 р. за вола. Предводитель с неудовольствием это принял, заметив, что домашние быки могли бы найтись годные, а назначенная купцом цена слишком высока. Но как время не терпело, поэтому он должен был отправиться в гурты купца В[яхирева], высказав чиновнику исправника, тут бывшему, свою досаду на последнего, зачем он по его распоряжению не выслал натурою волов?

Это передалось исправнику, который, твердо зная, что рука руку моет и обе белы бывают, чтоб тверже иметь защиту на случай протеста губернатору от предводителя, решился, для задобрения губернаторской канцелярии, надбавить каждому быку по 10 руб. к условному барышу купца. Он передал об этом купцу В[яхиреву], который, когда приехал предводитель и командированный от град[ской] думы прасол, знающий лета волов, то из представленных двух гуртов прасол должен был по стачке признать годными только сто голов. В[яхирев] отозвался, что у него осматривал эти два гурта исправник и признавал из них 250 штук годными, поэтому он, В[яхирев], и согласился взять 70 руб. Но при браке, если выбирать из других гуртов, тогда и цена должна быть другая, и он не может взять меньше 80 р. за вола. Что было делать предводителю? приказать вновь сводить волов из деревень – будет поздно: оставалось только 5 дней до назначенного срока отправления их к армии; да и приведут ли годных? С стесненным от прискорбия сердцем, отворотясь от купца В[яхирева], браковщика и чиновника земского испр[авника] отправился предводитель пешком со мною в дом ночлега, произнося вслух, что он подозревает мошенничество в надбавке, и что, пожалуй, могут подумать, что и он принимает в этом участие! Но нечего было делать, Македонец взял подписку с купца В[яхирева], что, по свидетельству его, во всех гуртах найдено годных волов по летам и мере 250 штук, которых и обязан он, Вяхирев, в три дня доставить в место общего сбора. Чиновник исправника в ту же

ночь ускакал и обо всем известил своего патрона. Исправник успел предупредить стороною губернатора, чрез секретаря, что старик капризничает, что в то время, когда нужна скорость, он с намерением, чтоб медленностию доставить губернатору неприятность, браковал скот как собранный жителями уезда, так и на случай негодности приисканный им, исправником, и приторгованный у купца и проч. Лиса успеет обмануть не только, как в басне Крылова, ворону, но и орла. Старик предводитель с дороги осмотра прибыв в город, заехал прямо к губернатору, чтобы объяснить беспристрастному начальнику свое прискорбие и негодование, что в такое ужасное время могут совершаться безнаказанно подобные плутни! Губернатор, предупрежденный, что старик только капризничает, произнес: “Порицать все можно, а он, как сделали, и тем доволен и благодарил уж то лицо, вас прошу только выполнить проформу: донести мне, что скот этот готов к отправлению». Старик, оскорбленный до глубины души, сказал, что если его уже исключают из числа действовавших, то могут обойтись и без его донесения, тем более, если верят плутням других более, чем честным людям. Тогда губернатор, в свою очередь оскорбленный укором, что доверяет плутам, с неудовольствием садясь и не приглашая старика предводителя садиться, помолчав несколько, произнес: “Я вижу, что вы хотите замедлением доставить мне неприятность от начальства, так и я приму свои меры: завтра же отправляю курьера с донесением о исполнении. Но знайте, худо вам будет, если я присовоюплю о ваших противодействиях к затруднению меня”. Тогда предводитель-старик от досады, что чиновный интерес в состоянии затмить благороднейшую службу, затрясая всем телом и с лихорадочным ощущением проговорил: “Ваше превосходительство! если вы не признаете мое усердие, так позвольте напомнить вам, что я только одним чином ниже вас и голова моя побелела на службе! Можете делать, что хотите!”. С этими словами он вышел от губернатора. На другой день рано утром он прислал за мною. Когда я вошел, он, ходя по комнате, сказал: “После вчерашней сцены я болен и телом и душою, не могу больше служить! Напиши уведомление к губернатору”. Но немного погодя произнес: “Или уже не пасовать? А то мошенники пуще будут издеваться; напиши только, что я по болезни не могу исправлять должности и передаю ее, до моего выздоровления, судье”. Подписавши с трудом бумагу, он велел мне лично вручить ее губернатору, при-

совокупив: “Он тебя любит! Да и со мною был прежде хорош; только вот теперь поразил меня в самое сердце!” Затем, мучимый досадой и оскорблением, старик-предводитель удалился в свою деревню.

VI.

Македонец от происшедшего с ним сильного потрясения, будучи уже в летах, не перенес болезни. Через 2 месяца, прислав за мною, он встретил меня словами: “Я хочу с тобой распрощаться, а с должностью расстаться навсегда. Очисти меня по должности; я сам написал вчерне отчет в денежной сумме и отношении к правящему мою должность судье. Перепиши и все передай”. Он встал с постели, подписал твердым почерком переписанное, подал мне деньги, заставил пересчитать их и, вручая мне с бумагами, присовокупил: “через три дня праздник, приезжай! и (указав на стол посреди зала) вместе опять пообедаете, или увидишь самого меня на нем!”. На третий день жена его, почтенная старушка²¹, прислала сказать, что его не стало! Так умер праведник, без страха в последние минуты, с надеждою на Бога, потому что был человек безукоризненной совести. Но и губернатор не остался без отпущения за ускорение его смерти: его самого, тоже неожиданно, без вины, за одно мягкосердие с пленными французами, в 1812 году злодей случай выставил правительству подозрительным в преданности к французам, следовательно, и готовым к измене. Его сменили и он прожил под надзором полиции до окончания войны с Наполеоном, а потом, как не виновный ни в чем, докончил жизнь сенатором в Москве²².

В новый срок выборов новый предводитель князь Кейкуатов²³ обласкал меня. Он был старший из трех братьев²⁴. В большом его семействе я сделался домашним человеком. Во всю жизнь мою я не видал столько ласк, сколько от всего этого семейства, ведущего происхождение от Чингис Хана. Князь поместил меня в своем доме. Тут имел я все средства читать лучшие книги и журналы, что вместе с нежным обращением князя и благороднейшими его поступками, имело сильное влияние на меня и как бы докончило мое воспитание. Мне тогда было от роду 21 год, время последнего развития, и я вполне был счастлив, находясь под влиянием благороднейшего из людей и в кругу прекрасного общества; приятное вспоминать приятно! Но князь Кейкуатов, по общему сожалению всех лиц, его знавших, вскоре умер.

Тесть покойного моего начальника, губернатор Бравин²⁵, был старинный дворянин и любил правду. Приехавши в губернию, он нашел, что вице-губернатор Кр[ыжановский]²⁶, управляя по смене Штера губернией, допустил великие злоупотребления, в особенности в казенной палате. Например, при наборе рекрут брали деньги с большесемейных богатых за избавление от рекрутчины, а общества разоряли излишнею браковкою, словом: без денег не принимали никого, особенно наемщиков, т.е. брали и с них и с лиц, которые их ставили. И военные, участвовавшие при наборах, не уступали статским. Набираемых ратников отпускали по домам под предлогом повидаться с родными, а на самом деле с целью вымозжить деньги. Меньшие всегда перенимают у старших, и мелкие писаря разбогатели, как свиньи, поедаящие всякий хлеб, когда наемник не закрывает хозяйских закровов. Словом, все чиновное разжирело, а народ терпел. Мелкие дельцы нажили десятки тысяч, а заседавшие в советах и сотни тысяч, особенно один советник по хозяйственной части. Он обратил на то внимание, что у некоторых поселян по числу той ревизии было на душу сверх 8 десятин по 2 лишних, а у других меньше. Он тотчас сделал уравнение: отделял излишек и назначал его селениям малоземельным, взяв за то наперед со всего общества, потом в особенности с тех, кому разрешалось переселение, к чему и назначались семейства богатые. Губернатор, рассуждая, что если где у тысячи душ и есть сверх 8 десятинной пропорции лишние две тысячи десятин, то лет чрез 15, к другой ревизии, будет уже недостаток в земле, сделав запрещение переселений по своей губернии. Но как этим он отнял побор, то писаки смастерили жалобу о несправедливости будто бы такого правила и подали ее министру, а кого нужно убедили в полезности подобных хозяйственных распоряжений червонцами.

Губернатору предписано было, дабы он в хозяйственные распоряжения палаты как можно меньше вмешивался и сам собою хозяйственных действий не останавливал; а ежели сочтет что не так, то представлял бы на рассмотрение в министерство. Губернатор Бравин, человек неуступчивый, донес о злоупотреблении прямо Государю, а тот послал исследовать сенатора²⁷. Сенатор раскрыл все злоупотребления, отрешил виновных и предал суду. Губернатор награжден был орденом св. Анны I ст[епени]²⁸. Но как таким действием многих на себя озлобил, а у подсудимых были родные, служившие в министерстве и несметное число в губернии, то начали изыскивать все средства, чтобы отомстить бескорыстному на-

чальнику. Отрыли, что один земский начальник ближнего города, майор Хар[кеевич]²⁹, по особенной расторопности попал в милость губернатора и облекался иногда доверенностию заготовить что-нибудь для дома его превосходительства. Например, по большому семейству³⁰, губернатору надобно было иметь 8 лошадей. Был неурожайный год, прокорм лошадей стоил дорого. Губернатор однажды в разговоре сказал, что лошади у него съедают треть жалованья. Тогда майор Хар[кеевич] сказал, что если бы его превосходительство позволил ему распорядиться хозяйственно – покупать не с базара, а в степях, то в половину бы обошлось дешевле; что у него на собственной степи осталось много непроданного сена, которое он отдает, как и соседи его, на месте квартирующим войскам по 20 коп. за пуд, тогда как в городе была цена 60 коп.; что во время он может заготовить для конюшен его превосходительства на целый год, с поставкою по 25 коп. Губернатор был совершенно чужд всяких интересов по службе, но хозяйство, основа жизни людей, побудило его согласиться. Он вынул 250 руб. и отдал их Хар[кеевичу] на 100 пудов годовой пропорции. Бравин думал себя успокоить, но спокойствие человека так не прочно, а мечты обманчивы! Этот Хар[кеевич] в начале точно поставлял свое и купленное у соседей сено, но потом враг искуситель внушил ему, что доставать можно легче и без издержек: стоит только поднести ведро вина казенным поселянам! Так и случилось: из одного села 50 подвод сена, да из другого столько же подняли и склади в скирды на губернаторском дворе. Но когда обратно поехали подводы, случилось так, что на ночлеге у одного мужика украли лошадь: при розыске он натурально жаловался уже и на судьбу свою, что наряжают возить на губернатора сено, чрез что он разорился. Злобствовавшие на губернатора за подсечение когтей, услышав об этом, к утешению мужика напоили его допьяна, сочинили жалобу от него и отправили на имя государя. У одного из сокрушенных губернатором родной брат находился на службе в министерстве директором департамента. О важности таковой просьбы он постарался раззвонить, сколько мог, в столице. Поручено было произвести следствие одному из дивизионных генералов, квартировавших в местах происшествия войск, обще с губернским предводителем. Казалось, сама Минерва руководила к беспристрастному следствию, но вышло наоборот. По пословице "беда беду родит". К несчастию доброго губернатора, настоящий губерн[ский] предводитель был в долговременном отпуску³¹ и должность его исправлял уездный предводитель³²,

который был родной брат одного сокрушенного губернатором за взятки советника. Из соучастия к брату, по его совету набрали канцелярию и секретаря из казенной палаты, которая была страшно озлоблена на губернатора. Секретарь и писцы всякого бездельника подучали предварительно кричать пред следователем-генералом, что исправник обирает народ, нарядами возит к губернатору сено и грибы, крестьяне совершенно разорены и не в состоянии платить даже податей. (Хотя недоимки почти не было). В таком вопиющем виде представлено было следствие, составленное кознями злонамеренных взяточников, и губернатора, самого беспристрастнейшего человека, уничтожившего многие злоупотребления и сокрушавшего многих грабителей, отставили от службы³³.

Но как все превратно! те, которые тщеславились отставкой губернатора (их было четыре брата: один заседателем уголовной палаты, другой исправником, третий советником казенной палаты, наживший до полумиллиона, и четвертый, женившийся на богатой, чрез что и был уездным предводителем), менее чем чрез десять лет как бы исчезли с лица земли: все четверо померли – трое бездетны, а у четвертого хотя и остались дети, но не наследовали ни славы, ни богатства своего отца. Отрешенный невинно губернатор оправдался и кончил жизнь сенатором³⁴. На место его прибыл губернатор Дубенской³⁵, беспристрастный и необыкновенно деятельный человек. Я продолжал службу при предводителях дворянских. Дубенской полюбил меня так, что во время неудовольствия с предводителем³⁶, часто не хотя с ним говорить, а между тем необходимость требовала соглашения насчет устройства дорог и по другим предметам, по случаю посещений царских³⁷, посылывал за мною. Все его распоряжения шли своим порядком по журналам, мною составляемым от общего присутствия предводителем с исправником, полицеймейстером и головою градским. Но и был однажды для меня неприятный случай. Этот губернатор едва было не оставил меня от службы, увлекшись сильной энергией воли и нетерпением противоречия. Дело было так: по ведомости о недоимках он заметил большую недоимку в рекрутских складочных деньгах. Дубенской решился для уменьшения числа душ, обязанных платить рекрутские складочные деньги, соединить имения мелкопоместные по разным уездам губернии в одни участки и вводить в поставки рекрут. Для составления же такового соединения он составил в губернском правлении определение, чтобы уездные предводители собрались в губернский город за месяц до набора и

здесь, под председательством губернского предводителя, сделали бы назначение рекрут. Предводители собрались не без сетования, ибо, по закону, рекрутская повинность каждым уездом выполнялась отдельно. Даже жеребьевым владельцам предоставлялось съезжаться и брать жеребьи, или по произволу, кто захочет, и без жеребья наперед поставить рекрута, следовательно, многие лишились своих прав и выгод. По докладу мною такового закона, собрание предводителей, произведя соединение владельческих душ в разных уездах губернии в одни участки, сделало росписание о поставке рекрут натурою по числу душ, следующих насчет же мелкопоместных, решилось удержать право жеребьевых владельцев о поставке между собою рекрут и докончить раскладку на местах в уездах. Я составил протокол с прописанием закона, дающего право на это решение. Предводители в признательность за изложение мое к защите прав дворянских, присовокупили к этому протоколу благодарность за труды мои во время их собрания, и чтоб я и по разъезде их управлял делами по части рекрутской раскладки вместо секретаря дворянства. Дабы избегнуть неприятности с губернатором, все предводители отправились к нему с черновым протоколом просить предварительно его согласия. Выслушав с неприятностью противное его воле распоряжение, губернатор, при всей своей настойчивости против закона не стал настаивать, только саркастически выразился: “Я без оскорбления принимаю ваш намек на то, что я действую не по закону. Распоряжение мое клонится к облегчению зем[ской] полиции во взыскании недоимок, да и помещикам, думал, может и ошибочно, легче отдать людей в солдаты, чем расплачиваться!” На это один из предводителей отозвался: “первое правда, а последним словам удивляюсь, при всеобъемлющем уме вашего превосходительства. Могли ли вы забыть, что за детище свое и птица отдает последние свои перья! помещик есть отец своих крестьян, так может ли он пожалеть за них деньги!” Губернатор отвечал: “Виноват против нежных ваших чувств; но я прав по своим действиям, еще замечу: отложением назначения жеребьевых рекрут в собраниях по уездам вы остановили ускорение набора и донесение от меня начальству о числе рекрут, с губернии следующих; чрез 6 дней должен начаться набор, и потому прошу вас озаботиться как можно скорее вывести меня из такого неприятного положения”. Старший из предводителей отвечал: “озаботимся и ведомости о жеребьевых поставщиках пришлют с нарочными к правителю дел (указав на меня), а он, составя общую, представит

вашему превосходительству”. Мне пришла мысль не к возражению губернатору, а к оправданию предводителей, сказать, что отклонение раскладки жеребьевых рекрут в собрании самих владельцев, в донесении его превосход[ительства] правительству остановки не может быть, ибо количество жеребьевых душ и с них рекрут приведено в известность, а только кому ставить, отлагается до назначения в собраниях самих владельцев. Губернатор с неудовольствием поглядел на меня, и, не отвечая, раскланялся с предводителями. Возвратясь в собрание, они отдали переписать набело протокол, а по подписании, распрощались и разъехались по уездам. Я остался в Воронеже с одним своим уезд[ным] предводителем. На третий день является в мой дом жандарм с известием, чтобы я пожаловал к губернатору. Я отправился. По входе в зал хотел, не останавливаясь, по обыкновению секретарей, идти без доклада в кабинет его превосход[одительства], но камердинер вдруг остановил меня словами “приказано дожидаться здесь”. На слова мои: “ты знаешь, кажется, меня?” он отвечал: «знаю-с, вам-то и приказано дожидаться в зале». Проходит час, другой, уже пособралось несколько лиц, не имеющих права прямого входа в деловой кабинет; выходит его превосходительство. Я, как озадаченный, отодвинулся назад. Поговоривши с некоторыми, Дубенской прямо подошел ко мне и с нахмуренным челом и вопросительною минуою начал: “Что, ведомости, кому ставить жеребьевых рекрут, готовы?” – Нет еще, ваше превосходительство! – был мой ответ, – не прислали еще из уездов.

Губернатор. – Не присланы из уездов! а здешнего почему не готова?

Я. – Сегодня собрание дворян и кончится назначение рекрут.

Г. – Только сегодня кончится назначение! а ведомости когда? когда же я успею приказать исправнику выслать рекрутские деньги? чрез два дня набор? А! что ты на это скажешь?

Я. – Ваше превосходительство! жеребьевых рекрут против общей массы количество незначительное. За краткостью времени невозможно было успеть произвести назначение, и я, кажется, не виноват.

Г. – Как не виноват! кто ж остановил исполнение по предписанному губернским правлением порядку?

Я. – Это зависело не от меня, а от собрания предводителей!

Г. – От собрания предводителей! а кто у них был секретарем и подставлял законы? кто все это писал? как смел ты против распоряжения губернского правления возражать? (обращаясь к дру-

гим). Еще размазали, расхвалили его в заключение. Я покажу, как послушаться начальника! завтра же прикажу отыскать упущения и неисправности по должности, отыщутся – отставлю! Мало еще, предам суду и наблюдаю, чтобы впредь никуда не определять!..

Я. – Против вашего гнева я бессилен, но смею повторить, что я не виноват, потому что я обязан был защищать права дворян.

Г. – В чем защита ваша? разве не тож число назначится рекрут в уездах, какое и здесь открылось следующими к поставке?

Я. – Число рекрут будет тоже; но кому ставить, выйдет разница, я для мелкопоместного дворянина лишиться неожиданно работника много значит.

Г. – А разве ничего не значит, если военное начальство замедлить исполнением правительственных распоряжений? Из уездов не успели еще прислать о жеребьевых поставщиках; а вашего Воронеж[ского] уезда готово?

Я. – Сегодня собрание дворян.

Г. – Только собрание? нет! чтоб ведомость была доставлена мне сегодня же и лично! иначе я исполню свое обещание: отставлю, предам суду!..

VII.

Зная пылкий характер, но добрую душу Дубенского, при всей невозможности исполнить его требование не только в тот день, но и еще через два дня, ибо после решения кому с кем брать жеребьи, и кому достанется ставить рекрут, надобно было распisać к ним мелкопоместные души, в пополнение жеребьевых участков, а остальные в казну платежом денег, потом все это свести, сосчитать и набело написать, – зная все это, я решился, однако ж, сказать, что приказание его будет исполнено сегодня же. Казалось, этим я укротил его превосходительство. Уже я откланялся и спешил за дверь, подальше от сторонних глаз. Я уже взялся за ручку замка, чтобы притворить дверь, но Дубенской не допустил меня сделать это и, отворяя половинку двери, все еще грозил: что он сдержит свое слово – отрешит и отдаст меня под суд! Но обошлось, слава Богу, благополучно: ведомости доставил я не прежде пяти дней, лично подал, и он принял их без всякой неприятности. Благородная душа не помнит зла. Дубенской по внешнему обращению был надменен: с подчиненными обращался он строго и даже высказывал иногда как бы презрительность. Если дело было не в публичном собрании, то он иногда называл полицеймейстера, необыкновенно видного и

плотного мушину, доброго сердцем, лошадью-буцефалом³⁸; уездного судью Волош[инова], напитанного духом Эккартсхаузена³⁹, человека ученого, но не умевшего ничего написать по своей части, рассердясь однажды, при многих назвал мазуром, а исправника Яков[лева], найдобрейшего человека и с состоянием, имевшего привычку при разговоре улыбаться, величал подчас словом, не употреблявшимся в печати. Вообще он часто отпускал подобные оскорбительные фразы, но на деле был добр, незлопамятен и как бы раздражен не был, несчастья не делал никому, даже при открытых упущениях редко под суд отдавал, а еще реже отставлял от должности. И кому покажется, что при таком губернаторе чиновники, как говорится, оголтеют от частой брани, а при ненаказанности будет больше беспорядков, – с Дубенским было напротив: он направил все к добру и порядку. Он умел различать причины упущения, и если оно происходило от одной недалёковидности начальствующего, человека с благородною душою, то, заметив ему упущения, делал наставления: как поступать, чтобы подобного не было – например, быть неотлучно у должности, понукать канцелярию к приготовлению бумаг и в случае погрозить губернатором. После того призовет секретаря и уже на голову его выльет чашу шелоку. Обнимая умом своим весь порядок канцелярского производства и выставя замеченные беспорядки, он тотчас пригрозит выкинуть из службы, что и сделал с одним советником палаты. Дубенской показал пример возведения хороших секретарей губернского правления и собственной канцелярии в советники палат и тем побуждал к соревнованию. Превосходная была у него манера справляться по жалобе на какую-либо палату, суд или лицо: он тотчас призывал секретаря, как душу присутственного места, или самого чиновника (если это было в губернском городе). Дознав о причине неудовлетворения и спросив: во сколько дней можно кончить дело? он записывал ответ в памятную книжку, велел секретарю от имени его превосходительства передать присутствию просьбу или приказание, чего он желает и в какой срок, и буде в назначенный срок секретарь к нему с донесением не являлся, он, перечитывая каждое утро помянутую записку, посылает жандарма лично за секретарем, узнает ход дела, и таким личным настоянием его все оканчивалось скоро. Во время баллотировки одного дворянина не допускало к оной одно дело, поступившее в уголовную палату. Дубенской, узнав о благородных того дворянина свойствах, заставил палату в один день решить дело и подписать протокол. Он

велел принести к себе самое дело и написал прямо на нем, что с решением к оправданию N согласен. Таким образом, уменьшая переписку собственной канцелярии, он избавлял присутственные места от бесполезных отписок, вместо которых оставалось время на существенные занятия делом. Доступ к нему был самым легким: не только за кем он посылал, но все должностные лица вводились прямо в его кабинет и – вот мудрость! – там не слышат жильцы передней и посетители зал гостиных разговоров кабинетных. Каждый поодиночке мог все ему высказать, а он дать нотацию, что, при заведенных некоторыми выходах, когда много соберется чиновников или просителей, неудобно. Все бумаги, сколько-нибудь заслуживающие внимания, он читал всегда сам, и если встретится какая описка или даже мысль, ему не нравящаяся, не передавая секретарю, как говорил – чтобы не убивать время пустым разговором – он собственноручно вычищал острым большим ножом, по вычищенному натирал ладаном, в батистовом мешочке всегда при нем лежащим, и вписывал собственные слова. На все это доставало у него времени от того, что он до двух часов пополдень не принимал никого, кто до службы его не имел дела. Для утренних посетителей с визитами выходила в гостиную жена его⁴⁰, и прося извинения, что N[иколай] П[орфирьевич] занят, приглашала на вечер, который начинался в 7 часов, летом всегда на балконе, а зимою в гостиной. Тут он был всегда почти весел и безкапризен. Дубенской не любил ябед и даже протестов при несогласии; предлагая по прямой доброте своего сердца, что начальное лицо постыдится и при словесном возражении удержать несправедливое мнение и тем себя скомпрометировать, а если иногда найдет прихоть отступить от заведенного порядка в неважном, вреда не наносящем предмете, то меньшие должны соглашаться с[о] старшим. По этому патриархальному, семейному правилу, однажды по какому-то предмету губерн[ское] правление к прикрытию лица, коварством в дело завлеченное, сделало маленькое отступление от порядка. Противник ударился к прокурору. Прокурор⁴¹ лично в присутствии настаивал на перемене заключения, но губернатор не захотел уважить его мнения, иронически отозвавшись, что если он какие из поступков его признает дурными, то просит не срамить его при многих: есть средство передать ему их приятельски, приехав вечером напиться чаю. Прокурора подстрекнуло самолюбие заставить умного губернатора отказаться от собственной мысли. Он написал формальный протест с изложением законов и в 7 часов вечера отправился в дом

Дубенского. Он застал губернатора еще в кабинете. Завел опять разговор о необходимости изменить заключение и подал ему написанный формальный протест. Губернатор, прочтя бумагу и возвратив ее опять в руки прокурора, отозвался, что написано резонанбельно, но что сделал он по чистой совести, того пугаться и переменять не должен; а потому, продолжал, “перестанемте об этом и говорить. Пойдемте-ка на балкон, погода после дождя прекрасная”. Прокурор, вышедши за ним, и на балконе все твердил о том же, и, наконец, сказал: “если не в состоянии я убедить ваше превосходительство, так надеюсь, что эта бумага воздействует на вас, извольте принять”. Он старался втереть ее в руки губернатора. Тот не принимал. Прокурор положил бумагу на столик, против него для чая постановленный. Тогда губернатор поступил решительно, проговоря: “Дабы не завели вы меня в явное противоречие закона, мне остается одно – избавиться от вашей бумаги”. Взяв ее со стола, он пустил ее с балкона прямо в канаву, наполненную грязною, дождевою водою: тогда не было еще, как ныне, мостовой, а подле домов для стока воды проводились канавы в аршин глубины и ширины. “Ну, теперь каждый из нас свое сделал: вы напоминали мне про форму, а я прикрыл от ответственности человека, невинно завлеченного”. Обратясь к сторонним, тут бывшим, он проговорил: “противник по этому делу на меня не посмеет жаловаться”. Прокурор не решился далее протестовать и доносить министру, потому что должен был коснуться уже и личных действий губернатора, всеми уважаемого. Так часто поступал Дубенской, пренебрегая форменностию. Он четыре года мудро управлял губерниею⁴², обратил на себя и внимание и взят был в Петербург с назначением директором департамента министерства финансов⁴³. Занявшись с необыкновенным рвением новою своею должностью, он должен был изменить и самый порядок своего времени: чтобы не развлекаться часто разбором личных просьб, он назначил для приема только два дня. По его департаменту было удовлетворение, по высочайшему повелению, заслуженных лиц землями; между этими лицами были и нетерпеливые, а исполнение сопряжено было с большим затруднением, от того, что жалуется земля только с означением количества, место же представляется на усмотрение самих лиц и казенных палат, по этой причине многие не получали земель и чрез несколько лет. Один из заслуженных полковников, не имея возможности лично выбрать место, нанял поверенного, который избрал место, представившееся казенной палате нужным для

прилегающего казенного селения. Завелся спор и жалобы. После четырехлетнего терпения полковник решился лично жаловаться в Петербурге. Министр послал его к директору департамента, но у него полковник не получил доступа несколько суток, по случаю назначения приемных дней. В день же приема он заболел и опять три дня должен был дожидаться. А как ему нужно было скоро возвратиться домой, поэтому полковник решился в не назначенный для приема день видеть директора. Он отправился в дом Дубенского. Швейцар, привыкший видеть у своего генерала подобных просителей, по обыкновению отвечала с холодной монотонностью “дома нет!”. Полковник на другой день раньше явился; ответ был тот же. Тогда в нетерпении полковник сказал швейцару, что он врет: со двора так рано не уезжают. Швейцар со своей стороны прямо ответил: не принимают! Полковник требовал непременно доложить о себе, и хотел идти в зал, но швейцар заслонил собою дверь, повторяя, что сегодня не принимают, а пожалуйте чрез два дня. Произошел шум. На это время случился в зале брат директора. Услышав происшедшее, он отворил дверь, принял полковника и, узнав в нем знакомого во время службы в достопамятные войны 1812 и 1814 годов, и причину его посещения, пошел в кабинет брата и передал ему о случившемся. Тот вышел в нерасположении духа. После сухих объяснений полковник сказал, что он рад бы был, если б ему против стоимости земли выдали хоть половину денег из казны, только от хлопот избавиться. Директор отвечал, что на это нет положения. Тогда брату директора, имеющему в Саратовской губернии деревни, пришла мысль удовлетворить претендента. Он спросил полковника, если он хочет продать, то может получить деньги: пусть только назначит цену. Но раздраженный полковник везде горько жаловался на четырехлетнее страдание, издержки и, наконец, на трудный доступ к директору, присовокупляя, что он продал землю его родному брату по назначенной им цене. Дело дошло до сведения государя. А как были уже жалобы на медленность удовлетворения жалованными землями, то собрали справки, что брат директора и прежде таким же образом купил земли. Представилось явное подозрение и готовившийся в кандидаты министра был исключен из службы неожиданно⁴⁴, без действительной вины, не быв причастен злоупотреблению, подобно предшественнику своему, губернатору Бравину, с разницею, однакож, что Бравин, сокрушая злоупотребителей, по клеветам хотя и был отставлен, но по заслуженным прежде ободрительным отзывам в проезде на

следника опять был сделан губернатором; а когда министр чрез несколько лет докладывал о неспособности его, то государь вспомнил его и спросил: “или есть еще на него доносы от взяточников во взятках?”. Министр отвечал: “нет, но заметна слабость управления от старости”. “А сколько ему лет?”, – спросил государь. “70”. “Так перевести его в Москву сенатором”. В этом почетном сане он и кончил последние дни свои⁴⁵. Честна смерть праведника. Дубенской был тоже с чистым сердцем; но допустил несколько обуять себя гордости, и, упавши, не восстал. Слова Священного Писания не прошли его мимо: “гордым Бог противится!”.

VIII.

Как приятно иметь друга! Мне кажется, что дружба может быть только в небогатом состоянии. Я, проживши ныне за шестьдесят лет, в независимом состоянии, вспоминаю с каким-то особенно теплым душевным удовольствием время в двадцатилетнем моем возрасте, когда я квартировал у небогатых, но добрых людей. Бывало, в воскресный или другой праздничный день, не убивая времени на пустые или для каких-нибудь видов утренние визиты, вставши и помолившись Богу, свободный от занятий ученических, а потом уже и должностных, напившись чаю, все время до поздней обедни чувствуешь чем-то торжественным: день кажется светлее, хотя бы солнца не было видно. Послышавши звон колоколов, отправляешься в церковь. При выходе увидишься непременно с каким-нибудь знакомым из прихожан и условишься, где быть вечером. Но прежде, тут же мимоходом от церкви до двора, по пути зайдешь к приятелю съесть вместе первый кусок хлеба-пирога безыскусственного. Тут поговорим о красоте или оригинальности проповеди, сказанной священником, о каких-нибудь новостях городских, и если оны худые, то с довольной серьезностью, а не как ныне: часто случается слышать, рассказывают об ошибке в жизни, или о несчастном обороте дел со смехом и удовольствием. Тогда были нравы простее, следовательно, и характеры добрее, и это натурально: с понятиями ограниченными потребности и желания делаются ограниченнее. Зависти и происков меньше там, где уверенность в жизни, и эта уверенность как бы удаляла мысль: основывать свое счастье на несчастье другого. Великолепный дом, роскошная одежда и пища приятны, но надобно согласиться, что они часто бывают причиною несчастья многих. Роскошь

не знает пределов, поэтому и предающиеся наслаждениям оной выходят из границ быта своего и состояния; а общая мать всего живущего – земля раздает нам сокровища свои с умеренностью. Кто получает их трудом собственным, тот знает им цену и употребляет их только при действительной надобности, а излишек хранит на случай; но кто находит их без труда и имеет надежду на непрерывность таких случаев, или, как говорится, на возможность добыть, тот не знает всей цены благ, подобно сытому, посаженному за стол, хорошим кушаньем уставленный.

Часто вспоминаю я летний вечер в маленьком садике, где всего десятка два деревьев и несколько грядок цветов. Там разослано несколько ковров на траве полукругом, в центре сидит хозяйка за самоваром и собственными руками prepares и раздает чай. Пьют его с большим удовольствием, нежели разносимый на серебре, строят комплименты, хотя и не столь тонкие, как в гостиных, убранных бархатом, но принимаются они с большею, нежели там, живостью и удовольствием, даже с каким-то сердечным теплым ощущением, самые даже иногда неловко сказанные, которые хотя пересмеиваются, ибо смешное везде смешно, но без колкости. Рассказывают анекдоты об удачах и неудачах, больше про себя. Когда же кончится чай, на место его расставят не ликерные конфеты, не персики и абрикосы, а просто полевые арбузы, дыни, нарезанные ломти оных, не нечистою рукою лакея, но милой ручкой самой хозяйки и ее перстками раздаваемые. Потом наставят на полдюжине тарелок орехов, фиников и других сухих фруктов с прибавлением вареньев; найдется в околodge и виртуоз, или виртуозка, на гитаре – тогда они в большом употреблении были на Руси. Молодая рука возьмет аккорд на струнах, заиграет какую-нибудь нежную песенку, например “По улице мостовой”, и танцующие не замедлят выступить на сцену. Сначала, по тогдашней застенчивости, выходили пожилые уже дамы. Иная из них возьмет кума под руку; потом на перемену себя попытшат молодежь, а сами усядутся на коверчиках, рассматривают танцоров, выхваляют их и припоминают себя в их годы. Иной рассказывает, что он еще лучше плясывал, побуждая тем самым танцующих к сильнейшему одушевлению. Без паркета, на гладенькой площадке веселятся, как говорится, до упаду. Чтобы подкрепиться, танцующим вместо аршада⁴⁶ и лимонада подают домашнего изготовления мед и грушевый квас. Прохлаждались же и освежались больше чистым воздухом. Затем, присев на ковриках между старшими или

особыми группами, девушки отдельно, кавалеры также, запевали хором какую-нибудь песню; другие же, прохаживаясь, по временам прильнут к краям ковров около дам, как пчелки к цветам; но прохаживаться женскому полу с чужим мужчиною рука об руку, вдвоем, и на десять шагов от компании тогда еще не позволялось. Тут, сидя в тесном кружке и прилегая на коврах, иногда ненароком сдвигаются, дотрагиваются друг к другу. Электрический огонек перебегает приятно в невинных сердцах веселой компании. Зеленые ветви дерев при свете огня производят какое-то очарование и увлекают сердце к сильнейшим нежным ощущениям. Тут и меланхолик, и несчастный ... – первый расшевелится, а последний на время забудет свою горесть. А если при такой магической картине природы и задушевного веселья пирующих, вздумается кому заглянуть вверх – сквозь ветви и листья деревьев просвечивается темное небо, усеянное блестящими звездами, а иногда освещенное луною, довершает очарование! Так, бывало, незаметно пройдет ночь. На заре утренней расходитя компания, и всякий, проведя несколько часов в невинном приятном усаждении чувств, спокойно засыпает и весело на другой день пробуждается. Для меня так мила эта картина, так приятно о ней воспоминание, что, забывая преклонность лет и с нею неизбежную холодность ощущений, живо представляю себе, как немного надобно для счастья человека и как мы это делаем затруднительным своими тщеславными затеями! В последствие времени я бывал на великолепных балах, в позлащенных залах; правда, в них море блеску! Ослепительная пышность, приятность мягких диванов и нежный пол, как гирлянды цветов, украшают комнаты, то размещаясь у стен, то свиваясь и развиваясь в обширной зале под звук громкого оркестра. Там все представляет изящество, утонченность вкуса, дышит ароматами: но там собрались званые не дружбою, не приятию, но по обряду, по тону света, чтоб поспорить друг с другом в пышности и великолепии! Из собравшихся одни пляшут, другие, сидя, пересушивают, кто как одет, и таковых больше всех, истинного удовольствия немного! Иные рады случаю позлословить, даже поклеветать на не нравящегося им человека, хотя бы совершенно невинного. Тут встречаются враг с врагом, и честный уступает плуту дорогу. А к концу бала самый блеск освещения, монотонность обращения танцующих и живость движений утомляют: от большой массы народа и курений ароматических расслабляются нервы, и возвращаются домой веселыми немногие.

Но каждый на свой аршин меряет, как и смотрит в свои лишь очки. Ощущения, как и вкусы, различны, а по-моему: как от жирных яств испорченность желудка в болезнь все тело повергает, так роскошь производит прихоти, а они вообще вредны. Все нежно, утонченно воспитанное, по виду блестящее, не может перенести непогод житейских. Каково же тому, кто, по легкомыслию, тянется за богатым человеком – шегольски одевается, чтоб поскользнуть несколько часов по паркету, садится за великолепный стол, чтоб видели другие, что и он вместе с крезами пил шампанское – каково ему после дойти до невозможности быть сыту дома и прилично одету! Этот-то лихорадочный пароксизм нечаянной бедности доводит женский пол до бесславия, а мужской до преступлений, с несмелым же характером рожденных повергает из высокого звания в самое низкое состояние. Но я заговорился: я хотел только высказать, что посредственное состояние и близкая к природе жизнь удобнее доставляют счастье людям. Кажется, этого стиха никто не может опровергнуть: “Без дружбы, без любви, – на свете все пустое!”. Но дружба и любовь истинными бывают только в семейном быту, а роскошь и пышность многих ныне удерживают от браков. Слишком богатые люди боятся обязанностей супружеских, от этого многие с добрым сердцем и хорошими нравами лишают общество хороших семейств. Рим в тысячелетнее существование и величие свое испытывал и замечал это, и из опасения, чтобы благородная кровь не прекращалась, иногда становился законом – кто в 30 лет не женится – к напоминанию этого порядка податью, а кто пропустит 40 лет, такового лишать права быть в благородных и торжественных собраниях. А иногда приступал и к насильственной мере – уничтожению этого зла в самом его корне: к переделу всех земель и сокровищ в государстве. Богатство в сущности не токмо не вредно, но есть благо, людям от Бога посылаемое; только благом, однако ж, оно тогда будет, когда с умом на добро употребляется; богатый человек, потребляющий свои сокровища не на одно украшение жилища своего, пресыщение желудка и услаждение созываемых гостей, а и на вспоможение нуждающимся, украшает и жизнь свою; в противном же случае, он тунеядец. Я всегда был увлекаем мыслию делать добро в обществе, не думая, любят или не любят тебя другие.

Начало жизни уподобляется ясному утру летнего дня: надежда быть счастливым, подобно лучезарному солнцу, украшает все предметы, но сердце, созревая, узнает горесть чувствительности, и жизнь год от году темнеет...

Постараюсь рассказать добросовестно сердечные ощущения, наклонности и действия души моей. Если нет в них блестящего, зато, может быть, иной заметит, как не в высоком звании, с малыми силами, можно быть полезну и обеспечить себе будущность – в довольстве и приятстве прожить, и как надобно быть во всем острожным. Начну с сердечных ощущений моих. На 18-м году моей жизни однажды в летнее время к хозяевам квартиры моей пришла соседка – купчиха с дочерью 14-тилетнею. На дворе были качели для детей хозяйских. Гостья-девушка захотела качаться, а я, из вежливости угодить ей, стал качать. От прикосновения двух разнородных существ, до того не знавших друг друга, электрическим током разлилось в молодой крови нашей ощущение дружбы, сильное, взаимное. Неосторожная мать той девушки отпускала ее одну в дом моей хозяйки, зная, что здесь нет ей ровесницы для препровождения времени. Эта девушка, иногда вместо хозяйской половины, наперед заходила отдельно в мою комнату, сначала как бы по ошибке, но после уже прямо, с сердечным излинием дружбы, которая превратилась в пламенную любовь. Заметив это, хозяйка, женщина чистой нравственности, передала матери о случившемся. Девушке запретили ходить. Но любовь не угасла, а усиливалась; завязалась у нас корреспонденция: чрез дворовых людей мы посылали друг другу записочки. Наконец и это открылось: наказав корреспондента, прекратили наши сношения. Оставалось одно средство: видеть друг друга на улице. Это еще сильнее воспламеняло мое сердце и воображение, так что когда, бывало, случалось увидеть не только ее, но даже кого-либо из ее домашних, у меня сердце замирало от сильного сердечного ощущения. Я, видимо, иставивал, мной овладела меланхолия. Заметив это, правитель канцелярии, доброй души человек, однажды приглася меня к себе в дом, добрался до сердца моего, необыкновенною ласкою приступив с допросом: что за причина замеченной им хандры во мне? уж не сердечная ли страстишка? Я исповедывался и рассказал ему все. Он, как человек добрый, но тонкий, сначала как бы принял мою сторону, осудив родителей девушки за запрещение невинных свиданий наших, назвал это жестоким и как бы влил масло на рану моего сердца. Но потом со стоическим хладнокровием стал разбирать: что семейство любимой мною особы хорошее, но кредит этого дома в критическом положении. По большому семейству ни в дом зятя принять, ни дать дочери капитала они не могут, а я тоже с малым состоянием. Он, наконец, стал оправдывать поступок роди-

телей девушки, дав мне понять, что я еще и молод к женитьбе, и что приличной партии могу искать не прежде, как лет чрез пять, когда службою себя выкажу и рассудок укрепитя; что особа, в которую я влюбился, тоже очень еще молода, только к тому времени созреет в характере, и если кредитные обстоятельства дома их изменятся, тогда может она и партию мне составить, но до того времени должен я удержатъ стремление своего сердца. Средство же к тому: отказатья видетъ друг друга, а занятия делами отвлекут мысли к новым идеям. Я послушался этого совета и переменял квартиру, поселившись в другой части города. В пять лет переменялся бытъ мой. От этой первой юношеской страсти, чистой, но пламенной, ничего не осталось: чрез двадцать лет после того, когда я уже был женат и *ее* увидел замужней женщиной, то дивился бывшей пылкости своего воображения. Некогда казалась она мне неземною, ангелом, а тут я увидел женщину обыкновенную. Я разговаривал с нею, но ни слова о бывшем: из былого чувства ничего в сердце не отозвалось. Что ж значат клятвы влюбленных – “до гробовой доски!” Минутная восторженность! Надобно всегда к словам до гробовой доски прибавлять – “кого-либо из нас!” Но долгая разлука не похожа ли на доску гробовую? А может быть, я оттого увиделся с *нею* чрез двадцать лет так равнодушно, что в течение этого времени сердце мое сталкивалось с другими, заслуживающими сочувствия. Например, молодая знатная дама, урожденная княжна⁴⁷, полюбила во мне скромность, готовность угождать каждому. Случай еще более сблизил, как бы столкнул меня с нею. В один жаркий летний день в доме ее брата занимался я делами в зале. Мне пришла мысль взять книгу из библиотеки его, находящейся в спальнй комнате. Мать дамы сидела в креслах у самой двери гостиной в спальню и что-то работала. Дверь в спальню не была затворена. Я в приятной фантазии, по молодости, как бы побежал из залы чрез гостиную в спальню, и так резво, что мать, видевши пред тем меня, занятого писанием, увидела меня уже поровнявшегося с нею на пороге спальни. Она вскрикнула: “остановись! остановись!” и протянула руки, чтоб меня удержатъ, но, по старости лет не могли скоро этого сделать, упустила. Ничего не воображая особенного и мечтая о приятности стихов, я оттолкнул половинку двери, вскочил в спальную комнату и – что же предо мной открылось?! живая, прелестная картина! Молодая женщина мылась в большом корыте... Вода струилась по полным формам ее нежного тела. Мать ее вскочила за мной; но я сам, изумленный до испуга,

безмолвно ушел на свое место, и не помню, скоро ли принялся за свое дело. Застенчивая скромность моего характера побуждала меня уйти из дома, но рассудок и благопристойность удерживали. Вышла старушка мать, я боялся взглянуть на нее, когда она с веселою ирониею проговорила: “Ах ты, проказник! на что ты так бегаешь в комнаты, когда дверь притворена! Ну, вот и увидел Еву!”. Я, не поднимая глаз, отвечал, что ничего не видал. “Ну хорошо, когда не видал, только, пожалуйста, впредь будь осторожнее: ведь кто бегаёт резво, тот иногда ушибается”. Когда возвратились братья той дамы, я, подав старшему, бывшему уездным предводителем, бумагу, хотел уйти, но меня удержали обедать, а как им мать уже пересказала происшедшее, то они, пересмеиваясь, повторяли: “Оставься с нами. Напугавшая тебя сама уже уехала из дома на целый день в гости”. На другой день мы не видались, на третий день она выехала с матерью в деревню. Через несколько недель братья ее, отправляясь в свою деревню, пригласили и меня, прибавя: “А там съездим и к сестре”. При этом имени я сгорел и отказывался от поездки, но они дружески сказали: “Непременно ты должен ехать, не то сестра будет век на тебя сердиться, а против молодой дамы это непростительный грех”. Мы поехали. Но при свидании сначала не могли прямо взглянуть друг на друга и ни слова о случившемся, как бы ничего не бывало. Я ныне, по прошествии сорока лет, ни с кем, кроме жены своей, не говорил об этом происшествии; жена моя¹ была хорошо знакома с этой дамой, которая сама ей признавалась однажды, что любила меня. Ласковый всегда прием ее и дружеская переписка продолжались у нас по временам, с слишком нежными иногда изъяснениями. Чистая, неукоризненная дружба с нею прекратилась только с ее смертью. Но и ныне, если за вечерним столом подается вместо пирожного молочная каша, я всегда вспоминаю покойную П[расковью] В[асильевну] потому, что однажды в разговоре о пирожных я сказал, что всех их превосходит, по моему вкусу, молочная каша из сарачинского пшена или перловых круп. После этого, когда случалось мне приезжать в деревню к ней, или брату ее, будь это в глубокую полночь, тотчас же отдается приказ варить мною любимую кашу. П[расковья] В[асильевна] в молодости была красавица и до последних дней с сильной энергией ума и воли.

¹ Н.И. Бартенева, супруга автобиографа, давшая нам право на издание этих мемуаров, скончалась 19-го июня сего года в Воронеже. – Ред.

IX.

В продолжение жизни встречаются самые разнообразные случаи. Сыскались люди, хотевшие завладеть моим сердцем, без моего искательства. По соседству с моим домом был дом чиновника, получавшего большой доход, добрейшего во всех отношениях человека. У него было три дочери. Старшая и меньшая вышли замуж, осталась одна средняя. В доме всем распоряжалась старшая замужняя дочь, штабс-докторша, персона бойкая. Желая пристроить последнюю сестру, по частому посещению моему их дома и обыкновенному волокитству молодых людей из одной вежливости, вообразила она, что я хочу жениться на ее сестре, а поэтому усугубила приветливость ко мне и настроила девушку быть со мною ласковее. Вежливость и меня обязывала оказывать ей предпочтение пред всеми. У них почти каждый вечер были собрания военных и статских мушин и соседних девиц. При такой помощи, бойкая особа однажды задумала порешить дело, сидя в саду в беседке за чайным столом. Сестра ее девица сидела рядом с нею, я напротив. Она, расставив чашки с чаем на поднос и велев разносить всем, кроме меня, указала сестре-девушке подать мне оставленную чашку, проговоря вполголоса: “Видя, как я и сестра особенно занимаемся добрым соседом”. Я отплатил вежливостью, сказав, что принимаю это с особенным чувством. “Как прекрасно, – воскликнула она, – если отвечают нежному чувству! жаль только, если кого обманывают”. “Я не в состоянии, – возразил я, – обманывать и льстить такому милому семейству не могу”. Для эффекта вежливости я сопровождал эти слова миною задумчивости и легкого вздоха, как бы сожалея, что не принадлежу к такому семейству. “Что вы задумались? – спросила меня хозяйка, – мы всегда с удовольствием видели искательство ваше в нашем семействе; только опять повторяю: не обманываемся ли?”. “Уверяю вас, – сказал я, – что я никогда не думал никого обманывать”. Она, повыся голос, чтобы другие слышали, сказала: “Если вы с таким благородным сердцем – что ж томиться неизвестностию, если заметили вы завлеченное вами сердце!”. С этими словами взяла она за руку сестру: “Объяснитесь решительно, мы вполне желаем вам счастья!”. Но тут я увидел, что от фраз любезностей дело зашло далеко. Я призадумался. Бывшие тут гости смотрели на меня в оба глаза. Хозяйка, не выпуская руки сестры и не спуская с меня глаз, присовокупила: “Вы давно коротко знакомы с нашим домом, не бойтесь, объяснитесь, этого требует честь”. Между тем

подошли ко мне два офицера, компаньоны дома их, потому что муж ее был дивизионный штаб-доктор. Я, смекнув, к чему ведет дело, смешался и чтоб уклониться от дальнейших объяснений, отвечал ей, что вполне уверен в желании их мне счастья, поцеловал у нее руку и сказал: “На теперешний ваш вопрос у меня ответ будет готов после, позвольте мне его принести, или прислать”. В эту самую минуту подошел ко мне человек и сказал, что ко мне приехал предводитель, князь Лобанов-Ростовский⁴⁸. Я раскланялся и ушел. Вечером зашел ко мне один из бывших там гостей и, не зная обстоятельно дела, рассказал, что за уход мой рассердилась распорядительница дома и выговаривала двум офицерам: почему они не удержали меня, когда был такой случай вынудить... только он не расслышал, что вынудить? Я про себя подумал: согласие жениться. Несколько дней я не только не ходил в дом их, но даже и не ездил мимо. Хозяйка на другой день заболела; дивизии, в которой служил муж ее, назначился поход и она с ним уехала. На прощальный обед она присылала звать меня от имени старика отца. Я был; но, желая избежать объяснений, отправился как можно позже, пред самым обедом. При входе меня встретили пенями, что давно не был, а при прощаньи – что я в долгу, так не принес и не прислал обещанного ответа.

А вот и еще случай. Один зажиточный купец полюбил меня. Из большого семейства у него оставалась на руках еще одна меньшая дочь, девушка лет 17. Старику хотелось выдать ее за дворянина, он и избрал меня в зятя. Я никогда не был в его доме; но по службе моей, и так как я имел дом в городе на видном месте, меня все знали. Этот дом я купил у дворянина Дехтярева, который по дружбе еще отцов наших почти насильно его навязал с большой уступкою в цене. Дехтярев был старинный знакомец тому купцу. Последний однажды зазвал его к себе и, повторив наперед, как дружен он был с его покойным отцом-полковником, как и его знает за благороднейшего человека, высказал ему, что он желал бы последнюю свою дочь выдать в замужество за дворянина. А как я ему нравлюсь, и он, Дехтярев, дружен со мною, то пусть он предложит мне об этом. Дехтярев, квартировавший у меня, на утро за чаем передал мне, что за меня сватаются. Но когда я высказал мои мысли, что жениться хорошо тогда, когда в силах будешь содержать семейство, а ему известно, что наследственного будет у меня немного, за дом я еще остаюсь несколько должен; так думаю, мне рано жениться, да и невесты я совершенно не

знаю, не видал. Дехтярев уехал в деревню. Через месяц он возвратился. Старик, опять увидав его, вторично зазвал к себе и спросил об ответе. Дехтярев, умолчав о том, что было говорено со мною, отозвался, что хотя он и дружен со мною, но уважая его семейство, считает шекотливым делать предложение со стороны невесты. Старик на это возразил, что он ошибался, считая меня за хорошего человека: он полагал, что человеку доброму можно обо всем говорить откровенно, и такой человек не с насмешкою примет, если кто посватает ему невесту. Когда Дехтярев возразил, что знает меня хорошо, и заверяет его в благородстве мыслей и правил моих; тогда старик сказал: “Так я решительно вас прошу передать ему, что я хотел бы мою дочь видеть за ним. Я знаю небогатое его состояние, но я могу дочери моей в приданое купить продающуюся теперь под городом деревню в 30 тысяч руб.”. Дехтярев опять принялся за меня, но как я никогда не имел в мыслях жить за чужой счет, а потому, не зная девушки, не дал решительного ответа. Он обратился к моей матери; та нарочно приехала из деревни, несмотря на осеннюю непогоду. По совету ее мы отправились с нею в дом старика, кстати был предлог: продать ему мед. По старинному заведению поили нас чаем донельзя и запотчевали разными фруктами, но невесту не показали. На утро старик пришел с прикащиком, осмотрел мед и купил две бочки, а за деньгами просил пожаловать вечером, на чай к нему. Мы вторично отправились. Матушка получила за мед тысячу рублей. Угощали нас по-прежнему, но все-таки одни старик со старухой, да выходили малолетние внуки, а невестка и дочь-невеста не показались. Моя мать спросила об них, отозвались, что их будто их нет дома, в гостях. Это показалось нам загадкою. На другой день я послал за приятелем моим купцом Чер., их родственником. Я рассказал ему, как П. вызвал меня на сватовство, как радушно нас принимали два раза, но невесты не показали. Он отвечал, что по ихнему старинному обыкновению девушка-невеста не выходит к жениху до тех пор, пока не дадут слова старшие. Я отвечал: “Как же соглашаться, не выдавшись никогда?”. Он тотчас отправился к ним передать наш разговор и, возвратясь, объявил, что приказали благодарить за наше посещение, что для них это приятно, дочери же их девушке выходить было непристойно, скажут другие, что сама навязывается, что они не верят, чтобы где-нибудь я ее не видал, ее вывозят и к церкви и в люди, там можно видеть, кто захочет! А в доме невесту показывать, так надобно условиться, назначить ве-

чер с приглашением всех родных и коротко знакомых. Я отозвался, что по церквам ходить, чтобы отыскивать случая видеть невесту, я не согласен, как равно и на публичный смотр невесты и показ себя всенародно за жениха никогда решиться не могу. Парламентер со своей стороны отозвался, что и им отступить от истари принятого обыкновения невозможно. Тогда я просил его отправиться вторично и передать мои слова, и что если они без созыва сторонних в своем доме не решатся допустить познакомиться нам с невестою, так хоть бы в чьем доме дали случай нам видеть друг друга. На это предложение согласились и назначили чрез два дня вечер у старшей сестры девушки, богатой купчихи. Мы поехали с матерью, но вместо скромного приема нашли большое освещение и собрание человек до тридцати; это, однакож, были все родные. На парадном месте сидела нареченная моя теща с дочерью невестою. Хозяйка подвела нас к матери, и, указав, как уже знакомой, на сидевшую подле нее в блестящем наряде молодую особу, сказала: “Это сестра моя Е.С.”. Тут мы робко взглянули друг на друга. Так как она держалась больше при матери своей, а мою с ней посадили рядом, поэтому и мне был удобный случай, часто подходя к ней и ее матери, заводить разговор и с нею. Мы друг другу понравились, хотя и не блестящей были наружности, но и ничем обоих природа не обидела. Тогда был у меня еще порядочный слух. Вечер прошел весьма приятно. Когда возвратились домой, начало уже светать. Утром часу в 10-м явился ко мне парламентер – мой приятель, родня невесты, купец Чер., который объявил, что П. благодарят за вчерашнее посещение, приказали узнать о здоровье и приятно ли их угощение? После изъявления с нашей стороны благодарности, я присовокупил особенную за случай ознакомления меня с девушкой П., которая мне чрезвычайно понравилась. При этом случае матушка моя, перекрестив меня, отозвалась свату, что она лучшей невестки желать не может, и что все в их семействе ей приятно. “Ну, если так, – продолжал Ч., – так и приказано мне отвечать, что и вы им нравитесь, и что теперь, когда пожелаете в дом, то можете видаться с Е.С., а по времени и условиться в окончании дела”. Мать моя, желая поскорее уехать в деревню для хозяйства, велела сказать старикам, что еще хочет быть в доме их до отъезда и назначила тот же вечер, прося, чтоб никого только не было званых. В 5 часов отправились мы вдвоем. Тут уж невеста, вышед в гостиную, не уходила, исключая только отлучки для принесения разных ла-

комств, которые в сопровождении матери должна была нам подносить собственноручно. Она по собраниям никогда не езжала, а в частных компаниях у старинных купцов девушки не смели с чужими мужинами много разговаривать. Я спросил ее: где она лучше любит гулять – в саду или по тротуарам? Она отвечала, что по городу ей прогуливаться не с кем: брат занимается торговыми делами, вот и теперь в Москве уже два месяца, а невестка слабого здоровья. Прогулки же в саду очень обыкновенны; ей больше нравится деревня. Сама она ни о чем не решилась меня спросить от застенчивости. Признаюсь, она мне понравилась простотою и тихостью характера. Возвратясь домой, я долго мечтал и заснул в приятных ожиданиях. Утром, когда мы сели за самовар, матушка начала говорить, что в семейном быту перво счастье – добрые нравы, а новые наши знакомые, кажется, люди хорошие и девушка тихого нрава, собою не дурна; дай Бог, чтобы поскорее кончилось. В это время входит мой мальчик и подает письмо с надписью на мое имя, запечатанное облаткою. Читаю и изумление поразило меня! Искривленным почерком уведомляют меня, чтоб я оставил помышление жениться на Е.С., потому что ею дано уже давно другому слово, и что ежели я не послушаюсь, то меня сожгут. Что было делать? допытываться, кто принес? невозможно: мальчик отвечал только, что приходил какой-то человек, одетый в суконном халате и в картузе, а отдавши письмо, пошел скоро за ворота. Но куда и кто он? покрылось неизвестностью. Я не верил, чтоб записка была справедлива, и относил все к клевете, к желанию расстроить дело, может быть, родными той девушки, которую хотели мне навязать. Но при всем том раздумье и неизвестность меня мучили: ведь может и случиться, что уже прежде меня кто-нибудь был занят ею и ей нравился, а я представился ей только по выбору родителей; в кратковременное знакомство она не могла еще высказать настоящего расположения сердца, а по странным патриархальным нравам не смела противиться воле родителей. Я послал за добрым Чер. Он приехал вечером. Я показал ему таинственное послание, изъяснил мое горе, и спросил: как он думает? он отвечал, что это пасквиль, выдумка недоброго человека. Он уверял, что говорит это не в прикрытие по родству, а чистосердечно, что дом их знает как свой, а шило в мешке не утаишь: пронеслись бы слухи, когда б девушка к кому-нибудь была благосклонной, а этого никогда не заметили. Был жених, но отказали, и он уже на другой женился. Тут я рассказал ему о затеях

соседей. “Ну, так! – отвечал он, – это из их дома! разве вы не замечаете, что письмо писано хоть и почерком безграмотным, как бы купеческим, а запечатано-то не по-нашенски, не сургучом, а видите, зеленою бумажкою и с какими-то изображениями”. Мы покончили тем, чтобы он отправился в дом девушки и пересказал происшедшее, и что мы желаем лично объясниться. Уже поздно ночью привез он ответ. При нем расспрашивали девушку, и она объявила, что никогда никому не давала слова и никто до меня ей не нравился. Старики просили нас лично услышать от ней тоже, когда будет угодно. На другой день мы с матерью отправились. Старики встретили нас с грустными лицами. По некотором объяснении они потребовали послания таинственного лица. Я отдал его отцу семейства. Он прочитал и заверял, что это клевета. Мы потребовали лично спросить саму невесту. Мать вызвала ее и оставила нас с нею одних. В смущении начался у нас разговор; наконец я прямо сказал: “Вам должна быть уже известна причина нашего посещения. Прошу вас чистосердечно объявить: предложение мое, не отвергаемое вами, не есть ли только воля ваших родителей? может быть, уже прежде вам кто-нибудь нравился? Я не смею считать себя в каких-либо особенных правах на ваше сердце и руку: между нами не было никаких еще обещаний. Вы можете объявить свободно, если уже кем другим заняты; я пожелаю только, что опоздал, но претендовать не могу, потому что желаю вам с другим от души счастья”. Она без смущения взглянула на меня и на безымянное письмо, которое пред ней держал я в руках и тихо отвечала: “Письма этого я читать не стану, оно оскорбляет меня, – потом, обратив ясный девичий взор на меня и на мою мать, продолжала, – злословить всякого можно; но я, как пред Богом скажу, ни с кем коротких сношений не имела и обещаний никому не давала, – и, покрасневшись, присовокупила, – если уже я сказала, что вы мне нравитесь, так это не по принуждению батюшки, а только с его согласия!”. С этими словами она хотела выйти из комнаты, но в эту минуту дверь растворилась, и из зала вошли мать и отец, видимо, подслушивавшие, остановили ее, усадили на диван, а две матушки, одна родная, а другая будущая свекровь, уселись по сторонам. Старик велел подать вина и закусок, родная мать со слезами целовала дочь и мою мать, проговорив: “Она перейдет к вам, как птенчик невинный”. Когда старики и я выпили по две рюмки дрей-мадеры⁴⁹, то пооправились от смущения. Старик, вдруг поднявшись, взглянув на образ, сказал:

“В доказательство нашей чистой взаимности, покончимте же теперь. Лиза! выйди из-за стола”. Она вышла. Взяв дочь и меня за руки, старик произнес торжественно: “Примите мое родительское благословение, поцелуйтесь!”. Мы поцеловались, тут нас обе маменьки перецеловали. “Ну, теперь довольно, – продолжал старик, – я устал от беспокойства душевного, прощайте! об окончании поговорим после”. Мы с матерью отправились домой. Возмутительное письмо предалось сожжению, а на другой день мать уехала в деревню, готовясь к свадьбе.

Через несколько дней приезжает ко мне приятель мой Чер., против обыкновения невеселым. Я справился о причине. Он, помолчав, сказал, что приехал из Москвы сын С.Н. и когда узнал о предположенной выдаче в замужество сестры, и что старик отец посулил приданого 30 тысяч рублей, то он побледнел и объявил: во-первых, он оскорблен, что, не дождавшись его, покончили это дело. Хозяйство дома зависит от него, а распорядились без его совета! во-вторых, что, по настоящему купеческому обычаю, за девушками в приданое денег не дают: жених сам наперед наживи, чем жену содержать! а потому, хотя он при родительской воле не прекословит сестре выходить замуж, но капитала денежного не даст, он должен остаться в доме: у него уж четверо детей и все поддерживается одним его трудом. Старик на помощь к себе созывал родных и с ними убеждал сына, для счастья сестры, отделить обещанные уже 30 тыс., что и не составило бы большого счета, так как весь их капитал простирался свыше 200 тыс., кроме домов и лавок. Сын этот был скупец с крутым характером, а потому никакие убеждения на него не подействовали. Причем корреспондент мой присовокупил, что старик давно уже передал в руки этого скареда даже дома и лавки, по случаю слабоумности другого сына, и теперь ничего у него нет, следовательно, и дать не может, хотя обещал и будет обещать. По родству Чер. с семейством П. я поручил ему передать: что как по купеческому обыкновению считают за стыд давать за девушками в приданое капитал, так по дворянскому стыдно взять без приданого, а я иначе не могу жениться по небогатому моему состоянию: хотя я и имею каменный дом, но должен до пяти тысяч, и что, наконец, до окончания их споров я не могу быть в доме их. Через три дня парламентар привез мне известие, что, после всех семейных споров и слез отца, сынок его согласился выдать пять тысяч, но больше, сказал: ни копейки! Я отозвался, что при пяти тысяч приданого я не в силах прилично поддержать семей-

ный быт. Приходит ко мне сам старик и изъясняет, что он, бывши с прежним владельцем этого дома, полковником Д[ехтеревым], в приятельских отношениях, часто проводил здесь время по середам, и как я ему нравлюсь, то он и хотел, чтоб последняя любимая им дочь жила в доме друга его; он навещал бы ее и вспоминал о своей молодости. Он рассказал причину, почему передал все в руки сына, не предполагая, чтоб он мог иметь такое черствое сердце, и убеждал меня жениться, присовокупляя, что за дочерью его будет, сверх лисьих и соболевых мехов в 3000 руб., жемчугу и бриллиантов тысяч на десять, что я могу это продать и обратить в капитал. На это я отвечал, что жениного имения продавать у меня духу не достанет, а пусть он сам обратит эти вещи в капитал. Он отозвался, что по их обряду этого сделать нельзя: все будут знать, что он дает за дочерью. Ушел он от меня с убеждением бывать у них в доме. Но я распротился с этим домом и ласкавшими меня, хотя не долго, но сильно интересовавшими меня мечтами. Она впоследствии вышла-таки замуж за дворянина, уездного стряпчего, а я женился. Мы видались нередко, не напоминая о прошедшем, как бы близко знакомые или как бы родные, без неудовольствия и без особенно сердечных волнений, как не бывшими влюбленными, но всегда как бы с нежною стыдливостью, припоминая невинный поцелуй. Так случаи играют людьми, заводят далеко, ласкают, пугают и, как дым, как пар, исчезают!

Х.

Как всему бывает конец, так и приключениям сердечным. В промежутках вышеописанных приключений я познакомился с домом помещицы своего уезда, вдовы Паренаго⁵⁰, имевшей двух дочерей. Всегдашняя приветливость ее завлекала многих в ее дом, где и я потому бывал с удовольствием, но без всяких особенных видов. Дочери ее были тогда еще очень молоды: одной было 10, а другой только 5 лет. Они были единственными наследницами 50 душ крестьян, 800 десятин земли и капитала до 20 тысяч рублей. При таком состоянии, разумеется, начали являться женихи, как только старшей минуло 14 лет; тогда с этих лет уже дозволялся брак. Я не мог часто бывать у них за службою и за расстоянием от города за 30 верст. Один капитан перебил всем женихам дорогу: он женился на В[ере] Паренаго. После этого, когда я приехал к ним в дом, мать наследниц, при обыкновенной своей гостеприимности и ласковости при дочерях своих и зяте,

между прочим, сказала: “Ведь я отдала бы за вас В[еру], но вы не сватались, упустили; теперь дожидайтесь вот этой”. Она указала на вторую, последнюю свою дочь Надежду, которой тогда было только 10 лет и которая с детской стыдливостью ушла в другую комнату. С тех пор, когда приезжал я к ним, всегда, бывало, привожу конфет, шутя как бы нареченной невесте, а она, покрасневшись, примет их и всегда уходит из комнаты. При всей детской охоте до лакомств, она, бывало, при мне не станет их кушать, по капризу или стыдливости – про это она лишь знает и может теперь, чрез тридцать лет, и здесь написать, я это не желаю исследовать. Мое всегдашнее правило: угодить человеку, сделать для него чего-нибудь полезное и приятное. Если я сорву плод с дерева, лучшим всегда другого попотчую, не подумайте, что из желания вознаграждения? нет, просто из желания угодить. Меня иные называли скупым, а я только бережлив: люблю собрать, прибереечь, памятуя пословицу: “береги копейку про черный день!” Я это слышал от отца, а он был доброй души и сердца человек, и я, подражая ему, рад всегда чем могу поделиться, поделюсь и поделюсь. Не люблю только бросать деньги на прихоть, на блеск минутный. С мотами и лентями не люблю водиться, мне и угощения их не приятны. С бедным – разумеется, не отвратительным лентяем или туенядцем, – с бедным от сиротства или обстоятельств, силы человеческие превышающих, всегда с удовольствием поделюсь, и при случае кусок черствого его хлеба съем приятно. Так и дом вдовы П[аренаго] я любил не по одним, довольно интересным ее дочерям, а потому, что она была добрая женщина. Я обдывал ее дела, помог ей против завистливого деверя⁵¹ – отделить его во владении землями подальше, и тем избавил ее от его притязательности и захватов. Так проходили годы, я и не думал о словах, в шутку сказанных, что для меня растет невеста. Я не имел времени бывать у них весь 1823 год, а девушки, по пословице, как грибки растут. В начале 1824 года приехал ко мне зять г-жи Паренаго Фаленберг⁵², давнишний мой знакомый еще до женитьбы его на В[ере]. Между разговором о том о сем, когда я спросил его о нареченной моей невесте, его свояченице Надежде, он решительным тоном сделал мне вопрос: намерен ли я на ней жениться? – я отвечал: непрочь, когда вырастет! Он отвечал на это: “Вот то-то! вольно не ездить и не проведать! Ведь она уже невеста, уже два жениха приезжали свататься, из которого один Северского конно-егерского полка поручик, лихач, того и смотри, что увезет!”. А

как он и теща желали бы видеть ее за мною, поэтому Фаленберг советовал мне приехать и покончить дело формально. Месяца чрез три пригласил я приятеля своего майора Величко⁵³ и отправился в имение вдовы П[аренаго]. Когда мы подъезжали к дому, я усмотрел мою невесту с соседней барышней прыгающими чрез канавку сада, как обыкновенно резвятся дети. Она была хотя по пятнадцатому году, но физическое сложение ее представляло ее не более лет двенадцати, а мне было тогда уже 33 года. При всем ласковом приеме меня нынешними моими тещею и свояком, проведя приятно в их доме целые сутки, я хотел было, за молодостию невесты, отложить формальное предложение еще до времени. Но товарищ мой представил мне, что он взял за себя точно такую же молодую жену и поживает себе с нею прекрасно. “Ну, не завидно ли тебе? – спросил он. – Пшеничку надобно поскорее в свои закрома прибирать, а то птички налетят, уташат”. Я решился на формальное объяснение. Теща и свояк с радушием приняли мое предложение; но невеста, как водится, сгорев, как маков цветок, отозвалась, что она еще молода и замуж не хочет! Разумеется, это приняли, как везде принимается, за стыдливость молодой девушки. Назначили формальную помолвку чрез три месяца, 17 сентября, в день именин невесты. Итак, после многолетних сердечных волнений, я остановился у пристани, там, где наименее мечтал. Невеста моя была собой очень мила, нежна, и состояние имела на 40 тысяч, следовательно, я должен был поехать от нее влюбленным, но этого не было. Другие подумают: так, видно, не невеста, а приданое нравилось? или она уж другим кем была занята? – и этого не было. Так что ж такое? А вот что. В энтузиазм влюбленного оттого я не пришел, что невеста моя была еще очень молода, а молодость и застенчивость не позволяли еще кокетничать, разжечь мушину. К тому же с детства еще пришлось мне назвать ее невестою. Она беспрерывно видела в доме своем военный молодой народ, а детей все блестящее более занимает; видела старшую сестру за кавалерийским капитаном, эскадронным командиром, а я был статской, не первой молодости, – что же могло пристрастить ее ко мне? Даже и ласку какую-нибудь она мне как неровне, оказать стыдилась; следовательно, не могла и меня сильно завлечь при всех своих достоинствах. Я смотрел на нее как бы на предопределение, без особенной страсти. Впрочем, она мне нравилась, и без лжи скажу, нравилась не по одному состоянию, а и по наружности. Я наживал в свой век все трудом собственным. Жела-

ния у меня всегда были ограничены. Не в похвалу себе смело могу сказать, как пред Богом, никогда я не жил и не искал жить на счет другого, и никогда ничего мне не принадлежащего ни у кого не вымогал. Так и в этом случае: без страсти, по сердечному влечению к девушке, при радушном расположении ко мне семейства ее, несмотря на ее равнодушие ко мне и относя его к молодости, незрелости и детской застенчивости, я решился жениться на ней. Часто до помолвки бывали у нас споры с нею. Она говорит, бывало, что не хочет замуж, а я спрашивал: разве я ей не нравлюсь? Однажды она сказала: “Да, таки и не нравитесь!”. Я спросил: “Почему же? скажите мои недостатки?”. “Ну, да так и не нравитесь, я еще молода”. На это я отвечаю, что буду стараться ей нравиться, буду охранять ее молодость и проч. Споры оканчивались смехом. А маменька ее при этом споре замечала: “В старину молодых девочек и не спрашивали. Поживете – слюбитесь”. И, по моему, при равных состояниях и званиях браки всегда бывают прочнее, ибо нет случая к упрекам в бедности и в неравности происхождения. Я всегда так думал и не обманулся. Так прошло три месяца. 16 сентября 1825 года приехал я к ним уже парадно с моею матерью, старинным дома нашего приятелем и соседом Дехтяревым, что был сватом от купца, да однополчанином свояка, отставным майором Величко и с его женою. На другой день, 17 сентября, при приглашенных соседях тещи моей, нас торжественно благословили. Пред этим еще временем невеста моя чувствовала лихорадочные припадки, потому и отложили совершение брака на неопределенное время, пока поправится ее здоровье и приготовятся по обыкновению все наряды. Но здоровье невесты не поправлялось, а потому в исходе декабря переехали они в город и при помощи докторской прекратили лихорадку. 26 января 1826 года совершился мой брак. Мы оба с женою от природы слабой комплекции, потому, может быть, и детей у нас не было. В 1830 и 1839 годах ездили мы к кавказским минеральным водам, и вот, когда это пишу, прошло уже 30 лет нашего супружества, не по страсти совершившегося, но Бог благословил нас. Хотя и без детей, никогда никто из нас в 30 лет неразлучной жизни друг другу серьезно не говорил: это мое! При нужде кого-либо из родных мы уделяли что кому вздумается, без укоризны друг друга. Много у нас пропадало до скорби иногда сердечной; но провидение не оставляло нас: блестящего состояния не имеем, но есть чем дожить до нужды.

XI.

Я упомянул, что мы ездили на Кавказ. Сделаю хоть маленький очерк своего путешествия. В первый раз, в 1830 году, отправился я туда и обратно на наемных лошадях за 350 руб. ассигнац[иями]. К этому упросил меня бывший в то время в Воронеже инспектор врачебной управы г. Поссе⁵⁴, так как его жена с дочерью и малолетним сыном также отправлялись. Выехали мы 10 мая – г-жа Поссе в четвероместной карете, в шесть лошадей, а я с женою в рессорной бричке тройкою. Сначала приятно нам было сообщество попутчиков. Когда приедем на предполуденный отдых или ночлег, дочь г. Поссе, девушка умная и расторопная, приученная в доме хозяйничать, бывало, распоряжается в приготовлении кушанья; часто мы имели и чай и стол общий. До Черкаска и переправы чрез Дон у Аксайской станицы беспокоило меня в дороге одно – медленность: в сутки уедешь не более 60 верст, а при ненастной погоде и 40. Ямщики для удобства лошадям ехали не по дороге, а стороною по степи. Экипаж беспрерывно качает из стороны в сторону: это нестерпимо, и у меня даже делалось головокружение.

Когда мы доехали до Аксая (это было 20 мая) Дон был еще в полном разливе, верст на 10; за перевоз потребовали с меня 20, а с г. Поссе 40 руб.; но она не соглашалась платить, грозила перевозчикам, что будет жаловаться, а они отвечали, что казаки люди вольные, за труды что хотят, то и возьмут. Спутница моя убедила меня отправиться к станичному начальнику; по крутизне местности и отдаленности дома мы насилу добрались до него. Вышел к нам старый казак-майор в истрепанных эполетах, и на жалобу нашу о притеснении на перевозе, прехладнокровно сказал: “Переправа-то тяжелая! Эй! – крикнул он вестовому казаку, стоявшему в сенях с нагайкой в руках, – поди-ка с этими господами и скажи ребятам, чтоб они не шалили, лишнего не требовали!”. Возвратились мы на переправу. Вестовой отдал приказ и ушел, а казаки-перевозчики, указывая на реку и проговоря, что с таким большим экипажем в теперешний ветер и ехать невозможно, удалились от нас. Было уже часов 10-ть утра. Тут г-жа Поссе уже согласилась заплатить требуемое, но казаки не везли, говоря, что надобно подождать за полдень, когда ветер позатихнет. Итак, после всех хлопот, ровно чрез сутки поставили наши экипажи и лошадей на суда и переезд совершился в глубокую ночь. По опасности выгрузки на берег ночевали мы в перевозных судах. За Доном

начинаются степные безлесные места. Помещения самые худые. Куда прибудешь, не скоро отыщешь удобный покой. Остановимся на улице и пойдем осматривать дома – я себе, а Поссе себе. И вот я отыщу, но смотришь, госпожа Поссе является и уприсит уступить ей квартиру. Раз и два я ей уважил, но нездоровому человеку скучны перемещения и я решил поступить иначе. Когда отыщу квартиру, поскорее экипаж с лошадьми на двор, а сам в избу, где и расположусь, переодевшись в халат. Но чрез полчаса хождения по улицам, не найдя по вкусу дома, снова является к нам г-жа Поссе и начинает просить уступить ей с детьми квартиру. Наскуча ее капризами, я отказал ей формально, сказав, что я нездоров и не в состоянии перемещаться. Она на это возразила: “Так мы и вместе поместимся”. Я сказал ей, что кроме шлафора, ни во что не могу одеться; но она, несмотря на то, не посоветилась привести детей, и я должен был уступить ей большую комнату и перенести свою постель за маленькую перегородку. Такие прихоти этой женщины и возня с ямщиком, забравшим у меня почти третью часть договорной суммы, принудили меня отделаться от него и от попутчиков: в Ставрополе я рассчитался с извошиком, дав ему к забратым 100 еще 50 руб. на обратный путь, взяв подорожную и на почтовых dokonчил мой вояж. На третий день я прибыл в Пятигорск на минеральные воды; г-жа Поссе притащилась на протяжных только на осьмой день. На пятую станцию от Ставрополя, Саблю, приехал я часов в 6 пополудни. Содержатель ее, купец, спросил меня, как мне угодно, теперь же ехать или подождать до утра, потому что за Ставрополем ночью не ездят, а только днем, когда и пикеты по дороге содержатся, а к ночи они стягиваются в ближние селения, присовокупив, что если мы спешим к целебным источникам, то сегодня же приедем в Александрию засветло, а завтра утром будем в Пятигорске. Я сказал: “Не будет ли поздно? ведь чрез час пакеты снимутся?”. “Как угодно, – отвечал почтосодержатель, – ведь для меня же выгода: вы переночуете и мне заплатите. Вон и военный из Петербурга, смотрите, прогуливается по улице, боится ехать и остается ночевать. Опасности никакой нет. Ведь я с вами посылаю тройку лошадей в 400 руб. Ежели вас ограбят, так и меня, а я себе не лиходей”. Это убеждение дало мне решимость ехать. Когда в наш экипаж начали впрягать лошадей, то и военный, увидевши это, пустился за нами. Когда мы вышли садиться, всех трех лошадей держали под уздцы по человеку, потому что они рвались, фыркали и копытами скребли землю. Жена

моя испугалась; но добрый хозяин заверял, что это ничего, что лошади не казацкой породы, а горской и что они не брыкаются. Действительно, когда уселись мы и когда пустили лошадей, они понеслись как из лука стрела. Бессмертный Пушкин прекрасно выразился: “как стол кавказская дорога”. От слободы Сабли до Александрии 40 верст, ни горки, ни камня. Мы ровно в 9 часов были уже в Александрии и там нашли почтосодержателя из казенных поселян, предоброго. На дворе у него простое крестьянское строение. Дом разделен сенцами на две половины: в одной 2 комнаты, где и помещается хозяйское семейство, а другую половину занимают две комнаты для приезжающих. Страна, о которой рассказывают чудеса: громадность гор, вечными снегами покрытых, ущелья, населенные хищным народом – все это в воображении человека мыслящего рисуется еще громаднее и страшнее. Не доезжая до Ставрополя 30 верст, вдруг взбираешься на каменистую возвышенность, прорытую и там и сям ущельями, прикрытыми лесом. Но не ищите здесь строевого леса: каменистый грунт, не давая корням простора, лишает силы дуб, клен и ясень вырасти толще кола или слегу. Поднявшись на возвышение, опять видишь безграничную плоскость, покрытую густою травой, шиповником, цветистым и ароматическим быльем; но европейской розы и красной розы нет, а одни белые и палевого колера. Местами по дороге встречаешь натуральную мостовую. Пред самым Ставрополем по обе его стороны тянутся леса, коих окраины покрыты диким лиловым левкоем, разливающим сильный аромат в воздухе. Ставрополь, по-моему, на лучшем месте Кавказской области: высокое местоположение предохраняет его от тлетворных болезней, кругом плодоносный грунт доставляет избыточное продовольствие. В окружности его на 30-ти верстном во все стороны расстоянии могут поместиться 60 тысяч хлебопашцев. И в таком случае беспрерывно усиливающееся население города поддерживало бы благосостояние селений и разлило бы богатство промышленности до Кубани и Терека. Из квартиры нашей в Ставрополе мы увидели кавказского великана – гору Эльбрус! Она находится на юго-восточном горизонте и представляется как бы куском белого облака. Это белеется вечно покрытая снегом и никем не достигаемая ее вершина. Не доезжая до Пятигорска 80-ти верст за две станции – именно в Сабле, открываются виды минеральных гор: Железной, Машука, Серной и Пейш-Тау – по простонародному Пештовая; а пред ними Змеиная. Все они на возвышенной рав-

нине стоят в виде конусов. Змеиная состоит из сероватых камней, а прочие покрыты лесом. Я счел все эти горы за облака и удивлялся, как между них проходила дождевая туча с молниею, а они остались неподвижны. Почтосодержатель мне растолковал, что это не облака, а горы.

В Пятигорск въехали мы в 10 часов ясного утра. Квартиру скоро мы отыскали за 150 руб. на шесть недель в доме полковника-коменданта. Она состояла из двух комнат, сделанных из пиленых толстых досок. Вскоре приехал и председатель палаты, в которой я служил. Он был человек богатый, но скупой, а потому нанял квартиру подешевле в слободе, также две комнаты, но турлучного строения, т.е. частокол, обмазанный глиной. А как в Пятигорске, по близости к снеговому хребту, и в июне часто бывают холодные с дождем дни, потому он нередко большую часть дня проводил у нас.

ХII.

Не буду описывать свойства и действия кавказских минеральных вод, это требует знания медицины. Скажу только, что весь трехмесячный курс кончился благополучно; мы пили воду и принимали ванны на горячих серных водах 6 недель, на железных 2 и в Кисловодске на Кордзане 3 недели; двенадцатая неделя прошла в переездах. Воды помогли спасительно как мне, так и жене моей, так что я думал было переселиться на всегдашнее жилье на Кавказ. Но под конец лечения нашего сильно перепугала всех вторгшая из-за Кавказа холера, в первый раз в 1830 году появившаяся, и потому мы поспешили уехать в первых числах августа. Успенский пост люди наши соблюдали диету, но на границе Кавказской губернии с Войском Донским, по осмотре всех нас в карантине и пропуске чрез заставу, казаки предложили купить у них арбузов и дынь; но мы боялись их есть. Бывшие при этом начальник карантина, казачий майор, и доктор сказали: “Не бойтесь, кушайте, эти фрукты у нас здоровые! Мы каждый день съедаем по паре во славу Божию”. Я подал казакам гривенник серебром и они ввалили к нам в бричку три огромных арбуза и три ананасные дыни, а людям еще особо. С этой поры люди наши во всю дорогу дозволили себе есть арбузы, а в постные дни даже с квасом, вместо ботвиньи, ленясь на привалах варить кашу. Такая пища подействовала вредно на их здоровье. Когда мы приехали на границу своей губернии и остановились ночевать в карантине, то одна из наших женщин почувствовала припадки холеры. При пособии

добрых людей, бывших при карантине, земского исправника и советника губерн[ского] правления, кажется, и доктора, ей оказали возможную помощь. И хотя по правилам карантинным следовало задержать нас, но по знакомству нас решились отпустить, причем произошла следующая сцена: когда больной женщине объявили, что она должна остаться в карантине впредь до выздоровления, она выказала такую чувствительность и преданность к нам, господам своим, что растрогала всех карантинных чиновников! Сколько ни уговаривал ее советник, человек знакомый нам и ей по Воронежу, что он будет иметь об ней попечение и потом с собой привезет в Воронеж, сколько ни представляли ей опасность дороги при расстроенном ее желудке, к тому же она и беременна была; но она решительно объявила, что если уж ей и придется умереть, то все-таки при своих господах она будет покойней. Она безыскусственным, но искренним изъяснением любви к нам заставила чиновников забыть строгость карантинных правил: ее отпустили с нами. Но от тряскости дороги опять начались с нею припадки. Для нее мы брали особую повозку и так как принуждены были поэтому останавливаться, то проезжавшие безостановочно за день до приезда нашего в Воронеж уже возвестили, что я еду и везу холеры. Только что я доехал и ввалился в свой дом, а больную поместили в особую горницу при бане, как явился частный пристав и именем губернатора потребовал отвезти больную в городскую больницу. Больная пыталась убедить пристава не брать ее, но когда он отозвался решительно, что это не в его воле, тогда она проговорила, что без личного господского надзора она умрет в больнице. И действительно, мы ее лишились с большим прискорбием: это была женщина необыкновенно кроткая, услужливая и умела все сделать. Дочери ее мы дали вольную.

Хотя эта первая поездка на Кавказ и напугала нас, и хотя на обратном пути мы видели иссохшие поля кавказские от знойного воздуха и при худом еще тогда устройстве селений за Доном до Пятигорска, а предметы виденные всегда на нас сильно действуют, а потому я подумал, что Кавказ есть гроб для переселяющихся туда русских; но, однако ж, собственная польза превозмогла, и я дал обет в благодарность водам ездить к ним чрез каждые десять лет. Почувствовав чрез девять после того лет ослабление сил, в 1839 году я вторично ездил на Кавказ. Вояж мой кончился благополучно. На возвратном пути мы заезжали в Таганрог и провели там десять дней. Город Таганрог стоит на высоком мысе,

вдавшемся в Азовское море. Он очень красив, жаль только, что не имеет гавани для судов. Последние подвергаются с трех сторон открытым ветрам, без малейшей защиты. Даже на грузки и выгрузки производятся подвозом лошаадьми на телегах с устройством на них вроде щитов, на которые накладывают товары и транспортируют их сажень на сто в море по отмели глубиною до 1 1/2 аршина. Отмель эта образовалась от обвалов и смьтия ежегодно дождем с возвышенности глинозема с песком. Дно этой отмели гладко, как пол, от непрерывного колебания морской воды и потому купанье на ней чрезвычайно приятно. Когда сядешь на дно как раз по шею, то даже и при тихой погоде качает тебя как бы в люльке, немного отодвигая от берега.

Местность Таганрога понравилась императору Александру I по возвышенности и плодородному в окружностях грунту. Он хотел, как думают, там дожить последние свои дни патриархально, сложа с себя тяжкое бремя короны. В 1825 году император купил усадьбу с полтораэтажным каменным домом над берегом моря, против пристани судов, с предположением выстроить дворец. Судьбы Предвечного не дали совершить этого, но домик навсегда останется памятником Благословенному. Хотя он не успел насладиться в нем тихою жизнью, но все-таки желание его умереть не пред лицом неблагодарных, им облагодетельствованных, исполнилось. Сосчитывающий дни наши Бог принял великую душу Благословенного в купленном им домике, в котором убранство оставлено тоже, как было при великом хозяине оногo и хозяйке, кроткой как ангел императрице Елизавете Алексеевне, с тем только изменением, что в комнате, где скончался император, устроена домовая церковь.

На одной из площадей Таганрога воздвигнут монумент покойному императору: на мраморном пьедестале поставлена бронзовая статуя его во весь рост⁵⁵. О пребывании императора Александра I в Таганроге сохранился следующий анекдот. Когда император, приехав в Таганрог, водворился в купленном им домике, и вышел однажды с двумя адъютантами прогуляться по городу в сюртуке без эполет, на площади понравились ему арбузы. Одной из торговок он велел отобрать пару лучших и спросил о цене. Она, не узнав императора, отвечала: “Без торгу, ваше благородие, по дюжине за штуку”. Император сказал: “Как же быть! Со мною нет медных денег! Дойди до моей квартиры”. Торговка отвечала: “Кабы побольше взяли, а то ходить и посылать не из чего!”. Тогда

император, взяв один арбуз в собственные руки и приказав сделать адъютантам тоже, сказал торговке, чтобы она сама еще два арбуза донесла до квартиры. Та с радостью согласилась, повторяя, что ей следует получить полтину. Отправились. Но когда подошли к воротам дома и караул выстроился, торговка приостановилась. Император приказал ей идти за собой, но у крыльца она решительно стала, требуя, чтоб его благородие выслал ей деньги на двор, а в царские палаты ей идти не пригоже. Ей сказали, что она сама должна сдать арбузы. Введя ее в переднюю, император с адъютантами отнес к императрице арбузы, сказав, чтоб она сама расплатилась с торговкой. Когда император и императрица опять вышли к торговке, тогда она, догадавшись уже, кто покупатели, упала в ноги им, прося прощения за свою недогадливость. На вопрос императрицы, что стоят арбузы? торговка отвечала, что она и так их царской милости подносит, лишь бы только кушали на здоровье. Но на повторенный вопрос отвечала, что продавала их по гривне. Императрица, оборотясь к другим, отвечала: “Это быть не может! По гривне за такие прекрасные арбузы!”. С этими словами государыня вынула из кошелька червонец и отдала его торговке, которая не хотела было брать денег. Императрица, которой понравилось простодушие торговки, велела ей носить всякий день по паре лучших арбузов, за которые всегда ей платили по гривеннику серебром за каждый. Императрица во время пребывания в Таганроге каждый день в ясную погоду езжала из города в сад, находящийся в двух или трех верстах от города, где в одном месте на берегу моря сама посадила несколько тополей. Под ними теперь устроена деревянная скамья. Тополи растут прекрасно, но жаль, что многие из посетителей вырезают на них свои имена. Эти вырезки портят гладкую кору дерева и преждевременно его губят.

Пословица, или мудрец какой-то сказал: “Человек сам себе первый враг!”. Так и со мной случилось. Выехав из Таганрога в половине августа в полном удовольствии и поправившись в здорoвьи, я чрез неделю добрался до Воронежа. Привыкнув к купанью в Таганроге на взморье каждый день два раза, я захотел и в Воронеже делать тоже. Я отправился на реку купаться, но, поплававши немного, почувствовал во всем теле дрожь, вышел из воды и прямо возвратился домой. Я схватил жестокую простуду. И хотя поднял меня с постели искусный доктор, но последствия оказались самые горькие: они уничтожили все плоды лечения

минеральными водами. Вместо золотухи ушной сделалось у меня воспаление в щеке, по совету некоторых я тер ее льдом до онемения. Воспаление утихло, но чрез это образовался за щекою в челюсти фистул, который при простуде разбаливается с опухолью до опасности воспаления в голове. Вышеозначенная неосторожная простуда, сверх телесной болезни, доставили мне еще и душевную горечь.

ХIII.

Я служил тогда уездным судьей, а эта должность едва ли не труднее всех по выборам: тяжело решать вопросы о чести и имуществе многих, будучи сам под начальством у многих! Часто невольно действуешь и против личности по воле начальства, или по личности против начальства; удовольствием одному наживаешь врага в другом. В судьи я пошел не по собственному желанию. В 1821 году поступил я по выборам в секретари дворянства⁵⁶, чрез три года выбрали в заседатели гражданской палаты⁵⁷, на третий срок – в гражданской же⁵⁸, на четвертый срок в обе палаты⁵⁹. Губернатор назначил меня в уголовную. Пред наступлением пятого срока, в 1834 году, приехал я в дом, почтеннейшего из дворянства, Тулинова⁶⁰, и застал там человек с десять дворян. При входе моем вдруг слышу возглас: “Вот он, кого нам надобно!”. Присутствующие объявили мне, что они рассуждали о том, кого бы выбрать в судьи, а то губернатор недоволен прежним⁶¹, у которого дела в запутанности и в большом беспорядке. Один из дворян проговорил, указывая на меня: “Он тотчас приведет все в порядок”. Но при этих утвердительных словах другой выказал мину сомнительности, сказав: “Хоть и не так скоро возможно при теперешнем беспорядке!”. Это подстегнуло во мне самолюбие, и при повторении всеми, что больше не за кого взяться, я прямо объявил, что если им угодно, я соглашаюсь. С этого дня меня нарекли судьей. Благодарю Бога, все три срока службы моей в палате я продолжал к полному удовольствию моему, моего начальства и избиравшего меня дворянства. Начальство губернское часто поручало мне следствия довольно важные. При случаях вакансий советников в губернском правлении я преимущественно занимал оные, не оставляя своих заседаний и в палатах. Без хвастовства могу сказать: служба моя была торжественная! Губернаторы меня любили, и дворяне всей губернии выбирали меня во все должности, даже в кандидаты председателей⁶². Был со мной случай, достой-

ный описания, из которого легко можно заметить, как человек невольно вовлекается в неприятности чрез интриги, и как благое провидение спасает его от злых козней.

В уголовной палате было дело по доносам о злоупотреблениях по питейной части, тогда от казенной палаты зависевшей. Управляющий тогда палатою вице-губернатор Р[убашевский]⁶³ уговорил председателя уголовной палаты П[етрова]⁶⁴, чтобы распоряжения палаты по этому делу предварительно показывать ему. Одну бумагу доносителя палата не приняла в уважение, но по жалобе его министр юстиции⁶⁵ предписал произвести следствие. Я был в это время на следствии по поручению губернатора и только что возвратился в город, как председатель показал мне предписание министра и написанное секретарем⁶⁶ распоряжение, по его мнению, недостаточное. Сказав, что он боится нового выговора, он попросил меня написать другое. Я это сделал. Когда он прочел и одобрил, я сказал, что не худо бы и еще один пункт прибавить, но беда в том, что это будет неприятно для вице-губернатора. Председатель потребовал непременно прибавить и просил меня это сделать, что я, не предвидя ничего, и исполнил. Затем он приказал тотчас писать журнал и, не выпуская меня из присутствия, убедил подписать и эту статью, и весь журнал. На другой день я уехал из Воронежа. Вице-губернатор, узнав о крутом распоряжении уголов[ной] палаты, при объяснении с председателем выразил ему свое неудовольствие, сказав, что он поступил с ним не по товарищески, не предварил его. Председатель отозвался, что ведь он не один, и рад был бы ослабить решение, да не может: в судебных палатах дела делаются по голосам. Бартенев написал и других настроил: ему, председателю, нечего было делать, как согласиться. Вице-губернатор, до этого времени всегда хорошо ко мне был расположен, а за три дня до того, только что я возвратился в город, и я у него даже обедал, поэтому он отозвался, что он не верит, чтоб я против него мог так поступить. Тогда председатель, вынув черновую бумагу, показал ему мою руку и в особенности указал на прибавку, по его единственному настоянию мною написанную. Вице-губернатор, сочтя меня за двуличного и неблагодарного за все его ласки ко мне и доверенность, – ибо он, когда исправлял должность губернатора, а я заседал в губернском правлении, при несогласиях с советниками всегда обращался ко мне, чтобы уладить дело по его желанию, и не проходило ни одного пиршества, на которое он меня б не пригласил – теперь поклялся мне мстить.

Тучи редко ходят поодиночке, так и против меня совокупились неприятности в течение всего 1830 года. Вот вторая туча. В гражданской палате было дело по искам долгов с одного полковника на 30 тысяч. Долги эти были не истинные, а картежные. Полковник был доброй души человек, попался в компанию игроков, его поддели, усадив играть по маленькой и довели до большого проигрыша. Когда проиграл он 5 тысяч рублей, то потребовали расчета и объявили, что будто бы не хотят играть больше; но один из игроков подстрекал полковника, чтобы он не платил, а требовал продолжения игры – авось отыграется, а если нет у него теперь наличных денег, то можно будет написать заемное письмо. Они знали, что у полковника было наличных денег десять тысяч. Полковник не расплачивался потому, что боялся, что игроки тотчас забастуют, а это им и нужно было, чтобы обыграть его на большую сумму. В компании игроков был один значительный чиновник, который послал за надсмотрщиком крепостных дел, чтобы тот прибыл с писцом и с книгою для записи заемных актов. Написали первый акт в пять тысяч рублей госуд[арственными] ассигнациями. Когда полковник подписал, то пошло продолжение игры, и как только набралось еще пять тысяч – опять составили новый акт. Так накопилось 30 тысяч. Игроки объявили, что дальше они играют не иначе, как на наличные. Тогда полковник догадался, с кем имеет дело и объявил, что теперь открылись ему глаза, что они воспользовались его слабостию бессовестно, а потому он и сам не хочет больше с ними играть, а надсмотрщику крепостных дел сказал, чтоб он актов не записывал, ибо он к записке руки прикладывать не станет, а как он сам себя допустил одурачить, то отдает все то, что при нем есть, т.е. наличными десять тысяч, но чтоб акты уничтожить. Игроки возразили, что уступать они ничего не намерены, хотели наличные деньги взять насильно, но поопасались огласки и, дорожа собственною репутациею, разошлись, удержав при себе составленные крепостным порядком и подписанные полковником М[атвеевым]⁶⁷ акты. Проигравший, ничего не заплатя, уехал в деревню. Слух об этом происшествии тогда ж разнесся по городу; но проигравший от стыда, а выигравшие от совести молчали лет пять. Когда из последних двое передали свои акты, – один игроку же, который и умер, а другой, на десять тысяч, С[танкеви]чу⁶⁸, одному богатому человеку, не участвовавшему в игре, и потому, может быть, не знавшим о происшествии, но лично знавшему проигравшегося за достаточ-

ного человека. С[танкеви]ч и наследники умершего потребовали платежа. Завязалось судное дело, поступившее в гражданскую палату. Векселедатель некогда был однослуживцем председателя⁶⁹. Некоторые из знатных лиц, знавшие о происшествии, держали его сторону. При разногласии в решении, я согласился с председателем – почитать акты ничтожными, по несоблюдению формы при записке. Между тем претендент С[танкеви]ч, богатый и потому многими уважаемый человек, присылал поверенного изъяснить, что для него важна не сумма, в акте написанная, а то, что он обманут: он никогда не предполагал, чтобы благородный человек, подписав, что должен, и молчав пять лет, потом стал бы опровергать. С[танкеви]ч предлагал нам и документы за подписом князя Хованского, но отвергнув оные, мы решили дело по совести. Наследники умершего игрока оробели, предлагали мировую, чтоб им дали хоть по 20 копеек за рубль. Но С[танкеви]ч был человек гордый: он оскорбился, что иск его не признали правильным, поклялся мстить, скупил последние акты в двадцать тысяч за четыре тысячи и подал апелляцию в сенат. Приехав на выборы и увидевшись со мной, С[танкеви]ч выразил неудовольствие, сказав, что его сочли искателем неправильного, а он только вовлечен в дело собственною неосторожностью г. полковника, что за это он постарается мне отплатить при предстоящей баллотировке.

За неделю до начала оной я только возвратился из командировки. Время было холодное, дорога предурная, ухабистая. Только что явился я в губернское правление, как мне подают к подписанию журнал о командировании за 250 верст губернского стряпчего⁷⁰, 70-ти летнего старца, на следствие по ничтожному делу. Это смастерил секретарь к вытеснению старика, чтобы приятелю уездного стряпчего открыть место. Мне жаль стало старика. Я взял журнал, пошел к губернатору⁷¹, объяснил ему, что дело ничтожное, дороги дурные, а поэтому, вместо командировки губерн[ского] стряпчего можно поручить дело уездному стряпчему⁷¹. В это время был у губернатора вышеупомянутый богач С[танкеви]ч. Он взял губернатора под руку, вывел его в другую комнату и там вооружил его против меня, сказав, что он удивляется, как я смею кассировать распоряжение начальника губернии, что он на месте губернатора послал бы меня. Губернатор взял перо, зачеркнул стряпчего, написал на стороне мое имя, при-

⁷⁰ Губернатором в Воронеже с 1830 по 1836 г. был действ[ительный] стат[ский] совет[ник] Д.Н. Бегичев. – Ред.

бавив, чтоб я отправился, нисколько не медля. Вышедши ко мне и подавая мне бумагу, он сказал: “Вам не нравится назначение стряпчего, и вы хотите делать все по-своему, я вас удовлетворил!”. С прискорбием я принес эту бумагу в правление. На третий же день мне и указ вручили немедленно ехать, чтоб выслать меня из города в самую баллотировку, но я не поехал.

А вот и третья туча. Один валуйский дворянин по многочисленному семейству занял в приказе деньги и не всегда исправно вносил уплату, поэтому имение его часто подвергалось опеке и опубликованиям о продаже. Но сроки проходили без желающих купить; а как опеки бывают только для проформы, поэтому он сам распорядился имением, и чтобы поменьше вносить на уплату, при описи показали доходу как можно меньше. Когда публиковали во второй раз, то советник губ[ернского] правления, в отделении которого было дело о продаже, известил соседнего помещика, бывшего в то время директором всех училищ в губернии, Фон-Галлера*, человека с большими претензиями на славу и приобретения, и предложил ему купить описанное имение, так как по доходам (600 руб. в год) его можно будет удержать даже за 6.000 руб., ибо долгу приказу всего только пять тысяч, а имение состоит из 40 душ да земли 300 десятин. Они условились поделиться между собой: советник возьмет крестьян на свод в Малороссию, а Галлеру⁷² достанется земля, примыкающая к его даче. На 1-й торг никого не явилось, на 2-й явились два учителя гимназии, они и выдали 6 тысяч, но Галлер объявил 7 тысяч ассигнациями, учителя отказались, губ[ернское] правление утвердило за ним и сообщило гражд[анской] палате о выдаче данной. Все это время я по поручению губернатора производил следствие в Валуйском уезде, где находилось то имение. Скоро получили там сведение о продаже. Я возвращался в Воронеж. Предводитель Ш[идловский]⁷³, принимавший всегда сильное участие в дворянах, возложил на меня, так как я правил должность совет[ника] губернского правления, употребить старание, чтобы не состоялась продажа, что он сам бы поехал к губернатору, но 200 верст и нездоровье его удерживают.

XIV.

Несчастный дворянин Р. уже был с просьбами в Воронеже. Прибывши в город, я первоначально явился к председателю гражд[анской] палаты. Он с прискорбием рассказал мне сам об оз-

* Интересные подробности о Фон-Галлере см. в статье г. Веселовского, напечатанной в *Воронежской Беседе на 1861 г.* – *Ред.*

наченной продаже, прибавив, что он не соглашался на утверждение ее, но по множеству бумаг, подписал журнал, не читая. “Если бы ты был на лицо, этого бы не случилось”, добавил председатель. Он сообщил мне, что, кроме приказа и частным лицам, долги выданною Галлером суммою не покрываются, а потому спрашивал моего мнения: не произвести ли новые публикации о продаже? От председателя поехал я к губернатору и сказал ему, что семейство Р. остается без всяких средств к жизни. Губернатор Адеркас⁷⁴, хотя и слаб был характером и мало знал дело, но был отлично доброй души человек. Он изъявил сожаление, что подобная история произошла в его отсутствие, но что ведь он не вправе изменять определения губерн[ского] правления, под председательством другого лица сделанное. Я представил ему, что эта отмена, если и не будет сообразна с законом, но думаю, не беда, если она сделается по совести и в защиту несчастного, а покупатель богатый человек и по службе имеющий непрерывные сношения с его превосходительством, – он посовестится жаловаться формально сенату. На это губернатор сказал: “Ты знаешь, что я рад всегда сделать дело доброе, да все говорят, что этого переменить теперь нельзя”. Я ему представил обстоятельства, дающие повод к изменению упущений в самом заключении губерн[ского] правления. Он согласился. От губернатора прихожу я в присутствие губернского правления, потребовал дело о продаже имения, прочитал. Секретарь⁷⁵ подает мне статью журнала, отдельно на это число составленную и подписанную уже двумя советниками. Статья эта касалась отношения гражд[анской] палаты, в ней говорилось, что губерн[ское] правление в утверждении продажи поступило согласно таких-то статей учреждений о губерниях (тогда св[ода] зак[онов] еще не было), поэтому, по такой-то статье, отступить от своего распоряжения не может, а повторяет палате о немедленной выдаче Галлеру на имение крепостного акта. Я обратился к членам и сказал, что на это мнение не согласен, а напишу свое. Тогда советники⁷⁶ сказали секретарю: “для чего он подает мне дело, в небытность мою сделанное? Нес бы его к подписанию губернатору”. Секретарь отвечал, что он носил, но приказано мне подписать. Я, между тем, занялся изложением моего мнения. В копии под делом показалось мне несообразно одно изъяснение. Причтя его к ошибке писца, я потребовал подлинный журнал, и что же увидел?! Статья утверждения продажи подписана не председателем палаты, обвиняющим самого себя в недосмотре,

а губернатором! Я изложил причины, вынуждающие правление отступить от своего заключения в самых умеренных выражениях и отозвался, что правление не может не согласиться с палатою – произвести новый вызов к торгам. Пока я писал, явился уже и сам покупатель, с ясным выражением благодарности, только бы я не возражал; но я, кончивши свою резолюцию, понес ее к губернатору. Он, выслушавши, сказал, что ж я не все изложил, как прежде ему все говорил, т.е. о беспорядке в самом заключении правления. Я отвечал, что посовестился, потому что оно подписано не председателем, а самим им, губернатором. Тогда он возразил: “Ошибаешься, друг, я в это время был за полтораста верст, ревизовал город Бирюч”. Я показываю ему подлинный журнал, он не верит своим глазам! А дело вышло так: когда торги кончились, председатель сказал, что за столь низкую цену (7 тысяч) 42 души и 350 десятин утвердить нельзя. Секретарь, по согласию с советниками, написал в журнале утвердить, на третий день понес к председателю, но он не стал подписывать. В этот день возвратился из уездов губернатор. Секретарь доложил эту статью на третий день события, и губернатор подписал ее с прочими бумагами, не читая. Прodelка эта чрезвычайно разгневала Адеркаса. Он послал за советником и сделал ему выговор за несправедливость. Тот отозвался, что по обыкновению советники подписывают прежде и что он не знал, что секретарь вместо председателя подал подписать его пр[евосходитель]ву. Губернатор подписал написанную мною статью об уничтожении, отдал советнику к исполнению, приказал секретаря засадить на гаубтвахту для проучения и потом удалить, но секретарь ушел из присутствия, и губернатору сказали, что он заболел. Дня через три успели смягчить гнев губернатора: секретарь опять явился к должности.

Итак, я спас состояние бедного семейства, но нажил себе третьего врага. Хотя он и высокородный был человек, но как завлекся уже в интересную интригу, много истратился и не со всех истраченное получил обратно, поэтому он озлился на меня едва ли не более двух первых. Все они, как люди аристократического круга, были коротко знакомы между собой и при предстоявших выборах 1830 года решились очернить меня. Первый, как второе лицо по губернаторе, за три дня до выборов сделал обед председателем⁷⁷ и некоторым почетнейшим дворянам, не приглашая уже меня. По окончании обеда, на прощаньи, угощая гостей шампанским с пожеланием им счастливых выборов, он отзывал по

одиночке предводителей и упрашивал их, чтобы они избавили его от меня, как тяжелого человека, то есть не выбрали бы меня никуда. А как собрания уже начались, то на утро, только что я вошел в залу, как один предводитель, отозвав меня, пересказал мне об этой проделке Р[убашевск]ого. То же подтвердили и еще некоторые, изъясняя соболезнование свое, отчего все это произошло. Я и сам не знал причины, потому что со времени подписания статьи все был в откомандировке. Я поехал к вице-губернатору. Тот прямо объявил, что он меня боится, ибо за все ласки его ко мне, я заплатил ему злом, и тут же рассказал мне и о том, что передал ему председатель П[етров], прибавя: “После этого прощайте!”. Он ушел от меня. Я не успел и оправдаться. Он и директор училищ выслали толпы чиновников казенной палаты и учителей гимназии рассказывать, что только вздумается, про меня дурного, и советовать не выбирать меня более. А на другой день, в самый выбор заседателей палаты, только что вошел я в собрание, как мне объявляют, что в Богучарском уезде уже объявлено, чтоб не выбирать меня, потому что это будет неприятно начальнику губернии. Это меня крайне встревожило. Я побежал в тот уезд, и, представ пред дворянами⁷⁸, проговорил, что сряду три срока пользовался я их доверенностию, никогда не прося о том, но теперь, слыша, что им объявлено, чтоб не выбирали меня больше, я прошу их защиты. Честь моя страдает напрасно! прошу их, если по-прежнему имеют ко мне доверие, баллотировать меня, не утвердить меня никто не может! В ту самую минуту позвали меня стать на сцену, по прежде бывшему обряду, подле губернского предводителя, так как с меня начнется баллотировка в заседатели палат. Я, как бы в исступлении, идя по зале, громко повторял последние слова и стал подле губерн[ского] предводителя⁷⁹. Начались выборы в безмолвной тишине. Первые три уезда клали шары скромно, ничего нельзя было предузнать, но предводитель четвертого уезда⁸⁰, где находился гордый и на меня гневливый богач, по благородству души, положил шар секретно. За ним гордый богач С[танкеви]ч, приподняв сукно, ясно положил шар налево. Его примеру последовали многие. Это раздирало мое сердце, ибо по совести я не был ни в чем виноват. Другие уезды клали шары тихо. Когда открыли ящики, оказалось, вопреки моего страха, что из трехсот бывших тогда избирателей неизбирательных шаров было только 30: это в уголовную палату. Кто-то потребовал, чтоб пробаллотировать меня и в гражданскую палату. Между тем за мной беспре-

ривно присылают присутствовать в губернское правление, чтобы увлечь меня из собрания. Я нейду. Пробаллотировали в гражданскую палату, для меня вышло еще лучше: неизбирательных оказалось только 25⁸¹. Когда за мной пробаллотировали трех дворян, которые могли соперничать со мною, то у них против меня избирательных не доставало много. А между тем в третий раз уже приехал за мной секретарь губернского правления, и именем губернатора требовал прямо к его превосходительству. Я не смел дожидаться других восьми кандидатов, обыкновенно, как говорится, на ставку для формы назначаемых. Поехал я к губернатору. Являюсь. Он впопыхах делает выговор, что я не присутствовал в губерн[ском] правл[ении], что по моему отделению остановились дела. Я отвечал, что причина известна его превосходительству – выборы! Он: да когда они уж кончатся? – Они уже кончились, я выбран в обе палаты. Тогда губернатор, отступя от меня и опять приближаясь, с недоверчивостью сказал: “Как вы говорите? вас выбрали в обе палаты?”. Я подтвердил. Адеркас, несколько постояв, как бы в удивлении, подошел ко мне уже тихо и, положив руку на мое плечо, сказал: “Ну, так опять будем вместе служить! – и уже значительно смягченным тоном присовокупил, – подите в правление, там дела по вашему отделению остановились”. Я вхожу в присутствие: предо мной лежит ворох бумаг и между ними предписание, чтоб я немедленно отправлялся на следствие в уезды. На вопросы советников я рассказал результат выборов. Они не скрывали удивления. Я с удовольствием принялся сначала подписывать журналы и исходящие бумаги, а потом и резолюции в докладных, сколько успел до выхода, а другие вечером. На другой же день в ночь я выехал из Воронежа, не дожидаясь утверждения губернатора, как несомненного. Впоследствии открылось, что губернатор точно говорил, что может еще и не утвердить меня, но это было вынуждено ласковым угошением вышеозначенного богатого человека. Он по обыкновению каждый вечер приглашал к себе своего уезда дворян, а накануне выбора меня в палату пригласил и губернатора, который, после многих бутылок шампанского, имел слабость в угодность хозяину сказать: “Несмотря на выбор, я могу и не утвердить его”. Хозяин, обратясь к бывшим у него дворянам, возгласил: “Слышали, что сказал его превосходительство!”. Через две недели возвратился я из командировки и прямо отправился к губернатору. По докладу, он вышел в зал, принял рапорт, велел положить дела на столик и идти за ним в го-

стиную, где увидел я своего уезд[ного] предводителя⁸², любившего меня, и одного из врагов моих, директора Галлера. Губернатор, подведя меня к столу, налил большой бокал шампанского. Когда я выпил и закусил, губернатор, обратившись к некоторым, громко сказал: “Если бы много у меня было таких глухих, я бы был покоен”. Тогда уездный предводитель, будучи энергического, резкого характера, чтоб кольнуть директора, подходит ко мне и нарочно громко спрашивает: “Как же это при выборе рассказывали, будто тебя губернатор не любит?”. Губернатор, увидя, что взоры многих на нас обратились, подходит к нам и проговоря: “Что вы тут шумите?”, – взял меня за руку, подвел к столу, налил еще шампанского и сказал: “Ну-ка, пей другой бокал, да отнеси дела свои в губер[нское] правление!”

XV.

Я продолжал мою службу при полном доверии не только этого губернатора, но и нового, Д.Н. Бегичева, который любил меня и не сердился даже и тогда, когда я делал вопреки его желанию. Был в Нижнедевицке уездный судья, молодой человек, но характера необыкновенно надменного с несколько низшими, и вкрадчивого с высшим, – лицемер, который с духовными ни о чем говорил, кроме божественного, с скромным человеком – об экономии, с семейным – о благочинии, и все это прикрывал лицемерством и богатством, женившись на особе с 400 душами. И потому, хотя он прибыл из другой губернии, но пустился в баллотировку, задал угощение, рассыпался в вежливостях; хотел быть предводителем, но получил только место уездного судьи.

Уездный предводитель был человек заслуженный, немолодой, но слишком уже мягкого характера. Этот гордый самолюбивый захотел первенствовать; предводитель вздумал поудержать его, но честолюбец, успев ознакомиться с губернатором Бегичевым, только недавно прибывшим, следовательно, никого обстоятельно еще не знавшим, насплетничал на предводителя, и когда тот заметил ему, что как же он на 2-й срок выбран? то рассказал, что предводитель любит пить, и что он доставит случай губернатору в этом убедиться. Бегичев приехал обозреть Нижнедевицк. Накануне приезда собрались в городе все те, кто хотел быть представленным его превосходительству. Лукавый хитрец, ожидая, как и все, приезда губернатора в первом часу, распорядившись в суде о приеме, отправился в квартиру предводителя и объявил, что сей

час один проезжий из Воронежа сказал, что губернатор выедет из губернского города только завтрашний день. Вслед за тем вошел и дорожный подставной человек, подтверждая тоже. Это было часов в 12-ть. Предводитель, по простосердечию своему, поверя, что губернатор в этот день не будет, захотел угостить приезжего и приказал подать закуску. Судья, сам удалясь с городничим⁸³, научил одного приятеля постараться завлечь предводителя выпить лишнее, в чем и успел. Вдруг среди этого пиршества приехал губернатор и пошел осматривать город, который заключается весь в одном ряду домов около одной площадки, с единственной посредине церковью. В положении предводителя лучше бы не показываться, а сказаться нездоровым, но он, напротив, отправился к губернатору, пригласив с собою и бывших на закуске – для представления. Губернатор принял предводителя и представленных им лиц, по обыкновению, очень вежливо; но, заметив, что они все чересчур закусили, раскланялся с ними. Судья остался распорядителем обеда и при городничем, боявшимся его, наказывал губернатору разных разностей о предводителе с преувеличениями. С этих пор губернатор возымел дурное мнение о предводителе добром, а к злomu человеку, наружно необыкновенно отчетливо себя державшему, усугубил доверенность, так что все несколько важные поручения по уезду возлагались уже не на предводителя, а на судью. Последний стал так дерзок, что, по обыкновению предводителя жить в деревне, а приезжать в город, когда по должности вытребуеться, не велел извещать предводителя, а на основании учреждения о губерниях – статьи, в которой сказано, что в отсутствие предводителя судья занимает его должность, все бумаги на имя предводителя распечатывал и приводил в исполнение. А в приезд самого предводителя изъяснялся перед ним, что он за него все делал, дабы его не беспокоить приездами в город. В самом же деле так поступал для того, чтобы забрать в уезде всю власть и придти у губернского начальства в большую известность. Когда предводитель догадался, в чем дело, то приказал письмоводителю опеки полученные предписания не подавать судье, а присылать к нему в деревню. Татаринов⁸⁴ (так прозывался этот судья) озлобился. В 1831 году в 1-й раз открылась в России холера. Учреждены были комитеты в каждом уезде, к ограждению от входа ее из соседних губерний карантинными заставами. В карантинную стражу комитет, под председательством предводителя, назначал из поселян по числу ревизских душ. При составлении

росписания, письмоводитель, по ошибке ли собственной, или по наущению этого злого человека, в некоторых селениях написал наряд людей неуравнительно, например: в одном с 1000 душ 12, а в другом 15 человек. Татаринев этим воспользовался, чтоб решительно удалить предводителя и самому управлять уездом⁸⁵. Он научил одного поселянина, прожившего на кордоне пять дней лишних, в проезд губернатора пожаловаться ему лично и подать о том записку, в которую вклеил, что если бы исследовать все беспорядки по этой части и злоупотребления, тогда открылось бы, как чиновники комитета неуравнительно назначали кордонную повинность и как чрез это они притесняли поселян и многих доводили до разорения. Губернатор передал записку к дознанию справедливости без большой огласки Татариневу, а он формально донес, что записка справедлива, и что в собственном жено имениях были те же притеснения в излишнем наряде людей, и что многие вопиют на эту несправедливость. Губернатор, не терпевший злоупотреблений, предписал ему же произвести следствие, быв очарован этим хитрым и злым человеком и фальшивою его личиною; ибо когда во 2-й раз приезжал в город, то остановился уже в квартире его и, войдя в кабинет его – в котором для его превосходительства назначалась спальня – нашел его убранным самым религиозным образом: передний угол был уставлен иконами, с висячею лампадою, а внизу на угольнике лежало распятие, пред которым также теплилась лампадка; восковые свечи лежали особо целым ярусом. На замечание губернатора, что, не жено ли его эта комната? он отвечал, что это его собственный кабинет, что он Бога боится и любит все святое. Этим довершилось очарование губернатора, человека религиозного. Я рассказываю не по слуху, а сам лично видел все эти проделки Татаринева. Перед тем он сделал представление губернатору, что члены уездного суда, заседатели, оказали против него дерзость, и что он, как президент, не должен допускать неуважительности к старшим. Тогда, по случаю обнаружившихся в 1825 г. революционных мыслей, действовал еще закон: за дерзости против начальников и штатских судить военным судом. Губернатор поручил мне произвести следствие. Я по этому предмету только что прибыл из Нижнедевицка и по знакомству с Т[атариневым] и по его просьбе прямо с приезда обедал у него, а вечером встретил и губернатора и всему описанному здесь был свидетелем, как также и тому, что Татаринев наутро хитро одурачил несчастных заседателей⁸⁶ своего уезд[ного] суда. Часов в 9 со-

брались все уездные чиновники для представления губернатору в дом судьи, он же был и за предводителя. И я, от нечего делать на квартире, туда же отправился. Когда вошел в зал, я видел стоявших с прочими и заседателей уезд[ного] суда. Меня пригласили в кабинет. Но когда чрез полчаса губернатор вышел в зал, хозяин дома и уезда Татаринов начал представлять чиновников и в конце остановился, обратясь к городничему с вопросом: да где же уезд[ного] суда заседатели? Городничий ответил, что он их оповещал и они приходили, но ушли, отозвавшись, что им не прилично представляться в доме г. судьи. Тогда этот хитрый человек, обратясь к губернатору, с глубочайшим как бы прискорбием проговорил: “Вот вашему прев[осходительст]ву, может быть, странным показалось мое представление? Вы их неотрешили, но они в присутствии вашем сами подтвердили свой непокорный до грубости мужиков характер”. Губернатор, указав на меня, сказал: “Да вот он недавно в вашем земском суде усмирил секретаря – выгнал, он и это дело разберет”. Губернатор, распрося обо всем и удостоверясь, что в городе и уезде все благополучно, спешил выехать в другой город; но Т[атаринов] упросил его отобедать. Обед был ранний, в 12 часов. За столом было всего 6 человек: губернатор, два помещика, городничий да я с хозяином. Жена его не выходила. Хозяин объявил ее нездоровою, но на самом деле он боялся жалоб ее губернатору, ибо впоследствии они и воспоследовали за взятые им с нее безденежные векселя на сто тысяч. Когда пред обедом губернатор спросил о жене его, сказав, что желает с нею познакомиться, Т[атаринов] вывел ее в гостиную. Видно, что он чем-нибудь предварительно ее растревожил: она вышла с красным лицом и как бы смущенная. На вопрос губернатора о здоровье и сожаление, что доселе она не познакомится с его женою, ибо мужа ее он любит, и он часто приезжает к нему в Воронеж, она как бы задумывалась, извинялась и отвечала неясно. Хозяин скоро нашел предлог вывести ее из гостиной. Когда она выходила, Татаринов, при ней еще, начал извиняться ее нездоровьем, а затворя дверь, показал и на голову, как бы давая знать, что она и умом была нездорова, прибавя вполголоса “Это мое единственное несчастье!”. Губернатор от полноты доброго сердца пожалел, а я, свидетель этих проделок, зная с детства эту женщину, зная ее ум и доброе, мягкое сердце, дивился несчастью, только не хозяйна, а хозяйки, выставленной дурочкой, не бывшей никогда таковою, и больною, когда у ней на двух достало бы здоровья. За ро-

скошным обедом хозяин старался потчевать отличными винами и шампанским. Когда губернатор, благодаря за угощение, заметил, что обед слишком роскошен, а потому совестно больше у него останавливаться – много расходу доставишь, тогда судья, приняв физиономию человека, исполненного достоинства, проговорил: “Фи! Это угощение мне ровно никакого не делает счета, а только удовольствие: ведь у меня в Рязани наследственных пять тысяч десятин земли, да здесь у жены моей 400 душ”. Первое и последнее справедливо, но пять тысяч десятин – ложь, дым, пушенный в глаза, дабы не видали его проделки жить за чужой счет. Отцовского наследства было у него не более пятидесяти десятин. Получа письмо, что губернатор приедет в Нижнедевицк, он показал его исправнику и в тот же день послал его в Воронеж купить те дорогие вина, не давая из кошелька своего ни копейки. После обеда губернатор тотчас уехал. Возвратившись на квартиру, я услышал от хозяина, купца, знакомого со всеми чиновниками, как судья Т[атаринов] начальствует над всем городом и что в существе он самый злой лицемер. Например, при выходе его из квартиры утром он наперед осмолит, есть ли люди на площади? буде есть и много, то он начинает отвешивать поклоны перед церковью, среди площади, едва ли не до земли, а если никого нет, то проходит оную, насвистывая арии; что жена у него страдалница и много подобного, что отчасти мне и было уже известно, по частому свиданию с ним в Воронеже в доме председателя, которому он был родственник и который всегда изобличал его во лжи. Наутро отправился я в суд. Татаринов не удостоил пожаловать присутствовать; там заседали один штабс-, а другой полный капитан. На вопрос мой, почему они вчера не захотели представляться губернатору? отвечали: что, напротив, хотели, и приходили, но им там один человек сказал, что, так как хозяин квартиры сделал на них представление о дерзости против него, то и не прилично им представляться в его доме, потому они и ушли, надеясь представиться в суде и объясниться по поводу нападков. Я, будучи и с ними несколько знаком, зная благородные их свойства, изъявил сожаление, что так далеко они зашли против старшего. Они с прискорбием выразились, что потеряли всякое терпение, что судья не хотел никогда и ни по какому делу не только принимать, но и выслушивать их мнения, над вежливостью их смеялся, и часто, в знак презрения, развалившись в волтеровском кресле, нарочно поставленном для него на судейском месте, подняв ноги, клал их

на стол пред зеркалом, а они должны были сторониться, чтоб кого еще не задел он сапогом. Они указали на крестьянских заседателей и секретаря, которые крестным знамением подтвердили то же. Оказалось, что причиною представления на заседателей было несогласие их подписать несправедливое и подписанное судьею заключение, составленное у него на дому.

XVI.

Когда я со всего этого взял копии и зашел к Татаринову, то откровенно сказал ему, что напрасно он завел процесс: чрез это начальство увидит только его настойчивость и принуждение им заседателей подписывать без собственного их суждения. Тогда он возразил: “Разве вы решились потворствовать этим людям? а я надеялся, что вы раскроете, что действительно написанного журнала заседатели не подписали и теперь не подписывают, единственно по упорству. Я думал, что вы донесете губернатору об удалении и предании их суду”. Я отвечал, что следователь должен раскрывать справедливость и причины происшествия. Тогда он сказал, что сейчас же едет в Воронеж и испросит вместо меня другого чиновника, а меня просит по старому знакомству приостановиться только моим следствием. Но я, решившись против этого гордого и злого человека защитить невинных, небогатых, но честных людей, поспешил окончанием дела, и на третий день сам явился к губернатору. Он с невеселым лицом принял от меня следствие, говоря, что П[етр] М[ихайлович] жалуется на меня, в потворстве заседателям; что если бы он знал, что я так поступлю, то не назначил бы меня. “Вы знаете, что я его люблю!” – возразил Бегичев. Тогда я высказал ему все, присовокупив, что защитил бедных людей против злого человека, надеясь на беспристрастие его пр[евосходитель]ва. Он опять повторил, что это ему неприятно, и если бы знал, что я так сделаю, то не послал бы меня. С этими словами он меня отпустил. Но следователя нового не наряжал, однако и мое следствие оставил без дальнейшего хода. В это же время, по произведенному следствию Татаринова о злоупотреблениях комитета в холере, которое губернатор представлял к министру, получено было из министерства предписание, чтобы чиновников холерного комитета судить военным судом, а заключение военно-судебной комиссии, при мнении губернатора, представить на высочайшее усмотрение. Губернатор нарядил комиссию, состоящую под председательством батальонного командира, из двух военных и двух гражданских

ассессоров, в числе последних и меня назначил. В этот ареопаг велено было выслать за караулом предводителя майора Р[ешетова]⁸⁷, исправника Л.⁸⁸, почтмейстера⁸⁹ и инвалидного командира города Нижнедевицка. И этих-то людей, по поведению и в душе к добрым принадлежавших, приводили в комиссию за конвоем солдат под ружьями. Из них инвалидный командир и почтмейстер, люди уж много служившие и престарелые, равнодушно, с поникшими только головами, переносили свою участь публичного постыжения; но исправник, дворянин с состоянием, по молодым летам едва ли не лишился ума: он не мог ничего отвечать на вопросы. Презус⁹⁰, полковник, был доброго сердца, а потому дозволил мне составить ему ответ. Предводитель, почтенный старец, не перенес этого несчастья: при объявлении, что его отправят под стражей в военный суд, с ним сделался апоплексический удар. Без хвастовства скажу, что я действовал в комиссии сильно. Разобрав дело, я изложил все несправедливые натяжки следователя. Он, при представлении своего мнения, изложил такие обвинения, которые по следствию не подтверждались. Да и названные им незаконными и разорительными поступки заключались не больше, как в ошибках от недосмотра, или обстоятельствами допускались к изменению. Я тут же заключил: возвратить обвиняемым шпаги, освободить их из-под стражи, как людей, необличенных в злоупотреблении власти и истязании поселян; ибо если они и обличаются в недосмотре некоторых ошибок, то наказаны уже высылкою к суду и нахождением под стражею, сверх меры содеянного. А как Татаринов в мнении своем излагал обвинения, вовсе недоказанные и в следствии, самим им произведенном, неподтвердившиеся, то поступок его представить на рассмотрение начальства. Презус и военные ассессоры-капитаны, хотя и боялись, что, вопреки повеления судить означенных лиц, мы, оправдывая одного, подвергаем наказанию другого, но были все доброго сердца, потому решились отправиться наперед прочитать черновое заключение губернатору. Он, выслушав его и обращаясь ко мне, сказал, что сам соболезнует об этих людях и согласен представить верховному начальству без присовокупления с его стороны особого наказания, но как у нас изложено совершенное оправдание, то он боится за нас, чтобы нам не досталось за слабость решения. Тогда все мы единогласно объявили, что мы опасались только, не будет ли наше мнение противно его п[ревосходитель]ству, но видя его снисхождение и невинность чиновников, мы решились кончить. Но губернатор, согласясь на освобождение инвалидно-

го чиновника и почтмейстера, оставил исправника под стражею на гаубвахте до высочайшей конфирмации, и это должно быть по проискам Татаринова: ибо он родственник его жены несчастной и иногда вступался за нее. Вопреки боязни губернатора, высочайшая конфирмация утвердила заключение военно-судной комиссии. Татаринову сделан строгий выговор, вследствие которого он уже не мог поступить в выборы. Злоба его на меня увеличилась. При следующих выборах в 1834 г. я торжествовал; и из самых врагов моих вышеописанный, богатый, гордый дворянин клал шар не налево, а направо при баллотировке меня к пред[седателю] палаты. И когда я был выбран в кандидаты, то поздравлял меня лично, говоря, что я заслужил это.

В 1830 году, по поручению губернатора Бегичева, я ревизовал приказ общественного призрения и открыл расхищение суммы более чем на триста тысяч, произведенное секретарем приказа Степановым⁹¹, который, как говорится, “собаку съел!”. Он так овладел управлением дел по приказу, что, можно сказать, один всем распоряжался, ибо до того времени непременно от правительства членов не было, а командировались для проформы присутствовать в приказе с губернатором по одному из заседателей совестного суда – дворянский, купеческий и поселянский, которые, по неопытности и развлекаемые присутствием в совестном суде, решительно не имели влияния на дела приказа. Губернаторам, озабоченным многими делами (тогда они еще и рекрут принимали), не оставалось иного средства, как положиться на опытного в делах секретаря, т.е. – подписывать написанные им журналы и отчеты, обеспечивая себя, в хранении денежных сумм в казначействе, печатью и наблюдением одного из членов, купеческого заседателя, как безотлучного городского жителя, избираемого обыкновенно из зажиточных людей. Но хитрый заседатель повел дело так: 1) президент бывал только один в месяц, в первых числах, при свидетельстве денежной суммы, а прочие члены из совестного суда на полвременное присутствие, и то не всегда, поэтому он, секретарь, и принял на себя, с их согласия и с разрешения губернатора – дабы не задерживать приносящих в приказ деньги, в небытность нарицаемого казначеем заседателя от купечества, принимать и выдавать на оные билеты, как равно и самые деньги, назначаемые к выдаче по журналам. Члены обеспечивались одним: что деньги хранятся в казначействе и без ведома их выниматься не могут. Секретарь же, принимая деньги до прихода

заседателя-казначей и записывая их в книгу, – выдавал росписки по приходе купеческого заседателя и, отдавая ему деньги, записывал их в особенную тетрадку, данную казначею, по временам и самого его заставляя вписывать. При месячных же свидетельствах в наличной сумме часто оказывался недостаток. Как это делалось? подлинно неизвестно, а должно полагать, что секретарь, во время развлечения чем-нибудь заседателя, в его тетрадку вписывал суммы, у себя оставленные из принятых до прихода заседателя. При свидетельстве же о недостатках объяснялось, что они произошли от излишне кому-нибудь выданных денег, и заседатель-купец пополнял всегда беспрекословно убыль. Один из таких, купец Сах[аров] рассказывал, что редкий месяц обходился без недочета и что он в год доплачивал тысячи по две. 2) По некоторым билетам, на имя неизвестных из приказа выданным, производил тысячи вдвое. Как теперь помню, в следствии моем обнаружено, что по одному билету на две тысячи ассигнациями выдавалось сряду четыре месяца по тысяче руб. 3) Сговорясь с директором, заведывающим домами умалишенных и подкидышей, писал разрешение на разные потребности в преувеличенной пропорции, а по случаю производства тогда построек приказа разрешалось их производить. На всякие сметы и по ним отпуски он писал журналы разрешительные, и таким образом за три года набралось 300 тыс., а в отчетах показывал ежегодно остаток от доходов тысячи на полторы рублей.

Отчеты эти он обыкновенно давал губернаторам подписывать после многих побуждений из министерства, при угрозе, в случае дальнейшей медленности, прислать нарочного на счет приказа. Тогда губернатору было уж не до проверки и просмотра. И в министерстве подобные отчеты сходили с рук лет пять, пока не подчинили казенной палате, по отчетности, и приказ общественного призрения. В казенной палате был в то время контролером человек умный. Он тотчас увидел, что по приказу вместо остатков от доходов – передержка, о чем и подал доклад. Постройка секретарем себе дворца побудила новоприбывшего губернатора Бегичева поручить мне следствие, но за увольнением меня правительствующим сенатом к пользованию минеральн[ыми] водами на Кавказ, дело это было передано другим лицам и тянулось до самой смерти Степанова, окончившись только в 1844 году открытием начета в 400 тысяч и преданием суду всех лиц, служивших тогда в приказе.

1834-й год был для меня торжественный и вместе с тем роковой. Дворянство всей губернии желало видеть меня по-прежнему в палатах, но я захотел сделать угодное для дворян своего уезда – быть уездным судьей. В председатели палат был избран господин⁹², имевший против меня больше трех шаров, а в заседатели палат я не захотел баллотироваться. В судьи я пошел, как выше сказал, не по особенному моему желанию, а по предложению почетнейших лиц, и подстрекут будучи самолюбием против слов одного, что водворившиеся в суде, беспорядки я не скоро исправлю⁹³. Никакой службы и трудов я не боялся, да и дворяне, предлагая мне судейство, вызвались ежегодно на поддержку меня, по скудному окладу от казны, давать из доходов своих по тысяче руб. ежегодно. Но, выбравши, разъехались, не сделав положения об обещанном вспоможении. Вошедши в суд, я увидел половину приказных полуодетыми и полуобутыми: у некоторых голые пальцы смотрели из сапог. Я должен был от стыда на другой же день дать троим по десяти руб. на покупку сапог и починку сюртука, а четвертому особо на новый сюртук пятнадцать руб. Подали росписание жалованья за истекший месяц. Весь оклад на пятнадцать человек состоял только из 80 руб. бывшими ассигнациями; я должен был, для преподания приказно-служителям средств к жизни, присовокупить к сумме жалованья и расходов руб[лей] 50 в месяц и росписал уже не по чинам и должностям, а по лицам, от 6 до 12 руб. каждому, не серебром, а бывшими ассигнациями. Тогда же я отнесся формальною бумагою к уездному предводителю об обещанном дворянами вспоможении, но, по повестке его, собралось не более 15 человек, которые и подписали, по состоянию и как Бог кому по сердцу послал, всего 850 руб. ежегодно. На бывших же в собрании не имели права налагать. Но и этим пособием я пользовался не много лет, ибо заметил, что некоторые с неудовольствием отдавали деньги, а имеющие в суде дела если не ко взяткам, так к притеснению причисляли эту помощь. При таком, хотя и неважном пособии, я вступил в уездные судьи, имея из двух заседателей одного опытного помощника. Губернатор Бегичев при ревизии высказал мне благодарность, что я его несколько успокоил, ибо он прошлые годы боялся даже приходиться в суд – от встречи с беспорядком и чтобы избежать строгости относительно моего предместника, заслуженного майора, но слабого в судействе. Без хвастовства могу сказать, что, по вступлении моем в судьи, уездный суд много улучшился. Я многих тягавшихся – по обыкновенной ли вежливости, или из ви-

дов, по старинной пословице “поссорь, Боже, народ, он накормит воевод” – примирил, представляя каждому с невыгодной стороны его дело, мучение тяжбы и т.п. Но были и такие дела, по коим называл врагов-мстителей. Я всегда становился лицом против истца и ответчика, или обвиняемого. Величайший учитель есть долговременное упражнение, ныне оно напомнило мне слова Боало⁹⁴: “мешая людям драться, мы ничего не выиграем!” И со мною было тоже: за хлопоты о примирении некоторые платили мне непризнательностью и недоверием, думая, не из корысти ли склонял я оставить процесс! Ибо я сказал, что употреблял верную методу к примирению, представляя каждому одну невыгодную сторону тяжбы. Дела я решал так: по получении уголовного дела с арестантами я его, распечатав, в ту же минуту читал и если находил, что присланный невиновен, ибо из полиции иногда потому только прикосновенные к делу лица посылаются в суд, что повытчику ничего не дали, объявлял подсудимому, чтобы он шел домой. А если увижу, что хотя по следствию и не доказано, но он действительно виноват, или известный уж вор, то отправляю его в тюрьму, дабы он хоть то время, пока дело решится, не делал бед другим. Но на поруки, то есть, на откуп, не отдавал никогда несмотря ни на какие просьбы и даже предательства стряпчих. Если бы мошенникам-ворам не потворствовали полиции, их половину бы меньше было. Но когда при следствии оберут мошенника, заверив, что он будет свободен, а уездный судья отошлет его в тюрьму, то родственник или товарищ его обратится к следователю, а тот научит жаловаться прокурору или губернатору. Да и сама полиция и уездный стряпчий чрез прокурора при случае доложит его п[ревосходитель]ству, что уезд[ный] судья наполнил острог арестантами. Губернатор однажды серьезно заметил мне, что он мною доволен, но не нравится ему, что у меня много арестантов, а это для верховного правительства, которому доставляются ведомости, неприятно. Я отвечал, что распустить половину арестантов тотчас можно, но ручаюсь, что из них половина на третий же день возобновит воровство, что, служа долго в дворянской опеке, я имел случай наблюдать лично, как уездный судья для великого праздника Пасхи отпускал из тюрем на поруки, и как отпущенные после Пасхи с новыми делами присылались. Я отозвался решительно, что такого потворства, под предлогом мягкосердия, делать не могу. С тех пор более от начальства замечаний за арестантов не получал. Но канцелярии моей это не нравилось: лишились акциза при отдаче на поруки, а прибавоч-

ное от меня жалованье не могло заменить повытчикам прежнего дохода. Самый старейший из них и искуснейший на всякие проделки, тит[улярный] сов[етник] [Игнатий Степанович] Прозоров, которого в 1826 г. я, правивши должность советника в губернском правлении, выгнал оттуда за замеченное злоупотребление, теперь опять попавши ко мне в уезд[ный] суд, нашел и тут средство плутовать. До моего вступления, для отсылки под стражу арестантов, отсылали их в градскую полицию, по моей резолюции, впредь до решения дела подсудимого, исполнение тотчас делалось; но повытчик Прозоров, чрез знакомство с полицейскими, вместо тюрьмы отдавал подсудимого на поруки – т.е. на оброк.

XVII.

Однажды двух известных воров, по следствию, однако же, оставленных в подозрении, я, дабы чем-нибудь наказать или удержать их хоть на время от воровства-мошенничества, отослал для содержания в тюрьму. По решению же дела я должен был освободить их. Но когда я вытребовал их для объявления решения и их ввели в присутствие, то увидел, что все волосы у них на голове целы, между тем как сажаемым в тюрьму для приметы подбривается одна сторона головы. Вместо конвойных солдат они приведены были одним десятником: тут-то явно открылось, что преступники чрез плутни подьячих были на свободе. В своей канцелярии я не нашел виновного, ибо все по резолюции ею было исполнено в точности, хотя были видны явные следы ее действия чрез полицию, так как подсудимые были крестьяне из уезда, записка о присылке их послана в 9 часов, а в 11 они уже были приведены, следовательно, накануне еще было сказано или подсудимым, чтобы они явились в полицию, или полиции, чтоб она отыскала их. Но кто сделал эту штуку – неизвестно, я догадывался, что это была проделка повытчика Прозорова, у которого в руках находилось дело. Чтоб не давать потворства, чтоб хоть несколько наказать воров, я приказал составить следующий журнал: что хотя подсудимые и приведены были сего числа для прочтения им решения суда, но как в это же присутствие много важнейших дел слушалось и в тоже самое время должны были допрашиваться подсудимые, то, за множеством дела, присланных обратиться в полицию для содержания их в тюремном замке, впредь до востребования. Давши знать об этом полиции, я сам поехал к полицеймейстеру и передал ему о действиях канцелярии. Он обещался розыскать. Чрез

три дня, полагая, что подсудимые довольно наказаны тюрьмой, я послал опять записку. Но их привели снова по-прежнему, необритух. Тогда я вышел из себя, написав прямо к полицеймейстеру, что по двукратным посылкам подсудимых в полицию, последняя вовсе и не думала посылать их в тюрьму, а поэтому прошу, чтоб он сам их посадил в тюремный замок и чрез три дня прислал их в суд. Затем я тотчас отправился к губернатору и рассказал ему о действиях полиции. Губернатор призвал полицеймейстера, приказал исследовать дело и о виновных донести ему, но, кажется, тем все и кончилось. Чрез три дня действительно подсудимые были присланы из тюрьмы за конвоем и с подбритами головами. С тех пор я изменил прежний порядок: подсудимых посылал под стражу прямо в кардегардию тюремного замка, и прямо оттуда же их вытребывал. Но зла этим я не искоренил. По другому делу присланы были ко мне двое подсудимых, родные братья, из коих один попал за действительное воровство, а другой за то, что знал о нем, но не донес. Усмотрев из дела, что покраденные деньги приняла от вора родная мать, а брат только видел и не донес, а между тем в поведении односельцами одобрен, я принял в соображение, что этот несчастный удержался от доноса более по сыновнему чувству к матери, как и сам он изъяснялся, и что если обоих посадить в тюрьму, то большое семейство останется без работника, – я предположил при решении подвернуть его одному исправительному наказанию розгами на месте жительства. Вора я отослал в тюрьму и велел туда же отправить и мать его, а брату объявил, чтоб шел наблюдать за хозяйством в дом свой. Когда он пошел из суда, повытчик Прозоров, остановя его, страшал, что он отпускается с тем, чтоб доставил в суд сто руб., а иначе и его, как брата, посадят в тюрьму и сошлют в Сибирь. Это объяснил мне недели чрез две приехавший ко мне становой пристав, сосед мой по имению, человек с душою, ибо вначале учреждения станов приставы были от выбора дворян. Становой присовокупил, что по этому случаю мужик теперь продает половину своей скотины. Я, поблагодаря его за извещение и попрося, чтоб остановил и успокоил несчастного, сам отправился к губернатору Лодыгину⁹⁵ и, рассказав ему о случившемся, просил, что хоть мошенничество и нельзя будет доказать, но для страха непременно нужно нарядить следствие. Губернатор был беспристрастный генерал, но всех канцелярских форм не знал и отвечал мне: “Представь только, пошлю чиновника какого хочешь”. Но когда я изъяснил ему, что мне

нет основания войти с бумагою, да я хочу, чтоб не знали, что чрез меня это произойдет, а его п[ревосходительств]ву, как начальнику губернии, можно, не объясняя, чрез кого по дошедшим сведениям предписать дознать, справедливо ли это? С согласия Лодыгина я в кабинете его и написал такую бумагу, но когда он отдал ее в канцелярию, а у Прозорова, как старого служаки, были там знакомые, которым и стало жаль его. Чрез них он успел упротить секретаря представить губернатору бесполезность следствия и написанное мною осталось без исполнения. Мошенник Прозоров еще взял большую дерзость. Так, однажды с присланных в суд в неприсутственный субботний день десяти человек хлебников, за непокорность градской полиции, и мною отпущенных с тем, чтоб сами явились в следующий понедельник для ответов, взял он сто руб., застрашав их тюрьмою. Об этом я лично не знал, но полицеймейстер доложил губернатору, что хлебники на свободе и что суд взял с них 200 руб. Губернатор, призвав меня, высказал донесенное ему полицеймейстером об обирательстве в суде моем, прибавив, что он терпеть не может беспорядков. Тогда я прямо отвечал, что присланных людей я сам отпустил из присутствия, но что их обобрали – это мне неизвестно, хотя я не могу утверждать противное, ибо я сам просил однажды его превосходительство для страха приказать над одним мошенником произвести следствие. Тогда Лодыгин отозвался: “Да, ты хотел меня подвести, чтоб я доказывал, я самому быть в стороне!”. Из этой сцены вышла только одна холодность в обращении, вредная для меня, а злоба врага разгоралась. Тут еще поступили новые дела: одно о писателе ябед на г. Тулинова⁹⁶, от фабричных крестьян в утеснениях якобы их, и другое в нерасплате чиновника С. с мастеровыми. За мастеровых ходатайствовал сам предводитель дворянства. Я решил первого, как ябедника-клеветника, лишив чина, сослать в Сибирь, а со второго взыскать деньги. Еще одного чиновника Наливкина за писание фальшивых билетов я также приговорил сослать в Сибирь, но, к моему несчастью, у него был родственник в сенате повытчик. По поступлении дела в сенат он отменил ссылку, оставил только под полицейским надзором. Все эти люди, хоть неважные, но были жителями Воронежа и соединенными жалобами умножали злобу на меня, особенно служившие в приказе общест[венного] призрения за обнаружение расхищения денег. Я подозреваю даже одно лицо из первостатейных Ш[илин]га⁹⁷ в поощрении к каверзам против меня, потому что, во время следствия моему по

приказу, он заседал там, бив обманываем с прочими членами мошенником секретарем и обязанный ссудою денег вступаться за него, утверждая, что по-моему не будет: дурного по приказу не найдут. При этом мы обоюдно наговорили грубости друг другу. Ш[илин]г был человек честолюбивый и гордый. Не с ведома ли его согретая мной змея, Прозоров, решился отомстить мне злом как за вышеобъясненное желание подвергнуть его следствию, так и за особо бывшие случаи?

XVIII.

В 1825 году, при губернаторе Кривцове⁹⁸, был я в должности советника губернского правления, а Прозоров столоначальником. Я поймал его в мошенничестве, т.е. в написании установить на провиант высокие цены. За это он был выгнан из губернского правления, но потом вновь поступил на службу в уездный суд и сделался там после секретаря старшим в канцелярии, как деловой человек. Когда вступил я судейство, этот господин явился ко мне с прочими канцелярскими чиновниками с изъявлением почтительности. По давности происшествия, случившегося с ним в губернском правлении, я было и забыл о том, и, по наружному его виду и репутации лучшего дельца из всей канцелярии, принял его за раскаявшегося грешника. Но он, оставаясь в должности по-вытчика, и при мне, как выше описано, производил разные проделки. Однажды, когда я устал писать одной своей рукой решения, велел составлять черновые по-вытчикам. Прозоров на одном деле, решение коего (о наказании подсудимого плетью) подписано было уже в журнале около месяца, написал другую черновую ремарку – чтобы учинить того подсудимого свободным. Он подложил мне во множестве бумаг и это дело, надеясь, что по обыновению своему не оставлять до выхода из присутствия неразрешенных бумаг, я, не припамятуя прежде написанного, переправя что-нибудь в слог, сдам дело ему. Но как иногда и несчастье обращается в счастье, то и со мной случилось тоже: по глухоте моей я помнил больше, чем другие. Я припомнил, что это дело читал и больше потому, что и тогда еще заметил неполноту улики. Но как не было причины сомневаться в виновности, то и решил наказать обвиняемого плетью. Отыскали первое заключение. Прозоров оправдывался тем, что писец не выписал к делу данной резолюции, и как оно лежало между нерешенными, то он и написал другое, но когда я заметил, что им не выведено вполне улики, то он

ответил, что просмотрел. Видя такое мошенничество, я не выдержал и, подняв дело, ударил им по голове Прозорова, проговоря: “Чтобы впредь лучше видел и смотрел!” За подобные плутовские обманы я однажды плюнул ему прямо в лицо. Этот человек, не чувствуя своих худых дел и того, что я по малости оклада казенного, отделял для канцелярии из собственного жалованья треть, из которой и на его часть доставалось, в злобе своей взялся за такой предмет моих действий, который по совести чист, но по обрядам и формам можно назвать противузаконным. Малость отпуска суммы на канцелярию уездного суда заставила меня обратить оную всю на жалованье канцелярским служителям, а на расход, как то: на дрова, свечи, бумагу и проч[ее] употребить пожертвование от дворян, сделанное при самом выборе меня в должность, а по недостатку и часть собственного моего жалованья. Иногда же, при выдаче каких-либо из суда частных сумм, я приглашал получателей отделить из получаемого по их произволу что-нибудь для канцелярии, и это делал не тайно. Клянусь Богом, я не имел привычки с челобитчиками рассуждать тайно, ниже их дожидаться. Решения писались не выдав их, и большею частью собственною моею рукою. Подчиненным это не нравилось. К несчастию моему, я сам питал змею как бы за пазухой у себя, не предполагая этого, притом, служа так много в палатах судебных и, наконец, судьбою, я не мог обойтись без того, чтобы при всем справедливом решении процессов не иметь врагов. К таким-то людям присоединился протоподьячий Прозоров и, обнадуженный их вспомоществованием, решился на предательство меня. В этот заговор вошел и секретарь моего суда, ловкий деловой человек, словом, такой, как описал Нахимов. Но при мне не было ему воли действовать. Они придумывали все средства, как бы при новых выборах в 1841 году избавиться от меня. Прозоров, как змея, наполненная ядом, решился быть орудием. Скрытно он производил запутанности и беспорядки в делах, а секретарь, чтоб, во-первых, отклонить по возможности ответственность, а во-вторых, чтоб поставить меня в невозможность усмотреть за всеми их каверзами, уклонялся от должности, по случаю разъездов по уезду застряпчего. Товариши мои, заседатели, были – один ротмистр⁹⁹, а другой штабс-ротмистр¹⁰⁰, оба кавалеры за храбрость, но бумаг не любили читать. За отлучками настоящего секретаря¹⁰¹ его должность поручалась бывшему старшим в канцелярии Прозорову; он же был и приходо-расходчик. Тут ему открылась возможность произ-

весть на меня донос следующего содержания: что я, при выдаче денежных сумм, иногда оставляю по несколько рублей для канцелярии, выставляя это в виде взятки. На случай же неудачи, т.е. как примет это начальство, он, пользуясь слабостью заседателя штабс-ротмистра Шматковского, ходил всегда с ним вместе в ящик денежных сумм, хранившийся в уездном казначействе. С ноября месяца, вынимая суммы для отсылки куда-либо, не отсылал их и, не выписывая по книге в расход, удерживал у себя. Декабрь месяц не только в присутственных местах, но и в каждом доме бывает особенно хлопотлив: все стараются к святкам и к новому году покончить дел сколько можно больше. В этой суматохе, без настоящего секретаря, который с намерением как можно чаще стал отлучаться в уезд, и без помощников, я не мог усмотреть начатого похищения. На требование к месячному счету в присутствии ящика с деньгами и книг, хитрый протоподьячий отзывался, что еще не успел свести итогов и все записать за множеством дел, а если я настоятельно потребую книги, то он возьмет их на дом и завтра представит, а на завтра говорил, что за суматохою забыл. Так провел он до 23 декабря, последнего дня присутствия. Еще накануне я приказал настоятельно представить в присутствие книги в таком виде, в каком они есть, а в казначейство подписать ведение о выдаче ящика в присутствие суда. Но Прозоров явился только в 12 часов, извиняясь, что его задержали домашние дела по случаю праздника, так как он человек семейный, и опять отозвавшись, что книги он забыл взять из дома. Я дал мою лошадь, чтобы он вместе с заседателем Шматковским поехал домой и непременно бы привез и книги, и ящик с деньгами из казначейства. Они возвратились в 3 часа с книгами, объясняясь в медленности тем, что жена Прозорова была на базаре для покупок и увезла с собою ключи от комода, где хранились книги, и что, взяв книги у ней, они заехали в казначейство за ящиком, но казначей уже вышел. Взглянул я на книги, но не нашел ни транспортов, ниже итогов страничных. Иуда-предатель присовокупил, что он не успел и всех статей прихода записать, за секретарскою должностию, уверяя меня, что за святки, в неприсутственные дни, он все приведет в порядок, а в целости денег стыдно и сомневаться: он в ящик один не ходит! Мое желание быть святки у родных и обычная доверчивость отвлекли меня пожертвовать следующим днем, чтобы остаться в городе для поверки денежной суммы. Наутро наступил канун праздника, и я уехал в деревню, не пред-

полагая злоумышления, с намерением возвратиться в четвертый день, для наблюдения за закончением старых дел и заведения к новому году нового порядка. Но, к несчастью, в деревне я был задержан болезнью до 2-го числа генваря. И хотя 3-го числа я был уже в присутствии, но на короткое время. Тут явился секретарь. В надежде на него я в следующие два дня тоже не был в присутствии. Открывались новые дворянские выборы, надобно было присутствовать на предварительных собраниях. Секретарь опять отозвался болезнью. Змея-Прозоров составил донос, что я позволяю себе в полном присутствии суда брать с челобитчиков деньги, а именно, при выдаче в ноябре месяце одному попу, его родственнику, 1700 р. я удержал 50 р., а у другого его приятеля, чиновника Лофицкого, при выдаче 1500 р. удержал 25 р. А так как таковые поступки противузаконны, то дабы ему, Прозорову, находившемуся тогда в присутствии, не подпасть ответственности, он, по обязанности секретаря, доводит об этом до сведения начальника губернии. Эту бумагу в форме рапорта он, записав в книгу уездного суда, отдал в канцелярию губернатора с роспискою. Тогдашний губернатор Лодыгин, зная меня хорошо, этот донос показал мне и сказал: “Не штука ли это, дабы не допустить тебя к выборам, ибо закон состоящего под следствием не допускает к выборам, но я подержу эту бумагу в секрете и буде выберут тебя, то утвержу, тогда уже и следствие назначу”. На выборах меня вторично избрали белыми шарами, губернатор утвердил. Видя это, змея-Прозоров явился ко мне в дом, с видом раскаяния выставляя причиною доноса мою против него запальчивость, т.е. что я в присутствии плюнул однажды ему в лицо и по голове ударил бумагами. Он просил возвратить донос назад, так как губернатор ко мне хорош, а потому отдаст его без производства. Откровенно сознаюсь, что бывал иногда я нетерпелив до запальчивости, но вместе с тем и робок, а потому, чтобы избавиться от ябеды, хотя и вздорной, но все-таки марающей мою репутацию, я отправлялся к губернатору. Он хотя и соглашался отдать донос обратно, но, сообразив после, что и сам имеет врагов, отдал его в канцелярию с роспискою. Я, из сердечной признательности к этому доброму ко мне и беспристрастному начальнику, не решился взять этой бумаги, опасаясь подвергнуть его неприятности, зная, что он имел много врагов, искавших случая очернить его пред правительством.

XIX.

Находясь в такой нерешимости и страдая душевно от оскорбления, когда явился настоящий секретарь, я вполне положился на него, не подозревая тогда участия его в этом сатанинском заговоре. Денежная сумма все еще оставалась без проверки, по новому отзыву о потере от ящика ключа и по обещанию всякий день отыскать его. По врожденной доверчивости, не подозревая воровства и мошенничества, я дождался. Но когда я решился допустить производство следствия по доносу Прозорова, а губернатор поручил это дело уже чиновнику, тогда я велел секретарю составить о беспорядках Прозорова журнал, отобрать от него книги, сделать счет и представить губернскому правлению об удалении Прозорова из суда. В это время было получено известие об отставке губернатора. На другой день секретарь мой, будучи в присутствии, отозвался болезнью и ушел, не скрепя приготовленных бумаг, которые регистратор подал присутствующим. По подписании их мы велели скрепить за секретаря кому-нибудь другому. Прозоров, как старший в канцелярии, взял и скрепил, и тем же числом на третий день подал новый донос вице-губернатору¹⁰², именуя себя правящим должностью секретаря. В этом доносе было написано, что он докладывал уже бывшему губернатору о противузаконностях господина судьи и ныне “к доказательству его сребролюбия” (это его подьяческие слова) еще присовокупляет, что г. судья пользуется денежными уездного суда суммами и раздает их в проценты, что легко открыть, если освидетельствовать ящик, хранящийся с денежною суммою в кладовой казначейства, и хотя он видел в канцелярии записку о беспорядках и злоупотреблениях его, Прозорова, которую сам он писал, но что все это он делал, будто, по моему приказанию. Мудрец сказал: не все добродетели человеку полезны, покорность – друзей, а правда ненависть рождает. Так и добродетельного губернатора Лодыгина не любили. По смене его, за расположение его ко мне, и на меня ненависть распространилась. Вице-губернатор, не сказав о доносе мне ни слова, наутро прислал чиновника с стряпчим освидетельствовать денежную сумму. По освидетельствовании действительно нашли, вместо долженствовавших быть налицо в ящике 2560, только 1050 руб. Но заведовавший вместе с Прозоровым денежными суммами заседатель штабс-ротмистр сказал, что вся нехранившаяся в кладовой казначейства сумма, 1500 руб., находится в сундуке, стоящем в присутствии суда. Деньги эти явились там следую-

щим образом. Когда ввечеру подал Прозоров новый донос, что я пользуюсь будто бы казенными деньгами, и отдаю их в проценты, а беспорядки в делах сделаны им по моему же будто приказанию, то наутро пришли ко мне в квартиру секретарь Тростницкий с председателем Шматковским с опечаленными лицами. Секретарь объявил, что чрез чиновника губернаторской канцелярии узнал он о подаче доноса. На вопрос мой: да разве действительно не все находятся в ящике казначейства? Секретарь отозвался, что из них немного взял заимообразно Л.А. Шматковский, а остальные приходорасходчик Прозоров, забрав, не отправил куда следовало. Шматковский, вынимая из карманы деньги 300 р. асс[игнациями], извинялся, что взял их при недостатке на обстройку дома. Тут я спросил: да сколько ж там всех денег нет? Секретарь, подумав, сказал, что он подлинно не знает, но по наслышке не достаёт около 1500 р. Я рассудил, что взносом недостающей суммы я не разорюсь, я потому, вынув 1200 р. тогда у меня на лицо бывших, отдал их секретарю, сказав, что так как я около двух месяцев уже не ходил в ящик, а они бывали там вместо меня, то как там себе знают, но чтобы представили эти деньги. Секретарь отвечал, чтоб я больше не беспокоился: он все уладит и положит их в сундук, находящийся в присутствии для мелких денежных сумм. Сундук этот сверх замка он опечатал казенною печатью. Недочет оказался только в пяти рублях с копейками. За болезнь вице-губернатора, должность губернатора перешла к председателю казенной палаты Мишковскому¹⁰³, неприязненному ко мне человеку чрез бывшего губернатора за то, что меня пускали мимо его прямо в кабинет губернатора, а его просили обождать в зале. Он переменил следователя, передав это дело такому, который и прежде производил уже следствие о взятках Прозорова, бывшее при моем предшественнике, судье Ильинском, и кончившееся ничем. Враги мои торжествовали о низложении Лодыгина и злобствовали на меня за расположение его ко мне. Доноситель чрез канцелярских чиновников успел представить новому губернатору донос свой в превратном виде. Последний начал принимать меня с неудовольствием. К довершению несчастья моего, вступило ко мне в суд дело по ябедническому протесту о смерти крепостного человека поручика Бороздина¹⁰⁴, происшедшей от побоев. Губернатор желал осудить Бороздина, но публика рассуждала иначе, да и по следствию не было доказательств; а потому я решил, что Бороздина осудить невозможно. Тогда губернатор начал формальное на

меня гонение и при ревизии в конце декабря 1841 года, забрав все журналы и документы в свою канцелярию, приказал отыскивать в них всякие ошибки и неисправности. Канцелярия в целом годе производства нашла несколько статей медленного, впрочем, не более как полуторамесячного исполнения по резолюциям, и что резолюции, мною писанные, были с большими пометками, затрудняющими чтение; найдено еще, что одну резолюцию дал я совершенно превратную на указ гражданской палаты, замечены и еще некоторые канцелярские упущения. Все это он, губернатор, относя к невнимательности моей и присовокупя, что я состою под судом в уголовной палате по доносам подьячего Прозорова, написал было предложение губернскому правлению об удалении меня от должности; но после объяснения с ним губернского председателя, сказавшего ему, что если я ему не нравлюсь, то сам выйду в отставку, на другой день, когда я лично к нему явился и спросил о причине такой жестокости со мною за маловажные по суду неисправности, он с запальчивостью прямо сказал, что он недоволен мною: “Ты по делу Бороздина не сделал по-моему, так и не служи больше – пусть другие знают, каково меня не слушаться!” Тогда я представил в оправдание, что уголовная палата и правительствующий сенат рассматривали мое решение, что оно было и в комитете министров и все его одобрили. К тому же просил его принять во внимание, что по щекотливости происшествия по поводу процесса о поступке господина со слугою, гласное осуждение первого повести может к поколебанию прав. Впрочем, я полагал: так как прошло немало времени после этого процесса, то и гнев его уже миновался; что если бы и так было, что, по его мнению, я слабо решил о поступке г. Бороздина, то взял бы его превосходительство во внимание, как я прежде ему уже докладывал, и о чем он, кажется, уже справлялся, – т.е., что в течение 8 1/2 лет моего судейства, кроме этого, из трех тысяч дел, мною решенных, при ревизиях в высших местах, слабым не найдено ни одного. Губернатор с запальчивостью проговорил, что прошедшего он знать не хочет, а кто не по его сделает – век не забудет! Надобно было давно самому догадаться и убраться! Я должен был дать слово подать в отставку, а он вытребовал подписанное уже им предложение губернскому правлению, и слова “удалить с должности” вычистил, а вписал: “подвергнуть взысканию”. Так по 36-ти летнем беспорочном и непрерывном моем служении со всем усердием царю и общественному благу, я вынужден был сой-

ти с дальнейшего поприща, и подал просьбу, что по обстоятельствам не могу более служить, и уволен был с пенсионом¹⁰⁵. В два года службы моей с бароном Ховеном¹⁰⁶ я иногда видал его стремление к справедливости, но всегда преобладало в нем влечение к угодливости черному народу – толпе. Страсть его была возвышать людей из ничтожества, а удовольствие разглашать пороки, даже ошибки дворянина, – удивительно! Мужик и посадский всегда к нему были доступны, и их пороков он как бы не замечал. Придерживаться большинства черни или низкого класса народа – опасно. Ябеды и наглость могут угрожать благосостоянию: в пример поставлю себя. Я представил в губернское правление, что, так как все беспорядки, о коих доносил Прозоров, шли чрез его руки, и хотя он написал, что делал то, будто бы, по моему приказанию, но в суде не один я распоряжаюсь, да если бы и распоряжался, – Прозоров, более 20 лет служащий, знает закон, в силу которого по приказанию делать дурное не должно и не извиняется, а поэтому пусть следствие обо мне идет своим порядком, но и он, Прозоров, не должен быть терпим на службе, как уже сознавшийся в преступлении, а секретарь как соучастник с ним в заговоре¹⁰⁷. Губернское правление, с утверждения губернатора, их удалило; но после, вскоре же, по проискам их чрез протекцию достигшего должности письмоводителя в одной из комиссий под председательством губернатора, вместе с комиссиею помешавшегося в губернаторском доме, они успели обратить на себя милостивое внимание его превосходительства изъяснениями, что по отрешении они “алкают гладом” – это слова ябедника Прозорова, а потому и определены были – один в сиротский суд, а другой в городской суд секретарями. При рассматривании в губернском правлении следствия по доносу Прозорова сам губернатор заключил, что все внесенные на меня беспорядки и злоупотребления действительно произведены самим Прозоровым и я ни в чем не виноват; но, по важности только изветов и так как сам доноситель Прозоров не может быть прикрыт манифестом, поэтому отослать следствие на рассмотрение уголовной палаты. Но вслед за тем, при предстоявших выборах дворянских 1843 года, поместил меня в список подсудимых, а чрез это хотя я на частной баллотировке от всех мелкопоместных, бывших в собрании, на участие в выборах был уполномочен вторично белыми шарами, однако же

¹⁰⁷ Автор, конечно, не думал, что в этих словах его заключается лучшая похвала барону Ховену. – Ред.

лишился права участвовать. Наконец, и по решению уголовной палаты Прозоров был признан виновным во всех беспорядках и сам губернатор утвердил это решение¹⁰⁸. Но Прозоров, без аттестата определенный, и вновь преданный суду за участие в составлении фальшивой просьбы от помещика Кареева на Вебера¹⁰⁹, был два года терпим в должности письмоводителя сиротского суда; а я, на четырнадцати баллотировках сряду достаиваемый выбором дворянства целой губернии не токмо в должности, какие занимал, но даже в кандидаты председателей палат, – я безвинно был вытеснен из службы!

XX.

Еще несколько слов о губернаторе бароне Ховене. Он был не причастен интересам и старался раскрывать истину, но в то же самое время был нетерпелив, настойчив, самолюбив и честолюбив в высшей степени. Он был умен, но не любил читать сам бумаги, а все выслушивал. Из подозрения ли, что сильные всегда давят слабых, или от чего другого, только он всегда при жалобах принимал сторону черного народа, или низшего лица против высшего. Еще в нем была странность: не различал ли он пьянства от действительной физической болезни, или снисходил к пьянице, как к несчастному, но только терпел пьяниц даже при себе. Был у него секретарем Д[анило]в¹¹⁰, человек низкого происхождения, который ежедневно вечером напивался до упаду, или один у себя дома, или отправлялся к кому-либо из полицейских чиновников. Частный пристав П. от таковых посещений едва с ума не сошел. Утром являлся Д[анило]в к губернатору с красными глазами, и иногда при всем своем уме до того забывался, что подавал не то, что нужно, а на замечание губернатора извинялся слабостью глаз. Барон его произвел в советники губерн[ского] правления, точно также как другого человека, за угодливость, произвел сначала в чиновники особых поручений, а потом также в советники¹¹¹. Я сам лично однажды был у него в кабинете и видел, как служивший у него в канцелярии письмоводителем, некто М-ов, горькой пьяница, после многих лет неявки, вытребованный им, явился, едва стоя на ногах. Барон спросил, чем он нездоров и, усаживая его, сам бросился затворять окно для того, чтобы его не беспокоил сквозной ветер, который для него был так нужен. Барон был человек весьма бескорыстный и старался преследовать и уничтожать преступления, но баронская гордость мешала ему

этого достигнуть. Желая иметь под рукой людей честных, он думал (как и я, грешный), что человек с состоянием неподкупнее, а потому набирал к себе в чиновники особых поручений из богатых купеческих детей, окончивших курс в университете, не зная их способностей. Эти люди, оставившие родительские занятия от лени и неспособности к коммерческим предприятиям, на службе оказывались совершенно негодными и только пользовались званием, даром чины получали и умножали собою число тунеядцев гражданских, проживая в задавании пиров оставленное отцами богатство. Будучи воздержан от всяких прихотей, барон Ховен не мог, однако же, устоять против табаку: на всякого открывшего табакерку он тотчас, бывало, обратит внимание, понюхает и познакомится. Вот был какой случай. Негодяй квартальный, за разные шалости и по многим жалобам, подлежал неизбежно удалению из службы с преданием суду. Он пришел просить милости. Барон, зная все его проказы, с пылкостью отказал наотрез и выслал от себя. Квартальный делал пред ним низкие поклоны, отчего бывшая у него табакерка между пуговицами мундира высунулась. Барон, едва заметив табакерку, сейчас же спросил: “Ты нюхаешь табак?”. “Виноват, ваше п[р]евосходительств[о]”, – был ответ. Барон, смягчив гнев, сказал: “В этом еще нет дурного, открой табакерку”. Тот с робостью вынул и открыл. Барон, взявши шепоть и понюхавши, призадумался и проговорил: “У тебя табак хорош! Ну, как же это ты проказишь? что мне с тобою делать? ну, так и быть, оставайся в должности; велю частному приставу смотреть за тобою построже”. Тем все и кончилось. Один чиновник, сынок богатого отца, гуляка и пьяница, переменил множество мест: служил он в комиссариате, в палате и уездным стряпчим, нигде не уживался и, наконец, сделался становым приставом¹¹². Исправник представил о его неспособности и нерадении. Барон потребовал его к себе. А тот, въехавши в город, прежде чем отправиться в свой дом, заехал в гостиницу, напился донельзя и потом уже отправился на извошике домой. Дорога шла мимо губернаторского дома. Губернатор сидел на балконе. Увидав его, пьяница закричал извошику: “Поворачивай в другую улицу”. Но как близко не было переулков, то извошик продолжал ехать, а становой начал его бить. Губернатор, видя все это, послал жандарма отвести их в часть, а станового арестовать и удалить от должности. Но так как этот пьяница был воронежский житель и знаком с правителем канцелярии, также подверженным пьянству, поэтому, месяца

чрез два, избрали время, когда барон был весел. Пьяница, явсь к нему, упал на колени, говорил, что он человек бедный, семейный, что он теперь одумался, исправился и постарается служить ревностно, что от его превосходительства зависит жизнь целого семейства! Честолюбие барона тронулось: он, подняв его, обратился к своему секретарю со словами: “Ну что же с ним делать?” Секретарь: “Можно будет принять на некоторое время на испытание”. “Ну, хорошо, возьми его. Посмотрим, исправишься ли ты!”. С этого дня З[емцов], всякий день приходя в канцелярию, получал от секретаря важные пакеты, носил их в кабинет барона и всякий раз при входе, как только барон взглянет, он делал нижайший поклон и чинно подносил бумаги, и, отступя, вторично отдавал низкий поклон. Так продолжалось с месяц. Барон однажды сказал секретарю: “З[емцов], кажется, исправился?” А тот в ответ: “Добродушие и милосердие вашего п[ревосходительст]ва кого не исправят! он малый с умом”. В это время открывалась вакансия уездного стряпчего и барон определил З[емцова] блюстителем порядка и закона. С год он кое-как крепился, но опять пошел по свой дороге и несчастно кончил жизнь.

Барон стремился искоренять злоупотребления и лихоимство, но пролазы успевали пред глазами его набивать свои карманы. Зная его честолюбие, они низко ему кланялись и успевали заслуживать его доверенность, что так нужно было некоторым при экономических постройках разных мостов и всяких амуниций. Это делалось так. Вызывали к подряду; на торгах выпросят цену примерно 10 тысяч; когда дадут подписки, что меньше не возьмут, то в это время кто-нибудь из архитекторов или чиновников особых поручений подает рапорт, что из ревностного усердия по службе, для пользы казны, он может выстроить подряжаемое дешевле на пятьсот рублей; ему поручается. Приступив к перестройке или постройке, открывают пропущенное в смете, или недосмотренную и вновь открывшуюся ветхость, требующую перемены; делается дополнительная смета тысячи на две и ассигновывается. Обо всем этом я пишу не по слухам. Бывши уездным судьей, я не раз правил должность уездного предводителя и свидетельствовал такие постройки. Выставляю только два примера действия чиновника особых поручений, майора П-го: 1) За поправку и перемену сгнивших перил по гате от Воронежа к слободе Придаче, на пространстве 500 сажен, по смете инженеров требовалось 500 р. серебром; подрядчик просил

450 р. П-ский вызвался сделать за 400 р.; но при починке оказалось, что есть ветхие перила на 200 саж. и ему было отпущено еще 550 р. 2) На реке Воронеже, под городом, мост устраивался каждый год. Подрядчик просил три тысячи двести руб. серебром. П-ий вызвался, по усердию к службе, произвести постройку дешевле, именно ровно за три тысячи. Но при производстве починки потребовалось еще 500 р., которые и были отпущены. И так все эти экономические постройки, вместо уменьшения расходов, еще их увеличивали; при том же честный подрядчик боится свидетельства, а потому и старается строить исправно, из хорошего леса, дабы не забраковали, а чиновник той же строительной комиссии, в особенности губернаторский, делает, как случится.

XXI.

Бывают случаи, когда человек обхватывается с одной стороны огнем, а с другой водой, – куда ни обратись, все смерть! Так и со мной, как уже и говорил я, случилось: откупщик-дворянин Бороздин, чрез нечаянный удар и смерть своего крепостного человека, предан был суду. Губернатор, раздраженный им, требовал от меня осудить его; а бывший губернский предводитель В.В. Тулинов – напротив, так как подобный случай требовал пощады. Доказательств злонамеренности не было, а потому я решил подсудимого учинить свободным, в силу закона, и при всей настойчивости губернатора, при переносе этого дела в высшие инстанции, мое решение утвердилось. Барон за то, что я не сделал по его мнению, вытеснил меня из службы; если бы я сделал по его желанию, то губернский предводитель, каков был В.В. Тулинов, при следующих выборах, за неуважение его просьбы, оставил бы меня, как притеснителя дворянства, неизбранным. А могло бы и не случиться никакой для меня неприятности, если бы жив был во время производства этого дела губер[н]ский предводитель: тогда барон не произвел бы на меня такого гонения! Но случилось так, что только я решил дело в декабре, чрез два месяца Тулинов умер¹³. Может быть, и мне следовало бы поступить осторожнее по решению мною дела, когда губернатор призвал меня и стал упрекать – что он предворял меня и просил, чтоб я Бороздина, по его мнению и прежде дерзости полиции делавшего, непременно осудил – я, по привычке с прежними губернаторами, ко мне хорошо расположенными, смело говорить правду, неосторожно отвечал барону: что я помню требование его пр[евосходительст]

ва осудить Бороздина, но другие требовали от меня пощады. На-
добо было уж поименовать В.В. Тулинова, а я этого не сделал,
потому что хотел наперед ему передать губернаторскую претен-
зию; но губер[н]ский предводитель уже был на смертном одре. А
между тем бароново честолюбие раздражилось; он тогда же вы-
шел из себя и закричал: “Так не меня, а других слушаться! Так я с
вами управлюсь!” С этими словами он ушел от меня. После, когда
я девять месяцев отправлял и должность уезд[ного] предводите-
ля, он, казалось, забыл гнев; но свидетельство постройки моста,
вооружив против меня секретаря его, и новое раздражение по
поводу моих слов, что он обманывается в выборе чиновников,
довершили удаление меня от дел, без всякой моей вины. А все-
таки можно сказать, что человек сам себе больше враг: поступай
я осторожно, непременно избегнул бы неприятности.

Некоторым, и даже многим, я послужил в соблазн, зависть и
осуждение: говорят, что я нажил себе состояние! Но ошибаются
и грешат мыслящие, что все это приобретено нечистыми путями.
Теперь мне, когда дописываю эту страницу, минула половина
седьмого десятка. Как пред Богом исповедаюсь я пред людьми: в
течение почти тридцатисемилетней непрерывной моей службы,
с декабря 1805 по май 1843 года, я старался, насколько это от
меня зависело, для каждого, знатного и ничтожного, сделать все
удобное и полезное, не только не выжидая, но и не высматривая
для себя интереса. Виноват только в том, что не всегда отказы-
вался от благодарности за сделанное, но никогда не только не до-
говора не делал, но даже и приносимого, прежде, нежели сделаю,
не принимал. Дела решал я, не дожидаясь просителей или ответ-
чиков, чрез это-то я и возбудил против себя заговор в канцелярии
и потерпел оклеветание от мошенников. Не знаю, как Бог будет
меня судить, но и в священном писании сказано: “Трудивыйся
да яст!” В долговременную службу мою доставалось мне в удел
избавлять некоторых миллионеров от поношения в делах, проис-
ходящих не от собственных их преступлений, а потому, что они
шли по дороге житейской, до них проложенной между стремнин
к рудникам золота и мешков, туго набитых червонцами, и по-
скользнувших над пропастью. Я поддержал таких и не дал им
погибнуть. Они за жизнь свою из мешков этих бросали горстями
и мне золота по собственному произволу, не знаю, грех ли это?
Вместе с службою я занимался частно делами богатых граждан,
и за труды свои получал не однажды тысячами. Занимался я и

коммерческими предметами: имел под городом кирпичный завод, содержал почты девять лет, получал от них чистой прибыли по две и по три тысячи в год. Я купил случайно имение у помещиков Лосева¹¹⁴ и Бергмана¹¹⁵ за назначенную ими самими цену восемь тысяч р[ублей] асс[игнациями], а с крепостью стоило девять тысяч. Впоследствии чрез распродажу леса на сруб, а наконец, и самой земли, я выручил более тридцати тысяч рублей. Вот источники моего состояния!

Жил я, как и теперь доживаю, скромно. В день только именин моих бывали у меня и губернаторы. Многие, может быть, назовут меня скупым, но истинно, я только бережлив. Никому из нуждающихся в помощи я не отказывал, и с обязательством отдать, и без отдачи. Я никогда не сердился за интерес, помня священное писание: “Даром получите, даром и раздавайте”. Я мог бы, по моим доходам и бережливости, теперь иметь капитала сто тысяч, но у меня и на половину не осталось. Да не соблазнятся же и не сокрушают!

23 марта 1856 г.

А.Бартенев.

Воронежские губернские ведомости.
1862. 6 окт., № 40; 27 окт., № 43; 24 нояб., № 47;
22 дек., № 51; 1863. 2 февр., № 5; 9 марта, № 10;
6 апр., № 14; 8 июня, № 23; 29 июня, № 26.

¹ См.: Акинъшин А.Н. Воронежские Бартеневы // Бартеневские чтения. Липецк. 2002. С. 5–10.

² Бартенева, урожд. Паренаго, Надежда Ильинична, умерла в Воронеже 19 июня 1862 г.

³ В деле о дворянском достоинстве Бартеневых между Сильвестром и Моисеем указаны еще Григорий и Ерофей. См.: ГАВО. Ф. И-29. Оп. 124. Д. 26.

⁴ Бартенев Аникей Поликарпович (ок. 1765 – ок. 1811), отставной подпоручик.

⁵ Бартенева, урожд. Долженкова, Мария Семеновна, в 1850 г. разделила имение в дер. Долженковой, что на реке Россошке, Воронежского уезда, между сыновьями Алексеем, Иваном и Никанором.

⁶ Зеновьев Алексей Павлович (ок. 1762 – между 1826 и 1835), преподаватель Главного народного училища, затем уездного училища в 1786–1812 гг.

⁷ В семье А.П. Зеновьева был сын Иван и дочери Александра и Елизавета.

⁸ Митрофановы: Петр Петрович (ок. 1794 – ?) и Яков Петрович (ок. 1795 – ?). Впоследствии стали офицерами.

⁹ Успенский Гавриил Петрович (1765–1820), преподаватель Главного народного училища в 1790–1807 гг., затем профессор Харьковского университета.

¹⁰ Соколовский Петр Васильевич (ок. 1763 – 1829), преподаватель Главного народного училища в 1791–1809 гг., затем смотритель уездного училища.

¹¹ Де Ливри Дюбуа, преподаватель французского языка в Главном народном училище, затем в губернской гимназии в 1804–1811 гг. Из офицеров французской службы, в 1811 г. возвратился на родину.

¹² В семье Алексея Поликаповича и Марии Бартеневых были дети Иван (ок. 1801–1864), Никанор (1807 – между 1867 и 1870), Николай, Александра, Наталья, Василий. Имя еще одного ребенка неизвестно.

¹³ Чертков Николай Васильевич (1764–1838), действительный статский советник, судья Воронежского совестного суда в 1801–1831 гг.

¹⁴ Н.В. Чертков был женат на Наталье Алексеевне (1773–1829), урожд. Хрущовой.

¹⁵ В семье Н.В. и Н.А. Чертковых было шестеро детей. Александр и Василий умерли малолетними, Варвара и Екатерина были незамужними, Алексей (1799 – после 1847) и Дмитрий (1802–1851) были гражданскими чиновниками в невысоких чинах. Вышеприведенные сведения мемуариста относятся, вероятно, к представителям других ветвей Чертковых.

¹⁶ Штер Матвей Петрович (1776–1847), воронежский губернатор с марта 1811 г. по октябрь 1812 г.

¹⁷ Македонец Василий Игнатьевич (ок. 1751–1812), статский советник, предводитель дворянства Воронежского уезда в 1811–1812 гг.

¹⁸ Вяхирев Никита Никитич (ок. 1772 – 1819), купец, торговец скотом, салом, шерстью.

¹⁹ Речь идет об одном из сыновей губернского архитектора Н.Н. Иевского (1740–1797), Никаноре (ок. 1774 –?), Дмитриии (ок. 1775–1818), Алексее (ок. 1778–1819) или Петре (ок. 1783 – после 1818).

²⁰ Нахимов Аким Николаевич (1782–1814), поэт-сатирик.

²¹ Македонец, урожденная Борисова, Екатерина Макаровна (? – после 1839).

²² М.П. Штер был отстранен от должности 22 октября 1812 г., выехал из Воронежа 21 ноября. 3 апреля 1816 г. он предстал перед судом Сената «за предоставление во время воронежского губернаторства батальонному командиру внутренней стражи обмундирования рекрут и за неокказание будто бы по требованиям врачебной управы содействия к спокойному военного ведомства больных содержанию» и был оправдан.

²³ Кейкуатов Иосиф Васильевич (ок. 1779–1814), князь, отставной лейтенант флота, воронежский уездный предводитель дворянства в 1813–1814 гг., был женат на Елене Михайловне Бравиной (1796–1856). Умер 17 ноября 1814 г. Более подробно о семье Кейкуатовых см.: Акиншин А.Н., Литвинова Т.Н. Татарские князья Кейкуатовы в Воронеже // Генеалогический вестник. 2001. № 4. С. 49–56.

²⁴ Кейкуатовы Николай Васильевич (ок. 1780 – между 1831 и 1836) и Владимир Васильевич (ок. 1783 – между 1826 и 1830), оставшие офицеры флота.

²⁵ Бравин Михаил Иванович (1760–1833), воронежский губернатор в 1812–1817 гг., прибыл 10 декабря 1812 г. из Полтавы.

²⁶ Крыжановский Антон Константинович (ок. 1772 – после 1815), вице-губернатор в 1811–1815 гг.

²⁷ В январе 1815 г. в Воронеж «для произведения на месте исследования об оказавшихся здесь злоупотреблениях» прибыл сенатор, тайный советник Алексей Захарович Хитрово (1776–1854).

²⁸ Орденом св. Анны 1 степени М.И. Бравин был награжден 1 февраля 1816 г.

²⁹ Харкеевич Алексей Иванович (ок. 1752 – после 1818), отставной майор, помещик Нижнедевицкого уезда.

³⁰ У М.И. Бравина было пятеро детей.

³¹ Чертков Дмитрий Васильевич (1758–1831), губернский предводитель дворянства в 1798–1822 гг.

³² Михнев Петр Федорович (ок. 1779–1843), в 1809–1815 гг. – воронежский уездный судья, в 1815–1819 гг. – кандидат к должности уездного предводителя дворянства. Эту должность в 1816–1818 гг. занимал коллежский ассессор Иван Никитович Черенков. Возможно, речь идет об Иевском. Петр Николаевич Иевский (ок. 1784 – после 1818), штабс-капитан, правящий должность губернского предводителя в августе 1816 г.

³³ М.И. Бравин был отрешен от должности 18 мая 1817 г. «по случаю открытия в губернии, ему вверенной, злоупотреблений, о пресечении коих не имел он надлежащего попечения» и отдан под суд Сената.

³⁴ Решением Государственного Совета 6 мая 1819 г. М.И. Бравин был оправдан. В 1826–1830 гг. он занимал должность ярославского губернатора, с 1830 г. – тайный советник, сенатор.

³⁵ Дубенский Николай Порфирьевич (1779 – после 1849), губернатор в 1817–1819 гг.

³⁶ Воронежским уездным предводителем дворянства в 1818–1822 гг. был полковник Алексей Андреевич Чарыков (ок. 1775–1824).

³⁷ Император Александр I посетил Воронежскую губернию в июне 1818 г.

³⁸ Должности воронежского полицеймейстера в 1817–1819 гг. занимали Григорий Николаевич Глинка (1780–1828), коллежский советник Михаил Андреевич Полозов, надворный советник Александр Александрович Шушерин (ок. 1772 – после 1820), отставной подпоручик Николай Егорович Славянов (ок. 1783 – после 1836).

³⁹ Экартсхаузен Карл (1752–1803), немецкий писатель, автор многочисленных сочинений религиозно-мистического характера.

⁴⁰ Дубенская, урожденная Гартонг, Елизавета Петровна.

⁴¹ Губернским прокурором в 1817–1818 гг. был надворный советник Константин Антонович Кириченко-Астронов, в 1819–1820 гг. – коллежский советник Иван Александрович Горяинов.

⁴² Мемуарист ошибается: Н.П. Дубенский управлял губернией полтора года.

⁴³ С февраля 1819 г. Н.П. Дубенский управлял департаментом разных податей и сборов Министерства финансов, с 1822 г. – департаментом государственных имуществ.

⁴⁴ Согласно архивным документам, Н.П. Дубенский уволен от службы в 1837 г., при ликвидации департамента. Ревизия обнаружила «важные упущения и беспорядки в производстве дел». Управляющий департаментом был отдан под суд. Окончательное решение было вынесено 9 июля 1841 г.: Дубенского от уголовной ответственности освободить, но лишить звания сенатора.

⁴⁵ М.И. Бравин 28 января 1830 г. уволен от должности ярославского губернатора с назначением в сенаторы и производством в чин тайного советника. Умер в Москве 28 февраля 1833 г.

⁴⁶ Аршад (оршад) – прохладительный напиток с добавлением миндаля.

⁴⁷ Речь идет о сестре Иосифа, Николая и Владимира Кейкуатовых, Прасковье Васильевне (ок. 1784 – между 1837 и 1856), в замужестве Паренаго, и ее матери, Марии Ивановне, урожденной Даниловой.

⁴⁸ Лобанов-Ростовский Борис Александрович (1795–1863), предводитель дворянства Воронежского уезда в 1822–1825 гг.

⁴⁹ Дрей-мадера – несладкое, сухое виноградное вино с острова Малера.

⁵⁰ Вдова Ильи Андрониковича Паренаго владела имением в с. Орлово Воронежского уезда. Помимо Надежды, на которой женился мемуарист, у нее была дочь Вера, которая вышла замуж за Федора Ивановича Фаленберга.

⁵¹ Деверь – брат мужа. У Ильи Андрониковича были братья Иона, Максим и Георгий.

⁵² Фаленберг Федор Иванович (ок. 1790 – между 1848 и 1855), отставной майор. Брат декабриста Петра Ивановича Фаленберга (1791–1873). 30 января 1820 г. женился на Вере Ильиничне Паренаго. Н.И. Бартенева была крестной матерью его детей Николая (р. 1830) и Терезии (р. 1832). О семье Фаленбергов см.: Гайворонский А.И. Декабрист П.И. Фаленберг // Подъем. 1997. № 12. С. 225–236.

⁵³ Величко Викентий Иосифович, отставной майор, помещик Нижнедевицкого уезда.

⁵⁴ Поссе Федор Федорович (ок. 1780 – после 1831), коллежский ассессор, инспектор врачебной управы с 1818 г. Жена Екатерина Ивановна, дети Иван (1808 – ?) и Александр (ок. 1819 – ?). Дочь в семье Поссе не упоминается.

⁵⁵ Памятник Александру I работы скульптора И.П. Мартоса и архитектора А.И. Мельникова был открыт в 1831 г.

⁵⁶ На выборах 17-18 января 1822 г. в секретари дворянства баллотировались коллежский ассессор Иона Андроникович Паренаго, титулярный советник Александр Алексеевич Григоров, коллежский регистратор Яков Андреевич Выскребенцев и титулярный советник А.А. Бартенева. Избран был Бартенева, получивший 192 избирательных шара и 39 неизбирательных. До этого он занимал должность протоколиста Воронежской дворянской опеки.

⁵⁷ На выборах 15-16 января 1825 г. А.А. Бартенева баллотировался в Палату гражданского суда (161 голос за, 77 против), в Палату уголовного суда (126 голосов за, 112 против), в совместный суд (107 голосов за, 131 против). Секретарем дворянства вместо Бартенева был избран Я.А. Выскребенцев.

⁵⁸ На выборах 8 февраля 1828 г. А.А. Бартенева баллотировался в Палату гражданского суда (163 голоса за, 77 против), в Палату уголовного суда (155 голосов за, 86 против).

⁵⁹ На выборах 12 января 1831 года А.А. Бартенева баллотировался в Палату гражданского суда (206 голосов за, 63 против), в Палату уголовного суда (216 голосов за, 52 против).

⁶⁰ Губернским предводителем в 1832–1842 гг. был действительный статский советник, камергер Василий Васильевич Тулинов (1788–1842), ему принадлежал дом на углу улиц Большой Дворянской и Тулиновской (ныне – пр. Революции, 30).

⁶¹ Воронежским уездным судьей в 1831–1834 гг. был майор Степан Иванович Ильинский (ок. 1785 – после 1850). Он владел имениями в селах Васильевское и Семеновка Воронежского уезда.

⁶² По указу императора Николая I от 6 декабря 1831 г. дворянские собрания получали право избирать председателей губернских Палат гражданского и уголовного суда.

⁶³ Рубашевский Иван Иванович (1781–1836), статский советник, воронежский вице-губернатор в 1825–1831 гг.

⁶⁴ Председателем Палаты уголовного суда в 1825–1834 гг. был статский советник Степан Михайлович Петров (? – около 1838).

⁶⁵ Министром юстиции в 1827–1829 гг. был князь Алексей Алексеевич Долгоруков (1775–1834), в 1829–1839 гг. – Дмитрий Васильевич Дашков (1778–1839).

⁶⁶ Секретарем губернской Палаты уголовного суда в это время был титулярный советник Николай Павлович Земцов.

⁶⁷ Матвеев Николай Федорович (ок. 1779 – после 1837), владелец имения на хуторе Кокарев Острогожского уезда. Знакомый К.Ф. Рылеева. В 1826–1829 гг. с Матвеева взыскивали 34 тысячи рублей поручики Николай и Владимир Станкевичи. См.: ГАВО, ф. И-167, оп. 1, д. 12150. 12215.

⁶⁸ Речь идет об одном из братьев Станкевичей – Николае Ивановиче (1783–1838) или Владимире Ивановиче (1786–1851).

⁶⁹ Председателем Палаты гражданского суда в 1825–1831 гг. был статский советник Игнатий Петрович Татаринов, в 1831–1834 гг. – статский советник Василий Данилович Копецкий (ушел в отставку в марте 1834 г.).

⁷⁰ Губернским стряпчим по уголовным делам в 1823–1832 гг. был коллежский ассессор Иван Иванович Малчевский (1762–1832).

⁷¹ Воронежским уездным стряпчим был титулярный советник Степан Андрианович Богачев.

⁷² Галлер Владимир Иванович (1789–1846), директор воронежской губернской гимназии в 1824–1834 гг., позднее председатель Палаты уголовного суда в Перми.

⁷³ Шидловский Иван Евдокимович (1774–1846), коллежский советник, предводитель дворянства Валуйского уезда в 1822–1834 гг.

⁷⁴ Адеркас Борис Антонович (1775–1831), действительный статский советник, воронежский губернатор в 1826–1830 гг. Вполне очевидно, что автор ведет изложение событий с нарушением хронологии.

⁷⁵ Секретарями губернского правления были титулярный советник Павел Николаевич Короленко-Миргород (ок. 1788 – после 1845) и губернский секретарь Константин Саввич Матвеев.

⁷⁶ Советниками губернского правления были коллежский советник Петр Анисимович Шепелев, надворный советник Павел Петрович Каневецкий (Коневецкий) (1786–1831/32) и надворный советник Иисус Петрович Басов (1790–1871).

⁷⁷ По смыслу должно быть: предводителям.

⁷⁸ Предводителем дворянства Богучарского уезда в 1825–1834 гг. был майор Тимофей Лаврентьевич Пушкарев (ок. 1760 – после 1834).

⁷⁹ Губернским предводителем дворянства в 1825–1832 гг. был действительный статский советник Семен Алексеевич Викулин (ок. 1775–1841).

⁸⁰ Предводителями дворянства Острогжского уезда, к которому принадлежал В.И. Станкевич, были: в 1826–1828 гг. – действительный статский советник Николай Семенович Лазарев-Станищев (ок. 1771 – после 1831), в 1828–1831 гг. – чиновник 10 класса Василий Тихонович Лисаневич (ок. 1774 – между 1854 и 1861).

⁸¹ Единственные дворянские выборы, проходившие при губернаторе Б.А. Адеркасе, состоялись в феврале 1828 г. При баллотировании в Палату уголовного суда против А.А. Бартенева голосовали 86 человек, в Палату гражданского суда – 77 человек. Такого соотношения голосов, как называет автор, он не получал и на других выборах.

⁸² Предводителем дворянства Воронежского уезда в 1828–1831 гг. был капитан-лейтенант, князь Николай Васильевич Кейкуатов (ок. 1780 – между 1831 и 1836). На выборах 1831 г. губернатор Д.Н. Бегичев не утвердил его в должности уездного предводителя дворянства.

⁸³ Городничим в Нижнедевицке в это время был штабс-капитан Алексей Онисимович Сороченков.

⁸⁴ Татаринов Петр Михайлович (ок. 1805 – 1839), штабс-капитан, был женат на дочери поручика Екатерине Федоровне Ряполовой. Ее мать, Глафира Николаевна, вторым браком вышла замуж за князя Владимира Васильевича Кейкуатова, в этой семье и выросла Екатерина Федоровна. В доме Г.Н. Кейкуатовой и Е.Ф. Татариновой в с. Богородицкое (Княжое тож) Нижнедевицкого уезда воспитывался осиротевший крестьянский мальчик Анатолий Богданов (1834–1896), впоследствии профессор Московского университета, основоположник антропологии в России. См.: Акиншин А.Н., Литвинова Т.Н. Татарские князья Кейкуатовы в Воронеже // Генеалогический вестник. СПб., 2001. № 4. С. 55.

⁸⁵ О конфликте между предводителем дворянства А.В. Решетовым и П.М. Татариновым см.: ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 984. Л. 118–127 об. Татаринов отказался участвовать в работе карантинных, ссылаясь на то, что его собственные имения находятся в Рязанской и Тульской губерниях

⁸⁶ Заседателями Нижнедевицкого уездного суда в 1831 г. были подпоручик Андрей Викторович Стрижевский и поручик Петр Петрович Ключников (1804 – после 1859).

⁸⁷ Решетов Аристарх Васильевич (1778–1842), майор, предводитель дворянства Нижнедевицкого уезда в 1813–1822 гг., 1828–1831 гг.

⁸⁸ Уездным исправником в 1830 г. был штабс-капитан Иван Яковлевич Змиев (1784–1832), в 1831 г. – штабс-капитан Михаил Алексеевич Стрижевский (ок. 1793–1876). По всей видимости, под судом был М.А. Стрижевский.

⁸⁹ Уездным почтмейстером в Нижнедевицке был титулярный советник Ефим Игнатьевич Шидловский.

⁹⁰ Презус – так назывался председатель военного суда до военно-судебной реформы 1867 г.

⁹¹ Степанов Доримедонт Федорович (1789–1835), бухгалтер, затем секретарь (1823–1832) Приказа общественного призрения.

⁹² Председателем Палаты гражданского суда в 1834 г. был избран коллежский ассессор Иван Филиппович Прибытков (ок. 1772–1836), кандидатом к нему – ротмистр Андрей Михайлович Лосев (1799–1867).

⁹³ На выборах в 1834 г. на должность Воронежского уездного судья А.А. Бартнев получил 17 голосов за, 4 – против. Вслед за ним шли майор Федор Иванович Фаленберг (15 за, 7 против) и штаб-ротмистр Иван Алексеевич Александров (14 за, 8 против).

⁹⁴ Буало Никола (1636–1711), французский поэт и критик.

⁹⁵ Лодыгин Николай Иванович (1788–1864), генерал-майор, воронежский губернатор в 1836–1841 гг.

⁹⁶ Владельцами суконных мануфактур в это время были Алексей Иванович (1784–1853), Дмитрий Иванович (1790–1853) и Николай Иванович (1810–1854) Тулиновы, Яков Васильевич (ок. 1785–1842) и Василий Васильевич (ок. 1788–1842) Тулиновы.

⁹⁷ Шилинг Наркиз Богданович (ок. 1801 – после 1845), отставной капитан, с 1831 г. – чиновник особых поручений при воронежском губернаторе, с июня 1836 г. – неременный член Приказа общественного призрения.

⁹⁸ Кривцов Николай Иванович (1791–1843), статский советник, воронежский губернатор в 1824–1826 гг.

⁹⁹ Заседателем уездного суда был ротмистр Алексей Иванович Петров. В январе 1841 г. его сменил титулярный советник Лев Иванович Муратов (ок. 1800 – ок. 1865).

¹⁰⁰ Шматовский Лев Акимович (ок. 1806 – после 1853), штаб-ротмистр, заседатель уездного суда с октября 1834 г.

¹⁰¹ Секретарем уездного суда в это время был коллежский секретарь Захар Михайлович Тростницкий.

¹⁰² Н.И. Лодыгин ушел в отставку в феврале 1841 г. Вице-губернатором в это время был статский советник Михаил Александрович Прибытков (1796–1842).

¹⁰³ Мишковский Александр Яковлевич, статский советник, воронежский вице-губернатор в 1835–1838 гг., председатель казенной палаты в 1838–1842 гг.

¹⁰⁴ Речь идет об одном из внуков знаменитого воронежского откупщика Тимофея Сильвестровича Бородина (ок. 1737–1816), Петре (1818 – ?), Алексее (1820 – ?) или Василии (1822 – после 1865) Сильвестровичах, Иване (1805–1880) или Андрее (1810–1848) Васильевичах Бородиных.

¹⁰⁵ В мае 1843 г. Воронежским уездным судьей стал Степан Григорьевич Устиновский (ок. 1786 – после 1853).

¹⁰⁶ Ховен Христофор Христофорович (1795–1890), генерал-майор, воронежский губернатор в 1841–1846 гг.

¹⁰⁷ Штатным секретарем уездного суда с 12 ноября 1841 г. был назначен титулярный советник Михаил Иванович Куманский (ок.1808 – ?).

¹⁰⁸ В ноябре 1842 г. повытчиком уездного суда был назначен коллежский регистратор Евгений Семенович Мурзин (ок. 1817–1896).

¹⁰⁹ Вебер Иван Иванович (ок. 1768–1833), коллежский советник, губернский обер-форштмейстер.

¹¹⁰ Данилов Иван Дмитриевич (ок. 1805 – между 1853 и 1861), выпускник духовной семинарии, с 15 февраля 1840 г. исправлял должность правителя канцелярии губернатора, 15 декабря 1840 г. утвержден в этой должности. С 18 января 1845 г. назначен советником губернского правления.

¹¹¹ Единственным чиновником особых поручений при губернаторе Х.Х. Ховене, ставшим советником губернского правления, был Александр Петрович Шуринов (1815 – между 1870 и 1885).

¹¹² Земцов Дмитрий Николаевич (ок. 1804–1865), коллежский ассессор. С октября 1840 г. по март 1842 г. был становым приставом Воронежского уезда, с февраля 1843 г. по декабрь 1845 г. – Воронежский уездный стряпчий.

¹¹³ В.В. Тулинов умер 19 марта 1842 г.

¹¹⁴ Речь, очевидно, идет об Иване Ивановиче Лосеве (ок. 1789–1841), владевшем имениями в Воронежском уезде.

¹¹⁵ По соседству с И.И. Лосевым имениями в воронежском уезде владела вдова генерал-лейтенанта Мария Степановна Берхман и ее сын Степан Федорович Берхман (1787–1839).

В.Г. Успенский

ВОСПОМИНАНИЯ СЫНА ОБ ОТЦЕ*

Редки в провинции мемуаристы, которые повествуют о начале XIX в. Василий Григорьевич Успенский (1805 – после 1863) – один из немногих, в чьих воспоминаниях речь идет о харьковском периоде жизни его отца, Г.П. Успенского, в 1810-е гг. Приходится сожалеть, что очень мало здесь сказано о Воронеже. Но иначе и быть не могло, учитывая возраст Василия. Гавриил Петрович Успенский (8.07.1765–10.05.1820) в 1790–1807 гг. преподавал в Главном народном училище, а затем вместе с семьей переехал в Харьков, где стал профессором недавно открытого университета.

Василий Успенский вступил в военную службу в июне 1821 г. в Орденский кирасирский полк юнкером. 9 января 1833 г. вышел в отставку с награждением чином штабс-ротмистра¹. Приобрел имение и с этого времени жил в Землянском уезде. Им были написаны «Заметки паломника о Задонском монастыре» (ВГВ. 1863. № 35) и, по просьбе редактора неофициальной части газеты М.Ф. Де-Пуле, воспоминания об отце, которые перепечатываются ниже. Подстрочные примечания принадлежат автору.

* * * * *

Нелегко говорить об отце чрез сорок с лишком лет после его кончины: тогда смотрелось другими глазами, чувствовалось иначе, а годы разлуки многое изгладили из памяти. Никто во все эти сорок лет не спрашивал меня о давнишнем покойнике, и я только молился о нем, почти никогда не насилая памяти о минувшем; но теперь, если я вызван на воспоминания об отце, как о человеке, принадлежащем науке, то с полной откровенностью и честной правдивостью расскажу о нем все, что знаю и что вспомню.

Отец мой, Гавриил Петрович Успенский, имел родителей до того бедных, что они, отпуская сына в Петербург для поступления в учительский институт, в силах были снабдить его только медной

* Статья эта составлена по нашей просьбе. Считая Успенского одним из замечательных людей нашего края, мы обратились к сыну его В.Г. Успенскому с просьбой сообщить нам все, что он знает о своем покойном родителе. – Ред.

полтиной и новыми котами. Кроме этого, отец мой о своем детстве ничего замечательного не рассказывал. Но можно было догадываться, по его вздохам при воспоминаниях, что детство его было нерадостно, а юношество сопровождалось горькой нуждой. Жизнь в Петербурге поглощалась ученьем, и оно так слилось с его душой, что по самую смерть он тоскливо твердил: «Учитесь, дети! Ох, учитесь! Ученье свет, а неученье тьма. Без ученья человек – полчеловек, а мне хотелось бы, чтобы вы были настоящими людьми. Без науки человек – неотесанное бревно, он в тягость и во вред обществу, объедая его и размножая дураков. Мне отец мой всем пожертвовал, чем мог, чтобы я был человеком: чрез силу сбил полтину меди и купил новые коты и с этим отправил меня в столицу. Я тоже все для вас делаю, лишь бы сделать вас настоящими людьми». Так говорил отец, но судьба повела его детей по другой дороге.

Полными становятся мои воспитания с той поры, когда отец мой вышел уже педагогом и занял учительское место в Воронеже, в тогдашнем главном народном училище. Но педагогический путь его был узок, нужда шла по пятам и только училищные обязанности и дружба с умными и добрыми товарищами облегчали участь молодого труженика, а сочинения и переводы развлекали его. Из друзей его, о которых он не переставал вспоминать с сердечным движением, а часто и со слезой, слышались имена: Григория Андреевича Петрова², Степана Васильевича Юшкова³, протоиерея Евгения Болховитинова⁴; кое-когда вспоминались: монах из протопопов Анфиноген и в веселый редкий час протопопы Ивана Зацепина⁴. Последний, по выражению отца, при природном сильном уме и сведениях, сбился с фарватера и попал в шхеры; он о нем искренно сожалел, иногда приговаривая: «Не дай Бог, чтобы у человека ум за разум зашел! Это хуже всякого несчастья!»⁵. Вспоминались и другие избранники, но какие, за давностью времени – не припомню. Отец мой умер в мае 1820 года. С той поры мало уцелело в моей памяти. В описываемый период отец мой, как и в остальную часть своей жизни, материальной поддержки ни от кого не имел и жил трудом, работая день и ночь с книгой и пером. Но молодость требовала лучшего, и голова труженика болела от тоски и горя. Борьба дум долго тянулась и, наконец, бед-

¹ Впоследствии времени Г.А. Петров был директором гимназии в Киеве; С.В. Юшков – штатным смотрителем училища в Белгороде, Евгений – Митрополитом Киевским; Анфиноген – игуменом в Донецком монастыре; Зацепин – землевладельцем в Землянском уезде. – Авт.

няк, не видя исхода, решился выручить себя женитьбой. Явились советники и свахи и сосватали ему молодую купеческую вдову Веру Григорьевну Викулину. Муж ее Тимофей Федорович был родным братом знаменитому откупщику, секунд-майору и потом бригадиру Алексию Федоровичу Викулину⁶, оставившему детям своим почетное имя и громадное богатство. С этим братом он был в доли по откупной операции. Сваты и свахи наговорили бездну чудес о богатстве невесты, о стотысячном наличном капитале, о великом счастье войти в родство с богатыми людьми и умильно тараторили о прелестных деточках, оставленных ей мужем. Железная нужда и молодые чувства помогли свахам, и дело увенчалось законным браком. Но во все времена и у всех европейских народов брачные события превращали поэзию в прозу и цветистые фантазии в жалкую существенность; отец мой испытал эту истину на себе. Женитьба дала ученому супругу едва грамотную жену с неровным характером, четырех порядочно взрослых пасынков, падчерицу и старушку тещу, из стотысячного капитала едва сотни две серебряных рублей петровского чекана и домик на училищной улице с поставцом св. образов, из которых два в серебряных окладах. Богатая родня вся отлетела, как великолепный мираж. Отец мой очутился как рак на мели. В живом, движущемся приданом жены бедняк-учитель благодатно воспринял семь желудков, прибавил по необходимости два, в личностях работника и кухарки, а десятый свой собственный. И оправдалось замечание, не помню, какого-то остряка в повести 20-х годов: мужчина – единица, а женщина не более как нуль; но когда этот нуль станет с правой стороны, то единица удесятерится. Молодой супруг скоро очнулся, но вчерашнего дня не возвратишь! А тут к беде – беда: начали ежегодно появляться новые создания, в заключение коих явился пишущий эти строки. Эти созданыицы подняли семейную цифру до 16-ти! Бедному учителю пришлось не в мочь! А тут Тимофеичи выросли «в меру возраста совершенного» и, поднявшись на ноги, подняли головы и голос: пошли своевольства, грубости, беспорядки, и в мирном домике завелся маленький содом. Глава семейства терялся. Друзья и благоразумная теща успокаивали и поддерживали страдальца. Благое провидение, наконец, немного облегчило гнет его убылью трех из кровных малюток и вслед за тем вызовом в учреждавшийся тогда Харьковский университет к занятию кафедры исторических наук⁷. Тоже провидение послало достойного жениха для четырнадцатилетней падчерицы, улади-

ло свадьбу и дало свободу к отъезду. Отец мой, вырвавшийся из милых объятий непокорного квартета пасынков, без оглядки покскачал в Харьков, увезя с собой собственное только семейство и добронравную, набожную тещу. Мне было тогда только второй год от роду: все сказанное о семейном быте отца моего в Воронеже я впоследствии слышал от него самого и почтенной моей бабки. Давно оба они в безвестной вечности: переселение это делает несомненным мой рассказ, не позволяя никакому говоруны клеветать на мертвых.

В Харьков приехали мы без денег и без связей, с крайней нуждой и замешательством, не зная за что взяться. Но хорошее жалованье и кредит поддержали отца.

Ничего не знаю о том, как отец мой заводил оседлость в Харькове; если и говорилось об этом, то, вероятно, с новоселья, когда я ничего не осмыслил, после же забылось, как забывается все. Когда же я начал понимать, то помню только, что у нас был уже собственный дом на театральной площади, против острога. Этот пункт был краем города с севера, хотя на этой же безлюдной площади уныло стоял придавленный временем деревянный дом губернатора Бахтина⁸. Острог был обнесен заостренными стоячими бревнами, и черным пугалом смотрелся в наши окна. Ловкая прислуга, умиряя наши детские резвости, говаривала, что из него вылезут разбойники и порежут нас. Угроза была слишком правдоподобна, страшней явления ведьм и леших, и действовала решительно. За острогом тотчас начинались ямы бывших кирпичных сараев и ужасные ямы острожных нечистот; за ними печально лежало оставленное лютеранское кладбище с соседнею русскою церковью Жен Мироносиц и расстилался бесконечная пустошь. Тут поселился новый профессор нового университета и, проживши около четырнадцати лет, все видел острог перед окнами и часовых вокруг острога... Без него перестроилось это место и слилось с городом. Театр был выстроен каменный, очень приличный; на месте острога создавалась красивая кирка; на нечистых ямах воздвигся католический костел; пустошь с навозными кучами красиво застроилась широкой улицей; против Мироносицкой церкви воздвиглось здание института благородных девиц. Теперь место прежнего нашего жительства вполне прилично для профессора университета, каким бы изящным комфортом он ни обладал; а тогда было отвратительно гадко: упрямая нужда указала место бедняку. Остробревенчатый острог с заунывным криком часовых

и бряканьем кандалов, деревянный, огромный, нелепейшего вида театр, с всегдашним опасением пожара в нем, – все это навредило тоску и страх. Самый дом наш, ветхий, приземистый, смахивал физиономией на соседей: он был такой же мрачный и угрюмый, как они; двор был пропитан осторожной атмосферой. Тут-то ученый муж днем и ночью обрабатывал предмет свой, тут трудился он над воспитанием детей своих и чужих, давал уроки приезжавшим издалека держать экзамены на ученые степени; тут в редкий свободный час отдыхал он в беседах с сотрудниками по университету; тут принимал чопорные визиты и отсюда неупустительно каждый день утром и после обеда ходил и ездил на службу. Он, кроме кафедры, разновременно, но непрерывно занимал должность декана, синдика⁹ и инспектора; последняя не редко и ночью вызывала его из дому.

Все дни для него были одинаковы, кроме праздничных, мучивших его нарядностью посещений и официальными визитами. Каждый день был сколком со вчерашнего: зимой и летом он вставал в четыре часа утра, тотчас умывался водой со льдом, одевался в сюртук и, после короткой молитвы, выпивал кружку холодной воды и, пройдясь по залу, садился за письменный стол. Молча работал он, и только скрип пера давал знать о его бодрствовании. В 7 часов он пил чай с небольшим куском белого хлеба; после чаю прослушивал наши уроки [с] нами; мы тогда учились в гимназии; потом принимал посетителей, и если кто из них запаздывал до 9-ти часов, то, не стесняясь его присутствием, укладывал свой портфель и откланивался, спеша в университет. От антипатичных гостей отделялся скорей и проще. Когда мы (дети) перешли в университет, то отец уже неверял нас в уроках. К обеду он приезжал домой во 2-м часу или в два; сидел за столом всегда не более получаса; говорил мало и то исключительно только советы и наставления нам. После обеда спал с час на кушетке в кабинете; вставши, немедленно умывался, выпивал кружку холодного квасу и поспешно усаживался за свою работу. Кабинет был и спальней отца; кушетка заменяла ему кровать и одна тугая подушка составляла всю постель. Эта комната была его миром; в прочих он бывал мимоходом. В 5 часов пополудни отец опять уходил в университет, возвращался в 7, пил чай; с полчаса потом одиноко ходил по залу, напевая вполголоса что-нибудь церковное или строфу из народной песни, или же, погружаясь в задумчивость, ходил молча, вздыхая и приговаривая: «Боже! милостив – буди ко мне, греш-

ному! Господи! не оставь нас!». Расположение духа всегда редко обнаруживалось в нем: настроение его зависело от впечатлений внешних, пред тем принятых. В летние вечера он иногда работал в саду, обрезывая и подпиливая фруктовые деревья, им же посаженные, и своими руками окапывая их заступом. Мы всегда бывали при нем и помогали, как могли. Сад этот разводил отец на пустоши по тогдашней большой кладбищенской улице, против загородного дома Сердюкова. Теперь, вероятно, и улица, и дом носят другое имя. Остальную часть вечера до ужина отец мой читал журналы и газеты. Садился он за ужин только для порядка; пил одну воду с черным хлебом. После ужина запирался в кабинете и работал пристально далеко за полночь.

Так жил разумный труженик, не поддаваясь мучившему его хроническому недугу. В предпоследние годы жизни он писал уже чаще стоя или полусидя. Кресло его было устроено так, что только поддерживало небольшой сгиб ног при наклоне корпуса, а колени в тоже время упирали в подстольный мягкий шит, удерживая тяжесть тела. Ясно, что человек этот жил для науки и употреблял для ней самого себя, как постороннюю вещь.

II.

Что скажу о характере моего отца? Если взять в соображение его затаенную преданность службе, его увлечение наукой, его убеждение, что без них нельзя быть настоящим человеком, что без учения не должно даже жить на свете, то много ли отыщется случаев к проявлению характера? И в самом деле, он слабо обнаруживался. Всегда за книжным трудом, или глубоко погруженный в думу, отец не воспринимал почти ничего внешнего; оно проходило для него незамеченным, не вызывая иногда даже его взгляда; когда бывали посетители, то с ними шла речь о делах и предметах посторонних, имеющих серьезное значение. Только с нами, в семье своей, он был существом чувствующим, но и здесь все ограничивалось одними советами и наставлениями. Хозяйство вела мать, пока позже не перешло оно в другие руки; прислуга была наемная, но порядочная, заживавшаяся долго; поэтому было покойно и мало выходило случаев, нарушавших норму жизненного хода моего ученого отца. Как же определить характер человека при такой обстановке? Я смело сравню всякого ученого мужа со священником, стоящим перед жертвенником в часы молитвенных отправлений, и спрошу: что можно сказать о его характере? Так и служитель науки пред своим жертвен-

ником является существом духовным, как бы бестелесным. А к тому же была и другая причина, скрывавшая от наблюдений характер моего отца: это его постоянный недуг (припадки геморроя), ожесточившийся при усиленной усидчивости и сырой погоде; в эти дни отец мой очень много страдал и при всей силе терпения слышались стоны его и не сдерживаемое отрывистое кряхтанье. В такие часы болезнь подавляла в нем все мужество, он сидел или лежал с закрытыми глазами, не произнося ни одного слова; мы, по приказанию, отданному раз навсегда, заглушали его тяжелое дыхание громким чтением своих уроков. По миновании геморроидального приступа, он опять принимался за обычные занятия. Кроме того, что отец мой, как истый жрец науки и как болезненный страдалец, покорил плоть духу; но человек этот был в высшей степени рассудителен и стоически терпелив, и потому пульс его бил одинаково ровно и не тревожил тихого его характера. Ненасытимую жажду занятий, рьяную любовь к педагогике и привлечение юношества к тому же я назову потребностью его души, его натуры, и эта потребность так преобладала в нем, что живого человека в нем было не видно.

Домашняя обстановка, созданная по времени отцом, не бросалась в глаза своим богатством, но она была прилична и не лишена удобств: лет за десять до своей кончины, отец мой купил соседний двор, раздвинул свой прежний, выстроил новый дом на каменном фундаменте и покрыл его железом. Надворные строения сохранялись в порядке две дюжих лошади и прочные дрожки, с исправным кучером, каждый день стояли у подъезда; в дом мебель и все принадлежности хозяйства были не роскошны, но удобны. И все было, по-видимому, хорошо, но только пустовала гостиная: в ней не бывало ни пышных дам, ни аристократов; она служила нам классной комнатой, потому что к отцу приезжали или товарищи, или просители, которые шли прямо в кабинет или в зал; приезжали и посторонние гости, но к одному отцу, а к матери никто не ездил. Она имела непрерывную припадочную болезнь, доводившую ее до больших странностей и доведшую, наконец, до отчуждения от семейства. По этой несчастной причине, мать занимала отдельные, отдаленные от других комнаты, никуда не выезжала и никогда почти не видалась с моим отцом. Такое ее состояние удваивало грустное настроение духа мужа и отца семейства и отзывалось во всем его существе томительной тоскливостью, представлявшею его суровым и нелюдимым. Болезненное состояние матери отражалось и на детях; все мы всегда были грустны, дики

и робки: не было у нас ни веселых игр, ни детской разгульной свободы, не было ни в чем никакого приволья; к нам не приходили наши сверстники поиграть, побегать, полакомиться, и нас не выпускали ни к кому и никуда; изредка только по праздникам водили нас мимо заострожных ям в университетский сад, казавшийся нам тогда божьим раем. Мы росли дикарями, полагая назначение жизни в одном выучивании уроков. Более всех пострадала бедная сестра моя, находившаяся до выхода замуж при матери безотлучно; она осталась навсегда не только неразвитою, но и с испорченным характером¹⁰. Как же после всего этого искать в отце моем чего-нибудь другого, когда при непрерывном труде, заботах и недуге, он всегда безотрадно страдал за себя и семейство! Его жизнь была крестная, мученическая! Проведение, давши ему ум, наделивши средствами к счастью, повело его для непостижимой нам цели такой тропой, на которой он, выбившись из сил, пал под своей ношей. Не спасли его ни деятельный ум, ни обширные познания, ни сильная организация души, ни сила воли; не помогло и богатырское телосложение!...

Но возвращаюсь к воспоминаниям.

Не помню, чтобы хотя однажды кто обедал у нас из посторонних; даже наши квартиранты, молодые ученые – Бразоли (П.), Черемисиновы (С.П.) и др[угие] – имели свой собственный стол, помещаясь особо во флигеле. К вечернему чаю изредка бывали кто-нибудь из корифеев харьковской науки; элегическое настроение их бесед гармонировало нашему духу. Один только профессор Д.С. Борзенков¹¹ своею вечною веселостью освежал иногда нашу печальную обитель и вызывал принужденную улыбку на лицо отца. Но и эта не привычная улыбка на лице страдальца походила более на болезненную гримасу. Сам же отец мой, кажется, ни к кому в гостя не ездил, и только два или три раза в год не обедал дома. Дни эти были для него днями мучений! Он в эти дни бывал у попечителя университета, или у губернатора и архиерея. Официальность с ее натянутостью была противна понятиям отца, и исполнение ее мучило и терзало его страшно: оно походило на томление рыбы, вынутой из воды. Вообще все сценическое было противно его душе; а надутость, маскированная любезность и намеренная униженность казались ему отвратительным фиглярством; он делался больным, изнеможенным, от продолжительности столкновений с лицами, одержимыми такой нравственной проказой. Правда, в этом виден характер моего отца, не терпев-

ший никакого рода хвастливости и мелочности, соединенных с насиланием природы человека, его достоинства и чувства. Но подобные проявления вызывались редкими мимолетными случаями, а в домашнем и кабинетном быту, как сказал я, характер его подавлялся работой ума, недугом и скорбью.

Переписка отца с замечательными личностями велась обширная. Мне жаль, что не вспомню всех их фамилий; но свежо помню его длинные письма к митрополиту Евгению и такие же ответы от последнего. Помню потому более, что сам участвовал в их интимной переписке тем, что писал под диктовку отца в часы недуга. Кабинетная связь этих мужей прекратилась с их смертью. В 1817 или 1818 году они виделись в последний раз в визитацию моего отца западной части университетского округа.

Не убавляя своей учено-служебной деятельности, мой отец в последние годы чаще и продолжительней давал уроки желавшим брать их у него дома; однако ж, это отнимало у него возможность наблюдать по-прежнему за нами, и потому мы поручались надзору и руководству учителей, принимавшихся в дом наш на житье. Но эти пестуны не заменили отца и испортили дело воспитания; показывая пред нами свои слабые стороны и вводя фамильярность. Они потворствовали нам, из боязни не навлечь на себя нашего неудовольствия, могущего породить жалобы. Этот грешок чуть ли не всеобщ, и редкий наставник, поселившийся под одну кровлю с воспитанником, не понизит своего тона в обращении с ним.

До сих пор учебная звезда моего отца светила ярко; но теперь, с появлением в нашем дом племянницы моей матери, звезда эта начала бледнеть. Период памятный в моей студенческой жизни! В этой пожилой некрасивой девушке не было ничего особенно-го, кроме бойкой услужливости и проворства. Объявивши, что приехала на короткий срок, чтобы только поцеловать дорогую тетеньку, как наивно выражалась она, эта гостья бесцеремонно водворилась у нас навсегда, прибрала к рукам все хозяйство, а потом и все семейство. Отец мой, не имевший никогда сближения с женским обществом, поставил себя с самого начала в почтительное пред нею отношение и заслушался ее болтовни: поэтому она скоро завладела его доверием так, что без ее решения ничего не делалось. Не только относительно экономии, она управляла безответно, и относительно нас, отодвинутых в глубину картины, но ее совет спрашивался и на все, что относилось к матери и самому

отцу. Непостижимое обаяние! И повело же это обаяние к дурному, потащило оно все семейство к гибели и втокнуло самого отца в преждевременную могилу! Смерть его отняла у тесного круга тогдашних ученых неутомимого деятеля науки, опытного педагога, зоркого наставника и верного товарища. Этими искренними словами, принадлежащими покойнику по всей справедливости, должно бы закончиться воспоминание о нем, достаточно обрисовывая его честную, разумную жизнь; но появление в нашей семье лица, влиявшего в предсмертные годы на ученого мужа и изменившего норму нашей жизни, появление этого лица делает необходимым продолжение рассказа. Оно, к глубокому прискорбию моего сыновнего чувства, подтверждает справедливость истины, что и –

Самый лучший из людей,
Бывал игралищем страстей¹².

Хотя не страстей сделался игралищем мой добрый отец, но, слепо доверившись дурному человеку, навел тень на свои последние годы, на те годы, которые в апогее его заслуженной известности должны бы быть светлей и ярче.

Не легкое дело писать биографию родного отца. Не легко мое призвание! Но я пишу не в укор моему доброму отцу, не в обличение ему; как беспристрастный историк, я раскрываю и раскрою козни врага, которых он не предвидел, не остерегся и не отвратил. Он человек, а человеку не дано всеведения. Он был слишком углубленным тружеником, больным, с истерзанной душой и ослабевшим от борьбы духом, поэтому он просмотрел, как враг его подкрался к нему и спутал его мысли и действия. И это урок моему отцу: лукавство интриганов змеей подползает к честному простодушному человеку, незнающему двуличий. Были и есть люди высшие отца моего добродетелями и просвещением, но и они запутывались сетью интриг и терялись; но имена их чисты, память их светла и потомство гордится ими. Отец мой, в лице своей жены, увезя мать от осиротелых детей, положила навсегда преграду ее свиданию с ними, быть может, хотел принятием в дом родной ее племянницы примириться с прошедшим, но судьба послала в ней новую и уже последнюю ему кару. А от кары, налетаемой, Бог знает, откуда, никакому умнику остережться нельзя: он, или падет побежденным, не умея заслониться и пальцем от нее, или в открытой с нею борьбе истратит силы без остатка, и все-таки падет.

III.

Все шло обычным порядком, и стороннему казалось, что ничего не изменилось в нашем домашнем быту: также рано вставал мой отец и поздно ложился, также точен был он в отправлении должности. Но в самом деле было не так. Правда, вставал отец, как и всегда, очень рано и ложился поздно, но занятия его прерывались беспрерывными приходами к нему племянницы, которую все, кроме брата моего, называли между собой просто Фионой. На должность отправлялся отец мой всегда аккуратно, но возвращался домой ранее прежнего и часто раздосадованным, чего не бывало прежде. В доме, по-видимому, тоже было, но мы, дети, были разрозненны, запуганы Фионой и не смели пикнуть. Еще скучней, еще пустынной стало у нас в доме; но отцу приметней повеселело: он реже вздыхал, легче вдумывался, церковное пение и молитвенные восклицания прекратились, все заменилось разговорами с вертлявой, болтливой, безотвязной Фионой. С раннего утра врывалась она к нему в кабинет, осыпала его вопросами, рассказами, угождениями, ублажая его вниманием и делаясь, день ото дня ему необходимой. Скоро он так привык к ней, что если ее долго не было с ним, он звал ее. Это быстро вело к преобладанию ее в доме над всеми и к влиянию над ним самим. Но все это происходило не вдруг, а постепенно, тихо, неприметным образом. Так действует в теле неосторожного отравы, данная незаметной рукой ловкого убийцы...

Переход отца к новому порядку иногда пробуждал в нем сожаление о прежнем, повергал его в тоску, бездейственность и уныние. Но это бывало вначале, после же подобные явления повторялись тогда только, когда Фиона отлучалась надолго из дому. Самые продолжительные отлучки ее были в загородный Хорошев¹³ монастырь; там у нее были друзья, платившие ей частыми посещениями. Зачем она к ним ездила и зачем они приезжали к ней – объяснится в своем месте.

Так как Фиона сделалась первенствующею в семействе, то сила влияния ее пала на каждого. Тетка, к которой, как уверяла Фиона, приехала она за тем, чтобы только поцеловать ручку, была лишена свободы и не могла без ее ведома выходить из своих комнат; с матерью заточалась и сестра моя. Я был отлучен от отца, при котором долго слыл кабинетною принадлежностью; за неповиновение новой главе, я лишен был его ласкового слова и бездокладного к нему входа. Фиона ненавистно преследовала меня и гнала вон со двора. Брат, бедный брат мой ползал у ног ее и доползался потом

до женитьбы на ней, тотчас после смерти отца... Вся прислуга находилась в безусловном ее распоряжении. Прием гостей и просителей зависел от нее же. Скоро и гости появлялись реже, и просители обратились к другим влиятельным лицам. Теперь становилась заметней наша реформа: ярко обозначился деспотизм простой, но хитрой женщины! Жертва за жертвой падали мы от ее жала. Первой сдалась бедная сестра моя, отданная за высватанного Фионой Куницкого¹⁴, только что прибывшего из Москвы на кафедру греческого языка. Человек этот, явившись в Харьков, никого не имел знакомых, кроме трех попутчиков, с кем приехал из Москвы; но эти попутчики оказались с руки Фионе, и она принялась за дело. Вероятно, присутствие сестры ей мешало; дипломатика ее требовала удалить бедняжку. Под ястребиным крылом двуличницы, вошел в наш дом Куницкий, ученый, но бедный до пролетариата и стиснутый его тисками до жалости. Бедняк искал опоры и приюта. Моему отцу приятным казалось, что к нему прямо обратился, в нем одном искал ученый москвитянин; но я и брат неприветливо обходились с ним, несмотря на строгие инструкции покровительницы. Мать и сестра едва ли более разу видели его. И вдруг, к общему всех удивлению, сестре было объявлено, что этот господин – нареченный ее жених и что ему уже дано за нее слово. Озадаченная девушка не пришла еще в себя от испуга, как начались приготовления к свадьбе, и вскоре потом совершился брак. Много ли было данных к составлению супружеского благополучия молодых? Нисколько! Они не только имели разные о всем понятия, объяснялись неодинаковым языком, неодинаково чувствовали, не одно видели впереди; но они скоро поняли, что ошиблись, обманулись, сведены поневоле, почти насильно и потому отвернулись один от другого. Муж пренебрег неразвитою женой, жена оскорбилась насмешливостью мужа. Отец не замечал перемены и ласкал зятя и дочь. Это показалось Фионе опасным для ее самовластия: она задумала удалить их. Ей удалось это чрезвычайно легко: стоило внушить доверчивой женщине, что причиной холодности мужа – незавидное помещение их во флигель, под глазами отца, что пора им иметь свою собственность, что непременно отец отделит их, как только о том они оба попросят его. Легковерная дочь приняла этот совет, считая его за искренний и своевременный, а потому упросила мужа написать письмо к отцу об отделении. Между тем злая Фиона работала против их, напевая отцу о непочтительности зятя, о нерасположении его к жене, о ее увлечении им и отдалении от родителей, и наконец

о их дерзком замысле требовать обещанного отдела. Естественно, что отец встревожился и приготовился к отпору: и как только несчастная дочь начала говорить об этом и подала письмо мужа, то он прогнал ее, запрета показываться к себе на глаза. Следствием этого была опасная продолжительная болезнь сестры, полное охлаждение к ней мужа и начало его губельного пристрастия к вину. Так с первой жертвой неразлучно пала и вторая!

Жаль возмущать имя моего давно умершего отца и больно сердцу моему, рассказывать о нем, ставить тут же имя ненавистной Фионы! Но это неизбежно по силе, какую приобрела она над всем окружающим, по вмешательству в собственные дела отца, по его ослеплению к ней и даже к ее хищничеству. Теперь надо рассказать о вдовстве моего отца, о самовластии в этот период Фионы, о неудовольствии студентов и пасквилях. Соблюдение нами рассказа со всеми подробностями необходимо в биографии каждого лица, тем более ученого. История, рассказывая нам о прошлом, указывает путь будущего; эта наука более всех других нравственная, так как наука жизни важнее всех наук для человека. Это – нравственная химия: тут разлагается каждое обстоятельство на составные части, открываются начальные элементы и процесса соединения, тут обнаруживается всякая нечистая подмесь. Говорить истину со всеми оттенками для биографа столько же необходимо, как химику узнать все самонаименьшие вещества, вошедшие в состав исследуемого тела. И как бы ни был неприятен запах при химической работе, но бросать ее нельзя. И мой долг преодолеть болезнь души и продолжать начатый рассказ.

IV.

Чрез год с небольшим после замужества сестры, умерла моя мать, умерла скоропостижно в запертой Фионой комнате... Смерть ее развязала лукавую Фиону: она действовала уже настойчиво, грубо, в полном забвении своего ничтожества. Она полагала, что теперь достигла цели и размахнулась во всю ширь своей злости и невежества. Но это самое пробудило в отце осмотрительность: он увидел безобразие ее поведения и свою оплошность. Опять принялся за вздохи, молитвы и кабинетную замкнутость. Целые дни проходили, Фионе не отворялась дверь кабинета, и только при встрече с отцом она успевала задерживать его на несколько слов. Но это не могло исправить испорченного. Главной порчей для отца было то, что наши домашние учителя – студенты знали всю замкну-

тость нашу, разносили о ней молву прибавлениями и, наводя густую тень на имя отца, вызывали недовольных. Их рассказам помогали отказы посетителям и нетерпеливость с просителями; то и другое устраивала злая женщина, а оно вызывало ропот и вызвало самые пасквилы. Отец досадовал, недуг его усиливался от раздражения и доводил до такой усидчивости в замкнутом на ключ кабинете, что часа по два и по три он не выходил оттуда. А это то и нужно было хищнице: к ней являлись друзья – монахины, уносили и увозили большие узлы с бельем, платьем и разными вещами. Отец не наблюдал за этим, – давно хозяйство вышло из его рук, а если когда и видел такую выгрузку из кладовых, то вздыхал, молчал, но не давал заметить, что видел. Промышленность эта длилась боле году, по самую его кончину. Куда и кому передавали услужливые инокини земное стяжание, которое так усердно стягивали у нас, я никогда узнать не мог. Тайна сия велика есть по сию пору.

Вернулись к отцу прежние скорбные дни его, вернулись со страшным наростом. Заныло страдальческое сердце, затомилась благородная душа ученого мужа. Крушило его наглое своеволие хищницы, крушило отчуждение любимых студентов и холодность товарищей, крушили подбрасываемые пасквилы; карикатурность их обижала, мучила его. Бедняк силился поправить это обращением к прежней своей деятельности, неутомимо работал в кабинете, не упустительно выполнял свои обязанности по службе, но ничто не помогало: он оставался одиноким и терзался. Странное явление: неужели этот умный человек не понимал причины всего зла? А если понимал, то почему же не удалил, не уничтожил ее? Ведь стоило бы только прогнать негодяйку и все пришло бы в порядок и не омрачило бы души и дней его. Что заставляло держать ее при себе так долго и дать ей такое странное, убийственное полномочие? Что за странность была в самом отце моем – и тяготиться ею, и терпеть ее присутствие? Разве он не имел права выслать ее из своего дому? Отчего, когда честная, рассудительная старушка теща, при жизни своей, не редко давала ему заметить о дурных свойствах и дурном характере вторгнувшейся в нашу мирную семью нахальной гостьи, он всегда пред ней откровенный и вежливый, не отзывался на это, смалчивал? Честная старушка была умна и чистосердечна, она предвидела опасность и указывала на нее; отчего же слова ее о Фионе пролетали мимо внимания отца, тогда как с этой же благочестной старушкой беседы о других предметах вызывали слезы на его глаза? Старушка была высокой набожности, основанной не на букве и обрядности, но

на духе и чувстве; отец признавал это и глубоко уважал ее. Поэтому слова ее шли прямо к его сердцу, трогали душу, овладевали им; но ее же настояния об удалении предательницы оставались напрасными. Странно необъяснимо! Если допустить в человеке силу обаяния!.. только этим разве можно дойти до разгадки поведения моего отца. Но что такое обаяние, как не простое ослепление, доведенное до бессознательности? Стоит человеку излишне довериться другому, отдаться под его распоряжение, оплошать, залениться поверять действия его над собой, привыкнуть к влиянию этого лица и махнуть рукой при ощущении неудобств: вот и есть обаяние, которому фанатически приписывают неотразимую силу. В природе нет чудес, и самое даже слабое размышление объясняет это; – необъяснимо только одно, что истинно умные люди чаще попадают впросак и становятся вертушкой в руках вовсе не умных человечков.

Между тем, внутренняя борьба в моем отце, ослабляя в нем книжную духовность, вызвала наружу прежде незаметные черты его характера. В постоянной мрачности духа, в досаде на самого себя, неподкрепляемый дружбой и преданностью, тревожимый домашним разгромом, он уже не нравственно действовал на окружающих, но был их грозой. Доказательством этому служит поведение тогдашних казеннокоштных студентов под его инспекцией, не навлекшее на себя во все время прежде ни самой малейшей укоризны, и боязнь своекоштных быть призванными к объяснению пред строгого инспектора. Беда, бывало, попасться к нему – как говорили – на исповедь! Самый процесс такой исповеди называли мыгьем головы, И в самом деле, в поту, а нередко и в слезах выходил от него кающийся. Появление отца, особенно внезапное, наводило что-то похожее на панику: каждый встречный старался охорошиться или укрыться. Я помню случай, в котором торжественно выказалось все это: был час одиннадцатый ночи, мы ужинали, а в театре тянулся спектакль; вдруг является полицейский офицер, объявляет о тревоге, случившейся в театре от студентов, и от имени полицеймейстера просит отца моего поспешить в театр. В ту же минуту отец отправился, я за ним. Когда мы вошли в партер (чтобы не терять времени на дальний обход в отдаление кресел), то увидели, что на сцене несколько студентов, сваливши с ног актеров, сидели кой на ком из них. Крик, шум, песни, стук, беготня, хохот, свист – превращали весь театр в хаос; публика вырывалась вон, толкотня и давка не щадили никого. И вдруг среди этого хаоса показалась колоссальная фигура инспектора, раздался его громовой голос...

В две минуты исчезли испуганные шалуны, опустела сцена и корпорации студентов как не бывало в театре! Бесстрашный, грозный инспектор строго, внимательно, но покойно осмотрел за кулисами, гардеробные и даже суфлерское подполье, и не найдя ни одного театрального фата, не спеша вышел из театра, провожаемый благодарною труппою актеров, и пешком побрел домой. Случай этот жив в моей стариковской памяти и доставляет мне истинное удовольствие тем, что не имел никаких грустных последствий, походивших на случившееся со студентами же и в том же самом театре, лет двенадцать после моего отца.

Не могу наварное сказать, когда именно отец мой получил почетный титул заслуженного профессора; знаю только, что он ему был очень приятен. Тогда титул этот был диковинный: только двое носили это отличие – мой отец и другой профессор в Казанском университете. Нам же, детям, казалось, что и на нас он распространяет славу учености, и мы гордились им, как личным преимуществом. Я верен до самоотвержения исторической истине, и не боюсь насмешек за свою прошлую несметливость.

Далеко было еще до запада моему отцу, но обстоятельства ускорили закат его. В лета силы и здоровья его закаркал могильный ворон на кровле нашего дома; и сбилось скоро черное предвещание. За ним вслед шли и другие. Как акулы преследуют корабль, почуяв запах тления, так взамен прежних хороших знакомых ежедневными гостями отца моего сделались Федор Никитич Еллинский и Василий Сергеевич Комли[ши]нский¹⁵; один вольнопрактикующий доктор, другой профессор университета. Утром и вечером они бывали у нас и засиживались по несколько часов. Ни я, ни брат в это время не входили в кабинет без зову, и то только для получения приказаний. Посещения их были зловещи; отец день ото дня становился задумчивей и грустней, упал духом, ходил, повеся голову. Нас мучило предчувствие, мы ждали чего-то страшного, не могли ничем развлечься и без видимой причины плакали навзрыд. Месяца два продолжалось такое непонятное состояние нашего духа; но вот заболел отец и заболел тяжело. Врачом его постоянно был тот же зловещий посетитель Еллинский. Мы не смели говорить о нашей антипатии к нему; но, видя бесполезность его рецептов, отважились умолять отца пригласить другого доктора. Изумился мученик просьбе плачущих детей, но согласился, и как не противилась исполнению ее Фиона, но чрез жившего у нас студента И.И. Савина был приглашен достойней-

ший профессор и доктор Иван Дмитриевич Книгин¹⁶. Но было уже поздно: при втором визите, в один и тот же день, он предложил созвать консилиум и послать за духовником. То и другое немедленно исполнено тем же Савиным. Теперь уже не темное предчувствие, а ясное сознание грозящей и видимо неотвратимой беды заставляло нас плакать. Сидя поочередно с братом над страдальцем, мы заливались слезами, гоняя от него мух и подавая лекарства, дыхание его слабело, прерывалось. Силы оставляли больного; он гас, как гаснет догорающая свеча. Давно он ничего не ел, и уже с трудом глотал лекарства, и без посторонней помощи не мог шевельнуться. Хищница ввертывалась редко, на секунду; ей некогда было: она поворачивала последнее...

V.

Превосходный из соборных священников, протоиерей Андрей Прокопович¹⁷, всегдашний духовник нашей семьи, восторженно любимый нами, навещал безнадежно больного в предсмертные дни и вливал в него утешение веры. При всем изнеможении, больной ловил слова своего мудрого утешителя, он насыщал себя его беседой, запасался в дальний путь его наставлениями. Я весь тогда превращался в слух, и теперь еще помню его слова, сказанные в предпоследнее посещение: «Смерти нечего бояться, ее нет и быть не может, – говорил Прокопович: – жив Творец наш, должны быть живыми и мы. Рождение наше есть путь ко гробу; гроб – колыбель, в которой тело проспит долго; бессмертной душе привидятся сладкие сны и, по милосердию вечного Бога, она призвется к действительной жизни, и жизнь ее осветит Спаситель мира. Здешняя смерть наша есть наше счастье, потому что с нею прекращается ноша креста и начнется жизнь небесная. Никакие грехи не отлучат нас от Искупителя, не лишат блаженства бессмертия. Вера во Христа углаживает тернистую тропу нашей земной жизни, а убеждение в милосердии Его ведет нас в царствие небесное. Убеждайтесь, Гавриил Петрович, убеждайте свой разум в милосердии сына Божьего, и смело, с полной надеждой, зовите Иисуса Христа. Он уже близ вас... зовите же Его всей силой души, зовите!... Слеза за слезой выкатывались из потухающих глаз умирающего, и он с улыбкой усиливался призывать имя Спасителя. Добродетельный пастырь горячо молился и благословлял умирающего, сам заливаясь слезами.

Наступило 2-е мая 1820 года. Ярко блестело солнце; ароматен был майский харьковский день. Но не для нас красовалось

солнце, не для нас разливался аромат в воздухе: мы стояли у постели умирающего отца.... Тут же вертелась преступная Фиона, пробую изредка прислушиваться к дыханию страдальца; он смежал глаза при приближении этой ехидны. Безмолвно, едва движимой рукой благословил он каждого из нас подносимым образом, и в ту же минуту закрывал глаза. Сестра и муж ее были с нами. После нас гнусная хищница подошла еще с образом, прося благословить ее: спокойный до того, отец наморщился и с чрезвычайным усилием внятно произнес: «Довольно! Не мучь меня!». Через пять минут после этих слов, он тихо, без содрогания уснул на веки...

Полиция и многие из университетских, часа за два до катастрофы, группировались на площади и у подъезда нашего дома. В данную минуту все хлынуло в дом и густо наполнило комнаты. Прошло с полчаса могильной тишины – дань невольного уважения к новопреставленному – и вот послышался чей-то голос, потом другой, потом говор: из этого гула раздался вопрос полицейского офицера: – У кого ключи? – Ответа не было. Вопрос повторен и подхвачен другими голосами. С ответом предстала сама побледневшая хищница и дерзко объявила, что «ключи у нее, но она их никому не отдаст». «Так я насильно возьму!» – строго проговорил офицер: – «подайте сию минуту!» – «Не отдам!» – прокричала хищница и хлопнулась на пол. У беспамятной отобрали ключи. Когда же она пришла в себя, то кабинет и все комнаты, е залы и гостиной, а также кладовые были опечатаны. Злодейка взвыла волком и растрепала волосы.

Страшными казались мне первые ночи круглого сиротства...

Похороны совершились с обычной церемонией. Университет выдал деньги на погребение; дома же оказалось всего на все не более двадцати рублей ассигнациями и медью. По возвращении с кладбища, нам сказали о назначении опекунами предсмертных друзей (?) покойника – Еллинского и Комли[ши]нского. В этот же день они осмотрели, а на утро описали все имущество. В кладовых оказалось немного белья, старое платье и пустые сундуки, в кабинете – книги и бумаги. Опекуны убрали в большую связку много писем и разных бумаг и увезли с собой. Зачем и по какому праву это сделано ими, не объяснено; не объяснилось и то, какие были забраны ими бумаги. Недаром ныло сердце от их зловещих посещений! Вещи, которые Фиона называла своими, отданы были ей бесспорно. Дом отворили, а ключи от пустых сундуков,

пустых шкатулок и шкапов опекуны взяли к себе. Прошел день. Меня перевели на житье в дом опекуна Комли[ши]нского, где я полгода бедствовал так ужасно, что принужден был оставить университет и очертя голову бросился в неведомую мне ни мало военную службу. Брат, как совершеннолетний, не испытал прелести опеки: он уехал с хищницей в Курск. Дом сначала отдали в наймы, а потом продали; сад тоже перешел к новому владельцу. Я забыл сказать, что Куницкие уже жили в своем собственном доме, купленном для них отцом, незадолго до его болезни.

Куда девались бумаги, захваченные опекунами, и что в них было, я не знаю; но у нас (у меня и у сестры) не осталось ни одного листка, написанного рукой отца, не осталось никакого документа, ни одного письма, написанного к нему. След существования этого ученого человека уничтожен, и только его сочинения и переводы, его имя в списке педагогов и слабые воспоминания новых служителей науки о нем, как об ученом минувшего полустолетия, свидетельствуют о Г.П. Успенском. Библиотека и минц-кабинет отца проданы враздробь. Движимость и недвижимость его пошли в чужие, неизвестные руки. У меня от всего его имущества остался только портрет его, очень верно снятый. Назади портрета крупно написано печатным шрифтом: «Императорского Харьковского университета заслуженный профессор и кавалер Гавриил Петрович Успенский, родился 8-го июля 1765 года. – (Внизу) Картина писана с натуры в августе месяце 1819 года, рисовальным учителем при Орловской губернской гимназии Григорием Ивановым Карнеевым». Брат мой, женившийся на Фионе, вероятно, сделался обладателем всего прежде вывезенного ею; также вероятно и то, что часть бумаг захвачены ею же. Но как с того времени прошло более сорока лет и овдовевший брат женился на другой, и сам потом умер уже более 25 лет, и как я ни с ним, ни с его потомством никаких сношений не имел и не имею, поэтому я лишен всякой возможности разыскать что-нибудь фактически верное к пополнению биографии моего покойного отца.

В тридцатых годах, бывши в Харькове, я поставил на могиле родителей деревянную колонну с высеченною надписью; сверху ее светился посеребренный шар с крестом; могилу оправил дерном. На другой день уже не было на памятнике посеребренного шара и креста. С тех пор я не видал Харькова. Быть может, дожди и ветры размыли и разнесли насыпь с могилы ученого мужа, быть может, она давно занята другим жильцом и никому уже не придется уви-

дать ее и поклониться ей! – Оправдываются слова псалмопевца: «Человек – та же трава: жизнь его подобна полевому цветку – отцветет, развеется ветром, и никто не отыщет его места!»

Июнь 1863 года.

Из Землянского уезда

Воронежские губернские ведомости.
1863. 6, 13, 27 июля, 3, 10 авг.

¹ ГАВО. Ф. И-29. Оп. 141. Д. 5.

² Петров Григорий Андреевич (ок. 1765–1841), директор народных училищ Воронежской губернии в 1796–1819 гг., Киевской губернии в 1819–1835 гг.

³ Юшков Степан (Стефан) Васильевич (ок. 1774–1828), учитель Главного народного, затем уездного училища. С 1811 г. – смотритель Белгородского уездного училища.

⁴ Болховитинов Евфимий Алексеевич (1767–1837), преподаватель, затем префект духовной семинарии. В 1800 г. принял монашество с именем Евгения. Впоследствии митрополит Киевский и Галицкий.

⁵ Зацепин Иван Яковлевич (ок. 1777 – между 1855 и 1859), преподаватель духовной семинарии, священник Троицкого Смоленского собора, затем помещик Землянского уезда.

⁶ Викулин Алексей Федорович (ок. 1752–1823), откупщик.

⁷ Г.П. Успенский принят на службу в Харьковский университет с 16 сентября 1807 г.

⁸ Бахтин Иван Иванович (1754–1818), действительный статский советник, слободско-украинский (харьковский) губернатор в 1803–1814 гг.

⁹ Синдик – должностное лицо, ведущее судебные дела какого-либо учреждения.

¹⁰ По формулярному списку Г.П. Успенского за сентябрь 1814 г. у него было трое детей: Анна, 14 лет, Семен, 13 лет, и Василий (мемуарист), 8 лет.

¹¹ Борзенков Дмитрий Семенович (1777 – после 1828), профессор российской словесности Харьковского университета, декан словесного факультета в 1827–1828 гг.

¹² Строки из стихотворения Н.М. Карамзина «Опытная Соломонова мудрость, или мысли, выбранные из Экклезиаста» (1796 г.).

¹³ Хорошевский Вознесенский женский монастырь в с. Хорошево Харьковского уезда, основан в середине XVII в.

¹⁴ Куницкий Павел Алексеевич, профессор греческой словесности Харьковского университета в 1820–1830-е гг. Читал также лекции по всеобщей статистике. Сотрудничал в журнале «Украинский вестник».

¹⁵ Комлишинский Василий Сергеевич (1785–1841), профессор кафедры физики, в 1836–1837 гг. – ректор Харьковского университета.

¹⁶ Книгин Иван Дмитриевич (1773–1830), профессор-медик Харьковского университета в 1811–1829 гг.

¹⁷ Прокопович Андрей Семенович (1757–1826), протоиерей, богослов, ректор Харьковского коллегіума в 1801–1825 гг.

Л.Г. Соловьев

ЖИВОПИСЬ И РИСОВАНИЕ В ВОРОНЕЖСКОМ КРАЕ

Воронежу с мемуаристами не повезло. По пальцам можно перечислить тех, кто оставил воспоминания о городской жизни. Сразу на память приходят только имена педагога Николая Бунакова (1837–1904) и писательницы Валентины Дмитриевой (1859–1947), запечатлевших общественную жизнь со второй половины прошлого века. Иногда в город заглядывали пишущие люди и потом в путевых заметках мелькали воронежские граждане, чаще всего Алексей Кольцов и Иван Никитин. А вот специально о местной культурной жизни, и уж тем более о художниках и иконописцах, не писал практически никто. Художественная же материя такова, что иных источников повествовать о ней, кроме личных впечатлений, не имеется.

Воспоминания Льва Григорьевича Соловьева (1837–1919) о художественной жизни воронежского края были напечатаны в мае-июле 1898 года в местной газете “Дон”, издававшейся семьей Веселовских. Публикация началась 14 мая, в день открытия выставки, посвященной столетию печатного дела в Воронеже. Написаны воспоминания, как сообщал автор, по просьбе организатора губернского музея священника Стефана Зверева (1860–1920). Это был не первый мемуарный опыт живописца: известно, что перед этим он обращался к своим детским и юношеским годам, проведенным в слободе Лушниковке, прилегающей к Острогожску. Написанная не без литературного мастерства, автобиография предлагалась даже в журнал “Русский архив”, но появилась только в 1902 г. в журнале “Новое дело” с предисловием писателя Евгения Маркова.

Журнальные воспоминания отражены в библиографии и потому не затерялись среди печатных страниц. Иное дело – газетная публикация, она оставалась практически никому не известной. Я наткнулся на нее случайно, просматривая подшивки “Дона” в поисках статей философа Николая Федорова (1829–1903), часто бывавшего в 1890-е гг. в Воронеже. Художник был близко знаком

с Федоровым, который написал даже специальную статью “Музей Л.Г. Соловьева в Воронеже”, напечатанную тем же “Доном” (1898, 23 июля). Да и в самих воспоминаниях чувствуется глубокое влияние философских идей Н.Ф. Федорова, основоположника теории космизма¹.

О самом Льве Григорьевиче Соловьеве мы вспоминаем не часто. Последний раз персональная выставка его работ устраивалась в марте 1926 г.² Между тем в Областном художественном музее им. И.Н. Крамского уцелело немало его работ, в числе которых портреты краеведов Г.М. Веселовского и Л.Б. Вейнберга, автопортреты, жанровые сцены, эскизы и наброски. Личные архивные фонды Л.Г. Соловьева в Областном краеведческом и Воронежском художественном музеях, а также в Третьяковской галерее сулят немало интересных находок. Основатель бесплатной общедоступной рисовальной школы, он вел обширную переписку со своими учениками. К слову сказать, и единственный в Воронеже автограф Н.Ф. Федорова обнаружен именно среди бумаг Л.Г. Соловьева. Одновременно в 1880-1890-е гг. художник сотрудничал в газете “Дон”, став чуть ли не штатным работником редакции: он печатал там стихи, обзоры художественных выставок, временами даже держал корректуру.

События, о которых повествуется в воспоминаниях, Лев Григорьевич знал не понаслышке. Иконы Величковского перед его глазами были с детства; в Боброве он проработал два года, будучи учеником Д.К. Макаренкова; несколько лет заведовал мастерской у подрядчика Э.К. Огнева, хорошо был знаком с М.И. Пономаревым, П.В. Васильевым и Б.М. Чесменским³. С начала 1860-х г. Соловьев постоянно жил в Воронеже и был участником большинства описываемых им происшествий. В 1880-е гг. он вел у себя дома небольшой кружок любителей рисования, а в 1889 г. публично высказал мысль о необходимости учреждения художественной школы⁴. С 1893 г. Л.Г. Соловьев преподавал в бесплатной воскресной школе, открытой в Воронеже при кружке любителей рисования и живописи. К сожалению, о школе нет ничего в воспоминаниях⁵, хотя в начале публикации автор называл свой очерк “отрывком из воспоминаний”, которые, если позволят обстоятельства, будут продолжены. Видимо, обстоятельства не позволили...

Все это время Лев Григорьевич жил в деревянном одноэтажном доме на Консistorской улице (ныне ул. Фрунзе), неподалеку

от Спасской церкви⁶. В 1913 г. он продал дом коллежскому асессору Михаилу Евсеевичу Лобкову⁷ и по приглашению своего друга, крестьянина Толстова, переехал в село Усманские Выселки, где и умер в 1919 г.⁸.

Подстрочные примечания принадлежат автору воспоминаний.

* * * * *

Меня просят сказать все то, что мне известно об историческом развитии рисования и живописи в воронежском крае. Об этом предмете я могу сообщить только за тот период времени последнего полустолетия, в котором я сам лично участвовал, или как заинтересованный предметом наблюдатель, или как непосредственный деятель на поле этого дела.

Школы рисования и живописи, в том смысле, как мы понимаем ее теперь, – в смысле всемирной грамотности человечества, научающей людей читать и понимать нерукотворную живую книгу вселенной, раскрытую ее Творцом перед очами разума человеческого, и делать из этой книги Божией нужные для себя выписки, – такой просветительной школы никогда не было в воронежском крае. Но потребность именно в такой школе рисования и живописи, доступной всем желающим людям, без различия пола, звания, состояния и национальности, всегда была очень большая. Удовлетворение же этой потребности являлось в таком виде, что просящему хлеба – давали камень, просящему рыбы – подавали змею.

Давно существующие в общеобразовательных учебных заведениях классы рисования неопровержимыми фактами подтверждают это печальное явление. Да и должно ли ожидать чего другого, когда мы знаем, что не растет на терновнике виноград, а на репейнике смоквы, и что дерево познается по плодам?

Школа рисования и живописи, как Божеская грамота всемирного языка, может явиться и плодотворно действовать просветительным светом лишь на почве чистой нравственности, в духе мира, бескорыстной любви и полной свободе отношений людей между собою, а не на основах торгашеского принципа – с одной стороны и беспредельного над бесправным рабства – с другой, в духе жестокого эгоизма и не переставшей войны всех со всеми.

Тяжелый гнет крепостного рабства в дореформенной России, своим убийственным духом насквозь пронизывал тогда все поры государственной ткани, весь строй общественной и частной жизни и не мог создать благоприятной почвы для просветительной

школы, и ее не было. Всякий зародыш светлого проявления жизни принимался за опасную искру пожара и грубо растаптывался тяжелой пятою векового невежества. Примеров этому так много, что они своею массою делают выбор невозможным. Примером могут служить биографии таких лиц, как Тарас Григорьевич Шевченко⁹, этот самобытный художник и поэт, известный всему образованному миру и уцелевший благодаря лишь принятому в нем участию поэта Пушкина и художника Брюллова. Другой, не менее замечательный по своим способностям, человек преждевременно погиб на моих глазах здесь, в Воронеже: это никому не известный Григорий Иванович Смыкалов. Недавно умершие прославленные художники Иван Николаевич Крамской¹⁰ и Николай Николаевич Ге¹¹ тоже тщетно искали себе в Воронеже руководства на пути художественной деятельности и, как все другие, наткнулись здесь лишь на непреодолимые тормозы непроходимого невежества и грубого до жестокости эгоизма, в атмосфере неправды и зла.

Непрерывною цепью тянется в памяти моей бесконечный ряд лиц, отмеченных искрою даров Божиих и всею силою своей души искавших путей к развитию на пользу людям, во славу Божию, но безвременно павших и бесполезно потерявших свои дары на ложной дороге, именно потому, что не было в воронежском крае просветительной школы рисования и живописи, которая была бы им путеводною звездю, как трем восточным царям, искавшим Христа, была вифлеемская звезда.

Но где же, как и у кого выучивались рисованию и живописи те многочисленные иконописцы, которые удовлетворяли всем потребностям православных храмов? Для удовлетворения же этой потребности нужно было немало рабочих рук, так как недавно еще был хороший, в воспитательном смысле, обычай придавать храмам благолепный вид и назидательный смысл для бедного и неграмотного народа тем, что не только иконостас храма, его внутренне и наружные стены, но и ограда с воротами вокруг храма, покрывались картинами масляной живописи, изображающей или события священной истории ветхого и нового завета, или лики угодников Божиих с событиями их жизнедеятельности.

Звериный закон животной “борьбы за существование”, принятый, к стыду и унижению человеческого здравомыслия и христианского учения и положенный в основание общественной и частной людей, разделил этих людей на два воюющих лагеря:

полноправных господ - победителей и бесправных рабов - побежденных. Борьба шла непрерывная, жестокая и озверяла людей; деление масс расчленялось на касты, профессии, сословия, роды, имущества.

Все они замыкались в самих себе, и все силы отдавали не на помощь друг другу, а на эксплуатацию. Образовались ремесленные цехи, явились полноправные господа хозяева – подрядчики работ и бесправные рабы – работники, исполняющие работы хозяйских подрядов. Никакой духовной связи между этими враждующими сторонами не было. Взаимные обман, насилие, подкуп, лесть, измена, клевета, тайное воровство слабого и открытый грабеж сильного, для поклонников золотому тельцу в храме Меркурия – были скрижалями завета.

При таких условиях общественной и частной жизни людей, когда в общей свалке борьбы за существование теряют люди и разум, и совесть, и образ, и подобие Божие, не может быть и мысли о школе Божеской грамоты, соединяющей людей в общество братского, мирного, любовного, совместного сотрудничества.

В рассматриваемый мною период времени, в воронежском крае, а может быть, и во всяком другом крае Российской империи, существовали хозяева – подрядчики всяких работ, вышедшие из борьбы победителями. Они имели свои ремесленные мастерские и полновластно господствовали над побежденными – бесправными рабами, которые работали в их мастерских и исполняли все хозяйские заказы по требованию: “как я хочу, за то деньги плачу”. В одни руки этих хозяев шли все заказы церковных дел: и строительные, и каменные, и плотницкие, и столярные, и малярные, и резные, и позолотные, и живописные, и на выучку всем этим ремеслам отдавали желающих учиться молодых подростков в мастерские этим же хозяевам, закабалая их на 7-8 лет в полное крепостное рабство.

Такое слепое доверие невежественного общества было очень выгодно хозяевам, умевшим ловить рыбу в мутной воде и желавшим жить по образцу помещиков, с большим количеством домашней прислуги, а потому все они охотно набирали себе много даровых рабочих рук. Содержание этих чернорабочих слуг для них ничего не стоило, потому, что принимая в свои мастерские учеников, хозяева ставили в договор с помещиком обязательство доставлять на их содержание предметы потребления натурой: пшено, крупу, муку и зерновые хлеба всех пород, холсты, масло,

яйца, различную птицу и всякую домашнюю скотину от овец до свиней и быков включительно. Такие же требования предъявляли хозяева и ко всем тем, кто доверял им свои заказы церковных работ.

Всех этих натуральных повинностей собиралось так много, что их не только хватало на содержание всего населения благодатного хозяйского дома со всякими мастерскими, но и целыми обозами хлебов, стадами птиц и гуртами скотины наполнялись торговые рынки.

Что же за все это получили ученики этих школ?

Они получали от пьяных работников, которым передавались хозяевами в полное распоряжение, скверную брань, побои и всевозможные унижения человеческого достоинства. Далее получали разочарование своих надежд выучиться желанному ремеслу, наконец – отчаяние и полное отвращение к тому делу, к которому прежде влекло их призвание.

Кто мог уйти, как упомянутые выше Шевченко и Крамской, те уходили из этих просветительных школ. Не могшие уйти из-под злой пытки рабского трепетания и каторжных бессмысленных работ, глупели умственно, портились и развращались нравственно, и в силу тогдашнего общественного мнения, что всякий мастер, чем лучше – тем более пьяница, они и спивались до белой горячки и опивались до смерти.

В последние годы своей ученической кабалы ученикам живописной мастерской позволялось копировать с прописей рисовальных: нос, глаза, уши, губы, кисти рук и следки ног, торсы корпуса и, наконец, целую фигуру человеческого тела. Все это делалось механически бессмысленно, без всякого толкового объяснения, без определения пропорциональных частей к целому и т.п., а просто снималась копия с копии и с перекопий копии, со всеми искажениями и уродствами их. Этим же порядком бессмысленного копирования, одним механическим упражнением продолжалось учение и живопись масляными красками: бралась икона, расчерчивалась она квадратными клетками, и такими же клетками равного числа расчерчивалась площадь будущей копии, чертился контур и накладывались краски.

Если ученик делал что-либо не так, в чем-либо ошибался, хотя бы эта случайная ошибка была не к худшему, а к лучшему для дела, ему, вместо объяснения дела, рвали волосы и уши, хлестали по щекам ладонью во весь размах руки, что и должен он был

принимать за объяснительную лекцию. По окончании учебного курса, хозяин обязывался своему бывшему ученику платить жалованье. Размер этого жалованья первые годы свободного мастера-работника никогда не превышал платы, получаемой обыкновенным уличным поденщиком, который никогда, нигде и никакого курса специального ремесла не проходил. Это было тогда в порядке вещей и подобного рода явлениями никто не возмущался, так как этот окончивший курс своего специального образования получал только одну механическую привычку бессмысленного копирования одного и того же, до отвращения опротивевшего ему повторения, производимого допотопно-архивным способом, однообразно рутинными приемами, без малейшего проблеска самостоятельной мысли и любовного к нему отношения.

Самым корнем просветительного древа познания рисовального искусства, который удавалось видеть редким счастливым воронежского края, были следующие издания, переведенные с иностранных на русский язык: “Основательные правила или краткое руководство к рисовальному художеству, изданное управляющим Нюрбенской академии наук. С.-Петербург, 1734 года. Иоанна Даниила Прейслера”¹².

Через сто лет после этого, в 1834 году явилась другая рисовальная пропись под названием: “Рисовальный учитель, или правила рисовального искусства художника живописи и скульптуры Н.Станкевича”¹³.

Немного раньше этого, в 1814 году, был издан в Москве, печатанный в университетской типографии: “Новый учитель рисовального художества, или основательные правила, служащие к усовершенствованию юношества, обучающегося рисовальному искусству, с 22 фигурами, гравированными с лучших иностранных оригиналов”.

Но это оба позднейшие издания, и московское и петербургское, как коммерческие предприятия, были только компиляциями из старого издания И.Д. Прейслера. Все они переполнялись носами, ушами, губами, глазами и по своей библиографической редкости были недоступны большинству, которое удовлетворялось отдельными отрывочными с них копиями.

Так как все дело живописных работ сводилось на одно бессмысленное копирование готовых образцов, то понятно, что хозяева-подрядчики, конкурируя между собою, скопляли в своих руках огромное количество различных старинных гравюр, изо-

бражающих копии с картин художников различных школ и национальностей. Тут были образцы и Рафаэля, и Леонардо-да-Винчи, и Рубенса, и Микель-Анджело, и Риберы, и так далее и далее, до современных художников включительно. Во главе же всего стояли так называемые “французская и немецкая библии”, которые, по своей библиографической редкости, стоили очень дорого. Все это ходило из одних рук в другие по наследственному преемству; и когда сошли со сцены хозяева-подрядчики и рушились их традиционные мастерские, все их художественные сокровища расплозлись в разные стороны посредством толкучего рынка.

Собранные остатки этих художественных сокровищ, с которыми иногда знакомят воронежскую публику теперь местные любители старины коллекционеры М.П. Паренаго¹⁴ и П.Г. Беляев¹⁵, выставляя их в воронежском музее – суть части тех сокровищ, которые скоплялись прежде в сундуках хозяев.

При первом моем знакомстве с городом Воронежем, случившимся в 1857 году, я застал в нем еще тот порядок вещей подрядческих мастерских, о котором говорил выше, в полном ходу и целой неприкосновенности их строя.

Одним из главных, господствующим над другим, был Эльпидифор Константинович Огнев¹⁶.

Он был из крепостных крестьян помещика Пихтеева, или Бехтеева¹⁷, Задонского уезда. Выкупленный от помещика пресвященным Антонием¹⁸, епископом воронежским, он пользовался покровительственным благоволением целого ряда воронежских епископов по преемству от Антония до Серафима¹⁹, и был вследствие этого монополистом церковных работ по всей Воронежской епархии. В его живописной мастерской работали в 57 году: Николай Алексеевич Дулов из города Ельца, брат его Филагрий, Иван Афанасьевич Артюхов, Петр Петрович Волков, бывший крепостной помещика ..., (не помню фамилии и имени, а потому буду в подобных случаях ставить по три точки), Порфирий Николаевич ..., Григорий Иванович Смыкалов, крепостной помещика Острогожского уезда; Елисей Матвеевич ...; Михаил Григорьевич Шамаев; Николай Феоцентьевич ...; и много других, появлявшихся временно, и в том числе и автор настоящего письма. Из молодых начинающих были: Иван Ильич Вознесенский, сын елецкого подрядчика – хозяина таких же церковных дел, но по каким-то обстоятельствам прекративший эту деятельность; Тимон Васильевич ..., крепостной помещика Покатилова²⁰, Во-

ронежской губернии]; Никандр Иванович Лазарев, крестьянин села Подгорного Ворон[ежского] уезда, Афанасий Яковлевич ..., воронежский цеховой и многие друг[ие]. Из учеников помнятся: Тихон Петрович Волков, сын Петра Петровича Волкова; Иван Дмитриевич ...; Петр Александрович Соколов, из Елецкого уезда, духовного происхождения и родственник св. Тихону Задонскому²¹, и еще другие.

Второй хозяин Макар Иванович Макаренко, современник и друг Ивана Владимировича Шевцова, создавшего портрет святителя Митрофана²², воронежского чудотворца, для оригинального образца икон другим иконописцам, по заказу преосвященного Антония, в бытность которого было открытие мощей святителя. Этот оригинал работы И.В. Шевцова находится в зале дома воронежского владыки²³. Работа самого Макара Ивановича Макаренкова, изображающая икону Успения Божией Матери, находится в Благовещенском соборе Митрофанова монастыря, на одном из столбов храма, с левой стороны от входа²⁴. Макар Иванович в это время не вел уже сам подрядных дел, а передал их в руки своего зятя, молодого живописца, бывшего его же ученика Михаила Тимофеевича Мурзо-Ханова²⁵. В их маленькой мастерской, кроме самих хозяев, работали: Алексей Андреевич Макаренко, сын умершего живописца Андрея Григорьевича Макаренкова – родственника и выученика их; художник академии глухо-немой Ежов...²⁶; по временам Григорий Иванович Смыкалов. Из учеников: Василий Васильевич Лазарев; Андрей ...; Василий Зайков и еще какие-то...

Третий хозяин был Алексей Петрович Евланев, из города Острогожска²⁷. У него работали Николай Степанович ..., из села Горки, Воронежского уезда, Павел ...; и другие. Из учеников помнятся Маслов ...; Иван ..., и еще какие-то. Эта мастерская работала преимущественно в иконные лавки купцу Василию Михайловичу Постникову²⁸, содержавшему тогда в аренде монастырские лавки.

Четвертый хозяин – Сидор Климович Журхин²⁹, который производил в своей мастерской преимущественно вывески, украшавшие магазины города Воронежа, и исполнял другие малярные дела, но также имел и нанятых работников и даровых учеников.

Пятый был Николай Аггеевич Аггеев, работавший преимущественно орнаментные украшения при расписывании храмовых стен. Он – бывший крепостной какого-то помещика, обучался в Москве. Здесь же имел и своих работников и учеников, из кото-

рых Мартынов³⁰ и Федор Солодилов еще существуют и в настоящее время; а также Иван... и Андриян есть где-то.

Шестой – Петр Моисеевич Чишарин³¹. Он также занимался по своей специальности орнаментною уборкою стен храма и малярными работами, но принимал и всякие другие заказы, а потому держал мастерскую с работниками и учениками, имена и фамилии которых – Бог весть.

Седьмой очень солидный подрядчик был Евгений Назарович Назаров. Он больше вел крупные строительные дела, все же остальные предоставлял другим.

Тем не менее, он имел мастерские по всем отраслям ремесел, требовавшихся для церковных дел. В свою живописную мастерскую он привез в 1862 году двух художников: Платона Васильевича Васильева³² и ... Корнеева, для исполнения живописных работ по своим подрядам в храме города Борисоглебска.

Восьмой был подрядчик Нагаев³³. Но его помню лишь потому, что он передавал все живописные работы для их исполнения в иконописные мастерские других хозяев, с которыми дружил.

Девятый, который также передавал в живописные мастерские работать иконы для его подрядов, был Иван Петрович Ломакин. Он не жил в городе Воронеже, а приезжал только по делам своих подрядов.

Все эти и подобные им хозяева подрядчики, для лучшей эксплуатации несведущих заказчиков церковных работ, вели между собою дружбу и держали стачки. Они поддерживали этим и высокие цены заказам, и благополучную сдачу с рук плохо исполненных работ. Они часто делились между собою и подрядными работами, и исполнительными силами своих мастеров, посылая их по мере надобности работать из одной мастерской в другую.

Говоря о дружбе этих хозяев-подрядчиков, необходимо добавить, что дружба их между собою не была дружбою чистого сердца, бескорыстно любящего по-братски, по-христиански... Нет, она напоминала дружбу собак в басне Крылова. Их дележ между собою работ был также похож на дележ льва в другой басне того же автора.

Об исключениях я не говорю. Исключения всегда и везде бывают, конечно, но только как исключения.

Таким исключением был живописец, имевший свою мастерскую в городе Боброве Вор[онежской] губ[ернии], Дмитрий Козь-

мич Макаренков³⁴. Этот замечательный, по своим умственным и нравственным качествам, человек, переселившийся в г. Бобров из г. Острогжска, был в тоже время высоко даровитый живописец. Он работал не как бессмысленный копиист, рабски подражая всякой нелепости оригинала, а как разумно мыслящий и свободно, самостоятельно творящий свои композиции, художник, передающий кистью свои мысли и впечатления... Работавшие помощники в его мастерской были для него не безгласные рабы, дрожащие перед своим патроном-владыкою, а друзья и товарищи в полном смысле этого слова. Ученики его были ему не рабочее быдло домашнего хозяйства, а родные дети у заботливого любящего отца. Он и жена его Анна Порфирьевна не имели своих детей, но всегда воспитывали около себя целый приют разных обездоленных нуждою детей, то от брата, то от сестры. В это время был еще жив отец Димитрия Козьмича, Козьма Герасимович, очень древний старичок-живописец, ничего уже по своей дряхлости не работавший, но он хорошо помнил и лично знал знаменитого в свое время художника Величковского³⁵, работы которого находятся в соборном храме города Острогжска. Четыре большие картины на холсте, в рамах, развешанные по стенам, изображают: 1) исцеление расслабленного Христом; 2) Закхей на дереве, встречающий Христа; 3) Иаковлева лестница, виденная им во сне; 4) жертвоприношение Ноя после потопа. Кроме этих картин, есть еще того же мастера в иконостасе иконы и в алтаре этого же собора. Еще были в Острогжске в Крестовоздвиженской кладбищенской церкви работы этого же Величковского – все образа в иконостасе и им же расписаны стены внутри всего храма³⁶. Но варварское невежество заведующих и время уничтожили эти ценные сокровища старинных мастеров, которые служили образцами и путеводною звездой для многих поколений последующих потомков. По ним учились, копируя их также, как потом делали с иконами известного Боровиковского³⁷, работы которого находятся в иконостасе храма села Тишанки Бобровского уезда.

Бывший крепостной какого-то помещика, Боровиковский, по окончании курса учения в Академии художеств в С.-Петербурге, куда был определен своим баринном из села Тишанки, будучи уже за границей – в Италии, написал там эти иконы для сельского храма своему барину, как бы в благодарность за свое воспитание³⁸. Так гласит устное предание об этих иконах Боровиковского в Тишанском храме.

Но все это относится уже к уездным городам Воронежской губернии, а мы еще не кончили речь о самом городе Воронеже, как центре света всего воронежского края, куда притекали лучи столичного света и откуда уже отражались они концентрическими кругами в пространство, окружающее его.

Итак, повторяю: школы, образовательно-просветительной школы, которая давала бы твердое, основательное знание дела ищущим его, открывала бы и освещала путь к разумной осмысленности самостоятельной и свободной деятельности, – не было такой школы, и почвы для ее возникновения не оказывалось в воронежском крае, – ни в общественном мнении, ни в запросах потребности края. Церковная потребность удовлетворялась указанным выше путем бессмысленного механического копирования готовых образцов в хозяйских мастерских, которые были тормозами, препятствовавшими всякому свободному ходу развития самостоятельной деятельности творческой силы художника. Они только убивали всякое свободное проявление жизни молодой силы и причиняли страдание всякой живой душе, попавшей под их убийственный гнет рутины.

Слепое рабское идолопоклонство авторитетам, гнущее до земли темного невежду, не дает ему встать на ноги и прямо посмотреть в небо, выше стоящих идолов. И старые, и молодые работники иконописных мастерских, вечно копясь в гравюрах картин прославленных мастеров разных стран и народов, на разные сюжеты составленные: и религиозные, и исторические, и мифологические, – никак не могли разобраться: что хорошо, что дурно; почему это хорошо, а вот это дурно? Для понимания этого не было критерия ни у невежественных заказчиков, ни у таких же темных исполнителей-копиистов. Все дело сводилось к личному вкусу, и выбор оригинала для копирования всегда предоставлялся самому заказчику. Такой порядок вещей избавлял копииста от труда самостоятельности своей мысли, притупленной бессмысленным копированием готового до полной атрофии мысли и вместе с тем избавлял его и от ответственности за выполнение задачи заказа. Для копииста нет задачи в заказе, а есть только механическое исполнение привычного дела. Начертить сетку квадратных клеток на оригинале и на площади будущей копии, равных по счету, – для кого же это невозможно? Так ткнут бабы ковры, вяжут крючком скатерти и тому подобное. В слепом копировании с гравюр добросовестный копиист считает штрихи гравюры. Эта бессмыс-

лица копировального приема не только существовала в коммерческих мастерских воронежского края, но находила себе уют и с комфортом помещалась тогда в с.-петербургской академии художеств, и так прочно там укоренилась, что отражение этого граверного копирования я там видел и изумлялся в семидесятых годах на ученических работах с гипсовых моделей. Я не мог не сожалеть о праздной расточительности драгоценного времени и свежих молодых сил ученика на бессмысленную заботу штрихования теней: когда есть способы и средства быстро и верно передавать впечатления видимой природы, для чего же тогда длить время окончания своей работы?

Трудно, даже невозможно было воронежским иконописцам разобраться в этой путанице понятий: что хорошо, что дурно, где правда, где ложь?.. И они, измученные томлением духа, вялые, изнемогшие, как расслабленные у купели Силоамской, ждали движения воды живой.

И вот, в начале шестидесятых годов, на воронежском горизонте художественной деятельности загорается утренняя заря, обещающая жаждающим света ясный день с освещающим, согревающим и оплодотворяющим землю солнцем.

Один из воронежских хозяев-подрядчиков Евгений Назарович Назаров для своих иконописных работ по подрядам, привозит из С.-Петербурга двух патентованных молодых художников, учеников императорской академии художеств: Василия Андреевича Корнеева (существующего ныне проф[ессора] И.А.Х.) и Платона Васильевича Васильева. В это же время открывается на Большой Дворянской улице товарищеская фирма фотографии, с раззолоченною вывескою, где крупными буквами, сиявшими золотом, значилось “С.-петербургской императорской академии художеств, художник Михаил Иванович Пономарев³⁹ и Николай Степанович Русинов⁴⁰”. Кроме того, на Московской улице воздвигалась еще раззолоченная вывеска, гласившая: “С.-петербургской императорской академии художеств Иван Матвеевич Саломатин. Фотография и живописная мастерская, принимающая иконописные и прочие церковные заказы”⁴¹. Одновременно с этим, в мастерской Эльпидифора Константиновича Огнева водворяется Бонифатий Маркович Чесменский из С.-Петербурга, из императорской академии художеств, ученик профессора Айвазовского⁴².

Казалось бы, что при таком счастливом совпадении неожиданно-дружного наплыва столичного света академических про-

светителей, весь воронежский мрак невежества, во тьме которого задыхаются несчастные юные силы его, томятся жаждою знания, чахнут и умирают, не получив его ни единого луча - весь этот убийственный мрак вековой ночи должен исчезнуть весь без остатка, и исчезнуть навсегда, как исчезает ночь со всеми ее призраками и привидениями с лица земли перед лицом животворного солнца.

Но не то судила
Судьба роковая;
Тьма весь свет убила,
Его покрывая...
В смрадной тьме жизни
“Они” потонули;
“Мы” справили тризну
И, устав, уснули...

Свет столичного просвещения, о котором изнывала мечтательная молодежь воронежских живописцев, не распространился далее золотого блеска вывесок с громоносными гербами патентованных художников, навстречу которым так радостно забились тогда чистые сердца этой молодежи.

Перед ними, кроткими, робкими, застенчивыми и раболепно трепещущими, патентованные художники гордо становились в монументальные позы, грозно сдвигали брови, метали из глаз убийственные молнии презрения и делали отрицательные жесты на все унижительные поклоны просителей света.

И кончилось все это тем, что “гора родила мышь”.

Саломатин, с первого шага на воронежской почве, ринулся на арену борьбы подрядческой конкуренции и пал жертвою золотого тельца под сладкие грезы бахусовых чар, не оставив по себе никакого следа, достойного доброй памяти.

Васильев не вынес удара дружеской руки и, примачивая боль сердца алкоголем, сделался жертвою Бахуса и умер в воронежской городской больнице, и также без всякого следа по себе.

Чесменский, последовав примеру Васильева, пал где-то жертвою Бахуса, но не бесследно для Воронежа.

След этот необходимо отметить в хронике Воронежа того времени, как имевший близкую связь с переменою старого строя массовой эксплуатации рабочих сил под гнетом хозяйской кабалы, на более мелкие части индивидуальной свободы. Но для этого нам нужно остановиться на причинах, подготовивших падение старого порядка вещей.

II.

Главною причиною падения хозяйских мастерских и оскудения материального благосостояния, дававшего им возможность праздной жизни, катанья, как сыр в масле, по пословице тогдашнего времени, и выезжанья на рабочих плечах, была крестьянская реформа.

Реформа эта, позвавшая весь народ русский к жизни новой, как труба архангела, разбудила души, тлевшие в мертвом вековом сне крепостного права. По голосу этого могучего призыва все дрогнуло и зашевелилось по всей обширной стране земли русской. Не мог оставаться, конечно, и воронежский край не тронутым этим незабвенным движением; не мог оставаться в прежнем виде весь строй общественной и частной жизни людей того времени; не имея жизненных начал в своем основании, он дрогнул, зашатался, упал и рассыпался в прах.

И не могло быть иначе там, где в руководящих жизнью народа законах страны стояло написанное: “Правда и милость да царствуют в судах”, не могло это быть одним пустым звуком в воздушном пространстве, и не было им. Тянувшаяся повсеместно и неумолчно песня пословицы: “скачи, враже, як пан каже”, стала заменяться другою, христианскою: “Не в силе Бог, а в правде”.

Между забытыми, трепещущими работниками, воспитанными поколениями рабовладельческих веков, стали появляться лица другого типа и склада мыслей. Они не могли выносить того унижения человеческого достоинства и безличности, которые низводят разумное существо человеческой породы в простое орудие бессмысленной машины в руках насильника, они не могли продать свое первородство за чечевичную похлебку. А раз явились такие лица в мастерских хозяев, то очевидно, что мастерские эти не могли удержаться на устоях прежнего порядка.

Все рабочее население воронежских живописных мастерских в описываемое время, разделялось на 3 категории: 1-я составляла мастеров; 2 – подмастерьев; 3 – учеников. Мастером назывался такой работник, работы которого сравнительно с другими считались почему-либо лучшими, одобрялись и принимались заказчиками (всегда пьяными или полупьяными) без браковки; и такой мастер получал от хозяина высший оклад жалованья и некоторую благосклонность. Подмастерьем назывался такой работник, работы которого должны быть для своей окончательной отделки проходить через руки мастера. Но из этого порядка вещей не

следует заключать, что и на самом деле всегда работы мастера были лучше работы подмастерья; нет, часто бывало, что участие мастера в работе подмастерья не улучшало дела, а совсем портило его. Подобные случаи были началом пьянства, ссоры и драки в мастерских. Ученики же мастерских были просто чернорабочим и домашним быдлом хозяев и слугами работников обоих категорий. Они должны были исполнять все требования и хозяина, и работников, всех без исключения в хозяйском доме: рубить дрова, топить печи, возить воду, ходить на рынок, бегать в кабак за водкою для мастеров, чистить им сапоги и так далее, и далее. Мастер достаивался от хозяина именоваться полным именем и отчеством; подмастерье должен был довольствоваться одним лишь отчеством; ученику же была кличка “мальчик”, хотя бы у этого мальчика была борода до пояса или усы, закладываемые по запорожски за уши.

Мастера и подмастерья, имевшие свои квартиры или дома в недалеких окрестностях от хозяйских мастерских, приходили на работу утром и уходили домой вечером; те же из них, которые были из дальних мест или не имели своих квартир, жили постоянно в хозяйском помещении и принуждены были терпеть все неудобства грозных бурь, какие разыгрывались часто по ночам пьяным хозяином с ватагою гостей своих. На безобразные оргии этих бездельников мы опустим завесу молчания.

На днях мне подали свежий № газеты “Дон”, где в рубрике “Текущей жизни” я прочитал заметку, в которой приводится договор, заключенный помещиком Н. со своим рабочим крестьянином Романом К., по которому рабочий был обязан, кроме исполнения работ, при встрече с самим помещиком, его женою и детьми, отходить в сторону за 20 шагов и стоять, без шапки, вытянувшись в струнку, до тех пор, пока встретившиеся господа пройдут мимо. Это требовалось делать от работника и перед пустыми окнами господского дома. Господина нужно было называть “болярином” и оказывать ему всякие знаки “холопской покорности”, неисполнение чего влекло за собою штрафы и аресты по личному распоряжению “болярина”. Все, что говорится в этой заметке о знаках “холопской покорности” работника-крестьянина к “болярину”, буквально исполнялось на практике отношений хозяина и работника живописной мастерской. Но к этому нужно еще добавить, что не только днем вставали и делали стойку на вытяжку перед появлением хозяина все работники, но и ночью вскакивали

они со своих постелей и в одном белье делали эту вытяжную стойку, когда он поздно ночью являлся пьяный из “Покатиловой гостиницы”⁴³, славившейся тогда в Воронеже, и, с такою же пьяною шайкой своих прихлебателей проходил по мастерским с свечою в руках и с грязною, грубою бранью на пьяном языке, приговаривая: “Одры, лентяи, пьяницы, дармоеды! Я вас, ослов, кормлю, пою, обуваю, одеваю, а вы только и знаете, что жрать, спать, одежду драть, болеть, потолок коптить”, и так далее и далее продолжалось это хозяйское назидание ночной беседы своим “молодцам”, как он любил называть их всех вообще при рекомендации своим гостям в добрые часы благодушия; а теперь эти “молодцы” стоят, вытянутые в струнку, руки по швам, бледные, трепещущие и безмолвно выслушивают ничем не заслуженную брань и поругание.

Таким образом, эти несчастные “молодцы”, пользовавшиеся хозяйской квартирой, были лишены даже ночного покоя. Они не имели даже и праздничного отдыха. Будучи всегда на глазах хозяина, который умел находить работу под предлогом срочного окончания дела по какому-либо подряду, они, волей-неволей, с проклятиями в душе, принимались за постылое дело и в праздничные дни, по окончании которого получали от хозяина угощение водкою. За один же день будничный, не работанный почему-либо работником, хозяин вычитал двухдневную плату⁴.

С падением крепостного права все это стало быстро изменяться. Неисчерпаемый источник дарового народного труда в руках помещиков, из которого вытекали ручьи на все стороны радиусами по концентрическим кругам, стал иссякать, прерываться и – пересыхать. Прекратились для живописных мастерских натуральные повинности продуктами потребления и опустели обширные кладовые и амбары хозяйских усадеб. Бессилие сдерживать привычную распушенность широкой природы способствовало быстрому таянию запасов прежних лет, и мало по малу, костлявая, голая, не покрытая нужда надвигалась и протягивала из окружающего пространства свои жесткие, когтистые объятия. Неудовлетворенность привычных похотей разнузданных страстей раздражала и ожесточала хозяев живописных мастерских; они, по привычке, искали, на ком сорвать зло, но прежних безмолвных холопов уже не было. Новый тип работника настолько изменился,

⁴ Вследствие этой системы расчета, пьющим работникам, вместо одного года приходилось жить два и три за одно жалованье и быть неоплатыми должниками. Это очень нравилось хозяевам, и они умышленно спаивали водкою слабых людей.

что при всякой натяжке взаимных отношений делался полный разрыв и отдельные части начинали жить и действовать самостоятельно, на свой собственный риск и страх.

Таких отдельных частей было много: Краснов Алексей Иванович и его брат; Медведев Алексей Павлович, Волков Гавриил Афанасьевич, Афанасий Яковлевич ..., Елисей Матвеевич ..., Михаил Григорьевич Шамаев, Филат Васильевич ..., страстный охотник-рыболов удочками и крючками и неиссякаемый враль-рассказчик небывалых приключений с ним на его охоте рыболовства. Центром его анекдотических рассказов всегда был сом. Он всегда знал, откуда, с какими дровяными или строевыми плотами сколько пришло сомов, где они остановились, какой у каждого характер, что кто из них любит и как и на какой крючок какого изловить – все это знал отлично Филат Васильевич, только о своей специальности – живописи совершенно ничего не знал. Так основательно не знал, что даже почти и не работал никогда; и почему он считался живописцем, и как могли быть у него ученики (а они были) – для меня осталось это неразрешимую загадкой.

Кроме перечисленных лиц, было в Воронеже еще много отдельно существующих живописцев по своим квартирам. Те же, которые вели дело в хозяйских мастерских, имели уже у себя не только свободные праздники, но и вечера будничных дней, и все их отдавали на свои личные потребности. Мастера, по образцу хозяев, кутили по трактирам и кабакам, а молодые, трезвые, непьющие и не курящие подмастерья занимались самообразованием: рисовали карандашом и писали масляными красками с натуры всевозможные предметы и окружающие их виды природы и портреты друг с друга, поправляя один другого взаимными указаниями и замечаниями недочетов и пропусков натуры, взятой для упражнения и изучения. Лепили из глины и отливали из гипса руки, ноги, лица, как с самих себя, так и с посторонней живой модели. Лучшие из учеников всю силою страсти своей души стремились примкнуть к этим начинаниям самодеятельности молодых подмастерьев по инстинкту сердечного чутья, но это было для них, бесправных, запретный плод и опасная контрабанда. А между тем, вот это только любовное, бескорыстное стремление к самосовершенствованию, это упорное искание истины, знания любимого дела молодых свежих сил, чистой неиспачканной грязью житейского болота души и был, если хотите, тот зародыш зерна, из которого могла бы вырасти в воронежском крае школа ри-

сования и живописи, нужная и полезная для всякой живой души. Но еще раз повторяю: почвы для всхода этого зерна не было. Неужный хлам могильной трухи предпочитался просветительному делу Божьего домостроительства души человеческой.

Те из молодых подмастерь и учеников-копиистов, которым выпадал случай выйти из этой крепостной кабалы и побывать в столице, возвращались с правом преподавания в учебных заведениях, где по программе требовался учитель рисования, облакались в виц-мундир или сюртук, восседали на учительскую кафедру и продолжали утомлять мозги учеников копированием традиционных носов, ушей, глаз, губ и прочих прелестей рисовальных прописей.

Таковы были все покойные учителя рисования: и Скляренко⁴⁴, и Павлов⁴⁵, и Василий Алексеевич Лебедев⁴⁶, и Михаил Иванович Бокв⁴⁷, и Алексей Николаевич Нестеров⁴⁸, бывший впоследствии нотариусом в Воронеже и провалившийся в бездну современной несостоятельности, и многие другие. Но всех их, вместе и порознь взятых, просветительный свет на поле рисовальной деятельности не распространялся в общественном сознании воронежской публики. Но это была бы не велика беда, а горе великое в том, что, что вся деятельность этих просветителей служила и служит главным тормозом на пути к истинному просвещению человечества этую всемирною Божескою грамотою.

Оставим, однако, эту их деятельность на их собственной совести и поведем свою речь дальше по пути воспоминаний прошлого. Появились в хозяйских мастерских новые лица, которые не были в выправке ежовых рукавиц крепостного права, а потому не могли чувствовать сладости и понимать блаженства ни в алкогольном самоотравлении, ни в трепетании на стойке навтыжку перед хозяином, а только и знали, что в свободные от рядовых дел часы всею силою своей души вчитывались и вдумывались в смысл интересной книги живой природы, делали из нее нужные для себя выписки, как делают это все ученики учебных заведений из своих учебников. Свои наблюдения и опыты, добытые практикой рисования и живописи с натуры, они пытались вносить в работу иконописания. Эти опыты оживляли мертвечину вековой традиции и обращали на себя внимание заказчиков, которые одобряли это оживление и требовали его для своих заказов. Но такой прием действий и трезвый образ жизни не нравился хозяину и старым мастерам. Они называли это пустой затеею, замедляю-

шей ход их дела, а потому делающей ущерб выгодам хозяйского расчета. Для этого упрямые затейники, чтобы свою “невинность соблудности” и хозяйский “капитал приобрести”, должны были все подготовительные работы: этюды и эскизы для изготовления икон работать в свое свободное время: в праздники и вечера и уже готовое переносить на иконы. Выходило и скоро, и хорошо. Старые мастера-копиисты косились и негодовали, потому что такие работы юных подмастерьев не нуждались в поправке мастера, а уходили мимо его рук прямо заказчику, который в следующих сделках с хозяином ставил в своем условии требование работ с “пустыми затеями” нововводителей. Ясно было, что власть хозяйского самодурства и нелепости претензий мастера на первенство трещали по всем швам, разваливались и ускользали, центр тяжести перемещался. За уклонение от пьяных оргий и постоянную напряженность самодеятельности таких лиц давали им разные клички; называли их раскольниками, монахами, отшельниками, молодыми стариками и выказывали им всякое презрение.

Но эти затейники, молодые старики, не огорчались их презрением, не заискивали их благосклонности и не придавали никакого значения их расценке своим поступкам и поведению. Они сплотились в дружеский кружок маленького товарищества и держались особняком. Между ними были: один чтец, другой веселый комик балагур и лицедей, третий – музыкант-гуслист, четвертый – резонер. Всего этого было для них совершенно достаточно, чтобы не иметь нужды ни в каких сторонних развлечениях, для которых у них, собственно, и времени свободного не доставало. Окружающая их жизнь, общественная и частная, со всеми ее мельчайшими разветвлениями, доставляла им неисчерпаемый материал, из которого вытекали для их наблюдательности искреннейшие и смех, и горе. Просыпающаяся в них разумная критика внимательного наблюдения поднимала их взор выше окружающей толпы и безгранично расширяла их умственный горизонт. Мысль работала безостановочно, не пренебрегая никаким явлением пустой мелочи, вызывавшим дебаты, похожие на пустословную болтовню, которая все же, однако, проливали некоторый свет на темное пятно бессмыслицы отживших понятий. Идет, например, кто-либо к хозяину просить свое жалованье, – сейчас же подхватывается это несчастное слово “жалованье” и начинается его трепка. – Как “жалованье”? Почему “жалованье”, а не долг, платимый за работу?! – восклицал резонер. Жаловать, пожаловать – значит оказать

милостивое расположение барина-господина слуге, подать милостыню нищему, пожаловать милость виноватому и т.п.; а получить свой заработок не есть получить милостыню от щедрой руки милостивца, а просто взять свое собственное должное по праву, и это большая разница; такая же точно, как *свое* и *чужое*. Свое просто берется, без просьбы у самого себя, а чужое просится...

– А ну-ка, поди возьми, а мы посмотрим, как ты это сделаешь! – возражали резонеру, и при этом возражении раздавался гомерический хохот всей мастерской.

Чтобы теперь понять причину этого хохота, нужно знать, что получение жалованья было тогда таким трудным подвигом, что самые храбрые работники, прежде, чем открыть дверь хозяйского кабинета и перешагнуть порог его, черпали смелость полным стаканом из бутылки водки и разводили в себе пары алкоголя до нужной высоты градусов и тогда только решались на свой подвиг. Другие же, непьющие, трезвенники, в подобных случаях, предварительно сговаривались между собою и шли компаниею по два, по три человека вместе. Всякое появление у порога хозяйского кабинета таких просителей было равносильно искре огня, брошенной в пороховой погреб. Порох воспламенялся, следовал страшный взрыв, и шумная брань грязным потоком лилась на весь дом. Все другие мастера и подмастерья, прерывая работу, шли на цыпочках ближе к месту катастрофы и с замиранием сердца прислушивались. Появившихся виновников взрыва окружали тесной стеной толпы концентрическими кучами и шепотом спрашивали: “Ну что? как?...” И если ходоки эти получали удовлетворение своих нужд, то и другие ободрялись их примером и шли, в свою очередь, “пытать счастья”, по их тогдашнему выражению. Если же храбрый поход был неудачен, все печально опускали головы и, кряхтя и охая, почесывая в затылке, расходились лениво по своим местам и вяло, неохотно брались за постылое дело. При появлении же из кабинета хозяйского носа, все вдруг быстро оживлялись, подтягивались, торопливо суетились и делали вид, что усердно и энергично работают. Бывали случаи и мирного спокойного обхождения хозяина с работником и безропотной выдачи им денег; но такое благодушное настроение бывало лишь тогда, когда он возвращался с получением нового хорошего подряда, с полными карманами задаточных денег, количество которых всегда равнялось или половине, или трети всей договорной части. Это делалось всегда с таким расчетом, чтобы во время производства

работы можно было просить доверителей о прибавочных суммах для окончания начатого дела, без чего работа не могла быть кончена или же затягивалась на бесконечный ряд лет. Этим порядком вещей пользовались все недобросовестные подрядчики и получали за исполнение одного дела две или три цены. Для достижения благополучного исполнения такого фокуса они не брезговали никакими средствами и ни перед чем не останавливались. Подкуп, спаивание, клевета и прямое грубое насилие – свободно практиковались и шли с рук удачно.

Но ни одно дурное дело не проходит человеку даром и бесследно, все они оставляют по себе следы и мало по малу начинают его своими осадками, как бомбу взрывчатыми веществами, так, что бывает достаточно малейшего толчка для ее взрыва. Для грозной вспышки самодура, привыкшего побеждать и властвовать над покоренными и выливать на них грязь накопившегося зла в своей душе, не нужно было особенных причин, достаточно было не проспаться с похмелья или показавшейся недостаточности “холопской покорности” с чьей-либо стороны – и бомба взрывалась.

Для избежания столкновений, вызывающих взрыв бомбы, было придумано теми из кружка затейников, молодых стариков, раскольников и отщепенцев, как их прозвали тогда, вместо личной просьбы, писать записки хозяину и, оставляя их ученикам для передачи по адресу, самим оставаться дома в своей квартире и не являться на работу в мастерскую, пока не получится резолюция на поданное прошение. Это породило целую литературу, оригинальную и своеобразную, которая осветила много темных углов и закоулков в изгибах понимания людьми друг друга.

Оказывалось необходимым объяснять в своих посланиях такие простые вещи, которые по своей сущности должны были бы быть хорошо известны и малому ребенку, а на поверку выходило, по пословице: “Сытый голодного не понимает”.

III.

Ко времени появления в мастерской Огнева художника петербургской академии Бонифатия Марковича Чесменского, дела этой мастерской были так плохи, что полное ее падение для всех было видно, и подняться ей не было никакой возможности, как безнадежно больному, агония которого лишь длится и оттягивает последний час кончины. Самое помещение мастерской, которая прежде находилась за Митрофановским монастырем, в Ильинском

переулке, близ церкви Спаса⁴⁹, где оно было уничтожено пожаром, теперь находилось на Большой Успенской улице Стрелецкого Лоска, в бывшем доме Башкирцева⁵⁰, громкого в свое время подрядчика, соорудившего воронежские кадетские корпуса и военный интендантский склад. Но как для первого владельца этого дома, Башкирцева, нероновские пиршества которого, гремевшие на весь воронежский край, поражая пышностью, роскошью и величием народную массу своего времени, все кончилось банкротством, тюрьмой и нищенством, так и его затейливый дом, перешедший теперь в руки Огнева, стал для его былого величия и славы гробницею, где только тлели и разрушались в прах остатки. Духовное покровительство прекратилось. Богатые купцы Борисовы – родственники по жене – устали в бесконечных подвигах благотворительности, и приток жизненных сил, струившийся со стороны, иссякал очень быстро и безвозвратно... Молодые мастера, работами которых интересовались заказчики, уходили или в другие мастерские, где безостановочно платили заработанные ими деньги, или усаживались в своей квартире и работали поштучно, сдельно, а не по найму. В эти же квартиры одиноких мастеров стали обращаться с заказами и те, которые были прежде постоянными заказчиками тех мастерских, где работали эти мастера.

Бонифатий Маркович Чесменский, с первого же шага знакомства с Воронежем и его деятелями на поле искусства рисования и живописи, горячо приветствовал все затеи “молодых стариков”, “трезвенников”, “отщепенцев”, бившихся над самосовершенствованием и боровшихся с тормозами старого порядка. Он, несмотря на их раскольничью трезвенность, будучи сам и пьющим и пр., радостно и тесно примкнул к их дружескому кружку товарищества, члены которого были по всем воронежским мастерским и стояли во главе этих мастерских, а также и отделившиеся от них и работавшие в одиночку в своих квартирах, и стал помогать им в борьбе. Работа закипела с небывалой энергией, ободренная участием и похвалою петербургского художника, не большого мастера-живописца, но большого ростом и красноречивого оратора, горячо и сильно произносящего смелые речи на тему несправедливого угнетения хозяевами их ежовыми рукавицами, лошадьего хомута и воловьего ярма, которое давит и трет шею, а потому надо его сбросить, чтобы не задохнуться вовсе и проч.

Начались кружковые собрания и галдения в квартирах тех одиночек, которые работали у себя самостоятельно. На всяком

таким собранием являлся Чесменский и овладевал предметом рассуждения. Он своими ораторскими способностями выдвигался перед всеми так же, как и большим своим ростом, с большим длинным носом на лице.

Все разговоры вертелись на том, как облегчить трудность жизни живописного работника; как добыть ему свободы для само-совершенствования; как продуктивнее утилизировать рабочие руки; как не дать гибнуть способностям молодых сил; где взять средства для помощи товарищу в несчастье, и т.д. и т.д. в этом же роде.

Из всего этого как-то вытекало само собою, что надо соединяться всем в одно товарищеское общество, открыть одну общую товарищескую мастерскую, которая принимала бы заказы, за исполнение которых отвечало бы все общество товарищества, которое само же непосредственно и работало бы в мастерской.

При этой мастерской должна быть школа рисования и живописи; должна быть выставка работ мастерской для публики, которая бы знакомилась с произведениями работ, исполняемых мастерскою по заказам ее доверителей. Весь заработок мастерской должен быть общий и распределяться между членами товарищества равномерно потребностям каждого. Кроме этого, должно делать отчисления в запас на случай нужного пособия своим членам. И так далее, в этом же роде.

Выходило что-то очень интересное, в высшей степени соблазнительное и страстно всеми желаемое.

Свободная фантазия молодых мозгов работала безостановочно горячо, с полным самоотвержением. С каждым днем притягивались, как железные опилки к магниту, все новые и новые члены к первоначальному ядру кружка, который составлялся из немногих лиц: И[вана] И[льича] В[ознесенского], Л.Г.Е., П[етра] А[лександровича] С[околова], А.Я..., Н[икандра] И[вановича] Л[азарева], Бонифатия Марковича Чесменского и А.А. Макаренкова, теперь умершего, как и другого – Афанасия Яковлевича, тоже умершего.

Каждый вопрос обдумывался, обсуждался со всех сторон. От общего переходили к частям и разрабатывали мельчайшие детали. Вдохновенная фантазия создавала нечто такое грандиозно величественное и красивое, что захватывало дух от восторга. В круг деятельности общества входила забота о сиротах, вдовах и стариках, о свадьбах, крестинах и похоронах – все предусматривалось.

Как молния, пролетела новая весть над всеми воронежскими мастерскими и тучею нависла над головами хозяев-подрядчиков. Пьяные отрезвлялись и прислушивались, протирая запухшие глаза.

Робкие, забитые приподнимали голову и ободрялись: как отдаленный гром, в неясных звуках пронесся слух, что кем-то, где-то затевается что-то такое нехорошее для всех хозяйских мастерских города Воронежа. И хозяева стали тоже отрезвляться и прислушиваться с интересом и внимательностью. Прежнее выражение их лиц и обхождение со своими работниками изменились до неузнаваемости. У них нашлись и внимание к нуждам рабочего, и ласковое с ним обхождение.

В то же время кружковая работа затейников шла своим порядком. Лица, составляющие ядро, были теперь очень озабочены приисканием такого человека, который был бы настолько грамотно образован и так всесторонне развит и таких высоко нравственных качеств, на которого можно было бы смело положиться и доверить ему составление устава для зарождающегося общества товарищей. Устав должен быть разработан не только по всем правилам словесного искусства, но и по всем существующим юридическим законам. Он должен обнимать собою все намеченные вопросы и разработать их детально со всею осмотрительностью и тщательным предвидением. Составитель должен войти в самую душу этого дела, проникнуться им, принять его и сердцем, и умом своим так, как сами его зачинщики, а не просто исполнить канцелярскую работу по заказу. Отыскать именно такого человека было трудное дело. Все это мог бы сделать только кто-либо из своих же присных. Но, к величайшему огорчению и жалости, никто из них не обладал таким всесторонним образованием. Громадное подавляющее большинство из них были почти безграмотные, с трудом великим выводявшие каракулями свою подпись в контрактах своей кабалы. Самые грамотные из них, и даже петербургский художник Чесменский, не шли далее изложения обыкновенного письма. Наконец, выбор пал на Селиванова⁵¹, местного литератора, писавшего в “Губернских Ведомостях” и “Воронежском Листке”, состоявшего тогда библиотекарем воронежской публичной библиотеки, незадолго до того времени открывшейся.

Выбор оказался удачным. Селиванов (не помню его имени и отчества) горячо принял к сердцу это дело и со всем жаром любви приступил к разработке устава. По образцам каких-то английских

корпоративных обществ быстро вырос обширный филиал, обнищавший собою все отношения товарищей между собою, их вход и выход из общества, их совместные производства работ, общественный капитал, пенсионную кассу, сиротский приют, школу, распределение заработка и отчисление в запас известного процента и пр. Все было охвачено, предусмотрено и разработано с изумительною тщательностью.

Наконец, по городу стало известно всем интересующимся, что в такой-то день и час в “Воронежском трактире” будет общее собрание живописцев из всех мастерских и частных квартир города Воронежа.

И вот, в один воскресный день, к десяти часам утра, к “Воронежскому трактиру” со всех концов города, со всех трущоб, выползли и потекли живописцы. И старые, и средние, и молодые, и подростки, и даже ученики, набравшись смелости и крадучись от хозяйского глаза, отлучившись под разными предлогами из мастерской, явились на собрание, трепещущие от страха и волнения небывалых чувств.

Собралось более полутора человека и тесно наполнили два зала гостиницы, предварительно снятой для этого у гостинника и изолированной от посторонней публики. Во всей этой массе скопившегося народа, фигура Чесменского своим огромным ростом выдвигалась вверх выше всех; и голова его была видна всем, и отовсюду, как первого царя еврейского народа.

Он должен был читать устав формирующегося общества, составленный Селивановым.

Сначала Бонифатий Маркович обратился к общему собранию и сказал речь, в которой выразил в общих чертах для всего собрания те мысли, какие уже были выработаны в отдельных кружках. Более всего он старался очертить и рельефнее оттенить то невыносимо тяжелое положение, в котором находился каждый работник. Ежевые рукавицы хозяйской кабалы, унижительное рабское положение лица, угнетенного волею судьбы-мачехи, необеспеченность положения, голодное и оборванное жалкое существование работника и его семьи, – все это энергично, с приличной и образной жестикоулящиею звучало в речи Чесменского высоко натянутой струною, и каждый звук этой живой струны глубоко и больно задевал настрадавшееся сердце каждого присутствующего на этом общем собрании, а потому понятно, каким энтузиазмом одобрительного ура и качания на руках оратора была закрыта его речь.

Что с таким же энтузиазмом был принят весь устав, – об этом нет надобности говорить. Все вступали в члены кружка и все рады были бы сделать первоначальный взнос членский для необходимого образования общественного капитала, чтобы начать реализацию дела, но оказалось, что почти ни у кого не имелось для этого взноса ни гроша. Нашлись, конечно, люди, которые сейчас же отдали свои взносы в руки Чесменского. Но таких рьяных членов было очень мало, и взносы их не составили большого капитала. Уплатившие свои членские взносы, все трезвенники, разошлись из гостиницы по домам в радужных мечтах о будущем благополучии, все же прочие остались, во главе с Чесменским, торжествовать победу и., увлекшись торжеством, – истратили за беседой все членские взносы до последней копейки в том же трактире.

IV.

Итак, тот самый день, который мог бы загореться звездой в темном небе воронежского края, для распространения в нем истинного света просвещения в области рисования и живописи, который мог бы стать началом спасения десятков и сотен душ человеческих, бесполезно для себя и других погибших впоследствии в омуте пьянства и разврата, – тот день воскресный, день, которого так жадно ждали “сидящие во тьме и сени смертной” с надеждою на свое Воскресение, кончился постыдным пьянством и трактирным скандалом в духе того времени. Кончился он так лишь потому только, что не нашлось в Воронеже ни единого разумного, просвещенного, добродетельного и трезвого человека, который мог бы понять все великое значение для воронежского края зарождающейся общественной самодеятельности маленького кружка молодых подростков живописцев-самоучек. Не нашлось человека, способного броситься на помощь утопающим людям в бессильной борьбе их с ложью, пьянством и невежеством. А между тем, когда в “Борисовском трактире” разменивались за стойкой членские взносы трезвенников, разошедшиеся с общего собрания по домам живописцы предавались радужным мечтам своего будущего благополучия. Старики, терявшие зрение и силы для труда, радовались возможности в будущем иметь пенсионное пропитание из общественной кассы; вдовы с сиротами питали твердую надежду, что их дети будут призываемы зарождающимся обществом и учиться не по старому, а по новому; мастера думали, что, с наступлением нового порядка обществен-

ной мастерской, их труд получит справедливую оценку, их заработанный грош не пропадет, как теперь, за хозяином, а будет цел, как в своем кармане; ученики думали о будущей школе рисования и живописи при общественной мастерской, где их не заставят возить воду, рубить дрова, бегать в кабак для пьяных мастеров и подмастерьев, не будут рвать их волосы и уши, не будут колотить, чем попало и по чему попало, а будут учить по новому: кротко и любовно показывать, как и что надо делать, и почему именно так, а не иначе. Бесконечную лентою цветистой радуги тянулись и переливались радостные мечты свободной фантазии воронежских живописцев, возбужденных чтением устава, читанного на общем собрании в гостинице Борисова.

Но не тот судьба-злодейка
 Путь чертила впереди:
 Где нет денег ни копейки,
 Там у моря ведра жди,
 Иль по той иди дороге,
 Где во мраке гибель сплошь,
 Где сломаешь себе ноги,
 Лоб в осколки расшибешь.
 Встанет призрак смерти грозной
 И потребует отчет, –
 Будешь каяться, да поздно:
 Тело дважды не живет.

Эту песню сложил тогда живописец-музыкант и играл ее на гусях своим товарищам.

Пьянство всеобщее, поголовное, беспросыпное пьянство того времени, пьянство, погубившее бесчисленное количество лучших и своим убийственным ядом отравляющее последующие поколения, пьянство это разрушило в самом начале готовившийся к возникновению храм света, истины и разума.

Тот самый высокообразованный, гуманный, отзывчивый на все хорошее воронежский интеллигент, первый библиотекарь воронежской публичной библиотеки Селиванов, составлявший устав для общества воронежцев-живописцев, этот Селиванов был найден зимою у задних ворот Митрофановского монастыря между ними и домом Василия Постникова (купца иконных лавок) упавшим во хмелю и замерзшим насмерть. О преждевременной смерти худож[ников] Васильева и Чесменского я уже говорил выше. О третьем художнике Саломатине я тоже говорил выше. Он

конкурировал с хозяевами в их подрядческих фокусах и брал иногда верх над слабейшими из них, только благодаря своей громогласной, для темного провинциального народа, разрешительной индальгенции академического диплома. Он также умер преждевременно, не оставив по себе памяти. Работавшие в его мастерской молодые живописцы перешли к нему из мастерских Огнева – В.Д., Н.К. и И.Д., а из мастерской Макаренкова – В.В.Л. и друг[ие] с целью чему-нибудь научиться от дипломированного художника петербургской академии художеств. Но эти мечтательные надежды не имели основания, так как И.М. Саломатин сам получил диплом на звание художника чрез посредство своего доброго товарища и друга Платона Васильевича Васильева, который мог самостоятельно работать и был в академии заметною силою между другими учениками. Сестра Ив. М. Саломатина, Елена Матвеевна, была ученица Платона Васильевича Васильева, и также имела впоследствии мастерскую в Воронеже и исполняла церковные работы с помощью тех же мастеров и подростков, не имевших никакого значения для развития дела. Одни из них умерли уже давно, еще зелеными юношами; другие влачат жалкую пьяную жизнь, обрюзглыми и состарившимися преждевременно. Все они близко подходили к Спиридону Васильевичу Жилкину, единственному сыну состоятельных когда-то воронежских мещан, которые лелеяли его, как единственного наследника; учили в каких-то местных учебных заведениях и, “по призванию” к живописному ремеслу, учили его и этому делу. И он, говорят, “подавал блестящие надежды”, но пьянство так обглодало его, что он, в непроходимой галлюцинации представлявшихся ему чертей, наполнявших весь окружающий его воздух, всегда и на всяком месте ловил, хватая в воздухе, руками этих чертей, с бранью запихивая их себе во все карманы и отверстия дыр своего грязного костюма, состоявшего из одних бесформенных вонючих лохмотьев, и этим развлекал и веселил зевающую базарную публику и уличных мальчишек.

Несмотря, однако, на это сумасшествие безвозвратно погибшего от пьянства человека, он брал и ему доверили работать вывески воронежским купцам и образа купчихам, вероятно, потому, что сделка с этим воронежским художником казалась выгодною заказчикам: он за работу свою от заказчиков только пользовался квартирою, столом и водкою, непременно водкою во все продолжение времени, какое потребует для исполнения его художественного произведения. Этого несчастного Спиридона Жилкина

еще не так давно можно было встретить на городских площадях и улицах, и он еще у всех в памяти.

Тихон Петрович Волков, сын Петра Петровича, ученик огневской мастерской, большого роста красивый блондин геркулесовского сложения и силы, тихий, скромный, уступчивый и веселый комик в трезвом виде, но пьяный – грубый, дерзкий, шумный буян и неуправляемый драчун – погиб от пьянства около 30 лет от роду. Дмитрий Иванович ..., красивый юноша, с умным пытливым и вдумчивым лицом, курчавыми русыми волосами на голове, с голубыми приветливыми глазами и с детской улыбкой на губах классической формы, влюбленный в сестру своего товарища-живописца, написал с нее портрет масляными красками, обличающий в нем несомненно человека, способного быть хорошим мастером – допился до чертей и умер раньше двадцати лет.

А вот еще С.Е., который шатается с грязною сумкою по базарным площадям, между возами деревенских мужиков с картофелем. Он просит у них, с плачевной гримасой в лице, со слезящимися глазами, с дрожащей рукой и с Христовым именем на пьяном языке, картофеля, редьки, луку, огурец. Кто что даст – все поступает в сумку и ... в кабак. Этот человек самого кроткого, уступчивого, мягкого характера – совсем безличный, и пьяный только хнычет, плачет и просит прощения у всех, но в то же время и денег “на похмелье”, которое у него никогда не проходит. Тихон Васильевич ..., зять Э.К. Огнева, муж старшей его дочери Александры Эльпидифоровны, был по виду Аполлон Бельведерский, завитой и надушенный фронт, полнейшая безвредность и ничтожество, но в силу общественного мнения о гениях-пьяницах, во всевозможных профессиях и классах, он не отставал в кабацких подвигах ни от кого, а еще старался превзойти других – и превзошел. Замучив жену до смерти, он сам кончил нищим на койке городской больницы, едва ли не менее сорока лет от роду. А вот Михайло Тимофеевич Мурза-Ханов, зять Макара Ивановича Макаренкова. Севши на готовое хозяйство тестя, он прекрасно повел дела, оправдывал доверие заказчиков, хорошо обходился с рабочим народом, сам чертил и составлял планы для иконостасов, добивался оригинальности и лучшего по силе своей исполнения дела (его проекта и подряда иконостас с живописью Алексея Андреевича Макаренкова, которая теперь испорчена возобновлением, находится в Спасовской церкви, на Консistorской улице). Этот прекрасный по своим душевным качествам человек так и по-

гиб преждевременно от пристрастия к отраве алкогольного яда. Он оставил жену и маленького сына без всяких средств на произвол судьбы и кучу неоплатных долгов разным рабочим, исполнявшим его подряды. Иван Афанасьевич Артюхов, этот чисто-плотный миниатюрист, с особенной тщательностью работавший преимущественно образа св. Митрофана, воронежского чудотворца, называл всегда своим пискливым теноровым голосом все предметы уменьшительным именем: “плоточек”, “галстучек”, “сюртучек”, “рюмочка”, “стаканчик” и т.д. Это был сладкозвучный певец, длинный, сухой, со впалою грудью, прямой, как палка, с черными волосами на голове и реденькими усами, с длинною шею и сильно выдающимся кадыком, особенно когда он вытягивал своим тенором высокие ноты в хоровом пении, в котором всегда упражнялись живописцы во время выпивки. Его тенор и бас Николая Алексеевича Дулова выдвигались более всех других голосов, составлявших полный гармонический аккорд хора”. Этот Иван Афанасьевич, служивший образцом аккуратности, но до скарденности скупой, копивший деньги так жадно, что из экономии кормил свою жену отдельно обедами со своего стола и все покупал дома, из маленькой лачужки, стоявшей в трущобе между холмами Чижовской горы, переселился в домик, купленный им на полугоре Ильинского бугра, оттуда перебрался в большой дом на Успенской большой улице Стрелецкого лоска. И, несмотря на такое скопидомство, он все-таки кончил тем, что вместе с женой пропил все до нитки, и умерли они, пьяные, под чужим забором на улице, в таком возрасте, когда свойственно человеческой природе входить в полную силу здравого разума и плодотворной деятельности себе и другим.

Афанасий Яковлевич ..., всеми любимый собеседник, весельчак, умница, начетчик и острослов. Он любил гостеприимство до того, что когда никого у него не было из гостей, он накрывал стол, устанавливал его десертом и винами с закусками, садился со своей женой, и начиналось между ними церемоннейшее потчиванье друг друга. Он обязательно менял свою квартиру каждый месяц, с единственною целью иметь новое знакомство. Кончилось все это опять раннею гибелью его через водку: он оставил вдову с кучею маленьких детей и без всяких средств к существованию.

Мне так грустно и тяжело идти дальше по этому, бесконечно длинному и однообразному пути воспоминаний, что я ставлю

“ Особенно в романсе “Под темным бором меж скалами / Обитель мертвая лежит...”

здесь точку, перевожу дух и добавляю, что из всей огромной массы зачумленных, отравленных ядом алкоголя живописцев того времени ни одна душа не осталась цела и невредима. Все они или давно уже сгнили в своих преждевременных могилах, или догнивают заживо, влача свое постыдное существование, представляющее собою позор и унижение для всего существующего общества". Неизгладимым пятном позора ложится на челе этого общества весь грех его бездействия против пагубной страсти пьянства и разврата.

Односторонняя забота современных просветителей темных народных масс, направленная лишь на то, чтобы дать как можно им развлечения и потехи, не вносит в эти народные массы желаемого света просвещения, а воспитывает в них и возбуждает одну жажду развлечения. Результатом такого направления народного воспитания в языческом Риме и было одно требование темных невежественных масс: "хлеба и зрелищ".

Нет! Довольно, мне кажется, для христианских народов развлекательных зрелищ! Ведь и так уже весь строй языческой жизни разбойнического Рима целиком вошел в жизнь многих христианских народов. Театры с порнографией, цирки с ристалищами и борцами – современными гладиаторами – только поддерживают и развивают дикие страсти, лежащие в природе человека. Пора бы, и давно пора, подумать современным просветителям народных масс о направлении их деятельности в другую сторону человеческой способности – в сторону умственного и нравственного развития. Пора дать ему не театры и цирки, а просветительные школы истинного знания, удовлетворяющие интересам свободного саморазвития всех умственных и нравственных его сил, которые бьются, как птички в клетке, не находя свободного выхода и, задыхаясь без света и без воздуха, умирают. Пора подумать о таких школах для народа, откуда выходили бы люди не такими изуродованными и искалеченными инвалидами, которые не могут держаться на своих ногах без костылей и посторонних подпорок, а чтобы из просветительных школ выходили здоровые, крепкие, способные и готовые к самостоятельному к свободному, самостоятельному труду работники, чтобы выходили бы из этих школ люди, не нуждающиеся в костылях и сторонних подпорках, как

** Необходимо заметить, что сравнительно с другими мастерами церковных дел: столбярями, резчиками, позолотчиками и др. живописцы всегда и всеми считались трезвыми, скромными и приличными во всех отношениях и ставились в пример для других.

бездушные деревянные манекены,двигающиеся чужою волею, а не собственною волею, с собственными самостоятельными действиями, как и подобает быть разумному свободному существу. Откройте же ему, прежде всего, очи разума и научите его читать не мертвые книги торгашеской фабрикации, а живую книгу видимой природы! Книги торгашеской фабрикации многочисленны и многоязычны, но разделяют они и разъединяют между собою всех людей, а книга живой природы – одна для всего человеческого рода, и язык ее дан для всех народов, всем понятный и доступный, а потому он объединяет, а не разъединяет людей.

Непонимание друг друга тормозит и останавливает работу. Живым тому примером могла бы служить даже наша бесплатная школа рисования и живописи воронежского кружка любителей, недавно открытая. Но об этом будет наша речь ниже, а здесь нужно досказать начатые мысли своих воспоминаний. Школа грамотности, научающая человека читать живую книгу видимого мира и понимать смысл читаемого в ней, открывает ему такой неисчерпаемый источник наслаждения питательной пищи для ума и сердца, в сравнении с которою все предлагаемые ему современными просветителями кушанья, в форме театров и цирков, существующих теперь, представляются грубою до отвращения подделкою, которая своею балаганщиной может забавлять и удовлетворять только маленьких детей, питающихся грудью кормилицы, и решительно не может быть здоровою пищею взрослому человеку. Никакие развлечения и забавы людей не служили и не служат им школою просвещения для их умственного и нравственного развития.

Но художественное развитие, как мне уже случалось говорить, идет у нас не по тому пути, как следовало бы. Сплошь и рядом встречаешься с печальными явлениями, подтверждающими это, и это явление в области рисования и живописи, к несчастью для воронежского края, а может быть, – и для всякого другого края, явилось в лице учителей рисования и разных дипломированных художников академии художеств, как это мы видели выше. Из нахлынувшей толпы художников в Воронеж, один только Платон Васильевич Васильев оставил свои работы в нижнем этаже Воскресенского храма. Его работы там – все иконы, и в иконостасе, и в киотах, которые делались в мастерской подрядчика Ев. Н. Назарова.

Но эти академические работы не внесли никакого нового света в невежественную тьму воронежских иконописцев и не сделали

на них внушительного впечатления. Они не были оригинальным творчеством свободной мысли художника, а были или компиляциями из известных гравюр, или простыми копиями из иллюстрированной “Библии Юлия Шнора”, недавно перед тем вышедшей из печати в продажу и всем хорошо знакомой. То же обстоятельство, что он придавал своим копиям жизненность строгим рисунком и законченностью драпировок с манекена, а также лиц, кистей рук и следков ног – с живой натуры и с гипсовых отливок, не было новостью для воронежских молодых живописцев “затейщиков”, “молодых стариков”, которые и до появления в Воронеже художников сами делали то же самое: писали драпировки одежд на иконах по манекену, а руки и ноги – по натуре и по гипсу.

Несравненно большее значение имели своими эффектными работами на пробуждение воронежских живописцев от вековой спячки не патентованный художник, а простой живописец Василий Степанович Макаров⁵².

Этот замечательный мастер явился в Воронеж со своим старшим братом, Александром Степановичем Макаровым, производить стенную работу живописи в Ново-Митрофановской кладбищенской церкви. В самом начале шестидесятых годов он так поразил всех своими блистательными эффектами выпуклых рельефных фигур в картинах, свободными размахами кисти, чудною музыкою цветовой игры, гармоническим ансамблем композиций всех своих картин, и простыми способами достижения всего этого, что воронежцы ахнули от изумления. Все зашевелились и началось брожение. Подрядчики наперерыв друг перед другом стали тянуть мастера В.Макарова каждый в свою мастерскую и заливать его водкою по обыкновению тогдашнего гостеприимства. Мастера и подмастерья искали дружбы с ним, наслаждаясь в тех же объятиях Бахуса и напрягая все свои силы на подражание в своих работах этому чародею В.С. Макарову. Между тем, воронежские купцы, состоящие церковными старостами, радея о благолепии своих приходских храмов и конкурируя друг с другом, предложили Макаровым другие работы. Окончив расписание кладбищенской церкви для купца Клочкова⁵³, В.С.Макаров перешел к купцу Мих. Рад. Михайлову⁵⁴ в Троицкий собор, который также покрыл весь, и внутри, и снаружи своими прекрасными по внешним эффектам картинами, задорными размахами широкой кисти. В то же время писались ими иконы для иконостасов, возобновлявшихся в том же соборе и других местах. Далее, Василий Степанович Ма-

каров стал переходить из одной мастерской подрядчика к другому и работать сдельно иконы по их подрядам. Но пьянство, пагубное убийственное пьянство, своим разрушительным ядом отравляя и сжигая все захватываемое в свои объятия, сделало то, что этот мастер, блеснувший молнией света в темном небе воронежских живописцев, быстро угас и не повторялся более ни на одно мгновение. Но впечатление его первоначального блеска сохранялось некоторое время в памяти молодых подростков и служило им отрадным воспоминанием восхитительного миража. До тех пор, пока держалась свежесть красок картин, очаровывавших зрителя, ими любовались все: они служили образцами для подражания молодым живописцам, их копировали по требованию заказчиков. Храмы эти были как бы Эрмитажами города Воронежа, куда приезжие из уездов любители живописи и мастера-живописцы со своими подрядчиками заходили любоваться и поучаться, давая на водку и на чай церковным сторожам за их труд отпереть церковь и сопровождать посетителей. Когда же церковная пыль и копоть парафиновых свечей легли на стены таким густым слоем, что явилась крайняя необходимость очистить со стен всю эту грязь, то экономные старосты, не имея никакого понятия о способах, безвредных для живописи, очистки, выбрали для этого дела не тех, кто знает это дело, а тех простых маляров и штукатуров, которые взяли за свой труд самую дешевую цену. И когда эти новые подрядчики со своими мастерами содрали и испортили живопись так, что оказалось необходимым ее “заправлять”, то маляры этих подрядчиков-штукатуров так хорошо и усердно “заправили”, что оставалось лишь слабое воспоминание о былом. Но все-таки воспоминание о былом осталось в кладбищенской церкви и до наших дней. В Троицком же соборе дело это повел купец-рыботорговец так усердно и основательно, что решительно ничего не осталось⁵⁵. Сначала, конечно, тоже мыли щелоком поташа, терли щетками и прочими энергическими способами, когда же содрали все, то заново все переписали, и так переписали, что стало очень больно видеть возмутительное безвкусие малярной мази там, где еще не так давно можно было любоваться и отдыхать душою. И этот варварский поступок сделал недрогнувшею рукою не маляр из местных богомазов, имена которых перечислялись мною выше в начале этих воспоминаний, а художник-академист Ланской, из города Ельца Орловской губернии, приезжавший оттуда в Воронеж на этот подряд и прельстивший заказчика академическим клей-

мом. Вышло, само собою разумеется, что за академическое клеймо нужно было платить деньги, и деньги немалые, и церковный ящик выплатил требуемую контрибуцию за невежество его распорядителей, и кроме этого, сам соборный храм города Воронежа лишился навсегда бывшего в нем сокровища художественных произведений талантливого живописца, который впоследствии и сам утонул в волнах алкоголя, при жертвенном возлиянии Бахусу, и ничего более не создал достойного его недюжинных способностей.

Так неизбежно мстит само за себя искусство рисования и живописи тому обществу, которое пренебрегает изучением его, игнорирует эту великую образовательную силу. Оно мстит за свое унижение обществу, поставившему его рядом с развлечениями и телесными упражнениями: пением, танцами, игрою, гимнастикой и пр., мстит тем, что все дары Божии, от природы заложенные в душу человека, не имея почвы для своего развития, чахнут и гибнут при самом начале своего самобытного восхода, бесполезно для жизни людей, для которой и посылаются в мир Создателем вселенной – быть светом истины и путеводною звездою к ней во тьме невежества; мстит потерю сокровищ и платою контрибуции за свое невежество.

V.

Итак, повторяю я, рисование и живопись, за пренебрежение к ним невежественного общества, мстят ему сами за себя; мстят невозвратною потерю общественных сокровищ и огромной контрибуцией даром бросаемых сумм и, к р о м е э т о г о, мстят бесплодную гибелью даров Божиих, лежащих во всякой живой душе человеческой и замирающих в ней, не пробудившись к жизнедеятельности. Невежество наше в деле рисования и живописи так велико, и равнодушие к ним так постыдно, что мы не считаем для себя позорным развлекаться какими угодно бессмысленными забавами, от карточной игры с безобразными попойками, до цирковой борьбы силачей исключительно, а при встрече с делом этого искусства не умеем не только ценить, но и смотреть так, чтобы видеть и понять что-либо в нем. Мы часто платим большие деньги за самые обыкновенные вещи, не имеющие никакой цены; принимаем за глашатаев истины ряженных шутов, патентованных пройдох и шарлатанов слушаем, разинув рот, как голос откровения; часто принимаем пустой болван за идеал, западаем перед

ним лицом в грязь и позволяем дурачить себя и обирать наши карманы решительно всякому бесстыжему проходимцу. В погоне за развлечениями и увеселениями мы так закружились, что в непреходимом вихре опьянения различных удовольствий потеряли всякий смысл своим поступкам, всякое здоровое понятие человека о делах и вещах окружающей текущей жизни. Наш умственный и нравственный сон так глубок и сладок нам, что всякий призыв к пробуждению считается неслыханною дерзостью, звучит оскорблением, требующим суда и кары. Кто он такой? Откуда? Как он смеет?! По какому праву?!.. Нам так сладко и приятно, и спокойно спать под бумажным колпаком, плавать в облаках табачного дыма и парах алкоголя, наслаждаться чудными чарами грез, под толстою броней защиты золотого тельца, что мы готовы принимать с распростертыми объятиями не только лицо с бумажкой об успехах, но довольствуемся и одним его заявлением, что он, будто бы, где-то, кем-то патентовался, только бы нам лично не напрягать отуманенные мозги на проникновение в суть самого дела. Но ведь с таким индифферентизмом к сущности дела, с таким младенческим доверием к бумажкам теряются сразу и голова, и кошелёк. Все это часто обменивается нами на такую ничтожную грань, которую стоило бы лишь выбросить в сор.

Мы видели гибель ценных произведений живописи таких художников, как Величковский в городе Острогжске, Воронежской губернии; знаем о непоправимой порче живописных работ Боровиковского в селе Тишанке Бобровского уезда Воронежской губернии, которые отдавались там местному маляру Николаю Федоровичу для копирования с них снимков по заказу епископа Серафима. Этот усердный копиист по своему неразумию думал, что хорошую копию можно сделать не тогда, когда будешь уметь рисовать и писать, а тогда, когда узнаешь, на чем и ни каком грунте и какими красками сделан оригинал. Приступив к исследованию этого дела, копиист узнал, что Боровиковский написал свои образы на медных досках, что грунт под живопись был красного цвета, и так далее – все в этом роде физико-технического исследования. Но ведь для этого научного исследования необходимо было содрать все последовательные наслоения красок в оригинале, от лицевой поверхности до грунта включительно?! Конечно, это понятно само собою. Точно так же понятно и то, что содрать все это сможет всякий поденщик с улицы, но восстановить содрванное в прежнем виде не мог бы уже и сам творец оригинала Боровиков-

ский. Копии же, которые делались для преосвященного Серафима, оказались такого достоинства, что, привезши их в Воронеж, сам этот добросовестный копиист никак не мог решиться показать их заказчику, а предварительно прибегнул с покорнейшей просьбою к местному здесь живописцу, чтобы он переписал их здесь по памяти, заочно, так, чтобы можно было сдать их с рук и кое-как, с грехом пополам, развязаться с ними. Итак, гибель этих ценных вещей в воронежском крае мы видели и знаем. Погибли в самом Воронеже работы Василия Степановича Макарова в храме на Ново-Митрофановском кладбище и в Троицком соборе; а также и в Благовещенском соборе Митрофановского монастыря погибло много ценных живописных работ старинных местных мастеров, а в том числе также и работа Боровиковского, изображавшая образ Антония и Феодосия Печерских, которая служила оригиналом для всех мастерских в Воронеже.

Все это исчезло в монастыре во время его перестройки по новому плану⁵⁶ в бытность воронежского владыки Серафима, хор которого славился на всю Россию. Исчезло все это по излишнему доверию этого любителя вокальной музыки. Величественный и грандиозный вид с красивыми изломами уступов и выступов старинного иконостаса, с оригинальной живописью старинных местных мастеров, работавших со страстью чистосердечной любви к делу и с благоговением искренней веры, заменился довольно ординарным иконостасом с шаблонною работою живописных копий мастерской петербургского подрядчика Тюринова⁵⁷, имеющего академический диплом. За всю эту порчу старинного величия и красоты и уничтожение ценности местной старины, а также за неоправдавшееся доверие монастырь должен был уплатить большую контрибуцию.

Сейчас передо мною лежит 139 № газеты “Московский Вестник” за 23 мая 1898г., где под рубрикою “Провинция” читаю следующее: “*Киев (порча Владимирского собора)*: Не прошло еще двух лет со дня торжественного освящения Владимирского собора, а уже газеты говорят о порче заключающихся в нем художественных произведений, составляющих, по мнению художественной критики, эпоху в деле развития русского религиозного искусства. Недавно один из местных обывателей, зайдя на хоры Владимирского собора, был поражен и возмущен следующим зрелищем: на полу, сейчас при входе, у мраморных перил придела во имя св. кн[язей] Бориса и Глеба, сидел один из соборных сторо-

жей и, на глазах собравшейся толпы любопытных богомольцев, смелой рукой “реставрировал” те орнаменты, над сочинением которых когда-то так любовно трудился В.М. Васнецов⁵⁸. Нечего и говорить, что от контуров орнамента под рукою “вдохновенного живописца” не осталось и следа и, несмотря на все приложенное старание, ему “так и не удалось подобрать колера под Васнецова”, как объяснял впоследствии сам наивный реставратор. Те, кто умеют ценить произведение искусства или хотя бы только уважать человеческий труд, поймут, что должен был испытать человек просвещенный, искренне преданный искусству вообще и в частности уважающий талант Васнецова. Лицо, случайно бывшее свидетелем описанной сцены, не осталось безучастным зрителем и, полагая, что сторож от лишнего усердия действовал без ведома соборной администрации, дал знать кому следует о замеченном им упущении, указав при этом на необходимость немедленного исправления испорченных мест более сведущим живописцем, коих найдется немало, даже среди учеников местной рисовальной школы”. Далее газета приводит целый список из более крупных повреждений в соборе.

Прочитав это газетное уведомление о современном варварском обращении с ценными художественными произведениями в таком большом и богатом городе, как древне-русская столица Киев, мы, перед этим красноречивым свидетельством современной тьмы неведения, покрывающей умственный горизонт человечества наших текущих дней, невольно спрашиваем самих себя: чего же мы, воронежцы, ищем в давнопрошедшем воронежского края? какой пощады, защиты и мощи себе могут ожидать в современном обществе все те начинания, которые вытекают из бескорыстного сердца, чистой совести, святой любви и всеобщего доброжелательства? Где почва для всхода и роста этих духовных семян в среде всеобщего поклонения золотому тельцу в храме Меркурия?

Мы видели уже выше, что дал воронежскому обществу сам собою прежний подрядческий строй местных живописных мастерских. Видели, как эти мастерские исполняли работы, учили учеников, кормили, поили, одевали и обували дармоедов-работников, и что случилось с самими хозяевами этих мастерских, когда ушли от них эти “дармоеды” и стали работать и жить сами по себе, исполняя в своих квартирах работы заказчиков во всю силу любви, понимания и способности к делу, без тормозяще-

го вмешательства расчетов хозяйской экономии. Эта свободная самостоятельная деятельность настолько подвинула их по пути самосовершенствования, что, по смерти Платона Васильевича Васильева, оставшиеся неоконченными живописные работы по подрядам Евсигнея Назаровича Назарова были переданы им для окончания одному из этих “молодых стариков”, квартировавшему тогда близ Мещанской части. По окончании этих работ подрядчик Назаров не ездил более в С.-Петербург за художниками Академии художеств, а все последующие живописные работы по своим подрядам всегда передавал для исполнения этому же неизвестному самоучке-живописцу, и всегда выдавал ее своим доверителям за работу академическую, очень дорогой цены^{***}. Другие из этого кружка молодых живописцев, “трезвенники” Иван Ильич Вознесенский и Петр Александрович Соколов, поселившись, по переезде из Воронежа, на своей родине в городе Ельце, были встречены там очень недружелюбно богатыми художниками Академии художеств: Остроуховым, Лялиным⁵⁹ и Ланским, и еще какими-то – не помню, которые старались удержать за собою первенство монополии живописных работ, но оказались настолько слабыми сравнительно с этими юными бедняками-самоучками, что должны были обращаться к ним же за помощью в решении трудных для них вопросов по этому делу. Все молодое, жаждающее учиться, работать, сразу примкнуло у этим молодым юношам, с горячей любовью относившимся к своему делу и с братским доброжелательством ко всем обратившимся к ним.

В тоже время появился в Ельце заграничный художник - француз из Парижа г. Бертен (или Бертенг), замечательный мастер и прекрасной души человек, как отзывались о нем наши Вознесенский, Соколов и другие. Этот г. Бертен сердечно полюбил молодых живописцев города Ельца и с радостью делился с ними своими научными познаниями в деле рисования и живописи. Он посвящал их в тайны творчества своих композиций и картин и в законы цветовой гаммы живописных красок, для полного аккорда их гармонии.

Богатые купцы города Ельца, состоявшие церковными старостами местных храмов, конкурируя между собою в усердии бла-

^{***} Точно так же поступали и другие подрядчики, обратившиеся к нему со своими заказами: Никол[ай] Ник[олаевич] Лысиков, Мих[аил] Васил[ьевич] Моляренко и многие другие.

голепия “дома Божьего”, придумали**** поручать все живописные работы не в одни руки подрядным способом, а делить всю работу на столько частей, сколько оказывалось в наличности лиц, желающих участвовать в исполнении работ, без всякого предпочтения друг перед другом и богатых патентованных академиков, и бедных бесправных самоучек. Этот оригинальный и разумный порядок производства работ сразу же показал всю практическую выгоду, как для самого дела, так и для распорядителей его. Достоинство самой живописной работы возвышалось уже само собою по той необходимости, что всякий участник в деле работал как бы на конкурс, а потому из всех сил тянулся не остаться сзади других, а по возможности старался выдвинуться вперед, для оценки же дела доверителями такой порядок представлял самое легкое и удобное дело рассмотреть выставку рядом стоящих работ всех участников сразу и одновременно. Победителями оказывались и в этих случаях не дипломированные художники Академии, а все те же самоучки: Ив[ан] Иль[ич] Вознесенский, Петр Александр[ович] Соколов и Петр Алексеевич Трубицын. Соколов и Вознесенский были приглашаемы преподавать в классах рисования девичьего монастыря и других мест города Ельца, где требовалось это искусство. Художник [из] Парижа француз Бертен не участвовал ни в каких живописных работах города Ельца и жил одиноким изгнанником, тоскуя по своей семье, оставленной им во Франции. Что касается его бегства с родины, он, говорят, рассказывал о какой-то там дуэли, в которой он убил своего противника, и образ этого убитого им человека преследовал его неотступно везде. Написанная им в Ельце картина “Воскресение Лазаря” произвела небывалый фурор.

VI.

“Всякое дерево познается по плодам его”, говорил Христос, “не может плохое дерево приносить плоды хорошие и хорошее дерево приносить плоды плохие”.

Мы видели в предыдущих показаниях наших воспоминаний, какие плоды приносит людям современный культ золотого тельца. Видели, как за его наружным блеском всегда кроются страдания и смерть тому, кто имеет несчастье попасть в петлю его пагубной сети.

**** Мысль эта, конечно, принадлежала молодым живописцам, желавшим показать нелепость слепого поклонения патентным индальгенциям.

Всем хорошо известно и то, как в мире дохристианского язычества люди не знали другого образа жизни и отношений между собою, кроме дикой звериной борьбы насилия и коварной лжи, лукавого торгашества лицемеров, и к чему привел людей такой порядок жизни. Жившие мечом гибли от меча же, а лукавое торгашество кончало банкротством.

Веселый, светлорадостный певец наш воронежский, А.В. Кольцов – и тот отметил эту вечную божескую истину таким стихом:

Где пройдет коварство
С злобою людскою –
Там в обломках царство
Зарастет травкою.

И вот, несмотря на заповедь любви и то, что уже истекает XIX столетие, как существуют на земле не только христианские общества, но и целые народы, храм Меркурия с золотым тельцом так же властно царствует, как и в дохристианскую эру язычества. Тунеядное лихоимствующее торгашество венчается славою и честью, ставится в образец всем и везде и коленопреклоненные обожатели поют ему неумолчные гимны и воскуряют фимиам из своих лукавых сердец. Чистая же преданность бескорыстной братской христианской любви, готовой отдать и отдающей последнюю рубаху или копейку, добытую долгим трудом кровавых мозолей на помощь просящего брата, является анахронизмом для современного человека. Показывают пальцами вслед на такого человека, как на редкого безумца; а когда получивший братски христианскую помощь окажет своему благодетелю жестокую неблагодарность, которую не всякий может перенести, все единодушно восторгаются удачею “дельца” и единогласно восклицают: “Так этаких дураков и надо учить, пусть рта не разевают”.

И все смотрят на такого “дурака” с презрительною насмешкою и отворачиваются, как от дряни, никуда и ни на что не годной, или же с притворным участием желают лишь и себе поживиться чем-либо от “дурака”. Дельца же – учителя дураков, ставят на пьедестал, как свет миру, и кадят фимиамом, как божеству. Как же на такой почве общественной и частной жизни не зарождаются, не развиваются и не процветают банки, ломбарды и ссудным кассам – с одной стороны; и голой голодной нищете – с другой? И где же тут место для любовной доверчивости и прочного соединения людей между собою, без которого не может быть никакой твор-

ческой жизненной силы, а будет только разрушительная смерть всему тому, чего коснется такой порядок вещей?

В начале своих воспоминаний, говоря о петербургских художниках, я сказал, что Васильев не вынес удара дружеской руки и, примачивая боль сердца алкоголем, сделался жертвою Бахуса и умер в воронежской городской больнице.

Эта печальная история гибели человеческой жизни может быть одним из бесчисленного ряда фактов, подтверждающих истину мысли о невозможности иной жизни на почве человеческих отношений нашего времени, а потому привожу здесь этот факт с более ясными подробностями.

Платон Васильевич Васильев, вывезенный из Петербурга вместе с Корнеевым и Чесменским подрядчиком Евсигнеем Назаровым, с первого шага на воронежской почве встретил здесь своего товарища по классам Академии, которому он помогал там своими работами получить кое-как академический диплом, как человеку слабому и не желавшему продолжать безнадежный для него путь художественной деятельности, а желавшему пуститься в коммерческие предприятия и реализовать свой академический диплом в эксплуатации общественного невежества.

Свидание товарищей было неожиданно и очень трогательно дружеское, с крепкими объятиями и горячими лобызаниями. Дела художника-афериста были плохи: требовались, кроме академического диплома и жены, бывших у него в наличности, деньги на обзаведение хозяйства и чем больше, тем лучше; а денег-то этих у него и не было.

Платон Васильевич стал работать по подрядам своего патрона Назарова, и первая партия его работы икон была сработана в соборный храм города Задонска, где покоятся мощи св. Тихона. Заработанные им здесь деньги он думал употребить на окончание своей академической “программы”, которая была уже им начата по утвержденному академиею эскизу, изображающему “бой римских гладиаторов” или “олимпийские игры”, на академическую тему. Со счастливым выполнением этой академической программы на большую золотую медаль (малую золотую медаль и серебряные малые и большие Васильев уже имел) связывалась для Васильева вся будущность художественной деятельности, как ее понимала тогдашняя Академия и ее ученики. По получении большой золотой медали за свою программу, Васильеву предстояло обычное в таких случаях путешествие за границу на казенный

счет для усовершенствования своей специальности на несколько лет (историческому на 5, баталисту или жанристу на 3 года), получая с казны от 300 до 500 червонцев в год.

Имея эту единственную цель своей жизни впереди, как ученик Академии по исторической живописи, Васильев и думал только о своей “программе” и для окончания ее копил деньги, зарабатывая их иконами от подрядчика Назарова. Узнав об этих денежных сбережениях Васильева, его нуждающийся друг, художник-аферист И.М. С[аломатин] попросил у него эти сбережения себе на короткое время – сделать какую-то выгодную, по его расчетам сделку – и затем, конечно, обещал возвратить деньги с великою благодарностию. Васильев с радостью пошел на помощь другу и с любовью детской доверчивости отдал ему свои сбережения и, кроме того, стал работать ему по его подрядам иконы в “мастерской живописной и фотографической”, открытой аферистом на широкую ногу, отказавшись предварительно от всяких благодарностей и вознаграждения, а также и от бумажных обязательств со стороны дельца-друга, кроме одного словесного братски-кейного договора – не задержать ему, Васильеву, окончание программы, когда придет на то пора.

Но когда пришла пора приняться Васильеву за эту программу и он обратился к другу за своими деньгами, то этот друг не только не признал себя должным возвратить взятые деньги, но приказал еще своим рабочим вышвырнуть Васильева из второго этажа своей квартиры по крутой лестнице вниз на улицу. Эту операцию холопское усердие исполнило так неловко, что Васильев навсегда лишился способности действовать большим пальцем на левой руке; он у него оставался согнутым в крючок и торчащим в сторону, как сук дерева, без чувства и движения.

Оскорбленный и поруганный в святом чувстве братской любви и детской доверчивости, Васильев, изувеченный и выброшенный ночью на мостовую улицы, как шенок, попал прежде всего в гостеприимный кабак и жадно прильнул к исцеляющей, как он думал, влаге алкогольного яда. Далее, потеряв рассудок и превратившись в разъяренного дикого зверя, изорвал в клочья свою начатую академическую программу, окончить которую к назначенному времени академического конкурса не имел ни денег, ни времени, ни надежды. Далее падение его шло все ниже и ниже и скоро свело его в преждевременную могилу. Раздражительность его после случившегося с ним обмана разрослась в таких

болезненных формах и размерах, что достаточно было самого незначительного, ничтожного повода, чтобы превратить его из спокойного и умного кроткого человека в яростного бешеного безумца, который не помнит и не понимает своих поступков. Так, например, зашел в его мастерскую священник-благочинный той церкви, в которую были написаны им местные иконы в иконостас: Христос и Богоматерь на двух отдельных досках липового дерева, большого размера. И стояли обе эти иконы открытыми для зрителей. Зрители любовались иконами вместе со священником, который в качестве заказчика стал делать какие-то замечания самого младенческого неведения, но Васильев взбесился и, потеряв всякое самообладание, схватил топор и начал кромсать работу в шепки.

Само собою разумеется, что иметь деловые сношения с таким несговорчивым художником не только неприятно, но и опасно. То ли дело художник-аферист, всегда мягкий, уступчивый, уважительный, готовый приказать своим работникам всякую минуту переделать что угодно и как угодно по желанию заказчика. “Душа человек!”, восклицают пьяные гости, уходя от подобного дельца-подрядчика.

Казалось бы, такому “человеку-душе” только бы жить да поживать, копить да наживать, а вышло опять-таки то, что лихоимство кончилось банкротством. Ни “фотографический павильон”, ни “мастерская живописная, принимающая все заказы церковных дел”, ни большие строительные подряды художника-дельца, ни даже приданое второй жены его – не спасли его ни от сумы, ни от тюрьмы, ни от постыдной пьяной смерти⁶⁰.

Под этим мрачным небом слепого невежества грубых торгашей, задыхающихся в смрадных клоаках предательского барышничества, копошащихся в клубах табачного дыма и алкогольных паров, при жертвенных возлияниях Бахусу, каким ярким неугасаемым светом горит святое, чистое от житейской грязи, лицо незабвенного Димитрия Козьмича Макаренкова. С работниками своими он и друг, и брат, и товарищ; с учениками он нежно любящий отец, разумный педагог и воспитатель; для обездоленных вдов и сирот у него приют и убежище. Он всегда и со всеми вместе ест, пьет, работает и отдыхает. Всегда веселый, ласковый шутник и комик, со всеми ровный и со всеми одинаково внимательный, он ничего, никогда, никому не приказывает и ничего ни от кого не требует. В своих обращениях к окружающим его лицам он или

любезно предлагает, или душевно советует, или кротко и ласково просит. Лицо его – корявое, в морщинах, коротко стриженные волосы на голове торчат щетиною, усы, борода – бриты. Движения его всегда были легки и быстры, речь негромкая, но очень скорая, быстрая. Когда он кликал свою жену Анну Порфирьевну, то всегда это имя и отчество сливались у него в один выговор: “Анфрина” и уже в этой форме звучало в пространстве. Эта “Анфрина” была тоже замечательная женщина: она составляла полную гармонию своему достойному мужу: скромная, кроткая, тихая, ласковая и приветливая хозяйка, трудолюбивая и домовитая, внимательно заботящаяся о всех живых существах, окружающих его. Это разумное любовное сотрудничество и скромная жизнь мужа и жены давали им полное довольство спокойной тихой жизни и вызывали со стороны злых людей зависть и скрытую злобу, которые бесследно тонули и гасли в общем уважении и почтении всего города к этим достойным людям. Эта единственная мастерская, которая могла бы называться не только школою рисования и живописи, но и школою разумной жизни человека, школою трезвости и трудолюбия, школою нравственного братского сотрудничества людей, связанных между собою не кровавою нуждою и физическим насилием, не эгоистическим расчетом лукавой политики, а святою любовью и искренним уважением друг друга. Эта мастерская была не коммерческое предприятие гешефтмакера, эксплуатирующего рабочую силу и высасывающего из нее все жизненные соки, – нет, это был маленький кружок братски-товарищеской ассоциации в лучшем – христианском смысле этого слова. Это был как бы зародыш того, что желали создать в Воронеже молодые живописцы, погубившие хорошее начало только тем, что не могли еще освободиться тогда от пагубного предрассудка, который требовал класть в основание дела непременно мертвый капитал – деньги, а не живую силу честного труда, святой любви, чистой совести и братского доверия друг к другу. “Ищите прежде царствия Божия и правды Его, и все прочее приложится Вам”, говорил Христос своим ученикам; но люди, при своем начинании общественных дел, или не верят в эту истину Христовой речи, или забывают взять ее в основу своего предприятия, а потому и предприятия их рушатся и гибнут, как постройки на песке, подмытые дождем.

Димитрий Козьмич Макаренков, со своими сотрудниками и учениками иконописной мастерской, представлял собою редкое

явление исключительных порядков того времени. Жестокая строгость властного рабовладельца – с одной стороны, и трепещущая безличная холопская покорность – с другой, делали отношения людей между собою озлобленными, а жизнь – страданием; попадавшие же в мастерскую Дмитрия Козьмича Макаренкова сразу чувствовали себя переселившимися в другой мир: в мир тихого покоя, полного довольствия, сладостной радости и мирного душевного блаженства. Все грубое, дерзкое, пьяное, безумное, неприличное, оскорбительное и лживое – не имело здесь места. Все находившиеся в этой мастерской люди: и старые, и молодые, сливались в одну единоклубную родственную семью и связывались между собою лишь святою любовью и взаимным уважением. Каждому предоставлялась здесь полная свобода действий по его личному разуму и совести. Всякий мог свободно работать, что угодно, сколько угодно, когда угодно и как угодно. Никто не слышал здесь властного голоса хозяина, требующего, приказывающего, взыскивающего, упрекающего, повелевающего – нет, он всегда здесь, но голос его звучит совсем другими нотами.

Он или рассказывает какую-либо интересную и поучительную историю, или смехотворное комическое приключение, или решает какой-либо вопрос недоумения, или что-либо любезно предлагает, или душевно советует, или ласково о чем-либо просит. Казалось бы, при таком порядке ведения дел, должна быть полная распушенность нравов и анархический беспорядок с материальными убытками для мастерской; но нет, выходило все как раз наоборот. Содержание общего семейного стола всегда было так роскошно, что всякий день казался торжественным праздником: послеобеденные отдыхи продолжались каждым отдельным лицом сколько ему угодно; кроме этого, часто бывало среди недели, в какой-либо из рабочих дней, вся мастерская, во главе самого Дмитрия Козьмича, отправлялась гулять на зеленый луг реки Битюга и предавалась там свободному наслаждению красотами природы, сколько угодно и как кому угодно. Кто рисовал и писал с натуры, кто играл в мяч, кто ловил рыбу или катался на лодке. Сам Д[митрий] К[озьмич] был страстный охотник удить рыбу, как и его отец Козьма Герасимович, очень древний старичок, не могший уже работать по живописи (глаза плохо видели и руки сильно дрожали), а потому он буквально жил в лодке на реке с удочками. Уходил он из дому рано на утренней заре и возвращался поздно вечером.

Это очень беспокоило Дмитрия Козьмича, он опасался за жизнь старика, но как он ни хлопотал ослабить эту страсть отца – не мог этого сделать; а еще и сам, к концу своей жизни, превратился в такого же водяного жильца-рыболова, к прискорбию своей доброй жены.

Другое огорчение и тяжелые хлопоты являлись для Д[митрия] К[озьмича] со стороны его младшего брата Ивана Козьмича, женатого, с большою кучею детей и очень пьющего человека. Само собой разумеется, что и сам Ив[ан] К[озьмич], и его семья были всецело на попечении Дм[итрия] Коз[ьмича] и Анны Порфирьевны. Кроме этой заботы, на руках Дмитрия Козьмича жила овдовевшая сестра его Секлетей Козьминишна с детьми – дочерью и двумя сыновьями. И все это было и накормлено, и напоено, и обласкано приветом доброй души Дмитрия Козьмича и Анны Порфирьевны и не нарушало общей гармонии мирной, спокойной, разумной и радостной жизни этой замечательной мастерской. Если в эту мастерскую попадал случайно человек настолько испорченный, что, вместо лично самоисправлениями окружающими примерами, он казался вредным для других, то в таком случае Дмитрий Козьмич с искренним сожалением давал ему полный и щедрый расчет и с извинением объявлял, что в мастерской нет больше работы для него. Для всех свидетелей подобного расчета было очень ясно, что это удаление из мастерской есть изгнание из рая недостойного быть в нем грешника.

Это же самое всегда чувствовал и сам удаляемый; но, не имея причин жаловаться на других, безропотно повиновался решению. При расчетах Дм[итрий] Коз[ьмич] никогда не вычитал никаких гулевых дней, как это везде и всеми делалось, а платил за все сплошное время полностью и, кроме того, прибавлял еще сверх условной цены на дорогу, если провожаемый был со стороны.

При всей этой невероятной теперь щедрости, он считался тогда всеми очень богатым человеком, почитаемый и уважаемый всеми лучшими людьми города Боброва и властями Хреновского казенного коннозаводства, где он много работал портретов ценных лошадей и в этом деле удачно конкурировал там с петербургскими художниками-специалистами, являвшимися там для этой же цели – писать лошадиные портреты. По словам самого Дмитрия Козьмича, эта работа давала ему хороший заработок.

VII.

Из учеников Дмитрия Козьмича Макаренкова помнятся: Иван Николаевич Харламов, впоследствии художник Императорской Академии, Гавриил Петрович Посельский, посланный им вместо себя в город Керчь для исполнения там живописных работ в каком-то местном храме и так блистательно исполнивший порученное ему дело, что навсегда остался жить и работать в г. Керчи; Тимофей Яковлевич Алексеев, крестник Дм[итрия] Козьм[ича], последний был сыном острогожского живописца Якова Петровича Алексеева и настолько был забит муштровкою строгого отца, что все хорошее в нем заморозилось и окаменело так безнадежно, что не могло уже оттаять и при теплом живительном свете мастерской Дм[итрия] Коз[ьмича] Макаренкова. Вследствие этой безнадежности сделать из него мастера работника, Дмитрий Козьмич помог ему стать хозяином: передал ему одно из своих дел и для исполнения этого дела отпустил с ним из своей мастерской надежного мастера-товарища.

Окончив эту первую работу и, по обыкновению в подобных случаях, получив одобрительный аттестат, Тимофей Алексеевич с этим аттестатом стал принимать другие подряды живописных дел, передавая их для исполнения мастерам, случайно и попутно попадавшимися ему под руку. Таким случаем работал иконы по подряду Алексеева в Харьковской или Полтавской губернии Илья Ефимович Репин⁰¹, известнейший теперь профессор и ректор Императорской Академии художеств. Еще учеником мастерской Макаренкова был Алексей Николаевич Нестеров, бывший впоследствии учителем рисования сначала в каком-то уездном городе (не то в Павловске, не то в Богучаре) Воронежской губернии, а затем в воронежской классической гимназии, как и Василий Алексеевич Лебедев. Далее он, как сын богатого кабатчика, вышедшего впоследствии в купцы, вел с отцом своими торговые операции, а затем стал воронежским нотариусом, где и кончил несостоятельностью в современном духе. Еще был ученик Алексей Яблочкин, преобразившийся впоследствии в сельского дьякона. Один из племянников Дмитрия Козьм[ича], Иван Павлович Яровенко, сын сестры, находится в настоящее время в Боброве и занимается живописными церковными делами.

Дмитрий Козьмич Макаренков, кроме рыболовной охоты удочками, любил еще музыку и сам очень старательно упражнялся на скрипке. Брат его Иван Козьмич хорошо играл на гитаре; к этим двум инструментам присоединялись еще гусли, на которых

отличался Тимофей Яковлевич Алексеев и другие. Все это, вместе взятое, составляло стройный оркестр, которым всегда дирижировал сам Дмитрий Козьмич. Само собою понятно, что этим оркестром концерты задавались очень часто и в слушателях недостатка не было: они всегда теснились и во дворе, и на улице.

Был еще в городе Боброве, одновременно с этим, другой живописец, тоже переселенец из города Острогожска и родственник Дмитрию Козьмичу по умершей жене, Иван Васильевич Андрущенко. Это был болезненный человек, маленького роста, с огромным брюхом, на коротеньких ножках, с прямыми волосами на полуплешивой голове в кружок, с круглой полуподстриженной бородой и вечно зло смеющимся круглым лицом. Вся его фигура была похожа на шар или на комок, катающийся по дороге.

Как живописец, он был плохой мастер, но сам о себе был он такого высокого мнения, что не мог никогда, нигде и ни от кого равнодушно слышать похвалу кому бы то ни было, кроме его самого. Особенно он не мог выносить яркого блеска достойной славы мастерской Дмитрия Козьмича Макаренкова.

Одно напоминание этого имени приводило Ивана Васильевича в такое яростное бешенство и вызывало в нем такое отчаянное неистовство, открывало с его всегда сквернословного языка такую клоаку грязной циничной брани, что непривычному в подобным вещам человеку делалось до ужаса жутко и до омерзения отвратительно. Скучающие торговцы базарной площади, где вечно разгуливал со своей неразлучною балалайкою Иван Васил[ьевич], любили потешаться его слабостью бессильной злобы и дразнили его, как мальчишки щенка.

Жалкий этот человек имел единственного сына Алексея и на нем одном сосредотачивалась вся сила любви, какая была в его больной душе; все свои заботы он клал на воспитание своего "Алешеньки", предполагая в нем какие-то гениальные способности к искусству рисования и живописи, и до экстаза восторгался будущею победою над Димитрием Козьмичом своего гениального Алешеньки. Он так боялся утратить свою надежду на победу, что никогда и никуда не отпускал со своих глаз Алешеньки, чтобы его где-либо и кто-либо не испортил. Ему даже стало представляться, что против него весь город в заговоре и всякий отдельный человек ищет погубить его гениального сына. Эта безумная любовь с злою надеждою на месть страшно тяготила мальчика, которому очень хотелось бывать в мастерской своего дяди Дми-

трия Козьмича; но он мог это делать лишь украдкой от отца и очень редко. Кончилось все это тем, что из “Алешеньки” вышел до невозможности плохой живописец и п о д р я д ч и к самого последнего разбора. Наконец, он перешел к чисто коммерческим предприятиям, и в последнее время был директором городского общественного банка в Боброве⁶²; при нем банк и крахнул.

В это же время, к которому относятся мои воспоминания, был в Боброве человек средних лет мещанского сословия, который жил портняжным ремеслом. Он шил преимущественно жилеты и штаны, но почему-то считал себя живописцем и непременно страстно желал и добивался, чтобы считали его живописцем и все другие люди. Для этого он всегда портняжил перед расставленным мольбертом с палитрой и кистями. Оставаясь один, он спокойно и бойко тачал и строчил иглою в привычной руке свои жилеты и штаны, но лишь слуха его касался шорох приближающихся шагов постороннего человека к его квартире, как вмиг вся портняжная работа комкалась в кучу и быстро пряталась на стуле под сидение, а в руки бралась палитра с кистями, и Егор Михайлович, как звали этого несчастного маньяка, возился с красками, хмурия брови и взъерошивая стриженные волосы на голове, чтобы они были похожи на волосы Дмитрия Козьмича, у которого они от природы всегда торчали на голове и густых широких бровях, как иглы дикобраза. Для этого Егора Михайловича величайшим счастьем и высшим наслаждением было посещать мастерскую Макаренкова и быть в кругу живописцев. Все знали его слабость и принимали его ласково.

Вспоминая об этом несчастном Егоре Михайловиче и о многом множестве подобных ему, томившихся ненасытною жаждою знания рисования и живописи, сторовших в пожаре своей страсти к этому делу, можно сказать, что они во всю свою жизнь, на протяжении многих лет, не встретили ни единой капли живой воды, которая могла бы утолить их жгучую жажду знания и оживить истомленную душу. И сколько есть великих других бесценных сокровищ, заложенных Богом в живую душу человека, и все они бесполезно гибнут и чахнут по темным углам и трещинам на всем пространстве необъятно широкой России, никем не замечаемые. никому неведомые, точно также, как и все богатства в недрах земли русской.

В наших бесконечно длинных воспоминаниях мы до сего времени не видели еще той школы рисования и живописи в воронежском крае, о развитии которой меня спрашивают лица,

интересующиеся этим предметом. Все, что мы могли до сих пор, было только “томление духа”, по выражению Соломона библейского; и куда бы ни посмотрели вокруг себя и как бы ни напрягали свое внимание – везде увидим только эту Соломоновскую “суету сует и томление духа”, а удовлетворения этому томящемуся духу нет, как нет! Если я назвал выше живописную мастерскую Макаренкова в Боброве школою, то это только сравнительно и относительно всего окружающего ее; в строгом же смысле школою рисования и живописи она не могла быть уже потому, что сам Дмитрий Козьмич Макаренков, при всей своей любви к делу и больших способностях, был поставлен в необходимость исполнять требования невежественных заказчиков, работать иконы по заказу подрядчика Михаила Васильевича Моляренка из слободы Алексеевки, – той самой Алексеевки Бирюченского уезда, которая своей богомазной фабрикацией переполняла все рынки и ярмарки городов и сел на обширном пространстве территории воронежского края (точно так же, как другая такая же большая слобода Бутурлиновка Бобровского уезда наполняет те же базары и рынки сапогами и башмаками своего производства). Он должен был работать портреты лошадей в казенном коннозаводстве села Хренового, – и все он должен был делать в полной тьме неведения, ощупью, спотыкаясь, отыскивая и приобретаая сам все входы и выходы, томясь и страдая чувством своего несовершенства и робея на каждом шагу колеблющейся почвы под его ногами. Все, что он мог взять себе в руководство – это опять-таки была та же тетрадь С.Д. Прейслера, изданная в С.-Петербурге в 1784 году, о которой я уже говорил в самом начале своих воспоминаний.

Явился в печати в 1832 году “Курс рисования А. Сапожникова”⁶³, в двух частях, обнимающий собою все то, что давала своим ученикам петербургская Академия художеств, – всю каллиграфию, которою обладали профессора Академии того времени, но этот “Курс рисования Сапожникова” так медленно подвигался из С.-Петербурга до города Боброва Воронежской губернии, что для этого потребовалось двадцать семь лет (27).

Вот как было это дело.

Ученик Дмитрия Козьмича Макаренкова, Гавриил Петрович Посельский, уехавший из Боброва для самосовершенствования в Петербург, чаявший от тамошней Академии художеств себе благ, как и многие другие стремящиеся туда, но будучи сыном девицы, а стало быть, незаконнорожденным, он не мог вкусить академиче-

ских благ в форме разрешительной индальгенции – быть свободным художником и эксплуатировать невежественное общество, а потому, оставаясь только мастером своего дела и честным работником, он, по предложению Дмитрия Козьмича взять живописную работу в городе Керчи, куда усиленно звали самого Макаренкова, приехал из С.-Петербурга в Бобров (свою родину) в 1859 году и привез с собою “Курс рисования Сапожникова”, его вторую часть, как более серьезную, где дается тридцатичастное деление человеческой фигуры, ее главный анатомический состав, трактуется о движениях и равновесии тел, дается понятие о перспективе и сочинении картин, как это понималось старою Академиею. Все это обильно и толково иллюстрировано прекрасными контурными рисунками и чертежами, с указанием облегчающих работу способов и приспособленных к тому остроумных приемов, чертежи которых помещены в том же курсе рисования. Все это, вместе взятое, делает этот “Курс рисования Сапожникова” очень интересным, очень дельным и поучительным, а потому и очень полезным руководством для школ рисования и живописи, если только такие школы явятся когда-либо у нас. Теперь же пока, к величайшему сожалению, еще раз приходится повторить, что для появления на свет Божий такой школы нет места, нет почвы для жизни ее зародыша, нет пищи и воздуха для ее здорового роста, а есть только удушливый смрад копоти с жертвенника перед золотым тельцом Меркуриева храма; есть бесчувственные, бесплодные, глухие и немые камни, вместо плодородной пашни живой Божией нивы душ и сердец человеческих.

Я уже имел случай говорить в местной прессе о том, что такое представляют собою существующие классы рисования в учебных заведениях с их учителями рисования; указывал на их вредный тормоз в ходе развития этого дела, как в общем, так и в частности; открывал по возможности корни тех причин, следствием которых являются неосуществимыми мечтами все желания, стремления и усилия лучших мыслящих людей нашего времени – поставить дело свободного самообразования человека на тот естественный путь развития, на котором не глохли бы, не останавливались, не умирали бы те дары Божии, которые посеяны в душе человеческой самим Создателем мира, но чтобы все добрые семена эти всходили, крепили, росли и приносили по роду своему плоды на пользу людям и во славу Божию.

Но мой слабый одинокий голос всегда был “вопиющим в пустыне” и, в этой безмолвной немой и глухой к истине пустыне

человеческого бездушья, в этом волнуемом море мелких страстишек и делишек личного эгоизма, в тумане паров алкогольного яда, терялся без отзыва голос мой и бесследно замирал.

Но пока теплится во мне еще хоть одна искра здорового разума, пока есть святая любовь в сердце и пока не бездушный труп в могиле, я не перестану вопить хотя бы и в пустыне, буду указывать на тот единственный путь, где есть спасение от гибели.

VIII.

Как бы ни было для меня больно касаться свежезияющих ран собственного сердца и как бы грубо ни колола правда глаза добрых людей, которых я люблю и уважаю, но все же я не вижу никакой возможности, оставаясь справедливым, искренним и откровенным, обрывать начатую песню, не дотянув ее до конца и малодушно сворачивать в сторону с прямой дороги к желанной истине.

Я не вижу более надобности продолжать идти далее путем своих воспоминаний и глубже рыться в архивной пыли гробового тления давно прошедших времен. Все равно, какой бы обширный круг ни захватили мы в своих воспоминаниях, везде нашему вниманию представляются все одни и те же печальные картины Соломоновской “суеты сует и томления духа”. Безумная ложь и ни единого проблеска радостного света Божеской истины, восторжествовавшей над этой ложью! Должна же быть этому причина. И она есть.

Идолопоклонники дохристианской эры молились своим обманчивым, пустым бездушным богам и воображали, что получаемые ими с неба от Отца небесного все блага жизни являются по их молитве от этих ложных богов. Этот обман поддерживали всеми средствами люди, считавшие выгодным для себя торговать этим обманом в невежественной среде.

Но прозревший разум человека увидел живого Бога и, отвернувшись от идолов, обратил свой взор с молитвою к небу.

Так пора поступить, и давно пора, всем томящимся жаждою знания какой-либо науки, а в том числе и рисования и живописи, по которым изнывает душа человека.

Везде и на всяком месте человек окружен живою природою: и небом, и землею, и всем, что в них и на них.

В самом человеке есть живая любознательность и способность мыслить, наблюдать, рассуждать, сопоставлять и делать заключительные выводы. казалось бы, чего еще надо человеку, чтобы, не путаясь по ложным путям, идти прямо к намеченной цели! Ведь

раскрытая книга живой природы перед очами разума человеческого всегда была, есть и будет единственным, ничем не заменимым, первоисточником для всех существующих наук и искусств, доступных наблюдению и изучению пытливого разума человеческого. А стало быть, человеку, желающему что-либо знать, нужно только хоть немножко обратить внимание на все окружающее его, немножко подумать, рассудить, всмотреться, увидеть и понять законы Божеские видимого мира и строго держаться их во всех своих делах и поступках, чтобы убедиться, что и руководство, и руководитель во всех разумных делах человека всегда и везде при нем и с ним на каждом месте Божьего мира, и бежать куда-то за поисками этого – не надо.

“Нет!”, кричат со всех сторон голоса лукавцев. “Нельзя человеку самому научиться чему бы то ни было и не должно самому учиться. Для этого прежде всего надо накопить денег, и как можно больше денег, не разбирая даже средств для накопления этих денег, а далее затем оставить место своей родины, покинуть родную семью, бросить свои привычные занятия и переселиться кочевать в незнакомой стороне, по чужим людям, отдать этим чужим людям и свои деньги, и самого себя, и они за деньги научат тебя всему, чего хочешь”.

И люди слушают лукавый голос искусителя и верят ему. Бросают все живое, рвут все связи святой родственной любви и скитаются по чужим краям с одного места на другое, развлекаясь и шалея в рассеянном кружении так, что не могут уже сосредоточиться сами за себя и здраво обдумать свое положение; не могут понять и разобраться ни в своих, ни в чужих делах и поступках и только могут как попугаи, повторять одни и те же слова и фразы, которые научили их произносить или механически исполнять привычное ремесло без всякого участия своего ума и сердца.

Другие люди, не имевшие возможности следовать призывному голосу лукавцев, бездействуя на своих местах, изнывают в отчаянии и надрываются в жалобах на свою судьбу, которая будто бы лишила их возможности истинного просвещения, где-то, кем-то продаваемого за деньги.

Это странное недоразумение, ставшее всеобщим предрассудком людей, так основательно ослепило их очи разума, что они уже не видят и не замечают таких бессмысленных парадоксов, примером которых может хорошо служить та путаница понятий, какая царствует в самом недре столичного света художественного просвещения.

Это солнечное ядро столичного света просвещения, на которое устремлены взоры и сердца чающих себе воды живой дум человеческих, есть Академия художеств. К ней влекутся неотразимою силою со всех концов обширного отечества молодые люди, и при ее богатых, даже роскошных средствах, со всевозможными удобствами, равных которым нигде нет во всей Европе, как об этом заявляет профессор И.Е. Репин в своей статье (“В защиту новой Академии художеств”, окт[ябрьская] книг[а] жур[нала] “Неделя” 1897), должно бы получиться полное удовлетворение и осуществление надежд стремящихся туда просвещаться, а выходит одно только недоразумение и неожиданный парадокс.

Академия художеств приготовляет в своих стенах рисовальщиков, живописцев, скульпторов и архитекторов для удовлетворения всем этим потребностям по всей России. Ученик Академии, за успехи по своей специальности получает денежные награды, малые и большие серебряные медали, малые и большие золотые медали и, наконец, право ехать за границу, на казенный счет, для совершенствования в своей специальности. Затем идут звания в последовательном порядке: академика, профессора и пр. По смыслу академического устава, живописец, получивший серебряные медали, малую и большую, признается ею вполне законченным мастером, умеющим в совершенстве рисовать и писать с натуры все предметы, входящие в круг его специальности. Если же Академия исключает кого-либо из списка своих учеников и из стен своего профессионального заведения, то, по смыслу того же академического устава это значит, что исключенный ученик не только оказался не способным оказать успех в избранном им деле, но признается Академиею навсегда безнадежным для этой специальности.

Но вот Академию оставил, как неуспевающий и безнадежный ученик по рисованию и живописи В.Верещагин⁶⁴, а когда этот безнадежный Верещагин устроил выставку своих картин, изображающих военные действия русской армии в Ташкенте, и когда эту выставку очень расхвалили в печати и за очень дорогую цену купили любители и ценители искусств, тогда и Академия искусств предложила, со своей стороны, В. Верещагину и академический титул художника и профессора. Но мастер В.Верещагин не принял академической чести, мотивируя свой отказ справедливым замечанием, что все награды и титулы Академии не помогают, а вредят в деле самосовершенствования художника-мастера; тор-

мозят и останавливают прогрессивное движение человеческой самостоятельности, порождая в нем гордое самомнение и воспитывая дутое чванство несуществующими достоинствами произвольной оценки присяжных ценителей.

Это заявление так больно укололо, что защитники Академии решились обвинять Верещагина в подлоге, говоря, что картины его выставки писаны не им – Верещагиным, а заграничными художниками. Заварилась соленая и крутая каша. Но правда осталась правдою, заграничные художники своими показаниями очистили Верещагина от грязной клеветы.

Еще раньше этого случая с Верещагиным, несколько человек академических учеников, с И.Н. Крамским во главе, разом вместе отказались от высшей академической награды, сами добровольно отказались от большой золотой медали, дающей право ехать за границу на казенный счет. Выйдя из Академии, эти молодые люди составили из себя товарищеский кружок и отдельными выставками своих работ ясно показали публике, что центр тяжести высшего качества художественной силы деятельности лежит не на стороне богатой материальными средствами казенной Академии, а на свободной деятельности честного разумного труда человека. А из этого уже само собою является заключение, что и авторитет академической власти в делах, решающих достоинство и недостатки художественной деятельности человека, перемещается в противоположную сторону от казенных ценителей, к свободным и беспристрастным лицам чистой совести, светлого разума и святой любви.

Несостоятельность академического авторитета в оценке художественной жизнедеятельности человека подтверждается большим количеством фактов, подобных вышеприведенным, к числу которых можно указать еще и последующий.

Всем известный теперь художник Виктор Михайлович Васнецов, будучи в семидесятых годах учеником Академии, был ею награжден серебряными медалями, что, по смыслу академического устава, означало, что Академия признает Васнецова законченным мастером, умеющим в совершенстве и рисовать и писать с натуры все предметы, входящие в круг его специальности. После такого торжественного признания достоинств за своим учеником, он вдруг оставляет Академию.

Но когда этот бездарный и безнадежный Васнецов, выброшенный на улицу Академиею за свою бездарную безнадежность,

расписал стены храма Владимирского собора в Риме, то Академия художеств любезно предложила ему профессорскую кафедру в своих гостеприимных стенах с подобающею в подобных случаях славою и честью.

Но эта академическая честь и слава не соблазнила честного труженика работника, он не принял предложения ходить в золотом хомуте, а остался свободным художником.

На всем протяжении пройденного пути наших воспоминаний, мы много видели печальных картин человеческой гибели. Мы не останавливались на них внимательно и не вдумывались в их смысл и значение. А между тем виденные нами явления окружающей текущей жизни достойны глубокого внимания мыслящего человека.

Маленькая рамка воронежского края, взятая нами в начале своих воспоминаний, не вмещает в своих тесных границах широкого вопроса о развитии рисования и живописи, и как мы ни старались оставаться в определенных границах, все же неизбежно цеплялись попутно и с соседними губерниями, и со столицами. И куда бы мы ни посмотрели, на всем пространстве обширного отечества нашему взору представляются все одни и те же картины.

Из темной невежественной безграмотной народной массы встают, поднимаются и выдвигаются вперед лица, жадно ищущие себе света истинного знания того дела, к которому влечет их природный инстинкт, бескорыстно любящее сердце с несокрушимым желанием именно вот того-то, а не этого. На путях искания своего идеала терпят они всякое унижение, оскорбление, холод, голод, мученическое страдание, и громадному большинству из них во всю свою, иногда очень долгую, жизнь не удается даже издали взглянуть на те произведения, о совершенстве которых они носят в душе своей чудные грезы свободной фантазии, навеянные им с раннего детства преувеличенными анекдотическими пересказами из десятых и сотых уст комом снега катящейся молвы. Во всю свою жизнь эти несчастные страдалцы, видевшие и копиравшие слепо-бессмысленно одни только гравюры, снятые с картин прославленных молвою художников, не встречают человека, который бы сердечно принял в них участие, открыл бы им истину указанием на живой оригинал окружающей их природы и научил бы их смотреть, видеть и понимать ее, как она есть, и разоблачил бы перед ними всю нелепость ребяческой фантазии о каких-то особенных великих мастерах и их гениальных творениях в момен-

ты вдохновений и о тех баснословных ценах на эти произведения, какие отсыплют им богатые люди, не знающие пределов удовлетворения минутного каприза своему горделивому чванству, конкурируя в этом с подобными же себе.

Богатые помещики, проживавшие свои огромные состояния в столицах и за границей, имели при своих дворцах не только труппы актеров и актрис, хоры музыкантов и певиц, клоунов и шутов с гаремами, а и картинные галереи с оригинальными произведениями различных мастеров. Но разве эти картины были доступны для обозрения и изучения доморожденным малярам-богомазам окрестного населения?! Об этом никто из них и думать не смел. До них, приниженных, робких и загнанных до потери самосознания человеческого достоинства, доходили только все те же нелепые басни об этих художественных сокровищах, стоящих так много, что молва об этом поражала ужасом воображение темного невежды и подавляла в нем способность здравого рассудка до такой степени, что если кому из них выпадало счастье взглянуть мельком, хоть в щелочку одним глазом на эти драгоценности, то он, не видя в них ничего необыкновенного, приписывал это своему непониманию и от этого только падал духом до отчаяния и опускался все ниже и ниже сам в собственных своих глазах, признавая свое беспомощное ничтожество. Да и как это могло быть иначе, когда часто и сами владельцы художественных произведений, считавшиеся высокообразованными и развитыми, стоявшими во главе всего цивилизованного общества, везде бывшие, всему учившиеся и всем правящие, расценивали и определяли достоинство картин только лишь количеством платимых ими сотен и тысяч рублей.

В воронежском крае подобного рода собраниями картин были следующие пункты: в слободе Алексеевке Бирюченского уезда, графы Шереметевы, в Сухих Гаях Воронежского уезда, в имении Павла Ивановича Савостьянова⁶⁵, в г. Воронеже у известного жуира Вигеля⁶⁶, подарившего шлюз воронежскому земству, у графини Канкриной⁶⁷, кварт[ировавшей] на Садовой улице, в доме бывшем Иванова, у княгини Горчаковой⁶⁸ на Большой Двор[янской] улице, и может быть, еще у многих других. Все это теперь рассыпалось на отдельные части и расплодилось в разные стороны. Существующие теперь воронежские коллекционеры Михаил Павлович Паренаго и Павел Григорьевич Беляев питались и питаются сами и потчуют по временам воронежскую публику на музейной выставке все теми же крупницами, попавшими к ним из

упомянутых выше источников богатого когда-то стола. Этот богатый стол, не был, однако, питательною пищею для окружающего населения живых душ; он, как мы видели, был заколдованным кладом и вредным источником нелепых легендарных сказаний чудовишной молвы, распространявшей собою не свет просвещения истины в пространстве невежественного населения, а смрадную копоть угара ложных представлений, в особенной фантазии мечтателей. Все это, вместе взятое, очевидно, не могло способствовать к развитию рисования и живописи в воронежском крае; оно только пригнетало самостоятельность личности, тормозило свободу движения индивидуальной инициативы и доводило человека до безнадежного отчаяния в своих силах. В одно и то же время оно, с одной стороны, разжигало желание стремиться вперед по влечению своего сердца, поднимая дух на высоту чудовишной мечтательности туманных представлений о всем слышимом из десятых и сотых уст пересказчиков, а с другой стороны – не давало мечтателю ни единой твердой точки опоры, чтобы встать на собственные ноги и своею внутреннею силою сделать хоть один шаг к желанной цели. Самая точка цели расплывалась в угарном чаду жертвенного дыма, курящегося перед золотым тельцом и принимало уродливую форму Иудиной мошны, вместо небесного света праведного солнца, без которого ни жизни, ни движения, ни красоты видимого мира не могло и не может быть.

Только прямой естественный, трезвый взгляд на дело рисования и живописи может очистить и рассеять опьяняющий туман существующего теперь недоразумения и ясно показать человеку, ищущему истинного смысла в этом деле. место, занимаемое живописью в ряду других существующих наук и искусств, нужных для развития человеческих способностей и занять свое человеческое достоинство в мировой цепи существ и веществ, а не путаться в отдельных звеньях этой цепи вместе с предметами своего потребления в обыденной жизни, – показать, где и на чем может быть твердо основана нужная людям образовательно-просветительная школа рисования и живописи, и каким путем и по какому направлению может идти ее развитие.

Дон. 1898. 14 мая, № 52; 31 мая, № 58;
2 июня, № 59; 4 июня, № 60; 11 июня, № 63;
23 июня, № 68; 28 июня, № 69; 5 июля, № 71.

¹ Более подробно в взаимоотношениях Л.Г. Соловьева и Н.Ф. Федорова см.: Н.Ф. Федоров и его воронежское окружение (1894–1901): Статьи, письма, воспоминания, хроника пребывания в Воронеже. Воронеж, 1998.

² См.: Потапова Т.М. Воронежский художник Л.Г. Соловьев: (По поводу выставки его картин в Воронежском музее) // Известия Воронежского краеведческого общества. 1926. № 7–9. С. 15–16.

³ Там же.

⁴ См.: NN. Вниманию воронежских любителей искусства рисования и живописи // Дон. 1889. 14 февр., № 20; NN. Еще об искусстве рисования и живописи // Там же. 9 марта, № 29, 16 марта, № 32. В полемике принял участие Ст. Смирнов, преподаватель живописи в духовной семинарии: Письмо в редакцию // Там же. 2 марта, № 26.

⁵ Обосновывая необходимость учреждения бесплатной школы рисования, Л.Г. Соловьев опубликовал обширную статью, лишенную мемуарного аспекта. См.: Соловьев Л. Рисование и живопись в Воронеже // Дон. 1893. 19 окт., № 119; 21 окт., № 120; 24 окт., № 121; 28 окт., № 123; 4 нояб., № 126; 11 нояб., № 129.

⁶ См.: ГАВО. Ф. И-19. Оп. 1. Д. 1798. Л. 45–47.

⁷ Там же. Д. 2825. Л. 57.

⁸ Потапова Т.М. Указ. соч. С. 16.

⁹ Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861), украинский поэт и художник, из крепостных крестьян, выкупился на волю в апреле 1838 г. при содействии поэта Василия Андреевича Жуковского (1783–1852) и художника Карла Павловича Брюллова (1799–1852). Мемуарист ошибается, приписывая это событие участию А.С. Пушкина. См.: Шевченко Т.Г. Дневник. М., 1954. С. 23.

¹⁰ Крамской Иван Николаевич (1837–1887), русский художник, уроженец г. Острогжска Воронежской губернии. Творческую деятельность начинал как ретушер у фотографа Якова Петровича Данилевского, с которым побывал в целом ряде городов, в том числе в Воронеже.

¹¹ Ге Николай Николаевич (1831–1894), художник. Родился в Воронеже в семье интендантского чиновника, переехал в Киев в 1838 г.

¹² Речь идет об учебнике рисования, подготовленным Иоганном Даниилом Прейслером (1666–1737): “Основательные правила или краткое руководство к рисовальному художеству. Часть первая-третья, изданная от Иоанна Даниила Прейслера, управителя Нирнбергской академии живописного художества. Переведено с немецкого языка при Академии наук”. СПб., 1734. Книга переиздавалась в 1781, 1795 и 1810 гг.

¹³ Речь идет о втором издании учебника, подготовленном “художником живописи и скульптуры” Назаром Станкевичем “Рисовальный учитель, или Правила рисовального искусства с 25 рисунками, содержащими фигуры, цветы и ландшафты с кратким толкованием о пропорции человеческого тела на российском, французском и немецком языках”. СПб., 1834. Первое издание под названием “Рисовальная школа, или Правила...” было выпущено в 1811 г.

¹⁴ Паренаго Михаил Павлович (1852 – конец 1920-х гг.), статский советник, земский начальник Воронежского уезда, собиратель живописи и графики, библиофил.

¹⁵ Беляев Павел Григорьевич (1839–1900), коллекционер, значительная часть его собрания перешла в Воронежский губернский музей.

¹⁶ Э.К. Огнев упоминается в “Памятных книжках Воронежской губернии” на 1856 и 1861 гг. живущим близ Спасской церкви. По “Памятной книжке” на 1863–1864 гг. его адрес – собственный дом на Успенской улице. В ревизской сказке, датированной августом 1850 г., значатся: мещанин Эльпидифор Константинович Огнев, 39-ти лет, жена Анна Федоровна, 26-ти лет, дочери Александра, Елизавета. Причислены к мещанству в мае 1841 г. из отпущенных на волю от капитан-лейтенанта флота Василия Бехтеева. В следующей ревизии упоминаются еще сын Федор и дочь Варвара. ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 232. Л. 755; Д. 315. Л. 1130.

¹⁷ Землевладельцем Задонского уезда был капитан-лейтенант Василий Сергеевич Бехтеев (ок. 1798 – после 1842).

¹⁸ Антоний II (Смирницкий; 1773–1846), епископ, с 1832 г. – архиепископ, возглавлял Воронежскую епархию в 1826–1846 гг.

¹⁹ После Антония II епархией управляли: в 1847–1850 гг. – архиепископ Игнатий (Семенов; 1791–1850), в 1850–1853 гг. – архиепископ Парфений (Чертков; 1782–1853), в 1853–1860 гг. – архиепископ Иосиф II (Богословский; 1800–1892), в 1865–1886 гг. – архиепископ Серафим (Аретинский; 1812–1886).

²⁰ Покатилов, имеется в виду коллежский асессор Покатило Михаил Петрович (1813 – ок. 1863), владевший имением в с. Покровском Воронежского уезда. ГАВО. Ф. И-29. Оп. 137. Д. 122.

²¹ Тихон I (Соколов; 1724–1783), воронежский епископ в 1763–1767 гг., канонизирован в 1861 г. как святитель Тихон Задонский. Был родом из-под Новгорода.

²² Митрофан (1623–1703), воронежский епископ в 1682–1703 гг., канонизирован в 1832 г.

²³ И.В. Шевцов написал в 1832 г. по просьбе преосвященного Антония икону св. Митрофана на холсте, образ святителя привиделся ему во сне. Подробнее об этом см.: Димитрий (Самбикин), архим. Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии. Воронеж, 1885. Вып.3. С. 41–42; Кожемякин А. Таинственный живописец // Воронежский курьер. 1995. 21 сент. Биографических сведений о художнике не обнаружено. В 1819 г. им написаны иконы для Тихвино-Онуфриевской церкви, известен также портрет В.А. Олениной работы Шевцова, датированный 1835 г. В дневнике гимназического учителя Н.М. Савостьянова он назван в январе 1836 г. покойным. (Воронежская старина. Воронеж, 1915–1916. Вып. 14. С. 115).

²⁴ В экспозиции дома-музея И.Н. Крамского в Острогожске имеется живописный портрет Григория Ивановича Турбина, выполненный М.И. Макаренковым.

²⁵ В ревизской сказке, датированной октябрём 1857 г., значатся: мещанин Мурзаханов Михаил Тимофеевич, 25-ти лет, жена Прасковья Макаровна, 23-х лет и сын Семен, родившийся в 1855 г. ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 315. Л. 321. В материалах предыдущей ревизии указано, что в 1850 г. он отпущен на волю капитаном Бибиковым. Там же. Д. 234. Л. 305 об.

²⁶ Ежов Кондратий Кондратьевич, вольноприходящий ученик Академии художеств. В 1843 г. получил малую серебряную медаль и звание неклассного художника. Упоминается в Воронеже как художник-портретист в 1856, 1861 и 1864 гг., жительствовавший в доме Бухонова близ Чернавского моста, затем в доме В.А. Лебедева.

²⁷ В “Памятной книжке” на 1863–1864 гг. показан иконописец Алексей Петрович Евланов, живущий в доме Постникова.

²⁸ Купец Василий Михайлович Постников (1821–1872) в декабре 1857 г. причислен к купечеству из отпущенных на волю крепостных. ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 339. Л. 539. В “Памятных книжках” 1856–1864 гг. показан владельцем магазина с церковными вещами в ограде Митрофановского монастыря.

²⁹ В “Памятных книжках Воронежской губернии” на 1856, 1861 и 1864 гг. значится как иконописец Сидор Климович Журбин.

³⁰ В “Памятной книжке Воронежской губернии” на 1856 г. упоминается “комнатный живописец” Илья Мартынов, проживающий близ Петропавловской церкви. Но, возможно, имеется в виду иконописец и владелец фотографического заведения Яков Мартынов из слободы Алексеевки Бирюченского уезда Воронежской губернии.

³¹ В ревизских сказках показан мещанин Петр Моисеевич Чешарин, (р. ок. 1823), причисленный с семьей в октябре 1858 г. из отпущенных на волю от графа Чернышева. ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 342. Л. 422.

³² Васильев Платон Васильевич (1830–1865), художник, родился в с. Чурилово Любимского уезда Ярославской губернии, крепостной помещика Петра Степановича Бахноволокова. Учился в Академии художеств с 1850 г., в 1859 г. удостоен большой серебряной медали за программу “Отрок Христос между книжниками и фарисеями во храме”. В 1860 г. получил звание художника исторической живописи. Согласно архивным документам, умер 3 декабря 1865 г. в воронежской градской больнице. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 16-в. В биобиблиографическом словаре “Художники народов СССР” (Т. 2. С. 190) датой смерти названо 30 декабря 1865 г.

³³ В “Памятной книге Воронежской губернии” на 1861 г. значится как “сусального золота мастер” Алексей Нагаев.

³⁴ Макаренков Дмитрий Козьмич (1811/12–1885), уроженец с. Петропавловки (Осиновка) Острогожского уезда, в 1831 г. женился на Анне Порфирьевне (1815 – ?). Макаренков Иван Кузьмич (1825–1882), уроженец сл. Новой Красной Купенского уезда Харьковской губернии, в 1847 г. женился на Наталье Семеновне (1829/30–1918); их дети: Гавриил (1850 – ?), Митрофан (1853–1878), Александра (1855–1932), Анна (1856 – ок. 1927), Андрей (1858–1885), Петр (1864 – ок. 1922). Биографические сведения приведены В.Б. Колмаковым, приходящимся правнуком Анне Ивановне Скрынченковой, урожд. Макаренковой, в статье «К истории рода художников Макаренковых» (Воронежский вестник архивиста. Воронеж, 2012. Вып. 10. С. 93–99).

³⁵ Величковский Алексей Иванович, живописец из г. Валок Харьковской губернии, в 1790-е гг. по заказу Н.Ф. Синельниковой создал “пять священных картин и большую живописную плащаницу в рост человека на атласе” для Троицкого собора г. Острогожска. (Д.Я. Склобовский. Церкви г. Острогожска // Воронежская старина. Воронеж, 1901. Вып. 1. С. 234). Им были также выполнены несохранившиеся портреты Н.Ф. Синельниковой, премьер-майора И.С. Тевяшова, купца Симонова.

³⁶ Д.Я. Склобовский отмечал, что для Крестовоздвиженской церкви А.И. Величковским в конце XVIII – начале XIX вв. созданы шесть икон: Спаситель, беседующий с апостолами, Богоматерь, приносящая жертву Богу, пророк Давид, Воздвижение Честного креста, царь Соломон, Рождество Христово. Автор статьи, острогожский священник, считал, что иконы Величковского, редкостные по письму, сохранились до начала XX в. Там же. С. 312.

³⁷ Боровиковский Василий Лукич (1757–1825), художник, происходил из казацкой старшины, а не из крепостных. Л.Г. Соловьев ошибается, утверждая, что он учился в Академии художеств.

³⁸ Иконы для церкви в с. Верхняя Тишанка Бобровского уезда (ныне Таловского района) написаны В.Л. Боровиковским по просьбе помещика, тайного советника Дмитрия Прокофьевича Трошинского (1754–1829). Архимандрит Димитрий перечисляет эти иконы: “В 1823 г. Д.П. Трошинский на место прежних старинных икон прислал для всего пятиарусного иконстаса 59 икон академической живописи и некоторые из них (весь ярус местных икон: Спасителя, Божией Матери, св.Троицы, Божией Матери с предстоящими св. Димитрием Солунским и Андреем Критским, св. Николая, на царских дверях Благовещение, и Евангелисты) – кисти Боровиковского. Боровиковский, обязанный Трошинскому своим образованием, за труды не взял никакого вознаграждения”. Димитрий (Самбикин), архим. Указатель храмовых празднеств Воронежской епархии. Воронеж, 1885. Вып. 3. С. 213.

³⁹ Пономарев Михаил Иванович (1833–1913), сын воронежского купца, в 1862 г. окончил Академию художеств. Жил и работал в Воронеже, один из основателей бесплатной рисовальной школы, многолетний гласный городской думы. Пожертвовал свою судьбу для рисовальной школы. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 66-п.

⁴⁰ Русинов Николай Степанович (ок.1835–1892), купец, впоследствии, помимо фотографического заведения, владел еще книжным магазином. Фотография располагалась в доме купца Андропова (ранее принадлежал Кольцовым) на Большой Дворянской ул.

⁴¹ И.М. Саломатин владел фотографическим заведением в 1865–1868 гг. совместно с братом Александром Матвеевичем (ок. 1834 – после 1897), выпускником Академии художеств, учителем рисования в Новохоперском уездном училище.

⁴² Айвазовский Иван Константинович (1817–1900), художник-маринист, профессор Академии художеств с 1847 г.

⁴³ М.П. Покатилло в 1860-е гг. был содержателем гостиницы на Большой Дворянской улице, принадлежавшей С.Н. Шванвичу (ныне пр. Революции, 27).

⁴⁴ Скларенко Михаил Степанович (1814–1863), выходец из крепостных крестьян Харьковской губернии. Обучался рисовальному искусству с 1830 по 1844 гг. в Сумах у Ф.В. Сластиона. В 1846–1863 гг. – учитель рисования, черчения и чистописания в Воронежском уездном училище. В 1853 г. предпринимал неудачную попытку получить право преподавания в гимназии. ГАВО. Ф. И-64. Оп. 2. Д. 396; Ф. И-167. Оп. 2. Д. 8538.

⁴⁵ Павлов Сергей Павлович (1828–1873), уроженец Москвы, выпускник Московской рисовальной школы. В 1845–1873 гг. – преподаватель рисования в Воронежском кадетском корпусе. Известен зарисовками Воронежа и серией “этнографических этюдов”.

⁴⁶ Лебедев Василий Алексеевич, уроженец Московской губернии, обучался в Московской рисовальной школе, экзамен на право работы в гимназии сдал в Академии художеств. С 1858 по 1878 гг. – преподаватель рисования в мужской гимназии, с 1877 по 1887 гг. – в реальном училище. В 1862–1864 гг. по заказу помещицы Анисьи Петровны Бехтеевой за 2530 рублей серебром изготовил иконостас для церкви в сл. Пружинки Задонского уезда. ГАВО. Ф. И-167. Оп. 2. Д. 6688.

⁴⁷ Боков Михаил Иванович (ок. 1828 – 1884), выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества. С 1873 г. – преподаватель рисования в кадетском корпусе. В 1876 г. им написаны для Петропавловской церкви шесть икон: Спаситель во славе, Божия Матерь с предвечным младенцем, Архангел Гавриил со свечью и кадиллом, Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, Св. Царь Давид плачущий и кающийся, Св. Иоанн Креститель. См.: Воронежская старина. Воронеж, 1908. Вып. 7. Приложение. С. 128.

⁴⁸ Нестеров Алексей Николаевич (1840 – между 1892 и 1898), уроженец Боброва, выпускник Московского училища живописи, ваяния и зодчества, свидетельство на право преподавания получил в 1866 г. в Академии художеств. С 1860 г. – учитель рисования в Новохоперском уездном училище, в 1866–1872 гг. – преподаватель рисования в губернской гимназии, с 1872 – нотариус в Боброве, затем в Воронеже. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 13-Н; ГАВО. Ф. И-64. Оп. 2. Д. 339. В архивном фонде Л.Г. Соловьева есть два письма к нему А.Н. Нестерова, от 17 января 1886 г. и от 5 ноября 1892 г.

⁴⁹ Ильинский переулок соединял Ильинскую и Спасскую церкви. Ныне – Севастьяновский съезд.

⁵⁰ Башкирцев Иван Сергеевич (ок. 1799–1862), купец, подрядчик, был женат на сестре А.В. Кольцова, Марии.

⁵¹ Селиванов Алексей Иванович (1829–1865), краевед, журналист, один из первых сотрудников губернской публичной библиотеки.

⁵² Макаров Василий Степанович (ок. 1833 – после 1888), из крепостных крестьян помещицы Одинцовой, 16 октября 1858 г. причислен к мешанскому сословию г. Воронежа. ГАВО. Ф. И-18. Оп. 1. Д. 338. Л. 642. Имение Капитолины Лукиничны Одинцовой было в с. Байчицах Михайловского уезда Рязанской губернии. ГАВО. И-29. Оп. 136. Д. 12. В Областном художественном музее имеется выполненный В.С. Макаровым портрет неизвестного мужчины, датированный 1857 г., в архивном фонде Л.Г. Соловьева есть записка Макарова от 2 октября 1888 г.

⁵³ Старостой Всесвятской (Ново-Митрофановской) церкви в 1860–1870-е гг. был купец Иван Николаевич Клочков (ок. 1814 – 1882).

⁵⁴ Старостой Троицкого собора с 1860-х гг. и до своей смерти в апреле 1874 г. был купец Антон Родионович Михайлов (1804–1874).

⁵⁵ “Возобновление” икон и настенной живописи Троицкого собора осуществлялось в 1874 г. при старосте Василии Ивановиче Соименове (1817–1875).

⁵⁶ Перестройка Благовещенского собора производилась в 1868–1875 гг. по проекту архитектора Александра Кюи (1824–1909).

⁵⁷ Тюрин Иван Алексеевич (1824 – после 1889), выпускник Академии художеств 1850 г., подрядчик.

⁵⁸ Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926), художник. автор росписей Владимирского собора в Киеве.

⁵⁹ В 1856 г. Михаил Степанович Лялин, “свободный художник”, занимавшийся портретной живописью, жил в Воронеже.

⁶⁰ Последний раз в документах И.М. Саломатин упоминается в 1884 г.: его жена, Анна Петровна, подавала в городскую думу прошение о перестройке деревянных служб при доме на углу Старо-Московской и ул. Лесных дворов (ул. К. Маркса и Кольцовской).

⁶¹ Репин Илья Ефимович (1844–1930), художник, ученик И.Н. Крамского.

⁶² Андрущенко Алексей Иванович упоминается директором городского общественного банка в Боброве в 1884 г.

⁶³ Имеется в виду издание: Курс рисования, в котором изложен способ правильно изображать по глазомеру видимые предметы, с практическим изъяснением законов перспективы и освещения, для общественного и домашнего образования юношества, составленный А.Сапожниковым. СПб., 1834. Учебник переиздавался в 1838, 1849, 1875, 1878, 1885 и 1890 гг. Под “частью второй”, очевидно, понимается вышедший в том же 1834 г. учебник А.Сапожникова “Об искусстве литографирования”. Сапожников Андрей Петрович (1795–1855), профессор Академии художеств.

⁶⁴ Верещагин Василий Васильевич (1843–1904), художник, в 1863 г. оставил Академию художеств, в 1874 г. публично отказался от звания профессора.

⁶⁵ Савостьянов Павел Иванович (1807 – между мартом 1874 и декабрем 1875), директор народных училищ Воронежской губернии в 1838–1841 гг., приятель И.С. Никитина, автор воспоминаний.

⁶⁶ Вигель Филипп Николаевич (1805–1877), воронежский помещик и меценат, наследник имения Тулиновых. Пожертвовал земству не только шлюз, но и дом для устройства больницы (ул. Вайцеховского, д.2/4).

⁶⁷ Канкрина Ольга Александровна (1837–1889), урожд. баронесса Сталь фон Гольштейн, жена генерал-майора графа Валериана Егоровича Канкрина (1820–1861).

⁶⁸ В 1864–1868 гг. домом в Воронеже владела вдова генерала от инфантерии Андрея Ивановича Горчакова (1776–1855), княгиня Варвара Аркадьевна Горчакова (1802–1885), внучка А.В. Суворова. Дом находился на ул. Мало-Московской (ныне ул. Куколкина), в апреле 1868 г. В.А. Горчакова продала дом купчихе Е.А. Веневитиновой.

Т.И. Донецкий

ИЗ ПРОШЛОГО ВОРОНЕЖСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.

(Из заметок и наблюдений бывшего члена общества).

Воспоминания Тихона Ивановича Донецкого (ок. 1845, г. Задонск – 5.11.1912, Воронеж) были опубликованы в двух номерах газеты “Воронежский телеграф” в 1904 г. и двух номерах газеты «Дон» в 1905 г. Вторая часть носила несколько иное название: «Из прошлого воронежского музыкального общества: (Воспоминания бывшего члена общества)». Они посвящены раннему периоду существования Воронежского отделения Русского музыкального общества, автор был непосредственным участником описываемых событий.

Т.И. Донецкий начинал свое образование в Воронежском духовном училище, а в 1867 г. окончил духовную семинарию. Имея склонность к духовным песнопениям, он состоял надзирателем архиерейского хора, который при архиепископе Серафиме (Аретинском) в 1860–1880-е гг. переживал период своего расцвета. Позднее служил священником в домовых и приходских храмах Воронежа. В его квартире близ Воскресенской церкви проходили музыкально-вокальные вечера. Жена Надежда Федоровна аккомпанировала на пианино. В начале XX в. Т.И. Донецкий преподавал церковное пение в духовной семинарии.

На склоне лет он обратился к редкому для духовенства мемуарному жанру и напечатал серию статей о церковной музыке: *Малые певчие Воронежского архиерейского хора при архиепис[копе] Серафиме: (Из наблюдений бывшего надзирателя) // ВЕВ. 1904. № 4. С. 138–158; № 5. С. 188–214; Церковное пение, инструментальная музыка и сценическое искусство в Воронежской духовной семинарии в дореформенное время (в конце 50 и начале 60 годов XIX столетия): Из училищных и семинарских воспоминаний // ВЕВ. 1904. № 14. С. 611–620; № 15. С. 640–660; Церковное чтение, пение в Воронежской епархии и архиерейский хор при архиепископе Ио-*

сифе: (Из училищных воспоминаний 50-х годов прошлого века) // ВЕВ. 1904. № 21. С. 884–894; № 22. С. 902–915; Духовные композиторы Воронежской епархии: Историко-библиографический очерк местного церковного пения // ВЕВ. 1905. № 10. С. 409–440; № 12. С. 529–537; Церковное пение в Воронежском епархиальном женском училище, Воронежской духовной семинарии и пение в Воронежской Мариинской женской гимназии. Заметки по поводу статьи «К преобразованию Воронежского епархиального женского училища» свящ. Черкасского» // ВЕВ. 1906. № 20. С. 891–906. Возможно, толчком для него послужила статья П.В. Владимирова (Цезаревского): Архирейский хор преосвященного Серафима в Воронеже // ВЕВ. 1904. № 3. С. 94–121.

* * * * *

Наблюдая с живым интересом развитие музыкальной жизни г. Воронежа, мы с чувством искреннего удовольствия встретили в местных газетах объявление об открывшейся деятельности отделения Воронежского музыкального общества в наступающем учебном году. После годичного периода бездействия, как мы слышали, благодаря просвещенному содействию и материальной поддержке почтенного представителя общества С.М. Сомова¹, открывается давно желаемая музыкальная школа общества. Во главе управления музыкально-учебным делом в открываемом училище, в звании директора, приглашен г. Миньяр². С открытием музыкального училища, нужно полагать, администрация общества даст возможность воронежцам услышать в художественном исполнении ряд лучших музыкально-вокальных произведений отечественных и европейских композиторов симфонической и камерной музыки на предполагаемых концертах и музыкальных вечерах.

Возобновление, после годичного бездействия, музыкально-педагогической деятельности отделения местного музыкального общества живо напоминает мне, пишушему эти строки, первое начало возникновения отделения музыкального общества в Воронеже в конце 60-х годов. Интересующиеся делом развития музыки в нашем родном городе, я полагаю, не оставят без благосклонного внимания предлагаемых заметок и наблюдений бывшего близкого участника в концертах и вечерах в течении многих лет начального периода существования музыкального общества

¹ Теперь открыта.

в Воронеже в давно минувшую эпоху 60-х годов. Немногим воронежским старожилам, без сомнения, памятно то громадное одушевление, та кипучая деятельность во всех сферах государственной и общественной жизни, какие царили во всех уголках России вследствие великих освободительных реформ императора Александра II-го в 60-х годах прошлого столетия. Под могучим напором новых идей и веяний, получивших свою инициативу в следующих друг за другом великих реформах незабвенного Царя-Освободителя, проснулся и Воронеж от своего застоя. Введение земского управления, преобразование суда, учреждение выборного мирового института, нового городского положения, проведение Козлово-Воронежской ж[елезной] дороги, образование городского банка, возникновение женской гимназии, под названием женского училища 1-го разряда, развитие и кипучая деятельность первоначальных органов воронежской печати, – все эти реформы, следующие быстро одна за другою, создали в Воронеже необычайный подъем духа во всех слоях городского общества. В этот-то оживленный период радостных чаяний и надежд вследствие вводимых реформ всего мыслящего местного общества положено начало местному обществу 1-го периода. Началом своим воронежское общество 1-го периода обязано просвещенному содействию бывшего Воронежского губернатора князя В.А. Трубецкого (впоследствии егермейстера Двора Его Императорского Величества)³ и богатого землевладельца А.С. Мазаракия⁴. Последний был большой меломан и отличный музыкант-пианист. Во все время существования первого музыкального общества, с 1869 по 1871 г., почтенный А.С. Мазаракий был душою молодого общества. На развитие и процветание его г. Мазаракий отдал все: время, свой артистический талант, помещение для спевков и репетиций в своем большом доме на М. Дворянской ул. (где теперь помещается учительская семинария)⁵, затрачивал много материальных средств для платы оркестру, певчим, выпысываемым для концертов общества артистам.

А.С. Мазаракий принадлежал к высшему кругу воронежского общества. Крайне любезный и общительный, без всякой примеси спеси, г. Мазаракий сумел привлечь в ряды исполнителей молодого общества талантливых исполнителей из всех слоев тогдашнего общества. Благодаря его неустанной энергии, оркестр воронежского театра и все лучшие музыкальные силы Воронежа приняли самое живое участие в качестве исполнителей в хоре и оркестре

общества. Так, в рядах хора находились: дочь губернатора князя Трубецкого, красавица-княжна Д[арья] В[ладимировна]⁶, дочери г. Сафонова⁷, Шидловского⁸, г. фон-Бринкман⁹, барон Сталь¹⁰ и многие другие. В оркестре принимали участие г.г. Паренаго¹¹, Петров¹² и многие другие. При живом содействии князя Трубецкого весьма быстро был выработан устав общества по образцу Московского музыкального общества с немногими изменениями, сообразно местным потребностям и был скоро утвержден в установленном законом порядке. С октября 1868 г. общество начало функционировать.

От времен крепостного права существовал при воронежском театре прекрасный оркестр из крепостных г.г. Лазарева-Станищева¹³, Кожина и Плотникова. Численность его доходила до 45-ти человек весьма опытных музыкантов; из скрипачей оркестра выдавались своею игрой И. и Г. Скрипицыны¹⁴; П.И. Наумов, ученик знаменитого Ромберга¹⁵, был отличный виолончелист; состав медных и деревянных инструментов отличался весьма опытными и талантливыми артистами, – особенно хороши были гобоист и фаготист. После крестьянской эмансипации состав оркестра несколько расстроился; многие артисты вышли из оркестра; но все же ко времени возникновения музыкального общества театральный оркестр заключал в своем составе около 40 человек. Воронежский театр в 50-х и 60-х годах состоял в ведении особой театральной дирекции из лиц высшего городского общества, преимущественно богатейших местных дворян-землевладельцев: Сомовых, Шидловских, Плотниковых, Сафоновых. Г. Мазаракию, при его обычном уменьи жить в ладу со всей воронежской знатью, удалось, на выгодных для общества условиях, завербовать этот прекрасный оркестр для участия в концертах общества. Кроме того, исполнителями оркестровой игры во всех вечерах общества явились многие местные любители артисты: Паренаго, Петров, многие из учителей местных учебных заведений. Из моих близких знакомых участвовали в оркестре подрегент воронежского архиерейского хора времен преосвященного Серафима¹⁶ И.А. Соколов¹⁷, талантливый скрипач и надзиратель за малыми певчими И.А. Попов¹⁸; в общем, состав оркестра в концертах общества доходил до 60 слишком музыкантов. Лучшим украшением оркестра общества по всей справедливости считался весьма талантливый скрипач-солист О.А. Стефанович¹⁹, ученик знаменитого скрипичного виртуоза Липинского²⁰. Как попал в захолустную провинцию

такой первоклассный скрипач, я не мог узнать, несмотря на близкое и долговременное знакомство с ним. Прекрасно образованный, отлично владеющий английским, французским и немецким языками, с изящными манерами, обличавшими в нем человека из высшего круга общества, побывавший в Вене, Лейпциге, Милане, Париже и Лондоне, имевший в числе своих хороших знакомых Листа, Россини, Мейербера, Берио и др[угих] виртуозов, г. Стефанович не любил упоминать о своем прошлом. По некоторым коротким фразам в минуты откровенной душевной беседы можно было предполагать, что г. Стефанович, очень богатый польский аристократ, замешанный в период польского восстания 1863 г., выслан был для жительства с родины в пределы России. К великому сожалению, этот несравненный артист, будучи вообще слабого здоровья, в непривычной ему скудной обстановке, заболел чахоткою и скончался в скромной квартирке на Семинарской горе, на руках искренно любивших его людей: И.А. Попова, И.А. Соколова и моих. Перед смертью он передал за небольшое вознаграждение свою чудную старую скрипку одного из лучших скрипичных мастеров итальянской школы И.А. Соколову, у которого этот великолепный инструмент находится и по сие время.

II.

Хор музыкального общества 60-х годов состоял из учениц тогдашнего воронежского училища Трудолюбия, прекрасно поставленного известным когда-то учителем пения в кадетском корпусе Н.В. Виноградовым¹⁴. Хористки Трудолюбия, в количестве 40 человек, обладали сильными голосами и отлично знали ноты. Это внушительное количество женских голосов пополнялось многими певицами любительницами, как и упоминалось уже выше, из высшего городского общества. Здесь принимали самое живое участие: княжна Трубецкая, девицы Сафоновы, Кольцовы, Сталь, дочери доктора Столь²²; кроме них, в хоре пели многие из классных дам молодой женской гимназии, епархиального женского училища; женский хор в полном составе доходил до 60-ти и более лиц. Мужской персонал хора состоял в большинстве из воспитанников местной семинарии, которая издавна славилась чудными и опытными певцами, из лучших голосов знаменитого в свое время архиерейского хора времен преосвященного Серафима. Любезно уступая соединенным просьбам князя Трубецкого и А.С. Мазаракя, покойный архипастырь дал свое разрешение на участие

в концертах музыкального общества певчим своего хора, кроме лиц духовных, а также и воспитанникам семинарии. Помимо этого в певцах и солистах состояли очень хорошие любители из всех слоев воронежского общества. Припоминаю прекрасные тенора фон Бринкмана и многих преподавателей из Михайловского кадетского корпуса. К подобным любителям в качестве члена-исполнителя в концертах музыкального общества принадлежал и пишущий эти строки в молодые годы своей учебной службы. Таким образом, в мужских хоровых партиях общества насчитывалось более сорока человек.

Дирижером хора и оркестра был приглашен г. Мазаракием талантливый артист-пианист Г.Ф. Гельм²³, окончивший полный курс в Лейпцигской консерватории, ученик известного профессора К.Рейнеке по классу музыкальной композиции (впоследствии г. Гельм был приглашен штатным учителем музыки в Тамбовский институт благородных девиц и служил там очень долгое время). Нотная библиотека – партитуры для оркестра и хора, голосовые партии – в изобилии приобретались на средства почтенного А.С. Мазаракия. Помню, что хоровые партии исполняемых песен, прекрасно литографированные, высылались из библиотеки Московского музыкального общества и раздавались исполнителям в неограниченном количестве.

Хоровые репетиции происходили в доме г. Мазаракия два и более раза в неделю от 6-ти и до 9-ти ч[асов] вечера; оркестровые репетиции делались или в зале дворянского собрания²⁴, или в зале кадетского корпуса²⁵ по любезному вниманию к юному обществу тогдашнего директора²⁶, конечно, не без энергичного содействия г. Мазаракия и князя Трубецкого. В этих же залах происходили и генеральные репетиции оркестра и хора и самые вечера.

Большая часть интеллигентного общества Воронежа весьма сочувствовала юному обществу. Число членов общества через два месяца по его открытию возросло до 400 человек, а к концу года членов всех трех категорий: почетных, действительных и исполнителей уже считалось около 700 человек. Дружно и с величайшим увлечением оркестр и хор принялись за разучивание предполагаемых к постановке на симфонических вечерах песен. Особым оживлением и непринужденностью отличались репетиции хоровых песен на квартире г. Мазаракия. К семи часам вечера все ученики хора были уже в сборе. Ровно в семь часов начиналась хоровая репетиция мужских голосов в обширной зале под руководством г.

Гельма, а в гостиной репетировался женский хор под управлением самого хозяина; гостиную от зала отделяли, кроме дверей, толстая драпировка из ковров. К 8-ми часам все участники хора сходились на получасовой отдых в громадной столовой, где был сервирован чай и холодная закуска для всех певиц и певцов. Роль милых и приветливых хозяек по угощению чаем и закуской принимали на себя чаще всех княжна Д[арья] В[ладимировна] и девицы Сафоновы, так как почтенный хозяин не имел семьи. Самая полная непринужденность, равенство и живое веселье царили на этих коротких промежутках во время репетиций. Кровные аристократки и скромно одетые ученицы Трудолюбия сидели рядом, взаимно услуживая друг другу. Не в диковинку было зачастую на этих часах отдыха видеть красавицу княжну, беседующую со скромным воспитанником духовной семинарии. Особым вниманием милых и любезных аристократок пользовался превосходный певец-тенор из учеников семинарии, некто П.В. Богатырев, весьма скромный и застенчивый молодой человек. Бойкая княжна, обладая особым даром подражания, производила среди всех учеников хора неудержимый хохот, когда, пользуясь временным уходом из столовой г. Гельма, весьма плохо владевшего русской речью, воспроизводила с редким искусством жесты и голос почтенного немца: "Эй, ви, духовные инструмент"! (вместо духовые инструменты) "паузы проглядывали! Э, э, э! Тенора, басы, не тако! Gross forte! Се тако». На эти репетиции нередко приходил и сам князь Трубецкой. Входя в столовую, он приветливо раскланивался с молодежью, подавая всем руку, ласково беседовал со многими исполнителями, называя их по имени и отчеству, садился около чайного стола и часто выпивал чашку чая; любезно угощал своих соседей сухарями, печеньями, расставленными в изобилии по столу^{*}. Блестящие результаты таких дружных и усердных занятий в хоре и оркестре весьма обнаружили на концертах общества.

В течение двух лет существования музыкального общества на музыкальных вечерах были исполнены такие капитальные вещи: оркестром были разучены и прекрасно сыграны: 1) 1-я и 2-я симфония Гайдна; 2) увертюры: «Кориолан» Бетховена, "Сон в летнюю ночь" Мендельсона, "Жизнь за царя" Глинки, "Испанские танцы", "Камаринская", "Руслан и Людмила" Глинки, "Казачек"

^{*} Исполнители и исполнительницы в хоре и оркестре на репетиции и концерты приезжали и уезжали на пожарных линейках, любезно предложенных для желающих кн[язем] Трубецким.

Даргомыжского, 3) g moll'ная симфония Моцарта, 4-я симфония Бетховена, "Danse macabre". Из хоров, в сопровождении оркестра исполнены: хоры из Русалки: "Как во горнице-светлице", "Ах, ты сердце" и "Заплетися плетень", "Да здравствует наш князь молодой". Из оперы "Жизнь за царя": "В бурю во грозу", "Польский", "Бог войны", финал "Слався, слався". Интродукция из оперы "Руслан и Людмила", хор в гриднице из оперы "Рогнеда" Серова, хор из оперы "Лорелия" Мендельсона (solo soprano исполняла московская артистка Николаева), знаменитая 9-я симфония Бетховена с участием хора и оркестра, "Dies irae" из Requiem'a Моцарта, "Аллилуйя" Генделя, хоры из оратории "Сотворение мира" Гайдна, solo и хор: "Господь наш покровитель" из оперы "Моисей" Россини и "Времен года", интродукция и финал из "Stabat mater" Россини (solo тенора исполнял фон Бринкман).

Женским хором исполнялись: "Русалка" А. Рубинштейна solo alto исполняла прекрасное контральто г-жа Пуле, дочь известного в свое время доктора Г.Ф. Столь; "Хор русалок" из оперы Даргомыжского "Русалка", "Stabat mater" знаменитого Перголезе.

Мужским хором исполнены: "Хор студентов", из оперы "Фауст" Г. Берлиоза, "Хор солдат" из оперы "Фауст", музыка Гуно, знаменитый "Хор солдат" из оперы "Гугеноты" Мейербера, "Хор виноградарей" из оперы: "Лорелия" Мендельсона. Хором и оркестром дирижировал г. Гельм.

Из песен камерной музыки исполнялись: "5-я скрипичная соната" Бетховена. Партию скрипки исполнял г. Стефанович, а партию фортепиано – г. Мазаракий. "Скрипичный концерт" Роде. Партия скрипки исполнялась г. Стефановичем, а партия фортепиано – г. Гельм. "Скрипичный концерт" Берлио исполняли Стефанович и г-жа Калиновская (дочь вор[оронежского] вице-губернатора)²⁷. Фортепианный концерт Вебера исполняли г-жа Калиновская и оркестр. Фортепианный концерт Бетховена исполняли г. Мазаракий и оркестр.

В концертах общества 60-х годов принимали участие следующие выдающиеся виртуозы: братья А. и Н. Рубинштейны²⁸, братья Контские²⁹, скрипач г. Венявский³⁰, профессор скрипки Московской консерватории Ф. Лауб³¹, известный певец-тенор Комиссаржевский³², певицы: Леонова³³ и Меньшикова³⁴, известный композитор М.П. Мусоргский³⁵.

В виду таких блестящих успехов концертов музыкального общества было много толков об основании в Воронеже музыкаль-

ной школы, чуть не консерватории. Но с отъездом из Воронежа незабвенного для музыкального дела А.С. Мазаракия и переводом князя Трубецкого в Петербург³⁶, общество как-то сразу захирело и, кажется, в 1872 г. было временно закрыто. Богатая нотная библиотека и все имущество свалено было где-то на чердаке дворянского собрания.

В конце 70-х гг. музыкальное общество начало свой 2-ой период.

III.

Блестящее начало деятельности воронежского музыкального общества, открытого в конце 67 гг., в период первой половины 70 гг. значительно ослабело и в конце 1877 г. общество было временно закрыто. Об успешных операциях общества в первые годы его возникновения и причинах упадка его деятельности периода конца и начала 70 гг. я коснулся в своих воспоминаниях, помещенных в 145-146 № № «Воронежского Телеграфа» за 1904 год³⁷.

Как я уже ранее упомянул, наше музыкальное общество в 1-й период своего существования быстрыми своими успехами, можно сказать, всецело обязано энергичной поддержке первого председателя общества А.С. Мазаракия. В 1875 г. этот незаменимый деятель общества по своим семейным делам оставил Воронеж и переселился в Полтаву. Несколько ранее отъезда Мазаракия общество лишилось другого мощного покровителя общества, воронежского губернатора князя В.А. Трубецкого, который в 1871 г. был назначен егермейстером Двора Его Величества.

Временное закрытие воронежского музыкального общества длилось около пяти лет. С 1882 г. начинается второй период деятельности музыкального общества. Мысль об учреждении музыкального общества в описываемое время возникла в весьма ограниченном кружке любителей музыки. Таких кружков существовало очень много в то время в Воронеже. Музыкальные произведения камерной музыки: квартеты, трио и дуэты, и вокальные: хоры, трио и дуэты, solo исполнялись по вечерам во многих домах и носили характер чисто семейный. Исполнителями на этих вечерах являлись местные виртуозы: преподаватели учебных заведений, чиновники, доктора, местные учителя музыки и пения, участники хоров, особенно архиерейского времен Серафима, воспитанники местных учебных заведений, преимущественно семинаристы, иногда гимназисты и реалисты.

Подобный кружок любителей музыки долгое время собирался у пишущего эти строки в 70 и 80 гг. прошлого века. Определенного времени для подобных собраний не существовало. Обыкновенно раз, а иногда и два в неделю, любители инструментальной музыки и пения сходились по вечерам в моей квартире. После скромного угощения чаем, за которым велся оживленный разговор преимущественно о музыкальных новостях в городе, поднимались и горячо обсуждались вопросы из области музыки. Затем, часов с 8-ми, начиналась игра квартетов, трио; музыкальные № № сменялись пением solo, дуэтов, трио; составлялся хор из однородных и смешанных голосов. В таких занятиях время шло незаметно до 11-12-ти часов, когда исполнители расходились по домам. В числе постоянных и неизменных посетителей вечеров в моей квартире были: П.В. Цезаревский³⁸, П.А. Степанов³⁹, Ф.В. Матчинский, А.А. Сафонов⁴⁰, М.К. Гамбург⁴¹, Л.Г. Малкин⁴², А.А. Рехак⁴³, В.Ф. Поляков, В.А. Абрамов⁴⁴, Ф.С. Шаповалов⁴⁵ и мн[огие] др[угие]. На этих музыкальных собраниях неоднократно обсуждался вопрос о более широкой постановке музыкального дела в Воронеже; вспоминали о цветущей, полной музыкального оживления, поре музыкального общества 60 гг. Мало-помалу из таких неоднократных разговоров и воспоминаний естественным образом возник вопрос о возобновлении музыкального общества. Самыми горячими деятелями по обсуждению о возобновлении общества были П.В. Цезаревский, М.К. Гамбург, П.А. Степанов.

Наконец, в октябре 1882 г., на одном из собраний в моей квартире решено было немедленно приступить к хлопотам об учреждении в Воронеже музыкального отделения общества; условились и устно, и путем печати будировать общественное мнение в пользу учреждения музыкального общества, вербовать лиц, желающих быть членами общества. Эти условия первоначальных немногих членов-учредителей музыкального общества не остались бесплодными. Уже в ноябре число будущих членов общества возросло до ста человек. Члены-учредители, в количестве 10 человек, между которыми были П.В. Цезаревский, М.К. Гамбург, Л.Г. Малкин, А.Ф. Поляков⁴⁶, Ф.В. Матчинский, г. Розенберг⁴⁷, П.А. Степанов, В.А. Абрамов, Н.П. Урывский и пишущий эти строки, после многократных обсуждений деталей будущей деятельности общества, решили выработать новый устав, применяясь, впрочем, к существовавшему уже ранее. Редакцию этого во многом измененного первоначального устава поручено было написать мне, как бывше-

му уже члену музыкального общества 1-го периода и более других знакомому с ходом музыкального дела в 60 и 70 гг. Составленный вчерне устав общества обсуждался членами-учредителями: многие статьи этого устава подверглись изменению; в другие внесены были поправки, дополнения. Исправленный таким путем устав был переписан набело и чрез П.В. Цезаревского представлен бывшему в то время начальнику губернии А.В. Богдановичу⁴⁸ для утверждения его в министерстве внутренних дел. Вместе с представлением устава и списка лиц, желающих вступить в члены учреждаемого общества, губернатору от лица учредителей подано было прошение о дозволении созвать общее собрание всех членов будущего общества. А.В. Богданович отнесся с заметным участием к восстановлению в Воронеже музыкального общества и очень охотно дал свое разрешение на созыв общего собрания всех желающих быть членами возобновляемого музыкального общества. Общее собрание членов состоялось в конце ноября 1882 г. в зале общественного собрания. Оно было довольно многолюдное. После краткой речи одного из членов-учредителей (П.В. Цезаревского), в которой была высказана цель собрания, был прочитан устав будущего общества. По поводу некоторых статей высказано было много замечаний и возражений. Особенно много дебатов возбудил в среде членов собрания 1-й параграф устава, в коем указывались широкие задачи для будущего музыкального общества: кроме музыкального развития в среде воронежского общества, исполнение на концертах и вечерах общества вокально-музыкальных произведений отечественной и иностранной литературы, рассчитанных на оркестр и хоровые массы, а равно и образцовых пиес камерной музыки: дуэтов, трио, квартетов. Многие из присутствующих в собрании лиц настаивали, чтобы сначала не задаваться широкой программой поставляемых на концертах общества пиес, а вести дело скромно; значит, многие из будущих членов общества желали основать просто кружок любителей музыки, выставляя на вид то обстоятельство, что для больших симфонических концертов потребуются большие денежные средства, а их, кроме скромной суммы членских взносов, не предвиделось. Но большинством членов решено оставить 1-й параграф устава общества без изменения. На этом собрании было отредактировано прошение от лица всего собрания к министру внутренних дел об утверждении устава общества; прошение подписало более ста членов. Чрез избранную особую комиссию оно было препровождено губернатору Богдановичу для представления со-

вместно с уже заранее доставленным ему уставом, в министерство. Любезный и добрейший А.В. Богданович, как я уже сказал выше, очень сочувственно относившийся к учреждению в Воронеже музыкального общества, без всякого замедления направил прошение и устав общества с[о] своим заключением о крайней полезности существования в городе музыкального учреждения, в Петербург. Устав общества был скоро утвержден и возвращен. Таким образом, после долгого перерыва в своей деятельности, музыкальное общество под названием «Отделения с.-петербургского императорского музыкального общества» получило все законные права для своего существования. Утверждение устава общества состоялось в конце декабря.

Говоря о возникновении музыкального общества в 80 гг., нельзя не отметить того обстоятельства, что возникшее общество этого времени обязано своим началом людям среднего круга городского общества. Как члены-учредители, так и остальная часть членов – это по большей части интеллигенты-работники на разных ступенях государственной и педагогической службы, или же люди свободных профессий: учителя музыки, адвокаты, нотариусы и т.п. Между тем как музыкальное общество 1-го периода возникло и действовало по инициативе лиц преимущественно из высшего, родовитого местного круга; оно носило резкую печать аристократизма. Здесь заправляли всеми делами общества принимавшие участие в музыкально-вокальных пьесах хоровой и одионочной музыки кровные аристократы.

Исполнители из средней публики, являясь в рядах деятелей на музыкальных концертах общества, в делах и распорядках не принимали почти никакого участия. К чести тогдашних заправителей музыкального общества, равно и участников в игре и пении из среды кровных аристократов, отношения их к исполнителям из среднего и даже низшего круга воронежского общества были самые дружеские, задушевные, всегда крайне вежливые и предупредительные. Материальными средствами общество 1-го периода, особенно в начале своего существования, было несравненно обеспеченнее: членских взносов было очень много, конечно, сравнительно; оно имело удобные и бесплатные помещения для вечеров и концертов в доме А.С. Мазаракия, в зале дворянского собрания, в Кадетском корпусе.

Музыкальное общество 80 гг. было вполне демократическое: кроме почетного председателя общества, коим избран был

А.В. Богданович, вся администрация общества: директора, исполнители состояли из лиц среднего круга. Ни денежных средств, кроме членских взносов, не особенно многочисленных, ни бесплатного помещения для своих концертов у общества 80 гг. не было; городской оркестр в это время был довольно слабый и по составу, и по качеству артистов; правда, хор в то время, благодаря энергичной деятельности музыкальных классов г. Гамбурга, сумевшего привлечь в свое учреждение массу учащихся воспитанников духовной семинарии, гимназии и просто любителей пения с отличными голосами, собрался очень хороший и многочисленный. Партии *soprano* и *alto* в этом хоре исполняли учащиеся в музыкальных классах, классные дамы женских учебных заведений, ученицы гимназии, епархиального женского училища, кои состояли ученицами в музыкальных классах.

В конце января состоялось общее собрание членов общества в зале только что устроенной городской думы, на котором были избраны председатель и директора музыкального общества⁴⁹. Первыми директорами были В.Г. Растропович⁵⁰, А.А. Рехак и М.К. Гамбург.

IV.

После выбора председателя и дирекции общества начались усиленные занятия с хором и оркестром. Репетиции предположенных к 1-му концерту пьес происходили часто в зале городской думы, а пред самым концертом – в зале Дворянского собрания, любезно предложенной бывшим в то время предводителем дворянства г. Шидловским⁵¹. Оркестр, существовавший в то время в Воронеже, был весьма значительно пополнен артистами – членами [музыкального общества]. Слабый состав хора, вполне достаточный для небольшого помещения в музыкальных классах г. Гамбурга (верхний этаж в доме Калашникова⁵²) был усилен певцами из учеников воронежской духовной семинарии, коим любезный о[тец] ректор арх[имандрит] Дмитрий⁵³ разрешил участвовать в качестве членов-исполнителей в концертах общества. Весь февраль и начало марта шли очень частые репетиции с хором и оркестром.

Первый концерт состоялся 13-го марта в зале дворянского собрания при довольно многочисленной публике, которая, казалось, отнеслась к первому начинанию молодого общества с заметным сочувствием. Исполнение почти всех музыкальных №№

сопровождалось продолжительными овациями. Многие из №№ были повторены по горячему требованию многочисленной публики. Концерт состоял из шести больших №№. Насколько запомню, оркестром сыграны были: увертюра «Эгмонт» Бетховена, 3-я симфония Гайдна; хор в сопровождении оркестра исполнял хор из только что появившейся в то время оперы Чайковского «Евгений Онегин»: «Уж как по мосту-мосточку». Исполнение этого № вызвало в слушателях бесконечные овации; хор был повторен по единодушному и неотступному требованию публики. Затем исполнен был прелестный хор из «Жизни за Царя»: «Мы на работу в лес». Чрезвычайный успех этого 1-го концерта молодого общества, помимо большого сбора, привлек в среду общества много новых членов. Различные толки об этом концерте в течение некоторого времени сделались злобою дня для всей интеллигентной воронежской публики. Обществу пророчили успех и процветание в будущем. Одушевленное таким огромным успехом, музыкальное общество, в лице его администрации и членов, стало деятельно приготовляться ко 2-му концерту, невзирая на неудобное для концертов время после Пасхи в мае месяце. Конец поста и праздничные дни Пасхи дали возможность директорам общества поставить на этом концерте много новых и весьма интересных для публики пьес. На этом концерте 1-го мая исполнены: фортепианный концерт с оркестром соч[инение] К. Вебера, 8-я симфония Гайдна, увертюра из оп[еры] «Руслан и Людмила» Глинки, «Козачек» Даргомыжского. Хор, совместно с оркестром, исполнил «хор в гриднице» из оп[еры] «Рогнеда», муз[ыка] Серова, «Серенаду», муз[ыка] Абта, для мужского хора. Концерт прошел с большим успехом и при хорошем сборе. Несмотря на традиционный день для загородных гуляний, в концерте, данном опять в зале дворянского собрания, присутствовало очень много публики. Этими двумя концертами музыкальное общество закончило 1-е полугодие. Вслед за этим концертом состоялось 5-го мая общее собрание членов. На этом собрании решено было на накопившиеся деньги от взносов и сборов с концертов приобрести собственный рояль для исполнения пьес на вечерах общества, ноты и партитуры. Затем обсуждался вопрос об открытии музыкальных классов при обществе. Многие из членов предлагали, вместо устройства своей музыкальной школы, принять под свое ведение уже устроенную школу г. Гамбурга. Последний соглашался уступить школу обществу с условием остаться директором ее с денеж-

ной гарантией от общества в 3000 р. Собрание не пришло, однако ж, к решительным выводам относительно музыкальной школы. Большинство голосов было решено вопрос о школе отложить до осеннего сезона. Начиная с сентября 1883 г. по май 1884 г. дано было обществом 4 музыкальных собрания. Два вечера посвящены были камерной музыке и два – исполнению больших оркестровых и хоровых пьес. Из оркестровых пьес были исполнены: увертюра из «Жизни за Царя», «Заздравный хор» из оп[еры] «Русалка», соч[инение] Даргомыжского, «Арагонская охота», соч[инение] Глинки, 2-я симфония Гайдна. Из хоров с оркестром: «Польский» из оп[еры] «Жизнь за Царя», «Молитва», муз[ыка] [Н.А.] Соколова, «Хор странников» из оп[еры] «Тангейзера», муз[ыка] Вагнера, для мужских голосов «Заздравный хор» из оп[еры] «Русалка», соч[инение] Даргомыжского. Все означенные вечера общества посещались публикою довольно усердно. Относительно школы решено было открыть ее с преподаванием игры на фортепиано, струнных инструментов, теории и сольфеджий, хоровых занятий. Для концертов была приобретена концертная рояль Шредера в 1500 руб. Значительно пополнена была музыкальная библиотека общества и покупкою новых сочинений, и доставлением в библиотеку нот, приобретенных обществом, существовавшим в 60-х и 70-х гг. После затишья летних каникул, музыкальное общество открыло осенний сезон камерным вечером, в котором исполнены были два квартета: Бетховена 1-й и 4-й, фортепианное трио Бетховена № 4. Партию фортепиано блестяще исполнил В.Г. Растропович.

Вслед за этим вечером мирное течение дел в дирекции получило иное направление, вредно повлиявшее на дальнейшее существование музыкального общества. Между директорами возникли печальные недоразумения⁵⁴. Что послужило причиною раздоров в дирекции? Молва в городе указывала на покойного А.А. Рехака, отчасти как на виновника несогласий и пререканий в дирекции. Отличный музыкант и опытный дирижер, г. Рехака, в силу племенной особенности был чрезвычайно самолюбив, на свои суждения о делах общества при исполнении своих дирижерских обязанностей он не терпел никаких возражений; с участниками в хоре и оркестре позволял себе не совсем вежливые замечания. Вообразив себя полным хозяином нотной библиотеки общества, он бесцеремонно забрал в свою квартиру оркестровые и вокальные партитуры. Относительно певцов-семинаристов, составлявших

лучшую часть хора, он, разобиженный какими-то возражениями на сделанные им грубые замечания, на одной хоровой репетиции во всеуслышание заявил, что общество, и главным образом он, Рехак, найдут гораздо лучших певцов, чем семинаристы. Те, разумеется, обиделись и решили не участвовать более в хоре общества. Насколько справедливы подобные суждения в среде воронежского общества о деятельности г. Рехака, как распорядителя музыкальной стороны муз[ыкального] общества, судить не будем; но такие слухи циркулировали в городе.

Вследствие значительных затрат на покупку концертного роля и оркестров[ых] партитур, материальные средства общества, и без того не особенно большие, сократились. По городу пошли слухи о непрочности последующего существования общества; такая молва проникла и в печать. В «Воронежских ведомостях» за 1884 г. была напечатана статья г. Вейнберга⁵⁵ «О деятельности воронежского музыкального общества и по поводу слухов о непрочности его существования».

В наступившем 1885 г. общество дало лишь музыкальный вечер в марте месяце. Этот вечер с музыкальной стороны был обставлен крайне бедно. Хор уже бездействовал на этом вечере. Публики собралось мало, а потому и сбор не окупил всех затрат на этот вечер. По поводу крайне запутанных дел общества было общее собрание всех членов 5-го мая. Собрание было бурное и продолжительное. Со стороны многих членов общества была предложена масса всевозможных мер к улучшению дел общества. Часть дирекции заявила о своем нежелании нести трудные и ответственные обязанности директоров. Был произведен выбор новых. В осенний сезон 1885 г. был лишь один камерный вечер. Публики собралось ограниченное количество; отсутствовали многие из членов общества. В новом 1886 г., в великом посту, общество успело устроить два вечера. На первом из них участвовал оркестр и хор уже из наемных певцов. Исполнены были: увертюра «Кориолан» Бетховена, «Комаринская» Глинки, увертюра из оп[еры] «Руслан и Людмила» Глинки. Хором были спеты: «В бурю, во грозу» в сопровождении оркестра из оп[еры] «Жизнь за царя», «Цыгане» и муз[ыка] Шумана. Сбор был порядочный, но часть сбора ушла на наем оркестра и хора. Последний вечер на 6-й неделе поста состоял из пьес камерной музыки: фортепианного трио Рубинштейна, струнных квартетов Гайдна и Моцарта. Исполнение было прекрасное, но зал собрания оставался наполовину пустым.

Эти два вечера были, так сказать, последнею лебединою песнью. Весной 1886 г. я вышел из состава общества. Припоминаю только, что в последующие годы деятельность музыкального общества фактически уже совсем замерла. О дальнейшей судьбе общества в 1887 и 1888 гг. привожу здесь указания П.А. Степанова, бывшего члена-учредителя общества в 80 гг., заключающиеся в его письме в редакцию газеты «Дон» за 1889 г., № 19⁵⁶.

«Вот уже два года, — пишет он, — как в музыкальном нашем обществе нет ни одного члена. Рассказывают, что на последнем общем собрании присутствовало всего 7 человек, из которых пятеро сделались директорами общества, состоящего из 2 членов... Где теперь эта дирекция? Где, наконец, имущество, которое принадлежало обществу: концертный рояль Шредера, гармония-флюг, филемела, несколько музыкальных принадлежностей, порядочное количество нот и пр. и проч.?».

Газета «Дон», поместившая у себя это письмо г. Степанова, объясняя причины падения музыкального общества 80 гг., высказала, между прочим, что «учредители общества, во-первых, вырастили громадного слона, кормить которого им было не под силу, а воронежская публика только на первых порах смотрела на него, как на диковинку; во-вторых, общество несло в себе все задатки разложения с самого начала, потому что служило только средством для удовлетворения некоторых честолюбий и appetitов».

Воронежский телеграф. 1904. 12 дек., № 145; 15 дек., № 146.
Дон. 1905. 12, 15 нояб., № 128, 130.

¹ Сомов Сергей Михайлович (1853–1924), губернский предводитель дворянства в 1895–1897 гг., статский советник.

² Миньяр-Белоручев Константин Александрович (1874–1944), дирижер, директор музыкального училища с 1904 г.

³ Трубецкой Владимир Александрович (1820–1879), князь, действительный статский советник, воронежский губернатор в 1864–1871 гг.

⁴ Мазараки (Мазаракий) Адриан Семенович (1835–1906), помещик, меценат, дел известной певицы Надежды Обуховой.

⁵ Учительская семинария в 1893–1905 гг. помещалась в доме усманской купчихи Домны Ивановны Кузнецовой на Мало-Дворянской улице, по правой стороне, в квартале между улицами Чайковского и Комиссаржевской.

⁶ Трубещкая Дарья Владимировна (1851–1916), в замужестве баронесса Фредерикс.

⁷ Сафонов Павел Иванович (1823–1892), действительный статский советник, в 1862–1879 гг. управлял акцизными сборами в Воронежской губернии. Был женат на сестре А.С. Мазараки, Александре Семеновне, дочери Анна (1852 – после 1910), в замужестве Муфель, и Мария (1855–1932), в замужестве Муфель.

⁸ Шидловский Илиодор Иванович (1827–1904), статский советник, в 1868–1875 гг. – воронежский губернский предводитель дворянства. Был женат на Марии Николаевне, урожд. Абаза (1838–1919), дочери: Мария (1862–1945), в замужестве графиня Стенбок-Фермор, Елена (1866–?), в замужестве баронесса Фредерикс.

⁹ Бринкман Александр Германович (1835–1899), впоследствии действительный статский советник, астраханский вице-губернатор. С марта 1870 по февраль 1872 г. он был старшим чиновником особых поручений при воронежском губернаторе.

¹⁰ Сталь фон Гольштейн Николай Александрович (1833–1887), генерал-лейтенант, владелец имения Репное под Воронежем. В любительских спектаклях активно участвовала его мать, Софья Николаевна, урожд. Шатилова (1814–1893).

¹¹ Паренаго Павел Аполлинарьевич (1823–1898), помощник губернского землемера в 1868–1886 гг., музыкант-любитель.

¹² Петров Н.Н., скрипач, автор нескольких музыкальных пьес, изданных в Воронеже в 1860–1870-е гг.

¹³ Лазарев-Санищев Иван Александрович (ок. 1803 – после 1869), отставной штабс-капитан, помещик Воронежского уезда.

¹⁴ Скрипицын Гавриил Васильевич (ок. 1831–1902), пианист, учитель музыки, и его брат Иван Васильевич, скрипач, учитель музыки.

¹⁵ Ромберг Бернхардт Генрих (1767–1841), немецкий виолончелист и композитор. В 1811–1812 гг. и в 1822–1827 гг. концертировал в России,

¹⁶ Серафим (Аретинский) (1812–1886), архиепископ, глава Воронежской епархии в 1865–1886 гг.

¹⁷ Соколов Иван Александрович, в 1904 руководил митрополичьим хором Александро-Невской лавры в Петербурге.

¹⁸ Попов Иван Алексеевич (1847–1916), выпускник Воронежской духовной семинарии 1869 г., в 1870–1871 гг. – надзиратель за малолетними певчими архиерейского хора. С 1881 г. – земский врач в Бобровском уезде. Умер в с. Большие Ясырки того же уезда.

¹⁹ Стефанович Осип Антонович (ок. 1835–1870). Сосланный в Воронеж поляк, погребен на Лютеранском кладбище.

²⁰ Липиньский Кароль (1790–1861), польский скрипач и композитор.

²¹ Виноградов Николай Васильевич (1831–1900), статский советник, преподаватель пения в Воронежском кадетском корпусе в 1868–1891 гг.

²² Речь идет о дочерях доктора Германа Федоровича Столь (ок. 1809–1887), Марии (1843–1940), в замужестве Мюфке, Анне (1844 – после 1922), в замужестве Пуле, Екатерине (1854/55 – после 1917), в замужестве Шерфер.

²³ Гельм Рудольф Андреевич (1842 – после 1920), пианист, композитор, дирижер. Дирижер оркестра и хора в Воронеже в 1869–1871 гг.

²⁴ Здание не сохранилось, находилось на углу современных улиц Ф.Энгельса и Чайковского.

²⁵ Здание не сохранилось, находилось на современной ул. Феоктистова.

²⁶ Директорами Воронежского кадетского корпуса были: в 1865–1870 гг. – генерал-майор Павел Петрович фон Винклер (1816–1885), в 1870–1878 гг. – генерал-майор Алексей Петрович Тыртов (1834–1893).

²⁷ Речь идет о Надежде Николаевне Калиновской, дочери воронежского вице-губернатора в 1860–1869 гг. Николая Ивановича Калиновского (1817–1869). Она окончила Московскую консерваторию в 1879 г. с большой серебряной медалью, ученица Н.Г. Рубинштейна.

²⁸ Пианист и дирижер Николай Григорьевич Рубинштейн (1835–1881) выступал в Воронеже в марте 1868 г. и в январе 1869 г., его брат, композитор, пианист и дирижер Антон Григорьевич Рубинштейн (1829–1894) приезжал в Воронеж осенью 1869 г.

²⁹ Скрипач Аполлинарий Контский (1825–1879) и его брат, композитор и пианист Антон Контский (1817–1889), гастролировали в Воронеже летом 1868 г.

³⁰ Скрипач Генрих Венявский (1835–1880) выступал в Воронеже летом 1868 г. и в марте 1872 г.

³¹ Чешский скрипач и композитор Фердинанд Лауб (1832–1875) выступал в Воронеже в 1871 г.

³² Певец Комиссаржевский Федор Петрович (1838–1905) приезжал в Воронеж в 1870 г.

³³ Леонова Дарья Михайловна (1829, по другим данным 1834–1896) пела в воронежском театре в конце 1867 г.

³⁴ Концерты певицы Меньшиковой в Воронеже отмечены в 1870 г.

³⁵ Концерты с участием композитора Модеста Петровича Мусоргского (1839–1881) в Воронеже состоялись 3–5 октября 1879 г., в них участвовала также Д.М. Леонова.

³⁶ В.А. Трубецкой покинул Воронеж в феврале 1871 г.

³⁷ См. разделы I и II настоящей публикации.

³⁸ Цезаревский (Владимиров) Павел Владимирович (1850–1907), мемуарист, врач. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Младший врач 71-го резервного пехотного батальона, расквартированного в Воронеже в 1879–1882 гг. Автор статьи «Архиерейский хор воронежского преосвященного Серафима» (ВЕВ. 1904. № 3. С. 94–121).

³⁹ Степанов Павел Анисимович (1847–1914), мемуарист, музыкант. См. его воспоминания «Музыка и театр в Воронеже в 1873–1893 гг.» в настоящем сборнике.

⁴⁰ Сафонов Афанасий Алексеевич (1859–1914), литератор, в 1877 г. окончил воронежское реальное училище. Впоследствии был председателем музыкально-драматического кружка в Острогжоске. Возможно, речь идет о его дяде, Павле Ивановиче Сафонове (1823–1892), музыканте-любителе, действительном статском советнике.

⁴¹ Гамбург Михаил Клементьевич (1855–1916), музыкальный деятель, педагог. Жил в Воронеже в 1879–1888 гг. В 1879 г. открыл музыкальные классы, которые в 1882 г. перешли под покровительство Императорского Русского музыкального общества.

⁴² Малкин Лев Григорьевич, скрипач, выпускник Московской консерватории (поступил в 1868 г., ученик Ф. Лауба), преподаватель музыки в Воронеже.

⁴³ Рехак Антон Антонович (ок. 1845 – 1906), дирижер, преподаватель музыки Воронежского кадетского корпуса с 1880 г.

⁴⁴ Абрамов Василий Алексеевич, псаломщик, учитель пения в различных начальных учебных заведениях Воронежа, в 1880-е гг. преподавал пение в губернской мужской гимназии

⁴⁵ Шаповалов Филипп Семенович (? – после 1911), помощник регента архиерейского хора, затем учитель пения в женской прогимназии (с 1879 г.), учительской семинарии.

⁴⁶ Мемуарист приводит фамилию Полякова с разными инициалами: В.Ф., затем А.Ф. В воспоминаниях П.А. Степанова упоминается учитель музыки Поляков.

⁴⁷ Розенберг Самуил Соломонович (?–1907), присяжный поверенный при Окружном суде, или его сын Александр Самуилович (?–1905).

⁴⁸ Богданович Александр Васильевич (1820–1898), тайный советник, воронежский губернатор в 1878–1890 гг.

⁴⁹ Общее собрание состоялось 23 января 1883 г. Помимо названных лиц, членами дирекции утверждены также учитель музыки В.В. Оберн и врач Г.Ф. Столь (1812–1887).

⁵⁰ Ростропович Витольд Ганнибалович (1858–1913), преподаватель музыки, жил в Воронеже с 1879 г. Дед М.Л. Ростроповича. Более подробно об участии В.Г. Ростроповича в музыкальной жизни Воронежа см.: Акинъшин А.Н. Воронежские Ростроповичи. Семейный портрет на фоне истории. Воронеж, 2006. С. 69–82.

⁵¹ Шидловский Илиодор Иванович (1827–1904), тайный советник, губернский предводитель дворянства в 1868–1875 гг.

⁵² В 1880-е гг. В.Г. Калашников содержал гостиницу у Митрофановского монастыря, в бывшем доме И.Н. Дебольцова (впоследствии гостиница «Франция»). См.: [Пантелеевский Н.] История дебольцовского дома // Дон. 1886. 24 июля.

⁵³ Димитрий (Самбикин Дмитрий Иванович; 1839–1908), архиепископ Казанский и Свяжский. В 1881–1886 гг. – ректор Воронежской духовной семинарии.

⁵⁴ О конфликте между В.Г. Ростроповичем и А.А. Рехаком см.: Акинъшин А.Н. Указ. соч. С. 72–73.

⁵⁵ Вейнберг Леонид Борисович (1849–1901), краевед, секретарь Губернского статистического комитета в 1884–1891 гг. Статья была напечатана в № 7 за 1884 г.

⁵⁶ Степанов П. Письмо в редакцию // Дон. 1889. 12 февр.

П.А. Степанов

МУЗЫКА И ТЕАТР В ВОРОНЕЖЕ В 1873-1893 ГОДАХ

Воспоминания П.А. Степанова, укрывшегося за псевдонимом «Дж. Боккаччио», появились в восьми номерах газеты «Дон» (1898, с 18 октября по 15 ноября). С конца 1880-х гг. и до начала первой мировой войны на страницах сначала «Дона», затем «Воронежского телеграфа», «Юго-Восточной России» и «Живого Слова» едва ли не ежедневно появлялись корреспонденции на злобу дня, подписанные «Дж. Боккаччио». Материалы были как прозаические, так и стихотворные. Нередко рифмованными строками заполнялась треть, а то и половина газетной полосы. Одновременно на первой странице помещались объявления преподавателя музыки П.А. Степанова о наборе учеников. Близкие друзья музыканта и журналиста, конечно, знали о двух его творческих ипостасях. Но публично псевдоним был раскрыт лишь в газетных некрологах в июне 1914 г.

Павел Анисимович Степанов (1846–1914) жил в Воронеже с 1873 г. и до конца своих дней. Он был человеком увлеченным, занимался не только музыкой, написав несколько вальсов и маршей, не только преподаванием по классу фортепьяно, не только журналистикой, но еще и издательским делом. В 1888 г. в Воронеже был опубликован сборник его стихотворений, не пользовавшийся большим успехом у публики (Стихотворения П.А. Степанова. Ч. 1. Издание книжного магазина В.В. Юркевича. Воронеж, 1888. 128 с.). Книгу можно сейчас обнаружить только в центральных библиотеках, в ней есть стихи, посвященные памяти И.С. Никитина, некоторые другие воронежские реалии. С 1906 по 1909 г. с перерывами, обусловленными цензурным вмешательством, П.А. Степанов издавал юмористический журнал «Будень», ни одного номера которого мне не удалось отыскать ни в Российской государственной, ни в Национальной библиотеках. Пожалуй, единственную оценку литературного творчества Дж. Боккаччио дал в одной из своих статей А.М. Путинцев: из местных поэтов, считал он, «нужно упомянуть, как о наиболее крупных, о таких,

как П.А. Степанов, в течение долгого ряда выступавший в местных газетах со злободневными стихами на местные темы».

Воспоминания П.А. Степанова о музыкальной и театральной жизни использованы З.Я. Анчиполовским в книге «Старый театр» (1996). Однако содержание записок значительно шире отдельных фактов театрального быта. Яркий и образный язык музыканта делает мемуары легко читаемыми, приближая их к беллетристике. Достоверность сообщаемых им фактов несомненна, многие из них подтверждаются записками известных актеров, побывавших в Воронеже: В.Н. Давыдова, Н.Н. Синельникова, театральными очерками В.А. Гиляровского. Ценны в воспоминаниях Павла Анисимовича воронежские реалии, отношение местной публики к театральному и музыкальному искусству. Обеспокоенный упадком деятельности местного отделения Русского музыкального общества, он за своей подписью направил письмо в редакцию газеты «Дон» (1889, 12 февр., № 19), где изложил предысторию его создания. Отдельные сюжеты, раскрытые по газетной периодике, можно обнаружить в книге Ю.В. Воронцова «Музыкальная жизнь дореволюционного Воронежа: (Исторические очерки)» (1994).

Умер П.А. Степанов 21 июня 1914 г. и был погребен на Новостроящемся кладбище.

Далеко не все упоминаемые в воспоминаниях имена оказались возможным прокомментировать. Там, где удалось обнаружить только инициалы актеров, они введены в текст в квадратных скобках.

* * * * *

Воспоминания, которыми я хочу поделиться с читателями, обнимают период времени с октября месяца 1873 года до начала девяностых и даже до более позднего времени. Главные мотивы этих воспоминаний – музыкальное и театральное дело в Воронеже в прежние годы. Воспоминания составят целую серию очерков... Спешу оговориться, что читатель не найдет в моих очерках из прошлого – ни строгого хронологического порядка, ни особенной последовательности в рассказе, ни какой-либо системы в изложении; я писал просто то, что помнил и что – я думал – может быть, пригодится для будущего историка прогресса театрального и музыкального дела в Воронеже, конечно, если такой историк когда-либо явится...

I.

Я приехал в Воронеж 20 сентября 1873 года. Семья моя состояла в то время из меня, жены моей¹ и пятимесячного ребенка – дочери². Надо заметить, что прежде чем выбрать Воронеж местом своего постоянного жительства, я долго думал и гадал: куда мне отправиться и где основаться? Воронеж я выбрал только потому, что в нем жил и служил близкий родственник жены моей; авось, я думал, родственник этот поспособствует мне в получении какого-либо места или занятия, так как в кармане у меня, в момент приезда, было только девяносто пять копеек, и эти деньги были единственным моим капиталом; была, впрочем, еще разная рухлядь в дорожном сундуке, но она состояла из предметов самых необходимых. Что было делать? Что предпринять? Мне было 27 лет. Надежды на воронежского родственника не оправдались – он ничего не мог или не хотел для нас сделать... Мне казалось, что бездна нищеты, горя и лишений открывается у моих ног, но ... я ошибся и выплыл, да еще так выплыл, что несколько лет служил удивлением для многих. В сущности же удивительного ничего не было. Я вырос и воспитывался в Петербурге, где, между прочим, приобрел довольно солидные знания по музыкальной части; знания эти и теоретически, и практически я поддерживал в себе все три с половиною года, прожитые мною в провинции; но, отправляясь в Воронеж, я и не мечтал даже, что знания эти могут мне пригодиться в большом губернском городе, где – как я воображал – масса образованных музыкантов, учителей музыки и т.д. Я оказался на деле не только не лишним музыкантом и учителем, – напротив – необходимым и попавшим в город как раз вовремя... Уроками меня положительно завалили. Через два месяца по приезде, я имел уже двести рублей в месяц, а через четыре – уже более трехсот. Разумеется, я воскрес духом, обзавелся всем необходимым, завел знакомство и зажил жизнью беспечного, довольного судьбой человека. Любя страстно, кроме музыки, еще театр, я, имея достаточно свободных денег, посещал очень часто театр и концерты, наблюдал, кое-что записывал и вот теперь выбрасываю весь балласт моей памяти, накопившийся в течение четверти века.

Осенью 1873 года, кажется, в ноябре, в Воронеж приехал дать концерт покойный Николай Григорьевич Рубинштейн³; о концерте его афиши были расклеены раньше, за две недели до приезда, а за четыре дня до концерта уже ни одного билета нельзя было достать. Я едва достал билет, и то на хорах против люстры, так

что во время концерта видел только ноги артиста и ножки рояля и, конечно, упивался мастерской игрой Николая Григорьевича.

Почти всю программу концерта Рубинштейн исполнил один (solo), только последний большой номер второго отделения был сыгран с аккомпаниментом оркестра (*Es-dur* – концерт Листа). Мне известно, как трудно было артисту наладить этот единственный номер программы с оркестром, слишком плохим и негодным при мало-мальски осмысленном серьезном исполнении, а Николай Григорьевич педантически исполнял музыкальные задачи, которые задавал себе, играя в концертах, и потому на репетициях страшно сердился на воронежских музыкантов и чуть было не уехал, бросив на произвол судьбы и жалкий оркестр, и публику, с нетерпением ожидавшую концерта.

Вскоре после отъезда Рубинштейна, прибыл в Воронеж известный в то время артист-певец Платон Анемподистович Радонежский⁴; он приехал в Воронеж уже не в первый раз; оказалось, что воронежцы любят его пение, и потому его единственный концерт был очень успешен. Помню восторг публики при исполнении артистом популярной песни «Ах, мороз-морозец». Для меня лично концерт Радонежского знаменателен тем, что я, по его приглашению, также участвовал в исполнении программы, – это был первый мой дебют пред воронежской публикой; в те дни я с удовольствием прочитал чью-то рецензию в газете «Дон» об этом концерте; рецензент благосклонно меня похвалил.

Воронежским губернатором в то время был действительный статский советник Кованько⁵ – по происхождению малоросс, добродушный, прекрасный человек; любя музыку и общество, Кованько часто собирал у себя гостей, между которыми, благодаря умению петь или играть на каком-либо инструменте – попадались личности, стоящие не очень высоко на общественной лестнице; к числу последних принадлежал и я. Вечера у губернатора отличались непринужденностью, простотой и посещались с удовольствием.

В зимний сезон 1873–1874 года в воронежском театре антрепренерствовал некто Лаухин⁶, – плохой актер, но ловкий делец. Труппа была весьма порядочная; давались драмы, комедии и оперетки. Сборы были солидные. Нужно сказать, что здание зимнего театра тогда представляло совсем иной вид, чем теперь; это было неуклюжее, сараеобразное строение, грязноватое, бестолково распланированное и, в случае пожара, представлявшее настоя-

шую западную или «мышеловку» – как говорили тогда⁷. Известный актер Мариус Мариусович Петипа⁸ был в это время в числе персонажей труппы и играл не в драме, как впоследствии, а только в оперетке; голосок у него был жиденский, но играл он бойко, хорошо и, благодаря своей замечательно красивой наружности – сводил с ума всех воронежских не только Фрин, но и Диан. Выдающаяся драматической артисткой в труппе Лаухина была очень талантливая г-жа Майерова, жена театрального капельмейстера Кондрашева⁹, который, кстати сказать, был знающим свое дело человеком, но, благодаря мягкому, слишком податливому характеру, сильно распустил свою музыкальную команду. Не могу не сказать двух слов о «знаменитом» в оркестре Кондрашева барабанщике Громоу; своею популярностью этот барабанщик обязан уж не знаю чему: непомерному ли пьянству, искусству ли играть на барабане или своим ловеласовским наклонностям... Помню, по крайней мере, что частенько в театре, после сыгранной оркестром пьесы, из райка кричали: «Громова! Громова! Молодчина!»

В тот же сезон подвизалась на театральных подмостках в качестве опереточной примадонны г-жа Райчева¹⁰; не та Райчева, которую мы видели недавно в труппе [А.И.] Похилевича, а молодая, стройная, пикантная красавица, с прекрасным мастерски обработанным сопрано, с правдивой кокетливой игрой, – одним словом, артистка в настоящем значении этого слова... Да, многим эта г-жа Райчева вскружила тогда головы!

Г. Далматов¹¹ – впоследствии выдающийся артист императорских театров – играл также в труппе Лаухина, исполняя роли любовников...

Театральные коридоры (в ярусах), из которых можно было попасть в ложи, представляли собою какие-то узкие, низенькие проходы, со скрипучими полами, полуосвещенные, окрашенные водяною охрой; капельдинеры, часто нетрезвые, бросались в глаза своим независимым видом и свободой обращения с публикою. Из тесного и грязноватого фойе театра (в нижнем этаже) был ход в помещавшуюся тут же в здании театра, кондитерскую, кажется, Савина¹², в которой, кроме пирожков и сладостей, можно было получать рюмками коньяк и вино. Интеллигентная публика в антрактах курила и закусывала в этой кондитерской.

В декабре 1873 года мне пришлось первый раз быть на квартетном вечере у полкового командира Можайского полка полковника Каппеля¹³. Каппель любил преимущественно классическую музы-

ку, и современных музыкантов-композиторов называл «пустозвонами и бесструнными балалайками», хотя, впрочем, слушал одинаково внимательно и бетховенский квартет, и скрипичные вариации Берлио¹⁴. У Каппеля после я бывал много раз, и хотя не участвовал в квартетах, но соло на рояле исполнял постоянно. Кроме меня у него бывало немало воронежских музыкантов-любителей, между которыми были и специалисты-скрипачи, например г. Поляков, учительствующий в Воронеже и в настоящее время.

II.

Не у одного только полковника Каппеля устраивались квартетные вечера и собирались небольшие кружки любителей музыки, так, например, у Д-кого, у Б-ого и у других – музыкальные собрания имели характер еженедельных журфиксов, – причем всегда в конце вечера подавался скромный ужин, конечно, с питиями, и гости уходили домой сытые и доморощенной музыкой, и котлетами с горошком или с картофелем. При устройстве квартетов всегда трудно было достать виолончелиста; единственный специалист на этом инструменте г. [Н.Е.] Плотников (музыкант театрального оркестра, здравствующий и до настоящих дней) приглашался на расхват, несмотря на то, что многие были недовольны его игрой и смеялись над ним, говоря, что он играет «с подъездом», то есть, не берет ноту сразу чисто, а как бы сначала подъезжает к ней; но, тем не менее, Плотникова заменить было некем, и он долгое время продолжал быть неизбежным членом каждого квартета.

В конце шестидесятых годов в Воронеже существовало хорошо организованное музыкальное общество со всевозможными атрибутами: концертами, вечерами, общими собраниями и проч., но когда я приехал в Воронеж – общество уже не существовало: оно распалось со смертью своего покровителя, известного в то время богатого мецената Мазараки¹⁵.

Учителей музыки в Воронеже в 1874 году было немного, преподавали: гг. [К.Ф.] Фейст, Грибоедов¹⁶, Скрипицын¹⁷, Поляков, я, Астафьева¹⁸, Микулина, Едличко¹⁹ и еще несколько учительниц, из которых весьма немногие обладали солидными знаниями. Заработок учителей был хороший, но большинство учительниц имели от двадцати до сорока рублей в месяц.

Директором в воронежском кадетском корпусе был тогда генерал Тыртов²⁰, жена которого чрезвычайно любила музыку и театр; в зале корпуса устраивались помимо обычных ученических

кадетских музыкальных репетиций еще музыкально-драматические вечера, в которых директорша принимала живое участие; раза два-три в год давались спектакли любителями из корпусных воспитателей, их жен и приглашенных из города, спектакли не были бесплатными; сбор обыкновенно предназначался в пользу какого-либо благотворительного учреждения. Бывали и курьезы в этих спектаклях. Так, я помню, раз во время представления каких-то тургеневских драматических сцен, любители до того плохо знали свои роли, что путали и ввали отчаянно; одна барыня, выйдя на сцену и не найдя на ней лиц, с которыми ей надо было разговаривать, сочинила такую фразу: «Куда же это все ушли? Никого нет...». Суфлер почти вслух вызывал какую-то Марию Ивановну, публика смеялась; и, наконец, исполнительница, забыв, что она в спектакле, а не на репетиции, рассердившись, крикнула за кулисы: «Марья Ивановна, это низко, с вашей стороны, не выходить и ставить меня в смешное положение!...».

Марья Ивановна вышла, и спектакль продолжался своим порядком... До чего любители иногда зарапортовывались, исполняя свои роли, можно видеть из следующего: шел какой-то водевиль, не то фарс – не помню; на сцене стоял стол с чайным прибором; действующие лица пили чай; один из исполнителей, которому по роли следовало попросить у хозяйки Матрены Ивановны кусочек лимона, выпалил такую фразой: «Лимонна Ивановна, отрежьте мне кусочек Матренчика!» В результате – замешательство актеров и полное удовольствие зрителей.

Время семидесятых годов для Воронежа было – благодатное время. Наши частные банки вместе с теперь уже похороненным «взаимным кредитом», действовали всюду, открывая кредит всем, кому не лень было брать деньги. Кумовство и приятельство процветали в банках. Купеческие рысаки, один другого дороже, мчались по Дворянской из конца в конец. Богатые наряды купчих, крупная игра в клубе, вакханалии и оргии воронежских соврасов, бесшабашный канкан на театральных подмостках, костюмированные вечера, маскарады купеческого и дворянского клуба, а также и театральные – как туман, висели над городом. Театр и концерты посещались усердно, так как денег у всех было достаточно, а если у кого и не хватало – стоило обратиться к приятелю торговцу, тот ставил свой бланк на векселе и деньги являлись.

Помню зиму 1875 года. Почему-то вышло разрешение играть актерам в Великом посту, начиная со второй недели. Фарисеи, без

которых не обходится ни один класс общества, забили тревогу: «Разве можно? помилуйте! Когда это бывало?» и т.д. Даже не фариесеи говорили: «Ну, кто пойдет в театр в Великом посту? К чему это? Надо воздержаться! Надо и честь знать!..» И вот явилась афиша, возвещавшая на воскресенье, такого-то числа оперетку «Зеленый остров». Каждый из театралов мог рассуждать таким образом: «Ну, кто пойдет в эту пору в театр? Вероятно, в нем будет двадцать, много, тридцать человек, – дай-ка я пойду, так, из любопытства, посижу полчаса и домой...».

Вследствие этого или других каких причин, но театр в первое великопостное представление оказался совершенно набитым зрителями. Многие с недоумением посматривали друг на друга и лица их как бы говорили: «Как же так? Иван Иванович говорил, что не пойдет, а он – вот он сидит... Андрей Андреевич хотел идти к отцу Ивану, а вместо того... Ах, он проказник!..». И так далее, и т.д. Одним словом, несмотря на великопостное время, театр не пострадал от убыли зрителей... Впрочем, уже в следующем году великопостные представления были запрещены.

Из выдающихся, любимых публикою актеров помню Иконникова²¹ и Пивоварова; первый даже ставил на сцене очень недурные пьесы собственного сочинения; одна из них под заглавием «Саврасушки-кормилицы» – сколько мне известно – получила приз на каком-то драматическом конкурсе²².

Пивоваров был хороший исполнитель, но большой кутила. Однажды в антракте какая-то знакомая с этим актером, довольно важная особа, на поклон Пивоварова протянула ему высокомерно два пальца; актер, бывший под мухой, не задумываясь, ударил по руке особы и выпалил: «Я артист, а не ваш подчиненный, прошу быть вежливей!» Особа, конечно, сконфузилась, и случай этот кончился ничем.

В этом же 1875 году в зимнем театре случилась пожарная тревога, к счастью, обошедшаяся без серьезных последствий. Шла какая-то переводная французская драмиша. Зрителей на этот раз в театре было мало. Вдруг многие из публики стали крутить носами и испуганно переглядываться. Запах гари и дыму откуда-то проник в зрительную залу. Послышались тревожные голоса; стали вскакивать с мест; поднялась суматоха. Через пять минут в театре не было ни души. Многие убежали и уехали домой, оставив на произвол судьбы свои шубы и пальто... На другой день разъяснилось, что где-то под сценой, чуть не в преисподней, от свечи за-

горелась скамейка и стала чадить... Разумеется, этот ничтожный пожар был тотчас же потушен, а перепуганные насмерть зрители явились на следующее утро за своим платьем...

Великопостные концертные сезоны семидесятых годов в Воронеже были не бедны заезжими артистами; большинство их давали концерты в зале дворянского собрания; некоторые из неважных концертистов довольствовались залой купеческого клуба, который в то время не был соединен с так называемым «благородным собранием» (прозывавшимся местными шутниками «клоповником») и помещался в доме Шванвича, рядом с гостиницей того же владельца (ныне гостиница «Москва»), на углу Большой Дворянской и Семинарской горы²³.

Помню афишу одного из этой второй серии захудалых концертантов, на которой значилось: «10 марта 1874 года известный во многих европейских и азиатских городах Клементо-Клементин даст концерт на концертине» и т.д. Я был на этом концерте и слушал игру этого артиста, гармоника и концертину которого, кроме того, что изрыгали из себя всевозможные арии, но даже стреляли...

Как я уже говорил, благодаря легкому кредиту в банках, денег у воронежцев в ту пору было довольно, и потому редкий концертант уезжал из Воронежа с пустым карманом. Впрочем, бывали и исключения; так, одна из певиц, какая-то Федорова-Мюрат (довольно хорошее сопрано), несмотря на покровительство высших сфер, газет и в особенности доктора Предтеченского²⁴, все-таки торжественно провалилась в двух концертах и уехала, непризнанная воронежцами и с пустым кошельком.

Тогда, как и теперь, временами наезжали в Воронеж престижитаторы²⁵ и фокусники, дававшие обыкновенно свои представления в зимнем театре, и они редко оставались в накладе. Помню, один из них – кажется, Эпштейн – выкинул необычайно ловкий фокус, о котором много говорили несколько месяцев спустя после его отъезда. Фокус состоял в том, что этот господин Эпштейн поместил свою дочь для воспитания на полное содержание в процветавший тогда пансион благородных девиц г-жи Депнер²⁶ (на Садовой улице); папенька внес за дочку за три месяца деньги вперед и ... больше ни разу не появился в Воронеже; был слух, что он уехал в Америку. Над девочкой сжалились и воспитали ее чужие добрые люди на свой счет. Не правда ли – фокус довольно необыкновенный!

III.

В начале семидесятых годов, и даже раньше, в Воронеже был очень популярен, хотя уже на склоне жизни, местный обыватель, домовладелец и землевладелец, помещик, богатейший вивер Вигель²⁷. Памятником ему служит в Воронеже дом и усадьба на Поповом рынке, пожертвованные владельцем – по духовному завещанию – земству; там в настоящее время, как известно, родовспомогательное заведение и приют для подкидышей. Этот Вигель – личность замечательная и оригинальная. Я распространяюсь о нем потому, что он был большой любитель музыки и искусства вообще...

Фигура его представляется мне в таком виде: невысокий полноватый старик, в длинном сюртуке особого покроя, со скучающим видом и с неизменным лакеем за спиной, обремененным кисетом с табаком и трубкой... Ни один концерт не проходил без присутствия Вигеля; оригинальный старик в концертах всегда брал место в первом ряду, но никогда не сидел в своем кресле; ему ставили стул около эстрады, и он сидел постоянно лицом к публике. Воронежцы в то время настолько привыкли к нему, что это никому не казалось странным. После его смерти осталось очень много ценных произведений искусства, целые картинные галереи. Конечно, многое было продано за бесценок; например, я знаю, великолепный парижский стереоскоп, стоивший владельцу две тысячи рублей, был приобретен за двести рублей... Будущий историк города Воронежа обязан посвятить Вигелю не одну страницу своей летописи.

Театральные бенефисы актеров в ту пору проходили совсем не так, как проходят они теперь. Теперь бенефициант, расклеив двухаршинные афиши по городу и иногда разослав маленькие программы более влиятельным лицам, успокаивается и ждет выручки. Тогда совсем было иначе. Актер зачастую сам лично ходил по лавкам и магазинам, предлагая купцам билеты на свой бенефис, и, конечно, во многих случаях делал это с пристрастием, т.е. кланча и упрасивая.

Мне приходилось не раз видеть этих бенефициантов, странствующих по базару с пачкою билетов...

Старожилы Воронежа, вероятно, помнят таких актеров зимнего театра, как Кварталов²⁸ и Матковский²⁹; особенно последний в комедиях Островского, в фарсах и в малорусских пьесах был хорош. Матковский был комик по рождению; талант его не де-

ланный, не вымученный, как у многих полупризнанных актеров нынешних, а настоящий, без фальсификации... Очень жаль, что этот действительный артист бросил сцену и теперь занимается совсем не артистическим делом.

Музыкальная торговля в семидесятых годах была всецело в руках фирмы В. Кастнера³⁰. Магазин этого торговца помещался на Большой Дворянской, – там, где теперь Центральная гостиница³¹, в доме Васильева, – и имел большие доходы, потому что, кроме торговли нотами и музыкальными инструментами, он устраивал концерты приезжающим артистам и за это, разумеется, имел приличную мзду. Впрочем, была еще лавочка, где продавались ноты, а иногда и подержанные рояли, это – книжный магазин Аносова³²; почему Аносов при книжном деле торговал нотами – я не знаю, но помню, что ноты у Аносова продавались вдвое дешевле, чем у Кастнера.

Для воронежской интеллигенции, кроме театральных спектаклей и концертов, служили развлечением также маскарады дворянского собрания, которые в то время были интересны и занимательны их посещали обыватели всех слоев общества. Маскарады эти были приличны и ничуть не походили на разнузданные вальпургиевы ночи, на которые так похожи маскарады последних годов; на маскарады дворянского собрания отправлялись целые семейства, не рискуя быть оскорбленными или – увидеть какие-либо непристойности... Теперь времена изменились, и в воронежских театральных маскарадах встречаются только поклонники Бахуса да подозрительные особы женского пола.

В конце семидесятых годов на воронежской сцене подвизалась известная в то время провинциальная актриса Любская³³; она была исполнительница очень талантливая, умная, разносторонняя и, хотя старой школы, но симпатичная актриса; из всех ее дебютов замечателен один, заставивший говорить о нем чуть ли не всю российскую печать. Госпожа Любская поставила в свой бенефис шекспировского «Гамлета» и играла заглавную роль в мужском костюме. Явление это было экстраординарное.

Любская первая из актрис всего мира сделала попытку сыграть эту трудную роль, и это уже говорит много за серьезность дарования Любской. В свое время в местных газетах много писали об этой попытке.

Одновременно с Любской играла на воронежской сцене Лебедева³⁴, тоже талантливая актриса, но более молодая, и никогда

еще воронежские театралы так резко не делились на партии, как в это время. Были партии Любской и Лебедевой, и обе, как водится, строили друг другу разные каверзы; когда одни хлопали Любской, другие ей шикали и наоборот: когда одни хлопали Лебедевой, то шикали ей поклонники Любской. Оба таланта тоже интриговали друг против друга: однажды Лебедевой надо было выходить на сцену – а ее костюм в уборной был изрезан. Тогда винили в этом Любскую. Поклонники одной актрисы сочиняли эпиграммы на другую. Так, я запомнил четырехстишие, сочиненное одним воронежским обывателем по поводу Любской в роли Гамлета:

Чтоб сделать чистому искусству
Совсем ненужную уступку –
В противность вкусу, смыслу, чувству –
Гамлет оделся в бабью юбку!..

Любская в Воронеже вышла замуж за Далматова³⁵, ныне актера казенной сцены, а двадцать лет назад в Воронеже игравшего хлыщей и злодеев.

Обе актрисы давно умерли.

В 1877 году некто Васильев³⁶, близкий родственник Кандинцеву³⁷, содержавшему в ту пору Петербургскую гостиницу (на углу Дворянской и Садовой) – задумал построить летний театр; денег у Васильева было немного, но он решился, по его выражению, «облагодетельствовать Воронеж». Как-то раз, в весенний мартовский день строитель этот встретил меня на Третьей Дворянской и показал план и чертежи будущего летнего театра по проекту архитектора Баранова³⁸. По расчету Васильева, здание театра должно было обойтись не более, как в десять тысяч рублей, но впоследствии оказалось, что театр обошелся не в десять, а в двадцать тысяч с лишком. Живо был вырублен фруктовый сад в усадьбе дома г-жи Гаушильд³⁹, на углу Тулиновской и Третьей Дворянской, и застучали плотники, возводя будущий новый храм Мельпомены. Театр готов был весьма скоро, и первым антрепенером явился неизвестный своими скандалами провинциальный антрепенер Казанцев (Безсонов)⁴⁰. Живо помню открытие этого первого летнего театра в Воронеже⁴¹. Несмотря на довольно дорогие цены, на первый спектакль все места были проданы, и новый оркестр, во главе с капельмейстером Г.О. Шмидтом, огласил увертюрой новое здание театра. Оркестр с первых же дней завоевал симпатии публики. Шмидт был хотя и не особенно ученым музыкантом, но умел держать оркестр в руках и исполнял все новые вещи, неслы-

шанные нашею публикою; притом исполнение было тщательное, обработанное в деталях, и потому непривычное для воронежских ушей, слышавших только доморощенный плохонький оркестр. У Шмидта были солисты: хороший корнет, кларнет и флейта, на которой показывал свое искусство родной брат капельмейстера И.О. Шмидт.

Насколько были дороги места в театре, можно судить по тому, что на верху, рядом с галеркой, место стоило рубль; разумеется, дорогих цен публика долго выдержать не могла, и потому зрительная зала частенько стала пустовать; вследствие этого цены были сбавлены, и антрепренер Казанцев имел возможность окончить сезон без всяких инцидентов. Как актер, Казанцев не представлял ничего особенного, но самомнение у него было самое нестерпимое: любил он играть королей, принцев, властителей и проч.; любимая его, «коронная» – как он говорил – роль была герцога Ришелье в драме того же названия. Труппу Казанцев держал в ежовых рукавицах; многие актеры ворчали на него, но, тем не менее, пока он антрепренерствовал в Воронеже первый год, они были довольны относительно полочки жалованья.

Капельмейстер Шмидт был, кажется, целых три летних сезона подряд дирижером оркестра и хора. Трудно поверить, какие в то время были не только опереточные певцы, но и примадонны. Например, по свидетельству Шмидта, опереточная премьерша Востокова пела весь свой репертуар по слуху, не зная ни одной ноты, и по музыке теоретически была вполне безграмотная; про хористов и говорить нечего... Какого же труда стоило антрепренеру разучить с такими «артистами» сложные ансамбли комических опер!

Как я уже говорил, Казанцев первый летний сезон додержал до конца; но второе лето он антрепренерствовал только до 1-го июля, так как дела пошли плохо, и антреприза попала в другие руки. Причиной падения дела Казанцева были его самовластие и самомнение: за большую мзду он стал допускать на театральную сцену бесталанных любителейниц, не умевших ступить на сцене. Развелись наемные хлопальщики, и любители театра перестали ходить.

На воронежском горизонте Казанцев появлялся в течение последних 20 лет еще три раза: два – в качестве актера, а один – в качестве антрепренера зимнего театра. Эти посещения всегда кончались скандалами: антреприза лопалась, газеты не признава-

ли претензий актера на первые роли, составлялись на Казанцева протоколы за буйство, таскали его к мировым судьям, описывали имущество, запечатывали кассу. После одного грандиозного скандала в городском саду, устроенного им своему бывшему приятелю Ю., Казанцеву был запрещен даже вход в сад. Эти скандалы сопровождали Казанцева во всех городах, куда он ездил дивить своим талантом провинциальную публику, и продолжались до самой смерти его.

Лучшим, можно даже сказать, золотым временем для «Эрмитажа» (так назван был сад) было время антрепризы Гавриила Мироновича Коврова⁴². Об этом времени стоит поговорить особо.

IV.

Из числа антрепренеров, орудовавших в конце семидесятых годов в зимнем театре, самым умелым и, пожалуй, даже счастливым – относительно сборов – был Г.В. Матковский; антреприза его была удачна еще потому, что в Воронеже в то время, как я уже говорил, денег у большинства театралов было достаточно. Матковский, мало того, что был недюжинным талантом, но умел еще и дело делать; про него говорили, что он «на обухе рожь молотит». Может быть, это была и правда, так как, начав с ролей выходных актеров, Матковский быстро пошел в гору и, сделавшись в короткое время заметным исполнителем, приобрел еще некоторые, весьма небольшие деньжонки, которые он умел беречь, пускал их в оборот и т.д., так что, явившись антрепренером, был уже опытным жизненным бойцом, выдавшим виды человеком...

Хозяиничая по делам антрепризы, Матковский учитывал каждый грош, не только грош, но каждый старый гвоздь, каждый огарок свечки; платил он актерам исправно, не затягивая и не задерживая жалованья, но, разумеется, в то же время не дремал и своего не упускал. Прислугу Матковский держал в руках; за малейшую провинность гнал из театра без милосердия и брал новую. Однажды мне пришлось быть свидетелем поимки этим антрепренером плута капельдинера, пропускавшего за известную мзду «зайцев» в зрительную залу. Случайно находясь у входа в партер, я видел, как капельдинер, пошептавшись с какими-то двумя субъектами, принял от них что-то в руку и пропустил; вдруг из ближней полупритворенной ложи вылетает Матковский и быстро хватает капельдинера за ту именно руку, в которой зажата была только что полученная мзда.

- Что это у тебя?
- Ничего-с...
- Врешь, открой ладонь!

Капельдинер разжимает кулак, и на ладони оказываются два двугривенных. Конечно, через несколько минут взимателя негласных доходов уже не было в театре.

Уже покончивши с антрепризой и совсем сойдя с театральных подмостков, Матковский несколько лет давал напрокат антрепренерам зимнего и летнего театров оставшиеся у него костюмы и позволял пользоваться своей театральной библиотекой, – разумеется, за известное вознаграждение.

После Казанцева антрепризу летнего театра и сада «Эрмитаж» взял Г.М. Ковров. Антрепренерствовал он два или три года подряд. Хорошо зная всю подноготную театрального дела и умея привлечь в свою труппу хороших исполнителей, Ковров в то же время был – если можно так выразиться – большой дипломат в обращении с публикой; при нем недоразумения и неприятности между администрацией театра и публикой были чрезвычайно редки. Ковров искусно умел обходить все камни преткновения, встречавшиеся на его дороге. Он отлично понимал, что овладевши так или иначе симпатиями публики, можно быть покойным относительно разных маленьких грешков, имеющих[ся] в каждой труппе, – грешков, которые, при других условиях, могли бы очень вредить сборам. У Коврова служил очень симпатичный благообразный кассир г. Бородай⁴³, который в то время был очень популярен в публике. Впоследствии этот Бородай был главою товарищества актеров, взявших антрепризу в «Эрмитаже». Но – самое главное – у Коврова была очень и очень порядочная труппа, полупереточная, полудраматическая. В мужском персонале были такие силы, как Васильев-Гладков⁴⁴, Ленский⁴⁵, комик Андреев-Биязи⁴⁶, Синельников⁴⁷, Неделин⁴⁸ и другие.

Из женского персонала первенствовали Райчева, Марья Савишна Брянская⁴⁹ (супруга антрепренера), Шорохова, Васильева⁵⁰ (каскадная певица с хорошим голосом) и Измайлова – комическая старуха. Сам Ковров был весьма хорошим актером, особенно в бытовых ролях в амплуа простаков. В обычной жизни, не на сцене, Ковров казался несколько вялым, как будто усталым, даже немного гнущимся, вечно чем-то недовольным человеком; приятели его прозвали «человеком со слезой». При выходе же на сцену Ковров совершенно преображался, и вместо сонливого субъек-

та, в нем зрители видели энергичного удалого доброго молодца... Но самым замечательным актером при антрепризе Коврова был г. Пузинский⁵¹, игравший не мужские роли, а женские; гардероб его, поэтому, состоял из юбок, корсетов, чепчиков и прочих атрибутов женского костюма: этими же атрибутами, насколько мне было известно, были увешены стены его квартиры в Воронеже. Играл Пузинский вполне удовлетворительно; особенно он был хорош в характерных ролях. Для мужских ролей этот актер положительно не годился, но женские манеры, начиная с походки и кончая бесчисленными ужимками кокетливых кисейных барышень – были изучены им в совершенстве, и зритель, не знавший лично Пузинского, не мог поверить, что это играет мужчина. Свои бенефисы Пузинский, благодаря большому знакомству в городе, умел обставлять так, что билеты за два дня до спектакля бывали уже все проданы.

Неделин в ролях фатов был замечательно экспрессивен; одной из лучших его ролей была роль Агишина в «Женитьбе Белугина»⁵².

Брянская в амплу драматической энженю – тоже была весьма недурна, особенно в ролях Маргариты Готье («Дама с камелиями») и Катерины в «Грозе» Островского.

Актер Синельников, игравший в то время преимущественно в оперетках, был любимейшим лицедеем воронежской публики. Голос его был не особенно обширен и силен, но исполнитель этот брал игрой, силой выражения и чувством. Хотя трудно было в оперетках – зауряд представляющих сплошную глупость – проявлять истинное чувство, тем не менее, Синельников – не преувеличивая, можно сказать, создал Пикило в «Птичках певчих»⁵³: именно в третьей картине (тюрьма), его ария: «Жена молодая, как проводишь эту ночь?» при игре, исполненной драматизма, производила огромное впечатление, – театр стонал и ревел от оглушительных криков «браво» и рукоплесканий. Знаю я достоверно, что Синельников, как «обожаемый, душка-актер», получал от воронежского прекрасного пола массу писем, записочек, посланий, признаний и проч. Были даже примеры гласного выражения восторга этому актеру. Так, одна юница на пари поцеловала Синельникова при публике в «Эрмитаже». Другая, послав ему пламенную записку и не получив ответа, сделала попытку отравиться. Третья, очень состоятельная, не зная, что он уже женат, предложила ему свою руку и трепещущее любовью сердце. Четвертая – связала ему

шарф, пятая – вышила ему туфли, и т. д., и т. д. Одним словом, Синельников некоторое время был кумиром, маленьким божком многих легкомысленных воронежанок; но надо отдать ему справедливость, – он нисколько не пользовался своим обожанием и вел себя чрезвычайно скромно. Не могу не рассказать одной сцены анекдотического характера, которую мне пришлось наблюдать в саду «Эрмитаж» и героем которой был Синельников. Это было в одну из суббот, когда спектаклей не бывает. На скамейке у фонтана расположилось посидеть и поболтать небольшое общество, состоящее из одной очень бойкой интеллигентной девицы, двух пожилых дам и четырех молодых кавалеров, в числе которых находился и Синельников. Говорили все очень много, по обыкновению о разных пустяках, Синельников один был молчалив и задумчив; бойкая девица, видевшая Синельникова только на сцене и – никогда в обществе, не зная, что один из мужчин тот, про кого ей пришлось говорить – распространилась в восторженных выражениях об игре, дикции, голосе, таланте и фигуре Синельникова.

– Ах, это такая прелесть, так поет! Сколько души, чувства!..., – закатывая глаза, говорила девица.

– Ну, положим, – возражали ей, – фигура его не особенно солидна и внушительна...

– Неправда! Ах, неправда! Вы, господа, ей Богу из зависти говорите, – горячилась девица.

Один из молодых людей, чувствуя комическую остроту положения, захотел еще более увеличить ее! Обращаясь к Синельникову, он говорит:

– Ну, вы, Николай Николаевич, что скажете, – не правда ли, что этот хваленый Синельников – так себе, плюгавый человечешко и только!

– Разумеется, – отвечал Синельников, – этот актер не представляет ничего особенного и не выделяется из обычной провинциальной дюжины; он невзрачный, с впалой грудью, с глазами без выражения и с ничтожным голосом; по-моему, это – раздутый мыльный пузырь, который – вы увидите – скоро лопнет и от него не останется ничего, кроме грязной воды и пустопорожнего места...

Девица пришла в азарт и почти неистово крикнула:

– Вы, милостивый государь, сами мыльный пузырь и в вашей голове, вместо мозга, пустопорожнее место! Вы недостойны даже пыль обтереть на каблуке артиста Синельникова!!

Синельников встает со скамейки, снимает шляпу и, почтительно кланяясь разгорячившейся барышне, говорит:

– Позвольте представиться, я артист Синельников, тот самый, который мне не нравится и которого вы превозносите!

Картина.

С актером Пузинским, которому иногда приходила фантазия прогуляться вечером в женском костюме по Дворянской улице, тоже бывали курьезы и даже целые приключения...

V.

И в прежние годы, и теперь очень трудно встретить такого талантливую комика-буфф, каковым был Андреев-Биязи, служивший в труппе зим[него] театра. Это был человек с некрасивым, смешным лицом, худощавый, небольшого роста, рассеянный, из того сорта людей, которых называют чудаками; комическое было в его природе: жесты, взгляды, поворот головы, характерная подвижная физиономия, манера говорить – все выходило у него как-то в смешном виде; самая обычная фраза, даже серьезная, сказанная им, получала юмористический оттенок. Андреева-Биязи часто приглашали после спектакля ужинать с единственной целью посмеяться над чудаком, которое вовсе не надо было напрягать свои способности, увеселяя собеседников, – все делалось само собой: и угощающие были довольны, и артист не оставался в накладе. Помню его игру в длинной оффенбаховской оперетке «Парижская жизнь» в роли сапожника (третий акт): многие из зрителей – не преувеличивая могу сказать – делались больны от неуправляемого смеха, любясь игрой этого редкого комика. Надо сказать при этом, что Андреев-Биязи весьма редко знал свои роли, а потому часто врал немилосердно, сочиняя и прибавляя от себя; зрители знали это очень хорошо, но никогда не сердились и много хлопали этому актеру.

Свои воронежские дебюты Биязи закончил также не совсем обыкновенно: задолго до конца сезона он просто ... удрал из Воронежа втихомолку; скрылся он не потому, что надоело играть, а потому, что кредиторы его уж очень стали назойливо требовать свои капиталы и грозили засадить неисправного должника в кутузку. Говорили, что судебный пристав, придя на квартиру к Биязи на другой день его отъезда, нашел для описи только одну трость, принадлежавшую сбежавшему артисту, набалдашник которой был сделан в виде кулака, сложенного не совсем цен-

зурным образом... Впрочем, сколько я помню, Андреев-Биязи предупреждал воронежцев о своем побеге таким образом. Шла какая-то бытовая пьеса, кажется, «Русская свадьба», в которой Биязи пел, приплясывая, известные куплеты:

Ох, барыня, не могу,
Комар ступил на ногу!

Публика заставила его несколько раз повторить эту песенку, и вот, выйдя последний раз, Биязи пропел:

Ох, публика, не могу, –
Из Воронежа сбегу!

Из гастролеров, приехавших в труппу Коврова, выдающимися были: Давыдов⁵⁴ (драматический), Федотова⁵⁵ и Ермолова⁵⁶. Давыдова помню в ролях Расплюева («Свадьба Кречинского») и Бальзамина («Женитьба Бальзамина»); воронежские театралы остались от него в восторге. При гастролях Федотовой и Ермоловой публика положительно неистовствовала, выражая свое удовольствие; так, например, после последней гастрольной Федотовой, молодежь отпрягла лошадей от экипажа артистки и сама везла ее до гостиницы. Кажется, в одном из столичных юмористических журналов вскоре после отъезда Федотовой явилась злая карикатура, изображавшая повозку, запряженную ослами с восседающей на этой повозке Федотовой...

Кроме драм и комедий, труппа Коврова исполняла еще опереточный репертуар. Оперетки шли живо и весело. Помню, как ставилась на сцену в первый раз в Воронеже всем известная оперетка «Корневильские колокола»⁵⁷. Тогда драматические актеры не гнушались играть в оперетках. Так, Васильев-Гладков играл в «Корневильских колоколах» роль Гаспара, и надо сказать, что после воронежцы уже не видели такого великолепного Гаспара: Васильев-Гладков сумел придать этой роли глубокодраматический смысл и создал целый тип.

На первые представления «Корневильских колоколов» почти невозможно было достать билетов, они покупались нарасхват. Первые пять представлений этой оперетки дали Коврову полные сборы по увеличенным ценам, и пьеса стала одною из любимейших. Не было улицы, не было закоулка, не было дома, – комнаты в любом доме, где бы не наигрывали, не напевали и не насвистывали мотивов из «Корневильских колоколов». Меня, как музыканта, положительно осаждали просьбами сыграть что-нибудь из «Корневилья». Поневоле я знал тогда всю эту оперетку наизусть...

В начале восьмидесятых годов в городском зимнем театре гастролировал известный русский артист Андреев-Бурлак⁵⁸. Разносторонность и величину его таланта знал всякий, кто хотя немного интересовался театром. Другого такого Счастливецва в пьесе Островского «Лес» трудно найти. Андреев-Бурлак играл всевозможные роли: и комические, и лирические, и фарсированные и глубоко драматические, и хотя порою небрежно относился к тексту автора, но могучее дуновение его таланта сравнивало все неровности и шероховатости деталей исполнения.

Как личность – Андреев-Бурлак был очень симпатичен, красотой и вообще внешностью... он не мог похвалиться; характер его, по моим наблюдениям, был беспечный, добрый, незлопамятный. О материальной части жизни А[ндреев]-Бурлак думал мало, вследствие чего при хорошем заработке, он был частенько без гроша в кармане. Помню, бывало, придя в благородный клуб как гость, он на вопрос лакея: «Кому прикажете дать записать вас?» отвечал, обращаясь к присутствующим членам – знакомым и незнакомым – безразлично: «Господа, запишите меня кто-нибудь». И его всегда тотчас же записывали. Так как он в клуб являлся всегда после спектакля, стало быть, около полуночи, то обыкновенно садился в столовой и спрашивал себе что-нибудь покушать. Около А[ндреева]-Бурлака быстро собиралась компания людей, любящих послушать разные истории, анекдоты, сцены и проч.; артист видел это и, конечно, не скупился на рассказы, тем более, что сам любил говорить и быть, так сказать, центром всякой беседы; рассказывал он мастерски, и всегда с серьезным лицом, несмотря на то, что слушатели часто хохотали от души.

На сцене Андреев-Бурлак был всегда чрезвычайно находчив в затруднительные моменты, умел скрывать свои ошибки и сглаживать промахи своих товарищей по сцене. Так, раз он почему-то не вовремя вышел на сцену и, мгновенно сообразив, что ему еще не следовало появляться, он сказал действующим лицам, бывшим на сцене:

– Подождите немного, господа, я сию минуту приду!

И, конечно, потом появился на сцене в свое время.

Говоря об актере Васильеве-Гладкове, служившем в труппе Коврова в летнем театре сада «Эрмитаж», я забыл рассказать один маленький случай, случившийся с этим артистом на спектакле. Шла опера Герве⁵⁹ «Фауст наизнанку». Васильев играл роль солдата Валентина. В предпоследней (третьей) картине Вален-

тин, изображая мертвеца, вылезает из миски и поет какую-то глупую арию, последние слова которой такие:

И выхожу из миски!..

Васильев-Гладков, пропев эти слова, делает усилие, чтоб перешагнуть борт громадной миски, но нога его, за преклонностью лет, плохо слушаются. Оркестр замолчал. В райке начался хохот. А актер все никак не может вылезть из миски. Наконец кто-то из хористов, выйдя из-за кулис, помог обливавшемуся потом артисту перешагнуть злополучный барьер...

По субботам, при Коврове, в «Эрмитаже» исполнялись концертные отделения и большие дивертисменты, которые были очень интересны, так как все лучшие силы труппы принимали в них участие. На открытой сцене, в саду давались водевили и небольшие комедии, и посетитель, заплативший за вход в сад двадцать копеек, был всегда доволен и гуляньем, и представленьем.

Эрмитажный оркестр под управлением капельмейстера Шмидта был очень популярен в Воронеже, и его слушали с удовольствием.

В дни, когда в театре сбор был не полным и оставалось достаточно свободных мест, антрепренер Ковров, желая быть любезным, предлагал многим посетителям сада идти в театр и занимать какие им угодно свободные места.

– Господа, – пожалуйста садитесь, – говаривал он, проходя по саду, – места все равно пустуют...

И это очень нравилось публике.

Кажется, в третий год антрепризы Коврова на сцене летнего театра кому-то из персонажей труппы в свой бенефис вздумалось поставить полуоперу Чайковского «Снегурочку» (на текст фантастической сказки Островского)⁶⁰. Сказано – сделано. Разучены были хоры, выучены партии, намалеваны кое-какие новые декорации и выпущена афиша. Публика заполнила театр. Но что же это был за спектакль! Музыканты оркестра Шмидта, привыкшие играть веселые попури, еле пережевывали суховатую, основанную больше на теории, чем на вдохновении музыку «Снегурочки». Выходила истинная какофония!

Опереточные певцы и певицы тянулись из всех сил, но ничего не выходило. К довершению курьеза, в одной из картин, где после хора поселян прощавшихся с Масленицей, сама фигура Масленицы должна была провалиться в преисподнюю – вышел изъясн: не проваливается Масленица – да и только; люк ли в полу сцены был

не в порядке, рабочие ли вместе с машинистом и декоратором были именинники – не знаю, но только так Масленица и не провалилась, и хористы принуждены были ее без церемонии стащить за кулисы.

VI.

В начале восьмидесятых годов между учителями и любителями музыки возникла мысль основать воронежское музыкальное общество. Инициаторами этой мысли явились: покойный доктор Герман Федорович Столь⁶¹, Веневитинов⁶², Яковлев, я, К-нь и Р[ехак]ъ и другие. Инициаторы собирались в одной из частных квартир и редактировали устав будущего общества, руководствуясь уставами других одноименных обществ; после двухмесячной работы все было готово и новый устав был отправлен чрез г. губернатора на утверждение министра внутренних дел⁶³.

По поводу вновь открываемого общества в городе было много толков; новым положением музыкального дела заинтересовались многие, даже – из высших слоев обывателей. Наконец, кажется, чрез полгода, желанное утверждение пришло и после необходимых приготовлений явилась афиша, возвещавшая первый «концерт» вновь испеченного музыкального общества, я подчеркнул слово «концерт» потому, что в действительности это вышел не концерт, а самый дюжинный любительский музыкальный вечер. Кое-как набран был оркестр: частью из наемных театральных музыкантов, частью – из любителей. Дирижером явился и поныне здравствующий капельмейстер воронежского кадетского корпуса Антон Антонович Рехак⁶⁴. Первым номером первого отделения программы был сыгран оркестром знаменитый марш (Мендельсона-Бартольди) «Свадебный» из оперы «Сон в летнюю ночь». Я забыл сказать, что при открытии деятельности общества состоялось в благородном клубе (в настоящее время дом Остриковой)⁶⁵ общее собрание всех членов и были произведены выборы членов дирекции. Результат выборов удивил многих. Из инициаторов общества в дирекцию попали, кажется, только двое Р-ъ⁶⁶ и Г-ъ⁶⁷, причем последний, несмотря на то, что был одним из энергичных деятелей, прошел последним по числу голосов⁶⁸. Причину такого явления объяснили тогда наплывом массы железнодорожных дам и их кавалеров. Может быть, и так, – теперь судить трудно.

В начале дела общества пошли как будто недурно. Членсоревнователь платил в год шесть рублей, а член-исполнитель

– три рубля. В дирекции общества и между членами его много было споров о том, где давать очередные концерты и музыкальные вечера: в зале дворянского ли собрания, в думской ли зале или в каком-либо другом наемном помещении... Доктор Герман Федорович Столь настаивал, чтобы местом деятельности общества был непременно зал дворянского собрания. В конце концов с ним согласились, и дело пошло в ход.

Задавшись большими задачами и не соразмерив своих сил, общество уже на следующий год проявило следы упадка. Пошли разные раздоры, неприятности; например, одна барыня на всех перекрестках кричала: «Помилуйте, он (член дирекции) приехал меня приглашать в сюртуке! Я не какая-нибудь! Мог бы и фрак надеть!» Другая, бывшая без года неделю в консерватории, звонила направо и налево: «Представьте, он (дирижер) на репетиции кричит мне: «Вы детонируете, вы диозов не берете»... Это я-то детонирую! Вы поймите, я! Я брала уроки у знаменитого Шахермахера; сам несравненный Думмеркопф сказал, что у меня феноменальный слух!...». И так далее, и т.д. Одним словом, стали находиться недовольные, обойденные, якобы обиженные. Вследствие одного неудовольствия между двумя музыкальными деятелями был обеспокоен даже участковый мировой судья⁶⁹... Просуществовав около трех лет, воронежское музыкальное общество не прекратилось, а просто сошло на нет, так как ни членов, ни денег налицо не оказывалось... Теперь, через 15 почти лет, м[узыкальное] о[бщество] возродилось снова, на других устоях, и дай Бог, чтобы его судьба не была повторением старой сказки.

Нельзя пройти молчанием известного певца и творца образцового русского хора Д.А. Агренева-Славянского⁷⁰, так печально рекомендовавшего себя в последние годы относительно содержания своих учеников и обращения с ними. Славянский часто посещал Воронеж, начав свои посещения с конца семидесятых годов, и потому отчасти и Воронежу обязан некоторою долей своей популярности. В нашем городе его любили. Каждый приезд его собирал громадную толпу слушателей или в зале дворянского собрания, или в зимнем театре, или в театре «Эрмитаж». Действительно, хор его был дисциплинирован образцово: простые, бесхитростные русские напевы в исполнении его капеллы являлись жемчужинами в художественно отделанной оправе. А главный секрет успеха Славянского заключался – помимо образцового исполнения – в доступной и всем понятной программе его кон-

цетров. Славянский показал, что даже русские песни – «подобные стону», по словам поэта Некрасова – имеют глубокий историческо-бытовой смысл, как например, «Матушка, что во поле пыльно...», или былины времен Владимира, вокальные сказы про Добрыню Никитича и проч. Прежде Славянский, когда еще был у него голос, исполнял много сольных номеров с аккомпанементом фисгармонии или капеллы, в последние же приезды солировал редко. Славянский отыскал, записал и аранжировал при помощи своей жены О. Славянской⁷¹ – очень хорошей музыкантши – много новых песен особого фабричного жанра, появившегося на Руси сравнительно недавно: лет сорок – пятьдесят тому назад. Фабричные песни – это нечто среднее между русскою народною песнею и заграничного шансонеткой, так что любители чисто национального стиля в мелодии русской песни очень негодуют на популярность этих – по их выражению – кабацких романсов, портящих безыскусственную чистоту и самобытность народного напева...

Зимой 1882 года, в Великом посту, в Воронеж приехала концерттировать в первый раз артистка-певица Альма Фострем⁷². Молодая, красивая, с изумительной обработкой сильного, приятного тембра сопрано – певица эта положительно обворожила воронежцев своим образцовым исполнением; многим в Воронеже пришлось впервые, слушая артистку, наслаждаться такою чистою, безукоризненною колоратурой; труднейшие пассажи на высоких нотах, кадансы, трели Фострем исполняла легко, свободно, без напряжения; иногда слушателю казалось, что это поет не женщина, а играет какая-то особенная волшебная флейта... В последующие годы Альма Фострем приезжала несколько раз в Воронеж, и зал дворянского собрания, в котором она концерттировала, никогда не пустовал.

В начале восьмидесятых годов напротив зимнего театра, на углу Мясницкой и Старо-Московской улиц, был выстроен местным купцом Косаревым⁷³ большой деревянный балаган, называвшийся театром-цирком; с внешней стороны это было очень неуклюжее здание, но вмещавшее большое количество зрителей, отапливаемое зимой и служившее, кажется, года два помещением приезжавшим в Воронеж труппам, так как здание зимнего театра признано было негодным и уже перестраивалось или готовилось к перестройке – не помню. В косаревском театре-цирке воронежцы в первый раз познакомились с игрой малорусских актеров, труппа которых прибыла к нам летом 1884 года и играла около полутора месяцев. Успех

этой труппы в Воронеже был колоссальный; почти все представления, дававшиеся почти ежедневно, приносили полные сборы; обыватели тогда – по выражению одного моего знакомого – «просто обалдели» и лезли в театр, как говорится, напролом. Даже обитатели Чижовки, Придачи, Ямской – и те несли свои гроши в кассу хохлам. Причинами такого успеха труппы была, во-первых – выдающаяся талантливость исполнителей, в числе которых были такие артисты, как Кропивницкий⁷⁴, Садовский⁷⁵, Заньковецкая⁷⁶, Манько⁷⁷ и другие; во-вторых – замечательно дружная, согласная игра и, в-третьих, общедоступный репертуар пьес. Но самое главное – это пение и пляски, без которых не обходился ни один спектакль. Голоса солистов были прекрасные, хоры – также с хорошими голосами и срететованы были отлично. Задушевно симпатичные малороссийские мотивы были всем понятны и для оценки их не требовалось никакой музыкальной подготовки.

А пьесы все – не исключая и раздирательных драм – были пересыпаны песенками и удалыми плясками. Купчиха ли, любящая поплакать в театре, мастеровой ли, приходящий в восторг от бесшабашной пляски с выпивкой, интеллигент ли, ищущий в простонародном малороссийском юморе отдохновения от надоедливой борьбы с различными жизненными невзгодами, – все находили в этих спектаклях что-нибудь такое, что им было по душе и доставляло удовольствие. Про воронежских обывателей малороссийского происхождения и говорить нечего, – те были просто на седьмом небе и, сияя блаженными улыбками, не пропускали ни одного спектакля. Сколько я знаю, малорусские спектакли были тогда в моде у нас на Руси, и труппа Кропивницкого подвизалась не без успеха даже в столицах; потом труппа эта распалась на две. То там, то сям стали образовываться новые малороссийские труппы; исполнители стали мельчать, и в настоящее время малороссийских трупп насчитывают больше десятка.

VII.

Не может забыться в истории воронежского театра время антрепризы Мариуса Мариусовича Петипа в летнем театре сада «Эрмитаж». Это было, кажется, в летний сезон 1885 года. Многообещающие афиши возвестили о прибытии труппы, особенной, необыкновенной, состоящей в большинстве или из артистов императорских театров, или из окончивших, или не окончивших,

или из недорослей, только понюхавших кормила столичных консерваторий и драматических курсов. Одним словом, наши театралы облизывались, предвкушая роскошные неизведанные эстетические удовольствия... Но вот приехала труппа, объявлен был первый спектакль, и все пошло своим порядком... Впрочем, виноват: первый блин вышел комом у Петипа. Первое представление, давшее полный сбор, ознаменовалось приключением, даже не приключением, а небольшим пожаром, перепугавшим и переполошившим публику. Дело произошло таким образом: одна из ламп рампы, по недосмотру, сильно разгорелась и зажгла доску, заграждающую сцену от зрителей. В театре, разумеется, произошла сначала небольшая тревога, перешедшая потом в большой переполох. Зрители вскочили с мест: дамы кричали; в дверях произошла давка; истерические взвизгивания слышались там и сям; пожарные явились со своею кишкой и, направив струю воды на злополучные загоревшиеся доски, почти моментально потушили начавшийся пожар. Сам Петипа хлопотал и суетился больше всех, и, благодаря его энергии, чрез полчаса все уже было успокоено и спектакль продолжался. Некоторые из театралов говорили Петипа: «Смотрите, Мариус Мариусович, этот переполох не к добру – берегитесь!...» Я слышал, как Петипа отвечал им: «Ну что ж, Бог не выдаст – свинья не съест!...».

Труппа Петипа составлена была хотя несколько бестолково, но, тем не менее, была одною из лучших трупп, когда-либо бывших в Воронеже. Персонажи ее были почти все первоклассные артисты; например, сам Петипа – тогда уже получивший известность как драматический артист, – потом Преображенский⁷⁸, певец с колоссальным тенором, учившийся после заграницей и удивлявший наши столицы своим верхним «до» и «до дизезом»; Панышин⁷⁹ – опереточно-драматический актер императорской сцены, и – капельмейстер оркестра известный [В.А.] Михалек, в то время бывший помощником дирижера петербургского александровского театра (после – дирижер). Из женского персонала в оперетке у Петипа пела Райчева, тогда все еще не потерявшая своего голоса и обаяния молодой артистки; кроме Райчевой и еще другой певицы Ратмировой, в труппе было пять или шесть певиц совсем уже молодых, неопытных, только что соскочивших с консерваторской скамейки... Спектакли шли дружно и весело. Публика не скупилась и усердно посещала театр. Сам Петипа играл и в драме, и в оперетке с одинаковым успехом. Голос его

стал еще слабее, чем в оно время, при Лаухине, в зимнем театре. Очень эффектен был Петипа в роли Париса в «Прекрасной Елене», но лучшей его ролью была роль Жоржа Дорси в пьесе Дьяченко⁸⁰ «Гувернер». Говорили, что покойный Дьяченко написал «Гувернера» специально для Петипа, и действительно, этот артист воспроизводил лицо француза Дорси в совершенстве; в этой роли у Петипа на всей Руси не было соперников. Как и у многих талантливых актеров, и у Петипа была мания играть роли классического репертуара, именно – шекспировских героев. Играл он и Гамлета, и Отелло, и Шейлока и других, но почти всегда без успеха. Помню я Мариуса Петипа в «Гамлете»: декламировал стихи он порядочно, но больше позировал и играл разве только посредственно, притом, конечно, злился, что публика не ценит его трагических способностей. Один из местных рецензентов назвал его игру в «Гамлете» – унтер-офицерской. Почему – сказать не берусь. Напротив, в легком жанре Петипа был обольстительно хорош; даже в пустых, глупых фарсах смотреть его было приятно, как, например, в «Петербургских когтях». Роль Хлестакова в «Ревизоре» была одною из лучших у Петипа, и вообще роли фатов ему всегда удавались.

Артист-певец Преображенский, хотя и не был тогда еще настолько известен, как после, но все-таки поражал слушателей своим феноменальным голосом; он мог петь баритонные партии, но в то же время в теноровых брал чудовищные верхи звучно, сильно и чисто; например, в «Синей бороде» он брал верхнее «до», хотя и написанное композитором, но которое не осмеливался взять ни один опереточный певец. Впоследствии, как известно, Преображенский, поучившись год в Италии, пел уже только в опере. Но игра этого певца, как актера, была весьма посредственна. Актер Паньшин, его товарищ по сцене, говаривал Преображенскому: «Ты, голубчик, пой на сцене, а я буду играть за тебя и разевать рот перед публикой...»

Паньшин, в противоположность Преображенскому, имел более представительную сценическую наружность и, при небольшом сравнительно голосе играл очень хорошо; играл он неприужденно, и в оперетках, не стесняясь текстом автора, прибавлял часто от себя и всегда удачно; публика, особенно дамы, очень любили этого актера. Вследствие того, что Петипа не скупился на затраты для приличной сценической обстановки и сам жил в Воронеже, не отказывая себе ни в чем – финансовая сторона дела

у него прихрамывала и, несмотря на очень порядочные сборы, антреприза еле-еле сводила концы с концами.

Капельмейстером оркестра и дирижером оперетки был – как я уже сообщил – Михалек, помощник капельмейстера петербургского александрийского театра. Оркестр Михалека в «Эрмитаже» состоял из двадцати человек и, благодаря хорошему составу исполнителей, недешево оплачиваемых, стоил очень дорого антрепренеру. По субботам и в другие дни недели назначались концертные вечера по печатным программам, которые изобиловали новинками и в которые входили номера классической и новейшей музыки. Из старых вещей оркестр шеголял исполнением увертюры, например, «Вильгельма Теля», «Свадьбы Фигаро» и других. Моцартовская «Свадьба Фигаро» исполнялась оркестром вся в четыре минуты вполне отчетливо; известно, что форсированным темпом при игре этой увертюры готов шегольнуть всякий приличный оркестр. Михалек познакомил воронежских любителей музыки с такими увертюрами, как «Жирондисты» и «Робеспьер» – Литольфа⁸¹. Последняя в особенности производила впечатление на публику.

При Петипа в «Эрмитаже» воронежцы в первый раз познакомились с электрическим светом: антрепренер взял напрокат на один день локомотив, была налажена динамо-машина – и вот одним воскресным вечером, во втором антракте, около шпиля срединного корпуса театра, засияло электрическое солнце, свет которого с перерывами озарял сад и публику всего только один час. Все-таки посетители были чрезвычайно довольны; недоволен был разве только сам Петипа, так как роскошь эта стоила ему более тридцати пяти рублей. Не могу умолчать об одном курьезе, случившемся в этот же вечер.

Когда Петипа, озабоченный установкой аппаратов и проводов для электрического освещения, взобрался на крышу эрмитажного театра, к нему туда же влез один из капельдинеров и доложил, что какая-то дама желает непременно, сейчас же видеть его – Петипа.

– Ты спрашивал, что ей нужно?

– Как же-с, спрашивал... Она говорит, что по самонужнейшему делу... Экстренно, значит, – отвечал капельдинер.

– Скажи, что сейчас некогда, пусть подождет, вот когда сойду с крыши – тогда! – отпустил Петипа капельдинера. Но через пять минут капельдинер снова явился.

Мариус Мариусович, она уж очень просит... Вот, дала трехрублевку на чай! – молящим голосом говорил капельдинер. Скажи, говорит, господину Петипа, что я прошу его сию минуту по чрезвычайному важному делу...

– Ну, делать нечего, скажи, сейчас приду, – отвечал Петипа, и чрез минуту спустился вниз, в сад.

Капельдинер указал ему на какую-то полную молодую даму, роскошно одетую, с бриллиантами в ушах, сидящую на скамейке около фонтана.

При приближении Петипа дама встала.

– Что вам угодно, сударыня? – вежливо обратился к ней Петипа.

– Вы тот самый и есть – заговорила дама, протягивая руку.

– Да, это я, тот самый! Впрочем, я не знаю, за кого вы меня принимаете, – отвечал Петипа, приподнимая шляпу.

– Ведь вы – Петипа?

– Да, так...

– Ну вот, видите ли, я уже целых пять лет все собиралась посмотреть на вас.

– То есть, как посмотреть?

– Очень просто. Мне много говорили про вас, толковали, что вы настоящий купидон!..

– Может, вы шутите, сударыня, в таком случае извините, мне некогда, – с досадой в голосе отвечал Петипа, делая движение, чтобы уйти.

– Позвольте, позвольте, я ведь не для того проехала тысячу верст, чтоб даже не поглядеть на вас!..

– Ну, так смотрите скорее!

– Однако, я вам скажу, вы красивы, но не очень, – на карточке вы много лучше...

– Вы для того только и звали меня, чтобы сообщить об этом? – уже в сердцах сказал Петипа.

– Нет, я хотела убедиться своими глазами: действительно ли вы такой красавец, как об вас говорят...

– И что же?

– Вижу, что напрасно прокатилась из Астрахани в Воронеж!

– И больше ничего?

– Только и всего...

– Черт знает что такое!..

Дама направилась к выходу из «Эрмитажа», а Петипа – снова на крышу...

Сценка эта не выдумана, она происходила в действительности и характеризует, может быть, и преувеличенное мнение публики того времени о Петипа, будто он – красивейший мужчина в Европе.

VIII.

После антрепризы Петипа, в «Эрмитаже» играла один сезон опереточная труппа Болговского, который был больше любитель, нежели заправский театральный делец; его труппа скоро надоела воронежской публике, потому что одни оперетки, представляя собой в большинстве бессодержательную чепуху и к тому же исполняемые не особенно блестяще, мало дают пищи зрителю, жаждущему эстетических удовольствий. Болговской не додержал труппу до конца сезона и в августе (1886 года), сказав, что едет по делам, скрылся окончательно и не являлся больше. Оставшиеся актеры – певцы, певицы и проч., вместе с оркестром – на товарищеских началах кое-как дотянули до 1-го сентября. У Болговского в труппе пели Кольцова⁸² и Онегина – с очень порядочными голосами, и певец Лианов, опереточный премьер, обладавший довольно жидким тенором. Из комиков в той же труппе помимо Завадского⁸³, очень недурного актера, [помню] и Соловьева, не стеснявшегося иногда выходить на сцену не совсем в трезвом виде.

В конце восьмидесятых годов в зимнем театре (уже вновь перестроенном), подвизалась два сезона труппа Боде⁸⁴. Труппа составлена была умело и, кроме драм, комедий и опереток, играла нередко еще феерии; последний сорт сценических представлений воронежцы при Боде видели в первый раз; феерии очень нравились, тем более, что антрепренер временами не жалел затрат на обстановку, которая в феериях составляет половину дела и от которой зависит успех пьесы. Одна из таких феерий под названием «Лесной бродяга» (переделка романа Эмара⁸⁵ того же имени) была обставлена даже роскошно и дала антрепренеру несколько хороших сборов; помню, что в ней было чуть ли не двадцать картин, с полуфантастическими декорациями, с натуральными фонтанами и такими же водопадами...

Сам Боде был человек состоятельный и занимался антрепризой только потому, что уж очень любил сцену и жизнь, полную всяческих треволнений; актер он был очень посредственный, но, тем не менее, частенько фигурировал на сцене, в особенности в оперетках, не стесняясь даже являться в простыне (в роли Агамемнона) в последнем акте «Прекрасной Елены».

В театре сада «Эрмитаж», после антрепризы Болговского, действовало товарищество, составленное главным образом из драматических актеров, во главе которых был знакомый воронежцам Синельников и кассир Бородай. Дела товарищества с начала сезона шли как будто и недурно, но после ослабели. К довершению неблагополучия, строитель театра «Эрмитаж», он же – содержатель театрального буфета – Васильев, благодаря своей халатности, простодушию и эксплуатированию его многими любителями занимать деньги без отдачи и съедать порции в кредит – принужден был в один прекрасный день скрыться из Воронежа. Васильев тоже участвовал в товариществе и, кажется, был одним из самых щедрых покрывателей товарищеских дефицитов; поэтому, после исчезновения Васильева, труппа лишилась самой существенной поддержки. Сезон окончился до срока, и конец его ознаменовался продажей с аукциона движимого имущества сбежавшего строителя летнего театра – имущества, состоявшего, кроме домашней движимости, еще из обстановочных аксессуаров сада «Эрмитаж» и театра при нем. Фонари, скамейки, бронзовая фигура фонтана, разные декорации и проч[ее] все пошло с молотка...

Сезон этот, окончившийся крахом, не запомнился бы так хорошо, если бы в начале его не приехала гастролировать в театре сада «Эрмитаж» оперная труппа с молодым Медведевым⁸⁶ во главе.

Опера была встречена воронежцами с большим удовольствием, а некоторыми – с восторгом. Только и толков было везде, что про оперу. Когда в кассе начали продавать билеты – все спешили запастись ими. У кого не было денег, тот закладывал часы и бежал в кассу. Для многих обывателей опера была невиданной диковинкой; и действительно, в Воронеже оперная труппа еще никогда не бывала, и потому понятно жгучее любопытство театралов, особенно тех, которые не выезжали никуда дальше своей родной губернии. Во время оперных представлений драматическое товарищество временно стусеивалось: оно радо было брать, хотя не очень большую, но верную мзду с приезжих гастролеров. Опера приехала с собственным оркестром, управляемым энергичным капельмейстером Суком⁸⁷, и с такими вокальными силами, как Медведев (тенор), Клямжинская⁸⁸ (высокое колоратурное сопрано итальянской школы), Шакуло⁸⁹ (бас) и друг[ие].

Ставились оперы: «Жизнь за Царя», «Гугеноты», «Аида», «Демон», «Галька», «Фауст» и другие. Несмотря на увеличенные цены, сборы были почти всегда полные; но благодаря малой вме-

стительности театра «Эрмитаж», труппа не могла похвалиться избытком средств... Невозможно забыть игру и чрезвычайно выразительное пение Медведева в «Демоне», в роли жениха (князь Синодал), в особенности во втором действии (сцена каравана и лирическая ария Синодала, мечтающего о своей невесте). После воронежцы слышали много раз «Демона», но уже такого прекрасного Синодала, как Медведев – не видали... Оперная труппа пробыла в Воронеже не долго, что-то около трех недель, и уехала.

Товарищество драматических актеров, оставшееся доигрывать сезон, совсем повесило нос, так как после оперы мало было охотников смотреть прискучившие уже раньше драмы.

В заключение моих воспоминаний я хочу сказать еще несколько слов о приезжавших в Воронеж концертантах, которые, при своих артистических путешествиях, редко объезжали наш город. Обыкновенно каждый великопостный сезон изобиловал концертами. Хотя я уже говорил о приездах в Воронеж певца Радонежского, но забыл рассказать один казус, случившийся с ним во время концерта в дворянском собрании. Одним из любимейших вокальных номеров Радонежского была известная полубаллада Шумана «Два гренадера» (слова Гейне); и вот раз, после долгих вызовов и аплодисментов, Радонежский выходит на эстраду и поет на бис «Двух гренадеров». В этом сочинении есть слова: «заслышит он конское ржанье и пушечный гром и трубу» ... (мотив марсельезы) и вот, во время пения слов – «гром и трубу» две уже слишком ветхие, должно быть, доски эстрады подламываются, и певец проваливается в преисподнюю по пояс. Вышло и картинно, и смешно... После этого случая сделана новая эстрада, более прочная и более красивая, на которой заезжие артисты спокойно играют и поют, не боясь неожиданного провала в тартарары...

Знаменитый пианист Николай Григорьевич Рубинштейн в последний раз приехал в Воронеж великим постом 1878 года и дал концерт в дворянском собрании в пользу Красного Креста. В его концерте принимала участие любительница-певица г-жа А[рап] ова. Уже за две недели до дня концерта все билеты были распроданы. В назначенный вечер, к восьми с половиной часам зал дворянского собрания был, как говорится, битком набит публикою, жаждавшею послушать одну из звезд фортепианной игры. Настало время начинать концерт, а Рубинштейн еще не прибыл в залу. Проходит пять, десять, пятнадцать минут – концертанта все нет. Справляются – оказывается, что поезд запоздал, и Рубинштейн

еще, может быть, только в Усмани, а то и еще дальше, а публика уже уши развесила и в страшной жаре и духоте терпеливо ждет... Сам полицеймейстер по просьбе – кого следует – несколько раз ездил на вокзал и вопрошал там тоже, кого следует – скоро ли, мол, придут концертанты, потому что публика ждет, волнуется и прочее... Наконец бьет десять часов, проходит еще четверть часа. Многие из любителей поощрения буфетной коммерции успели уже привести себя в экспрессивное состояние, а Рубинштейна все нет и нет... Ровно в половине одиннадцатого прибыли артисты и – концерт начался. Рукоплескания и вызовы были бесчисленны, но Рубинштейн, сказать по правде, играл на этот раз небрежно, спустя рукава, так сказать... Это объяснили его усталостью с дороги, тем более, что в те дни он сделал, во время своего артистического турнэ, до двадцати концертов, сбор с которых (около 40 000 рублей) весь пожертвован им в пользу Красного Креста. Тут уж не до критики, а только можно было кричать артисту браво и спасибо!..

Из знакомых Воронежу и, так сказать, родных ему артистов – нередко посещали наш город пианистка Калиновская⁹⁰ (дочь вице-губернатора Калиновского) и местная помещица артистка-певица Смирницкая⁹¹; последнюю, в одно время, публика очень любила и давала ей хорошие концертные сборы. Русскую песню «С прялкою девица сидит у оконца» – мастерски исполняемую Смирницкой, не может забыть ни один старожил-любитель музыки в Воронеже.

Известный артист певец Мельников⁹² в восьмидесятых годах почти каждый зимний сезон концертировал в Воронеже. Не помню, в котором году, он приехал летом в компании со знаменитым рассказчиком и знатоком народного быта и языка – Иваном Федоровичем Горбуновым⁹³. В театре сада «Эрмитаж» Мельников с участием Горбунова дал два концерта. По газетам и по слухам, Горбунов был известен воронежцам как образцовый артист, поэтому публика, наполнившая театр «Эрмитажа», интересовалась больше рассказчиком, чем певцом, тем более, что рассказчик этот был в первый раз в Воронеже.

Я мог бы еще поговорить о приезжавшей концертировать певице (контральто) [О.А.] Пусковой, заставлявшей слушателей плакать исполнением «Дитятки» – Пасхалова⁹⁴, – об актере Долине⁹⁵, так забавлявшем эрмитажную публику своим «Ставочком» и «Персидским маршем» на еврейский манер, – но думаю, что уже

достаточно надоел читателю своими записками и воспоминаниями; в них многое забыто, другое – пропущено, иное – недосказано.. Но что ж делать! Чем богат – тем и рад!

Дж. Боккаччио.

Дон. 1898. 18 окт., № 114 – 15 нояб., № 127.

¹ Степанова, урожд. Лофицкая, Елена Евстафьевна (1847–1921).

² Степанова, в замужестве Иванова, Екатерина Павловна (1873–1940).

³ Концерт Н.Г. Рубинштейна (1835–1881), известного пианиста и дирижера, состоялся в Воронеже 27 октября 1873 г.

⁴ Радонежский Платон Анемподистович (1829–1879), артист оперы (бас), с 1864 г. – солист Большого театра. Выступал в Воронеже в конце 1873 г. и в феврале 1874 г.

⁵ Кованько Дмитрий Федорович (1807–1874), воронежский губернатор с марта 1871 по июнь 1874 г., действительный статский советник.

⁶ Лаухин Дмитрий Петрович (ок. 1847–1912), антрепренер, содержал театр в Воронеже в 1869–1874 гг.

⁷ Театральное здание, приобретенное в собственность городом у Г.М. Веселовского, в 1885–1886 гг. было перестроено в псевдорусском стиле архитектором М.Н. Чичаговым (1836–1889) и приобрело вид, знакомый по дореволюционным открыткам.

⁸ Петипа Марнус Мариусович (1850–1919), актер, сын известного балетмейстера.

⁹ Кондрашев Андрей Сергеевич, капельмейстер, антрепренер.

¹⁰ Райчева Цецилия Арнольдовна (1846–1928), актриса, заслуженная артистка РСФСР.

¹¹ Далматов (наст. фам. Лучич) Василий Пантелеймонович (1852–1912), актер, автор воспоминаний «По ту сторону кулис» (СПб., 1908).

¹² Савин Дмитрий Федорович (1830 – после 1890), содержатель кондитерской на Б.Дворянской. Жил на ул. Старо-Московской, неподалеку от театра.

¹³ Каппель Федор Федорович (ок. 1830 – после 1882), полковник, командир расквартированного в Воронеже Можайского пехотного полка с октября 1869 г. по октябрь 1878 г. С 1877 г. – генерал-майор.

¹⁴ Берно Шарль Огюст (1802–1870), бельгийский композитор и педагог.

¹⁵ Мазаракн Андриан Семенович (1835–1906), меценат, один из инициаторов создания в Воронеже отделения Русского музыкального общества, существовавшего в 1868–1872 гг. Талантливый пианист, приятель Н.Г. Рубинштейна. Внук члена болховитиновского кружка И.Н. Дебольцова, дед певицы Н.А. Обуховой (1886–1961). Его брат, откупщик Илья Семенович Мазараки, владел домом на Б. Дворянской, где в послевоенные годы размещалась филармония. См. об этом воспоминания Т.Донецкого в настоящей книге.

¹⁶ Грибоедов Дмитрий Константинович (?–1904), коллежский советник, воспитатель Михайловского кадетского корпуса в 1871–1879 гг.

¹⁷ Скрипицын Гавриил Васильевич (ок. 1831–1902), учитель музыки с начала 1860-х гг. Из крепостных помещицы С.А. Викулиной из с. Хмелинец Елецкого уезда Орловской губернии.

¹⁸ Астафьева урожденная Гунина, Камилла Николаевна (1856 – после 1905), учительница музыки.

¹⁹ Возможно, автор имеет ввиду Едличко (Гедличко) Алоиза Вячеславовича (1821–1893).

²⁰ Тыртов Алексей Петрович (1834–1893), генерал-лейтенант, директор Кадетского корпуса в 1870–1878 гг., его жена Елизавета Михайловна, урожд. Плешкова.

²¹ Возможно, имеется в виду Иконников Евгений Владимирович (? – 1905), актер.

²² Речь идет о драме Дмитрия Дмитриевича Кишенского «Кормилицы-саврасушки», удостоенной большой золотой медали в 1872 г. на конкурсе пьес для народных театров.

²³ Жилой дом полковника Сергея Николаевича Шванвича (1800 – после 1870) находился справа от его гостиницы (пр. Революции, 27), разрушен во время Великой Отечественной войны.

²⁴ Предтеченский Федор Андреевич (1827–1888), помощник губернского врачебного инспектора, действительный статский советник, в Воронеже жил с 1852 г.

²⁵ Престижитатор – устаревшее обозначение фокусника с большой быстротой и ловкостью рук.

²⁶ Деннер Цецилия Ивановна (1804–1886), содержательница пансиона

²⁷ Вигель Филипп Николаевич (1805–1877), воронежский фабрикант, по наследству от Тулиновых получил жилой дом в Вигелевском переулке (ул. Вайцеховского, 2/4). Вивер, то же, что и жуир – человек, живущий в свое удовольствие.

²⁸ Кварталов Иван Григорьевич, артист.

²⁹ Матковский Григорий Васильевич (1835–1915), антрепренер 1870–1880-х гг., затем агент Общества драматических писателей и оперных композиторов в Воронеже.

³⁰ Кастнер Василий Федорович (ок. 1828–1895), владелец нотного и музыкального магазина.

³¹ Ныне жилой дом, проспект Революции, 42/44, построен в 1878–1879 гг.

³² Аносов Петр Николаевич (ок. 1847–1878), книготорговец, совладелец книжного магазина Кашкина.

³³ Любская Мария Петровна, актриса.

³⁴ Лебедева Александра Павловна, актриса.

³⁵ В мемуарах В.Н. Давыдова отмечено, что венчание М.П. Любской и В.П. Далматова состоялось весной 1876 г. в церкви Дворянского собрания.

³⁶ Васильев Николай Васильевич (1843 – после 1914), купец второй гильдии, в воспоминаниях В.А. Гиляровского упоминается живущим в Москве во время первой мировой войны. 16 июля 1877 г. он представил на утверждение в городскую думу проект на постройку деревянного летнего театра, 19 августа того же года просил внести в него изменения.

³⁷ Кандинцев Сергей Николаевич, купец.

³⁸ Баранов Александр Михайлович (1843–1911), с 1873 г. служил в ведомстве Козлово-Воронежской железной дороги, с 1886 г. – городской архитектор.

³⁹ Усадьбой первоначально владела вдова статского советника, почетного попечителя гимназии Н.М. Корсуна (1803 – между 1862 и 1874), Екатерина Максимовна, затем вдова ротмистра Наталья Ивановна Гаушильд.

⁴⁰ Казанцев (Бессонов) Платон Иннокентьевич (1840–1893), антрепренер.

⁴¹ Театр в саду «Эрмитаж» открылся 30 апреля 1878 г.

⁴² Ковров Гавриил Миронович, антрепренер, содержал театр в Воронеже в 1880–1883 гг.

⁴³ Бородай Михаил Матвеевич (1853–1929), театральный деятель, антрепренер.

⁴⁴ Васильев-Гладков Михаил Павлович (?–1887), драматический актер, с 1883 г. играл в труппе театра Корша.

⁴⁵ Ленский Николай Александрович, актер.

⁴⁶ Андреев-Биязи Николай Андреевич (1850–1900), провинциальный актер, антрепренер.

⁴⁷ Синельников Николай Николаевич (1855–1939), актер, автор воспоминаний «Шестьдесят лет на сцене» (Харьков, 1935).

⁴⁸ Неделин (наст. фам. Недзельский) Евгений Яковлевич (1850–1913), актер.

⁴⁹ Брянская (Коврова) Мария Саввична, актриса.

⁵⁰ Васильева, возможно, имеется в виду Мария Григорьевна (1830–1914), актриса провинциальных театров.

⁵¹ Пузинский Константин Зефиринович (1836–1915), актер, исполнитель женских ролей.

⁵² Пьеса драматургов Александра Николаевича Островского (1823–1886) и Николая Яковлевича Соловьева (1845–1898).

⁵³ Оперетта Жака Оффенбаха «Птичка певчая», роль Пикилло.

⁵⁴ Давыдов Владимир Николаевич (1849–1925), актер, автор воспоминаний «Рассказы о прошлом» (М.-Л., 1931), гастролировал в Воронеже в 1874–1876 гг. и 1896 г.

⁵⁵ Федотова Гликерия Николаевна (1846–1925), актриса, гастролировала в Воронеже в 1878, 1880, 1895 гг.

⁵⁶ Ермолова Мария Николаевна (1853–1928), актриса, гастролировала в Воронеже в 1879 и 1890 гг.

⁵⁷ «Корневильские колокола» – комическая опера Робера Планкетта, впервые представлена в Париже в апреле 1877 г.

⁵⁸ Андреев-Бурлак Василий Николаевич (1843–1888), актер.

⁵⁹ Герве Флоримон (1825–1892), французский композитор.

⁶⁰ Премьера лирической драмы «Снегурочка» на музыку П.И. Чайковского состоялась в Большом театре 11 мая 1873 г. В 1880 г. на этот же сюжет написана опера Н.А. Римским-Корсаковым.

⁶¹ Столь Герман Федорович (1810–1887), врач, любитель музыки.

⁶² Веневитинов Михаил Михайлович (1862–1927), преподаватель музыки.

⁶³ Устав Воронежского отделения РМО был утвержден 11 ноября 1882 г.

⁶⁴ Рехак Антон Антонович (ок. 1845–1906), статский советник, преподаватель музыки в Кадетском корпусе в 1880–1906 гг.

⁶⁵ Острикова Екатерина Андреевна, жена статского советника, товарища прокурора Воронежского окружного суда И.А. Острикова, владела домом на Б. Дворянской ул., в 1880-е гг. принадлежавшим врачу Ф.А. Предтеченскому. В начале XX в. здесь находилось Семейное собрание. Сейчас на этом месте дом № 36 по проспекту Революции.

⁶⁶ Ростропович Витольд Ганнибалович (1858–1913), преподаватель музыки, жил в Воронеже с 1879 г.

⁶⁷ Гамбург Михаил Климентьевич (1855–1916), руководитель музыкальных классов в Воронеже в 1879–1888 гг.

⁶⁸ На общем собрании членов Музыкального общества 23 января 1883г. в состав правления были избраны Б.Г. Карнович (председатель), А.А. Рехак, В.Г. Ростропович, В.В. Оберн, Г.Ф. Столь, М.К. Гамбург, кандидатами – Э.Э. Фере и П.А. Паренго. В 1887 г. почетными членами Музыкального общества являлись губернатор А.В. Богданович, вице-губернатор Б.Г. Карнович, генерал-лейтенант Ш.П. Глотов и купец П.К. Капканщников. В состав дирекции входили М.К. Гамбург, АФ. Петрова, Н.В. Всесвятский, М.М. Веневитинов и Л.Г. Малкин.

⁶⁹ Речь идет о конфликте между В.Г. Ростроповичем и А.А. Рехаком, который разбирался 27 января 1884 г. См.: Дон. 1884. 14 февр., № 20; 21 февр., № 22.

⁷⁰ Агренов-Славянский Дмитрий Александрович (1836, по др. данным 1834 – 1908), певец, организатор и дирижер хоровой капеллы.

⁷¹ Агренева-Славянская Ольга Христофоровна (1847–1920), певица.

⁷² Фострем Эвелина (1856–1936), певица.

⁷³ Косарев Владимир Александрович (1839 – после 1903), купец.

⁷⁴ Кропивницкий Марк Лукич (1840–1910), украинский актер.

⁷⁵ Садовский (наст. фам. Тобилевич) Николай Карпович (1856–1933), украинский актер и режиссер.

⁷⁶ Заньковецкая (наст. фам. Атасовская) Мария Константиновна (1860–1934), украинская актриса.

⁷⁷ Манько Леонид Яковлевич (1863 – после 1904), украинский актер.

⁷⁸ Преображенский Николай Алексеевич (1854–1910, артист оперы (тенор), с 1888 г. пел в Большом театре.

⁷⁹ Паньшин – возможно, ошибка мемуариста и имеется в виду Панчнн Александр Семенович (1858–1906), актер оперетты и драмы.

⁸⁰ Дьяченко Виктор Антонович (1818–1876), драматург, с начала 1870-х гг. жил в Воронеже.

⁸¹ Литольф Анри Шарль (1818–1891), французский пианист и композитор.

⁸² Кольцова Ольга Васильевна, артистка оперетты.

⁸³ Завадский Михаил Александрович (1842 – после 1901), актер.

⁸⁴ Боде Яков Львович (1846 – после 1889), барон, отставной корнет. Был женат на Наталье Георгиевне, урожд. Зябловой, двоюродной сестре писательницы Анастасии Вербицкой.

⁸⁵ Эмар Густав (1818–1883), французский писатель, автор приключенческих романов.

⁸⁶ Медведев (наст. фам. Бернштейн) Михаил Ефимович (1852–1925), артист оперы (тенор).

⁸⁷ Сук Вячеслав Иванович (1861–1933), дирижер, в 1885–1906 гг. – служил в провинциальных оперных театрах. В Воронеже гастролировал в 1886 г. в составе труппы М.Е. Медведева

⁸⁸ Клямжинская Александра Сильвестровна (1859–1946), оперная певица.

⁸⁹ Шакуло Юрий Иванович (1835–1903), оперный певец.

⁹⁰ Калииновская Надежда Николаевна, дочь вице-губернатора, действительного статского советника Николая Ивановича Калииновского (1817–1869). Она окончила Московскую консерваторию в 1879 г. с большой серебряной медалью, ученица Н.Г. Рубинштейна.

⁹¹ Смирницкая Прасковья Гавриловна (1840 – после 1898), воронежская помещица, внучатая племянница воронежского архиепископа Антония II (Смирницкого).

⁹² Мельников Иван Александрович (1832–1906), певец.

⁹³ Горбунов Иван Федорович (1831–1895), писатель, актер.

⁹⁴ Пасхалов Виктор Никандрович (1841–1885), композитор и пианист.

⁹⁵ Долин (наст. фам. Гаук) Федор Васильевич, актер.

БИБЛИОТЕКА И КНИЖНИКИ:

Газетная полемика, поводом для которой послужило тридцатилетие воронежской публичной библиотеки, будет любопытна и сегодняшнему читателю. Отношение к культуре вряд ли сильно изменилось за это время, по крайней мере, Никитинская библиотека так же стеснена в средствах для пополнения фондов, хотя история библиотеки уже написана. Разве что за это время расширилась популярность Кольцова: сейчас уже никого не удивить изображением поэта на водочной этикетке...

Имя автора первой заметки хорошо знакомо всем воронежцам. Это врач и общественный деятель Константин Васильевич Федяевский (1835–1919) – в его честь названа вторая городская больница скорой помощи на пр. Революции. Много лет он входил в состав Комитета публичной библиотеки, и ее интересы были ему далеко не безразличны. После публикации своей статьи в газете он передал ее в журнал «Книговедение», лишь исправив опечатки. Оппонентом его стал Александр Михайлович Аврамов (1839–1895), судейский чиновник по образованию и автор ряда драматических произведений (он писал под псевдонимом «А. Студии»). Его перу принадлежат следующие произведения: «В лесной глуши. Комедия-шутка» (М., 1888. 55 с.); «Миниатюры: Рассказы для публичного исполнения на сцене А.М. Студина» (М., 1892. 30 с.); «Невесту собираются смотреть. Картинка из купеческого быта в 1-м действии» (М., 1890. 24 с.); «Несчастный день. Сцены из провинциальной жизни А.М. Аврамова (Студина)» (М., 1883. 37 с.).

А.М. Аврамов не был столь благодушен и доверчив, как К.В. Федяевский, отсюда и его скептицизм в отношении сотрудников библиотеки, да и так называемых «друзей Кольцова». Нетрудно увидеть, что он во многом был прав. Но все же предоставим обо всем судить современному читателю.

Выделение слов курсивом принадлежит авторам.

К.В. Федяевский

По поводу истекшего тридцатилетия Воронежской Публичной Библиотеки (1864–1894)

2-ое февраля текущего 1894 г. было днем тридцатилетней годовщины Воронежской Публичной Библиотеки. В нашем провинциальном, еще молодом по своей культуре обществе *такой возраст учреждения*, вполне прогрессивного по своей задаче, *весьма почтенен*. И если этот день пройден молчанием, как обществом, так и прессою, то хочется думать, что недалеко то время, когда мы сознательно и с гордостью начнем чествовать такие дни – как лучшие дни нашей общественной жизни. В таких чествованиях наши дети поучались бы любить свою родину, гордиться ею, стремиться служить ей...

По поводу дня 30-летней годовщины библиотеки, как старожилу г. Воронежа, мне пришла мысль помянуть добрым словом тех общественных деятелей, которые в скромной роли книжных торговцев и библиотекарей сознательно служили общему дорогому делу просвещения нашего города. Я воспользовался фактическим материалом, характеризующим их в этом отношении, как из местной прессы, так и из личных своих воспоминаний; понятно, я остановлюсь не только на лицах, работавших в частных библиотеках, но и в публичной. Правда – деятельность библиотекаря в общественном учреждении несколько иная. В частных библиотеках у нас в провинции библиотекарь в большинстве случаев сам и хозяин, а следовательно, и руководитель, в общественной же библиотеке дело ведет комитет, избранный общим собранием членов, и библиотекарь снабжается подробными инструкциями, тем не менее роль библиотекаря в успехе дела и в публичной библиотеке совсем *немаловажна*. Работая в продолжении многих лет в комитете библиотеки, я убедился, что в провинции, в живом деле общения с подписчиками, личность библиотекаря занимает в высшей степени ответственное место. Наш *провинциальный обыватель* до сих пор в громадном большинстве только самоучка, ибо процент кончающих курс в средних учебных заведениях не велик, – он нуждается в руководстве, да и не скрывает сам этого, постоянно высказывает свои

недоразумения при выборе книг, просит советов, указаний. Отказ в последнем его оскорбляет, он ставит его на счет неделикатности библиотекаря, ибо убежден, что лицо, поставленное у книжного дела, должно ему в этом помогать. Мне приходилось видеть массу записок с обращением к библиотекарю следующего содержания: «Прошу прислать книг, *по вашему усмотрению*, и для меня, и для моей дочери» и т.п. Таким образом, лицо, стоящее в роли библиотекаря, как в частных, так и в общественной библиотеке, *силою вещей* делается как бы руководителем чтения. Как мы увидим далее, *это вполне сознавалось лучшими и выдающимися из них*. Нам невольно вспоминаются слова бывшего члена комитета библиотеки И.В. Веретенникова¹, сказанные им в конце 70 годов, когда он целые дни проводил за работаю в библиотеке и имел случай сам наблюдать взаимные отношения публики и библиотекаря: «Как хорошо, как важно было бы иметь библиотекарем широко образованного человека, человека с университетским образованием!»

В 20-х годах в Воронеже была открыта первая специальная книжная лавка Д.А. Кашкиным². Нам пришлось много слышать об этом любителе просвещения от современника его, И.Г. Мелентьева, товарища поэта А.В. Кольцова, но я ограничусь отзывом о Кашкине М.Ф. Де-Пуле, помещенном в биографии Кольцова. «Димитрий Антонович Кашкин был в своем роде и в свое время замечательностию. Воронежский уроженец, принадлежавший к купеческому сословию, он вел сначала довольно выгодную торговлю хлебом, но страсть к чтению и к самообразованию заставила его обратиться к новой деятельности – книжной торговле. Он открыл книжную лавку, которая существовала 40 лет, почти до самой его смерти. Ставши книжником (так называли тогда книгопродавцев), он предался страстно чтению и достиг значительных по времени успехов в самообразовании. Он довольно правильно владел литературным языком и подобно всем своим современникам, даже некоторое время писал стихи... В обществе купцов Кашкин слыл оригиналом и даже чудаком. И в самом деле, он был оригиналом, т.е. вполне самобытен, прям и при случае резок. Многие его побаивались, многие, конечно, не любили, но большинство уважало его как человека с независимым характером, резко выделявшегося не из одной купеческой среды, в то время еще весьма темной... С таким-то человеком свела судьба юного Кольцова, и понятно, что *это знакомство* было для нашего поэта *первою образовательною школою...*».

«Мы хорошо знали лично Кашкина в наши гимназические годы, продолжает Де-Пуле, – в конце 30 и в начале 40 годов. В эту пору в Воронеже были уже две книжные лавки Д.А. Кашкина и Н.С. Семенова³... В лавке Семенова кроме книг, преимущественно учебников и церковной печати, продавались обои, писчая бумага, перья и другие письменные принадлежности. Ничего подобного не было у Кашкина; он продавал только книги и ноты, имел библиотеку для чтения и нечто в роде музыкального магазина. Кашкин не только сам выучился играть, но и учил других. Кашкин и по внешнему виду, по одеянию и по разговору отличался от своего конкурента Семенова, человека хотя и умного, но необразованного. *Это различие хорошо понимала тогдашняя учащаяся молодежь* – гимназисты, семинаристы, толпами приходившие в лавку Кашкина сколько за получением книг, столько же, если не более, для разговора со словоохотливым книгопродавцем. В это же время существовала в Воронеже в доме Дворянского собрания библиотека, устроенная на счет дворянства и открывавшаяся по вечерам для чтения, но, несмотря на даровое чтение в этой библиотеке, книги у Кашкина не залеживались, и читателей у него было немало... «Несомненно то, – говорит Де-Пуле, – что масса начальных стихотворений Кольцова обязана в значительной доле своим появлением Д.А. Кашкину и прошла через его цензуру»⁴. О влиянии Кашкина на Кольцова неопровержимо свидетельствует сам поэт в своих неизданных черновых стихотворениях. Вот что о нем говорит Кольцов:

...ты,
 В замену хладной пустоты
 С улыбкой, дружеству пристойной,
 Глас музы тихой и нестройной
 Прочтешь и скажешь про себя:
 «Его трудов виновник я»⁵.

В начале 59 г. были открыты книжный магазин и при нем библиотека нашим воронежским поэтом И.С. Никитиным. В его письме к г. Кокореву⁶ мы читаем: «Я берусь за книжную торговлю, не в видах чистой спекуляции. У меня есть другая, более благородная цель: знакомство публики со всеми лучшими произведениями русской и французской литературы, в особенности знакомство молодежи, воспитанников местных учебных заведений»⁷. Вот что говорится о Никитине в биографическом очерке Сивицкого (изд. Павленк[ова], стр. 44): «Магазин тотчас же при-

влек к себе многочисленную публику: всем было интересно взглянуть на его хозяина, которого знали уже как поэта... Скоро дело пошло так хорошо, что Никитин мог радоваться успеху своего предприятия. Магазин сделался популярным среди воронежской публики. Сюда заходили не только за делом, но и просто для того, чтобы потолковать с хозяином о разных разностях: литературных новостях, вопросах дня и пр.... Магазин Никитина сделался своего рода литературным клубом, куда собирались самые разнообразные элементы общества от низших до высших. Навещал его нередко и Воронежский губернатор Д.Н. Толстой⁸, чтивший поэта Никитина и первый издавший его сочинения⁹. «Никитин, – говорит Де-Пуле, – был просто влюблен в свой книжный магазин. Он считал его своим созданием, своим детищем; он им гордился и положил на него всю свою душу. «Только теперь, идя по улице, я смело смотрю всем в глаза, потому что знаю, что делаю дело», – говорил не раз Никитин».

«Мы видели, – продолжает Де-Пуле, – с какою целью желал Никитин открыть в Воронеже книжный магазин (письмо к Кокореву). Эту идеальную цель он никогда не покидал и служил ей честно; многим бедным людям он постоянно и бесплатно давал читать из своего магазина»¹⁰. В 60 г. Никитин умер¹¹.

2-го февраля 1864 г. была открыта Воронежская Публичная Библиотека по инициативе М.Ф. Де-Пуле¹², Н.И. Второва¹³, К.О. Александрова-Дольника¹⁴. Первыми ее библиотекарями были А.И. Селиванов¹⁵, П.А. Исаев¹⁶ и Д.И. Самбикин¹⁷. Вот что читаем мы об А.И. Селиванове: «А[лексей] И[ванович] разделял с членами комитета весь труд по составлению каталога и устройению библиотеки. Еще в 62 и 63 годах он вместе с другими помещал статьи, посвященные библиотечному делу. Кроме того, А[лексей] И[ванович] приобрел известность своими трудами по этнографии и истории». В 1865 г. умер А. И. Селиванов. В отчете библиотеки за 1867 г. мы уже встречаемся с библиотекарем П.А. Исаевым, известным как автор многих статей по этнографии. К этому времени относится деятельность в библиотеке и преподавателя Воронежской духовной семинарии, священника Пятницкой церкви Дмитрия Ивановича Самбикина, ныне епископа Балтского. Благодаря личному влиянию указанных лиц, судя по отчетам прежних лет, 3/4 посетителей библиотеки составляла учащаяся молодежь.

В первые годы существования публичной библиотеки, читаем мы в отчете ее за 25-летие¹⁸, Воронежская Публичная Библиоте-

ка, благодаря деятельности комитета, *благодаря хорошему подбору библиотекарей*, благодаря постоянному рвению ее членов, шла хорошо, с конца же 60 годов стала падать и так продолжалось до 77 года. Надо отметить, что этот упадок ее деятельности *не совпадал с общественным запросом на книгу*, напротив, за эти годы частные книжные магазины и библиотеки при них шли превосходно. Так, к этому времени мы имеем в Воронеже уже 4 видных книжных магазина: Агафонова¹⁹, Лашкина²⁰ (бывший Никитина), П.Н. Аносова²¹ и Н.С. Русинова²² и множество мелких книжных лавок. Магазины П.Н. Аносова и Н.С. Русинова вполне процветали и неудивительно – как Аносов, так и Русинов были лицами, любившими свое дело и понимавшими его просветительное значение. Аносов был молодой еще человек, хотя и не получивший высшего образования, но внимательно относившийся к мнению интеллигентных лиц и чутко следивший за спросом публики. Он сам находился постоянно в библиотеке, имея помощниками свою сестру К.Н. Аносову и дальнюю родственницу Надежду Петровну Аносову. В магазине выписывались все лучшие газеты, журналы и некоторые из них в нескольких экземплярах. Приветливое обращение как хозяина, так и служащих лиц, внимательное отношение к подписчикам, наблюдение за порядком спроса на книги, хорошо составленный Н.П. Аносовой каталог²³, все это влекло в магазин интеллигенцию г. Воронежа. *Июно публикою отличался* магазин Н.С. Русинова. Туда шел семинарист, воспитанник духовного училища, уездник, купечество средней руки, мелкий чиновник. Н.С. Русинов был философ-самоучка, оригинал, всю жизнь самостоятельно мысливший и самостоятельно поступавший. Так, нам вспоминается один эпизод: в 70 годах, когда одна Московская газета начала поход против просветительной реформы 60 годов, которую Русинов высоко чтит, на стеклянных дверях его магазина появилось следующее объявление: «Впредь такая-то газета выписываться магазином не будет за ее дурное и вредное направление». Русинов был чрезвычайно любознателен, он много читал, любил музыку, много ею занимался, изучал научно фотографию и довел ее до возможной степени совершенства его время. Посещая один литературный кружок, он делал устные сообщения об истории развития фотографии и ее блестящем будущем, удивляя слушателей своим красноречием, умением ясного сжатого изложения. Уже в зрелых летах он изучил основательно французский, английский и турецкий языки.

Как мы уже сказали, *публика* его магазина была своеобразная: он с большим интересом относился к ней, так сказать, изучал ее, был с нею любезен, ровен, словоохотлив, любил знакомиться с ее мирозерцанием, ведя долгие беседы по поводу самых разнообразных вопросов. И как результат этих бесед, он выписывал для своего магазина массу сказок, фантастические романы, историй рыцарских походов, а также сатирические произведения, доступные пониманию его публики, – сатире он придавал большое воспитательное значение. На замечание одного хорошего знакомого относительно роли сказок и фантастических произведений: «зачем вы, Н[иколай] С[тепанович], выписываете так много этой чертовщины?», – он глубокомысленно и помолчав ответил: «Выписываю по строго обдуманному соображению, принимая во внимание *пользу своего* подписчика. Да-с! Северный житель завален снегом, лишен впечатлений; он может начать свое умственное развитие тогда, когда *разовьет в себе фантазию*. В этом *мы ему* должны помочь, недаром он любит такое чтение». Когда некоторые знакомые Русинова приняли участие в делах Публичной Библиотеки, он подсмеивался над ними, говоря, что дело их провалится, ибо ни начнут потчевать публику *неудобоваримой* пищей, *нравоучительной*, прислал в дар Публичной Библиотеке брошюру «*Утешение в скорбях*». Но рядом с этою ирониею он зорко следил за успехами Публичной библиотеки, помогал ее комитету своими советами при покупке и выписке книг, а чрез несколько лет, еще не продав своего магазина, он сделался подписчиком Библиотеки и пожертвовал ей много иностранных книг по истории развития фотографии. Одна сторона в деятельности Публичной Библиотеки продолжала его беспокоить, как, по словам, не имеющая *raison d'être*²⁴. «Зачем богатые люди пользуются у вас даровым чтением в читальне? Ведь это у нас, частных лиц, подрывает дело, а их балует и не соответствует назначению общественной библиотеки как благотворительного учреждения». На замечание, что для богатых людей есть кружка, куда предлагается жертвовать в пользу бесплатной читальни, Русинов, хорошо знавший природу человека, заметил: «А признайтесь, чего больше оказывается в кружке – монет или пуговиц?». И, к сожалению, Русинов был прав, – ибо пуговиц всегда в кружке оказывалось достаточно, а денег очень мало, а тому скоро и самая кружка была сдана в архив – как способ сбора, не оправдавший ожиданий!

В 77 году общественная инициатива снова проявляется в деле Публичной библиотеки. По городу стали циркулировать два мнения, отнюдь не враждебные, а только стремящиеся выяснить дело. Одни говорили, что книжное дело – как дело просвещения – не должно оставаться в руках частных предпринимателей, руководствующимися в большинстве случаев главным образом личным коммерческим интересом, а не интересами просвещения; другие утверждали, что время общественной инициативы еще не настало, доказательством чему приводили упадок Публичной библиотеки, наконец, указывали на всю трудность поднять дела общественной библиотеки, когда частные библиотеки того времени, по видимому, вполне удовлетворяли самому разнообразному спросу, шли превосходно, имели свой капитал и прочный кредит. Публичная же Библиотека в 77 году не имела ни своего помещения, ни основного капитала, по существу отсутствовал и книжный материал (отчет за 1877 г.), так было все разрознено, изорвано попорчено. Можно было сказать, что от прошлого остался только *один устав...* Но, как оказалось, и это было *ценное наследство от 60 годов*. Комитет Публичной Библиотеки 78 г., взявший в свое ведение дело, понимал, какую ответственную роль при всех вышеуказанных обстоятельствах должно было играть лицо, ведущее непосредственно дело библиотеки, т.е. библиотекарь. После долгих обсуждений и разных попыток решено было отдать предпочтение женскому труду. Были приглашены Л.И. Булавкина²⁵ и Р.А. Вознесенская. В отчетах библиотеки мы не раз встречаем выраженную им обоим благодарность за их любовное и добросовестное отношение к делу. В настоящем же 94 году сравнялось 18 лет почтенной деятельности библиотечарши Л.И. Булавиной. Чтобы очертить ее деятельность, остановимся на отзывах о ней в отчете библиотеки за 1886 г. и в книге Н.В. Воскресенского «Пятидесятил[етие] «Вор[онежских] Губ[ернских] Вед[омостей]» 1888 г.».

В отчете говорится: «Комитет с полным убеждением признает ее серьезное влияние на успешный ход развития Публичной Библиотеки. Постоянным вниманием к запросам читающей публики и строгою отчетностью она подняла доход абонемента на ту высоту, которая дала возможность так хорошо обставить даровую читальню. Наконец, повседневная забота о благоустройстве библиотеки и всегдашняя готовность служить ее нуждам, особенно резко выразившаяся в тяжелом нынешнем году, заслуживает полную признательность со стороны общества, а потому комитет

предлагает членам общего собрания благодарить многоуважаемую Любовь Ивановну за ее достойную и полезную общественную деятельность в течение 10 лет на пользу нашей библиотеки».

Общее собрание членов библиотеки постановило благодарить Л.И. Булавкину и определить ей в награду 100 р. за 10-летнюю службу²⁶.

В книге Н.В. Воскресенского, стр. 468, читаем следующее: «В последние 12 лет неустанно трудится для благоустройства библиотеки и содействует успешному развитию ее библиотекаряша Л.И. Булавкина. Кто из местной читающей публики, особенно учащейся молодежи, не знает этой почтенной деятельницы, всегда находящейся на своем трудном посту и с готовностью исполняющей разнообразия требования читателей»²⁷. Для характеристики деятельности Л[юбови] И[вановны] за последние шесть лет служит то обстоятельство, что он до сих пор остается на своем посту, любимая и уважаемая публикой.

Популярность ее среди детей и юношества глубоко поучительна. Будем же надеяться, что Л.И. Булавкина еще долго останется в почтенной роли библиотекаря на пользу родного ей воронежского общества. Общество не забудет ее заслуг, и будет всегда вспоминать о ней добрым словом.

Воронежский телеграф. 1894. 13 марта, № 29.

Книговедение. 1894. № 4. С. 19–23.

А.Студин

Наши книгопродавцы, литераторы и новый товарищ Кольцова

В дополнение к интересной статье «По поводу истекшего тридцатилетия воронежской публичной библиотеки» г. Федяевского, помещенной в «Вор[онежском] Телеграфе», я, со своей стороны, нелишним нахожу сказать несколько беспристрастных слов, не увлекаясь какими-либо симпатиями и антипатиями ко временам давно минувшим. Говоря о книжных магазинах прошлого времени, г. Федяевский в статье своей упустил из виду, или, по незнанию, обошел молчанием известный, весьма видный и заметный книжный магазин Н.В. Гарденина²⁸, открытый почти в одно время с ма-

газином И.С. Никитина, в доме почетного гражданина М.А. Аврамова, на Большой Московской улице. Этим магазином заведывал А.И. Селиванов, бывший потом библиотекарем воронежской публичной библиотеки. Но магазин Гарденина существовал очень недолго, благодаря «Воронежскому литературному сборнику», изданному им по инициативе Селиванова и П.В. Мальхина: на этом литературном предприятии, которым сулили ему золотые горы, он потерпел большие убытки и расстроил свою книжную торговлю. Издание литературного сборника в Воронеже не вызывалось ни временем, ни требованиями общества, ни местными литературными силами: сборник этот был нужен только Селиванову и Мальхину²⁹, в который они сбывли, за приличный гонорар, свои статьи и произведения других воронежских непризнанных литераторов, отвергнутые всеми возможными редакциями. К таким произведениям должно, например, отнести помещенную в сборнике нелепую драму «Опасные», переделанную из романа Леона Гозлана Зиновьевым³⁰, стремившимся всеми силами своей души к литературной известности. Сборник этот, как и следовало ожидать, прошел в литературе незамеченным, не имел никакого успеха даже и в Воронеже, и Гарденину пришлось продать его на пуды и закрыть свою книжную лавочку³¹. В 1864 году Селиванов перешел библиотекарем в воронежскую публичную библиотеку и находился в ней очень недолго, всего года полтора. Он, говоря беспристрастно, был плохой библиотекарь и мало занимался библиотекою по болезни, которая преждевременно свела его в могилу и не позволяла ему постоянно присутствовать в зале библиотеки. Сознывая свою слабость и несостоятельность на месте, он, в первых же порах, взял себе в помощники своего родственника, воронежского мещанина Виталия Колыбихина³², человека малограмотного, нисколько не знакомого с книжным делом. В эту пору библиотека представляла запертый сундук без ключа: приходили в библиотеку читатели и подписчики, требовали те или другие книги, но помощник библиотекаря не знал, «где они лежат и как их взять», и потому приходилось брать то, что попадало под руки и что лежало на столах. Мы в те времена чутко следили за современными событиями и удивлялись, почему в общественной библиотеке содержался такой большой и несостоятельный библиотекарь. Селиванов был довольно развитой, начитанный и любознательный человек, но он страдал несчастною страстью к писательству и сочинительству, не имея к тому ни дарования, ни признания: он писал стихи, повести и рас-

сказы, драмы и комедии. В 1855 или 56 году, в журнале «Пантеон», издав[авшемся] Кони³³, появились его сцены из купеческого быта «Опекун», написанные убийственно тяжелым нелитературным языком, каким никогда не говорили и не говорят купцы³⁴. Вскоре после того он послал в тот же журнал две пьесы: драму «От добра добра не ищут» и комедию «Компания», но они не были напечатаны. Томимый мучительным и страстным желанием сделаться, во что бы то ни стало, писателем и занять видное место в литературе, он продолжал писать, и написал множество повестей, рассказов и сцен, не узревших света... Потерпевши полное фиаско во всех родах литературы, он, как утопающий хватается за соломинку, стал заниматься собиранием материалов для этнографии воронежского края. Плодом этих трудов появилось несколько его мелких этнографических очерков в «Вор[онежских] Губернских Ведомостях» и в «Воронежском литературном сборнике», но в очерках этих не было ничего нового, так как собранные в них разные обычаи, поверья, предрассудки и проч., были *общими* другим местностям и были ранее того известны из других этнографических сборников. В 1865 году Селиванов умер, очистивши свое место в библиотеке другим, более энергичным, библиотекарям. В некрологе о смерти его в «Вор[онежских] Губернск[их] Вед[омостях]» сказано, между прочим, что он «мечтал нарисовать полную этнографическую картину воронежского края»³⁵, а из другого его некролога, в «Воронежском Листке», видно, что он скоропостижно скончался от пагубной своей болезни, под гнетом которой не мог нарисовать никакой «замечательной» картины³⁶. Так вот что такое был А. И. Селиванов... Это был несчастный и жалкий страдалец!

Вспоминая книгопродавцев Аносова и Русинова, г. Федяевский говорит: «Магазины П.Н. Аносова и Н.С. Русинова вполне процветали, и неудивительно: как Аносов, так и Русинов – были лицами, любившими свое дело и понимавшими его просветительное значение», и что «Русинов в зрелых годах основательно изучил французский, английский и турецкий языки». Аносова я знал довольно хорошо: это был человек мало развитой, вышедший из низших классов гимназии, по неспособности и нежеланию к дальнейшему учению и образованию; у него не было даже любви к чтению, и потому он не мог понимать просветительного значения книжного дела. Книжный магазин Аносова представлял обыкновенную, заурядную провинциальную библиотеку, и дела его были вовсе не блистательны и не процветали, а в последнее вре-

мя пришли даже в упадок, почему, когда он умер, родственники его вынуждены были прекратить книжную торговлю и передать ее в другие руки. Русинов был человек развитой и начитанный, именно самоучка, но он знал французский и английский языки лишь настолько, что мог читать на этих языках одни только названия книг. Немецкий язык он знал основательно, но книжным образом, а турецкого языка совсем не знал и не знал даже названий и начертаний арабских букв. Он пробовал заучивать фразы из путеводителя Старчевского³⁷, транскрибированные русскими буквами, но и это не далось ему. В начале своей статьи г. Федяевский, обращаясь к деятельности книгопродавца Кашкина, говорит: «Нам пришлось много слышать об этом любителе просвещения от современника его И.Г. Мелентьева, товарища поэта А.В. Кольцова...». Каким образом Мелентьев³⁸ попал в товарищи поэту – мы недоумеваем... Мелентьева я знал тоже очень хорошо: это был совсем малограмотный человек, всю жизнь свою о чем-то мечтавший и писавший курьезные стихи, которыми очень часто надоедал Селиванову, прося его «где-нибудь» их напечатать. Мелентьев и по летам своим не мог быть товарищем Кольцова: последний, как известно, умер на тридцать четвертом году своей жизни, когда Мелентьеву было не более 15–16 лет. Сам Мелентьев действительно называл себя товарищем и даже другом Кольцова и рассказывал всякие небылицы в лицах из его жизни, которым, кто хорошо знал Мелентьева, никто не верил. Мелентьев умер в начале 80 годов. Последний раз я встретил его в 1869 г. в Петербурге, где он занимался тогда заказом в типо-литографиях ярлыков, этикеток и прейскурантов на товары воронежских торговцев. Занимаясь этим делом, он вздумал изобразить Кольцова на водочном ярлыке и тем увековечить его. Для этого он нарисовал поэта на бутылке с водкою «в костюме прасола, сидящим в лавке, на прилавке, с книжкою в руках». Сверху была надпись: «Травник воронежских степей», а внизу собственное его, Кольцова четверостишие:

*«Грустно, среди пиришества,
О могиле взгадывать,
И с седою мудростью
К ней, наморицась, двигаться!»³⁹*

Когда говорили Мелентьеву, что он этим ярлыком может «оказать своему другу медвежью услугу», он отвечал: «позвольте вас спросить, каким же это манером? Ведь выставляют же королеву

Викторию на помадных банках!... Почему же мне не выставить Кольцова на водочном ярлыке? Его надо «провести», он у нас еще ни на чем не был проведен».

Этот курьезный эпизод из жизни «товарища и друга» Кольцова, свое время рассказан был в одном юмористическом очерке в нашей газете.

Так вот каких курьезных людей называют у нас в товарищи поэту! На основании таких данных, иной доверчивый биограф Кольцова может набрать десятки курьезных товарищей его и увековечить их. У нас если уж кого возьмутся возвеличивать, прославлять и увековечивать то превознесут его до небес... Жаль только, что слава эта не идет дальше Воронежа.

Дон. 1894. 22 марта, № 22.

¹ Веретенников Иван Васильевич (ок. 1847–1921), надворный советник, товарищ директора городского общественного банка, затем податной инспектор Казенной палаты. Гласный городской думы в 1879–1893 гг. Брат жены К.В. Федяевского.

² Кашкин Дмитрий Антонович (ок. 1793–1862), купец, владелец книжной лавки.

³ Семенов Николай Семенович (ок. 1799 – после 1850), купец, владелец книжного магазина, который после его смерти перешел к жене Анастасии Федоровне (р. ок. 1815).

⁴ См.: Де-Пуле М.Ф. А.В. Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке. СПб., 1878. С. 18–19.

⁵ В опубликованном стихотворении под названием «Письмо к Д.А. Кашкину»:

И ты,

В замену хладной пустоты,
С улыбкой, дружеству пристойной,
Глас лиры тихой и нестройной
Прочтешь и скажешь про себя:
«Его трудов — виновник я!».

См.: Полное собрание сочинений А.В. Кольцова / под ред. и с предисл. А.И. Ляшенко. СПб., 1911. С. 27.

⁶ Кокорев Василий Александрович (1817–1889) – русский предприниматель, миллионер, меценат.

⁷ См.: Никитин И.С. Сочинения. М., 1980. С. 554.

⁸ Толстой Дмитрий Николаевич (1806–1884), граф, действительный статский советник, воронежский губернатор в 1859–1861 гг.

⁹ См.: Сивицкий Ф.Е. И.С. Никитин, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1893. С. 44–45.

¹⁰ См.: Де-Пуле М.Ф. Иван Саввич Никитин // Сочинения И. С. Никитина. М., 1908. Изд. II. С. 73.

¹¹ Ошибка автора статьи: И.С. Никитин умер 16 октября 1861 г.

¹² Де-Пуле Михаил Федорович (1822–1885), краевед, публицист и общественный деятель.

¹³ Второв Николай Иванович (1818–1865), общественный деятель, организатор литературного кружка. В Воронеже жил в 1849–1857 гг., будучи старшим советником губернского правления.

¹⁴ Александров-Дольник Константин Осипович (1819–1888), общественный деятель, приятель и родственник Н. И. Второва. В Воронеже жил в 1848–1856 гг., будучи товарищем председателя губернской палаты гражданского суда.

¹⁵ Селиванов Алексей Иванович (1829–1865), краевед, журналист, член губернского статистического комитета с 18 августа 1864 г.

¹⁶ П.А. Исаев работал в библиотеке в 1865–1870 гг., в эти же годы публиковал статьи историко-этнографического содержания в «Воронежских губернских ведомостях». Составил указатель к неофициальной части газеты с 1838 по 1869 гг.

¹⁷ Самбкин Дмитрий Иванович (1839–1908), краевед, в 1865–1866 гг. сотрудник Публичной библиотеки. В 1882–1886 гг. – ректор Воронежской духовной семинарии, в конце жизни архиепископ Казанский и Свяжский.

¹⁸ См.: Воскресенский Н.В. Пятидесятилетие «Воронежских губернских ведомостей». Воронеж, 1888. С. 461–469.

¹⁹ Агафонов Иван Егорович (1830–1903), владелец книжного магазина с 1873 г., начинал приказчиком в книжно-обойном магазине Семенова.

²⁰ Лашкин Иван Иванович (?–1866), ейский 1-й гильдии купец, зять Антона Родионовича Михайлова. Приобрел книжный магазин И.С. Никитина после смерти поэта.

²¹ Аносов Петр Николаевич (ок. 1847–1878), владелец книжного магазина, компаньон В.Д. Кашкина. В 1879 г. магазин перешел в руки М.П. Савостьянова. См.: Воронежский телеграф. 1879. 15 апр., № 40.

²² Русинов Николай Степанович (ок. 1835–1892), владелец книжного магазина и фотोगрафии с 1869 г. до середины 1880-х гг.

²³ Каталог был издан в Воронеже в 1877 г.

²⁴ здравого смысла (франц.).

²⁵ Булавкина Любовь Ивановна (ок. 1836–1907), библиотекарь. См. о ней: Е. Федяевская. Памяти Л.И. Булавкиной // Отчет Воронежской публичной библиотеки за 1906 год. Воронеж, 1907. С. 33–37; Воронежское слово. 1907. 9 янв., № 6.

²⁶ См.: Отчет Воронежской публичной библиотеки за 1886 год. Воронеж, 1887. С. 9–10.

²⁷ Воскресенский Н.В. Указ. соч. С. 468.

²⁸ Гарденин Ниханор Васильевич (ок. 1832 – после 1893), купец 3-й гильдии, владелец книжного магазина с 1858 г. О книжных магазинах см.: Акиншин А.Н., Ласунский О.Г. Книжные магазины Воронежа и их вклад в развитие местной культуры // Проблемы культуры городов России. Омск, 1996. Ч. 1. С. 84–87.

²⁹ Малыхин Петр Васильевич (1818–1867), педагог, журналист. Один из составителей и редакторов «Воронежского литературного сборника» (1861).

³⁰ Зиновьев Иван Иванович (ок. 1825 – 1862), краевед и литератор.

³¹ См.: О двух воронежских сборниках // Дон. 1871. 23 мая, № 37; 27 мая, № 38; 3 июня, № 40; 10 июня, № 42; 13 июня, № 43. Предположительно рецензия написана журналистом и краеведом М.М. Скиадой (ок. 1825 – 1888).

³² Колыбихин Виталий Николаевич, мещанин, в 1870–1875 гг. библиотекарь Публичной библиотек

³³ Кони Федор Алексеевич (1809–1879), журналист, драматург и историк театра. В 1852–1856 гг. издавал журнал «Пантеон».

³⁴ См.: Опекун. Комедия Алексея Селиванова // Пантеон. 1855. № 7. Раздел «Репертуар русской сцены». С. 1–60. Благодарю за это сообщение И.А. Обрезкову (Москва).

³⁵ См.: Воронежские губернские ведомости. 1865. 1 дек., № 76. Здесь же отмечено, что А.И. Селиванов был корреспондентом некоторых столичных газет.

³⁶ Об А.И. Селиванове см. также очерк Л.Г. Соловьева «Живопись и рисование в воронежском крае» в настоящем издании.

³⁷ Старчевский Альберт Викентьевич (1818–1901), составитель словарей, в том числе русско-турецких, русско-арабских и т.д.

³⁸ Мелентьев Иван Григорьевич (ок. 1830 – нач. 1880-х гг.), выходец из семьи купца 3-й гильдии. Упомянут в 8, 9, 10 ревизиях. Другого человека с такими инициалами в Воронеже не было ни среди купцов, ни среди мешан.

³⁹ Приведен фрагмент стихотворения Кольцова «Совет старца», датированного 1830 г. См.: Полное собрание сочинений А.В. Кольцова... С. 37.

ПИСЬМА КРАЕВЕДУ С.Е. ЗВЕРЕВУ (1888-1916)

Переписка любого ученого – ценный источник для изучения его творческой и общественной деятельности. Она раскрывает размах и содержание научных контактов, сохраняя такие реалии, которые не находят отражения в официальных источниках. Переписка вдвойне ценна, если официального делопроизводства не существует вовсе. Именно так произошло с текущим делопроизводством Губернского статистического комитета, Губернской ученой архивной комиссии и Церковного историко-археологического комитета. Протоиерей Стефан Егорович Зверев (1860–1920) был деятельным членом всех трех научно-краеведческих обществ, а в ГУАК состоял бессменным правителем дел.

Личный архив С.Е. Зверева давно привлекает внимание исследователей. Впервые сведения о нем четверть века назад привел В.И. Чесноков¹. Изучая материалы Губархивбюро, куда в мае 1920 г. поступил личный фонд краеведа (38 связок), он выявил разделение его на три самостоятельных части: документы гр. Д.Н. Толстого; тестя Зверева, епископа Лаврентия (М.И. Некрасов); материалы и переписку самого Зверева. В числе корреспондентов священника архивисты (А.Д. Фаддеев, В.В. Литвинов, З.В. Яковлева) называли М.А. Веневитинова, С.Ф. Платонова, Е.Ф. Шмурло, отмечали наличие здесь автографов императоров Александра II и Николая II, графа А.А. Аракчеева и Д.В. Давыдова, материалов о масонской ложе «Избранного Михаила»². Последний раз фонд С.Е. Зверева упоминался в Воронеже в 1925 г. О дальнейшей его судьбе можно говорить предположительно: до Великой Отечественной войны часть фонда была передана в Москву. Оставшиеся на месте документы разделили участь значительной части архива – сгорели во время боев за Воронеж. Два письма Д.Давыдова хранятся в фондах Воронежского областного краеведческого музея.

Перевезенная в столицу часть архивного фонда С.Е. Зверева оказалась в Центральном историческом архиве города Москвы. Она включает в себя только переписку с известными литераторами и историками. Впервые эти документы были введены в научный оборот В.А. Алленовой в ряде статей о С.Е. Звереве³. Авторами писем к Стефану Егоровичу Звереву являются: историк и археограф, чиновник Московского главного архива МИД Сергей

Алексеевич Белокуров (1862–1918); археограф, музейный деятель, владелец имения в с. Новоживотинном под Воронежем Михаил Алексеевич Веневитинов (1844–1901); историк, археолог, археограф, музейный деятель Иван Егорович Забелин (1820–1908); историк, общественный деятель, профессор Киевского университета Владимир Степанович Иконников (1841–1923); историк, профессор Казанского университета Дмитрий Александрович Корсаков (1843–1920); литературовед, библиограф Иван Андреевич Кубасов (1875–1937); специалист по истории Рима и Византии, профессор Киевского университета Юлиан Андреевич Кулаковский (1855–1919); историк, профессор Новороссийского университета Иван Андреевич Линниченко (1857–1926); историк, археограф, библиограф, коллекционер Николай Петрович Лихачев (1862–1936); историк, археограф, библиограф, член-корреспондент АН СССР Владимир Владимирович Майков (1863–1942) литературовед, профессор Юрьевского университета Евгений Вячеславович Петухов (1863–1948); историк, профессор Санкт-Петербургского университета Сергей Федорович Платонов (1860–1933); историк литературы и театра, славист и этнограф Михаил Несторович Сперанский (1863–1938); историк литературы, археограф, библиограф Всеволод Измайлович Срезневский (1867–1936); историк, археограф, хранитель библиотеки Исторического музея, племянник Н.В. Станкевича Александр Иванович Станкевич (1856–1922); этнограф, один из основателей журнала «Этнографическое обозрение» Николай Николаевич Харузин (1865–1900); управляющий Московским архивом Министерства юстиции Дмитрий Владимирович Цветаев (1852–1920); историк литературы, археограф, профессор Санкт-Петербургского университета Илья Александрович Шляпкин (1858–1918); историк и литературовед, профессор Юрьевского университета Егор Францевич Шмурло (1853–1934).

Приношу искреннюю благодарность за помощь в подготовке публикации внуку С.Е. Зверева, Георгию Митрофановичу Звереву (Москва).

1.

Зависть – один из смертных грехов. Чтобы избавиться от нее Вас, – пришлите просьбу.

Ваш С. Белокуров.

15 декабря 1912 г.

С приближающимися праздниками⁴.

2.

10 марта.

Многоуважаемый о. Стефан Егорович!

Бывший профессор Харьковского университета П.А. Безсонов⁵ в своей статье о Юрии Крижаниче⁶ в числе лиц, интересовавшихся им, называет «графа Д.Н. Толстого⁷». Другие лица, которых он вместе с ним называет, или 1) владели рукописями сочинений Крижанича, 2) или писали что-либо о нем или 3) содействовали появлению в свет каких-либо работ о нем или его сочинений. О Толстом я нигде не встр[етил] таких указаний, по которым его можно бы было причислить к той или другой категории. Неизвестно ли что-либо по этому вопросу Стефану Егоровичу, который разбирал архив Толстого и, вероятно, знаком с его перепиской? Не содействовал ли он какому-либо изданию сочинений Крижанича или не принадлежала ли ему какая-либо рукопись, напр[имер], «Духовное завешание» Кр[ижанича]? О последнем сочинении пр[офессор] Безсонов говорит, что оно было в частных руках, а теперь у него. Какие это частные руки, неизвестно. Не гр[афа] Толстого?

Да не поленится о. Стефан и да почтит ответом его покорн[ого] слугу

Сергея Белокурова

3.

28 апреля

Воистину Христос Воскресе, многоуважаемый Стефан Егорович.

Рук[опись] Крижанича, которая (я предполагаю) перешла от гр[афа] Толстого к Безсонову, должна находиться и сейчас в имуществе последнего, т.е. Безсонова. Не осталось ли среди бумаг Толстого какой-либо копии ее, нет ли переписки его с Безсоновым?

Литературу о Криж[ани]че я всю перечитал и статьи Толстого, даже мелкой, не встречал.

Мне кажется, Толстой или владел рукописью Крижанича или содействовал Безсонову в издании сочинений Криж[ани]ча. Уведомьте, что Вы думаете об этом

Ваш Сергей Белокуров

4.

Многоуважаемый Стефан Егорович.

Книгу послал и Вы, вероятно, уже получили. Нуждаюсь в деньгах, год как весь в долгу из-за диспута и потому рад буду, если пришлете за книгу деньги. И буду благодарен, если посоветуете еще кому-либо выписать ее.

Ваш Сергей Белокуров.

5.

Милостивый государь Степан Егорович,

Прежде, чем возвратить Вам книгу Иконникова, обращаюсь к Вам с просьбою сообщить мне его имя, отчество и адрес, т[ак] к[ак] я хочу ему написать по поводу некоторых найденных мною неточностей. Эти неточности я позволил себе отметить в Вашей книге карандашом на полях и надеюсь, что Вы на меня за это не слишком рассердитесь. Вместе с тем не откажите в моей просьбе ссудить меня на один вечер (если возможно, то сегодня), Вашею статьею об открытии памятника Кольцова⁸. Я собираюсь написать возражение в Истор[ический] вестник⁹ и Ваша статья была бы мне очень кстати.

С истинным уважением

Преданный Вам

М. Веневитинов.

9/III. [1893].

6.

[1893]

Милостивый государь Степан Егорович,

Искренно Вам признателен за Вашу брошюру и за адрес Иконникова. Спешу также с благодарностью возвратить Вам Ваши книги и делаю это и с сожалением и понятно, с каким бы удовольствием я погрузился бы в изучение монументального труда Иконникова, если бы текущая проза жизни не лишала меня необходимого для этого досуга.

Преданный Вам

М. Веневитинов

7.

Милостивый государь Степан Егорович,

Если Вы свободны завтра в воскресенье вечером, то не сделаете ли мне удовольствие посетить меня и принять уча-

стие в исторической беседе, для которой, конечно, будут собеседники.

С истинным уважением
Преданный Вам

М. Веневитинов

Суббота, 16 октября [1893].

8.

Милостивый государь Степан Егорович.

Сообщаю Вам в копии только что полученное мною письмо от Аф. Ф. Бычкова¹⁰, с которым хотел познакомить Вас в подлиннике, послав Вам записку в Комитет, где Вас, вероятно, не застала. Очень бы мне хотелось с Вами повидаться до моего отъезда сегодня вечером. Не будете ли на чтении Е.Л. Маркова¹¹ или не придете ли ко мне в 7 ч. вечера, но не позже.

Преданный Вам

М. Веневитинов.

Четверг.
28^е/X [1893].

9.

[1893]

Милостивый государь Степан Егорович,

Л.М. Савелов¹² Вас ожидает эти дни и просит Вас встретиться с ним завтра в земск[ом] собрании (в среду) около 12 ч. утра. Я Вас с ним познакомлю.

Преданный Вам

М. Веневитинов.

10.

Милостивый государь Степан Егорович.

По миновании надобности спешу возвратить Вам брошюру о Воронежской выставке 1863 г.¹³, Дело Комитета о выставке 1874 г. и печатную программу последней. Вместе с тем покорнейше прошу Вас одолжить мне на вечер сегодня Губернские ведомости 1858 г. № 38 и 1859 г. №№ 12 и 13, в которых можно найти сведения о выставке 1858 г. Если отыщутся другие номера со сведениями об этой последней выставке или какие-нибудь другие брошюры о ней, то не откажите и их присоединить.

С истинным уважением преданный Вам

М. Веневитинов.

17 марта [1894].

11.

ПБург, 9/III 1896 г.

Почтеннейший отец Стефан,

Простите меня, что до сих пор я не успел выразить Вам мою искреннюю признательность за Ваши любезные строки. Ваше письмо я получил в Москве пред самым отъездом сюда, где прожил три недели по делам моего нового назначения¹⁴. Пришлось представляться, знакомиться, укреплять и завязывать сношения. Много народа видел я в это время и неоднократно бывал у Л.Н. Майкова¹⁵, который подтвердил мне лично ответ, сообщенный уже Вам, по всей вероятности, Л.М. Савеловым. Сам я не счел поэтому возможным вновь обращаться за разъяснениями к А.А. Кунику¹⁶.

Что касается до юбилея флота, то, к сожалению, отсутствие Вел[икого] Кн[язя] Алексея Александровича¹⁷ из ПБурга лишает меня возможности лично разъяснить ему значение юбилея. Впрочем, эту обязанность мне было бы неудобно брать на себя помимо представителей Воронежской администрации. Личное же мое участие в этом историческом воспоминании выражается в статье, которую я доставил для Воронежской Памятной книжки на 1896 г.¹⁸, и, может быть, еще побудит меня написать что-нибудь по этому поводу в столичных газетах. Для Воронежа удачный повод представляется в этом отношении предстоящим освящением парохода Добровольного флота, соименного городу; можно бы этим воспользоваться для какой-нибудь юбилейной демонстрации.

Для Вашего музея и для Публичной библиотеки постараюсь по возможности быть полезным и на новом своем посту рад служить Воронежу, чем могу, и где будет удобно.

Прося Вашего пастырского благословения, свидетельствую Вам мое искреннее уважение и преданность.

М. Веневитинов.

12.

Москва, 1896 г.¹⁹

Глубокоуважаемый отец Стефан.

Давно собирался я писать Вам, но был усиленно занят написанием написанием своей книги, которой текст наконец написан. Почти десять листов уже отпечатаны, осталось еще листа два текста, лист приложений и столько же указателя. Очень сожалению также, что дела музея задерживают меня в Москве и не позво-

лили мне ехать в Воронеж на уездные земские собрания. Я так надеялся на это, имея в виду повидаться и побеседовать с Вами более, чем это удалось мне с месяц тому назад. Сегодня очень рад случаю, который заставляет меня к Вам обратиться по просьбе одного из членов здешнего Общ[еств]ва Истории и древностей²⁰. Ему нужны сведения о воронежском купце Абраме Семеновиче Страхове²¹, приятеле Евгения Болховитинова (см. в указателе к книге Шмурло²²). Все, что указано Шмурло в печатной литературе, уже известно этому исследователю и потому я не мог служить ему моей библиотекой. Мне приходит на мысль обратиться по этому поводу к Вам и попросить Вас, не найдете ли Вы об этом Страхове каких-нибудь данных в архиве семинарии или, скорее, городской думы? Исполнением этой покорнейшей просьбы обяжете не только меня, но и Об[щест]во ист[ории] и древн[остей]²³.

Вторая, уже личная моя просьба, заключается в следующем. Когда-то преподнес я Ворон[ежскому] статистич[ескому] Ком[ите]ту копии с относящихся до губернии документов, напечатанных в изданиях Археографической комиссии. Копии сии находятся у Вас в музее. Будьте милостивы проверить, находится ли в числе этих копий следующий документ:

1) Стрельная книга города Сокольска.

В Румянцевском музее я нашел много документов рукописных по истории Ворон[ежской] губернии, Крыма. Не худо бы воспользоваться для их напечатания. Если когда-нибудь будете в Москве, Вам интересно будет с ними познакомиться.

В ожидании Вашего ответного письма, прошу Вашего пастырского благословения и свидетельствую Вам мое истинное уважение и искреннюю преданность.

М. Веневитинов²⁴.

13.

Москва ²³/_{IX} 1897 г.

Глубокоуважаемый отец Стефан,

Проведя в Воронежской губернии прошлым летом очень короткое время как раз тогда, когда Вы были в отсутствии, я очень жалею, что не смог с Вами повидаться и спросить у Вас лично, были ли переданы экземпляры моей книги о Петре Великом в Голландии, помеченные для Вас лично и для губернского музея²⁵. Генерал Репин²⁶ сообщил мне, что в Кадетском корпусе книги эти получены.

На днях прочел я в воронежских газетах описание посещения Вашего музея Великим Князем²⁷. Описание это я имел случай показать Сизову²⁸, кажется, Вам лично известному, и по его поручению обращаюсь к Вам с большою и усердною просьбою, не найдете ли Вы возможности прислать в Исторический музей фотографический снимок с хранящегося у Вас в музее железного молотка с изображением мужчины и женщины, причем было бы кстати приложить и краткие сведения о месте находки этого предмета. Если бы Вы затруднились предоставить фотографию в собственность Исторического музея, то доверьте мне случай быть Вашим посредником и ответчиком за целостность фотографии и ее возвращение.

Наконец, у меня есть к Вам еще личная просьба, не директора Румянцевского музея, а Вашего старинного и усердного почитателя. В числе редкостей, которые Вы показывали Великому Князю, упоминаются снимки с хранящихся древностей из собрания Петра Ивановича Савостьянова²⁹, недавно случайно приобретенные губернским музеем. Не найдете ли Вы возможность сообщить мне, какие именно снимки составляют этот альбом и от кого и каким путем (как живого или умершего) получили Вы эти снимки³⁰. Обращаюсь к Вам по этому по поводу в надежде на вполне откровенный ответ.

Простите, что беспокою Вас этим письмом, которое доставляет мне новый случай засвидетельствовать Вам мое неизменное уважение и искреннюю преданность.

М. Веневитинов.

14.

Москва ²⁰/₁ 1897 [1898]³¹ г.

Многоуважаемый Стефан Егорович.

Со времени получения Вашего письма от 29 сентября я был все время болен и даже лежал. Этим обстоятельством я надеюсь перед оправдаться в моем долгом молчании и в том, что до сих пор не успел выразить Вам моей искренней признательности за сообщение Ваше об альбоме и рисунках Савостьянова, и равно и за Вашу интересную брошюру о завещании св. Митрофана³².

О Вашем молотке я очень хорошо помню и если просил Вас о фотографии с него, то для сравнения с подобным же прошлогодним приобретением исторического музея. Когда Вы снимете фотографию, то пришлите ее прямо Забелину.

Рисунки и альбом Савостьянова, приобретенные Вами, дополняют ту коллекцию, которая находится в Румянцевском музее. Вы ее знаете, вероятно. Если же нет, то надеюсь, что Вы воспользуетесь первым Вашим посещением Москвы, чтобы с нею познакомиться. С своей стороны, когда буду в Воронеже, попрошу Вас мне ее показать у Вас в музее.

С удовольствием обещаю Вам дублеты по Воронежу, но они еще не вполне разобраны и приведение их в известность потребует много времени. Отчеты и другие издания музея за январь – Вам пришлю. В числе их обратите внимание на каталог рукописей Савостьянова, который может Вам пригодиться при описании Вашего приобретения³³.

Прося Вашего пастырского благословения, свидетельствую Вам мое искреннее уважение и усердную преданность

М.Веневитинов.

Издания музея будут посланы Вам на днях по Вашему адресу.

15.

Москва, 29 марта [18]94 г.

Многоуважаемый Стефан Егорович!

Приношу Вам сердечную благодарность за присылку мне Вашей великолепной Памятной Книжки на 1894 г. Вчера отправлены Вам: Указатель Музея и две древности – зеркальце и бляха-Китоврас, а также, какие у меня имеются налицо мои труды: Быт цариц, Ответы, Минин, Домострой, Хождение Познякова, Первое водворение науки и вместе прилагаю и мою старую фотографию, другой пока не имею. Чем богат, тем и рад Вам послужить. Фототипии с картин Музея будут высланы на этой неделе.

Примите мои искренние уверения в полнейшем уважении.

Ив. Забелин.

16.

Милостивый государь Степан Егорович!

Прежде всего считаю необходимым извиниться перед Вами в промедлении с настоящим ответом на Ваше письмо от 17 февр[аля] 1893 г. Стечение значительной корреспонденции по разным вопросам, адресованным ко мне и по другим делам, не позволило мне поблагодарить Вас за участие, за присланные мне труды Ваши. Присланными изданиями я очень дорожу и, благодаря только тому вниманию, какое давно оказано мне Вашим предшественником,

я мог дать даже обстоятельный отчет о воронежских изданиях в моем труде. Не смею утруждать Вас просьбою о высылке мне книг памятных, так как все труды Воронеж[ского] комит[ета], имеющие исторический характер (за исключением 3 и 4-й книжечек «Акт» и 2–3 Памятн[ых] книжек), у меня находятся.

Еще раз приношу Вам искреннюю признательность за Ваше внимание ко мне и моему труду и остаюсь с истинным удовольствием всегда готовый к услугам Вашим

В. Иконников.

1893, 26 апр[еля].

Киев.

17.

Киев. 1898. 15 февраля.

Достоуважаемый отец Стефан Егорович.

Вашей просьбы я не позабыл, но собирался сделать справки лично, так как располагал быть в Петербурге в начале прошлого года. Намерение мое, однако, не исполнилось, а личные запросы ни к чему не привели (определенному). Получив Ваше письмо (с приложением Ваших статей), я решил еще пересмотреть все мои заметки и записи, по которым составляли тот том «историографии», в коем находится указание на ... (неразборчивы два слова. – А.А.) Вам труд св. Митрофана³⁴. К сожалению, эти справки, потребовавшие немало времени (вот причины замедления ответа Вам), не дали мне ничего больше, кроме краткого соответствия имеющемуся у меня в книге, а оно взято из «Росписи книгам и рукописям И[мператорской] Российской академии» (ныне отдел[ение] русск[ого] языка и словесн[ости] И[мператорской] Акад[емии] наук), составл[енной] В. Перевошиковым, в которой отмечены 133 рукописи и 8 грамот. Опись напеч[атана] в Спб. 1840 г. (160 стр.; перечень рук[опи]сей идет со 154 стр.).

Вот все, что я могу сказать вам в этом отношении.

Приношу Вам искреннюю благодарность за сообщенные мне издания Ваши и книгу и принять выражение моего уважения и преданности.

В. Иконников.

18.

Ваше Высокопреподобие, достоуважаемый Стефан Егорович.

Позволю себе побеспокоить маленькой справкой. Во время пребывания Вашего на съезде³⁵ я подписался, в числе других, на

получение бывшего издания «Филол[огические] Записки», но, кажется, не сделал взноса, так как Вас после этого не видел. Будьте столь любезны, сообщите мне справку об этом. Буде я не внес, то сочту долгом исправить свою невольную ошибку. За многими делами до сих пор не мог собраться написать Вам, а от времени до времени все вспоминаешь, что следует поскорее это устроить. Извините великодушно за причиняемое беспокойство.

С искренним уважением и совершенной признательностью остаюсь всегда готовый к услугам Вашим

В. Иконников.

1900, 27 февр[аля].

Киев, Гимназическая, 7.

19³⁶.

Ваше Высокопреподобие.

Прилагаю при сем взносы на стипендию имени А.А. Хованского: мой и проф. Антоновича³⁷, по 2 рубля. Извиняюсь, что причинил Вам беспокойство своею справкою. Проф. Владимирова³⁸ вышлет Вам на днях. С истинным уважением остаюсь всегда готовый к Вашим услугам

В. Иконников.

15 марта 1900.

20.

Достоуважаемый отец Стефан Егорович.

Получив весьма ценное для историка издание «Воронежское дворянство в Отечественную войну», выполненное при Вашем ближайшем участии, считаю своим долгом принести Вам мою глубокую признательность за оказанные мне внимание и память, которыми всегда дорожу. Вместе с сим, согласно Вашему указанию, принесу также выражение моей признательности щедрому жертвователю³⁹ на осуществление означенного издания и постараюсь найти лицо, которое приняло бы на себя труд дать отзыв о последнем, о чем своевременно извещу Вас.

С истинным уважением и совершенной преданностью остаюсь всегда готовый к услугам

В. Иконников.

12 мая 1913 г.

21⁴⁰.

14 декабря 1896 г.

Многоуважаемый Степан Егорович!

Очень Вам благодарен за присылку интересных брошюр о графе Д.Н. Толстом и о Н.Д. Черткове: отрадно читать о таких прекрасных людях. У моей жены есть несколько писем графа Толстого и я советую ей послать Вам копии с них, полагая, что они могут послужить в качестве материала при составлении более обширной биографии графа. Если Вы пожелаете, жена моя согласна сделать выборки из писем к ней тех мест, которые имеют общий интерес.

Посылаю Вам брошюрку о моем дяде К.Д. Кавелине⁴¹. Поздравляю⁴² Вас с наступающим праздником Рождества Христова, прошу Вас принять уверение в моем совершенном уважении и преданности.

Д. Корсаков.

22.

СПб. 4/1-10

Достоуважаемый о. Стефан Георгиевич.

Я передал все Ваши приглашения, кроме обращения к П.Я. Дашкову⁴³, которого сейчас в Петербурге нет, да если бы он и был, то едва ли согласился бы на высылку принадлежащих ему рукописей. Все были тронуты Вашими обращениями, но, к сожалению, выслать ничего не оказалось возможным по той простой причине, что все ценное, что было на выставке, и имеющее ближайшее отношение к Кольцову⁴⁴, было Вами отобрано и выписано из коллекций Академии Наук, Ф.А. Витберга⁴⁵, А.И. Лященко⁴⁶, М.Н. Селиверстова⁴⁷ и др. Все остальное не представляло особого интереса и являлось на выставке случайным. Каталог Академической выставки, у Вас имеющийся, это мне показывает. Кстати, посылаю Вам последний экземпляр каталога (мне принадлежащий); 2-е издание, к сожалению, выйдет не раньше, как к половине января. Сегодня я послал Вам неутешительную телеграмму, из которой Вы убедитесь, что большего выслать Комиссии было нельзя. Очень жаль, что оказалось невозможным послать книги и журналы из академич[еской] библиотеки. А получили ли Вы фотографии нашей выставки? Очень жалею, что я не оправдал совершенно Ваших надежд, но устроители выставки старались исполнить все, что можно было, дабы так или иначе

удовлетворить Вас. Не скрою, что нами руководила и та надежда, что в Ворон[ежской] Публичной Библиотеке и в библиотеке Комиссии найдется немало изданий, портретов и т.п. вещей, пригодных в качестве экспонатов выставки.

Усердно прошу Вас извинить на этом и уверить в полной готовности быть Вам всячески полезным.

Ваш преданный и искренне уважающий

Ив. Кубасов.

23.

Москва. 3-го февр[аля] 1910.

Глубокоуважаемый о. Стефан Георгиевич.

Повидавшись в Москве с А.И. Станкевичем, я, к великому своему удовольствию узнал, что Историч[еский] Музей послал Вам те из изданий, которых не могла Вам послать Академия, по причинам, которые изложу Вам при свидании. Сегодня лишь я получил еще карточку одного петербургского коллекционера, которую я привезу Вам вместе с двумя другими. Уж очень и очень неохотно петербургские коллекционеры дают свои портреты. Очень жалею, что пропасть дел сильно задерживает меня в Москве, и я только-только успею (и то далеко не все) закончить к воскресенью, когда выеду в Воронеж, где буду т[аким] о[бразом], в понедельник и позволю себе побеспокоить Вас⁴⁸. Хотелось бы к Вам сделать визит прежде всего, потолковать о некоторых делах и получить от Вас совет и инструкции. Хотелось бы верить, что не откажете. Постараюсь побывать у Вас в понедельник (если буду жив и здоров) к 9 час. утра. Впрочем, предварительно я пошлю Вам из Центральной, где остановлюсь, записку, с запросом, когда Вы можете меня принять.

Пока же – до скорого свидания. Прошу Вас принять мое искреннее уважение, прошу верить в полную готовность быть к Вашим услугам Вам искренне преданного

Ив. Кубасова

P.S. Сердечно благодарю Вас за сообщение о подробностях предстоящих Кольцовских торжеств.

24.

СПб. 21/II 1910

Глубокоуважаемый Отец Стефан Георгиевич.

До сих пор нахожусь под впечатлением от виданного в Воронеже, от Вашей выставки, от приема, который оказали Вы мне

и все, с кем мне выпало счастье познакомиться. Знаю, как Вы жестко заняты, и пишу Вам лишь несколько строк, чтобы во-первых – поблагодарить Вас еще раз за Ваше внимание ко мне, во-вторых – уведомить Вас, что я поместил небольшой фельетон о Вашей выставке в «Правит[ельственном] Вестнике»⁴⁹. Посылаю вам три №№, из которых один – не откажите в любезности передать графу П.Н. Апраксину⁵⁰, которому приношу также мою глубочайшую признательность за исключительно радушный прием, оказанный мне им в Воронеже.

Если Вам нужны еще экземпляры «Вестника» – могу прислать.

Портрет Кольцова едва ли успеют напечатать на этой неделе в «Нов[ом] Врем[ени]» и в Москве, хотя я передал и там и здесь его.

Как Вы решили с выставкой? Повезете ли ее куда?

Как вопрос об издании альбома и сочинений Кольцова? Не надумали ли чего-либо?

Не выяснилось ли что-либо о выставке «воронежцев»? Если будет свободная минутка – черкните. Буду Вам очень благодарен. Много ли экземпляров Кольцова осталось у Вас нераспродано? Вышлите их нам обратно, если они Вам в тягость, а нам они пригодятся: мы почали последнюю тысячу экземпляров.

Итак, еще раз за все, за все шлю Вам сердечную благодарность, сердечный привет Матушке⁵¹ и всей Вашей семье. Низко кланяюсь В.Д. Языкову⁵² и всем, с кем имел приятный и неизгладимый случай познакомиться в Воронеже.

Вам искренне преданный и признательный

Ив. Кубасов.

P.S. Еще раз поздравляю Вас с юбилеем, и да даст Господь Бог Вам сил еще на многие многие годы трудиться на общепольном для всех и высоком поприще. От всей души желаю Вам всего лучшего.

25.

Спб. 30/III-1910

Достоуважаемый Батюшка!

Сегодня я получил от Вас любезное письмо, отвечая на которое теперь могу ответить и на предыдущую Вашу записочку. Извините меня великодушно за молчание, происходившее отчасти и не по моей вине. Только на днях узнал, заехавши в редакцию «Нов[ого] Вр[емени]», что в ближайшем же № этой газеты (или в эту субботу, или в следующую) будет помещен портрет Кольцова,

на воспроизведение которого Вы дали любезное согласие. Итак, я Ваше поручение исполнил, если же портрет не появляется так долго, то, право же, не по моей вине.

Что же касается Вашей весьма лестной критики (?) о том, что Комиссия собирается избрать меня в свои члены, то, право, и не знаю, что вам сказать. Меня слишком смущают всякие знаки отличия, в особенности за мою якобы научную деятельность, тем более, что я уже давно почти ничего не пишу. Впрочем, если так, то мне остается лишь сердечно поблагодарить Комиссию за столь высокую, но едва ли по заслугам выдаваемую мне честь. Как бы то ни было, постараюсь на этой же неделе пособрать, что сохранилось у меня из моих книжек и брошюр, и выслать на этой же неделе.

Пока же позвольте утрудить Вас почтительнейшей просьбой принять препровождаемый при сем новый выпуск нашей Библиотеки (I-й том Лермонтова), другой же экземпляр покорно прошу Вас передать графу П.Н. Апраксину. Буду очень рад, если Вам и графу этот новый выпуск понравится.

За сим, что касается оставшихся у Вас экземпляров Кольцова, то в виду того, что у нас не осталось ни одного экземпляра, мы были бы Вам очень благодарны, если бы нам их вернули, если они Вас стесняют. Очень прошу Вас вернуть дефектные: мы и им рады. Исполнением просьбы этой очень нас обяжете.

Итак, еще раз прошу Вас принять мое сердечное русское спасибо за Ваше неизменно доброе расположение ко мне, прошу принять мое уверение в совершенном уважении, мои лучшие пожелания и сердечный привет Вам и всей семье Вашей.

Вам искренне преданный

Ив. Кубасов.

Простите за каракули, страшно устал.

Не откажите в любезности – поспешите с высылкой дефектов сочинений Кольцова и с уведомлением, когда приблизительно можно ожидать возвращения экспонатов.

8/IV. Письмо это залежалось. В «Нов[ом] Врем[ени]» портрет уже напечатан; я послал Вам 4 экз. Кроме того, я приложил в Вашу посылку еще два экз. I-го тома Соч[инений] Лермонтова. Очень прошу Вас передать один из них – А.Н. Аверину⁵³, другой М.Н. Селиверстову, а из первых двух – один предназначен Вам, другой – графу. М.Н. Селиверстов и А.Н. Аверин – придут сами за экз. или пришлют.

Простите за кучу поручений.

9/IV. Перевожу пять рублей – пожертвование А.А. Чебышева⁵⁴ на Ваш музей. Будьте добры прислать ему квитанцию.

Весь Ваш

Ив. Кубасов.

26.

Спб. 18/IV-1910.

Христос Воскресе!

Поздравляю Вас с Светлым Праздником, глубокоуважаемый Батюшка, и шлю Вам и всей семье Вашей сердечные пожеланию всех наилучших благ, в особенности здоровья. Большое Вам спасибо за Ваше любезное письмо, за ряд приятных сообщений. А избрание меня в члены Комиссии все-таки стало незаслуженной честью. На днях высылаю Вам свои «труды» или, точнее, – «грехи». Забросьте их куда-нибудь подальше. Вероятно, в день получения Вами этого моего письма к вам придет Аркадий Иоакимович Лященко, по делам 3-го издания Кольцова и издания Никитина. Не откажите в любезности принять его и снабдить указаниями. Вы так добры, что сделаете это, конечно, и без моей рекомендации. Но я прошу Вас об этом и прошу за человека, достойного внимания. В особенности поруководствуйте им в вопросе о Никитине. Мы хотели бы его издать хорошо и дешево. Я с удовольствием прочитал заметку о воронежском юбиляре в «Истор[ическом] Вестнике» месяца 2 тому назад и подивился отсутствию портрета⁵⁵. Пришлите оный мне или перешлите оный с А.И. Лященко.

Довольны ли Вы Лермонтовым и получили ли свои экземпляры у Вас Аверин и Селиверстов?

Итак, еще раз шлю Вам сердечное спасибо за все Ваше любезное расположение ко мне, шлю Вам сердечные пожелания и низкий поклон добрым воронежцам.

Вам сердечно преданный и искренне признательный

Ив. Кубасов.

27⁵⁶.

22 ноября 1910

Достоуважаемый Отец Стефан Георгиевич!

Позвольте предложить вам 2 и 3 тома Сочин[ений] Лермонтова, только что вышедшие из переплетной. Вместе с сим позвольте и попросить Вас об одном одолжении: не откажите выслать нам кое-какие бумаги Кольцова, поименованные в прилагаемом отно-

шении. Вы очень нас обяжете, если вышлете возможно скоро, так как третье издание уже начато и отпечатано несколько листов.

А как же Ваша костюмаровская выставка? И почему Вы до сих пор не шлете отношения в Академию? Если не раздумали, то пишите теперь же, так как 3го декабря последнее в этом году заседание, а потом будет большой перерыв. Что касается частных собирателей, то они, как я уже сообщал Вам, не прочь послать Вам, чем богаты.

В ожидании от Вас доброго ответа поручаю себя Вашим молитвам и прошу принять мои лучшие сердечные пожелания.

Вам искренне преданный и признательный

Ив. Кубасов.

P.S. Шлю глубокий поклон и привет матушке и всей семье Вашей.

28.

СПб. 15/XII-1910

Достоуважаемый Отец Стефан Георгиевич!

Сердечно благодарю Вас за присыл рукописей: тетрадь со стихами Кольцова (в копии) получили и, вероятно, на праздниках вернем. На этих же днях написал В.Г. Веселовскому⁵⁷, в надежде, что Вы подвигнете его на решение удовлетворить нашу просьбу. Что касается Вашего ходатайства на счет высылки Вам Костюмаровских «экспонатов»⁵⁸, то Общее Собрание встретило его с полным сочувствием, и если Вы еще не получили от них бумаги, то не медлите написать новое отношение, в котором поточнее перечислите все, что Вам надо, и укажите точно срок, к какому будет еще не поздно выслать Вам все просимое. Напишите лучше всего на имя академика Алексея Александровича Шахматова⁵⁹: таким путем Вы скорее все получите. От частных собирателей я постараюсь собрать Вам сам, но лучше, если бы Вы прислали (хотя бы в пакете на мое имя) официальное обращение к следующим лицам: Федору Александровичу Витбергу, Платону Львовичу Вакселю (тайн[ый] сов[етник])⁶⁰, Николаю Михайловичу Лисовскому (д[ействительный] ст[атский] сов[етник])⁶¹. Эти люди очень ценят (и вполне естественно) подобное к ним обращение. Писали ли Вы в Публичную библиотеку? Если да – сообщите: я постараюсь их подтолкнуть, хотя они очень неохотно выдают, а в особенности высылают. Рад оказать Вам содействие, сколько могу и где могу.

Очень рад, что Вам понравился Лермонтов. К праздникам вышло графу и прочим столь любезным воронежцам.

Шлю Вам и всей семье Вашей лучину бескорыстия и поручаю себя молитвам Вашим. Вам искренне преданный и вполне готовый к услугам

Ив. Кубасов.

16/XII. В.Г. Веселовскому сейчас послано по книжке.

29.

Спб. 4/X 1911.

Достоуважаемый Отец Стефан Георгиевич!

Читаю часто воронежские газеты, слежу за приготовлениями Воронежа к никитинским дням⁶², и не могу не подивиться Вашей энергии, батюшка, не могу не умилиться перед Вашей неусыпной работой, зная Ваши педагогические и пр[очие] занятия. Дай Вам Бог побольше здоровья на общее благо.

Простите за долгое мое молчанье. Вы знаете, как мы, петербуржцы вообще, а я – грешный – в частности, ленивы на письма. Но Вы знаете, насколько я готов всегда быть Вам чем-нибудь полезным. И на этот раз я готов исполнить все Ваши просьбы. Прежде всего, однако, позвольте просить Вас принять мою сердечную признательность за память обо мне, за высокую честь, мне оказываемую.

Итак, вот что будет исполнено по Вашим поручениям или уже исполнено:

1) Приглашения газетам сегодня я разослал и говорил по телефону.

2) Приглашения Витбергу и другим посланы при особых письмах, в которых просил, – буде, что они доставят, приготовить все к этой же пятнице, с тем, чтобы в эту же субботу я мог Вам все выслать. Хотя я, право, не знаю, что мы можем выслать Вам, когда у Вас такой кладезь всего никитинского.

3) Прошу Вас не беспокоиться присылкой 2 р. 23 коп: они взысканы с Вас в мое отсутствие и я уже распорядился, чтобы к Вам не приставали (я вернулся из отпуска – далекого – лишь 3-го сент[ября]).

4) Сочинения Кольцова (3-е издание) – вышлем Вам лично и в Ворон[ежскую] Комиссию и в Библиотеку в субботу, если не раньше: это наш долг, ибо мы от Вас много получили и были сильно поддержаны в свое время.

5) О Ломоносове Вы получите уведомление от Ломоносовской Комиссии, которой я доложу Ваше письмо в ближайшем же заседании.

Итак, все, что удастся мне собрать, все вышлю Вам в эту же субботу, хотя должен предупредить, что не жду ничего особенного (да, вероятно, и Вы не ждете).

Пока же позвольте еще раз поблагодарить Вас за постоянное внимание Ваше ко мне и память. Позвольте просить Вас принять мои лучшие пожелания всего хорошего, в особенности здоровья Вам, уважаемой матушке – супруге Вашей и всему семейству Вашему.

Вам искренне преданный и к услугам готовый

Ив. Кубасов.

Большое Вам спасибо от себя лично и от всех, кому Вы были добры прислать открытки, программы, объявления и указатели Костомаровские.

30⁶³.

Многоуважаемый Стефан Егорович!

Прежде всего, позвольте поблагодарить Вас за присланные Вами брошюры, которые я немедленно прочел с живейшим интересом, а затем спешу ответить на Ваши вопросы.

Издание, Вас интересующее, называется – *Acta et diplomata graeca, ediderunt Miclosich et Müller* – вышло оно в Вене. Перевод некоторых документов сделан покойным арх[имандритом] Антонином⁶⁴ в Записках Одесского Общества истории и древности, том VI, 1867 г., стр. 445 и сл. Сообщаю это и потому, что, по-видимому, первого тома издания Micl[osich] и Müller'a уже нет в продаже, и мы в нашей библиотеке имеем только II и III. Священники (одно слово неразборчиво. – А.А.) помянуты в акте за № CLXII от 1356 года. Их обижал аланский епископ, на что они и приносили жалобу патриарху. Дело длилось долго и епископ был признан виновным в незаконных поборах и превышении власти, а потому, после долгой проволочки, низложен. Очевидно, здесь разумеются священники из города Таны, Тапа, процветавшего тогда торгового центра близ устья Дона. Отсюда следует, что кроме Генуэзцев и Венецианцев было там и православное население. Я думаю, что это были аланы, так как они были ближайшим христианским народом, если не считать Зихов, т.е. Джигетов. Сведения о православном населении на Дону есть в нашей летописи

под 1116 годом, где сообщается о взятии Ярополком трех городов и женитьбе его на красавице дочери ясского князя. Ясы = Аланы. Для вопроса о тождестве ясов с осетинами рекомендовать можно книгу Всеволода Миллера⁶⁵, Осетинские Этюды, выпуск III. Москва, 1887. Позвольте обратить Ваше внимание и на Русско-Византийские Исследования, Васильевского⁶⁶, выпуск II, Спб., 1893*. Сам я перевел еще весною «Аланское послание» еп[ископа] Федора от 1240 года и хочу в предисловии к нему собрать все, что мы знаем об Аланах от начала и до конца средневековья. Древняя часть у меня, кажется, кончена, а с византийцами все еще не удается привести к концу. Весь месяц прошлый сидел над этой работой – надеюсь окончить в этом.

С искренним уважением остаюсь готовый к услугам

Ю. Кулаковский

3 ноября [18]96. Киев.

31⁶⁷.

Милостивый государь о. Стефан Егорович.

По рекомендации М.А. Веневитинова позволяю себе обратиться к Вам, как к знатоку Воронежского края, с след[ующей] покорнейшей просьбой. Многие из важных изданий, касающихся истории и колониз[ации] Ворон[ежского] края, в наст[оящее] время представляют собой библиографическую редкость. Но бывает весьма часто, что издания, считающиеся за редкости, находятся в изобилии в местах своего происхождения, не находя сбыта. К числу таких редких изданий принадлежат «Ворон[ежские] Акты» Второва⁶⁸ и Ал[ександрова]-Д[ольни]ка, «Орловские акты» Де-Пуле⁶⁹, «Материалы по ист[ории] Ворон[ежской] и соседн[их] губ[ерний]» и «Петровские акты» Яворского⁷⁰, «Ворон[ежская] беседа» Де-Пуле. Я был бы весьма благодарен Вам за сообщение, нет ли где в Воронеже указанных изданий в продаже (м[ожет] б[ыть], в статистическом комитете) – издания эти в настоящее время мне очень нужны. Простите, что беспокою Вас.

С полным уважением И.А. Линниченко.

18 14/1 94.

Адрес: Одесса, Университет, профессору Ивану Андреевичу Линниченко.

* Там, впрочем, только по поводу Сурожа есть упоминание об Аланах.

32.

Очень жалею, что только на днях из газет узнал о выставке памяти Н.И. Костомарова⁷¹. У меня есть ряд портретов его (из разных газет и журналов), большой портрет изд[ания] Мюнстера, письма ко мне Н.И. Посылаю в библиотеку Общ[ества] мои воспоминания о Н.И. Очень прошу, если будут какие издания и снимки после выставки, выслать мне их наложенным платежом.

Проф. И.А. Линниченко.

Одесса, Ямская, 75, проф. Ивану Андреевичу Линниченко.

19²⁵/III 11.

33⁷².

22 апр[еля] 1916

Глубокоуважаемый о. Стефан!

Из всех изданий Воронежской Комиссии я имею вып. I (1902) и вып. V (1914). Позвольте обратиться к Вам с покорнейшей просьбой выслать мне наложенным платежом все недостающие у меня выпуски (а равно прошу высылать и впредь), каталог рукописей губернского музея и отдельно изданные брошюры исторического содержания (в том числе каталоги и отчеты).

С истинным почтением и преданностью остаюсь Вашим покорнейшим слугою

Н. Лихачев.

Адрес мой: Петроград, Петрозаводская ул., д. 7.

Николаю Петровичу Лихачеву.

34.

16 сент[ября] 1916 г.

Достоуважаемый отец Стефан Егорович!

По возвращении с Кавказа я нашел на столе письмо Ваше и посылку с изданиями Архивной Комиссии. Приношу Вам сердечную признательность и препровождаю почтой несколько моих книжек и брошюр для библиотеки Комиссии.

Прося благословения Вашего, честь имею оставаться Вашим покорнейшим слугою

Н. Лихачев.

В 1912 году на выставке по каталогу позиции №№ 285–298 были выставлены ставленные грамоты⁷³. Которые №№ печатаны и которые рукописны?

Жаль, что в замечательном письме Ев[гения] Болховитинова пришлось поставить точки в § 3! А интересно бы вписать.

Если которые-нибудь из моих брошюр Вас лично заинтересуют – возьмите. В библиотеку при случае могу послать и еще раз.

35⁷⁴.

Ваше Преподобие, досточтимый отец Стефан.

На письмо Ваше могу ответить, что издание Писем (Песен?), по независящим от Общества обстоятельствам, еще не окончено. Что же касается недавно изданных Обществом «Очерков из литературной истории Синодика», то таковые при сем препровождаются на Ваше имя наложенным платежом; а протоколы по выходе в свет будут доставлены в Музей.

Испрашивая Вашего благословения, имею честь быть

Вл. Майков.

36.

Достоуважаемый Стефан Егорович!

Приношу Вам искреннейшую мою благодарность за присланные брошюры, и я тем более огорчен, что не могу удовлетворить Вашего желания о высылке Вам моего исследования о Синодиках. Дело в том, что Общество Люб[ителей] Др[евней] Письменности издавало эти сочинения на свой счет, предоставило в мое распоряжение лишь весьма незначительное количество экземпляров, которого большую часть притом я должен был представить в Правление С.-Петербур[ургского] университета при защите диссертации на степень доктора в апреле 1895 года. Остальные экземпляры были мною тогда же, не выезжая из Петербурга, отданы на комиссию в магазин «Нового Времени» А.С. Суворина⁷⁵ (Невский пр., № 38), и я наверное знаю, что они еще не все там распроданы. Покорнейше прошу туда и обращаться. А у меня на руках теперь всего 1 экз. для собственного употребления.

Взамен этого прошу принять от меня прилагаемые при сем некоторые другие мои издания, вышедшие в самое последнее время.

Брошюру Вашу, предназначенную для Е.Ф. Шмурло, передам ему при первом же с ним свидании.

С истинным почтением остаюсь Вашего Высокопреподобия покорный слуга

Е. Петухов.

13 февр[аля] 1896. Юрьев.

37.

СПб., 13 декабря 1888

Милостивый государь!

Позвольте поблагодарить Вас за Ваше внимание ко мне: я получил и прочитал с интересом Вашу брошюру о книге Е.Ф. Шмурло⁷⁶. Вы только начали печатать свой труд: буду надеяться, что я получу и его окончание. С удовольствием я послал бы Вам что-либо из своих изданий, но не знаю ни имени, ни отчества, ни адреса Вашего и просил бы Вас сообщить мне эти сведения. Мой адрес: СПб., Фурштатская ул., д. 19.

Ваш покорнейший слуга

С. Платонов.

38⁷⁷.

СПб. 29. IX. 1910

Высокочтимый Стефан Егорович!

Очень благодарю Вас за Вашу присылку. «Картину» постараюсь определить. Я думаю, это сделать легче, чем определить место в историографии Костомарова. В нем было много «стихий» и мало умения и склонности определять принципиальные основания своих научных мнений, симпатий и антипатий. Читать о нем дело трудное и щекотливое, и я менее всего хотел бы выступить в этом деле советчиком и руководителем. Сознаю, что не люблю трудов Костомарова.

Начал я это письмо перед отъездом в Новгород, а кончаю по приезде оттуда. Видел новые фрески – устава Феодора Стратилата⁷⁸: говорят, важное открытие. Посмотрите во время съезда⁷⁹.

Желаю Вам всего лучшего.

Сердечно почитающий Вас

С. Платонов.

5/X.1910.

39⁸⁰.

СПб. 25. III. 1913.

Высокочтимый Отец Стефан Егорович!

Позвольте принести Вам сердечную мою благодарность за Ваш ценнейший для меня подарок «Воронежское дворянство в Отечественную войну» и за Ваше доброе письмо. Не сомневаюсь, что превосходный Ваш труд будет пользоваться заслуженным успехом, и желаю Вам всего доброго!

Искренний слуга Ваш

С. Платонов.

P.S. А.И. А[лехи]ну пишу.

40.

14/27.I.1911

Высокочтимый О. Стефан,

У нас в Москве подготавливается новое издание сочинений И.С. Никитина, в котором я принимаю некоторое участие. Чтобы издание было вполне достойным и правильным, нам необходимо привлечь при выработке текста сочинений Никитина его рукописи и старые издания, сделанные при жизни поэта.

Обращаюсь, поэтому, к Вам, к представителю местной старины и человеку, близко стоящему к местной Воронежской Архивной Комиссии и Городской библиотеке с усердной просьбой помочь нам в этом деле, а именно: не откажитесь указать нам, есть ли в Воронеже автографы Никитина и, если есть, то где они и какие? Думается, что есть две-три вещи в Городской библиотеке. Желательно бы убедиться в этом, чтобы предпринять что-либо для сличения рукописи с печатным текстом. Это – во-первых. Вторая просьба: нельзя ли купить в Воронеже издание сочинений Никитина 1859 года?⁸¹ В Москве ни в Рум[янцевском] Муз[ее], ни в Историческом не нашлось этого издания, а попытки добыть чрез букинистов оказались безрезультатными. Если бы в Воронеже оказалось возможным купить это издание, и если бы Вы взяли на себя труд справиться у местных книготорговцев, то очень бы нас обязали, приказавши наложенным платежом выслать по моему ниже следующему адресу (относительно цены можно не стесняться), и мы бы были Вам очень и очень благодарны.

В надежде на Вашу любезность и содействие в добром деле, честь имею быть Вашим покорнейшим слугою, всегда готовым к услугам Вашим

Проф. М. Сперанский.

Москва. Плющиха, Грибоедовский пер., д. Григорьева. Проф. М[осковского] У[ниверситета] Михаил Несторович Сперанский.

41.

11 октября 1898

Многоуважаемый Степан Егорович!

В сентябре месяце прошлого года Академия Наук по Вашему желанию выслала в губернский статистический комитет, если не ошибаюсь, на четыре месяца, рукопись XVII в. – книгу ставленных грамот преосвященного Митрофана Воронежского. Со времени посылки теперь прошло уже больше года, между тем о рукописи у

нас нет никаких сведений: это обстоятельство крайне беспокоит директора Академической библиотеки А.А. Куника. По его поручению обращаюсь к Вам с покорной просьбой сообщить как возможно скорее причины задержки рукописи. Вместе с тем Аристид Аристович просит Вас не замедлить и высылкою самой рукописи в Академию; это будет приятно нам и, может быть, полезно для Вас, так как вслед за моим письмом, если рукопись не будет возвращена, от Конференции Академии Наук в статистической комитет пойдет официальное требование о возврате рукописи, которое может повести за собою отказ высылать рукописи в будущее время. Итак, мой совет – поторопиться с высылкой рукописи; во всяком случае, будьте добры, сообщите мне о ее судьбе, чтобы я в свою очередь мог успокоить Куника.

Желаю Вам всего лучшего, остаюсь Ваш покорный слуга

Вс. Срезневский.

Адрес мой: С.Петербург, Вас[ильевский] остр[ов], 2 линия, д. 37, кв. 1. Всеволоду Измайловичу Срезневскому.

42⁸².

Библиотека Императорской Академии Наук. С.Петербург.

27 февр[аля] 1899.

Милостивый государь Степан Егорович!

Не будете ли Вы так добры, не окажете ли мне Вашего просвещенного содействия указанием, где можно найти бумаги и главным образом корреспонденцию Ваших воронежских жителей, теперь покойных, Де-Пуле и Хованского⁸³. Дело в том, что в настоящее время я приступаю по поручению Академии Наук к изданию переписки моего отца Измаила Ивановича Срезневского⁸⁴. Желание собрать, сколько возможно, большее количество писем отца побуждает меня искать его письма и к упомянутым лицам, с которыми он был в давних сношениях: если письма не пропали, нельзя ли снять копии с них или попросить о высылке сюда для скопирования? Чрезвычайно обяжали бы меня сообщением мне этих сведений. Рукопись ставленных грамот пр. Митрофана, бывшая у Вас, разыскана. Не знакомы ли Вы с Н.Ф. Федоровым⁸⁵, бывшим библиотекарем Румянцевского музея? Если да, прошу Вас передать ему мой искренний привет и низкий поклон. Желаю Вам всего лучшего, остаюсь Ваш покорный слуга

Вс. Срезневский

43.

[конец 1909 – начало 1910 гг.]

Многоуважаемый отец Степан, по причине разных непредвиденных обстоятельств я не мог до сих пор отвечать Вам на Ваше последнее письмо. Посылаю Вам список того, что может доставить Вам на выставку музей: сообщите, что Вам из этого списка нужно. Что касается присланного Вами списка книг и газет и предметов, то их музей не может дать – одних, потому что их нет у нас, а других, потому что они нужны в читальной зале. Посылаю Вам список еще портретов, которые я могу дать Вам из моего собрания: музей портретов никаких присылать не может, опять таки, 1 – потому что иных нет, а 2 – потому что те, которые имеются, переплетены в книги и их нельзя раскладывать. Я поэтому посылаю свои, так как они на отдельных листах.

Приехать на выставку я не могу: нет свободного времени. Пока до свидания. Желаю полного успеха.

Готовый к услугам

А. Станкевич.

44.

[между 26 января и 1 февраля 1910 г.]

Многоуважаемый отец Стефан Егорович.

Посылаю Вам для выставки все, что нашел у себя из портретов, фотографию с картины Наумова, четыре ассигнации. Модных картинок 1830–40^х годов у себя не нашел, есть 50^х годов, и если Вы пожелаете иметь их, то я пришлю: напишите мне. Журналы и иллюстрации, а равно и те издания сочинений Кольцова, которые Вам нужны, Вам вышлет музей. К сожалению, я никак не могу приехать на выставку: у меня очень серьезно заболела дочка, и, кроме того, я назначен в присяжные заседатели с 3^{его} по 16ое февраля. Но мыслью и душою я буду с Вами. Прошу Вас передать от меня глубокий поклон и сердечный привет всем членам Комиссии: вечер 26 января я вспоминаю постоянно с большим утешением и удовольствием. Бог даст – увидимся еще, а пока, от души желаю Вам и всей нашей Комиссии всего доброго.

Искренно уважающий Вас и готовый к услугам

А. Станкевич.

P.S. Портреты Н.В. Станкевича – уменьшенная фотография с акварели и фототипия с медальона – я приношу в дар музею, о чем и написал на задней стороне их.

45.

Многоуважаемый Отец Степан Егорович,

Посылаю при сем квитанцию на отправленные мною сегодня портреты. Книги следуют особо. По миновании выставки прошу все уложить, как было уложено мною, и выслать мне обратно.

Кланяюсь Александре Михайловне [Зверевой], крепко жму Вам руку. Всего доброго.

Ваш А. Станкевич.

19 ¹/_{II} 10 г.

P.S. К счастью, успели уложить и книги и иллюстрации (две) и высылаю Вам все сразу.

46.

Глубокоуважаемый Отец Степан Егорович,

Покорнейше прошу Вас выслать мне с наложением платежа 10 экземпляров каталога Кольцовской выставки. Если будет издан отдельно альбом ее, то и сего альбома прошу мне выслать, таким же образом, 10 экземпляров, – словом, по 10 экземпляров всего, что вы издадите. Премного этим обяжете меня и многих лиц, серьезно заинтересовавшихся как выставкой, так и музеем.

С пожеланием Вам всего лучшего, готовый к услугам

А. Станкевич.

19 ⁶/_{II} 10 г., Москва

P.S. Если высылать нам наложенным платежом Вам почему-либо неудобно, то пришлите мне все просимое мною, вместе с портретами, которые я вам выслал для выставки, со счетом, по которому я немедленно вышлю деньги.

47.

Глубокоуважаемый Отец Степан Егорович,

Благодарю Вас за себя и многих других, коим Вы оказали большое одолжение, прислав каталоги и билеты. Выставка удалась на славу: я имею массу восторженных отзывов о ней, а по отзыву И.А. Кубасова, она оставила за собой и академическую. Что же до нервного состояния устроителей, то утешу Вас: это общее явление. Мне пришлось участвовать в устройстве 10 выставок и под конец всегда мы чуть не ссорились, но – открывалась выставка, проходило и нервное состояние, и мы, забыв труды и всякие неприятности, начинали разговор об устройстве другой. Меня удив-

ляет отсутствие (в каталоге, по крайней мере), портрета В. Лебедевой⁸⁶. Почему? Или он оказался апокрифом?

Примите еще мое искреннее поздравление с 25-летием Вашей педагогической деятельности и пожелание Вам многих лет здоровья, необходимого для успешного продолжения почтенных трудов Ваших. От души шлю Вам привет.

Искренне уважающий Вас

А. Станкевич.

19 ³/_{III} 10 г.

48.

15/III [1910 г.]

Глубокоуважаемый Отец Степан Егорович,

Позвольте просить Вас оказать мне услугу: я писал фотографу Селиверстову, чтобы он прислал мне наложенным платежом несколько фотографий, но до сих пор не имею от него ответа. Зайдите, прошу Вас, как-нибудь к нему и узнайте – получил ли он мое письмо? Если нет, то передайте ему, что я прошу его выслать мне с наложением платежа следующие №№ по Вашему каталогу выставки в память Кольцова, а именно: № 1 – портрет К[ольцо]ва, раб[оты] Курепина⁸⁷, № 40 и 41, портреты В.П. Кольцова⁸⁸, №№ 42, 43, 44 – портреты П.И.⁸⁹ и А.В. Кольцовых и № 65, 66 – виды памятника в дни юбилея. Премного обяжете исполнением сей просьбы.

Искренно уважающий и готовый к услугам

А. Станкевич.

49.

19 ²⁵/_{III} 10

Глубокоуважаемый Отец Степан Егорович,

В ответ на Ваше письмо спешу ответить, что я приношу Воронежскому музею в дар следующее из присланного мною на выставку памяти А.В. Кольцова:

- 1) Брюллов, Глинка и Кукольник, № по каталогу – 488.
- 2) Кн. Одоевский, № 516.
- 3) Сахаров – № 523.
- 4) Станкевич – № 527 и № 528
- 5) 4 (четыре) ассигнации.

Остальное прошу вернуть в возможно скором времени.

Искренно уважающий и готовый к услугам

А. Станкевич

50.

7 мая 1911 г.

Многоуважаемый Отец Степан Егорович,

Благодарю Вас за присылку каталогов. Из газет я знаю, что выставка очень удалась и прошла на славу. Сердечно рад этому. Судя по каталогу, Вам удалось действительно собрать много интереснейшего материала. Прошу Вас поторопиться высылкою обратно моих и музейных экспонатов: я собираюсь в скорости уезжать из Москвы на летнее время к себе в деревню.

Крепко жму Вам руку и от души желаю всего доброго.

Готовый к услугам

А. Станкевич

51.

[1912]

Сегодня же я посылаю Вам, сердечно-уважаемый Отец Стефан, по 3 экз. моих работ по истории. Как Вам известно, мою «монополию» составляют сказания иностранцев путешественников по России и поэтому я Вам их и посылаю. В брошюре Пирлинга⁹⁰ встречается немало промахов, коих объяснить незнанием, конечно, нельзя – Пирлинг слишком учен для этого, – а это просто недосмотр, по случаю поспешности. Так, н[а]п[ример], он ошибочно называет Лигаридов, которые прибыли в Россию позже, Ириду – богиню раздора, он спутывает с Эротом и т.д. Все эти промахи его Вы легко заметите и исправите. Предоставляю Вам распорядиться высланным книгами по Вашему усмотрению: оставьте их у себя лично, как мой Вам подарок, по 1 экз., а остальные отдайте туда, куда находите, что они будут полезны. Жду экземпляра Воронежского Дворянства в Отечественную войну для музея. Тот экземпляр, что Вы мне дали, я взял в мою личную библиотеку. Сообщите, куда должен музей, по получении книги, послать благодарность. Пока – всего доброго.

Ваш

А. Станкевич.

52.

Глубокоуважаемый Степан Егорович,

Посылаю Вам опять пустяки о Коротояке: вполне сознаю, что они интереса сами по себе не имеют и если тем не менее решаюсь посылать Вам их, то только в предположении, что все подобные

крупницы по истории города, взятые вместе, б[ыть] м[ожет] и со-служат какую-нибудь крохотную пользу.

Документы, копии с которых прилагаю, я нашел в московск[их] столбцах, и они, насколько мне известно, не напечатаны. Поводом сделать с них копию и послать Вам отчасти послужило и то, что эти документы крайне ветхи и чуть не рассыпаются; впрочем, после описи столбца они хранятся уже в картонах.

Если Вы вообще найдете возможным их издать, то не лучше ли избрать местом для их напечатания Епархиальные Ведомости. Впрочем, поступите с ними по усмотрению и только не откажите в доброте, если можно, поскорее известить меня, что Вы решили сделать с ними.

На случай, если Вы их напечатаете, пришлите мне, пожалуйста, 2 экземпляра № издания, где они появятся: один для архива, другой – для меня⁹¹.

Если Вам моя просьба причинит малейшее беспокойство – простите меня. Сердечно жму Вашу руку. Искренне Вам преданный
Н. Харузин.

26/XI [18]95.

Мой адрес: Москва, Собачья площадка, св[ой] д[ом].

53.

Многоуважаемый Степан Егорович, сердечно благодарю Вас за присылку Ваших работ и за теплое участие, которое Вы приняли в исполнении моей просьбы. Относительно хранящихся в Столбцах Московского стола документов, касающихся Воронежа, можно, если Вы пожелаете, навести справки, т.к. опись столбцов приходит к концу и, следовательно, документы более или менее выяснены. Печататься описи будут скоро, но совсем выйдут в свет ранее, чем года через 1 1/2. Впрочем, особенно интересного в Московском столе найти трудно, т[ак] к[ак] в общем он довольно скуден материалами, касающимися городов, и все что более интересно отчасти уже взято с одной стороны научными исследователями, с другой – для Актов Московского Государства.

Сердечно жму Вашу руку и еще раз благодарю Вас. Если я могу принести Вам хоть малейшую пользу справкой в Архиве – буду очень рад.

Глубоко Вас уважающий

Н. Харузин.

1/XII [18]95.

54⁹².

Глубокоуважаемый О. Степан Егорович.

Благодарю Вас и Ваших сотрудников по Ученой Архивной Комиссии за оказанное мне внимание. При его содействии очень облегчалось выполнение задачи моей поездки в Воронеж. Мне приятно было и непосредственно познакомиться с составом Комиссии⁹³.

Доклад г. Министру я послал. Мною предложено передать документы Палат – в наш архив, как центральный, а уездных судов и градских магистратов, за некоторыми изъятиями, – в Вашу Ученую Комиссию, как имеющую свое большое помещение и уже заявившую себя работами по архивному делу; мною высказана также мысль, что выдача Комиссии пособия на подготовку помещения мне не представляется убыточной.

Зная, в каких условиях работают Комиссии и состоя в разных из них членом, я отношусь к ним с сочувствием и доброжелательностью и считаю своим долгом по мере возможности содействовать им.

Мой привет гг. членам Комиссии.

Примите уверение в искреннем уважении

Дм. Цветаев.

Москва, 21 ноября 1915.

Ваше письмо в редакцию было послано мною по городской почте. Жду материалов – по обзору деятельности местных архивистов⁹⁴.

55⁹⁵.

Глубокоуважаемый О. Степан Егорович.

Благодарю Вас за присылку библиографических данных.

Свою речь я пришлю Вам в первой половине генваря. Ее и попробуйте внести в протокол заседания⁹⁶.

Поздравляю Вас с наступающими праздниками и желаю Вам с Новым годом и нового счастья, всего лучшего.

Искренне Ваш

Дм. Цветаев

Москва, 22 дек[абря] 1915.

56⁹⁷.

1 февр[аля] 1916.

Глубокоуважаемый отец Степан Егорович. Только сейчас удостоился засесть за написание речи в Вашей Ученой Архивной ко-

миссии. В конце недели пошлю Вам. Простите за промедление, за задержку.

Искренне Ваш

Дм. Цветаев.

57⁹⁸.

Глубокоуважаемый О. Протоиерей Степан Егорович.

Представляю только что полученные мною оттиски моей речи «Московский Архив Министерства юстиции и Губернские ученые Архивные комиссии»⁹⁹ – один экземпляр для Библиотеки Вашей Комиссии, а другой для отсылки в типографию, если задумает Комиссия издать ее в своих «Трудах».

Привет Вашим сочленам по Комиссии.

С желанием Вам всего доброго

Искренне Ваш

Дм. Цветаев.

Москва, 4 июня 1916.

58.

2 мая 1891 г. СПбетербург

Милостивый Государь Стефан Егорович!

Большое Вам русское спасибо как за Ваше участливое письмо, так и за ценные для меня подарки. В те моменты, когда со всех сторон ждешь критики пристрастной, особенно дорого слышать от человека, трудящегося на том же поприще и понимающего, какого труда стоит достать архивную данную при таких условиях, – слово одобрения. Посылаю и Вам уцелевшие у меня мои брошюры. Из того, что пересматривал я доселе, сведений о св. Митрофане, кроме печатных (например, Христ[ианское] чтение, 1832, XLVI, Труды Рязанс[кой] Ком[иссии], Веневитинова), всеконечно Вам известных, не имею. Буде встречу, обязательно отпишу. Не смотрели ли Вы Описание Арх[ива] Мин[истерства] Юстиции в Москве? Нет ли там чего-либо? Нет ли чего-либо в собрании А.А. Титова¹⁰⁰, он, кажется, шарил в б[ывшей] Унжецкой обители. Далее следовало бы Вам посмотреть библиотеку Нижегород[ского] Печерск[ого] мон[астыря], туда попадали рукописи и Желтоводские, и Унжецкие. Нижегородские губ[ернские] и епарх[иальные] ведомости Вы, конечно, просмотрели.

Простите меня за сии указания. Может быть, Вы все это уже знаете, но при наших работах так легко утерять из виду и важную

справку. Дружески жму Вашу руку. Летом не пишите, ибо 20 мая уеду в Париж – поучиться и пробуду до сентября. Тогда пишите в Спб. университет – всегда дойдет.

Благодарный Вам

Шляпкин.

59.

С.-Петербург. 26 февраля 1891.

Многоуважаемый Стефан Егорович!

Обстоятельства мешали мне своевременно ответить на Ваше любезное письмо и поблагодарить за присылку «Актов Покровского монастыря»¹⁰¹; – в чем и прошу принять мое извинение. Искренне сожалею, что не могу предложить Вам экземпляра своего «Петра Великого»: эта книга была напечатана в весьма небольшом числе экземпляров и тогда же разошлась вся сполна. Взамен ее позвольте предложить Вам оттиск моей последней статьи в Журн[але] Мин[истерства] Нар[одного] Просвещения (январская книжка) об Архиве князя Куракина. Посылаю его с сегодняшнею же почтою.

Нельзя не признать Вашу мысль – издать материалы для жизнеописания еп. Митрофана – весьма счастливою: святитель слишком крупная личность и в истории церкви и вообще русской культуры, чтоб быть игнорируемым, а между тем мы и до сих пор не восстановили, как следует, этого высокопоучительного образа. Искать придется, главным образом, в архивах. Печатная литература очень бедна, насколько я знаю. Тот факт, что в недавно изданных письмах и бумагах Петра нет указаний никаких на сношения царя с воронежским иерархом, заставляет более чем когда[-либо] рассчитывать только на документы еще не обнародованные. Такие же бумаги, жалованные и челобитные, как напечатанные в Воронеж[ских] губерн[ских] ведом[остях], 1850, № 46; Ворон[ежских] Епарх[иальных] вед[омостях] 1868, № 5 и 1870, № 4–5, – или статья еп. Димитрия¹⁰² с указанием на материалы о Митрофане – в Вор[онежских] Епар[хиальных] вед[омостях], 1871, №№ 1–14, – Вам, вероятно, хорошо известны.

Весьма признателен Вам за выраженную готовность не отказать мне, при случае, в содействии моим работам. Если встретится что, позвольте действительно обратиться к Вам.

В свою очередь всегда готовый к услугам Вашим

Е. Шмурло

60¹⁰³.

апреля 9 / марта 27 1912.

Досточтимый Отец Стефан Егорович.

Искренне рад, что своею речью мог оказать небольшую услугу Воронежской Архивной Комиссии, тем более, что мое «слово» дало мне случай вернуться и снова самому пережить эти настроения, которые были мне близки в ту пору, когда я писал свою книгу о митрополите Евгении¹⁰⁴. Благодарю Вас за присылку брошюры «Памяти митрополита Евгения Болховитинова. 1837–1912» – каталога выставки – и позволю себе надеяться, что Комиссия не откажет мне в присылке и других изданий, если таковые будут, связанные с чествованием Евгения. На этот последний случай напомним свой летний адрес. Через 2 недели я еду в Испанию, порыться в тамошних архивах, откуда уже проеду прямо в Россию:

Юргамыш, станция Сибирской железной дороги.

С половины октября мой адрес опять будет тот же, что и теперь, – в Рим.

Прошу принять уверение в истинном почтении и преданности
Е. Шмурло

ЦГА Москвы, ЦХД до 1917 г. Ф. 2254. Оп. 1. Д. 1–19.

¹ Чесноков В.И. За архивной строкой // Записки воронежских краеведов. Воронеж, 1979. Вып. 1. С. 89–95.

² ГАВО. Ф. Р-441. Оп. 1. Д. 15а. Л. 147 об.; Д. 34. Л. 54.

³ См.: Алленова В.А. С.Е. Зверев – создатель Воронежского губернского музея // Из истории воронежского края. Воронеж, 1998. Вып. 7. С. 118–134; Она же. Из истории организации выставок в Воронеже на рубеже XIX – XX вв. // Там же. Воронеж, 2002. Вып. 10. С. 147–161.

⁴ Текст написан на обороте почтовой карточки с адресом: Воронеж, Ученая Архивная Комиссия. Его Высокоблагословению священнику Стефану Егоровичу Звереву.

⁵ Бессонов Петр Алексеевич (1827–1898), филолог, этнограф, профессор Харьковского университета с 1878 г. Речь идет о его статье: Ю. Крижанич, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII в. // Православное обозрение. 1870. Кн. 1–2. С.А. Белокуров в это время работал над книгой: Юрий Крижанич в России. По новым документам. М., 1902–1909. Т. 1–3.

⁶ Крижанич Юрий (ок. 1618–1683), писатель, историк, философ. По национальности хорват. В России жил в 1658–1678 гг.

⁷ Толстой Дмитрий Николаевич (1806–1884), государственный деятель, мемуарист. В 1859–1861 гг. – воронежский губернатор. С.Е. Зверев подготовил публикацию: Граф Д.Н. Толстой в письмах к нему Н.И. Второва и К.О. Александрова-Дольника, И.С. Ники-

тина, Н.А. Северцова, М.Ф. Де-Пуле, И.А. Придорогина и А.Р. Михайлова // Памятная книжка Воронежской губернии на 1894 г. Воронеж, 1894. Отд. III. С. 41–52.

⁸ Речь идет о статье С.Е. Зверева: Историческая заметка о памятнике поэту Алексею Васильевичу Кольцову в г. Воронеже // ВГВ. 1892. № 80, 81.

⁹ См.: Веневитинов М.А. Е.Е. Скайлер // Исторический вестник. 1893. № 5. С. 563–566.

¹⁰ Бычков Афанасий Федорович (1818–1899), археограф, библиограф, директор Императорской публичной библиотеки с 1882 г., член Государственного совета с 1890 г.

¹¹ Марков Евгений Львович (1835–1903), писатель, общественный деятель, управляющий Воронежскими отделениями Дворянского и Крестьянского банков с 1887 г.

¹² Савелов Леонид Михайлович (1868–1947), генеалог, археограф, краевед. Предводитель дворянства Коротоякского уезда Воронежской губернии в 1892–1903 гг., председатель Коротоякской уездной земской управы в 1895–1899 гг. Жил в эти годы в Острогоске.

¹³ См.: Воронежская выставка сельских произведений в 1863 г. (из №№ 2, 3, 4 и 5 «Воронежских губернских ведомостей» 1864 г.). Воронеж, 1864. 33 с.

¹⁴ М.А. Веневитинов был назначен директором Румянцевского и Московского публичных музеев.

¹⁵ Майков Леонид Николаевич (1839–1900), историк литературы, библиограф, академик Петербургской Академии наук, правитель дел Археографической комиссии в 1885–1899 гг.

¹⁶ Куник Аристид Аристович (1814–1899), историк, филолог, академик Петербургской АН (1850).

¹⁷ Алексей Александрович (1850–1908), великий князь, сын императора Александра II. Генерал-адмирал, главный начальник флота и морского ведомства в 1881–1905 гг.

¹⁸ См.: Веневитинова М.А. Из Воронежской летописи за 1696 г. // Памятная книжка Воронежской губернии на 1896 г. Воронеж, 1896. Отд. III. С. 1–25.

¹⁹ Пометка рукой С.Е. Зверева: «12 окт[ября] 1896. Михаил Алексеевич Веневитинов – директор Румянцевского и Публичного музеев в Москве».

²⁰ Речь идет о библиотекаре Общества Евгении Ивановиче Соколове.

²¹ Страхов Авраам Семенович (ок. 1766–1829), купец, составитель разного рода юридических и финансовых таблиц.

²² Речь идет о книге Е.Ф. Шмурло «Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни (1767–1804)» (СПб., 1888. LXXXV, 455 с.).

²³ Не получив от С.Е. Зверева необходимых сведений о Страхове, Е.И. Соколов подготовил публикацию писем митрополита Евгения (Болховитинова) к А.С. Страхову (Русское обозрение. 1897. № 4. С. 737–774).

²⁴ Ниже приписка рукой С.Е. Зверева: «О купце А.С. Страхове сообщ[ено] 28 янв[аря] 1899 г.».

²⁵ Речь идет о книге М.А. Веневитинова «Русские в Голландии. Великое посольство 1697–1698 г.» (М., 1897. V, 239 с.).

²⁶ Репин Николай Афанасьевич (1837–1905), генерал-майор, директор Воронежского Михайловского кадетского корпуса в 1885–1901 гг.

²⁷ Речь идет о посещении воронежского музея великим князем Сергеем Александровичем (1857–1905) 15 сентября 1897 г.

²⁸ Сизов Владимир Ильич (1840–1904), археолог, член Московского общества истории и древностей российских, ученый секретарь Исторического музея с 1881 г.

²⁹ Савостьянов Петр Иванович (1811–1867), путешественник, археолог-самоучка, коллекционер.

³⁰ В статье А.М. Дядькова «Воронежский губернский музей в 1894–1897 годах» (Памятная книжка Воронежской губернии на 1897 год. Воронеж, 1897) отмечено: «При участии нескольких доброхотов приобретен покупкою принадлежавший некогда самому П.И. Савостьянову альбом фотографических снимков с церковных, преимущественно Афонских, и других древностей».

³¹ Из содержания письма следует, что оно должно датироваться 1898 г., а не 1897 г.

³² См.: Духовное завещание святого Митрофана, епископа Воронежского: по рукописи Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки, с изображением и автографом святителя / вступит. ст. и публикация С.Е. Зверева. Сергиев Посад, 1897. 43 с.

³³ Речь идет о книге: Викторов А.Е. Собрание рукописей П.И. Савостьянова. М., 1881. 120 с.

³⁴ Митрофан (1623–1703), епископ, святитель, управлял Воронежской епархией с 1682 г., канонизирован в 1832 г.

³⁵ Речь идет об XI Археологическом съезде, проходившем в Киеве с 1 по 19 августа 1899 г., где присутствовал С.Е. Зверев. 13 августа он посвятил свое выступление скончавшемуся 29 января 1899 г. А.А. Хованскому – издателю журнала «Филологические записки». См.: Труды Одиннадцатого археологического съезда в Киеве. Киев, 1902. Т. 2. С. 129.

³⁶ Текст написан на обороте «отрезного купона» на сумму 4 рубля, от «профессора Владимира Степановича Иконникова, Киев, Гимназическая, № 7».

³⁷ Антонович Владимир Бонифатьевич (1834–1908), историк, профессор Киевского университета с 1878 г.

³⁸ Владимиров Петр Владимирович (1854–1908), литературовед, профессор Киевского университета.

³⁹ Речь идет о воронежском губернском предводителе дворянства Александре Ивановиче Алексине (1856–1917), депутате IV Государственной думы, на средства которого издана книга.

⁴⁰ По верхнему краю листа – надпись рукой С.Е. Зверева: «Получ[ено] 20 дек[абря] 1896. Дмитрий Александрович Корсаков – профессор Казанского Университета».

⁴¹ Кавелин Константин Дмитриевич (1818–1885), историк, юрист, философ, общественный деятель.

⁴² Письмо написано писарским почерком. Начиная с этого слова и до конца – рукой Д.А. Корсакова

⁴³ Дашков Павел Яковлевич (1849–1910), искусствовед, коллекционер.

⁴⁴ Кольцов Алексей Васильевич (1809–1842), поэт.

⁴⁵ Витберг Федор Александрович (1846–1919), историк литературы, библиограф.

⁴⁶ Лященко Аркадий Иоакимович (1871–1931), историк литературы, библиограф, занимался изучением творчества А.В. Кольцова.

⁴⁷ Селиверстов Моисей Николаевич (1872–1942), воронежский фотограф-художник, автор снимков памятных кольцовских мест.

⁴⁸ Упоминание о приезде И.А. Кубасова в Воронеже см.: Воронежский телеграф. 1910. 9 февр., № 31.

⁴⁹ Речь идет о заметке И.А. Кубасова «Кольцовская выставка в Воронеже. 6–10 февраля 1910 г.» (Правительственный вестник. 1910. 21 февр.).

⁵⁰ Апраксин Петр Николаевич (1876–1962), воронежский вице-губернатор в 1907–1911 гг., председатель Воронежской ГУАК в 1908–1911, 1914–1918 гг.

⁵¹ Зверева Александра Михайловна (1870–1918), жена С.Е. Зверева.

⁵² Языков Владимир Дмитриевич (1865–1917), офицер-воспитатель Кадетского корпуса, член ГУАК, археолог.

⁵³ Аверин Александр Николаевич (1868 – после 1940), редактор газеты «Воронежский телеграф». В 1930 г. репрессирован по «делу краеведов».

⁵⁴ Чебышев Александр Александрович (1866–1917), юрист, литературовед.

⁵⁵ Речь идет о 25-летию преподавательской деятельности С.Е. Зверева. См.: Юбилей священника С.Е. Зверева // Исторический вестник. 1910. № 4. С. 385–387. Приветствие С.Е. Звереву прислали проф. С.Ф. Платонов и В.С. Иконников (Воронежский телеграф. 1910. 27 июня, № 142). О самом юбилее см.: Поликарпов Ф. 25-летие педагогической деятельности // Воронежский телеграф. 1910. 11 февр., № 33; 25-летний юбилей о. Стефана Егоровича Зверева // Там же. 13 февр., № 35.

⁵⁶ Письмо написано на бланке «Комиссия по изданию «Академической библиотеки русских писателей», состоящая при разряде изящной словесности Императорской Академии наук».

⁵⁷ Веселовский Всеволод Григорьевич (1861–1933), редактор газеты «Дон», гласный городской думы.

⁵⁸ Речь идет о подготовке выставки, посвященной Н.И. Костомарову. Она открылась в Воронеже 28 марта 1911 г.

⁵⁹ Шахматов Алексей Александрович (1864–1920), академик Петербургской АН, лингвист, филолог, специалист по изучению русских летописей.

⁶⁰ Ваксель Платон Львович (1844–1919), музыкальный критик, коллекционер.

⁶¹ Лисовский Николай Михайлович (1854–1920), библиограф, книговед, библиофил.

⁶² Никитинская выставка, организованная губернским музеем, открылась 16 октября 1911 г.

⁶³ По верхнему краю листа – надпись рукой С.Е. Зверева «Получ[ено] ноября 1896. Юлиан Андреевич Кулаковский – профессор Киевского Университета».

⁶⁴ Антонин (Капустин Андрей Иванович; 1817–1894), ученый-византист, церковный деятель.

⁶⁵ Миллер Всеволод Федорович (1848–1913), востоковед, археолог, этнограф, академик Петербургской академии наук.

⁶⁶ Васильевский Василий Григорьевич (1838–1899), историк, византист, академик Петербургской АН, основатель «Византийского временника».

⁶⁷ По верхнему краю листа – надпись рукой С.Е. Зверева: «Отв[ечено] 20 янв[аря] 1899».

⁶⁸ Второв Николай Иванович (1818–1865), археолог, этнограф. Старший советник воронежского губернского правления в 1849–1857 гг. Совместно с Константином Осиповичем Александровым-Дольником (1815–1889) опубликовал в 3-х выпусках «Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова» (Воронеж, 1851–1853).

⁶⁹ Де-Пуле Михаил Федорович (1822–1885), археолог, публицист. Подготовил сборник документов «Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, состоящие из царских грамот и других актов XVII – XVIII столетий: Орловские акты» (Воронеж, 1861). Совместно с П.П. Готовым составил литературный альманах «Воронежская беседа на 1861 год» (СПб., 1861).

⁷⁰ Яворский Федор Корнильевич (1840–1891), секретарь ГСК. Составитель сборника документы «Петровские акты» (Воронеж, 1872).

⁷¹ Костомаров Николай Иванович (1817–1885), историк, уроженец сл. Юрасовки Острогжского уезда Воронежской губернии. Выставка его памяти состоялась 29–29 марта 1911 г.

⁷² По верхнему краю листа – надпись рукой С.Е. Зверева: «Отпр[авлено] 9 июля 1916 г.».

⁷³ Речь идет о выставке, посвященной митрополиту Евгению (Болховитинову). Она проходила в Воронеже 23–27 февраля 1912 г. Был издан каталог выставки.

⁷⁴ Письмо написано на бланке: «Секретарь Императорского Общества Любителей древней письменности. 23 января 1896 г. СПб., Фонтанка, 34. № 7».

⁷⁵ Суворин Александр Сергеевич (1834–1912), журналист, издатель, драматург. Владелец газеты «Новое время». Уроженец с. Коршево Бобровского уезда Воронежской губернии.

⁷⁶ Речь идет о книге Е.Ф. Шмурло «Митрополит Евгений как ученый. Ранние годы жизни (1767–1804)» (СПб., 1888), на которую С.Е. Зверев откликнулся одноименной рецензией (ВЕВ. 1888. № 23. С. 1129–1147, 1889. № 4. С. 182–190; № 24. С. 1056–1062). Рецензия Зверева появилась также в «Воронежском телеграфе» (1888. № 243).

⁷⁷ Письмо опубликовано в кн.: Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками. Т. 1. Письма С.Ф. Платонова. 1883–1930. М., 2003. С. 140.

⁷⁸ Церковь Федора Стратилата в Новгороде, памятник древнерусского зодчества, построена в 1360–1361 гг. Сохранившиеся фрески относятся ко второй половине XIV в.

⁷⁹ Речь идет о XV Археологическом съезде, проходившем с 21 июля по 5 августа 1911 г. в Новгороде.

⁸⁰ Письмо написано на бланке: «Директор Императорского женского педагогического института».

⁸¹ Речь идет об издании: Стихотворения Ивана Никитина. СПб.: [тип. К. Вульфа], 1859. 152 с.

⁸² По верхнему краю листа – надпись рукой С.Е. Зверева: «Отв[ечено] 4 марта 1899».

⁸³ Хованский Алексей Андреевич (1814–1899), издатель журнала «Филологические записки» (с 1860).

⁸⁴ Срезневский Измаил Иванович (1812–1880), филолог-славист, этнограф, академик Петербургской АН (1851).

⁸⁵ Федоров Николай Федорович (1829–1903), философ, основоположник российской космологии. На протяжении 1894–1900 гг. регулярно бывал в Воронеже. Был знаком с С.Е. Зверевым. Федоров стал инициатором проведения в губернском музее тематических выставок (с 1896 г.). См. о нем: Н.Ф. Федоров и его воронежское окружение (1894–1901) / Сост. А.Н. Акиншин, О.Г. Ласунский. Воронеж, 1998.

⁸⁶ Лебедева, урожд. Огаркова, Варвара Григорьевна (? – ок. 1875), знакомая А.В. Кольцова, который посвятил ей несколько стихотворений. См. о ней: Путинцев А.М. Сердечная драма А.В. Кольцова // Известия Воронежского краеведческого общества. 1927. № 1–2. С. 21–25. Здесь же воспроизведен портрет В.Г. Лебедевой.

⁸⁷ Курепин Дмитрий (ок. 1810 – после 1846), воронежский художник-самоучка.

⁸⁸ Кольцов Василий Петрович (ок. 1775 – 1849), отец поэта.

⁸⁹ Кольцова Прасковья Ивановна (1784–1861), мать поэта.

⁹⁰ Пирлинг Павел Осипович (1840–1922), историк, архивист, директор Славянской библиотеки в Париже.

⁹¹ Публикация появилась в таком виде: К истории соборного храма в г. Коротояке / Сообщил Н. Харузин // ВЕВ. 1896. № 1. С. 25–30.

⁹² Письмо написано на бланке: «Управляющий Московским Архивом Министерства Юстиции».

⁹³ Д.В. Цветаев принял участие в заседании ВУАК 12 ноября 1915 г. Он был командирован Министерством юстиции для ознакомления с архивными делами дореформенных судебных учреждений Воронежской губернии, хранящимися в архиве Окружного суда. См.: Зверев С. Заседание Архивной комиссии // Воронежский телеграф. 1915. 10 нояб.; В Архивной комиссии // Там же. 1915. 15 нояб.; Л-въ (Литвинов В.В.). В Архивной комиссии // Там же. 1915. 17 нояб.

⁹⁴ Написано на маленьком листке бумаги рукой Д.В. Цветаева. Очевидно, было вложено в конверт с предыдущим письмом.

⁹⁵ Письмо написано на бланке: «Управляющий Московским Архивом Министерства Юстиции». По верхнему краю листа – надпись рукой С.Е. Зверева: «Отв[ечено] 6 янв[аря] 1916».

⁹⁶ Протоколы заседания ВУАК за 1915 г. не были изданы.

⁹⁷ Написано на обороте почтовой карточки с адресом: «Воронеж. Кадетский корпус. Его высокопреподобию О. Протоиерею Степану Егоровичу Звереву».

⁹⁸ По верхнему краю листа – надпись рукой С.Е. Зверева: «Отв[ечено] 12 июня 1916 г.».

⁹⁹ См.: Русский архив. 1916. № 4. С. 407–415.

¹⁰⁰ Титов Андрей Александрович (1844–1911), археограф, этнограф, библиофил, член Ярославской ученой архивной комиссии.

¹⁰¹ Речь идет о подготовленной С.Е. Зверевым публикации: Древние акты Воронежского Покровского девичьего монастыря. Рязань, 1890. VIII, 45 с.

¹⁰² Димитрий (Самбикин Дмитрий Иванович; 1839–1908), архиепископ Казанский и Свяяжский, историк церкви и краевед.

¹⁰³ Письмо написано на бланке с текстом: «3 – Via Pompeo magno. Roma».

¹⁰⁴ На собрании Воронежского Церковного историко-археологического комитета (февраль 1912 г.), посвященном 75-летию со дня смерти митрополита Евгения (Болховитинова), С.Н. Введенским был зачитан текст доклада Е.Ф. Шмурло, который не смог приехать в Воронеж.

А.Г. Фомин

«...ВСЕ, КАСАЮЩЕЕСЯ ВОРОНЕЖА, МЕНЯ ИНТЕРЕСУЕТ»:

Письма к А. Н. Васильеву

Творческие связи выдающегося отечественного литературоведа и книговеда Александра Григорьевича Фомина (1887–1939) с Воронежем хорошо известны. В свое время появилась статья М.Д. Эльзона «Никитиниана А.Г. Фомина», им же опубликовано 18 писем А.М. Путинцева к А.Г. Фомину за 1911–1930 гг.¹ При этом следует заметить, что письма самого Фомина к Путинцеву, по всей видимости, не сохранились.

Готовя собрание сочинений И.С. Никитина (1912–1915), А.Г. Фомин в феврале 1911 г. побывал в Воронеже, где провел две недели. Изучая местные архивы в поисках материалов о Никитине, А.Г. Фомин познакомился с краеведами С.Е. Зверевым и В.В. Литвиновым, журналистом А.Н. Авериным (в его архивном фонде сохранились их письма). В числе воронежских корреспондентов А.Г. Фомина оказался и А.Н. Васильев, их переписка развивалась на протяжении 1911–1917 гг.

Александр Николаевич Васильев (1880–1949) – канцелярский чиновник, затем банковский служащий, одновременно – журналист, коллекционер, эсперантист. С октября 1915 г. – платный осведомитель губернского жандармского управления по кличке «Пенсне»². А.Г. Фомина он привлекал как человек, ценящий творчество Никитина, сотрудничающий в местных газетах и общающийся ему воронежские новости.

Личный фонд А.Н. Васильева в Государственном архиве Воронежской области сформирован в 1992 г. из разрозненных документов, до войны хранившихся в Доме-музее И.С. Никитина. В фонде имеются письма С.А. Венгерова, М.К. Лемке, В.Я. Адарюкова (по 1), украинских писателей Б. Зинченко и С. Ефремова. Публикуемые письма А.Г. Фомина представляют определенный историко-культурный интерес, поскольку раскрывают ход работы литературоведа над собранием сочинений И.С. Никитина

и затрагивают общественную жизнь Воронежа предреволюционной поры. В комментариях использованы ответные письма А.Н. Васильева (Письма А.Н. Васильева к А.Г. Фомину / публ. М.Д. Эльзона; предисл. и коммент А.Н. Акиньшина // Филологические записки. 1999. Вып. 13. С. 216–222; 2000. Вып. 14. С. 218–228; 2001. Вып. 15. С. 220–228).

Письма публикуются без каких-либо изъятий, авторские сокращения раскрыты в квадратных скобках.

1.

СПб. 22-IV-1911.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Простите, что до сих пор не мог выбрать времени поблагодарить Вас за Ваше доброе ко мне отношение и новые знаки внимания. Большое спасибо за вырезки.

Буду очень благодарен, если в впредь будете высылать из «Вор[онежского] Тел[еграфа]» касающееся Никитина. Живя в Петербурге, трудно следить за провинциальной газетой, а в «Вор[онежском] Тел[еграфе]», несомненно, в связи с юбилеем, будут печататься заметки о Никитине. Попрошу указывать №№ газет, из которых взята вырезка. Если Вам не трудно, не откажите сообщить, в каких №№ помещены любезно присланные Вами: 1) статья Поликарпова³ «Народная жизнь в изображении Никитина», 2) заметка «Памятная книжка» – о «Памятной книжке Ворон[ежской] губ[ернии] на 1911 г.» и 3) маленькая заметка о том, что фирма Панафидиной сделала заказ Селиверстову⁴.

Прошу передать мой искренний привет Вашей супруге⁵. С истинным уважением

А. Фомин.

СПб. Псковская ул. 23, кв. 3.

2.

19.VI.1911.

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Очень Вам признателен за Вашу любезную присылку вырезок из «Ворон[ежского] Телеграфа».

Первый том Никитина выйдет в октябре. Конечно, Вы получите бесплатный экземпляр. Согласно Вашему желанию, постараюсь выслать Никитина Вам заранее.

Что касается высылки Вам всех изданий «Просвещения», то

оно вообще очень скупо на высылку книг рецензентам. Но постараюсь повлиять на издательство, чтобы оно Вам выслало. Конечно, рассчитывать на высылку всех изданий нельзя: это составит для издательства большой расход, но думаю, что некоторые из изданий «Просвещение» Вам вышлет. Приложу все старания к этому. Говорил о вас в Энциклопедич[еском] Словаре, но, к сожалению, дело не увенчалось успехом: редакция вообще против ей лично неизвестных сотрудников⁶.

Но взамен могу Вам предложить другое. Я теперь состою секретарем большой Петербургской педагогической газеты – «Школа и жизнь». Вы могли бы в ней сотрудничать. Я предлагаю Вам писать небольшие корреспонденции из Воронежа (строк 70–100) и заметки о воронежских школьных делах, просветительных обществах, положении учебного дела, земских библиотеках и т.п. (строк по 10–25 каждая заметка). Посьлайте на мое имя и, если присланное Вами окажется подходящим для газеты, я с удовольствием помещу.

Прошу Вас передать мой искренний привет Вашей уважаемой супруге.

С искренним уважением

А. Фомин.

Мой летний адрес: Стрельна, Балтийской ж.д. Петерб[ургской] губ[ернии], Волхонское шоссе, № 59, дача Ивановой.

3.

24.1.1912.

Дорогой Александр Николаевич.

Простите, что так давно не писал Вам. Я хотя и переменял адрес, но все Ваши письма получил⁷. Не знаю, как и благодарить Вас за Вашу редкую отзывчивость и любезность. Очень Вам признателен за Вашу доброту, о которой соответствующим образом скажу в предисловии к моему изданию. Масса всяких других работ сильно тормозила Никитина, но теперь он пошел ускоренным ходом и уже набирается. Первый же экземпляр, вышедший из типографской машины, будет прислан Вам, дорогой Александр Николаевич.

Надеюсь, что Вы не откажете и в дальнейшей любезности и будете присылать вырезки и сообщать о воронежских новостях, касающихся Никитина.

Напишите Ваше мнение об издании Гершензона⁸. Хотя мы с ним в хороших отношениях, но я им не совсем доволен. Он вы-

разил мне благодарность за «истинно дружеское содействие», но умолчал, в чем оно выразилось. Шукинскую тетрадь нашел я и сообщил об этом Гершензону. Но по его предисловию выходит, что тетрадь делается известной лишь с выходом из[дания] Панафидиной, между тем я еще в мае опубликовал несколько стихотворений из Шукинской тетради в «Русской Мысли» и «Речи». Затем, что заметили, наверное, Вы, Гершензон печатает некоторые произведения по воронежским рукописям, в то время, когда в Воронеже не был, о чем умалчивает, и не упоминает, кто ему сообщил эти рукописи. Надеюсь, догадываетесь. Но шила в мешке не утаишь: надпись под автографами: «Хранится в Воронеж[ской] общественной] библ[иотеке]» с головой выдала Гершензона, что он не видал Воронеж[ских] рукописей. Обратите внимание – под автографом «Дневника семинариста» подписано: «Хранится Ворон[ежской] общ[ественной] б[иблиоте]ке», когда рукопись находится в музее. Не послужит ли это для Вас материалом для заметки в «Воронеж[ском] Телеграфе»? Ваша заметка не будет лишена пикантности⁹. Надеюсь, что сообщенное мною Вам о Гершензоне останется между нами. Вполне доверяю Вам. Сообщите замеченные Вами ошибки Гершензона, сделанные им в издании. При Вашем прекрасном знании Никитина Ваши замечания будут очень ценны. Будьте любезны прислать их мне, чтобы мне избежать тех же ошибок.

Привет Вашей супруге.

Мой новый адрес: СПб, Кабинетская ул. 7, кв. 25.

С искренним приветом

А. Фомин.

4.

СПБ.8.VII.1912.

Дорогой Александр Николаевич.

Очень рад, что опубликованные мною материалы¹⁰ обратили Ваше внимание и что Вы прочли их с интересом. В архиве Второва сохранился громадный неизданный материал: не только все письма поэта к Второву, но и письма к Никитину Второва, Придорогина, Нордштейна и др., есть любопытная рукопись – воспоминания о поэте Александрова-Дольника¹¹, сохранилось также объявление о книжном магазине. Ввиду громадности материала очень трудно с ним совладеть. Это отчасти и было причиной задержки моего издания. Другой причиной было перегружение раз-

ной работой. Много времени отнимал подготавливаемый мною большой труд о Ломоносове, который издает Академия Наук. Но теперь Никитин мой окончательно наладился, первый том уже печатается.

Масса работы не позволяла мне немедленно ответить на Ваше письмо. С деятельностью В.А. Дьяченко¹² я совсем не знаком. Литература о нем указана во 2-м томе «Источников Словаря русских писателей» С.А. Венгерова. Предполагая, что Вам достать эту книгу в Воронеже будет трудно и отнимет у Вас время, посылаю Вам выписку из нее.

Зная о Вашем неизменно добром отношении ко мне, позволяю Вас беспокоить и просить сообщить мне: 1) не опубликованы ли где-нибудь, кроме «Вор[онежского] телегр[афа] и «Живого Слова», архивные документы о предках поэта; 2) не напечатал ли Зверев где-нибудь статьи о пребывании Никитина в духовном училище (мне известны лишь газетные отчеты о докладе Зверева); 3) когда открыта библиотека имени Никитина; 4) когда улица, где жил поэт, названа «Никитинской» (по моим сведениям, в 1899 году) и 5) как имя того ректора семинарии, который управлял ею во время моего пребывания в Воронеже (мне нужно выразить ему благодарность)¹³. Слышал я, что в «Ворон[ежском] телеграфе» будет напечатана статья Малыхина, исправляющая ошибки Де-Пуле и Путинцева¹⁴. Очень был бы Вам благодарен, если бы Вы, как только появится статья, прислали бы мне ее. Кстати, – где теперь Путинцев¹⁵ – в Воронеже или в Казани? Надо написать ему, а адреса не знаю. Когда увидите В.В. Литвинова¹⁶, поклонитесь ему от меня и скажите, как ему не грех забывать меня. По-прежнему ли он заведует музеем или нет? Простите, что беспокою Вас вопросами, но в этом виноваты Вы сами, так радушно встретив меня в Воронеже, что мне даже не совестно беспокоить Вас.

Прошу передать мой искренний привет Вашей супруге.
Уважающий Вас

А. Фомин.

P. S. Очень обязали бы меня, прислав письмо заказным.

5.

СПБ. 17.XII.1912.

Глубокоуважаемый Александр Николаевич.

Сегодня утром послал Вам только что вышедший первый том моего «Никитина». Позвольте воспользоваться случаем и при-

нести Вам мою сердечную благодарность за Ваше доброе отношение ко мне и моему изданию. Большое спасибо за вырезки из «Воронежск[ого] телеграфа», «Дона», которые Вы неизменно с редкой любезностью присылаете мне. Простите, что посылаю Вам книгу без переплета: все мои попытки получить от «Просвещения» экземпляры в переплете не увенчались успехом. Постараюсь прислать Вам крышку для переплета.

Очень был бы Вам признателен, если бы Вы не отказались высказать о моем издании совершенно откровенное мнение. Если увидите ошибки, то не стесняйтесь и откровенно пишите. Я постараюсь исправить их в дальнейших томах. Второй том уже в наборе. Наиболее интересным будет, кажется, 4 том, где будет напечатан обширный неизданный материал – письма и помещены различные статьи, библиографические указатели и т.п. Был бы Вам признателен, если бы написали отзыв об издании в «Воронеж[ском] телеграфе».

Еще раз большое, сердечное Вам спасибо!

Прошу передать мой искренний привет Вашей уважаемой супруге.

С глубоким уважением

А. Фомин.

6.

СПБ 3.1.1913.

Дорогой Александр Николаевич.

Приношу Вам сердечную благодарность за лестный для меня отзыв о моем «Никитине» и высказанные Вами замечания¹⁷.

Как Вы сами, наверное, заметили, везде я подхожу к Никитину с историко-литературной точки зрения, с этой стороны поэт в моем издании разработан с возможной полнотой и обстоятельностью. Но я не хотел быть узким адептом той литературной школы, к которой я принадлежу, и поместил статью Айхенвальда¹⁸, чтобы дать место голосу человека, смотрящего на Никитина с иной точки зрения – чисто эстетической и психологической. Все то, что не затронул в своей статье Айхенвальд, нашло себе освещение в моей биографии и комментариях. Он на научное историко-литературное значение своей статьи не претендует, она – общая характеристика, литературный силуэт, и только в этих границах ее можно и оценивать. С Айхенвальдом можно не соглашаться, спорить, но нельзя отрицать оригинальности и интереса его статьи.

Она в издании – не единственная; в моей биографии и комментариях заключается обширный материал и для чисто объективного, научного изучения поэта.

Не согласен с Вами, что характеристики членов второвского кружка неуместны в биографии. Наоборот, считаю их необходимыми именно в биографии: описывая жизнь поэта, нужно обрисовать ту среду, в которой он вращался, что важно для выяснения вопроса о том, каким влияниям он подвергался. Обрисовать же среду можно было только путем характеристики всех членов второвского кружка. Правда, это уклонило меня в сторону, на зато дало выпуклое представление о той среде, в которой вращался поэт.

То, что желаете Вы видеть в моем издании, – обзор рукописей, библиограф[ические] указатели и т.п. – будет помещено, как я пишу в предисловии. Перечислять граммофонные пластинки не думаю, т.к. почти невозможно их зарегистрировать.

Вы недовольны тем, что сочинения наших писателей печатаются медленно, и в том числе мое издание, но если бы Вы знали, сколько труда и времени требуется на это, то были бы снисходительнее. Почти каждое стихотворение приходится по несколько раз сличать с целым рядом рукописей и печатн[ых] текстов. Обратите внимание на мои примечания – по ним видно, сколько книг мне пришлось пересмотреть. А ведь это требует времени. Много отнимает его корректура, которую приходится держать с большим вниманием. Я держу четыре корректуры, которые осложняются тем, что издание набирается машинным, а не ручным набором и печатается со стереотипа. Машина льет сразу целую строку; достаточно наборщику поставить неверно запятую, – и снова приходится переливать всю строку, причем Вы не застрахованы в том, что наборщик, переливая строку, сделает ошибку, которой раньше не было. Набирать же на машине заставляет то обстоятельство, что машинный набор, имея отмеченный недостаток, во всех других отношениях превосходит ручной набор. Прилагаю все силы к тому, чтобы скорее вышел 2 том; он уже набирается.

На стр. VII «Предисловия» опечатки нет, а лишь неудачно выражена фраза. Откиньте пояснительные слова и придаточн[ые] предложения и Вы получите: «Материалы архивов Второва, Де Пуле и Милошевича¹⁹ дают нам возможность выпустить издание значительно полнее всех предыдущих, дать опубликованное Де-

Пуле, Курбатовым и Кавелиной²⁰ не по неточному их тексту и не в отрывках, как сделано в предыдущих нашему изданиях, а напечатать по подлинникам и полностью...».

Издания под ред[акцией] Городецкого вышел один том – второй, в котором помещены: поэмы, «Дневник семинариста» и письма. Ничего нового по сравнению с изд[анием] Гершензона в изд[ании] Городецкого нет²¹. В изд[ании] «Деятеля» – два тома; первый, как я слышал, выйдет не ранее февраля.

Очень сожалею, что не могу Вам прислать отпечатков доставленного Вами портрета Никитина: «Просвещение» очень скупно на все решительно. С трудом удалось достать бесплатные экземпляры.

В заключение позвольте еще раз сердечно поблагодарить Вас за редкое доброе отношение ко мне и попросить передать привет Вашей уважаемой супруге.

Ваш

А. Фомин.

7.

СПБ. 12.1.1913.

Дорогой Александр Николаевич.

Получив только что Ваше письмо, не могу утерпеть – спешу принести Вам глубокую, сердечную благодарность за Ваш отзыв о моем «Никитине»²². Ваша рецензия мне особенно дорога потому, что знаю, что она – искренняя. Не нахожу слов, чтобы выразить всю мою признательность Вам за Ваше содействие моему изданию, могу только просить Вас верить, что моя благодарность Вам – безгранична.

Приложу все силы к тому, чтобы выслать Вам отиски и отпечатки портрета и крышку для переплета.

Интересующий Вас отзыв в «Речи», по наведенным мною справкам, написан Николаем Осиповичем Лернером²³, который Вам, без сомнения, известен по его ценным работам о Пушкине. Если Вас не затруднит, то будьте добры сообщить, не было ли отзыва о моем «Никитине» в «Живом Слове»²⁴, которое Вы, наверное, просматриваете. Слышал, что оно прекратилось. Правда ли это?

Прошу передать мой привет Вашей супруге.

С искренней признательностью

А. Фомин.

8.

СПБ. 19.III.1913.

Дорогой Александр Николаевич.

Приношу Вам искреннюю признательность за любезное письмо.

Спешу уведомить, что после настойчивых просьб моих, «Просвещение» обещало высылать Вам свои новые издания.

Так как оно может забыть о своем обещании, то, если спустя некоторое время Вы не получите книг, будьте добры уведомить меня об этом. Надеюсь, что в скором времени буду иметь удовольствие послать Вам свою новую большую работу о Ломоносове, которую издает Академия Наук.

«Письмо Белинского к Гоголю», изд[анное] «Светочем», как мне сообщил С.А. Венгеров, разошлось; С.А. Венгеров думает выпустить эту книжку вторым изданием. Попробуйте обратиться в книгоиздательство «Прометей» (СПб. Поварской пер., 10): быть может, у него есть нераспроданные экземпляры «Письма».

К сожалению, лишен возможности оказать Вам содействие в получении работы А.И. Некрасова²⁵: «Кольцов и народная лирика»²⁶.

Ваша мысль организовать детскую библиотеку – прекрасна, и я от души приветствую Ваше доброе и полезное начинание.

Прошу передать мой искренний привет Вашей уважаемой супруге.

Преданный Вам

А. Фомин.

9.

СПБ. 25.VII. 1913.

Дорогой Александр Николаевич.

Возвратившись вчера в С.-Петербург (был в Полтаве), прочел Ваше письмо и спешу ответить Вам. Второй том Никитина выйдет в скором времени и, конечно, Вы получите его немедленно. По договору с «Просвещением» я обязан выпускать том в 25–26 листов. Если бы во 2 томе закончить стихотворения и дать примечания ко всем им, то том вышел бы листов в 20. Поэтому пришлось в нем поместить стихотворения (конец), поэмы и часть примечаний к стихотворениям, перенеся остальную часть в 3 том. Он в настоящее время уже набирается.

Очень огорчен тем, что Вы до сих пор не получили из «Про-

свещения» книг для отзыва. Оно несколько раз категорически обещало мне выслать Вам книги. На этих днях опять буду говорить с «Просвещением» по этому поводу и не оставлю его в покое до тех пор, пока оно не вышлет Вам книг.

Вы, по-видимому, имеете в виду небольшую брошюру Н.О. Лернера: «Заметки о Пушкине». Она представляет собою собрание мелких заметок, напечатанных в академическом издании: «Пушкин и его современники». Так как брошюра является отдельным оттиском, то, очевидно, в продажу не поступила, а была лишь послана автором в газеты и журналы для отзыва. Н.О. Лернер подготавливает теперь большой сборник своих статей о Пушкине.

Напечатать что-либо в «Речи» очень трудно²⁷, в особенности библиографическую заметку, и я, к сожалению, лишен приятной возможности содействовать Вам.

Послали ли Вы С.А. Венгеру Вашу автобиографию для задуманного им «Словаря русских писателей»? Если нет, то следует послать. Этим изданием С.А. Венгеров занят теперь очень энергично. Одновременно он печатает 6 том Пушкина.

Вы писали мне о переменах, происшедших в составе сотрудников «Воронежского телеграфа». Сообщите, пожалуйста, чем это окончилось: все, касающееся Воронежа, меня интересует²⁸.

За присылку вырезок очень Вам признателен.

С искренним приветом

А. Фомин.

10.

28 сентября 1914.

Дорогой Александр Николаевич.

Сердечно благодарю за присылку «Проселочных дорог»²⁹. С интересом приступил к чтению их. Постараюсь дать отзыв в столичной печати.

Являясь большим сторонником развития провинциальной прессы, горячо приветствую Вашу новую газету и искренне желаю ей крепко встать на ноги и с успехом выполнять ту культурную цель, которую ставите Вы во главе с другими инициаторами издания. От всей души говорю: доброго пути «Воронежской жизни»³⁰. Очень был бы Вам благодарен за высылку газеты, если это Вас не затруднит.

В столичной литературной жизни полное затишье, деятельно работают только газеты; журналы накануне краха, несколько уже

прекратилось; книгоиздательства или закрылись, или значительно сократили свою деятельность. «Просвещение» приостановило ряд изданий; к моей великой радости Никитин будет продолжаться, но идти тихим темпом.

Третий том почти готов, осталось прокорректировать 6 листов. Этот том был для меня очень трудным: больше половины его занимают примечания, особенно трудны были примечания к «Кулаку», в которых я даю варианты всех редакций и подробно прослеживаю постепенную творческую работу Никитина над поэмой.

Прошу передать мою благодарность Вашей супруге за добрую память и искренний привет. Не забывайте преданного Вам

А. Фомина.

11³¹.

Дорогой Александр Николаевич.

Одновременно с этим письмом посылаю Вам бандеролью только что вышедший 3 том моего «Никитина». Другим знакомым воронежцам пошлю через несколько дней.

Обратите внимание на напечатанную в этом томе найденную мною неизвестную прозаическую статью Никитина о торговле скотом в Воронежской губернии. Эта статья, по-моему, интересна во многих отношениях. Третий том был для меня очень трудным, так как большая часть его состоит из примечаний и вариантов. Надеюсь, что Вы, ознакомившись с ними и увидев, сколько труда и времени они требовали, не будете меня очень ругать за то, что этот том долго подготавливался к печати. Приступил к 4 тому, который будет интересным, так как большая часть его – неизданные письма Никитина и к нему. Всего в моем издании будет 250 писем. Несмотря на связанные с войною неблагоприятные условия, стараюсь возможно скорее закончить издание. Поддерживает меня то доброе отношение критики и публики, которое встретили первый и второй тома. Одна только Ваша Архивная Комиссия равнодушна к моему многолетнему труду над Никитиным и даже не догадывается избрать меня своим почетным членом.

Если надумаете написать отзыв о 3 томе, то будьте добры приложить вырезку. Уже давно не получаю «Воронежской Жизни». На основании этого предполагаю, что она прекратилась. Если мое предположение верно, то очень сожалею о гибели Вашего литературного детища. Очень был бы Вам признателен за сообще-

ние адреса Литвинова; хочу послать ему 3 том. Не знаете ли Вы, где теперь находится Путинцев?

Вы, наверное, уже видели недавно вышедший 1 том «Словаря писателей» С.А. Венгерова, где нашли свою фамилию³². Я когда-то советовал Вам послать Венгерovu Вашу автобиографию, но Вы не вняли моему совету. Пошлите теперь; это даст возможность Венгерovu в дополнении к «списку» дать о Вас более подробные сведения, чем те, которые помещены в 1 томе. Издание его стоило больших денег и будет жаль, если это, имеющее недостатки, но все же ценное и прекрасное издание принесет большой убыток, убив в Венгерове энергию, столь необходимую для продолжения дела. Не возьмете ли Вы на себя распространение этого издания среди воронежской интеллигенции? Том стоит 6 руб.; уступка агентам, кажется, 20%. Если Вы согласны помочь Венгерovu, то напишите ему, сославшись на мое письмо. Адрес Венгерова: Петроград, Загородный пр[оспект], 21, кв. 36.

С сердечным приветом

А. Фомин.

12.

13.VI.1915.

Дорогой Александр Николаевич.

Не умею выразить того чувства глубокой благодарности и признательности, которое я испытываю к Вам за Ваше неизменно доброе отношение ко мне и моему «Никитину». Сердечное спасибо! Рад, что 3 т[ом] Вам понравился. Особенно тронут выраженным Вами в «Доне» пожеланием об избрании меня в почетные члены Воронежской Архивной Комиссии³³. Скажу откровенно: внимание Комиссии к моему многолетнему труду было бы мне дорого.

Из Вашего письма узнал неожиданную для меня новость, что Ворон[ежский] Музей и о. Зверев не получили моего «Никитина». Я привык ценить всякое оказанное мне содействие и внимание и мне больно было узнать, что Зверев, Литвинов и Вы думали, что я не хотел послать «Никитина» Ворон[ежскому] Губ[ернскому] Музею, рукописи которого я использовал. Это прискорбное для меня обстоятельство произошло помимо моей воли. Как только вышел 1 том, я передал «Просвещению» список учреждений и лиц, которым просил послать этот том и доставлять последующие. В этом списке были указаны Ворон[ежский] Губ[ернский] Музей и Зверев. Издательство обещало исполнить мою просьбу, и я все вре-

мя был уверен, что ее «Просвещение» исполнило, и, если бы не Ваше последнее письмо, я до настоящего момента не знал бы, что «Никитин» не высылался Ворон[ежскому] Музею и Звереву. Моя уверенность в исполнении издательством моей просьбы была так сильна, что мне в ум не пришло навести справку у Литвинова или у Вас. Теперь, конечно, браню себя за оплошность. Получив Ваше письмо, выругал «Просвещение» и немедленно послал Никитина Звереву и Музею. Вот видите, как трудно иметь дело с «Просвещением». Поэтому не сердитесь на меня, что до сих пор не сумел достать для Вас переплетов. Приложу все старания выполнить свое обещание.

Недавно получил письмо от Зверева, в котором он благодарит за присылку ему «Никитина», но ничего не говорит по поводу Вашего предложения об избрании меня в почетные члены Комиссии. Я считаю для себя недопустимым оказывать какое-либо влияние в этом направлении на членов Комиссии; избрание ею меня в почетные члены мне будет дорого лишь в том случае, если состоится без всякого давления с моей стороны. Поэтому я буду молчать; изберет Комиссия, – скажу ей сердечное спасибо.

В настоящее время работаю над 4 томом «Никитина». Вы просите меня сообщить Вам подробный список того, что войдет в этот том. Удовлетворить Вашу просьбу я сейчас не в силах, так как еще сам окончательно не выработал плана 4 тома; все будет зависеть от того места, которое останется после набора писем Никитина. Они будут набраны, по всей вероятности, к осени; тогда выработаю окончательный план и сообщу его Вам. По предварительному плану в 4 томе я думаю поместить: письма Никитина и к Никитину (большая часть их не издана), духовное завешание, примечания к письмам, обзор рукописей Никитина и рукописных материалов о нем, историю Никитинского текста и обзор изданий, обзор литературы о Никитине, библиографич[еский] указатель, алфавитный указатель произведений и имен и многое другое. Спасибо за предложение просмотреть библиографию. Когда она будет готова, постараюсь прислать ее в рукописи или в корректуре Вам для просмотра. Конечно, отмечу с благодарностью, что Вы любезно доставляли мне вырезки из воронежских изданий. Пока же прошу принять мою искреннюю признательность за последнюю присылку вырезок из этих изданий.

Кроме Никитина, работаю в настоящее время над составлением большого труда – словаря почетных академиков, который мне

поручила Академия Наук. (Об этом прошу пока никому не сообщать.) Моя работа о Ломоносове, издаваемая Академией Наук, была окончательно напечатана в 1912 г., но до сих пор Академия ее не выпустила, так как не были готовы работы других лиц, которые будут напечатаны вместе с моей. Недавно мне в Академии сказали, что скоро «Ломоносов» выйдет. Немедленно вышлю книгу Вам.

С.А. Венгеров Вашу автобиографию получил в ноябре прошл[ого] года (она указана на стр. XXXVII предисловия), листы же с фамилиями на букву В были отпечатаны еще в марте прошл[ого] года. Предисловие печаталось последним. Ввиду этого, о Вас не дано подробных сведений. Венгеров имеет в виду дать дополнение к «Списку», в котором будут использованы автобиография, полученные после отпечатания листов 1 тома, в том числе и Ваша. В таком громадном труде, где часто одна строчка требовала долгих усилий, невозможно избежать пропусков. Есть они и в «Списке». Достичь известной полноты можно только при содействии самих писателей, на которых, по-моему, лежит обязанность помочь Венгеру в столь крупном, имеющем такое большое культурное значение предприятии. Вы сделали бы хорошее дело, если бы попросили знакомых воронежских литераторов послать Венгеру автобиографии³⁴. Я знаю, что в провинции есть немало талантливых литературных работников, которые не отмечены ни в одном труде, и будет обидно, если они не будут указаны и в работе Венгерова. Если Вы напечатали рецензию о его «Словаре», то пошлите ее ему. Венгеров так горячо любит литературу, так много сделал для ее изучения, что не грех оказать ему такую услугу.

С С.М. Городецким я знаком и, когда его увижу, передам Вашу просьбу о присылке Вам его «Никитина» для отзыва. Но едва ли мое содействие принесет желанные результаты: «Деятель», боясь, очевидно, что его издания будут ругать и это повредит их распространению, почти не посылает своих изданий в редакции для отзыва и очень раздает бесплатные экземпляры. Городецкий, которому я немного помог и который многое взял из моего издания, хотел достать для меня «Никитина», но это ему не удалось. Я слышал, что у «Деятеля» очень плохи дела, знаю наверное, что им приостановлено на неопределенное время издание сочинений Добролюбова и Гоголя (вышли лишь первые тома).

С Г.К. Лукомским я не знаком, и поэтому выполнить Вашей просьбы не могу. Советую Вам написать ему. Его зовут – Геор-

гий Крискентович, живет он в Петрограде, на Каменоостровском проспекте, д. 65³⁵.

Благодарю Вас за интерес к моей жизни и здоровью. В мае чувствовал себя хорошо, но теперь плохо. Обычно уезжал летом в Полтавскую губернию, но в это лето едва ли это удастся сделать; война печально отразилась на моих финансах.

В заключение, зная Вашу доброту, позволю беспокоить Вас следующими просьбами:

1) купите для меня «Сборник хоров на слова Никитина» П. Лучкина³⁶ и пошлите мне наложенным платежом;

2) сообщите адрес, имя и отчество В.М. Казьмина: хочу поблагодарить его за передачу Вам для меня его работы о Никитине³⁷;

3) спросите В.В. Литвинова, получил ли он 3 т[ом] моего «Никитина» и мое письмо, а также получен ли он Ворон[ежским] Музеум.

Прошу Вас передать мой искренний привет Вашей супруге.

Глубоко Вам преданный

А.Фомин.

ГАВО. Ф. 309. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–22.

¹ Эльзон М.Д. Никитиниана А.Г. Фомина // «Я Руси сын!..»: К 150-летию со дня рождения И.С. Никитина. Воронеж, 1974. С. 178–187; Из переписки А.М. Путинцева с А.Г. Фоминым // Там же. С. 188–203.

² ГАВО. Ф. И-1. Оп. 3. Д. 115; ГАОПИВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 25434. См. очерк «Соглядатай» в книге: Акиншин А.Н., Ласунский О.Г. Пахарь духовной нивы. Историко-краеведческие этюды. Воронеж, 1996. С. 59–76.

³ Поликарпов Федор Иванович (1882–1931), краевед, этнограф.

⁴ А.Н. Васильев сделал пометки на письме А.Г. Фомина, из которых следует, что первая заметка опубликована в «Воронежском телеграфе» 3 апреля 1911 г. в № 76, вторая – 24 марта 1911 г. в № 68, третья – 7 апреля 1911 г. в № 79. В действительности 24 марта была напечатана заметка В.В. Литвинова «Сочинения И. С. Никитина».

⁵ Васильева, урожд. Настаушева, Людмила Михайловна (1890–1974).

⁶ В письме А.Г. Фомину от 30 мая 1911 г. А.Н. Васильев просил выслать экземпляр сочинений Никитина заранее, чтобы дать «обстоятельный отзыв» в юбилейном номере газеты. Одновременно он писал о своем желании сотрудничать в Энциклопедическом словаре Брокгауза–Ефрона: «Я желал бы взять на себя составление биографий местных (воронежских) деятелей».

⁷ В фонде А.Г. Фомина сохранились письма А.Н. Васильева от 10 октября и 13 ноября 1911 г.

⁸ Гершензон Михаил Осипович (1869–1925), историк, литературовед. Имеется в виду книга: Никитин И.С. Поли. собр. соч.: В 1 т. / под ред. М.О. Гершензона. П.: Изд. Л.С. Панафидиной, 1912. XXIII. 448, IX с, 9 отд. л. ил.

⁹ В ответном письме от 29 января 1912 г. А.Н. Васильев сообщал, что он написал об издании Гершензона статью, но она не была напечатана, и привел из нее большой фрагмент: «здесь ярко бросаются в глаза следы погрешности... иллюстраций мало и они из рук вон плохо исполнены, с грубыми ошибками... Г-н Гершензон, воспользовавшись материалами, добытыми А.Г. Фоминым, бывшим для той же цели в Воронеже, положительно умалчивает как об этом обстоятельстве, так и о месте нахождения оригиналов, ограничиваясь краткой подписью под произведениями: «Автограф». Далее А.Н. Васильев добавляет: «Прямую противоположность моей статье представляет прилагаемая при этом статья Путинцева, напечатанная в «Воронежском телеграфе». Имеется в виду рецензия А.М. Путинцева под названием «Nikitiniana», опубликованная 30 декабря 1911 г.

¹⁰ Речь идет о публикации А.Г. Фомина: Болезнь и последние минуты жизни И.С. Никитина. (По неизданным материалам) // Современник. 1912. № 5. С. 286–299.

¹¹ Второв Николай Иванович (1818–1865), Придорогин Иван Алексеевич (ок. 1813–1859), Нордштейн Александр Петрович (1809–1880), Александров-Дольник Константин Осипович (1815–1889), друзья И.С. Никитина. Имеется в виду семейный архив Н.И. Второва, сохраненный его дочерью С.Н. Яфа (1856–1912) и внучкой О.В. Синакевич (1876–1959). Сейчас фонд находится в отделе рукописей РНБ (ф. 163).

¹² Дьяченко Виктор Антонович (1818–1876), драматург, с начала 1870-х гг. жил в Воронеже, здесь же и умер.

¹³ Зверев Стефан Егорович (1860–1920), священник, краевед, правитель дел Ученой архивной комиссии, возглавлял Губернский музей в 1894–1919 гг. В ответном письме от 15 августа 1912 г. А.Н. Васильев предполагал, что доклад Зверева появится в очередном выпуске трудов Архивной комиссии, но публикации не последовало. Статья В.М. Казмина, содержащая документы о предках поэта, напечатана в 13-м выпуске «Воронежской старины» (1914. Отд. II. С. 158–181). А.Г. Фомин в биографическом очерке о И.С. Никитине ссылался на газетные заметки. Никитинский филиал Публичной библиотеки открыт в октябре 1896 г. Улица переименована в 1899 г. Ректором семинарии в 1908–1913 гг. был протоиерей Николай Фомич Околович (1863–около 1934).

¹⁴ Речь идет о заметке Вл. Малыхина «Еще об И.С. Никитине» // Воронежский телеграф. 1912. 20 июля. О полемике А.М. Путинцева с В. Малыхиным, в которой принял участие и А.Г. Фомин, см. примечания к публикации писем А.М. Путинцева («Я Руси сын!...» Воронеж, 1974. С. 226).

¹⁵ Путинцев Алексей Михайлович (1880–1937), историк литературы, фольклорист и этнограф.

¹⁶ Литвинов Василий Васильевич (1873–1941), краевед, библиограф, хранитель Губернского музея.

¹⁷ В письме от 25 декабря 1912 г. А.Н. Васильев критикует А.Г. Фомина за публикацию предисловия Ю.И. Айхенвальда, за «загромождение» биографии характеристикой друзей Никитина. Подпись под фотографией поэта (между стр. 138 и 139), гласящую: «И. С. Никитин. С фотографии, снятой в 1861 г. в Воронеже и принадлежавшей г-же Вяхиревой. Доставлено А.Н. Васильевым», он хотел бы видеть следующей: «С фотографии, снятой в 1861 г. в Воронеже Вацлавом Иосифовичем Шишковским (служившим ретушером в одной из местных фотографий того времени) и принадлежавшей сестре его жены г-же Вяхиревой, по словам которой Шишковский с Никитиным были в дружеских отношениях. По ее мнению, эта фотография вернее всех других передает лицо поэта. Доставлено А.Н. Васильевым». Шишковский Вацлав Иосифович (ок. 1835–1863), фотограф-ретушер.

¹⁸ Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928), литературный критик.

¹⁹ Де-Пуле Михаил Федорович (1822–1885), литературовед, публицист, друг и биограф И.С. Никитина; его архив находился у брата, Л.Н. Павленкова (1840–1912), от которого перешел в распоряжение А.Г. Фомина и в 1939 г. в составе его архива поступил в Рукописный отдел ИРЛИ (ф. 569). Милашевич Николай Степанович (1828–1901), офицер,

друг И.С. Никитина. А.Г. Фомин пользовался архивом, хранившимся у его дочери М.Н. Милашевич.

²⁰ Курбатов Николай Павлович (1833–1871), редактор первого посмертного собрания сочинений И.С. Никитина (Воронеж, 1869). Кавелина Софья Михайловна (1890–?), автор публикации «Новые данные к характеристике И.С. Никитина (по неизвестным материалам)» // Рус. ведомости. 1911. 16 окт. Отд. издание: М., 1912. 83 с.

²¹ Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967), поэт и прозаик. Под его редакцией издательство «Деятель» выпустило двухтомное «Полное собрание сочинений И.С. Никитина» (СПб., 1912–1913).

²² Речь идет о заметке А. Васильева «Полное собрание сочинений и писем Никитина», опубликованной 3 января 1913 г. в газете «Дон».

²³ Лернер Николай Осипович (1877–1934), литературовед, пушкинист. В письме от 10 января 1913 г. А.Н. Васильев спрашивал: «Какова заметка о Вашем «Никитине» в газете «Речь» от 7 января с/г?! Кто это скрывается под литерами Н.Л.?».

²⁴ Ежедневная общественно-политическая и литературная газета, выходила в Воронеже с 17 октября 1907 г. по 4 ноября 1912 г.

²⁵ Некрасов Алексей Иванович (1885–1950), искусствовед.

²⁶ Посылая А.Г. Фомину в письме от 12 января 1913 г. вырезку из газеты «Воронежский телеграф» с рецензией на книгу А.И. Некрасова «Кольцов и народная лирика» (СПб., 1911. 53 с.), А.Н. Васильев просил помочь приобрести ее.

²⁷ Ежедневная политическая, экономическая и литературная газета. Издавалась в Петербурге, в 1913 г. ее редактировал Г.И. Иванов. Как видно из письма от 11 июля 1913 г., А.Н. Васильев хотел напечатать там рецензию на книгу «Воронежское дворянство в Отечественную войну» (М., 1912).

²⁸ О положении в газете «Воронежский телеграф» А.Н. Васильев сообщил в письме от 21 сентября 1913 г.: «В «Воронежском телеграфе» творится что-то неладное вот уже года два-полтора, с тех пор, как там появился в числе сотрудников г. Юдин (Юрий Бурливый, Клим Гвоздикин, Nellie, Ефим Грустилов, Фингал и проч., и проч.), бывший автор грязных «Писем к тетеньке», печатавшихся в свое время в «Живом слове». Этот г-н в прошлом году ловко инсценировал известный инцидент «Дюруа-Агринцева», окончившийся третейским разбирательством и сопровождавшийся статьями г. Юдина, в которых он обливал грязью всех, кто осмеливался быть в противном лагере и даже ведущего с ним до сих [пор] дружбу антрепренера В.И. Никулина (ныне олицетворение Тартюфа). Кроме того, Юдин выжил из состава сотрудников всех неудобных для него лиц, работавших в газете по многу лет, не говоря уже о том, что ушел из газеты, проработав полгода, приглашенный из Москвы журналист В.Б. Лехно (Земляк). Г-н же Аверин всецело под влиянием г. Юдина и все попытки соиздателей избавиться от Юдина считает интригами против себя. Если писать обо всем, что делается в недрах «Воронежского телеграфа», то не хватит целой стопы бумаги. Мне лично Аверина очень жаль, что он попал в лапы этого хищного авантюриста, но он сам не хочет или не может от него избавиться». Аверин Александр Николаевич (1868 – после 1940), редактор газеты, в 1930 г. репрессирован. Юдин Георгий Андреевич (1874–1921), журналист.

²⁹ Редактором-издателем литературного сборника «Проселочные дороги» (Воронеж, 1914) являлся бывший журналист «Воронежского телеграфа» Георгий Ильич Фомин (1878–1951). Здесь были опубликованы очерки Г. Фомина и Д. Крапивина о Никитине, стихи А. Васильева. Экземпляр А.Г. Фомина хранится в библиотеке ИРЛИ; на титульном листе дарственная надпись: «На добрую память редактору лучшего издания сочинений И.С. Никитина от признательных воронежцев – участнику сборника «Проселочные дороги» Г. Фомина. А. Васильев. Воронеж. 19/IX 1914»..

³⁰ Ежедневная газета, выходила с 21 сентября 1914 по 18 января 1915 г. Редактор – А.Н. Васильев, издатели – братья Александр и Карл Розенберги. Ходатайство А.Н. Васильева об издании газеты см.: ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1116. Л. 147–152.

³¹ Письмо не датировано, адресатом оно получено 18 мая 1915 г.

³² См.: Венгеров С.А. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1915. С. XXXVII.

³³ Это предложение содержится в рецензии А.Н. Васильева на третий том Никитина, опубликованной в газете «Дон» и подписанной «Книголюб»; рецензия появилась также в «Воронежском телеграфе» с подписью «А.Н. Ваев». Посылая эти рецензии в письме от 24 мая 1915 г., А.Н. Васильев сообщил о дальнейшем развитии ситуации в редакциях воронежских газет: «Из «Воронежского телеграфа» гг. Аверина и Юдина вышибли и теперь редактором его состоит В.В. Нагурский – личность темная, с пятнышком в прошлом... Юдин основал новую газету «Воронежский день», редактором-издателем которой подписывается Кони-Стрельская (Зуева), актриса местной труппы Никулина, которого газета рекламирует самым бесстыдным образом. «Воронежская жизнь» прекратилась, так как, с одной стороны, издатели не пожелали делать дальнейших затрат на улучшение газеты и на приглашение платных работников, а с другой стороны, в наш кружок проникли лица, которым место не в газете, а на базаре или в участке». Газета «Воронежский день» выходила с 12 марта 1915 г. по 1917 г. Редактором-издателем являлась Е.Г. Зуева (Кони-Стрельская).

³⁴ В письме от 24 мая 1915 г. А.Н. Васильев упоминает о том, что вместе с В.В. Литвиновым они готовят «поправки и дополнения» о воронежских уроженцах для Словаря С.А. Венгерова.

³⁵ Речь идет об искусствоведе Георгии Крескеитьевиче Лукомском (1884–1952), авторе книги «Воронежская старина» (Пг., 1915). А.Н. Васильев просил содействия в приобретении этой книги.

³⁶ Лучкин Павел Иванович (1880–1948), хоровой дирижер, преподаватель музыки.

³⁷ Речь идет о Василии Михайловиче Казьмине (1883 – после 1917), псаломщике церкви при губернской земской больнице, члене Ученой архивной комиссии.

ПИСЬМА В.В. ЛИТВИНОВА К М.В. ИВЧЕНКО (1908—1940)

Внутренняя жизнь краеведческих обществ в Воронеже второй половины XIX – начала XX вв. нашла отражение только в периодической печати, в отчетах и печатных хрониках. Текущее делопроизводство Статистического комитета, Губернской ученой архивной комиссии и Церковного историко-археологического комитета не сохранилось. О планах и неосуществленных намерениях, о взаимоотношении членов обществ мы практически ничего не знаем. Почти не сохранились и личная переписка. Мы можем назвать лишь частично уцелевшие письма к С.Е. Звереву в одном из московских архивов и небольшую часть его архива в Воронежском областном краеведческом музее; письма С.Е. Зверева и С.Н. Введенского к историку С.Ф. Платонову в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, письма С.Н. Введенского к владимирскому краеведу А.В. Смирнову, хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского дома; несколько писем В.В. Литвинова к В.Д. Бонч-Бруевичу в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

Тем более ценной представляется коллекция писем В.В. Литвинова к острогожскому краеведу М.В. Ивченко, имеющаяся в Острогожском историко-художественном музее им. И.Н. Крамского. Василий Васильевич Литвинов (1873–1941) – известный воронежский краевед, педагог, работник Губернского музея. Он активно сотрудничал в газетах «Дон» и «Воронежский телеграф», печатался в «Памятных книжках Воронежской губернии» и «Воронежской старине»¹. В.В. Литвинов стал первым историографом местного краеведения, собравшим биографические сведения об авторах «Памятных книжек» за 1856–1906 гг. Частичное понимание характера его публикаций дают представленные здесь письма. В 1920-е гг. В.В. Литвинов работал в музее, заведовал его библиотекой, активно занимался библиографированием местных публикаций. 5 ноября 1930 г. он был арестован по «делу краеведов» и приговорен к пяти годам лагерей. Вернувшись в Воронеж, работал в Областном статистическом бюро, интереса к краеведению не потерял, но публиковался, по вполне понятным причинам, очень редко.

Михаил Васильевич Ивченко (1878–1943) всю жизнь прожил в уездном Острогожске, был мелким чиновником и одновременно

сотрудничал в газетах «Воронежский телеграф» и «Острогожский листок», публиковался в «Острогожском календаре», который издавался Православным братством во имя преподобного Серафима при Крестовоздвиженской кладбищенской церкви в 1908, 1909 и 1911 гг. В одном из выпусков «Календаря» он поместил статью «Острогожские типографии». Две наиболее крупные его статьи – «Издательская деятельность в г. Острогожске и его уезде» и «Семья композиторов в Острогожском крае» помещены в «Памятных книжках Воронежской губернии» на 1915 и 1916 гг. Он был членом Губернского статистического комитета, 10 октября 1914 г. избран в состав Воронежской ученой архивной комиссии. В советское время М.В. Ивченко работал бухгалтером в Ветеринарно-зоотехническом техникуме². Две его статьи этого периода недавно перепечатаны³. Многочисленная коллекция книг, газет, газетных вырезок, разного рода конволюты, составленные им – все это теперь хранится в Острогожском музее.

Знакомство В.В. Литвинова с М.В. Ивченко относится ко времени до 1908 г. 38 писем и почтовых открыток неравномерно охватывают 32 года. Вполне очевидно, что сохранилась часть переписки. Наиболее подробно (возможно, без пропусков) представлены 1908–1910 гг., совершенно отсутствуют 1912–1913, 1917–1918, 1921–1923, 1927–1928 гг. 1930-е гг. не располагали к переписке, кстати сказать, М.В. Ивченко проявил определенное мужество, не уничтожив в это время письма от своего приятеля, осужденного по печально известной 58-й статье.

Письма написаны чернилами (с середины 1920-х гг. – карандашом) на свернутых вчетверо листках бумаги. Письмо № 22 написано на бланке с печатным штампом «Действительный член Воронежского Губернского статистич. комитета, Воронеж, церковного истор.-археол. комитета и Воронеж, губернк. архивн. комиссии. В.В. Литвинов», письмо № 23 – на бланке редакции еженедельного журнала «В Дни Войны» (адрес: Б. Дворянская, здание Губернского музея). Письма № 5, 8–11, 13, 15, 16, 20, 24, 37, 38 написаны на обороте чистых почтовых карточек.

1.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Получил я недавно ответ от Д.Г. Тюменева⁴, которому писал тотчас же по прибытию в Валуйский уезд. Вот что он пишет мне по поводу наших с Вами списков: «Предлагаемые Вами списки

воронежских и острогожских изданий заслуживают внимания. Напечатал [бы] я их с удовольствием, мешает одно: невозможность в виду экономических соображений увеличивать объем книжки, который в виду окончания Вашей статьи (о Пам[ятных] книжках) и значительного количества материала, который обещает доставить С.Н. Введенский⁵, имеет быть значительным. Во всяком случае, списки пришлите: не пойдут в этом году, напечатать в следующем. Г-на Ивченко желательно было бы привлечь к работе в Памятных книжках. Не найдет ли он возможным дать какую-нибудь статью по истории или современному состоянию г. Острогожска и его уезда, – вероятно, он их знает достаточно хорошо”.

Теперь Вы видите, что, хотя в напечатании в текущем году наших списков мы с Вами вполне не обнадеежены, а высылать их надо. Как я Вам уже и говорил, свои сведения об острогожских изданиях могу доставить только по приезду в Новохоперск; приеду же я туда в конце июля. Вы пока группируйте то, что у Вас есть. Не знаю, в каком виде у Вас будет составлен список; вероятно, в хронологическом порядке. Соблюдая этот порядок, я бы советовал Вам разделить список на две группы: I. Издания литературного характера, II. Издания справочного характера (уставы, программы и отчеты различных учреждений и обществ, журналы земских собраний и т.п.). Интересно и полезно было бы, по моему мнению, список изданий предварить краткими сведениями о местных типографиях – существовавших и существующих. О последних следует сообщить: год основания, количество машин и рабочих, годовой оборот и район деятельности.

При этом прилагаю Острогожские издания 1907 г. Пожалуйста, дополните мой список, обозначая полно заглавие, типографию, год издания и количество страниц.

Есть и еще моя к Вам просьба. Для 8-го вып[уска] “Ворон[ежской] Старины» я приготавливаю список лиц, окончивших курс или учившихся в Воронежской дух[овной] семинарии, но пошедших по светской службе. Думаю, что Вы хоть несколько человек из таковых знаете, особенно из уроженцев г. Острогожска. Вероятно, некоторые из них служили при окружном суде. Сведения можно собрать путем опросов. Программа такова: фамилия, имя и отчество; год рождения; происхождение (чей сын и откуда); когда вышел из семинарии, если не окончил курса, то из какого класса; сведения о службе.

Не знаете ли Вы чего-либо о следующих лицах, которые, говорят, служили при Вашем суде: 1) Черницкий Федор Алексеевич⁶, 2) Шеховцев Николай Иванович. Не получил ли места состоящий кандидатом при вашем суде А.Н. Павленко?⁷ Не из питомцев ли семинарии Ваш коллега В.И. Путинцев?⁸ Не слышали ли Вы чего-либо о Митроф[ане] Ив[ановиче] Глаголеве⁹; он был учителем, кажется, в Острогжске.

Передайте почтение отцу Михаилу¹⁰. Скажите, что я ожидаю от него сведений о Степане Яковл[евиче] и Серг[ее] Дмитриев[иче] Скловских¹¹. Получил ли он от меня открытку, в которой я, между прочим, спрашивал о своей пропавшей фуражке.

Затем желаю всего хорошего.

С истинным почтением остаюсь Василий Литвинов.

Июля 1908. С[лобода] Уразова.

P.S. Не пошел ли по светской части кто-либо из Козловских – сынов[ей] Острогж[ского] священника, напр[имер], Василий Владим[ирович]¹², оконч[ивший] сем[инарию] в 1892 г. Так как я числа 25 июля выеду в Новохоперск, то Вы туда прямо и пишете, на мое имя.

2.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Получил я Ваш пакет “с документами” и весьма благодарю за них. Таких подробных сведений я, признаюсь, не ожидал. Видна по ним Ваша любовь к кропотливому отношению и изучению всякого, по-видимому, предмета. Но пока я дожидался от Вас ответа, приготовил два списка: один для Вас – известных мне Острогжских изданий до 1907 г., а другой – для себя, для дополнения Вами, изданий 1907 г.⁷ Второй список, после присланного Вами, уже и не нужен. Первый, может быть, понадобится Вам для сличения, не пропущено ли что в Вашем списке.

Свой список я уже почти приготовил. Только поджидаю сообщений из Богучара и Землянска. Дал на ожидание этих сообщений сроку до 1 сентября, а затем, хотя и не получу их, отошлю свой список. Относительно напечатания его в Памятной книжке ничего положительного не знаю, но буду просить Димитрия Герасимовича, чтобы поместить теперь, так как хотелось бы придать спискам характер летописный, т.е. ежегодные обзоры. Попробую замолвить словечко и за Вашу работу.

* Этот список повторил потому, что, долго не получая от Вас ответа, полагал, что письмо из Уразовой не дошло.

Я все-таки не понимаю, почему Вы обеспокоены, что Ваша работа может не попасть в Памятную книжку на 1909 год. Ведь на это у Дим[итрия] Герас[имовича] есть уважительная причина: надо закончить начатый труд С.Н. Введенского¹³. При непомещении Вашей работы и в Пам[ятной] книжке и в Острогжском календаре, можно уже приготовленное отложить в сторону и приготовить что-либо другое, а в следующем году, я уверен, Димитрий Герас[имович] напечатает оба труда.

Помещать свою работу в “Дону” я не советовал бы Вам: во-первых, потому, что “Дон” едва ли даст столько отдельных оттисков, сколько дает всегда Д.Г. Тюменев; во-вторых, слишком уж грязновато и безграмотно печатается все в “Дону”; посмотрите, сколько там всегда ошибок, опечаток и т.п., а между тем оттиски из Памятных книжек всегда представляют собою красивые по внешности брошюры.

Передайте почтение о. Михаилу. Скажите, что я прошу его когда-нибудь написать мне о крайнем сроке, к какому я должен выслать то, что успею приготовить для Острогжского календаря.

Прошу Вас при выходе в свет новых острогжских изданий, особенно интересных, приобретать лишний экземпляр для меня. Стоимость приобретения и пересылки буду возмещать. Со своей стороны буду иметь в виду и я Вас при приобретении воронежских и других изданий.

Выберете свободную минутку – пишите.

Ваш Вас. Литвинов.

г.Новохоперск. 21/VIII. 1908 г.

3.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

В настоящее время у меня так мало свободного времени, что я пришел в отчаяние относительно “Острогжской летописи за 1903–1907 гг.”: я ее могу окончить не раньше половины ноября. Как будто и не большая вещь, а времени отнимает порядочно: надо за каждый год просмотреть “Ворон[ежские] Губерн[ские] Вед[омости]”, “Воронеж[ские] Епарх[иальные] Вед[омости]” и “Ворон[ежский] Телеграф”. Но я твердо убежден, что непомещение названной моей работы в календаре никакого ему ущерба не принесет, а потому прошу заканчивать печатание календаря, не дожидаясь Летописи. Однако, если печатание календаря затормо-

зится помимо меня, то вы сообщите открыткой, и до нее я Летописи совершенно оставлять не буду.

Относительно указателя заметок по поводу открытия в Острогжске художественной галереи должен сознаться, что я внес в него то, что мне известно (заметки в 5–6 строк я не считал), и если Вам оказывается известно гораздо больше, то Вы приобщите их к моему списку или выделите вместе с моими и поместите за своей подписью.

Я Вам как-то присылал отдельные оттиски своих статей. Вы о них не упомянули. Получили ли?

Вероятно, для Острогжского календаря на 1910 г. мне придется заняться составлением статьи “Замечательные уроженцы и деятели Острогжского уезда”. Я Вам как-нибудь пришлю список лиц, которых предполагаю включить в свою статью, для добавления Вами пропущенных мною, а пока, пожалуйста, соберите для меня сведения о свящ[еннике] Михайловском¹⁴ (собственно, о содержащих им когда-то школах) и М.Б. Тулинове¹⁵. О первом мне известен только мало дающий нужных сведений некролог в “Ворон[ежских] Еп[архиальных] Вед[омостях]”, а о втором – несколько строк из биографии И.Н. Крамского и несколько строк, помещенных в “Воронеж[ском] Юбилейн[ом] Сборн[ике]”, т. II. Еще сообщите, представляет ли бывший Острогжский городской голова П.А. Жалин¹⁶ такого деятеля, которого следует включить в ту же статью. Если представляет, то, пожалуйста, и о нем разузнайте.

Свободного времени мало, а тут нет-нет да и прибавится новая, неожиданная работа. Вот, напр[имер], третьего дня получил письмо от ректора Воронежской дух[овной] семинарии¹⁷. Просит сообщить ему (в виду требования от него сведений Св. Синодом) свой список “какие вышли из семинарии в течение XIX века наиболее замечательные деятели на церковном, научном и общественном поприще, с кратким по возможности указанием их заслуг”. И некогда бы делать из своих материалов выдержки, да надо уважить человеку.

Получил недавно письмо от Д.Г. Тюменева. Между прочим, уведомил, что оттиски моей статьи о Памятных книжках (112 стр.) почти готовы, скоро собирается выслать¹⁸. Вышлю тогда и я Вам один экземпляр.

Извините, что написал мало за недосугом. Соберусь как-нибудь и напишу побольше. Передайте почтение о. Михаилу.

Ваш Вас. Литвинов.

г. Новохоперск, 26/X 1908.

Сообщение Ваше об острогожских афишах и объявлениях я в свой список не включал: перечень их противоречил бы заглавию заметки: “Список отдельных изданий...”, да, я знаю, и Тюменев выбросил бы их.

Острогожские издания от Вас жду, а “Острогожский Листок” буду обязательно выписывать.

4.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Приношу мою искреннюю благодарность за присылку мне отписок Ваших статей и острогожских изданий, а также и письма. Ваша статья об острогожских типографиях и изданиях оказалась очень интересной. Не менее интересна и “Из Острогожской жизни”, только позвольте высказать, страдает слишком мелочными подробностями. Внесение Вами в свою “Летопись” таких событий, как убийства, поджоги, грабежи и т.п., по моему мнению, очень уместно: таковые события дают известное понятие о нравственном состоянии общества, дадут материалы и для историка и для психолога. Но что и кому могут дать такие события, как переводы с места на место сельских батюшек, выход в отставку полицейского надзирателя и т.п. Мой совет, если Вы его спрашиваете, обязательно вести ежегодные обзоры острогожской жизни, но выбрасывать события, которые и теперь и впоследствии никому не пригодятся.

Относительно П.А. Жалина мне ничего неизвестно, кроме тех отрывочных сведений, которые имеются в трудах прот[оиерея] Д. Склобовского “Летопись Острогожска и семи его церквей” и в труде Н.В. Воскресенского “Пятидесятилетие Воронеж[ских] Губерн[ских] Введ[остей]”, т. II. Поэтому Вы, пожалуйста, сообщите все, что Вам известно о нем, но только мне вперед хотелось бы знать, можно ли, по Вашему мнению, внести его в список замечательных деятелей Острогожского края.

Статью “Замечательные уроженцы и деятели Острогожского края” я предполагаю поместить в будущих выпусках “Острогожского календаря”. К числу названных лиц я предполагаю включить (войдут только лица умершие): 1) Астафьева П.Е.¹⁹, 2) Архиеп[ископа] Димитрия Самбикина²⁰, 3) Тевяшова И.Н.²¹, 4) Тевяшова Н.Н.²², 5) Крамского И.Н.²³, 6) Тулинова М.Б., 7) Панова²⁴, 8) Еп[ископа] Иосифа Баженова²⁵, 9) О.И. Рудинского²⁶, 10) В.И. Рудинского²⁷, 11) Иовского А.А.²⁸, 12) Иовского П.А.²⁹, 13) Костомарова Н.И.³⁰, 14) митроп[олита] Леонтия Лебедин-

ского³¹, 15) Миропольского В.И.³², 16) Миропольского С.И.³³, 17) Сильченкова К.Н.³⁴, 18) Ставрова П.И.³⁵, и 19) Жалина П.А. К этому списку лиц Влад[имир] Ник[олаевич] Тевяшов советовал мне внести еще целую серию Чертковых и Н.В. Станкевича³⁶.

Не знаете ли Вы еще кого, кем должно бы дополнить мой список замечательных острогожцев. Буду благодарен.

Книг “Пятидесят[илетие] Вор[онежских] Губ[ернских] Вед[омостей]” и “Воронежск[ий] Календарь на 1873 г.” я не имею, а то бы с удовольствием Вам выслал. Первую книгу, составляя очерк о Памятн[ых] книжках, я на время выписывал из губернского музея.

Как-то пойдет ход распродажи вашего календаря. Ведь от этой распродажи, судя по словам о. Михаила, и зависит судьба издания будущих выпусков календаря. От души желаю, чтобы начатое благое дело не прервалось, а продолжалось. Будете писать, так не забудьте писнуть и о ходе календаря.

Я в настоящее время копаюсь над списком лиц, окончивших курс в I-й Воронежской гимназии (по просьбе директора ее)³⁷, над списком семинаристов, а для “Воронеж[ской] Старины” выписываю набело “Воспоминания В.Г. Чубинского”, бывшего воронежского семинариста, служившего по морскому министерству и окончившего в нем дни членом совета и начальником архива³⁸. Рукопись воспоминаний передал мне свящ[енник] слоб[оды] Уразовой от. Петр Скрыбин³⁹.

Для Памятн[ой] книжки на 1910 г. только еще соображаю, что надо писать.

“Острогожский листок” выписываю; газета мне нравится. Сострудничаете ли в ней?

Желаю успеха в делах.

Ваш Вас. Литвинов.

г.Новохоперск, 7/II. 1909.

Как Вы думаете, включать ли в мой список Остр[огожских] деятелей - воевод Острогожского полка и города – Тевяшовых и других. Пожалуйста, узнайте, в каком селе Вашего уезда служит учительницей Анна Ивановна Кобзарева⁴⁰.

5.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

В 1903 г., будучи на курсах в Воронеже, взял из музея 5 книг, которые и до сих пор не возвращал, так как никак не выберу вре-

мени их использовать. Теперь с новыми требованиями боюсь в музей и обращаться, потому что сейчас попросят возвратить взятое, а оно мне еще очень нужно. Советую взять из музея, что Вам нужно, чрез о. Михаила. Ведь он член и архивной комиссии и статист[ического] комитета, и ему в его просьбе, я убежден, не откажут. Очень жалею, что мне все-таки неудобно выходит исполнить Вашу просьбу. С истинным почтением

Ваш Вас. Литвинов.

г.Новохоперск. 10/II. 1909.

6.

Читайте вперед отд[ельный] листок!⁴¹

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

“Библиографический указатель по истории Острогужского уезда”, без сомнения, будет принят Д.Г. Тюменевым для помещения в Памятной книжке: работа интересная и полезная. Только я Вам советовал бы не спешить с печатанием ее: всякая работа библиографического характера более выиграет, если над ней более посидеть и покопаться. Просматривали ли Вы за старые годы “Дон” и “Ворон[ежский] Телегр[аф]”, а также “Ворон[ежский] Листок» и “Справочный Листок Воронеж[ской] с[ельско]-хоз[яйственной] и кустарно-промышл[енной] выставки 1894 г.”? (в последнем немало статей о промыслах и занятиях среди населения нашей губернии; могут быть и касающиеся Острогужского уезда). Не узко ли заглавие Вашего труда? Не лучше ли наименовать его “Библиографич[еским] указателем литературы об Острогуж[ском] у[езде]” или “касающейся Острогуж[ского] уезда”. Ведь я думаю, что вы в свой указатель не одни только статьи исторического содержания будете вносить, а и работы по этнографии, народному образованию, промыслам населения и т.п. Если Вы этого не думали, то следовало бы: указатель будет носить тогда характер цельного законченного труда.

Мой знакомец Ф.И. Поликарпов⁴² недавно все спешил закончить свою работу “Указатель по этнографии Воронежского края”. Думал было уже сдавать ее в печать, но теперь (как пишет в последнем письме) решил еще немного обождать с целью поработать над пополнением указателя. Вот полезно бы было Вам и ему познакомиться с указателями друг друга, один мог бы сослужить службу другому.

Вы пишете, что собираетесь поехать в Воронеж и поработать в музее. Собираюсь туда же и с той же целью и я. Давайте условимся заранее, поедem в Воронеж вместе и вместе там поработаем. Я бы Вас там познакомил, кстати, с Д.Г. Тюменевым, Ф.И. Поликарповым и др. Так как занятия в нашем училище окончатся в последних числах мая, то я могу поехать в Воронеж только начиная с июня. Напишите, когда удобнее поехать в Воронеж Вам, а ближе к июню мы условимся о поездке поточней.

Я с удовольствием просмотрю Ваш указатель и, если что-нибудь найдется, дополню. Думаю, что хоть что-либо, а найдется, так как уже лет с 15 как я записываю на клочках все заметки и статьи, касающиеся вообще нашего края.

“Дона” у меня имеется не более 10 №№ за различные годы, а “Ворон[ежский] Тел[еграф]” есть, начиная с 1899 г. Есть к нему и краткие указатели, самым мною составленные. При просмотре Вашего указателя загляну и в эти указатели.

“Список Воронежских отдельных изданий 1907 г.” мною был своевременно отослан Д.Г. Тюменеву. Он обещал его напечатать, а затем уведомил меня, что в виду большого размера III отдела Памятной книжки он печатание моего списка откладывает до будущего года. Недавно вновь напомнил мне, чтобы я продолжал составление подобных прежнему списков. В виду этого я теперь составляю список изданий 1908 года и благодарю Вас за список изданий острогожских. Составление очерка жизни и деятельности П.А. Жалина с удовольствием предоставляю Вам, и этот очерк будет соответствовать моим очеркам, которые буду составлять для Острогожского календаря, если он будет издаваться.

Затем будьте здоровы. Пишите.

Ваш В.Литвинов.

г.Новохоперск, 26 апр[еля] 1909 г.

7.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Прошу великодушно извинить меня за мое долгое молчание. Ваши письма (и закрытое и открытое) я получил. По получении первого письма я все собирался заняться отысканием нужных Вам №№ “Вор[онежского] Телеграфа”, но в это время как раз начались усиленные занятия в виду приближения экзаменов. Пришлось напряженно работать, так как, помимо своих училищных учеников, у меня набралось еще пять частных уроков. Занятия в

училище закончились 28 мая, а занятия с уроками 4 июня. Тотчас же после того по делу родной сестры мне пришлось отправиться в гор. Борисоглебск, а в мое отсутствие начался ремонт (штукатурка, окраска полов) моей квартиры. Жена свалила всю мою библиотеку в небольшой чулан и в таком беспорядке, что я нескоро могу отыскивать что мне нужно. Нескоро, вероятно, доберусь я и до нужных Вам №№ “Телеграфа”. Прошу взять терпение хоть до июля, тогда буду иметь возможность хоть понемногу приводить в порядок мою библиотеку и отыскать, что надо Вам. Только вот я не знаю, как мне быть с “Тел[еграфом]” за 1905 г. За этот год газета переплетена мною в два больших тома, пересылать которые по почте и неудобно и будет стоить дорого. Вероятно, придется просмотреть указанные Вами №№ и сообщить Вам их содержание. Кстати, вот что Вы писали, что по составлении указателя литературы об Острогжском крае Вы пришлете его мне для просмотра и возможного дополнения. Зачем Вам непременно нужно лично просматривать газету, когда бы я мог сделать это сам, благо №№ Вы мне указали? Получив указатель, я просмотрел бы по Вашему списку №№ “Телегр[афа]” и внес бы в указатель, что подошло бы.

Еще разъяснение. Кроме 1905 г., за остальные годы “Телеграф” имеется у меня не в полном составе: я вообще сохраняю только те №№, которые считаю полезным для себя сохранить, поэтому возможно, что кое-чего из Вашего перечня у меня и не окажется.

23 или 24 июня я думаю отправиться в Воронеж и пробыть там с неделю; захвачу, следовательно, и Полтавские торжества. Думаю покопаться в музее и в публичной библиотеке. Не найдете ли возможным побывать в это время в Воронеже и Вы. Было бы недурно покопаться вместе. Если вздумаете, сообщите открыткой.

Сейчас работаю пока мало; составляю только “Празднование 200-летия Полтавской победы в Воронежской губернии”⁴³. Сюда войдут и постановления всех земских собраний и городских дум по вопросу об их участии в праздновании означенного юбилея.

Передайте почтение о. Михаилу.

Желаю успеха в Ваших работах.

С истинным почтением Василий Литвинов.
г.Новохоперск, 19 июня 1909 г.

Если с Вами не съедемся в Воронеже, то я поговорю с от[цом] С. Зверевым⁴⁴ относительно разрешения работать Вам в музее (Вы меня об этом просили).

8.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Сегодня с дневным поездом из Новохоперска выехал в Острогжск мой земляк, Василий Андреевич Старицын. Он переведен из Бутурлиновки в Остр[огожск] на должность старшего конторщика казенного винного склада. С ним я передал для Вас “Ворон[ежский] Телегр[аф]”, те его №№, которые у меня нашлись, принимая во внимание Ваш список. Зайдите к нему денька через три и возьмите присланное мною. 25-го с вечерним (если успею – с дневным) поездом выезжаю я в Воронеж; пробуду там с неделю. Если будете в Воронеже, ищите меня в музее.

Ваш В.Литвинов.

г.Новохоперск, 24/УІ. 1909.

9.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Усиленно работаю над статьей: “Список-словарь питомцев Воронеж[ской] дух[овной] семинарии, служивших и служащих не по духовному ведомству”. Нет ли при Вашем суде новых чиновников, которых можно внести в мой список, напр[имер], кандидатов (кто-то мне указывал на Д.В. Баженова⁴⁵). Еще есть у меня на примете Петропольский⁴⁶ (брат инспект[ора]⁴⁷), служащий где-то офицером, и Дьяков⁴⁸ (врач), брат одного из острогжских священников. Пожалуйста, разузнайте о них краткие биографические сведения. Буду очень благодарен. От о[тца] Михаила нет никаких вестей. Вероятно, Острогж[ский] календарь на 1910 г. не появится в свет. Очень и очень будет жаль. В смысле содержания им были довольны все. Вот незнаком я только с материальной стороной издания; может быть, оно действительно убыточно. Как идет Ваша работа по библиографии Острог[ожского] края?

С истинным почтением Вас. Литвинов.

г.Новохоперск. 19 окт[ября] 1909 г.

10.

Многоуважаемый Михаил Васильевич.

Если Вам мой “Ворон[ежский] Телегр[аф]” еще нужен, то, пожалуйста, в № 53 за 1900 г. отыщите некролог Н.В. Виноградова⁴⁹, спишите его и пришлите мне. Затем, пожалуйста, раздобудьте мне биографич[еские] сведения о М.М. Петропольском, С.Д. Скловском и С.И. Долгополове⁵⁰. О последнем еще разуз-

найте о происхождении (чей он сын) и не брат ли он Ниф[онту] Ив[ановичу], бывш[ему] члену Гос[ударственной] Думы 2-го созыва⁵¹. В настоящее время сижу над списком семинаристов. Работа приняла порядочные размеры. Обещал П.В. Никольскому⁵² выслать ее к середине ноября, но едва ли управлюсь и к середине декабря. В Пам[ятную] кн[ижку] отослал две работы: 1) Празднование Полтавск[ого] юбилея в Ворон[ежской] губ[ернии], и 2) Список воронежск[их] печатн[ых] изд[аний] 1907 г. Последнюю работу расширил введением в нее и сведений о периодических изданиях. Почтение о[тцу] Михаилу.

Ваш В.Литвинов.

г.Новохоперск, 16/XI.1909.

11.

Многоуважаемый Михаил Васильевич.

Все Ваши письма получил. За сведения не знаю, как и благодарить. Только не отнимайте у себя даром времени, не присылайте сведения в таком объеме, как Вы присылаете. Если бы я свою работу вел по такой программе, как Вы присылаете, то мне понадобилось бы лет 10. Присылайте сведения по след[ующей] программе: Имя, отч[ество] и фамилия. Год рожд[ения] (и смерти). Когда оконч[ил] курс в сем[инарии] или из какого класса вышел. Где получил высш[ее] образование. Краткий служебный формуляр. О литерат[урной] деят[ельности] только нужно указать, где сотрудничал и (если есть) указать самые капитальные труды. На свободе соберите еще сведения о Сцепенском⁵³ и о Павле Алексеев[иче] Черницыне⁵⁴. Он, кажется, в конце 1890-х гг. был помощн[иком] присяжн[ого] поверенного при Остр[огожском] о[кругном] суде. Брошюра о Дивногорск[ом] монаст[ыре] у меня есть, на дня вышло. Есть у меня лишн[ие] оттиски отчетов музея за 1901 и 1903 гг. и протоколы Губ[ернского] ст[атистического] комит[ета] за 1899, 1904 и 1905 гг. Если у Вас нет, то могу Вам их подарить.

Ваш В.Литвинов.

1909. 30/XI.

12.

Многоуважаемый Михаил Васильевич.

Хоть святки мне дают возможность написать Вам несколько строк. За занятиями в училище и по частным урокам да за работами для “Памятн[ой] книжки” и “Воронежск[ой] старины” я осень

и часть настоящей зимы почти никому не писал, кроме множества открыток с вопросами для справок и сообщений. Лето, на которое я много надеялся, прошло у меня не так плодотворно, как я думал заранее. В этом отношении лучше всего у меня прошли те две недели, которые я прожил в Воронеже, где я достаточно покопался и в музее и по библиотекам знакомых. По возвращении в Новохоперск пришлось много времени потратить на приведение в порядок своей библиотеки и своего архива, которые у меня было пришли в большой беспорядок. Кроме того, сделал несколько поездок по своему уезду, предпринимал со своими сослуживцами экскурсии по окрестностям города и т.п. В августе засел как следует за “Описание празднования юбилея Полтавской победы в Ворон[ежской] губ[ернии]”, а за ним за “Указатель печатных изданий, вышедших в Воронежской губернии в 1907 году”. Первая работа уже отпечатана, и я получил на днях отдельные оттиски, относительно второй еще ничего не знаю, но будет досадно, если ей опять не окажется места, как было в прошлом году. Отослав две работы для “Пам[ятной] книжки”, принялся я за записки В.Г. Чубинского (о них я Вам уже, кажется, писал), со своими примечаниями, и за “Список питомцев Воронежской дух[овной] семинарии, служивших и служащих не по духовному ведомству”. Первую работу отослал я только дня четыре назад, а над второй придется сидеть еще долго, если только даст для нее сроку Пав[ел] Вас[ильевич] Никольский.

Для второй работы есть за Вами долг – сведения о С.И. Долгополове. К этому долгу прибавьте еще сведения о Николае Сцепенском, который приблизительно в 1885 г. выбыл из 5-го кл. семинарии и, как говорят, поступил в юнкерское училище и вышел в офицеры. Не о нем ли недавно писали, что капитан Нарвского полка Сцепенский уволен, по прошению, в отставку с производством в подполковники? Мне говорили, что вышедший в 1885 г. из семинарии Сцепенский – сын вашего острогожского протоиерея. [На полях помета рукой М.В. Ивченко – «брат»].

Биографических данных о К.Г. Грекове⁵⁵ мне теперь пока не нужно.

Будучи летом в Воронеже, я частенько бывал у Н.И. Поликарпова⁵⁶ и в его библиотеке нашел две книжки Острогожской печати, которые в Ваш список не внесены.

Вот они:

1. Краткое сведение о Дивногорском Успенском монастыре. Острогожск. Типо-лит[ография] М.Ф. Азаровой. 1883. 8 °. Стр. 51

+ изображен[ие] чудотв[орной] иконы Пресв[ятой] Богородицы Сицилийской.

2. Краткий обзор хозяйства имения князя Бориса Александровича Васильчикова при слоб. Нижний Кисляй Павловского уезда Воронеж[ской] губ[ернии]. Острогожск. Типография М.Ф. Азаровой. 1890. 8°. Стр. 13 + 1 диаграмма.

Первая книжка, как мне показалось при беглом осмотре, представляет перепечатку статьи из “Воронеж[ских] Епарх[иальных] Ведомост[ей]”. Очень жаль, что о. Михаил так и не собрался издать Календарь на 1910 г. Давайте спустя немного времени возьмемся за него и попросим, чтобы он пораньше занялся календарем на 1911-й г. Готовые работы, как, напр[имер], Ваша, можно печатать даже и весной с особой нумерацией страниц, и они могут считаться II-м отделом календаря – научно-литературным. У меня в проекте для календаря кое-что уже есть, как, напр[имер], “Г. Острогожск в 1768 году, по описанию Гмелина”, “Замечательнейшие населенные места Острогожского уезда” и др. Думал было пустить в этот раз биографические очерки Острогожских уроженцев и деятелей, да что-то мне кажется, что в этом отношении работа моя будет сходиться с Вашим “Указателем литературы об Острогожском крае”.

Нужен ли Вам “Ворон[ежский] телеграф”? Если нужен, то вышлите бандеролью № 104 за 1903 г. Мне нужны там биографические сведения о М.И. Высоцком⁵⁷.

Видели ли 8-й вып[уск] “Ворон[ежской] Старины”? Там есть несколько статей, посвященных покойному архиепископу Димитрию.

Будьте здоровы. Желаю в новом году еще более плодотворно работать по изучению Острогожского края.

С истинным почтением Ваш Вас. Литвинов.

г.Новохоперск, 6 янв[аря] 1910 г.

Получили ли мою бандероль? Она заключала 3 прот[окола] Ст[атистического] ком[итета], два отч[ета] Музея и оттиск моей статьи.

13.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Благодарю Вас за труд передачи 2 руб. в ред[акцию] “Острогож[ского] Листка”. Газету я начал получать, но только с 4-го №. Пожалуйста, попросите при случае выслать мне и первые

3 №№, а если они в редакции все вышли, то раздоставьте Вы, пожалуйста, мне их. Начав читать Вашу биографию проф[ессора] Климентова, я почувствовал желание приобрести книгу: “Профессор-идеалист”. Скажите, от кого я могу ее выписать и за какую цену. Мне сейчас очень нужен некролог С.М. Левашова⁵⁸, помещ[енный] в “Ворон[ежском] Телеграфе”, 1907 г., № 221. Пожалуйста, или вышлите мне этот номер, или выпишите некролог и пришлите.

Ваш В.Литвинов.

г.Новохоперск, 7/II.1910.

14.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Письмо, посланное особым образом, со всеми к нему приложениями, я получил. Извините, что не ответил тотчас же: дожидался масленицы, когда надеялся написать несколько строк и Вам, и другим своим знакомцам.

В середине февраля я отослал П.В. Никольскому “Список питомцев Воронеж[ской] дух[овной] семинарии, служивших и служащих не по духовному ведомству”. Если не запоздал, то он будет помещен в IX вып[уске] “Вор[онежской] старины”. Закончил его буквою Л. Буду эту работу продолжать, вероятно, на летних каникулах.

В декабре настоящего года исполняется 35-летие Воронеж[ской] учительск[ой] семинарии, того учебного заведения, где я получил педагогическое образование. 10 лет тому назад, когда ему исполнилось 25 лет, я помещал исторический очерк его в газ[ете] “Дон”. Но тогда же я решил к 35-летию собрать материалов побольше и выпустить исторический очерк о семинарии отдельной книжкой. Минувшим летом Д.Г. Тюменев обещал поместить очерк об учительской семинарии в Памятн[ой] книжке на 1911 г. и напечатать в мою пользу 200 экз. отдельных оттисков. Вот теперь я и засел уже за свою семинарию, учительскую, а не за чужую, духовную. Материалы для этой работы я собирал свыше 10 лет. Много различных заметок, записок и вырезок разбросано у меня по разным ящикам, придется все перетряхать и пересматривать. Если при этом будет встречаться попутно что-либо из подходящего к Вашему Острогожскому указателю, то буду записывать на отдельный [листок] и потом пришлю Вам.

По поводу моей работы, вероятно, придется обратиться и к Вам. Только скажите мне наперед, имеются ли при вашем

суде формуляры нотариусов, принадлежавших или принадлежавших к округу Острогожского суда. Историческим очерком Ворон[ежской] учит[ельской] семинарии я теперь только и занимаюсь, если не считать посылаемых изредка в “Вор[онежский] Телеграф” корреспонденций.

Памятн[ая] книжка на 1910 г. вышла только на днях. Узнал я это из объявлений в 2-х последних №№ “Телеграфа”. Ни ее, ни оттисков “Списка изданий 1907 г.”⁵⁹ (если только он напечатан), я еще не получил.

“Острогожский Листок” я пока получаю исправно. №№ 1, 2 и 3 получил тоже.

Вы в одном из предыдущих писем спрашивали меня о III вып[уске] “Трудов Воронеж[ской] Архивн[ой] Ком[иссии]”. Кажется, что этот выпуск не напечатан и доселе. В июне 1909 г. от Стефан [Зверев] говорил мне, что задержка за недостатком как денег, так и свободного времени.

В последнем № “Воронеж[ских] Епарх[иальных] Ведомостей” напечатано обращение П.В. Никольского к духовенству епархии о доставлении материалов для юбилейного сборника по поводу исполняющегося в 1911 г. 50-летия со времени открытия мощей св. Тихона Задонского. Юбилейный сборник будет издан ко дню юбилея церковно-археологическим комитетом. Я еще и раньше задумывал составить литерат[урный] указатель о святителе, уже кое-что по этому поводу собрал, а теперь решил свое намерение продолжать. чтобы к юбилею его закончить. Если Вам будет попадаться что-либо о св. Тихоне, пожалуйста, сообщайте мне.

Желаю всего хорошего.

Ваш Вас. Литвинов.

г.Новохоперск. 26/II.1910 г.

15.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

В.А. Старицын (конторщик винного склада, мой земляк) придет на Пасху в Новохоперск. Если можно, передайте с ним и “Ворон[ежский] Телегр[аф]”. Я в скором времени (вероятно, тотчас же после Пасхи) покидаю Новохоперск: перехожу на службу в губерн[ское] правление, а также и хранителем губерн[ского] музея. Буду Вам писать оттуда. Передайте почтение о Михаилу. Д.Г. Тюменев поручил мне спросить у Вас, нет ли у Вас чего для Пам[ятной] кн[ижки] на 1911 г. Он тотчас бы и начал печатать.

Хочет приложить старание, чтобы книжка выходила раньше, чем прежде. Желаю всего хорошего и весело праздновать. С истинным почтением

Вас. Литвинов.

г.Новохоп[ерск], 15/ІУ. [1910].

16.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

С 15 мая перебрался в Воронеж: поступил в губернское правление и хранителем губерн[ского] музея. Пожалуйста, если Вам возможно, попросите ред[акцию] “Остр[огожского] Листка” высылать мне его теперь по адресу: г. Воронеж, губернское правление, В.В. Литвинову. Советовал бы Вам начать сотрудничать в “Вор[онежском] Тел[еграфе]”. Он мог бы Ваши труды оплачивать, а материалов для газеты в г. Остр[огожске] немало. Желаю Вам бодрости духа, мужественно перенести все невзгоды и верить, что после грозы бывает и ясная погода. У Вас цели жизни есть: и ребенок, и любимое дело. Почтение о. Михаилу. Соберитесь и тисните что-нибудь. Проведайте меня в Воронеже. Ваш

Вас. Литвинов.

Воронеж. 18 мая 1910 г.

17.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Ваше письмо мной получено. Поверьте, я был ему очень рад. Не так давно мы с Вами переписывались чаще, чем в настоящее время. Ведь по своем переходе в Воронеж я получил от Вас только одно письмо, на которое и пишу настоящий ответ. Вы, вероятно, знаете, что, помимо службы в губернском правлении, я состою еще хранителем музея; значит, у меня под руками вся местная литература, хранящаяся в музее. Поэтому, если Вам встретится какая-либо надобность в справках (по составлению библиографии об Острогожском уезде, напр[имер]), то Вы, пожалуйста, не стесняйтесь, пишите мне, всегда готов исполнить Вашу просьбу, при возможности исполнения. Как-то, чуть ли не в июне, виделся с С.Н. Введенским. Он спросил меня, не знаю ли я кого-либо занимающегося собиранием материалов по истории Острогожского края, о чем к нему обращался профес[сор] В.Е. Данилевич⁶⁰, работающий сейчас над историей слободских полков. Я ему (Введенскому) указал на Вас. Не обращался ли к Вам этот Данилевич?

Список питомцев Воронеж[ской] дух[овной] семинарии, служивших и служащих не по духовному ведомству, печатается в настоящее время в IX вып[уске] “Воронеж[ской] старины”, оттиски его получу, когда закончу совсем, так как окончание списка будет напечатано в XI выпуске. В IX вып[уске], между прочим, печатаются автобиографические записки В.Г. Чубинского с моим кратким предисловием. Оттиск этих записок вышлю Вам тотчас же по получении их, вероятно, через месяц. X-й вып[уск] “Вор[онежской] Старины” весь будет посвящен памяти св. Тихона Задонского, в виду истекающего 50-летия со времени открытия его мощей. Для этого выпуска я составляю “Указатель литературы о св. Тихоне”. Если у Вас что-то есть по этому предмету, сообщите.

От[ец] Стефан [Зверев] говорит, что в настоящее время печатаются III и IV вып[уски] “Трудов Арх[ивной] Комиссии”, так ли это, точно не знаю, хотя журналы заседаний Комиссии помещаются в “Губерн[ских] ведомостях”, а обыкновенно оттиски из “Ведомостей” перепечатываются в выпуски “Трудов”. Относительно открытия в Острогжске отделения губернского музея признано в принципе желательным, но вопрос об этом решено закончить, когда музей перейдет в ведение музея [надо: Архивной комиссии. – А.А., Н.К.], а это, в свою очередь, связано с окончательным переходом музея в свое собственное помещение. В настоящее время архивная комиссия занята собиранием материалов, относящихся к жизни и деятельности Н.И. Костомарова, для сообщения о них в предполагаемом особом, посвященном памяти историка, заседании. Г.Н. Яковлев⁶¹ прислал (отчего бы не отметить это в “Ост[рогожском] л[истке]”) фотографические виды Юрасовки, имеющейся там Костомаровской школы и типы крестьян этой слободы.

За моим перемещением из Новохоперска в Воронеж я не получил №№ 19–24 “Острогжск[ого] Листка”. Не поможете ли Вы, чтобы мне редакция их выслала.

Я в настоящее время сижу над историческим очерком Воронежской учительской семинарии. Часть его скоро пойдет в печать. Для этого очерка мне необходимо знать судьбу одного из питомцев семинарии – некоего Вас[илия] Вас[ильевича] Ясеновского⁶². В 1879 г. он окончил курс в семинарии и поступил в военную службу, в гусарский полк. Говорят, что недавно он умер (убился на смотре), и что сведения о нем можно достать в Острогжске; у врача Дьякова. Не потрудитесь ли Вы (если можно, по-

жалуйста) разузнать, в каком полку служил Ясеновский, в каком году (хоть приблизительно) и при каких обстоятельствах умер. Что узнаете, черкните на прилагаемой открытке.

С истинным почтением

В.Литвинов.

г.Воронеж, 23/Х.1910 г.

Пишите, за оттиск о Климентове⁶³ спасибо. Получил его давно, а с рецензией немного запоздал. Говорят еще, что какой-то Ясеновский служит на ст[анции] Острогжск.

18.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Я не спешил отвечать на Ваше письмо, так как на другой же день после получения его в Губернских Ведомостях было напечатано распоряжение об определении Вас на службу в Острогжский уездный съезд с правами государственной службы, а делопроизводитель 1-го стола нашего правления сказал мне, что о том же уже послано сообщение в Острогжск. Значит, по волновавшему Вас вопросу Вы давно уже успокоились, с чем Вас душевно и поздравляю.

Меня очень интересует, чем Вы в настоящее время занимаетесь, конечно, в отношении изучения материалов по истории Острогжского края. Продолжаете ли собирать местную литературу и составлять библиографический указатель?

Вы помните, что я собирался было поместить в каком-либо из местных органов “Указатель отдельных изданий, вышедших в Воронежской губ[ернии] с 1907 года”. Надежда увидеть в печати эту мою работу по многим причинам меня оставила, а потому я советовал бы Вам в “Острогжском Календаре” на 1912 год поместить список Острогжских изданий, в дополнение к тому списку, который Вами уже напечатан в 1909 году.

Напишу несколько слов о своих работах. В прошлом году в IX вып[уске] “Воронежской Старины” мною помещены: записки В.Г. Чубинского с моим предисловием в виде биографии и начало статьи: “Питомцы Воронежской дух[овной] семинарии, вышедшие из духовного звания”. После того я довольно-таки прилежно засел за очерк о Воронежской учительской семинарии, по поводу 35-летней ее годовщины. Большая часть очерка помещена в Памятной книжке Воронеж[ской] губ[ернии] на 1911 г., но в виде авторского гонорара Комитет (статистический) издал мою работу и отдельно (в количестве 200 экз.), куда вошли и две неболь-

ших дополнительных главы. Этот очерк в отдельном издании и отдельные оттиски вышеназванных статей я на днях вышлю Вам, причем прошу об очерке по истории учительской семинарии дать хоть какой-нибудь отзыв в “Острогском Листке”.

В настоящее время я приступил к собиранию материалов для задуманного мною очерка: “Участники Отечественной войны и заграничных походов русской армии 1813-1814 гг. из дворян и уроженцев Воронежской губернии”⁶⁴. Для этого очерка мною уже просматривается архив дворянского депутатского собрания. Но так как весьма много интересного для моего очерка материала имеется и на руках у частных лиц, то я решил, насколько возможно шире сделать известным о предмете моей работы по губернии. Прошу и Вас помочь мне в этой работе: сообщить мне, если у Вас есть, подходящий для меня материал, сообщать об этом при случае другим лицам и посодействовать напечатать в “Остр[огожском] Листке” прилагаемое здесь на отдельном листке мое обращение. Для любимых занятий по местной истории у меня сейчас обстоятельства складываются весьма неблагоприятно. Наш новый советник, Я.И. Генерозов⁶⁵, как только вступил на эту должность, ввел, хотя на это и нет особой надобности, усиленные занятия: от 9 и до 3 час. днем и от 8 до 10 час. вечером. Даже и в праздники не избегаемся от занятий: сидим от 11 до 2 час. Такие занятия (против прежних 5-ти часов, от 10 до 3 час.) отнимают у меня все свободное время, лишают возможности заниматься чтением и местной историей и заставляют иногда подумывать: “А не расстаться ли с губернским правлением?”

Напишите как-нибудь, что поделяваете. Буду рад.

С истинным почтением В.Литвинов.

Воронеж, 1 августа 1911 г.

19.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Не стоит упоминать о тех причинах, которые мешали мне до сих пор ответить на Ваше письмо от 5 июня. Впрочем, виноват: главную из них назову. Это мое выступление в качестве лектора по истории Воронежского края на Воронежских общеобразовательных и Бобровских педагогических курсах. На первых я выступал 1–4 июля, а на вторых 11–15 июля. Про это участие я упоминаю потому, что им я выполнил давнишнюю свою мечту принести на алтарь народного образования хоть какую-либо пользу ре-

зультата своих многолетних занятий по истории местного края. Для выступления на курсах потребовалось порядочно времени. Конечно, главное – накопление специальных знаний – было все достигнуто раньше, в течение чуть ли не двух десятков лет, а теперь потребовалось историю нашего края, чуть не от сотворения мира, изложить, набросить на бумаге для произнесения на курсах в продолжение 10-часовых лекций. На все это я употреблял все свободное время, начиная с марта месяца, за исключением отпуска по службе, когда я путешествовал по губернии. Лекции мои прошли во всех отношениях удачно: сумел я заинтересовать своих слушателей, сумел произносить лекции более или менее гладко, заработал около 300 руб. и получил от слушателей курсов два букета цветов, 3 тома “Курса русской истории” В.Ключевского и серебряный порт-сигар.

Перехожу теперь к содержанию Вашего письма.

По получении я стал расспрашивать знакомых мне местных старожилов, не знал ли кто из них Людм[илу] Кондратову. Ответ ото всех получался отрицательный. На днях с таким же вопросом я обратился к Влад[имиру] Ник[олаевичу] Тевяшову⁶⁶ (он в настоящее время здесь). Он стал припоминать и сказал мне, что в 1870-х гг. начальником Острогжской тюрьмы состоял некто, фамилия которого чуть ли не Кондратов. Этот Кондратов (если только такова была его фамилия) занимался стихоплетством и издал в Острогжске книжку своих стихотворений с посвящением ее Острогжскому купцу Васильеву, давшему средства на издание⁶⁷. Книжка стихотворений Кондратова имеется у В.Н. Тевяшова, и он обещал ее выслать Вам из Колыбелки, куда он на днях поедет. Для того, чтобы В.Н. Тевяшов не забыл свое обещание, Вы напомните ему хоть открыткой, адресуя ее на Колыбелку. Кажется также В.Н. Тевяшову, что у Кондратова была дочь, которая тоже занималась стихотворством. Твердо он, однако, этого обстоятельства не помнит. “Дон” за 1871 г. я никак не могу найти, так как вещи, перевезенные из старого помещения в новое, свалены в последнем в такую беспорядочную кучу, что в ней ничего не найдешь. Но рецензию о “Кающемся Грешнике” я раньше читал и помню, что в ней нет никаких биографических сведений об авторе поэмы. “Словаря” Венгерова⁶⁸ в нашей публичной библиотеке имеется только один том на А.

Когда отыщу “Дон” за 1871 г. и просмотрю интересующую Вас заметку, то сообщу дополнительно. “Словарь” Венгерова тоже

поищу. Нет ли его у заведующего отделом народного образования губернского земства К.Н. Березникова⁶⁹. Он интересуется и собирает всякого рода библиографическую литературу.

Посмотрел сейчас имеющуюся у меня книгу (тоже библиографического характера) А.В. Мезьер: “Русская словесность с XI по XIX ст. включительно”. В ней имеется следующее:

Кондратова Л. Кающийся грешник. Современная поэма в стихах. Воронеж, 1871. Современные песни. Спб., 1873, – и только.

При личном свидании я, кажется, Вам говорил, что в моей библиотеке имеется следующая книжка: “Страдание, суд и крестная смерть Господа нашего Иисуса Христа”. Поэма в стихах Людмилы Кондратовой. Спб., 1888.

Вообще, видимо, относительно этой книжки еще придется покопаться.

Думаю, что в виду современных событий едва ли о[тец] Михаил будет издавать в нынешнем году “Календарь”, а потому и не предполагаю братья за статью для него.

За архивными делами городского училища думаю обратиться к Панкр. Вас. сам, а пока при встрече Вы ему передайте, что мы квартиру переменили, и адрес теперешней квартиры нашей: Поднабережная, дом № 1.

По моем приезде в Воронеж было только одно заседание архивной комиссии, и вызвано оно было вопросом об отдаче помещения музея губернскому земству для нужд больных и раненых воинов. Текущих вопросов на нем не обсуждали и только по предложению одного из членов решили избрать в члены безусого подпоручика Ярцева⁷⁰, который через два дня после этого отправился на театр военных действий. Избрали его и в виду некоторых его работ по музею и чтобы доставить ему приятное при отъезде на войну.

Я в настоящее время работаю для будущей Памятной книжки над статьями: “Летопись событий по Воронежской губернии с 1883 по 1892 г.” и “Памятники императору Александру II, открытые в Воронежской губернии. Одна статья “Новые материалы для биографии М.Ф. Де-Пуле” сдана Д.Г. Тюменеву раньше.

При случае собирайте сведения для моих дополнений к “Питомцам Воронежской дух[овной] семинарии”.

Прошу передать почтение Глебу Николаевичу и о[тцу] Михаилу.

Искренне Вас уважающий В.Литвинов.
г.Воронеж, 4 августа 1914.

Завтра выезжаю в уезд: командирован своей земской управой для обследования в 3-х волостях экономического положения семей лиц, призванных на войну. Пробуду в уезде дней 10.

20.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

30 июля рассчитываю быть в Острогожске. Тогда поговорим и относительно содержания Вашего последнего письма. Не ощущается ли в Вашей личной библиотеке недостатка из изданий наших музея, архивной комиссии и церковно-археологичес[кого] комитета. Может быть, у Вас нет какого-либо вып[уска] “Воронеж[ской] старины”? Напишите об этом хоть открытку, и я захвачу с собою.

С истинным почтением Вас. Литвинов.

Воронеж, 21 июля 1915 г.

21.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

От г-жи Диденко⁷¹ я получил брошюру Жилина⁷² и издания Ковалевского⁷³. Собираюсь все ему написать благодарность от имени комиссии по устройству музея. Достать Вам вып[уски] 8 и 13 “Воронежской Старины” в настоящее время почти невозможно. Библиотека церковно-археологического комитета и издания его находятся в помещении духовной консистории, в нижнем этаже. Летом, когда из Воронежа разъезжаются, ключ от означенного помещения почти всегда находится у меня. Но теперь ключ взял себе председатель комитета Т.М. Олейников⁷⁴. Кроме того, как он сообщил мне недавно, первые две комнаты занимаемого библиотекой помещения отданы под эвакуированную сюда Подольскую дух[овную] консисторию, а вся библиотека сложена в третьей, задней, самой маленькой комнате и найти в ней то, что нужно, весьма трудно. При первом же удобном случае постараюсь, однако, найти нужные Вам книги и переслать.

Как-то видел Д.Г. Тюменева. По его словам, уже закончено печатание статистического обзора губернии и Вашей статьи, печатается небольшая статья Н.Н. Пантелеевского⁷⁵ и доходит очередь до моей статьи – обзор событий по Воронежской губернии за 1893–1902 гг. Одновременно с тем началось и печатание адрес-календаря.

Будучи в Острогожске, я искал рассказ И.К. Асоченского⁷⁶ “Завидный жених” в “Русск[ой] Мысли”. Недавно мне сказали,

что он был напечатан в “Русск[ом] Богатстве”. Пожалуйста, поищите его в этом журнале за 1884–1886 гг. и если найдете, сообщите мне.

В одном из томов энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона и в “Русск[ом] биографическом словаре” (изд[ание] Императорского Русск[ого] Историч[еского] Общества) я только недавно вычитал, что известный в свое время художник Пим[ен] Никол[аевич] Орлов⁷⁷ был уроженцем Острогожского уезда. Не известно ли что-либо о нем Вам или Глебу Николаевичу? Сообщите, что известно. Недавно мне принесли и предложили купить “Воронежский Листок” за 1865 г. Экземпляр оказался полным и в переплете. С удовольствием заплатил за него 3 руб. В № 17 нашел стихотворение “Матери” за подписью Людмилы Кондратовой.

Для очередного выпуска “Воронеж[ской] Старины”, который уже начал печататься, я готовлю дополнение к своей статье “Питомцы Воронеж[ской] дух[овной] семинарии, вышедшие в светское звание”. Не откажите, пожалуйста, в сообщении о преподавателях вашей гимназии – Самбикине и Черткове⁷⁸, которые принадлежат к питомцам той же семинарии, а может быть и еще кого найдете. Есть при Острогожском окружном суде кто-то Васильевский; не из духовных ли он?

Если у Вас имеется сведений о капитане Дегтяреве⁷⁹ больше того, что напечатано в “Ворон[ежском] Телегр[афе]” и “Острогожском Листке”, то сообщите мне, пожалуйста, имейте в виду, что я собираю сведения об участниках текущей войны.

Выписываю Вам на отдельный листок краткий некролог П.А. Лесницкого⁸⁰, перепечатанный в “Ворон[ежском] Телегр[афе]” из П.К. (вероятно, Приазовский край). Я в настоящее время работаю только над “Обзором событий...” и подбираю материалы для истории г. Новохоперска. Я уже, кажется, писал Вам, что эту историю по недосугу пришлось мне отложить до будущего года.

В “Дону” и в “Воронеж[ском] Телегр[афе]” имеются небольшие некрологи директора Острогожской гимназии К.И. Турчаковского⁸¹. В них указывается, что он был деятельным, что он читал лекции в Острогожске и что он составил учебник географии.

Затем желаю Вам всего хорошего.

Не откажитесь сообщить, о чем прошу в настоящем письме.

Ваш В.Литвинов.

Воронеж, 16–XI–1915.

22.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Наша архивная комиссия решила устроить выставку, посвященную текущей войне, выработала для этого особую программу и по одному экземпляру выслала Вам и Глебу Николаевичу. Между тем Вы в последних двух письмах ко мне ничего о выставке не пишете. Неужели не получили программы? Впрочем, и без программы присланные Вами материалы пригодятся для выставки, так как обе карточки Карманова я передал в музей, а на выставке они будут находиться в отделе “Участники и герои войны”. Однако, все-таки этого мало, и Вы, пожалуйста, пропагандируйте в Острогожске мысль о значении выставки (она носит название “патриотической”) и о необходимости принять в ней участие. В Воронеже выставка завоевывает общие симпатии. Решили в ней принять участие все учреждения, возникшие в связи с войною и учреждения, которые так или иначе работали на армию. Некоторые учебные заведения (кадет[ский] корпус, среднетехническое училище) будут иметь на выставке свой особый уголок, а некоторые учреждения, помимо представления на выставку предметов, жертвуют на устройство ее и денежные пособия. Вообще работа по устройству выставки сейчас в самом разгаре.

Удовлетворить просьбу матери покойного Карманова⁸² относительно помещения его портрета в “Ниве” или еще где-либо, я думаю, возможно, но только после выставки: сейчас не до того. По той же причине я не могу сделать выписки некрологов Турчаковского, а №№ “Дона” и “Вор[онежского] Телеграфа”, в которых помещены эти некрологи, сообщу в скором времени открыткой.

Отдельный оттиск Вашей статьи я получил, за что приношу Вам мою искреннюю благодарность. Статья очень интересная. Советую послать один экземпляр, а также и биографию П.С. Климентова, С.А. Венгеру. Для предпринятого им словаря такие работы очень ценны. Пошлите бандеролью и сделайте на обложках оттисков надпись – такому-то от автора. Советовал бы я послать и свою автобиографию (краткую), а если стесняетесь это сделать, то пришлите ее мне, а я ему вышлю ее вместе с другими материалами.

Наименование Вас на конверте действительным членом комитета, вероятно, ошибка канцеляриста, так как Вас в члены комитета еще не избирали. Обычно это делается в годичных заседаниях по предложению Д.Г. Тюменева.

Для “Пам[ятной] книжки” на 1916 г. я было приготовил “Обзор событий по Воронежской губ. с 1893 по 1903 г.” и “К 200-летию Новохоперска (1716–1916)”. Первую статью, в виду ее обширности и затруднениях в печатании, Тюменев отказался помещать, а вторую (небольшая заметка) обещал, но помещена ли она – не знаю. Д.Г. [Тюменева] давно не видел.

Как мне передавали, “Пам[ятная] книжка” выйдет в свет не раньше конца этого месяца.

Я все никак не выберу времени засесть за историко-статистическое описание города Новохоперска. Читал как-то предисловие к этой работе в заседании архивной комиссии, решено напечатать мою работу за счет комиссии; так что печатание ее как будто обеспечено, и дело только за мною.

У меня есть хороший знакомый, студент Московского университета, Борис Петрович Княжинский⁸³, работающий по истории Усманского уезда. Он уже напечатал несколько работ по истории г. Усмани. Советую Вам послать оттиск своей статьи в обмен на его. С 24 марта по конец Пасхи он будет жить на родине. Адрес его: Г. Усмань, дом священника Княжинского. Говорят, преподаватель Острогжской гимназии Ефремов⁸⁴ тоже из питомцев Воронежской дух[овной] семинарии. Узнайте, пожалуйста, и, если это так, сообщите его формуляр.

Желаю всего хорошего.

С истинным почтением В.Литвинов.

Воронеж, 13–III–1916.

23.

25 августа 1916 г.

Многоуважаемый Михаил Васильевич.

“В дни войны” считается органом организаций не одного только Воронежа, но вообще всех организаций Воронежской губернии, возникших в связи с войною. Поэтому-то у нас решено высылать (и высылается) журнал бесплатно городским и земским управам в надежде на то, что они дадут для него какой-нибудь материал и вообще как-нибудь будут его поддерживать. Вплоть до настоящего времени ничего от них пока не видим, а главное материала.

Вообще наш журнал страдает малым числом сотрудников. Некоторые еще не возвратились с фронта, а некоторые, подогрев других, углубились в деятельность по части кооперации, сделавшись одними из деятельнейших членов общества “Соли-

дарность". В результате, как Вы и сами видите, журнал главным образом держится работами Фомина⁸⁵ и моими. Конечно, если нам и в дальнейшем не будут оказывать помощь, то наше издание прекратит свое существование. И очень будет жаль. Присылайте, пожалуйста, сведения о деятельности уездного комитета и сельских. Будем очень благодарны. Присылайте также мелкие сообщения. Присланная [заметка] будет помещена в ближайшем №.

Не нужно ли матери покойного Д.Д. Карманова несколько экз[емпляров] № 3 нашего журнала, в котором помещена биография ее сына. Напишите об этом, и я вышлю.

Сведения о Маршеве (а может быть, и о Дехтереве) можете прислать в готовом обработанном виде, и мы поместим их за Вашей подписью. Лучше, если к биографии присоедините фотографию и письма.

Д.Г. Тюменев из отпуска давно возвратился. Как-то давно он говорил мне, что в виду дороговизны бумаги и печатания он едва ли в Памятной книжке на 1917 г. поместит литературно-научный отдел.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренно Вас уважающий В.Литвинов.

P.S. В нынешнее лето я получил отпуск только на 10 дней и за это время успел посетить Новохоперск и слоб. Калач. Пропагандировал идею своего журнала, просил о сотрудничестве; в результате приобрел трех подписчиков, но на счет сотрудничества – одни обещания.

24.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

Ваш отчет получен. Решено печатать его в журн[але] "Дни войны" отдельными очерками и с некоторыми сокращениями. Никакого труда Семенникова я не знаю. Думаю, что он действительно относится к г. Острожску, а не Острогожску. Скорее всего автор заметки в "Правит[ельственном] Вестн[ике]" смешал Острожск с Острогожском. Интересно было бы это выяснить. Дмитр[ий] Герас[имович Тюменев] недавно при встрече опять сказал, что литературного отдела в Пам[ятных] книжках он печатать не будет. Для вящего подтверждения спросите и Вы его хоть открыткой.

С истинным почтением Вас. Литвинов.

г.Воронеж, 24-IX-1916.

25.

Многоуважаемый Михаил Васильевич.

С 1 января настоящего года я состою уполномоченным Книжной Палаты по Воронежу и Воронежской губернии, на моей обязанности лежит сообщение этой Палате всевозможных сведений, касающихся книжно-газетно-издательского дела. Как раз перед посылкой Вам письма я получил от Палаты запрос сообщить ей списки вышедших в Воронежской губернии периодических изданий и отдельных, а также списки существующих в губернии типографий, издательств и книжных магазинов. Чтобы выполнить с возможною полнотою свои обязанности я и обратился по уездным городам нашей губернии к своим знакомым, в том числе и к Вам, с просьбой сообщить мне нужные сведения. Вторично прошу Вас об этом, т.е. уведомить меня, какие существуют в Острогожске а) периодические издания, с указанием количества экземпляров, б) типографии, с указанием названия, их владельца, количества рабочих, в) книжные магазины, г) общественные библиотеки, с указанием приблизительного количества томов, а также список вышедших в Остр[огожске] отдельных изданий, с указанием их количества.

Теперь отвечу на вопросы Вашего письма.

В 1918 г. наша архивная комиссия предполагала издать список изданий, вышедших по губернии в 1917 г. и для этого-то издания просила Вас прислать список Острогожских изданий. Однако предположение комиссии не осуществилось, и Ваша работа лежит, несомненно, при переписке по этому вопросу.

Наш губернский музей перешел в ведение губернского отдела народного образования (музейный подотдел), а Ст. Зверев отстранен от заведывания им (кажется, в виду сана), в качестве работников по музею коллегией отдела приглашены два профессора университета (Петухов⁸⁶ и Фельсберг⁸⁷), я, М.К. Паренаго⁸⁸, И.Ф. Алмазов⁸⁹ (художник) и В.С. Ярцев. Нами же, по предложению отдела, заведывающим музеем избран М.К. Паренаго. Архивная комиссия, можно сказать, не существует, хотя официально она и не закрывалась. Дело в том, что профессор по кафедре истории И.И. Лаппо-Данилевский⁹⁰, по поручению главархива, взял на себя звание заведывающего всеми архивами в губернии, образовал особую канцелярию и принимает, насколько это возможно, меры к сохранению существующих архивов и к описи находящихся в музее. И он, и его канцелярия работают в помещении музея, на третьем этаже, а поступающие архивы размещаются тут же, в сараях.

Музей наш значительно расширился и обогатился, особенно его художественная часть (картины, фарфор, посуда и проч.).

Из одной заметки в “Воронеж[ском] Телеграфе” за 1876 г. мне пришлось узнать, что брат Людмилы Кондратовой, Валентин Кондратов, в 1870-х гг. служил в канцелярии Острогожского окружного суда⁹¹. Не найдется ли что о нем в архиве этого суда, покопайтесь. Ведь, вероятно, некоторые данные о нем будут хотя маленькими данными и для биографии его сестры.

В Воронеже проживает писательница Н.А. Милицына⁹², говорят, она уроженка Острогожского уезда. Верно ли это?

“Воронежскую старину вышлю на ближайших днях.

Всего хорошего.

Уважающий Вас В.Литвинов.

Имеется ли в Вашей личной библиотеке следующая книга: “Помощь. Литературный сборник, изданный в пользу сирот воинов. Гор. Павловск, Воронежской губ[ернии]. 1916 год. Типография “Печатный труд” в г. Коротояке. 1916.

Издатель этого сборника – священник слободы Белогорья Острогожского уезда Николай Рыков. Не можете ли Вы мне сообщить день смерти от. Николая Сильченкова⁹³.

4.8.1919 [датируется по почтовому штемпелю].

26.

Многоуважаемый Михаил Васильевич!

В августе был я командирован в Москву на курсы по музееведению, и там, будучи отрезан от Воронежа во время занятия его белыми, пробыл поневоле 4 месяца. Только 13 декабря имел возможность выехать домой. Дорогой перетерпел много всяких невзгод, схватил ревматизм и теперь лежу в постели. Только недавно стало мне лучше, и я имею возможность читать и писать. Пользуясь этим, я решил написать Вам пока несколько строк и повторить свою прежнюю просьбу: сообщите, пожалуйста, мне: 1) список отдельных изданий, вышедших в Острогожске в 1919 г., 2) список периодических изданий, выходящих в 1919 г., 3) список таковых же изданий, выходящих в настоящем году, 4) список существующих в О[строгожске] типографий. Пожалуйста, исполните мою просьбу; буду очень благодарен.

Если в О[строгожске] вышло что-либо интересное из печати, вышлите мне, напр[имер], № газеты, выпущенной союзом газетных сотрудников.

Над чем Вы в настоящее время трудитесь? Конечно, в виду невозможности печатания, собираете лишь материалы до более благоприятного времени. Этим занимался я и буду заниматься, когда поправлюсь.

В нашем музее много новых приобретений, много работы, но я пока туда еще не показывался. Кажется, Вам известно, что я оставил службу в уездном отделе народного образования и службу только в музее, где в настоящее время состою заведующим отделом рукописей и книжных древностей.

Слышали ли Вы, что Вл[адимир] Н[иколаевич] Тевяшов умер? В последнее время бедняга натерпелся и холода и голода и был обворован, пропало немного и ценных книг.

Пока всего хорошего. Пишите.

Ваш В.Литвинов.

3/II.1920. За “Воронеж[скую] Старину” при случае вышлите 20 руб. Адрес: Поднабережная, дом № 1.

27.

Многоуважаемый Михаил Васильевич.

Писал Вам месяц тому назад по почте, но ответа нет. Очевидно, письмо мое не получили. Пользуюсь случаем и передаю это письмо чрез москвичей. Сообщите мне, пожалуйста, список острогожских изданий 1919 г. и список острогожских типографий, а также сообщите, что у Вас издается в настоящем году и что издано отдельно.

Не добудете ли и не вышлите ли Вы мне при случае по несколько экз[емпляров] следующих №№ “Известий Острогж[ского] военно-революцион[ного] комитета” №№ 1–13 и 30, “Острогж[ской] бедноты” №№ 7, 8, 20, 21, 22, 25 и 28 и “Известий Острогж[ского] уездн[ого] исполн[ительного] комитета совета...” №№ 1, 2, 6, 7, 8, 15, 16, 20, 45, 86, 87, 98, 99, 132, 133, 135, 136 и 138. Если всех не добудете, то хоть каких-нибудь.

Добыл для Вас (купил на базаре) “Юбилейный сборник Воронежск[ского] церк[овного] истор[ико]-арх[еологического] комитета”, но вышлю в следующий раз: сейчас под руками нет⁹⁴.

Извините, что пишу мало. Застигнули меня врасплох и писать некогда.

Ваш В.Литвинов.

14/III. 1920 г.

28.

Многоуважаемый Михаил Васильевич.

На днях послал Вам письмо с московским эмиссаром. Теперь шлю с Дегтеревым; с ним же посылаю “Юбилейный Сборник”, изд[анный] церковно-археологическим комитетом. Посланная Вам “Воронеж[ская] Старина” куплена мною за 25 р., а “Юбилейный Сборник” за 5 р.

Прошу вновь о присылке мне острогожских изданий за 1919 г. и временами присылать издания 1920 г., а также сообщить, какое периодическое издание выходит в настоящее время.

Список Ваш изданий 1917 г. находится при делах архивной комиссии. Предполагалось включить его в списки изданий 1917 г. по всей губернии и напечатать, но это не выгорело.

Сообщаю свежую новость: вчера умер о[тец] Стефан Зверев от сыпного тифа.

Известно ли Вам, что теперь архивная комиссия не существует, а вместо нее функционирует главное управление архивными делами по Воронежской губ[ернии], а уполномоченным главархивом состоит Конст[антин] Ник[олаевич] Лукьянчиков⁹⁵. Вам следовало бы с ним как-нибудь снестись; он выдал бы Вам какую-либо бумагу по Острогожскому уезду. Как мне говорил Лукьянчиков, на хранение и описание архивов теперь отпускаются порядочные средства. Напишите мне еще, какие воронежские издания для Вас нужно разыскать. Ваш список по этому вопросу мною затерян. Я еще никак не поправлюсь после московской голодовки и болезни.

Ваш В.Литвинов.

17/III. 1920 г.

29.

Многоуважаемый Михаил Васильевич.

Посылаю Вам вырезку с некрологом бывшего председателя Острогожского окружного суда Сольского.

Сообщите мне при случае, что имеется в Вашем словаре острогожцев о покойном секретаре Воронежской уездной земской управы А.И. Белозорове⁹⁶.

Над чем сейчас работаете?

Все собираюсь захватить в Острогожск. Постараюсь тогда обязательно повидаться с Вами.

С истинным почтением В.Литвинов.

6/IV.1924.

30.

Глубокоуважаемый Михаил Васильевич.

В настоящее время у одного букиниста имеются “Материалы по истории Воронежск[ой] и соседних губ[ерний]” Вейнберга⁹⁷, выпуски X, XI, XII, XIII и XIV. Выпуск X оценивается в 50 коп., а остальные в 60 коп. Если Вам какой-либо из них нужен, сообщите.

На днях выйдет из типографии (пока мы его получили только несколько экз[емпляров]) “Сборник” нашего музея, который при случае я Вам вышлю.

Наш “Краеведческий Сборник” обратился в ежемесячное издание. Будет выходить под редакцией С.Н. Введенского. Скоро выйдет № 1-й.

Имеются ли у Вас сборники, издаваемые губернской плановой комиссией? Сборники очень интересные, хотя содержат в себе статьи естественно-исторического характера. Статьи культурно-исторического содержания находят себе приют в наших краеведческих сборниках.

Таковы наши литературные новости.

Желаю всего хорошего.

В.Литвинов.

8/VIII.1925 г.

31.

Многоуважаемый Михаил Васильевич.

Посылаю Вам 5 выпусков “Материалов” Вейнберга (вып. X, XI, XII, XIII и X IV), за которые уплачено мною 3 р., так как букинист запросил за каждый выпуск по 60 коп. и больше ничего не уступал. Посылаю еще подвернувшиеся под руку 3 брошюры старого издания. Если они у Вас есть, то передайте их в музей.

Так как “Материалы” посылаются мною по случаю, то у меня остаются предназначенные Вами на пересылку 50 коп. Их я употреблю на покупку (если будет случай) тех книжек, которые Вы перечислили в своем письме. На ближайших днях выйдет из печати новое издание “Известия Воронежск[ого] Краеведческого О[бществ]а”. Оно будет выходить ежемесячно, в размере 1-1 1/2 печ[атного] листа каждый выпуск. На это издание можно подписаться: цена ему 2 руб. в год с пересылкой.

Имеются ли у Вас каталоги тех выставок, которые устраивала когда-то архивная комиссия (Петровск[ая], Кольцовск[ая],

Костомаровск[ая], Болховитиновск[ая], Никитинск[ая]). Если какого нет, напишите – перешлю.

Всего хорошего.

С истинным почтением В.Литвинов.

19/VIII.1925 г.

32.

Многоуважаемый Михаил Васильевич.

3-й и вновь вышедший 4-й выпуск “Извест[ий] Ворон[ежского] Краев[едческого] Общ[ества]” даны С.Н. Введенским Г.Н. Яковлеву, и он Вам их доставит. Сборников “Народное хозяйство Средне-Черноземной области” до последнего времени вышло 4-ре выпуска, но первый из них стал уже библиографической редкостью и его для продажи не имеется даже при самом губплане, остальные три выпуска продаются по 3 р. 50 коп., но секретарь союза краеведческих организаций при губплане Н.Н. Калинин сказал мне, что ему дано право продать некоторое количество этих сборников для лиц, интересующихся краеведением и получающих небольшое содержание, и что он может продать для Вас сборники за эту же цену. Таким образом, дело остается только за присылкой Вами денег. Должен, однако, сказать Вам следующее. Губплан, помимо этих сборников, издал 2 тома “Материалов по районированию Ц.-Ч области” (ценою по 6 р.); губстатбюро издало и издает то же ряд трудов краеведческого характера, университет выпустил первый том своих трудов и скоро собирается выпускать 2-й том. С-Х институт, выпустивший доселе своих “Трудов” 4-ре выпуска, тоже собирает материалы для 5-го выпуска. Недавно вышел из печати т. I, вып. II “Бюллетеня Общ[ества] естествоисп[ытателей] при Ворон[ежском] Госуд[арственном] Унив[ерситете]”, не в далеком будущем появится из печати и другой. Не забудьте еще и наше “Краеведч[еское] общ[ество]”, которое, помимо “Известий”, собирается издавать и сборники.

Так вот, в состоянии ли мы с Вами угнаться с нашими ресурсами за выходящей из печати краеведческой литературой?

Впрочем, Вам свой карман виднее; прошу извинить за некоторого рода совет и предостережение.

За сведения о А.А. Сафонове⁹⁸ приношу благодарность. Каким-то образом личность его проскользнула мимо меня. Заинтересовался им, наткнувшись на его статью в журн[але] “Природа и Охота”.

Всего хорошего. Одному букинисту дал задатку 50 коп. отыскать “Воронику”. Г.Н. Яковлев расскажет Вам о конференции. Прошла сравнительно интересно.

В.Литвинов.

27/X 1925 г.

33.

Многоуважаемый Михаил Васильевич.

Вы, вероятно, уже получили два №№ “Известий Краеведческого общества”, и 3-й выпуск “Воронежского Краеведческого Сборника”. Издания эти должен выслать Вам С.Н. Введенский, которому я передал стоимость их и который сказал мне, что он постарается выслать книжки немедля. Пользуюсь случаем – приездом Г.В. Еременко⁹⁹ – и посылаю Вам, во-первых, недавно изданный “Сборник” нашего музея, а во-вторых, те старые издания, которые имеются в нашем музее и которых, вероятно, нет в Вашем собрании.

Каталог Болховитиновской выставки, как увидите, с дефектом – нет конца, но лучшего у нас нет, все, что имеем, с такими же недостатками.

“Вороники” лишней нет. Имеется и у меня один экземпляр, и в музее один. На базаре и у букинистов почти не попадает. Главный виновник по составлению этой книжки, инженер Ф.К. Рындин¹⁰⁰, ныне живущий в Москве, присылал оттуда как-то просьбу об отыскании для его знакомого одного экземпляра этой книжки, и не нашли. Буду ждать случая, если он будет, приобрету книжку для Вас. Ваших денег у меня сейчас 80 коп. (50 коп. от прежней присылки и 30 к. от последней). Сообщите мне, был ли помещен и где именно некролог А.А. Сафонова, автора нескольких статей об охоте в журнале “Природа и охота”. Сотрудничал ли он где, помимо этого журнала?

Желаю всего хорошего.

С почтением В.Литвинов.

28/IX.1925 г.

34.

Многоуважаемый Михаил Васильевич.

В области краеведческой литературы нового у нас пока ничего нет. “Сборник” так и застыл на № 3-м, а “Известия” на 4-м, хотя в настоящее время 5-й выпуск печатанием уже закончен.

Посылаю Вам “Известия Воронежского краеведческого общества”, о высылке которого Вы просили открыткой, “Воронику”, которую удалось мне раздоставать за тот остаток Ваших денег, который был у меня, и одну книжку издания Губстатбюро. Если последняя у Вас имеется, передайте ее в Музей.

Сообщите, собираете ли Вы издания губстатбюро и что у Вас имеется из его изданий. У меня имеется кое-что из этих изданий в излишнем количестве и я могу их выслать Вам, напр[имер], “Грамотность”.

Выберите время и сообщите мне список лиц, издавших в Острогожске сборники рассказов и стихотворений, за исключением Вас и Мадатовой, а также иных лиц, которые значатся в Вашем списке Острогожских изданий.

Кстати, известно ли Вам, где теперь Мадатова¹⁰¹.

Недавно был с группой учителей и учительниц в Москве, прожил там 10 дней. Посетил музеи многих своих знакомых. Познакомился и установил письменную связь с Ил[ьей] Мих[айловичем] Картавцевым¹⁰², служащим в Московской Центральной книжной палате и занимающимся кое-какими библиографическими работами.

Желаю всего хорошего.

Искренно уважающий Вас В.Литвинов.

г. Воронеж. 1925 г. 7 декабря. Предполагаю проехать на днях в Бутурлиновку и Калач. Вблизи Калача, в с. Рудне, надо, между прочим, установить, что осталось после смерти художника М.Л. Щербатова¹⁰³.

35.

Многоуважаемый Михаил Васильевич.

С Г.В. Еременко посылаю Вам 1) “Изв[естия] Ворон[ежского] Краев[едческого] О[бществ]а”, № 5 (передано С.Н. Введенским), 2) “Отч[ет] Ворон[ежского] Губ[ернского] Эконом[ического] Сов[ета]” за 1922–1923 гг. и 3) “Статистич[еский] Бюллетень” 1923 г., № 1. Последние две книги оказались третьими экземплярами в библиотеке нашего музея. Больше пока ничего нет из того, что Вы перечислили в своем письме. Кое-что попадалось мне иногда у букинистов и за недорогую цену, поэтому, если имеете возможность, вышлите рубля 2–3, буду при случае приобретать для Вас. Также, что будет попадаться среди поступлений в музей в виде 3-го или 4-го экз[емпляра], буду передавать Вам в силу

нашего с Вами взаимного сотрудничества. Кстати, посмотрите у Еременко переданные мною для Острогжского музея брошюры, если они Вас заинтересуют, могу доставить и Вам.

“Вороника”, правда, не особенно содержательна, но она стала очень редка, у меня запрашивал ее даже сам составитель Рындин, ныне проживающий в Москве.

Пришлите в наш музей что-либо из имеющихся у Вас лишних изданий г. Острогжска.

Книжку Брука поищу, если не найду на рынке, спрошу у автора и о стоимости сообщу. Книжка эта в большом ходу и спросе, особенно среди студентов-экономистов. Чтобы не приобрести для Вас что-либо уже из имеющегося у Вас, сообщите список (т.е. издания по экономике и статистике за последние годы).

Второва¹⁰⁴, Вейнберга и “Пам[ятную] кн[ижку]” на 1865–66 г. буду искать.

Мне нужны не издатели, а авторы. Поэтому не откажитесь сообщить краткий список острогжцев, которые являются авторами стихотворений, рассказов и повестей (кроме общеизвестных), с указанием времени рождения и кончины, места издания их произведений и тех периодических изданий, в которых они сотрудничали. Не забудьте сообщить, когда умер И.М. Поляков¹⁰⁵ и о Михееве¹⁰⁶, о котором у меня очень мало сведений.

Просимое нужно мне для составляемого мною словаря воронежцев. Боюсь, как бы кого не пропустить. Список составляю пока краткий. Когда буду составлять полный, вновь придется обратиться к Вам относительно тех лиц, о которых у меня мало сведений. А может быть, к тому времени Вам посчастливится издать своих острогжцев, и тогда я воспользуюсь уже напечатанным Вашим трудом. С.Н. Введенский статью Вашу получил, собирается ее печатать, только морщится, что она велика.

Я Вам, кажется, писал о своей поездке в Москву. Приобрел новое знакомство в лице И.М. Картавцева, служащего в Книжной палате. Обещал мне всяческое содействие в моих работах, подарил мне кое-какие новейшие библиографические издания, а теперь стал высылать мне журнал “Научный Работник”, в который просил сообщать сведения (для хроники) о научных новостях по г. Воронежу.

Не поищите ли Вы для меня в архиве бывш[его] Острогжского уездного [училища] формуляр учителя Николая Степановича Захарова († в 1896 г.). Он служил одно время в Новохоперске, и

мне нужно бы иметь о нем хоть какие сведения. А может быть в куче Ваших материалов найдется и еще о каком-либо новохоперце. Имейте в виду, что я их ищу, тем более, что временами нет-нет да и подвигаю вперед историю родного города. Прежде всего, взялся за историю учебных заведений.

Спешу заканчивать письмо. Вот-вот откроется годовичное заседание краеведческого общества. Обещал на него притти Еременко, надо вручать ему и писание сие и книжки.

Всего хорошего.

С истинным почтением В.Литвинов.

15/XII.1925. Воронеж.

36.

Многоуважаемый Михаил Васильевич.

Посылаю Вам, что добыл, а именно:

1) Вестн[ик] Юго-Вост[очных] ж[елезных] д[орог]. 1925 г., № 24.

2) Вестн[ик] Ворон[ежского] Губпрофбюро, 2 №№, и

3) Бюллетень ВНО, 1925 г., № 1.

Первую книжку подарил мне один знакомый железнодорожник, остальные нашел излишними среди собрания музея.

Наше краеведческое общество совсем застыло: сборники остановились на 3-м выпуске, а “Известия” на 6-м №. Причина – отсутствие средств, так как все учреждения, дававшие в прошлом году хотя небольшие субсидии, в настоящем году отказали в продолжении выдачи таковых.

Когда будете с деньгами, вышлите хотя небольшую сумму. Может быть, найду для Вас на толкучке что-либо из старых изданий. “Акты” Второва, вып. 3, “Петровские акты” Яворского¹⁰⁷ и проч., о чем Вы писали, хотя редко, а иногда появляется что-либо интересное из старых изданий, а иногда и из новых.

Привет Г.Н. [Яковлеву] и Г.В. [Еременко].

Всего хорошего.

В.Литвинов.

25/IV.1926. Воронеж.

37.

Многоуважаемый Михаил Васильевич.

Как “Изв[естия] Ворон[ежского] Краеведч[еского] Общ[ест]ва”, так и “Краеведч[еские] сборники” закончили свое существо-

вание на тех №№, которые доставили Вам при моем посредстве (первые на № 3–5 за 1927 г., вторые на № 4). Продолжение моего “Указателя” предполагало издать то же Ворон[ежское] краев[едческое] общ[ест]во, но теперь оно на пути к реорганизации (одна из причин статья о С.Н. Введенском в № 218 “Коммуны”¹⁰⁸) и печатание моей работы, естественно, затормозится. Теперь есть мне предложение составить “Указат[ель] литерат[уры] по ист[ории] револ[юционн]ого движ[ения] в Ц.-ЧО”. Думаю взяться. Вышлите коп. 80–90 на оплату “По нашему краю” и на пересылку. Вышлю и еще кое-что из местных изданий. “Материалы” Вейнберга пока не попадались. Встретите Гл[еба] Ник[олаевича Яковлева] и А.В. Тесленко, передайте от меня привет. Желая всего хорошего.

Дружески жму руку.

В.Литвинов.

16/X 1929.

38.

Уважаемый Михаил Васильевич!

В 1913 г. в Самаре умер д-р медицины Н.В. Постников¹⁰⁹, владелец известного в свое время кумысолечебного заведения в Самаре и автор трудов по вопросу о лечебных свойствах кумыса. В одном из его некрологов было сказано, что он родился в г. Острогжске. Так это или не так? Думаю, что Вы по этому вопросу сообщите мне положительный ответ. Сообщите, кстати, когда умер Д.Я. Скловский¹¹⁰. Вы, без сомнения, как и я, занимаетесь по-прежнему собиранием краеведческих материалов. К сожалению, в отношении печатания наши труды остаются втуне, главная причина чему – недостаток бумаги. Собираюсь писнуть несколько строк Гл[ебу] Ник[олаевичу], которому передайте привет.

В.Литвинов.

Воронеж, 21/VIII. 40 г.

Архив Острогжского историко-художественного музея,
фонд М.В. Ивченко.

¹ См.: Акиншин А.Н. Подозрительные краеведы: (Воронежские библиографы В.Я. Закс и В.В. Литвинов) // Библиография. 1993. № 2. С. 83–88; Он же. Двадцать воронежских краеведов: Материалы к биографическому словарю // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1997. Вып. 9. С. 302–303.

² См.: Акиншин А. Как краевед Героем стал // Воронежский курьер. 1999. 8 июня.

³ М.В. Ивченко. Октябрьские дни в Острогожске. Острогожск под властью белогвардейцев // О времени и о себе: (Острогожск в воспоминаниях и исследованиях краеведов). Воронеж, 1997. С. 224–237.

⁴ Тюменев Дмитрий Герасимович (1859 – после 1926), преподаватель Михайловского кадетского корпуса, с 1901 г. – секретарь ГСК и редактор “Памятных книжек”.

⁵ Введенский Сергей Николаевич (1867–1940), краевед, жил в Задонске, с 1919 г. – в Воронеже, один из организаторов губернского краеведческого общества в 1920-е гг.

⁶ Черницкий Федор Алексеевич (1850–1879), сын священника сл. Воскресенки Острогожского уезда. Выпускник ВДС, с 1874 г. канцелярский служащий в Острогожском окружном суде.

⁷ Павленко Александр Николаевич (1878 – после 1913), сын крестьянина г. Павловска. Выпускник ВДС и Томского университета. С 1904 г. кандидат на судебные должности при Острогожском окружном суде, с 1909 г. – судебный следователь в Екатеринославской губернии.

⁸ Путинцев Василий Иванович (1850–1909), сын дьякона с. Дмитриевское Коротоякского уезда. Выпускник ВДС, чиновник Острогожского окружного суда.

⁹ Глаголев Митрофан Иванович (1848–1874), сын священника сл. Юрасовки Острогожского уезда. Выпускник ВДС, учитель в Острогожском уезде.

¹⁰ Аполлосов Михаил Васильевич (ок. 1871–1915), священник кладбищенской Крестовоздвиженской церкви в Острогожске (с 1906 г.), издатель “Острогожского календаря”.

¹¹ Склобовский Степан Яковлевич (1854 – после 1917), сын дьякона сл. Лосевой Павловского уезда. Выпускник ВДС и Петербургского университета. С 1902 г. – член Острогожского окружного суда по Павловскому уезду. Склобовский Сергей Дмитриевич (1873 – после 1917), племянник предыдущего. Выпускник ВДС и Петербургского университета. Обер-секретарь одного из департаментов Сената.

¹² Козловский Василий Владимирович, заведующий и законоучитель Ново-Сотенской второклассной церковно-приходской школы Острогожского уезда.

¹³ Речь идет о публикации С.Н. Введенским документов под названием “Материалы для истории Воронежской и соседних губерний” // Памятная книжка Воронежской губернии на 1908 год. Воронеж, 1908. Отд. III. С. 59–152.

¹⁴ Михайловский Дмитрий Федорович (ок. 1807 – 1884), протоиерей Преображенской церкви г. Острогожска, в 1835–1858 гг. содержал частный пансион.

¹⁵ Тулинов Михаил Борисович (1833 – после 1880), фотограф, близкий друг И.Н. Крамского, уроженец Острогожска.

¹⁶ Жалин Петр Алексеевич (ок. 1826–1892), купец 2-й гильдии, табачный фабрикант, городской голова Острогожска в 1870–1872 и 1873–1891 гг., крупный благотворитель.

¹⁷ Ректором семинарии в 1908–1913 гг. был протоиерей Николай Фомич Околович (1863 – около 1934).

¹⁸ См.: Литвинов В.В. Памятные книжки Воронежской губернии, их содержание и сотрудники // Памятная книжка Воронежской губернии на 1909 г. Воронеж, 1909. Отд. IV. С. 1–112.

¹⁹ Астафьев Петр Евгеньевич (1846–1893), философ, публицист, уроженец д. Евгеньки Острогожского уезда.

²⁰ Димитрий (Самбкин Дмитрий Иванович) (1839–1908), архиепископ Казанский и Свяжский, исследователь воронежской церковной старины, уроженец сл. Караяшник Острогожского уезда.

²¹ Тевяшов Иван Николаевич (1837–1898), действительный статский советник, Острогожский уездный предводитель дворянства в 1885–1896 гг.

²² Тевяшов Николай Николаевич (1841–1905), генерал от кавалерии, Туркестанский военный губернатор.

²³ Крамской Иван Николаевич (1837–1887), русский художник, уроженец Острогожска.

²⁴ Панов Михаил Михайлович (1836–1897), фотограф, земляк и приятель И.Н. Крамского.

²⁵ Иосиф (Баженов Иван Гаврилович) (1827–1886), епископ Балтский, викарий Каменец-Подольской епархии, уроженец сл. Степной Острогожского уезда.

²⁶ Рудинский Орест Иванович (1816–1889), сын священника сл. Сагунов Острогожского уезда. Выпускник ВДС и Московского университета. Доктор медицины, тайный советник, в 1884–1887 гг. начальник Главного военно-медицинского управления русской армии.

²⁷ Рудинский Василий Иванович (1837–1876), брат предыдущего, выпускник ВДС и Московского университета. Врач.

²⁸ Иовский Александр Алексеевич (1796–1857), сын священника г. Острогожска. Выпускник ВДС и Московского университета. Доктор медицины, профессор Московского университета, издатель журналов “Вестник естественных наук и медицины” и “Журнал хозяйственной химии”.

²⁹ Иовский Петр Алексеевич (1798 – после 1835), брат предыдущего. Выпускник ВДС и Московского университета, магистр нравственных и политических наук, издатель альманаха “Элизиум” (1832).

³⁰ Костомаров Николай Иванович (1817–1885), русский историк и писатель, уроженец сл. Юрасовки Острогожского уезда.

³¹ Леонтий (Либединский Иван Алексеевич) (1822–1893), уроженец сл. Новой Калитвы Острогожского уезда, выпускник ВДС. Митрополит Московский в 1891–1893 гг.

³² Миропольский Всеволод Иринеевич (1839–1897), сын священника сл. Семеек Острогожского уезда. Выпускник ВДС и Московской духовной академии. Фабричный инспектор Воронежского, затем Варшавского округа. Сотрудник ряда журналов.

³³ Миропольский Сергей Иринеевич (1842–1907), брат предыдущего, выпускник ВДС и Петербургской духовной академии, член-ревизор Учебного комитета при Св. Синоде, автор ряда книг духовно-педагогического содержания.

³⁴ Сильченков Константин Николаевич (1860–1903), уроженец Острогожска. Выпускник ВДС и Московской духовной академии. Духовный писатель, магистр богословия Харьковской духовной семинарии.

³⁵ Ставров Платон Иванович (1800–1833), уроженец сл. Белогорье Острогожского уезда. Выпускник ВДС и Киевской духовной академии. Кафедральный протоиерей в Воронеже, преподаватель философии в Воронежской духовной семинарии.

³⁶ Станкевич Николай Владимирович (1813–1840), философ, общественный деятель, уроженец Острогожска.

³⁷ Директором гимназии был статский советник Бертрам Оскарович Гаазе (ок. 1860 – после 1921). Список выпускников гимназии не был опубликован.

³⁸ Воспоминания опубликованы в 8-м выпуске “Воронежской старины” за 1909 г. Чубинский Василий Григорьевич (1819–1895), уроженец Валуйского уезда, выпускник ВДС.

³⁹ Скрыбин Петр Васильевич (1859 – после 1911), внук сестры В.Г. Чубинского, священник Преображенской церкви сл. Уразовой Валуйского уезда.

⁴⁰ Кобзарева Анна Ивановна, учительница Криницкой земской школы, сотрудничала в “Острогожском листке”.

⁴¹ Отдельного листка при этом письме нет.

⁴² Поликарпов Федор Иванович (1882–1931), воронежский краевед, этнограф. Репрессирован по так называемому «делу краеведов», расстрелян.

⁴³ См.: Литвинов В. Празднование 200-летнего юбилея Полтавской победы 27 июня 1909 г. в Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1910 г. Воронеж, 1910. Отд. III. С. 1–38.

⁴⁴ Зверев Стефан Егорович (1860–1920), краевед, правитель дел ГУАК, создатель и руководитель губернского музея.

⁴⁵ Баженов Дмитрий Васильевич (1882 – после 1917), сын священника с. Никольского Богучарского уезда. Выпускник ВДС и Харьковского университета. Помощник присяжного поверенного при Острогожском окружном суде.

⁴⁶ Петропольский Митрофан Михайлович (1870–1937), сын священника Тихвино-Луфриневской церкви г. Воронежа. Выпускник ВДС и Елизаветградского кавалерийского юнкерского училища. Ротмистр, командир эскадрона Крымского конного полка. Участник белого движения, умер в Югославии.

⁴⁷ Петропольский Михаил Михайлович, инспектор народных училищ Воронежской губернии.

⁴⁸ Дьяков Алексей Петрович (1855 – после 1917). Выпускник ВДС и Медико-хирургической академии. С 1881 г. – Острогожский городской врач, с 1895 г. – уездный врач.

⁴⁹ Виноградов Николай Васильевич (1832–1900), сын священника, выпускник ВДС. Впоследствии – статский советник, преподаватель пения в Кадетском корпусе (1868–1891) и Техническом железнодорожном училище. Умер 5 мая 1900 г., некролог помещен в “Воронежском телеграфе” 12 мая 1900 г.

⁵⁰ Долгополов Савва Иванович (1856–1923), сын священника, учился в ВДС, с 1889 г. секретарь Острогожской уездной земской управы, с 1907 г. секретарь городской управы в Екатеринодаре.

⁵¹ Долгополов Нифонт Иванович (1857–1922), брат предыдущего. Выпускник ВДС и Харьковского университета, врач. Депутат II-й Государственной Думы от Нижнего Новгорода, трудовик.

⁵² Никольский Павел Васильевич (1870 – после 1917), краевед, председатель Церковного историко-археологического комитета в 1907–1912 гг., редактор “Воронежской старины”.

⁵³ Сцепенский Николай Васильевич (1863–1910), сын священника сл. Михайловки Бобровского уезда. Учился в ВДС, окончил Чугуевское пехотное юнкерское училище. Подполковник 192-го пехотного резервного Нарвского полка.

⁵⁴ Черницын Павел Алексеевич (1868–1903), сын священника с. Демина Валуйского уезда. Выпускник ВДС и Томского университета, юрист. Помощник присяжного поверенного в Острогожске и Новочеркасске.

⁵⁵ Греков Кирилл Петрович, штатный смотритель Острогожского уездного училища. В 1879 г. выпустил книгу для обучения чтению, письму и рисованию под названием «Школьный товарищ», 1888 г. составил “Историко-статистический очерк Острогожского уездного училища. По поводу столетней годовщины этого училища”.

⁵⁶ Поликарпов Николай Иванович (1871–1934), воронежский краевед, инспектор ВДС, в 1920-е гг. – епископ Бутурлиновский Митрофан.

⁵⁷ Высоцкий Михаил Иванович, инспектор Воронежской губернской гимназии, затем Острогожской мужской гимназии.

⁵⁸ Левашов Сергей Михайлович (1869–1907), сын священника г. Воронежа, пасынок писателя Г.И. Недетовского. Выпускник ВДС и Томского университета, врач. Умер 1 октября 1907 г.

⁵⁹ Статья под таким названием опубликована не была.

⁶⁰ Данилевич Василий Ефимович (1872–1936), историк, археолог, профессор Харьковского, затем Киевского университетов.

⁶¹ Яковлев Глеб Николаевич (1876–1945), острогожский краевед, инициатор создания Картинной галереи им. И.Н. Крамского в Острогожске.

⁶² Ясеновский Василий Васильевич (?–ок. 1887), сын священника, выпускник Воронежской учительской семинарии 1879 г. Офицер 13-го Нарвского гусарского полка, затем Уланского полка.

⁶³ Климентов Петр Степанович (1873–1902), уроженец Острогожска. Выпускник местной прогимназии и Московского университета, юрист. Профессор Томского университета.

⁶⁴ Очерк был опубликован в “Памятной книжке Воронежской губернии” на 1912 и 1913 гг.

⁶⁵ Генерозов Яков Ильич (1859 – после 1913), действительный статский советник, с 1909 г. – управляющий канцелярией губернатора, в 1911–1913 гг. – старший советник губернского правления.

⁶⁶ Тевяшов Владимир Николаевич (1840–1919), краевед. Брат Вас. Н. и Н.Н. Тевяшовых.

⁶⁷ М.В. Ивченко в статье “Издательская деятельность в г. Острогожске и его уезде” отмечает, что Д.А. Васильев в 1879 г. в Острогожске издал две поэмы Людмилы Кондратовой, но видит в ней не реальное лицо, а псевдоним (Памятная книжка на 1916 г. Воронеж, 1916. Отд. III. С. 27).

⁶⁸ Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920), литературовед, издатель “Критико-биографического словаря русских писателей” (т. 1–6. Спб., 1886–1904).

⁶⁹ Березников Кассиан Николаевич (сер. 1880-х – после 1917), заведующий отделом народного образования губернского земства в 1913–1915 гг. Позднее жил в Оренбурге.

⁷⁰ Ярцов (Ярцев) Виталий Семенович (1895 – после 1919), краевед, впоследствии сотрудник губернского музея.

⁷¹ Возможно, речь идет о Диденко Клавдии Алексеевне, в 1915 г. окончившей VIII дополнительный класс Острогожской женской гимназии. ГАВО. Ф. И-80. Оп. 6. Д. 21.

⁷² Жилин Михаил Михайлович (1859 – после 1914), актер, малоизвестный драматург, в 1911–1914 гг. жил в Острогожске.

⁷³ Ковалевский Александр Яковлевич, в 1913–1917 гг. инструктор по пчеловодству Острогожской уездной земской управы, член-секретарь Общества пчеловодов. В 1913–1914 гг. издавал журнал “Спутник пчеловода”.

⁷⁴ Олейников Тихон Митрофанович (1883 – после 1941), краевед, в 1912–1917 гг. председатель Церковного историко-археологического комитета.

⁷⁵ Пантелеевский Николай Никитович (1851 – после 1917), краевед, в 1879–1915 гг. – директор Технического железнодорожного училища.

⁷⁶ Аскоченский Иван Константинович (1859–1895), преподаватель Воронежского духовного училища, сотрудничал в журналах и газетах.

⁷⁷ Орлов Пимен Никитич (1812–1863), русский художник, уроженец хут. Мало-Фошеватого Острогожского уезда. Выпускник Академии художеств, работал в Италии.

⁷⁸ Чертков Спиридон Григорьевич (1885–1943), сын крестьянина с Засосна Острогожского уезда, выпускник ВДС и Московского университета, преподаватель истории в Острогожской мужской гимназии с 1912 г.

⁷⁹ Дегтярев Семен Федорович (1885–1915), капитан, начальник пулеметной команды 91-го пехотного полка. Сын острогожского купца. Погиб 24 сентября 1915 г. под Тарнополем, погребен 6 октября в Острогожске. См.: Острогожский листок. 1915. 13 окт., № 37.

⁸⁰ Лесницкий П.А., владелец типографии в Острогжске в 1870–1880-е гг. До переезда в Острогжск работал в воронежской типографии В.А. Гольдштейна, впоследствии – метранпаж в московской типографии Кушнера.

⁸¹ Турчаковский Климент Иванович (1847–1897), директор мужской прогимназии, до этого преподавал в Ришельевском лицее в Одессе. Автор учебников: География как предмет школьного преподавания (Одесса, 1881); Конспект по всеобщей географии (Одесса, 1879), Учебник начальной географии (Киев, 1886–1889).

⁸² Карманов Дмитрий Дмитриевич (1891–1915), уроженец Острогжска, выпускник Острогжской гимназии. Прапорщик, погиб на фронте

⁸³ Княжинский Борис Петрович (1892–1975), краевед, врач по образованию, занимался историей города Усмани.

⁸⁴ Ефремов Петр Васильевич, выпускник Петербургского университета, преподаватель математики в Острогжской мужской гимназии с 1910 г.

⁸⁵ Фомин Георгий Ильич (1878–1951), краевед, журналист.

⁸⁶ Петухов Евгений Вячеславович (1863–1948), литературовед, профессор ВГУ в 1918–1919 гг.

⁸⁷ Фельсберг Эрнст Рейнович (1866–1928), специалист по античной филологии и истории, профессор ВГУ в 1918–1925 гг.

⁸⁸ Паренаго Михаил Клавдиевич (1876 – конец 1930-х гг.), офицер Кадетского корпуса, краевед, директор губернского музея в 1919–1925 гг.

⁸⁹ Степанов (Алмазов) Иван Федорович (1880 – после 1921), художник, хранитель Губернского музея.

⁹⁰ Лаппо Иван Иванович (1869–1944), заведующий губернским архивным бюро в 1919 г.

⁹¹ Кондратов Валентин Гаврилович (1830 – после 1868), сын командира Воронежского батальона военных кантонистов Г.И. Кондратова. В деле о дворянском достоинстве семьи Кондратовых упоминаются сыновья Константин, Аполлон, Валентин и Николай, о дочери Людмиле сведений нет. ГАВО. Ф. И-29. Оп. 132. Д. 95; Ф. И-2. Оп. 1. Д. 3440.

⁹² Речь идет о писательнице Милицыной, урожд. Разуваевой, Елизавете Митрофановне (1869–1930), уроженке Острогжска.

⁹³ Сильченков Николай К. (1845 – после 1916), священник сл. Верхних Марок Острогжского уезда, автор книги “Практическое руководство при отправлении приходских треб”.

⁹⁴ Речь идет о книге: Юбилейный сборник Воронежского церковного историко-археологического комитета в память 300-летия царствования дома Романовых. Воронеж. 1913. У1, 33 с., в которой были помещены статьи В.Долгополова “Избрание на царство Михаила Федоровича Романова” (перепечатана из “ВЕВ”, 1913, № 11) и С.Зверева “Воронежский край 300 лет назад”.

⁹⁵ Лукьянчиков Константин Николаевич (1869–1926), заведующий губернским архивным бюро в 1920–1926 гг.

⁹⁶ Белозоров Антон Илларионович, один из редакторов журнала “Помошник врача”, выходившего в Воронеже. В 1910–1917 гг. – секретарь Воронежской уездной земской управы. В 1917 г. баллотировался в Учредительное собрание от Кадетской партии.

⁹⁷ Вейнберг Леонид Борисович (1849–1901), краевед, археограф, жил в Воронеже в 1879–1891 гг.

⁹⁸ Сафонов Афанасий Алексеевич (1859–1914), председатель Острогжской уездной земской управы в 1884–1893, 1904–1913 гг., острогжский уездный предводитель дворянства с 1913 г.

⁹⁹ Еременко Гавриил Владимирович (1880–1931), острогожский краевед, сотрудник местного музея.

¹⁰⁰ Рындин Федор Константинович (1873–1938), краевед, работал в Воронеже в конце 1910-х – начале 1920-х гг.

¹⁰¹ Мадатова Серафима Михайловна (1894–1966), дочь ротмистра, начальника Острогожского отделения Харьковско-Царицынского жандармского полицейского управления на железных дорогах М.П. Мадатова. Училась в Острогожской женской гимназии в 1905–1908 гг. В 1907 г. в Острогожске напечатана книга ее стихотворений, на которую В.В. Литвинов откликнулся рецензией (Воронежский телеграф. 1907. 30 дек. № 285). Еще одна ее книга вышла в Одессе в 1920 г. В 1908 г. ее отца перевели начальником Режицкого жандармского отделения.

¹⁰² Картавцов Илья Михайлович (1895–1971), библиограф, генеалог.

¹⁰³ Щербатов Михаил Лазаревич (1845–1924), русский художник, уроженец с. Рудня Богучарского уезда, выпускник Академии Художеств. Умер 12 декабря 1924 в с. Рудне.

¹⁰⁴ Второв Николай Иванович (1818–1865), краевед, археограф, в Воронеже жил в 1849–1857 гг.

¹⁰⁵ Поляков Иван Михайлович (1873 – после 1917), секретарь Острогожской уездной земской управы с 1906 г., фактический редактор газеты “Острогожский листок”, автор нескольких драматических произведений и повести “Не выдержал” (М., 1911).

¹⁰⁶ Михеев Сергей Владимирович (1893–1919), сын земского врача, выпускник Острогожской гимназии и Петроградского морского кадетского корпуса. Офицер белой армии. Печатался в “Сатириконе”, “Ниве” и др. журналах.

¹⁰⁷ Яворский Федор Корнильевич (1840–1891), краевед, археограф, секретарь Губернского статистического комитета в 1871–1884 гг.

¹⁰⁸ Речь идет о статье: Шемякин Ф. Богослов в роли доцента университета: Историк православной церкви возвращается к своим темам // Коммуна. 1929. 22 сент.

¹⁰⁹ Постников Нестор Васильевич (1821–1913), доктор медицины, уроженец г. Острогожска.

¹¹⁰ Склобовский Дмитрий Яковлевич (1831– между 1918 и 1922), духовный писатель, краевед, протоиерей. С 1879 г. – священник церкви Рождества Богородицы в Острогожске, с 1886 г. – настоятель Троицкого собора.

А. Г. Виноградова

ПАМЯТИ Г.И. НЕДЕТОВСКОГО-
ЗАБЫТОГО

Жизнь Григория Ивановича Недетовского (1846–1922) прочными нитями связана с Воронежем. Сорок пять лет, с 1871 по 1916 г., отдал он здесь педагогическому труду. Преподавал в духовной семинарии, реальном училище, мужской прогимназии, был директором второй мужской гимназии, откуда и ушел в отставку действительным статским советником. Одновременно Г.И. Недетовский приобрел известность как беллетрист, сотрудник журналов «Отечественные записки», «Вестник Европы», «Русская мысль», выступавший под псевдонимом «О. Забытый». Творческая биография Г. И. Недетовского раскрыта литературоведом В. И. Кузнецовым в «Очерках литературной жизни Воронежского края» (1970) и в предисловии к избранным произведениям О. Забытого в серии «Отчий край» (1982). Им же подготовлена статья о Недетовском для писательского словаря¹.

Воспоминания младшей дочери писателя, Анны Григорьевны Виноградовой, расширяют наше представление о Г.И. Недетовском, делают его более объемным. Написаны они в феврале 1926 г. и присланы директору Литературного музея им. И.С. Никитина А.М. Путинцеву. Музей решил выделить в экспозиции «уголок Забытого». А.Г. Виноградова сочувственно отнеслась к этому намерению и передала музею книги, рукописи и переписку отца. По ее просьбе Е. Комарова в январе 1926 г. выслала из Москвы письма М.Е. Салтыкова-Щедрина и М.М. Стасюлевича к Г.И. Недетовскому². 21 февраля 1926 г. А.Г. Виноградова писала А.М. Путинцеву: «Еще посылаю нечто вроде биографического очерка или воспоминания, написанного мною теперь урывками, мне бы очень хотелось просить прочесть его на вечере в память папы³».

Сведения о мемуаристке довольно скудны. Анна Григорьевна родилась в Воронеже в 1879 г., в 1898 г. окончила дополнительный VIII класс Мариинской гимназии и получила право на звание домашней учительницы по русскому и французскому языку⁴. С мужем Владимиром Петровичем, чиновником Кре-

стьянского поземельного банка, переехала в Ставрополь, в середине 1920-х гг. служила аккомпаниатором в музыкальном техникуме. А.М. Путинцеву сообщала о себе: «В Воронеже я иногда писала в газетах отчеты о заседаниях, концертах и лекциях, также и здесь приходилось писать патетические статьи»⁵. В семье Виноградовых была четверо сыновей, двое из них, Григорий и Павел Владимировичи, в конце 1990-х гг. жили в Москве. Умерла Анна Григорьевна в 1953 г.

Воспоминания публикуются по авторской рукописи (ГАВО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 22. Л. 1–6). Абзацы выделены при подготовке текста к печати. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

* * * * *

Мне хочется поделиться воспоминаниями о своем талантливом отце с людьми, почитавшими его при жизни и чтущими память его по смерти его. Мое сообщение не будет носить характера официального перечисления дат, биографических данных, но [явится] кратким пересказом последовательных событий его жизни, частью происходивших на моих глазах и частью запечатлевшихся в моей памяти из его рассказов.

Григорий Иванович родился, как известно, в деревне в семье диакона⁶ и рано, 5-ти лет, остался сиротой на попечении матери и сестер. Семья была верующая до фанатизма. Некоторые впечатления оставили след в его душе на всю жизнь и отразились на его характере. Напр[имер], во время грозы домашние его зажигали венчальные свечи и всей семьей, падая на колени, молились об избавлении от смерти. Старая бабушка пугала его огнем вечных мучений в аду и однажды с ним сделался истерический припадок под влиянием ужаса смерти и ада. Однажды вечером на пустынной улице за ним гнался громадный деревенский кабан, и маленький Гриша, забежав на чужое крылечко какого-то амбара, едва спасся, вскарабкавшись по столбу, а кабан уже доставал его за ногу. Г[ригорий] И[ванович] рассказывал, что он испытал здесь ужас смерти. Его крайняя впечатлительность, нервность и робость, в то же время живость ума и талантливость были основными чертами его характера, некоторой женственности которого способствовала окружающая семейная среда женщин, бабушки, матери, сестер.

Грамоте он выучился рано, прекрасно читал в церкви и обладал отличным голосом и необыкновенным слухом. Однажды при-

ехал из Петербурга регент придворной капеллы набирать голоса и, между прочим, выбор его пал на Гришу. И сам Гриша, и семья его были в отчаянии перед разлукой. Соседи посоветовали ему выпить «конопного масла», чтобы охрипнуть, что он и исполнил. Проверив на другой день голоса, регент отставил его, сказав, что вчера голос звучал лучше. И все ликовали.

В училище его отвезли, оторвав от семьи. Там он сразу выделился способностями и работами по русскому языку. Свою жизнь в дух[овном] училище он описывает в очерке «Вокзальный собеседник», напоминающем бурсу Помяловского и имеющем такую же ценность талантливого рассказа очевидца. В семинарии и академии он учился блестяще, следствием чего было неоднократное приглашение его на кафедру профессора академии. Но он по скромности своей отказывался, получив назначение учителем в Воронежскую семинарию, приехал сюда жизнерадостным, полным надежд и жажды работать.

В обществе он являлся желанным гостем, интересным и остроумным собеседником, участвовал в спектаклях, танцах и литературных вечерах, даже пел тенором в трио на семейных вечеринках. Глубокий ум, природный юмор, детская наивность, правдивость и безупречная честность души привлекала нему и сильно привязывала людей. При всем этом необыкновенная, колоссальная скромность была его отличительной чертой, которая не оставляла его в дни его славы, как литературного, так и служебного возвышения и которая, можно сказать, повредила отчасти ему в составлении карьеры писателя и видного человека.

Скоро он женился, всего 27 лет, взявши вдову с 5 детьми, Александру Ивановну Левашову⁷. Редкий семьянин и любящий человек, он всего себя отдал семье; смерть первого его ребенка – сына в возрасте 11 мес[яцев] от черной оспы, сильно поразила его и он не мог забыть этого горя во всю жизнь. Пасынкам он дал высшее образование⁸, трем падчерицам помог приданным при выходе замуж⁹ и не делал различия в отношении их и собственных двух дочерей; со всеми родными у него были идеально-прекрасные отношения.

Полный расцвет его таланта можно считать выявившимся за время преподавания в семинарии и потом в реальном училище, т.е. с 1875 года по 1884–85 год. Дальше этого времени, хотя он и писал талантливые вещи, как «Недоразумения», «Ходит!..» и другие, но уже крылья его таланта были подрезаны и фантазия

связана, во-первых падением «Отеч[ественных] Зап[исок]» и, во-вторых, службой и страхом за семью в случае какой-либо кары. И он постепенно ушел в свою скорлупу. Можно считать, что эти годы – годы его инспекторства – были самой темной полосой его жизни, когда над творчеством, мыслью и полетом фантазии царствовал гнет¹⁰. Эти годы способствовали развитию в его характере новых черт: мелочности, педантичности, раздражительности. Собираясь раньше издать свои сочинения, теперь он твердо решил не выпускать их в свет и положить под спуд, и взял своим принципом осторожность.

Безгранично любя литературу и творчество, он не мог сразу расстаться с ним и продолжал понемногу писать, иногда имея в виду заработок для большой семьи. А затем наступил период, в который он не писал совсем. А так как талантливость его натуры искала выхода, то она нашла его в педагогической и служебной деятельности, которой он отдавался почти с таким же самозабвением и преданностью и [где] достиг многого. Но тоска по творчеству не покидала его и [он] мог только мечтать о выходе в отставку, о свободной работе и об издании сочинений.

Любимым его занятием было чтение; но он должен был отдавать дань окружающей среде, которая далеко не соответствовала потребностям его духа. Иногда в промежутке между картами он, «выходящий», мог написать целый рассказ или целую главу в соседней комнате, среди шума и толпы. Писал он быстро и помногу, несмотря на болезнь правой руки: он не мог положить локоть на стол и держал руку на весу, упираясь в ладонь, чем объясняется его малоразборчивый оригинальный почерк. Во время пароксизмов лихорадки, которою он прежде долго страдал, фантазия его работала особенно интенсивно, он не успевал записывать за ее быстрым полетом; но рассказывал, что любил болеть вследствие этого.

Дома работал он поздно вечером, часов с 10 до 3-х ночи, и, не переставая, курил. Давал сначала дочери связать тетрадку и говорил: «ну вот, на твое счастье начинаю». Потом он обязательно прочитывал вслух написанное – жене и всей семье. Читал мастерски, хотя и не громко, в трогательных местах заставляя плакать, а в комических хохотать до слез. Всякое замечание он принимал во внимание, делал поправки. Потом он отдавал нам в переписку, и каждая из нас гордилась тем, что именно ей поручено переписать. В редких случаях рукописи возвращались назад, и это было для

всех нас настоящим горем. Но зато, когда приходило известие, что сочинение будет напечатано, восторгу не было границ. А получивши гонорар, он спешил порадовать каждого члена семьи, побаловать чем-нибудь.

После закрытия «Отеч[ественных] Зап[исок]»¹¹ он перешел в другие толстые журналы и писал не так уже легко и свободно, а на педагогическом поприще тоже спустился рангом ниже, т.е., оставив старшие классы, перешел в самые младшие. Его преподавание рус[ского] языка в старших классах действовало развивающим образом на учеников, его уроки были увлекательными профессорскими лекциями; но опять та же осторожность и боязнь за завтрашний день заставила его и здесь уйти в свою скорлупу, на безопасное поприще преподавателя грамматики и правил правописания. Но и маленьких учеников он умел увлекать своею талантливой методой, чуждой всего сухого и скучного. Поправляя дома целые горы ученических тетрадей, он объяснял своим детям ошибки и разъяснял всякие правила, вследствие чего мы всегда отличались безупречной грамотностью. И то, что разъяснялось им, легко, образно и красиво – запоминалось на всю жизнь, и всякая сухая, небольшая хотя бы статья учебника оживала и приобретала интерес.

В этот же период времени к общему угнетению его духа прибавилось касающееся его самолюбия обстоятельство: за смертью директора реальн[ого] учил[ища] был выбран на его место бывший преподаватель¹². Тяжело было Гр[игорию] И[вановичу], который в этом случае был обойден, оказаться вместо помощника, подчиненным, и он решил уйти. Справедливо сказал он в своей речи реальному училищу в день юбилейного чествования, что свои лучшие годы и силы он отдал реальн[ому] училищу. Т.е. он пожертвовал собой, своим талантом, и писательским, и преподавательским, во имя службы. С большими трудностями, препятствиями ему удалось добиться самостоятельного места начальника 4-клас[сной] прогимназии с меньшим окладом. И вот здесь он мало-помалу отдохнул душою, да и работа над устройством нового детища была куда интереснее. Сначала он преобразовал прогимназию в 6-клас[сную] гимназию и постепенно в 8-клас[сную] гимназию.

Его гимназия была более пролетарской, чем все другие, и все знают, как просто и доступно держал он себя с неимущими и как много делал для бедных своей гимназии. Но к литературе он не

обращался, только в учениках своих, подметив священный огонь писательства, всячески поощрял и развивал его, и не один ученик вспоминает его и теперь с благодарностью за указание пути к вдохновению. На ученическ[их] вечерах часто стояло в программе: прочтет автор. Вообще Г[ригорий] И[ванович] имел большое влияние на развитие умственных сил учеников помимо положенных уроков и всегда находил и ценил в человеке «искорку». Уже занимая хорошее положение, он все еще лелеял мечту об отставке, занятиях на свободе любимым творчеством и об издании своих сочинений. Однажды случай быть изданным представился. Сытин¹³ брался издать, купивши издание. Но условия показались очень невыгодными Г.И., и он не согласился.

Измаилов¹⁴ писал статью в «Рус[ском] Слове» о Забытом насколько псевдоним этот оправдывает свое значение. «Забытого – забыли, – говорит он, – но Забытый сделал это сам, он заставил себя забыть намеренно»¹⁵. Сколько раз получал он письма с просьбой о высылке сочинений, даже просьбы о разрешении перевести на иностран[ный] язык, некоторые были переведены без его спроса; и часто он просто не отвечал на них. Может быть, не все его сочинения имеют теперь значение, но многие способны заинтересовать и современного читателя с точки зрения истории и, главное, художественности исполнения. А личность его, поражающая глубиной и силой мысли, неисчерпаемым богатством воображения и юмора, красотой языка, мягкостью характера и нежностью души, всегда оставляла неизгладимо-чарующее впечатление на тех, кто имел общение с ним и знал его близко более или менее.

Болезнь и смерть старшей дочери, а за нею через 5 дней и жены¹⁶ очень подорвали его здоровье и нравственное самочувствие: он не мог спать, не мог оставаться один в комнате, боялся темноты. Летом он уехал в Ессентуки лечиться, но и там тосковал по семье, а вид маленьких детей вызывал слезы на его глазах, напоминая ему внучат. Когда зятя его, моего мужа, перевели в Ставрополь, Г[ригорий] И[ванович] решил выйти в отставку и переехать в Москву к падчерице и снова заняться литературой. Но вышло иначе. По возвращении с вокзала по нашем отъезде в Ставрополь с ним сделалось что-то вроде удара, разрешившегося сильным кровоизлиянием из носа. Получивши об этом известие, я упростила его переехать к нам, а не в Москву. Теперь я жалею об этом. В Москве он не выстрадал бы того, что пришлось ему пере-

жить здесь во время отчаянной голодовки и гражданской войны, и, может быть, крепкий его организм оказал бы большее сопротивление в борьбе со временем.

В Ставрополе сначала он наслаждался отдыхом, спокойной свободной жизнью в отставке в кругу любимых и любящих людей. Он вел переписку со знакомыми, с критиком Измайловым, бывшим тогда редактором СПБ. газеты¹⁷, написал несколько вещей, некоторые были напечатаны: эпизод из жизни бурсы, о севастопольской войне, у Глеба Успенского, переслал повесть «Весельчак», у графа Лорис-Меликова и др. Но многое погибло в редакции, разгромленной во время революций. А сколько мемуаров мог бы он написать о педагогическом мире, о разных попечителях округа и министрах народного просвещения, которых приходилось ему трепетать, от которых он остроумно отписывался бумагами и о которых со всегдашним юмором подробно умел рассказывать. Работа как будто налаживалась и захватывала его. Но скоро начались бедствия, и все было кончено. Война, голодовка, лишение пенсии, безработица зятя создали невыносимые условия, от которых он и погиб. Тщетно обивал он пороги разных учреждений, добиваясь какой-нибудь культурной работы. Везде его встречали насмешки и отказ. Так как мы были ограблены до нитки, а обстановку, рояль и проч[ее] продали и променяли на продукты, создалось положение безвыходное.

И все-таки и в такие тяжелые дни его отдыхом было чтение, выписывание из книг. Отрадою для него было посещение библиотеки, где он иногда проводил полдня, музея имени Праве, где он всегда встречал радушный прием культурных людей. В это же время он писал свою автобиографию¹⁸. Остальное время проводил он на толкучке, стараясь продать что-нибудь хотя бы себе на «сахаринчик», как говорил он; мыкался по столовым для голодающих и очень тяготился своим положением бездеятельного члена в семье, лишнего рта.

Костюм у него был единственный – обтрепанный пиджачок и все заплатанные брюки, да ватное пальто. Вот все, что осталось от его разнообразного форменного и неформенного гардероба. Во время военных действий нас с ним чуть было не убили, ставили в ряд и требовали денег, но, сжалившись, ограничились снятием обручальных колец с рук. Долгое время после этого он находился как бы в столбняке. Когда немного оправились мы от ужасов войны, начались ужасы голода, дети кричали и пухли с голода, и

он страдал, не в силах помочь ничем. Но все-таки не расставался он с книгой, а в длинные вечера при тусклом свете коптилки он рассказывал нам эпизоды из своей жизни и заставлял забывать и голод и холод; мы сидели, поджавши ноги, почти в нетопленной комнате, слушали его и мечтали о лучшем.

Он сделался худеньким до прозрачности старичком, на ногах были раны. Получив из собеса вместо обуви лапти, он носил продавать их и выслушивал насмешки. Раны на ногах заставили его просидеть полтора месяца в постели. Наконец в день Рождества он мог выйти на улицу. Был солнечный тихий день. Только сойдя с крыльца, он сделал шаг и со всего роста упал в снег. С этих пор он не мог ходить без посторонней помощи и отдыхал на каждой скамеечке.

12 января¹⁹ он собирался на именины, мечтал есть там белый хлеб. Но 10-го с утра почувствовал себя плохо, не мог одеться и слег. Я послала за доктором и побежала достать денег. Купивши ему белого хлеба, молока, сахару и придя домой, я застала его в ужасном состоянии. Язык висел изо рта набок, [лицо] посинело и было страшно. Доктор сказал, что надежды на выздоровление нет. Потом язык вправился, но он уже не пришел в себя и только пристально и напряженно смотрел мне в глаза, не отвечая на расспросы и слезы. До 10 ч[асов] вечера он лежал не шевелясь, как будто спал, потом вдруг резко вскрикнул и затих. На приложенном зеркале еще теплилось дыхание, потом зеркало осталось чистым...

Так и не дождался он лучших дней... А этой же весной был неслыханный урожай, и пшеница была выше человеческого роста. Я заболела сыпным тифом, старшего сына спасали от голодной смерти знакомые, а потом муж получил место, и недоставало нам дорогого дедушки...

Хоронить его было не на что. Наш хозяин, военный ветеринарный врач, дал нам досок, подводу и солдат. Солдаты сколотили гроб и крест. Одели его в тот же потертый пиджачок, и только сохранившаяся белая пикейная сорочка придавала ему праздничный вид. С трудом выхлопотали мы разрешение похоронить его в черте города на «партийном» кладбище при церкви св. Варвары. При жизни он много раз высказывал, что он не желает пышных похорон: «никаких катафалков, ни верениц лошадей, ни кутьи, никаких черных вуалей, самым простым способом». На что я возражала: «меня же осудят». И вот его желание исполнилось: на простых деревенских санях в одну лошадь был поставлен простой

белый ящик с его телом, впереди шли 2 священника без певчих, а сзади 7 человек провожающих без трауров и кутьи.

Придя через несколько дней на могилу, я увидела вместо креста пустую ямку и кругом поломанные кресты и ограды на топляво. Памятник на могиле не поставлен ввиду того, что я не теряю надежды перевезти его прах в Воронеж, где было куплено им место рядом с женою, на каковое квитанция у меня сохранилась.

Заканчивая свои воспоминания, шлю сердечный привет и благодарность собравшимся почтить память моего дорогого, горячо любимого отца.

21 февраля. Ставрополь.

¹ Кузнецов В.И. Недетовский Г.И. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 259–261.

² ГАВО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 21. Л. 4. В 1926 г. А.М. Путинцев опубликовал 15 писем М.Е. Салтыкова-Щедрина (см.: Известия Отдела русского языка и словесности. 1926. Т. XXXI. С. 271–284), позднее издал рассказ Г.И. Недетовского «Провинциальный редактор у графа Лорис-Меликова (Воронеж: изд-во «Воронежская коммуна. 1928. 16 с.), ранее напечатанный им в приложении к «Воронежской коммуне» (Литературные страницы. 1927. № 22–24).

³ Там же. Л. 6.

⁴ См.: ГАВО. Ф. И-71. Оп. 2. Д. 2214; Воронежский телеграф. 1898. 10 июня, № 65.

⁵ ГАВО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 21. Л. 3 об.

⁶ Г.И. Недетовский родился 19 января 1846 г. в с. Бор Тарусского уезда Калужской губернии, его родителями были «дьякон Иоанн Авраимов и жена его Людмила Григорьевна», урожденная Соколова. ГАВО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

⁷ Левашова, урожд. Соборова, Александра Ивановна (ок. 1835–1914), вдова священника Воскресенской церкви Михаила Ивановича Левашова (1829–1871). Племянница епископа Нафанаила (Соборова).

⁸ Левашов Иван Михайлович (1864–1931), медик, профессор-терапевт, декан медицинского факультета Томского университета; Левашов Сергей Михайлович (1869–1907), врач, работал в Рязани.

⁹ Александра Михайловна (1861 – после 1916), в замужестве Былова; Елизавета Михайловна (1862 – после 1916), в замужестве Конорова; Варвара Михайловна (1868–1942), в замужестве Былова.

¹⁰ О Недетовском – инспекторе реального училища см.: Владиславлев И.В. Из воспоминаний / публ. А.М. Водопьянова // Из истории Воронежского края. Воронеж. 2014. Вып. 21. С. 220–225.

¹¹ Журнал «Отечественные записки» был закрыт в 1884 г.

¹² 20 ноября 1899 г. умер первый директор реального училища В.В. Вяхирев, занимавший этот пост с 1876 г. Попечитель Харьковского учебного округа поручил вступить в управление училищем Г.И. Недетовскому, однако гласные городской думы и земского собрания 17 декабря 1899 г. избрали на эту должность Г.П. Каченовского. См.: Дон. 1899. 2 дек., № 136; 19дек. № 142.

¹³ Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934), книгоиздатель.

¹⁴ Измайлов Александр Алексеевич (1873–1921), литературный критик, поэт, прозаик.

¹⁵ Русское слово. 1911. 6 окт. См. также: Л. В-й [Литвинов В.] 40-летие педагогической и литературной деятельности // Воронежский телеграф. 1911. 14 сент., № 207. Он же. Чествование юбиляра // Там же. 17 сент., № 209.

¹⁶ Людмила Григорьевна Дядькова (р. 1877) умерла 14 сентября 1914 г. Александра Ивановна Недетовская – 20 сентября 1914 г. Обе погребены на Чугуновском кладбище. См: Воронежский телеграф. 1914. 16 сент., № 207; 22 сент., № 213.

¹⁷ А. А. Измайлов в 1916–1917 гг. редактировал «Петербургский листок».

¹⁸ Автобиография не была завершена. См.: ГАВО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2об.

¹⁹ По всей видимости, мемуаристка ошибается в дате. Она придерживается старого стиля, если следовать ему, то ее отец умер 10 января, а 12 января, видимо, он был похоронен. См.: Г.И. Недетовский: [Некролог] // Воронежская коммуна. 1921. 17 февр., № 38. В кратком тексте, без подписи, отмечено, что Григорий Иванович умер 23 января. Эта же дата указана в словаре «Русские писатели».

Б.М. Эйхенбаум

ПИСЬМА К БРАТУ ВСЕВОЛОДУ (1902–1903)

В нашем земляческом «пантеоне славы» имя Бориса Михайловича Эйхенбаума (1886–1959) начертано на видном месте. Выдающийся филолог XX века, он оставил яркий след в истории отечественного литературоведения, его труды вошли в золотой фонд мировой научной мысли. Воронежцы горды тем, что в их городе этот замечательный деятель культуры вырос и духовно сформировался.

О детских и отроческих годах Б. М. Эйхенбаума, его семейном и гимназическом окружении нами уже было рассказано¹. Публикуемые ниже письма Бориса Эйхенбаума из Воронежа в Петербург старшему брату Всеволоду представляют собой ценный биографический источник и дают возможность представить взаимоотношения будущего филолога с семьей и гимназическим коллективом.

Отец литературоведа, Михаил Яковлевич Эйхенбаум (1853–1917) был сыном инспектора Житомирского раввинского училища, позднее крестился и перешел в православие. В 1880 г. окончил петербургскую Медико-хирургическую академию и работал земским врачом в различных уездах европейской части России. Осенью 1890 г. был переведен в Землянск Воронежской губернии, спустя четыре года подал в отставку «по семейным обстоятельствам», какое-то время жил на станции Михайловка под Россошью, с 1900 г. работал во врачебной и юридической службах Юго-Восточной железной дороги, в годы первой мировой войны лечил раненых солдат в Александровском госпитале². М.Я. Эйхенбаум умер 3 февраля 1917 г. Отпевание тела состоялось в Петропавловской церкви, а похороны – на Чугуновском кладбище, где в 9-й день по кончине в церкви прошла панихида. Смерть известного в городе человека вызвала отклики в местной прессе³, где, помимо траурных объявлений, был помещен и некролог М.Я. Эйхенбаума. Борис Михайлович приезжал из Петербурга на похороны отца и провел в Воронеже не менее десяти дней.

22 октября 1880 г. М. Я. Эйхенбаум венчался в Преображенском соборе г. Тихвина Петербургской губернии с Надеждой Дормидонтовной Гловой, православного исповедания, выпускницей врачебных курсов при Николаевском военном госпитале (Петербург). Позднее Н.Д. Эйхенбаум занималась частной практикой, лечила женские и детские болезни. В Воронеже работала сверхштатным ординатором губернской земской больницы и родильного дома, состояла врачом Мариинской женской гимназии, преподавала курс гигиены в различных женских учебных заведениях, занималась популяризацией медицинских знаний⁴. Мать Бориса Михайловича умерла 3 июня 1914 г., погребение состоялось через три дня на Чугуновском кладбище⁵.

Б.М. Эйхенбаум окончил воронежскую классическую гимназию в 1905 г. В двух параллельных выпускных классах учились 49 человек, из них 13 получили золотую, а 2 – серебряную медали⁶. Среди золотых медалистов, кроме Бориса Эйхенбаума, были Виктор Гаазе (сын будущего директора гимназии), Владимир Лимбах, Александр Подольский, серебряную медаль получил Иван Шауров (1886–1973), который вскоре активно включился в революционное движение.

Предлагаемые вниманию читателей письма гимназиста Бориса Эйхенбаума адресованы его старшему (и единственному) брату. Всеволод Михайлович родился в 1882 г. в Тихвине, умер во Франции в 1945 г. Это была яркая личность, обладавшая незаурядными интеллектуальными и художественными задатками. Окончив ту же гимназию, что и Борис, Всеволод уехал в столицу; будучи студентом, вступил в партию эсеров (псевдоним «Волин»), посылал зашифрованные письма в Воронеж врачу Л.Н. Попову⁷. Охранка проявляла пристальный интерес к В.М. Эйхенбауму, который, в конце концов, был в Харькове арестован, а затем судим и сослан на каторгу, откуда бежал (1907); свою последнюю ночь в Петербурге провел у брата Бориса. Во Франции эмигрант В.М. Эйхенбаум продолжал образование, занимался научной и творческой деятельностью. Его сын, Игорь (1910–1987), стал летчиком и в период второй мировой войны воевал с фашистами в составе прославленного авиаполка «Нормандия-Неман».

В.М. Эйхенбаум оказал на младшего брата большое духовное влияние, помог определиться в острейших общественных и этических вопросах. Об этом свидетельствуют и печатаемые здесь письма Бориса к Всеволоду. Впрочем, письма имеют и самосто-

тельную ценность: они знакомят с внутренним миром автора, с путями поиска им истин, с кругом неформального гимназического чтения. В противовес казенной учебной программе старшеклассники увлеклись произведениями откровенного социального содержания и демократической направленности. Любопытно, что разбросанные в письмах сведения о наиболее популярных среди учеников публицистах (Писарев, Белинский, Добролюбов и др.) в целом совпадают с утверждением мемуариста И. В. Шаурова⁸.

Комментарии к письмам носят сугубо краеведческий характер – именно в этом, как нам кажется, прежде всего нуждаются эпистолярные тексты. Публикаторы ставили своей целью раскрыть содержащиеся в письмах воронежские реалии, обратив особое внимание на персоны учителей и товарищей автора по гимназии. При составлении комментариев использовались переписка Б.М. Эйхенбаума с отцом (мать лишь изредка делала приписки к посланиям Михаила Яковлевича), хранящаяся в РГАЛИ (ф. 1527) в Москве, а также воронежские газеты начала XX в.

Оригиналы публикуемых писем увез с собой во Францию В.М. Эйхенбаум, в семье которого они позднее и сберегались. Дочь литературоведа, москвичка Ольга Борисовна Эйхенбаум (1912–1999), в 1970-е гг. скопировала эти письма. Первый экземпляр машинописи остался в ее домашнем собрании, а второй в середине 1990-х гг. она предоставила нам для публикации.

1.

28 окт[ября] 1902 года. 8 ч. 15 м. вечера
Дорогой Всеволод.

Уже давно собирался тебе написать, только времени мало, да и охоты мало было, а без охоты писать не стоит. Насчет гимназических дел все идет пока ничего; дома прилично: не обходится, конечно, без шума, маленьких трагедий и сцен, но, во-первых, они меня не так огорчают, как раньше, ибо я вижу, что мама очень часто говорит совсем не то, что действительно думает, и что большинство этих сцен происходит только от уязвленного каким-нибудь пустячком материнского самолюбия, а во-вторых, сцен таких несравненно меньше, чем раньше. Итак, в этом отношении вполне сносно.

Насчет чтения – читаю. Конечно, надо бы еще гораздо больше читать, но эта «помойная яма» – гимназия, все-таки занимает время и на остальное остается немного; тем не менее я читаю,

хотя очень часто в ущерб урокам; подложу, этак, во избежание всяких нареканий, под какую-нибудь превосходную книжечку, вроде Тургенева, «Одиссею» Гомера или «Метаморфозы» Овидия и читаю, значит, свалив все на шею бедных педагогов (много, мол, задано). Тургенева я еще недавно начал читать снова; года два тому назад я прочитал всего его, и не могу сказать, чтобы он меня заинтересовал; в голове у меня оставалась каша после чтения. Теперь – совершенно обратное: я начинал с «Нови»; со страшным интересом прочел я ее и взялся за «Рудина». Тут я чуть не прыгал от восторга; какой чудесный роман! Когда я прочитал «Рудина», то «Новь» показалась мне гораздо бледнее, может быть, потому, что в последней герой Нежданов произвел на меня, по крайней мере, впечатление какой-то тряпки, человека, который даже перед таким поступком, как бегство с Марианной, не мог отдать себе ясного отчета в том, способен ли он «опроститься», соединяет ли его с Марианной одна и та же цель, или нет. Такой герой совершенно не удовлетворяет читателя, а развязка заставила меня только выругаться; ей-богу, пошлый конец! Ждешь Бог знает чего, и вдруг тот стреляется, эта выходит замуж за управляющего фабрикой; вот тебе раз! А где же эта горячая любовь к народу, где эта замечательная идея «опроститься»? Где все это? Как не бывало. Вот и остается пустота, неудовлетворенность.

А «Рудин» совсем другое. Рудина я понял, как замечательного человека. Вчера, между прочим, был у Лимбаха⁹; там было несколько человек из нашего класса, которые собрались с одной целью (это потом расскажу). Заговорили о Тургеневе, съехали на Рудина. Начали говорить, что Рудин фразер; я восстал: да позвольте, какой же это фразер? Ведь он говорил, веря в свои слова; ведь он готов был доказать на деле свои слова, только жизнь не давала; ведь он действительно любил Наташу, действительно увлекался, будучи учителем русского языка! Какой же это фразер? Пусть ему не удалось ничего; это указывает на то, что у него не доставало силы воли и энергии, а никак не на то, что он фразер. Ведь правда? Так я себе объясняю, так я понял Рудина; я не читал критики на него и не слышал вообще суждений других лиц о нем, так что, может быть, ошибаюсь. Как ты думаешь? Пока меня не разубедят в этом, я буду думать так.

После «Рудина» я прочел тоже со страшным увлечением «Накануне». Роман замечательно оригинальный. Редко бывали у меня такие приятные минуты, как когда я читал «Рудина» и «Накануне».

После этого я прочел том повестей и даже повести я читал с редким увлечением. Затем я взялся за Белинского. Прочел я том III – «Критическая история русской литературы». Сознаюсь, что некоторого не понял, но я чувствовал этот сильный ум и логику, а это доставляло мне громадное удовольствие.

Правда, сначала мне казалось скучным; но это я объяснил себе тем, что, читая столько времени Тургенева, я слишком круто перешел к Белинскому. Слишком большая разница! Так увлекаясь Рудиным или Инсаровым, я не мог так же увлечься критикой. Потом меня заинтересовал Белинский и я с удовольствием прочел до конца. Затем я опять взял Тургенева и прочел еще том повестей («Песнь торжеств[ующей] любви», «Клара Милич») и т.д.

В прошлое воскресенье я был у Володьки Лимбаха; он много читает и вообще довольно симпатичный малый, Он дал мне прочесть том повестей Горького. Там были «Коновалов», «Супруги Орловы», «Бывшие люди», «Варенька Олесова», «Охотник» и т.д. Первую повесть я прочел с удовольствием; вторую с меньшим удовольствием и, наконец, зевнул. Слог у него очень хороший и сильный; а чего-то нет; что-то однообразное везде. Вчера я опять был у Володьки. Там собралось несколько товарищей. Да! Эти несколько товарищей составили кружок, в котором и я буду участвовать; мы будем собираться у Лимбаха, например, и читать, а прочитавши, рассуждать. Что от этого будет, не знаю. Вреда, во всяком случае, не будет, а если польза, то и прекрасно. В следующее воскресенье мы соберемся и прочитаем сочинения св[ященника] Петрова¹⁰. Ведь он замечательно пишет. Прочтем мы сначала, должно быть, «Школа и жизнь» его. Прошлый раз мы собирались для того, чтобы решить, что читать, когда и т.д. и вот там-то и спорили о Рудине. Участвовать будет человек восемь: Ходский¹¹, Яровицкий¹², [Николай] Берг (это вечно лохматый господин, неимоверного роста, с неимоверными движениями и, кажется, довольно узкий господин: он прошлый раз все восставал против чтения сочинений священника Петрова, кричал, что раз поп, значит дрянь и т.п. Но это не мешает. Такой типик даже интересен).

Всех перечислять не буду, ибо они тебе все равно неизвестны. Посмотрю, что из этого выйдет.

Еще одно: меня страшно увлекает рояль; когда никого нет дома, я не могу заставить себя учить уроки, а иду в гостиную, сажусь за рояль и фантазирую. Кое-что есть уже определенное, и я

играю это кое-что каждый день, чтобы не забыть. И, например, сейчас у меня составляется что-то вроде сонаты; первые две части я играю; остальное вертится в виде хаоса в голове. Что это – чепуха? Или, может быть, что-то выйдет из этого? Надеюсь еще, что у меня будет что-нибудь вроде голоса. Ну, посмотрим, что будет.

И вот среди таких волнений, мыслей, увлечений и мечтаний у меня вдруг является мысль, что все это чепуха, что все это игра судьбы, которая надаёт ранних надежд, а потом все это к чертям, как не бывало! Доходит даже до того, что мне кажется, что я совершенно ни к чему не способен, я начинаю невольно, против всякого желания с моей стороны ловить себя, чтобы увериться, что я идиот и т.д. С чего это? Не знаю.

Ну, всего все-таки не скажешь в письме.

Начал писать в 8 ч. 15 мин., а сейчас уже 10 час. 20 мин. Надо ложиться. Буду ждать от тебя письма. Целую тебя крепко. Будь здоров.

Твой Борис.

Утром 29-го.

Сейчас встал. Уроки знаю, а посему повторять не буду. У нас новый немец¹³ – нечто ужасное: прямо какой-то [неразборчиво одно слово. – А.А., О.Л.]. Белобрысый, с рыженькими усами, здоровый, толстый, рожа всегда красная, нередко водкой несет; обращается невероятно грубо; нисколько не сдерживается, а в порывах гнева дубасит изо всех сил кулаками по столам или по кафедре. Раз так хватил по кафедре, что боковой бордюрик отлетел совсем. Тем не менее, занимается он хорошо, и, если бы не был так груб, дело пошло бы на лад.

Что такое с Кожиной? Она две недели не писала мне, потом раз написала и вот скоро месяц, как опять не пишет.

Ну, еще раз крепко целую тебя. Будь здоров и бодр.

Твой Борис.

2.

15 янв[аря] 1903 г. 10 час. вечера.

Итак, любезный брат, приступаю к письму, в котором думаю изложить тебе некоторые мысли, убеждения и т.д. Этот год принес мне много новых впечатлений (т.е. учебный год) и новых сомнений, ибо, во-первых, этот возраст есть начало брожения, а брожение это приносит с собой столько же новых мыслей, взглядов, сколько сомнений, а, во-вторых, различные факты и лично-

сти заставляют меня приглядываться к ним, думать о них и часто остаются для меня загадочными. Таковы наш поп¹⁴, мой товарищ Махин¹⁵. Больше всего меня возмущает и интересуется меня наш поп, но, несмотря на все наблюдения за ним, я все-таки не могу понять, что это за человек. Я очень часто вступаю с ним в разговор; между прочим, сегодня весь урок вел с ним беседу. Началось с того, что он стал говорить, уже не помню по какому поводу, что у нас не может быть никаких собственных убеждений, никаких воззрений на жизнь. Затем он заявил, что только апостолы были люди с убеждениями (!?). Хотел я спросить его на манер Рудина: «Это Ваше убеждение? Следовательно, у Вас есть убеждения? Следовательно, Вы убежденный человек. И еще, следовательно, Вы, по Вашему убеждению, апостол». Да, во-первых, он бы все равно вывернулся, а я нажил бы себе злейшего врага, ну, а во-вторых, стали говорить о другом и это замаяли. Стали говорить о древних языках, я стал говорить ему, что, по моим наблюдениям, древние языки (так, как они проходятся у нас) совершенно не развивают правильного мышления, логики; что это удивительно механическая работа, требующая зубрежки. Он ни на что не ответил прямо и ясно, но вывертывался везде. В конце урока стали говорить о цели гимназического образования и, вообще, гимназии. Я высказал ему свое мнение насчет того, что должна сделать гимназия для каждого ученика: она должна утрамбовать, что ли, почву, на которой стоит каждый ученик, должна ответить на его вопросы о жизни, вере и труде, должна рассеять его сомнения, одним словом, должна действовать так, чтобы ученик, после восьмилетнего пребывания в ней, вступил в жизнь с некоторыми убеждениями, с какими – это вполне зависит от характера и ума человека. Тут прозвенел звонок и поп, красный от злости, ушел. Мне интересно, что это – убежденный фразер, или нет. Верит он сам в то, что он говорит, или нет? Черт его знает, не понимаю!

Вот еще интересная штука! В 6-ой главе от Матфея есть такое место (с 6-го стиха): «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою, помолись Отцу Твоему, Который в тайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говори же лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своём будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. Молитесь же так: [следует молитва «Отче наш». – А.А., О.Л.]». А что же все эти ектении, молитвы, акафисты – это не ужасающее многосло-

вие? Вот они, сомнения, вот весь туман, в котором больше всего виноват этот поп. Мне делается каждый раз досадно, как я подумаю, сколько мог бы он приносить добра нам, именно благодаря своему положению: ведь он единственный человек, которому его положение священника не только позволяет, но и заставляет говорить с нами о всем, говорить просто, ясно. А он? Сволочь он! Как вспомню я про 7-ую заповедь¹⁶, как он намеренно не объясняет и не спрашивает ее, так мне прямо хочется плюнуть в его красную рожу. Да! много он зла приносит нам, по крайней мере, мне.

Мама записалась опять в библиотеку на 2-ой разряд (4 книги), причем одна книга моя. Это замечательно хорошо, и, кажется, большое влияние тут имело твое письмо о «промахе в нашем воспитании». Так, по крайней мере, мне кажется.

Взял я у Ходского Писарева и читаю. Мне очень нравится простота и мягкость (а вместе с тем и замечательная логика), с какой он развертывает перед читателем свои мысли.

Дома никого нет. Мама и папа в театре¹⁷. Видишь, как у меня мало свободного времени: сейчас уже без двадцати минут двенадцать, а я русский урок похерил, да и остальные приготовил так, слегка.

Однако, пора кончать. Спокойной ночи. Завтра продолжу. Твой Бобря.

Чернила скверные.

16 янв[аря]. 8 час. веч[ера].

Так вот, дорогой мой, продолжаю. Сегодня получил письмо от тебя, в котором ты опять бранишь меня за то, что я не пишу! Чудак ты! Вспомни, сколько было тебе дела в 6-ом классе; а у меня урок с Макаровым, с мамой по франц[узскому] и по нем[ецкому] занимаюсь, на скрипке поигрываю; кроме того, по математике занимаюсь довольно усердно, ибо она меня все-таки интересует; затем иногда почитать хочется, вот оно и выходит, что некогда. Ведь вот сегодня я уроки опять только прочитал, но ведь так каждый день нельзя. Наконец, если хочешь, еще одна причина, о которой я, кажется, писал тебе: очень часто, после шестичасового сидения в гимназии, затем зубрежки дома, я погружаюсь в какую-то апатию, в какое-то оцепенение; тут уже писать нет никакой охоты; а заставлять себя писать – выйдет напряженно, неестественно, одним словом, не то; а надо быть, прежде всего, самим собою. Итак, сей вопрос я считаю исчерпанным.

Теперь кое-что о математике: математика, вообще, наука довольно сухая, особенно в объеме гимназического курса, но она удивительно развивает последовательность мышления, логику. Занимаясь с Макаровым, я с первого урока заставлял его привыкать к этой последовательности мышления, как в теоремах, так и в задачах, и, кажется, добился некоторых результатов. Именно с этой точки зрения меня и занимает больше всего математика; мне нравится, как постепенно, черепашьям шагом разворачивается какая-нибудь мысль и, наконец, делается ясною и светлою, как день.

Сегодня в гимназии я чуть не подрался с Махиным. Вызывает сегодня ацтек¹⁸ одного ученика, Сорочинского¹⁹. Тот прекрасно доказывает две теоремы, отвечает без запинки все определения; ацтек ставит ему совершенно справедливо (что он делает очень редко) – 5. И ведь совершенно правильно. Человек трудился, учил; пусть он неспособен, но он учит! Вызывает ацтек Махина. Махин всегда отличается на задачах, да и не удивительно! Он все лето занимался с одним горняком Матвеевым, который держал экзамены в несколько специальных и во все выдержал, причем в электротехническое выдержал первым! Поэтому не удивительно, что он напрактиковался на задачах. Теории же он никогда не учит, и ни черта не знает. Итак, вызывают его. Он путается, вывертывается со свойственным ему необыкновенным нахальством, опять путается, видимо прочитал перед уроком. Ацтек сажает его и ставит ему 4 (по-моему, снисходительно!). Так вот, после урока Махин кричит, какое он имеет право ставить ему четыре, что он бросит заниматься, и т.д. Как это вдруг? Сорочинскому 5, а Махину четыре! Я стал ему доказывать, что это крайне несправедливо, что он заслуживает тройки за сегодняшний ответ. Он стал орать, и я замолчал. Эдакий чудак! Совершенно не может рассуждать справедливо, когда дело касается его! Я ведь писал тебе, что бываю теперь у ацтека, играю с его сыном и даже с ним. Это очень симпатичный и оригинальный человек.

Однако, надо поделаться задачки по геометрии, да почитать чего-нибудь. Сегодня я взял в библиотеке «Студенты» Гарина.

Ну, до следующей беседы. Твой Бобря.

17 янв[аря]. 9 час. веч[ера].

Дома никого нет. Уроки готовить положительно нет никакой охоты. Тем не менее, я заставил себя выучить по физике и по закону [Божию], а остальное – чепуха! Сегодня нам подкинули новорожденного мальчика; дворник отнес его в часть, а оттуда

его отправят, конечно, в приют для подкидышей. Несчастный! А сколько их – таких несчастных! Действительно, человек – самое отвратительное животное; животное, которое, обладая разумом, делает такие ужасающие жестокости!

Читаю «Студенты» Гарина. По-моему, он подпускает много пессимизму. Ни одного человека, увлекающегося науками, здорового человека! Все какие-то уроды! Разврат – это у них самое обыкновенное дело! Я даже не понимаю: неужели нельзя прожить без этого разврата, без этих женщин? Конечно, можно. Нужно иметь силу воли, характер и здравый рассудок; кроме того, надо, конечно, чем-нибудь увлекаться, заниматься.

Интересный тип этот Махин. Это уже вполне грязный человек; приобретший особый вкус на женщин, наслаждающийся в театре голыми ручками и ножками и т.д. и т.п. Я с ним хожу всегда из гимназии, ибо нам по дороге почти до самого дома²⁰ и всегда ожесточенно спорим. Очень часто спор сворачивается на женщин: он доказывает мне, что быть абсолютно чистым в этом отношении так же невозможно, как не есть хлеба, я же доказываю обратное. Конечно, мы никогда не соглашаемся друг с другом, тем не менее, спорим очень часто. А какой противный Борис Мартынов²¹! Он ведь приходил сюда будто бы потому, что был слишком потрясен событиями в их семье.

Однако что-то непохоже. На первом плане у него стоит еда: он сам выдумывает кушанья, сам приготовляет их и жрет за пятерых. Это так неестественно для студента, что даже забавно.

Да! «Жизнь – дело грубое», как сказал Тургенев.

Ну, перейду теперь на различные события последних дней.

Ты ведь знаешь, что Марьюшка ушла от нас? Как же-с! Уж две недельки-с прошло. Сегодня к нам поступила новая, Анютина знакомая, тоже Марья Николаевна, но молодая, девушка. Готовит вкусно.

В воскресенье розыгрыш лотереи в пользу вспомоществования учащимся; мама взяла 4 билета²². Завтра мама пойдет к Посельским²³, прощаться с Людмилой и отнести это письмо.

Завтра же иду с папахеном в баню. 2-го февраля мы, может быть, поедем все в Грязи к Феферу на блины. Мама собирается читать новые публичные (и для мужч[ин] и для женщ[ин]) лекции о гигиене кожи. Вот тебе все свежие новости.

Симпатичный у нас учитель греческого языка²⁴: должно быть, необыкновенно много читает, ибо, как ни пойдешь в библиоте-

ку, он все там. И вообще симпатичный: такой тихий, простой, умный. Лоб огромный, глаза, как два уголька, маленький, хромой и косолапый, в очках, брюнет, с пышными усами.

Завтра, должно быть, не успею написать тебе, а посему до свиданья через два месяца. Поклон Александре Владимировне и Володе. Чего они молчат? Как будет время, напишу им.

Будь здоров и бодр. Я верю, что жизнь хороша, верю в свою волю, в свои силы, в себя. А Гаринских типов к черту! Это – уроды.
Твой Бобря.

3.

6-го марта [1903 г.] 8 час. веч[ера]

Дорогой мой Всеволодушка. Опять я давно не писал тебе, но, ей-ей, не мог. Конец четверти, тут самому надо призаняться, тут с учеником пропасть дела; но теперь, слава Богу, все это почти кончилось: четверть кончается в субботу, а теперь спрашивают уже только двоешников; а ученик мой будет иметь в четверти все тройки, чему я, конечно, очень рад. И вот неисправимый Саша, которого били плетью за каждую двойку, которого уже решили взять из гимназии и сделали только последнюю пробу – наняли репетитора, этот самый Саша без всяких угроз и наказаний, без всяких унижений и т.д., начинает учиться, начинает понимать и вдумываться, начинает интересоваться и, что всего удивительнее и блестящее, перестает обманывать. Вначале он очень часто, говоря мне уроки, скрывал отметки и т.д., я знал все, но не подавал виду, что я узнаю со стороны, я боялся затронуть его самолюбие, ибо это чувство необыкновенно сильно развито у этого мальчика. Многие родители и педагоги думают, что раз мальчик лжет, обманывает, то у него нет самолюбия, которое само по себе есть чувство скверное, но если у человека есть сила воли, есть характер, есть разум, то это чувство может быть источником добра. Так вот, коли мальчик обманывает, то надо посмотреть, почему он обманывает, что у него за домашние обстоятельства, одним словом, что это за человек, а тогда уже рассуждать. Вот Макаров лжет потому, что он знает, что все равно, скажет он или не скажет, он получит плеть, это во-первых, а во-вторых, потому, что после каждой такой сцены начиналось чтение нотации, а затем все уроки спрашивались, к малейшему пустяку придирались и т.д. А его характер не переносил этих нотаций; он это ясно выразил в том, что в самом начале моих занятий с ним попросил меня не

жаловаться отцу, потому что отец «пойдет лекции читать, а я не люблю, когда встречаются в мои уроки». Вот в этом слове «встречают» выразился весь его характер, выразилась не лживая душа, а душа забитая и озлобленная побоями и этим «встреванием». Я ни разу не прибежал к чужой помощи и ни разу не говорил ему, что он неверно готовит уроки, но добился того, что он сам мне раз сознался. Я, спрашивая, что задано, просил его говорить верно, переспрашивал его, но, тем не менее, совершенно верил на вид тому, что он говорил; и вот раз, когда я спросил, верно ли он говорит урок, он покраснел и сказал мне, что не верно. Я поговорил с ним, никому, конечно, не жаловался и с тех пор он говорит уроки верно. Конечно, не со всяким можно поступать так, но, во всяком случае, сначала нужно узнать человека, вдуматься в этот сложный механизм души, а тогда уже рассуждать и действовать. Да! Совершенно это неправильный взгляд, что люди, уже помятые и изломанные жизнью, могут лучше понимать и разбирать людей, чем не изломанные ею; [неразборчиво одно слово. — А.А., О.Л.] именно потому, что они изломаны, помяты жизнью, некоторым образом ненормальны, именно потому, что они уже выкупались в этом море жизненных мелочей и гадостей не могут правильно понимать чувства ребенка, они не настолько чутки, их чувство притуплено жизнью, у них крылья обрублены, они не могут высоко летать и смотреть на вещи с более высокой точки зрения. Поэтому так часто бывает разлад между родителями и детьми. Раз родители дали жизни обрубить свои крылья, дали жизни притупить свою чуткость, то они не могут понять своего ребенка, не могут узнать его, не могут правильно воспитать его. Это все равно, что положить рядом большой фальшивый и маленький настоящий бриллиант: как бы фальшивый ни переливался и ни блестел, все-таки настоящий несравненно драгоценнее его, потому что у фальшивого с другой стороны замазано, он поэтому и блестит так, а у настоящего и с другой стороны так же светло, как с одной. Ну, впрочем, об этом довольно.

Теперь об Андрееве. Давно я хотел поговорить с тобой. По моему, это не писатель, не художник, это – писака и писака вредный, который сажает нарочно кляксы на каждом шагу. Например, его рассказ «Бездна», что это такое? Грязь, и грязь такая, которая настолько грязна, что даже трудно представить себе ее такую грязною. Зачем это написано? Польза, которую приносит писатель, описывающий грязь жизни, состоит в том, что у читате-

ля является чувство отвращения к этой грязи, а следствием этого отвращения есть уклонение от нее. Но, чтобы вызвать такое чувство, писатель, во-первых, должен быть художником, и художником правдивым, который рисует картину художественно, но до мельчайших подробностей верно, а во-вторых, он должен воспроизводить коренную, повседневную грязь жизни, а не рисовать исключительные случаи; наконец, в-третьих, он должен выводить здоровых сильных людей в борьбе с этой грязью, а не каких-то ничтожеств, больных, безвольных и ненормальных людей, тогда только это может принести пользу, и пользу большую. «Бездна» – это совершенно какой-то безыдейный и бесцельный рассказ. После него остается один ужас и недоверие к факту, который там описан, а это страшно вредно. Зачем понадобилось Андрееву раскатывать такую грязь? Не понимаю. Грязь, описанная в этом рассказе, может принести такую же пользу читателю, как пылинки, попавшая в ведро с помоями и извлеченная оттуда, может очистить воду от помоев. Чтобы очистить ее, надо вынуть главное, что грязнит ее, а не пылинку, которая случайно попала туда.

Рассказ «В тумане», который наделал столько шума, по моему, тоже не художественен и не может принести ничего кроме вреда. Герой этого рассказа, Паша, ученик 7-го класса гимназии; нормальный мальчик, а я называю нормальным того, кто имеет хоть немного силы воли, характера и разума, в 7-ом классе уже может жить вполне самостоятельно: у него уже развита сила воли, развито собственное мышление, характер. Пусть он скверно воспитан, так, как андреевский Паша, но ведь сила воли, разум – это ведь врожденное. У Андреева Паша – это совершенно безвольное существо, вполне подчиненное чувству; а такой человек – ненормальный, больной. Так. Ну, а зачем нужны нам типы больных людей? Нам нужны здоровые люди, нам нужно указывать, что делать здоровым людям, как находить им смысл жизни, как бороться с сомнениями, в чем состоит смысл жизни и т.д. А что же Андреев? Опять-таки один ужас, одно недоверие, разочарование и пустота, мрачная пустота в сердце, больше ничего.

Наконец, краткий очерк его «Из моей жизни», помещенный зачем-то в «Журнале для всех». Опять-таки глупо, бесцельно. Что значат такие фразы, как: «в коридорах звонкая тишина, играющая шумом шагов». Что за декадентство, набор слов? И как это глупо, узко и старо хвастаться тем, что он был последним учеником! Это глупо и узко, потому что и в гимназии есть чем хоть немножко

увлечься, только для этого надо иметь чуточку «искры Божьей», а у Андреева ее нет. Вот что я хотел тебе сказать. Конечно, еще много можно говорить об этом, но неохота.

Читаю я Писарева, которого достаю у одного ученика. Но на счет этого в другом письме. Скажу только, что не понимаю, почему нам не советуют читать его. Читаю я и Петрова; купил его «Школа и жизнь», хорошо пишет, умно.

Ну, крепко целую тебя.

Папа вчерашний день провел в Липецке, куда его увозил купец на практику; сегодня утром приехал, заработал 50 рублей. Мама будет читать две публичные лекции о гигиене кожи: 8-го и 10-го²⁵.

Будь здоров и пиши.

Твой Боря.

4.

22.3.1903. 5 час. вечера.

Опять я давно не писал тебе, дорогой, но, право, исключительно потому что некогда. Теперь самое отвратительное время: идет весна, несет с собою жизнь, радость, работу, а к Цицеронам, Ксенофонтам и вообще ко всей этой «мертвой учебе» нет никакого влечения; хочется жить чем-то более высоким и разумным, хочется сбросить с себя всю тяжесть этой учебы, хочется отвернуться от всего этого мелкого, смешного и никому не нужного гимназического мира, а отвернуться нельзя. Слава Богу, что вся эта учеба дается мне легко, что мне хоть немножко времени остается на чтение. Затем много времени уходит на ученика; конечно, это время не проходит бесполезно для меня, ибо я могу ясно наблюдать за всеми движениями такого сложного механизма, как человеческая душа, а такие наблюдения приносят огромную пользу, но на письма времени совершенно не остается. Читаю я все больше Писарева, который мне страшно нравится; я даже сам поражаюсь, какое сильное влияние оказывает на меня чтение Писарева: когда я успеваю утром, до гимназии, почитать его, я делаюсь на целый день бодрым, свежим, спокойно веселым; я чувствую себя так, как путник, измученный от жажды, чувствует себя после того, как выпьет хоть немного свежей и чистой воды. Я нарочно наблюдал за собой: обыкновенно я уже с утра чувствую себя усталым, особенно за последнее время, но почитавши Писарева, я делаюсь совершенно иным человеком. Мне кажется, что тут дело, во-первых, конечно, в таланте Писарева, а во-вторых, в том увлечении и вместе с тем

в той замечательной логичности и ясности, с какой он пишет. Сегодня я окончил статью его под названием «Идеализм Платона» и вместе с ней кончил первый том. Это – замечательная статья, из всего первого тома мне больше всего понравился разбор «Дворянское гнездо» и «Идеализм Платона». На днях я взял в библиотеке соч[инение] Кареева «Мысли об основах нравственности». Много есть непонятного для меня, тем более, что особенно вдумываться некогда, хочется побольше прочесть.

Поп все продолжает проповедовать свое анти-человеческое учение и, право, мне иногда делается так смешно, слушая его, что я едва удерживаюсь, чтобы не расхохотаться. Почитаешь эдак утречком Писарева, который убеждает, что человек не смеет подавлять в себе свои силы, что он должен быть свободен и не подчиняться ничему чужому, что он должен сохранять свою личность, свою индивидуальность, а потом послушаешь попа, который учит, что нужно смотреть не на то, что есть, а на то, что должно быть (!) и что никогда не нужно спорить и возражать ему, потому что мы мало знаем, а нужно только слушать, что говорит он и заглушать в себе всякие вопросы, сомнения и т.д. (!!!), так, ей-богу, смех разберет. Хорошенькая теория! «Не смотрите на то, что есть, а на то, что должно быть». Я знаю, что мужик не должен голодать, что все люди должны быть одинаковы, но на самом деле этого нет; так, значит, я не должен и обращать внимания на это. Пусть себе мужик голодает, пусть одни просят милостыню, а другие пусть раскатывают на шинах, пусть! Ведь я знаю, что этого не должно быть и знаю, как должно быть, так что же еще? Значит, сиди себе и упивайся фантастическими представлениями о том, как все это должно быть. Хорошая штука!

На этой неделе у нас играла петербургская артистка Комиссаржевская. Я был на одном спектакле; шла пьеса Зудермана «Родина»²⁶. Пьеса для русского человека мало понятная, но играла Комиссаржевская чудно. У нее необыкновенно сильно играет и меняется все лицо, необыкновенно выразительные глаза, и она до такой степени увлекается сама, что совершенно забывает, что она играет, а вместе с нею и зритель забывает, что все это на сцене. На меня она произвела очень сильное впечатление. Летом здесь будет играть Смирнова с мужем, так что ты, должно быть, увидишь их. В одно из ее посещений у нас было много речи о тебе; вообще она человек очень интересный и очень хороший. Мама много раз рассказывала ей о тебе и ей будет очень интересно увидеть тебя.

17-го марта умер директор Воронежского банка и писатель Евгений Львович Марков. В среду его хоронили²⁷, причем похороны были очень пышные: впереди несли 36 венков, а сзади шли родные, знакомые и бесчисленное множество самых разнообразных учащихся. Видишь, как у меня мало времени, все это письмо я пишу урывками, а это страшно неприятно. Я начал писать в 5 ч[асов], а сейчас уже 10. Сначала пришел Женя, потом ученик, потом я приготовил один урок, а в промежутках пишу тебе. Так ведь это суббота, когда впереди есть воскресенье, а в обыкновенные дни совершенно нет свободного времени! Ложусь я рано, ибо порядком устаю к вечеру, все-таки шестой класс довольно трудный, шел я хорошо и вообще в этом году занимался довольно много, так что порядком устал и чувствую потребность в отдыхе. Теперь осталось немного: до Пасхи неделя, да там еще месяц, вот и все! Слава Богу! Еще два года и тогда все кончено! Завтра я положительно весь день занят: после обеда репетиция в оркестре, затем некоторые поручения мамы, так что приду как раз к обеду; после обеда трио у Ростроповича²⁸, а вечером, должно быть, пойду в концерт Смирнова (баритона)²⁹ и еще там других. Сейчас буду ложиться, а то что-то глаза устали. Завтра постараюсь уловить кусочек времени, чтобы написать тебе.

Твой Боря.

P.S. Да! Чуть было не забыл! Нина Витольдовна m-lle Ростропович³⁰ кланяется тебе. Идет слух, что она выходит замуж.

24-ое. 10 час. веч[ера].

Видишь, когда удалось взяться за перо; уже 10 час. И то потому, что я не пошел ко всенощной, а то бы совсем не успел. Мама сегодня работала; она уже давно жаловалась на боль в ногах, сегодня днем чувствовала себя скверно, а к вечеру совсем расхворалась; темп[ература] 37,8 и страшный озноб, так что она легла. Вчера я был в концерте; участвовали Смирнов, Дювернуа (меццо-сопрано)³¹, Гамовецкая (скрипка)³² и Романовский³³. Больше всего мне понравилась Гамовецкая: она играет необыкновенно легко, просто, изяшно и с увлечением. Вот уж у кого поет скрипка, я отвернулся, так прямо, как голос! Смирнов орет, никаких оттенков кроме fortissimo и pianissimo. После Пасхи будет гимназический литературно-музыкальный вечер в Дворянском Собрании; я буду играть в trio и solo. В пятницу репетиция у Ростроповича. Завтра постараюсь потолковать еще с тобой, а сейчас буду ложиться. У меня теперь к вечеру здорово устают глаза и вообще голова, так

что лучше потешусь завтра. До нас доходят слухи (между прочим, от Людмилы), что университет закрыт, а ты ничего не пишешь. Спокойной ночи. Твой Боря.

31-го.

Письмо завалилось, но снова писать некогда, да и ничего не произошло особенного за это время. Получил от тебя письмо на счет университета и пр. Сегодня я чертовски устал, ибо уже началось это бессмысленное хождение в церковь. Читаю Писарева, с учеником занимаюсь.

Целую и жду.

Твой Борис.

P.S. В пятницу я был у Ростроповича; играли трио и привели в восторг Витольда. За чаем он стал вспоминать о тебе и предсказал мне, что ты будешь «известный литератор». «Я, – говорит, – до сих пор храню листок, на котором он написал для игры в прилагательные рассказик; как-то у нас, – говорит, – вечер был, так вот играли в эти прилагательные. Это прямо художественное произведение. «Одним словом, рассыпался в похвалах. Ну, до свиданья.

Борис.

5.

Апр[еля] 12-го, года 1903-его

Сегодня, дорогой «профессор», получили от тебя два письма: одно, по-видимому, завалилось на почте, а другое вовремя. В одном из них оказалась и мне весточка, которая, конечно, страшно обрадовала меня. Особенных мнений у меня сейчас нет, но я все-таки взял перо, ибо, во-первых, захотелось поговорить с тобой, а во-вторых, время свободное.

Во мнении об Андрееве мы с тобою сходимся; еще недавно я был у Мартыновых и у нас с Софьей Александровной вышел спор о нем. Софья Ал[ександровна] горой стояла за него и между прочим сказала, что она убеждена в том, что ты считаешь Андреева талантом и будешь в разговоре о нем, который она завяжет, когда ты приедешь, стоять за него. Я ничего не отвечал, а сказал только «посмотрим». Шикарно она разочаруется в своей надежде! Сначала я судил об Андрееве только по впечатлению, которое производили на меня его произведения: «впечатления» собственно никакого; после чтения его произведения мне, обыкновенно, хотелось зевнуть, отбросить книжку и сказать: «Фу! Как это пошло и мерзко!» Затем я взгляделся глубже в это дело. Произведения

Андреева не производят впечатления, а только лишь отвращение. А к чему отвращение? Если бы к той грязи, которую он описывает, так это было бы хорошо. Нет. Остается отвращение к нему, к его героям и больше ничего. Остается скука и пустота в сердце. Он как будто высасывает из сердца все хорошее и насильно сует туда грязь и мерзость. «Вот», кричат люди, подобные С[офье] А[лександровне]; «вот талант! Он указывает нам, как вредно для юноши одиночество, как вредно такое воспитание». А что ж, это новость? А главное, герои его рассказов, по-моему, совершенно психологически не верны; одно из двух: или они психологически не верны, или они люди больные, ненормальные, с извращенным умом и чувствами. Возьми героя его повести «В тумане» Пашу. Паша, гимназист 7-го класса, вступает в период созревания, как умственного, так и телесного. И что же? Весь его ум заполнили женщины, он ни о чем и ни о ком не думает, ему кажется, что на женщинах зиждется все, что они суть центр всего. А что же ум? Ум не работает; у него нет никаких умственных потребностей, он ничем высоким не увлекается, он спит духовно. Разве это нормально? Нет. Затем дальше. У всякого здорового юноши 17-ти лет есть воля и разум; а есть ли это у Паши? Нет. Он даже не может остановить себя тогда, когда, уже больной, идет на улицу и видит проститутку. У него даже не мелькает мысли о том, что он делает, в какую пропасть он бросается. Он идет, закрыв глаза, идет, куда его влечет какая-то сила, а у самого него нет ни воли, ни разума. Разве это нормально? Нет. Итак, Паша – юноша больной, ненормальный. Но зачем нам нужны такие типы? Что, мало их у нас, что г-н Андреев со всеми подробностями выставляет их в своих рассказах? И без него хватит. А вот здоровых людей у нас мало, о них нужно подумать. Им нужно указать, как им идти в жизнь, как бороться с препятствиями, как находить смысл жизни. А это не по плечу г-ну Андрееву; он только и может выводить больных людей; хоть оправдание есть. Тут что ни накурпай, все можно отговориться: «больной, мол, ненормальный». То же самое и бездна. Ведь у него люди «в туман», нет ни одного ясного типа. Действительно, это – прохвост. Именно, на беспитчие...

Людей нет, это верно. Переходное время! Все нарастает, все двигается; над головою России висит благодатная туча; она скоро разразится страшным ливнем, который обновит все: все покроется свежей травой, все зазеленеет и расцветет. А пока времечко скверное: «парит» перед грозой.

Читаю я Писарева и отчасти Писемского. На Пасхе начал статью Писарева по естественной истории «Прогресс в мире животных и растений» и сейчас еще читаю ее. Она до того увлекла и заинтересовала меня, что у меня является мысль поступить на естественный факультет; больно что-то интересно! А пока буду стараться как можно больше читать по естествознанию. За программу самообразования я страшно благодарен тебе. Это так хорошо! А что же это за большой сюрприз?

Летом, между прочим, постараюсь изучить теорию музыки; Ал. Вл. уже купила по совету скрипача Михайловского³⁴ два учебника.

А давненько мы с тобой, Всеволодка, не видались! Немножко до года не хватает! Последний раз я видел тебя у Кожиной; это было в конце июня, – значит, 10 месяцев прошло.

Ну, теперь скоро увидимся, потолкуем, «снюхаемся», одним словом.

А пока целую и жду.

Твой Бобря.

6.

Апр[еля] 15-го, года 1903-его
Весна пришла, дорогой *fraterculus*³⁵!

Вот праздник, вот обновление, вот жизнь! Душа рвется из тесных стен гимназии, из пыльного города, из всего этого тесного, пыльного и мелочного мира. Действительно, для человека необходимо обновление, или хотя надежда на обновление; и когда наступает весна, когда видишь, как сама природа просыпается, обновляется, живет и работает, то невольно в душе загорается тихая надежда на обновление, на новую жизнь.

Началась гимназия, начались мысли, наблюдения и т.д. Между прочим, как наш класс резко разделился на несколько отдельных групп, которые, как только наступает перемена, моментально собираются и каждая заводит свой особый разговор. С одной стороны, группа ярых игроков в бильярд, в карты и т. д., к которому принадлежит [неразборчиво одно слово. – А.А., О.Л.], Махин и др. Из этой кучки слышатся самые разнообразнейшие восклицания: «Я тебе 20 очков вперед дам!», «Сволочь, когда же ты деньги мне отдашь?», «Сегодня махнем к Бибикову³⁶!» и т.д. Всякие восклицания и споры подобного рода. Затем группа пансионеров, которые отличаются необычайною грубостью нравов; они всегда на-

поминают мне «бурсаков» Помяловского. Между ними есть типы, близкие к Гороблагодатскому, к Сатане, Аксютке и т.д. Одни из них, растянувшись во весь свой рост, валяются на скамейках, другие занимаются тем, что щипяют, колят перьями и шелкают своих соседей, третьи сидят с совершенно оупевшими лицами и красными глазами и или молчат, или режут благим матом и ругаются. Далее расположилась группа школьных либералов и фразеров, которые всё и всех, кроме себя, презирают, которые кричат о какой-то свободе, которые своим шумом и своими фразами соблазняют многих мальчиков и потом их же оставляют в дураках, а сами удаляются на второй план. Они, главным образом, заметны по своему наружному виду: лохматые, растрепанные, с громким стуком каблучков и фамильярным обращением. Затем кучка, состоящая из людей обыкновенных, «смертных», они рассуждают обо всем понемножку, но рассуждают просто, весело и очень часто довольно здраво: тут находится Ходский, тут же, обыкновенно, и я. Мы рассуждаем обо всем: и о попе, и о Горьком, и о Писареве, и об Андрееве, и о математике, одним словом, обо всем, что интересует нас. Мы, конечно, спорим, воодушевляемся, отстаиваем свои убеждения, но тоже просто, без всякого насилия со стороны других (как это всегда делается в группе фразеров). Затем совершенно в стороне группа недалеких людей, которые совершенно ничем посторонним не интересуются; они или бегают по классу и с самым бессмысленным выражением лица бурчат урок по истории, или зубрят латинские слова, или сидят на своем месте и равнодушно смотрят кругом. Наконец, на заднем плане остаются люди, которые или стоят совершенно в стороне от всего класса, или не принадлежат ни к какой группе, а бывают и там, и там, послушают здесь, пойдут туда и т. д. Здесь видны Селиванов³⁷, который вечно углублен в книгу, Подольский³⁸, который ведет кочевой образ жизни, переходя от одной группы к другой, и много других. Вот картина, которую представляет наш класс на перемене.

На уроки трачу не более часу, – благо, легко даются. Остальное время трачу на чтение, занятия с учеником, игру на скрипке (хотя очень мало) и иногда фантазирование на рояле. Летом попробую изучить теорию музыки.

Ну, уже 11 часов, надо ложиться. Как будет время и желание, напишу еще. А сейчас спокойной ночи! Целую, целую и целую.

Твой Бобря.

Апр[еля] 16-ого.

Сегодня получили от тебя письмо. Ты, между прочим, спрашиваешь, что привезти мне из Питера; если ты хочешь подарить мне что-нибудь, то подари книгу по естественной истории. Как раз летом читать ее буду, а то в библиотеке очень мало что есть. А как, правда, давно мы не видели друг друга! А время-то самое живое, самое изменчивое. Новый день, новая мысль, новое впечатление.

Ну, скоро увидимся, поговорим, узнаем друг друга и будем жить!

Твой Бобря.

За программу я несказанно благодарен тебе.

7.

11 сентября 1903 года.

Четверг, 10 1/2 час.

Дорогой Всеволод. Я здоров и чувствую себя прекрасно. Лучше и бодрее всего чувствую себя по вечерам. В гимназии, начиная со 2-го, 3-го урока, чувствую себя какой-то растаявшей массой, абсолютно неспособной к труду и мышлению. Это бессмысленное часовое «сиденье» на уроках действует ужасно скверно: умственной работы нет, нервная система так расслабляется, что хохочешь, когда муха пролетит; ведь очень часто бывает, что в гимназии по какому-либо поводу хохочешь до упаду, до боли; приходишь домой, начнешь рассказывать, как хохотал в гимназии, оказывается, ничего смешного нет. Кроме того, эти «уроки» приучают к лени: ученик должен целый час сидеть, не двигаясь и не произнося ни одного слова, а что он делает? Если его не вызвали, он или спит, или думает о чем-нибудь совершенно ином; одним словом 5 час[ов] в день он должен сидеть без всякого дела. А если, не дай Бог, мальчику надоест бессмысленно сидеть и он займется каким-нибудь делом, начнет под столом читать книжку, готовить на следующий день урок, то бдительный педагог непременно поймает его, отнимет предмет его занятий, запишет его еще иногда в журнал и заставит его опять сидеть без всякого дела, бессмысленно ворочая глазами и ни о чем не думая. Это прямо приучает к умственной лени: мысль приучается спать. Мне иногда хочется, чтобы какое-нибудь постороннее лицо подглядело в шелку во время латинского, или греческого урока, или во время урока закона. У всех бессмысленное тупое, какое-то осоловелое лицо, все поочередно зевают и тянутся, а после урока не все сразу

поднимаются с места. Как будто они этот час провели в полулежаргическом сне и только что проснувшись, еще не совсем пришли в себя. Замечательная картина. Ну, да и довольно.

С Андрианскими³⁹ я занимаюсь. Меня, между прочим, назначили регентом, да, впрочем, ты ведь знаешь это, я и забыл. На днях, вероятно, получим от тебя письмо, поэтому я не спрашиваю, как ты устроился, как живешь. Извинись за меня перед Ал. Вл., что я ей не пишу, но, ей-богу, некогда. Вот как будет время, отыщу Мордовцева, и тогда напишу ей. Поклон ей от меня. Вчера видел Людмилу; она, конечно, все так же бледна и нервна. Мне кажется, что ей ужасно хочется поскорее уехать.

Еле выбрал время, чтобы написать тебе; уже 11 часов. Крепко, крепко целую. Буду писать, как можно чаще.

Твой Бобря.

Адреса твоего еще не знаю, поэтому завтра это письмо еще не пойдет. Как только получу от тебя письмо с адресом, так и отправлю.

Idem⁴⁰.

12 сент[ября] 5 час. 40 мин. 1903 [г.]

Сегодня, дорогой, получили от тебя две открытки. Жаль мне тебя, но что делать! Ты сам говорил, что в жизни велик подвиг, вот жизнь дала тебе подвиг, исполни его и тогда, вполне вооруженный и готовый к жизненной борьбе, выступай в поход. По поводу этих твоих писем произошла за обедом следующая сцена: папа плохо ел, мама спросила – отчего; он сказал, что аппетита нет. Потом оказалось, что аппетит был, «но», прибавил папа, «надо следовать всегда совету Гете». Мама спросила, что это за совет. «Не читать писем до обеда; если письмо хорошее, то после обеда оно способствует пищеварению, а если дурное, так не отнимает аппетита». «А что же в письмах Всеволода худого?» — спросила мама. «А что там хорошего?» – «Ну, что это за ответ. Что там худое?» – «Ему худо», отвечает папа. «Ну-у-у! Чем же ему худо? Только других расстраивать. Казанец». Я взглянул на папу, у него на глазах были слезы. «А что ж, ему хорошо, что ли?» После этого разговора все до конца обеда молчали, папа несколько раз вытирал платком глаза.

Ну, надо идти на урок; вечером, если успею, еще напишу.

Твой Бобря.

10 час. вечера.

Сейчас кончил уроки. Папа ушел в клуб, мама дома. Новый учитель математики прямо замечательный; относится к нам чу-

десно, так что я чувствую себя с ним, как с товарищем, более меня знающим. Объясняет он прелестно, вдохновенно. Рассказывает хорошим литературным языком, с жаром, горячо, так что, слушая его, увлекаешься. А чувствуешь себя после его урока необыкновенно хорошо, легко. Как будто целый час занимался чем-нибудь необыкновенно легким. И вот же ясное доказательство: математика – предмет самый трудный, требующий постоянного внимания и усиленного мышления, но так как она поставлена в гимназии лучше всех остальных предметов, да еще с таким преподавателем, то на уроке математики интересно; и после урока не чувствуешь себя растаявшей массой. А ведь как суха математика в сравнении с историей, географией, русским языком, конечно, не с такими, как они преподаются у нас в гимназии. Между прочим, поп спрашивал меня сегодня с чего-то о тебе. Я был дежурным, и, когда он вошел, то я подошел к кафедре, а он вдруг спрашивает: «Всеволод уехал?» – «Уехал». – «В Петербург?» – «В Петербург». – И больше ничего.

Завтра отошлю это письмо. Фр. Амалия почти наверно поедет на Рождество в Питер; а если она поедет, то я надеюсь, что и меня отпустят.

Ну, vivemus, – videbimus⁴¹.

Будь здоров.

Твой Бобря.

8.

18 сент[ября] 1903 года

Сегодня, дорогой Всеволод, я получил от тебя письмо и почувствовал неопишемую радость, прочитав его. Как это, право, будет хорошо, если мы будем переписываться хорошенько! Эта взаимная искренняя переписка будет нас обоих поддерживать и питать. Ведь ты – единственный человек, который отнесется горячо и с участием ко всякому моему горю или сомнению, высказывая вместе с тем мнения беспристрастные и искренние. Знакомым все это, конечно, все равно, а родители не могут не судить пристрастно, в ту или другую сторону. Или какой интерес писать об этом Ал. Вл., когда она не может высказать ни одного мнения, не имея предварительно в виду оправдание Володиных поступков, не может иметь ни одного убеждения, не связав его опять-таки с Володей. Итак, я буду писать тебе как можно чаще; как только есть свободное время, так и буду садиться за перо. Через полчаса

мне надо идти на урок, потом готовить уроки, потом писать сочинение. Если будет возможность, я еще припишу тогда.

Сегодня меня вызывал новый учитель математики; замечательно он симпатичный и интересный человек. На прошлом уроке закона Божия поп в один час разбил все ученье Дарвина, Ницше и Спинозы (!!!). Люди целую жизнь свою трудились, боролись, писали, а наш поп Иван в один час превратил в нуль все, что они сделали! Стоит после этого жить, а-а? Замечательно! Я только слушал, удивлялся и вспоминал, как ты рассказывал про попа, когда он у вас говорил о Дарвине; как он отошел от стола, выпятил пузо, сложил ручки на брюхе и хриплым голосом произнес: «Это я-ты, от обезьяны-ты произошел?» Но у нас он доказывал уже иным способом невозможность связи между обезьяной и человеком, причем в основание своего доказательства положил имя Владимира Сергеевича Соловьева, вероятно, желая этим придать более авторитета своим «филиппикам». Он говорил, что Соловьев в одном сочинении разбивает теорию Дарвина таким образом: Дарвин, говорит, ездил по разным странам, наблюдал над животными и вывел заключение, что человек произошел от обезьяны; но одно обстоятельство он упустил из виду, а именно: у человека есть чувство стыдливости, а у животных нет (!). Каково! Ведь прямо поймал Дарвина за хвост! Я думаю, что он соврал, указав на Соловьева. Ну, однако, надо идти. Если успею, напишу еще сегодня, а не успею, так завтра.

Твой Бобря.

9 час. веч[ера].

Уроки я кончил, а сочинение еще успею написать. Ни в одном классе я не чувствовал так сильно и так мучительно присутствия гимназии, как теперь. На латинском уроке бывает иногда так скучно, так хочется спать и тянуться, что, кажется, стены бы раздвинул сейчас, только бы уйти отсюда. Сидишь на уроке и думаешь: «зачем это? Какая во всем этом польза? Что думают эти самые «учителя», когда они в течение 30 лет ежедневно вызывают по 3–4 ученика в каждом классе, спрашивают переводы, склонения, спряжения, слова, глагольные формы и т.д. и т.п., ставят пятерки, четверки, тройки, двойки, единицы?

Неужели они и в этом выискивают какую-то несуществующую «пользу» и, сложив после 30-летнего «ужения» ручки на брюшке, торжественно, твердо, неопровержимо и гордо заявляют, что они исполнили свой долг, «принесли пользу молодежи, воспитали (ха-

ха-ха!) твердых государственных деятелей» и проч., и проч. И когда дерзостный юноша-слушатель недоверчиво качнет головой, то старый «рыболов» с некоторым презрением в голосе и в лице в состоянии ответить: «feci, quod potui»⁴², думая и даже будучи в душе уверен, что сделал не только «quod potui», но и больше, чем мог, сделал слишком много для молодежи?» Ведь это такие необыкновенные грезы, каких и во сне не бывает. Керсек, учитель лат[инского] языка, доводит иногда меня прямо до полного изнеможения, и физического, и нравственного. Войдет в класс, сядет на кафедру и сидит, не двигаясь, целый урок, разнообразя впечатления только «выужением» всяких «рыбок». Хоть все тут кругом вверх дном перевернись, он, кажется, не сдвинется с места и также невозмутимо спокойно и вместе с тем злобно будет вызывать одного ученика за другим. И – хороши отношения между учителем и учениками! И те, и другие весь урок упражняются: одни в «ужении», другие в «изворотливости». И какая ехидная и самодовольная улыбка играет на лице старого «рыболова», когда он, наконец, «нарежет», «словит». Какое-то внутреннее самоудовлетворение проглядывает тогда во всей фигуре педагога. Некоторые достигают, действительно, удивительного совершенства в этом искусстве. Да и не удивительно. Сколько учителей и сколько лет упражняются в одном и том же; если бы собрать вместе всякие соображения, ухищрения, маневры и фокусы, которые употребляют и пускают в ход наши педагоги для того, чтобы «словить» ученика, то можно было бы, наверное, составить объемистое руководство к нарезыванию бедных жертв «рыболовного» таланта. Сидя на французском уроке, вспоминаешь повести из гимназической жизни, в которых многое кажется невероятным. Но, посидев раз на таком французск[ом] ур[оке], всякий увидит, что все, описанное в этих повестях, по крайней мере, вероятно. Франц[узский] ур[ок] – это урок безобразия, общих разговоров и шалостей, на котором семиклассник превращается в приготовишку. Да иначе и быть не может. Только такие «гранитные» Подольские, да равнодушные ко всему меланхолики и спящие на задних скамьях Аяксы и могут спокойно и молча сидеть на таких уроках.

Ну, однако, довольно. Спать хочется. Будь здоров.

Поклоны Ал. Вл., тете Вере и Сереже.

Тебя целую.

Твой Бобря.

9.

20.11.1903 г[ода]

Ну, дорогой, впереди, слава Богу, четыре праздника, время есть, на душе легко. В понедельник не будет занятий по случаю 200-летия со дня смерти епископа Митрофана⁴³. В воскресенье, по этому же случаю, в гимназии обедня будет в 6 1/2 час. утра (!?). А кстати, я думаю, что класс попов, а вместе с ним все религиозные бредни существуют теперь и будут еще долго существовать, во-первых, конечно, вследствие недостатка развития в обществе, а во-вторых, потому, что семинария и все духовные учреждения имеют ужасно узкие права: ведь чтобы семинар[ист] попал в университет, надо, чтобы он был выдающимся, недюжинным человеком; чтобы попасть туда, надо по окончании семинарии сделать такую массу адской и абсолютно бесполезной работы, что не всякий сделает это. Надо иметь очень ясные цели своего стремления, надо быть энергичным, сильным и убежденным человеком, чтобы сделать это. А так как таких людей на сто – один, то попы продолжают существовать. Равным образом вряд ли найдется во всей семинарии такой человек, который, не заботясь о материальных выгодах и теплом местечке, пошел бы куда угодно, только туда, где он может принести действительную пользу, делать то, что ему кажется нужным и согласным с его убеждениями; это слишком большой «подвиг» для них, их опошливает и забивает в них всякие стремления это наше высокое «христианское» учение. Действует это учение разное: одни поддаются его влиянию и, делаясь попами, убеждены в полезности своего дела; другие, видя, что так или иначе они должны сделаться попами, что другого выхода из семинарии им нет, заставляют себя убедиться в этом, а третьи живут, чтобы жить и служить попами, чтобы есть, и не желают даже разбирать, полезно это или нет. У нас в классе нет ни одного ученика, который верил бы в церковь и в ее учение. И ведь это не исключение. А впрочем, об этом довольноно.

Сегодня у нас раздавали работу по математике; отметки такие: 12 пятерок, 14 четверок и три тройки. Двойки нет ни одной. Жижневский в восторге. Это замечательный человек. Собственно говоря, он наклеил предлинный, нос всем нашим «учителям». Он им показал, что можно сделать с классом, не употребляя никаких «педагогических» хитростей», уловок, хитросплетений, мерзостей и т.д. Он обращается с нами чудесно: о записях нет, конечно, и речи, даже странно подумать об этом, двойки пока не поставил ни

одной, о колах нет и разговора; за все время ему ответили плохо только два ученика: он им не поставил ничего, потолковал с ними, и они потом говорили, что ни за что больше не выйдут отвечать, ничего не зная, что они примутся за дело, потому что ужасно неловко ему не отвечать. При этом он не сажает на место тех, кто плохо отвечает, а бьется с ними, пока они не поймут. Объясняет великолепно, я уроков дома никогда не учу, и все кажется таким простым, что математика у нас теперь один из самых легких предметов. Нет совсем того отчаяния, которое чувствовалось у Пряслова⁴⁴, нет совсем того чувства недосягаемости, с которым большинство учеников смотрело при Пряслове на математику. Мы как будто прозрели. И какими же глупыми, мелкими, подлыми, противными кажутся в сравнении с Жижневским все эти Керсеки, Николаевы⁴⁵, Горбунковы⁴⁶, Ладыженские⁴⁷, попы, Крыловы⁴⁸! Жижневский – это «луч света в темном царстве».

Сейчас надо идти ужинать, а завтра, если успею, напишу еще. Много, много хотелось сказать тебе. Ну, да вероятно, увидимся. Удивительно глупо написана Белинским критика на «Евгения Онегина».

Твой Бобря.

10.

21 декабря 1903 года. 1 ч. ночи.

Сейчас у меня, дорогой, светлая минута; минута глубокого чувства, когда тихая радость и смутная грусть, слившись в одно целое, волнуют грудь, когда хочется чего-нибудь могучего, сильного, когда кажется, что внутри таится какая-то титаническая сила, способная на все. Мне кажется, что если бы я сейчас сел за рояль, то просидел бы до утра. Но для этого надо жить одному.

Я только что пришел с концерта, посвященного Чайковскому⁴⁹; была прочитана его биография, которую я со страшным вниманием слушал. Параллельно чтению исполнялись его вещи, что производило очень сильное впечатление. Когда играли «*Marche funebre*», я дрожал весь-весь, с головы до ног. Редко я испытывал такое наслаждение. Этот «*Marche*» в высшей степени оригинальное и могучее произведение: в нем нет определенного мотива, нет «сути», за которую можно было бы ухватиться, которую можно было бы запомнить и передать. Это что-то целое, цельное, неразрывное, нераздельное; это; это – атом огромных размеров, который, тем не менее, нельзя разбить; если отделить от него кусок,

это уже не будет нечто самостоятельное, это будет часть, которая отдельно не представляет из себя ничего, а вместе с остальным есть могучий, поразительный атом, могучее, поразительное музыкальное произведение. В середине этого произведения Чайковский доходит до высшего предела страдания; оно уже граничит с отчаянием. Там слышны ужасные вопли, крики невыразимого горя, которые в некоторых местах превращаются в сплошное рыдание. Это – замечательная вещь. Мне ужасно горько, что пришлось прослушать только половину концерта, так как он затянулся, а мама просила в 12 час. быть дома. Я прослушал только 1-ое отделение и то ушел в таком настроении, которое бывает редко и за которое я готов многое отдать. А самые лучшие вещи (4-ая симфония, письмо Татьяны и т. д.) исполнялись во II-ом отделении. Ужасно досадно! Но я благодарен и за это.

Ну, сейчас я мог бы исписать еще 5 листов, да не стоит; ты уже понимаешь, в чем дело, понимаешь меня и мое настроение, а больше мне ничего и не надо. Я не мог лечь спать прежде, чем не поговорить с тобою. А теперь, когда я немного высказался, я буду спокойно спать. Хорошо сейчас на душе!

Спокойной ночи. Крепко целую тебя. Покажи это письмо Алекс. Влад. Ей это тоже интересно. А какими ничтожными представляются сейчас в моем воображении эти педагоги, все, кроме Жижневского! Если бы на свете была только одна музыка, то и тогда стоило бы жить. Ну, будь здоров.

Твой Бобря.

Был, между прочим, у Посельских; опишу завтра.

22 дек[абря]. 11 1/2 час. веч[ера].

Запишу немного, ибо хочу спать. Настроение после концерта еще не прошло; сегодня я сел за рояль, и новая фантазия явилась плодом вчерашнего впечатления. Слава Богу, я свободен на некоторое время; по целым дням читаю; увлекаюсь астрономией, читаю Добролюбова, Успенского и Чистовича (психологию). Читать хочется ужасно и я только что закрыл книжку потому, что глаза стали слипаться и голова перестала работать как следует. У Посельских ничего особенного и интересного. Людмила, на вид, по крайней мере, совершенно в своей тарелке. Мне кажется, что эта «жизнь в скорлупе» и есть ее настоящая жизнь, ее призвание; это – та же Александра Григорьевна, только еще молодая и современная. Я думаю, что когда она там расписывает тебе свои взгляды, намерения, цели и т.д., то делает это потому, что ей не хочется

показать себя перед твоими глазами в чистом виде, ей жаль сбросить с себя пленку, которая скрывает ее от глаз и через которую просвечивают какие-то мифические идеалы, стремления и т.д. Но пленка эта очень тонка и прозрачна и по временам через нее можно видеть настоящую Людмилу. А скоро эта пленка совсем лопнет, превратится в игривые воспоминания о юных мечтах, увлечениях, стремлениях, а на самом деле останется нечто среднее между Евграфом и Алекс[андрой] Григ[орьевной], такое же безобразно пошлое и мелкое, такое же жалкое и безжизненное, только немного с современным оттенком. Так мне кажется. А может быть я и ошибаюсь. Ну, спокойной ночи.

Твой Бобря.

23 декабря, 11 часов дня.

Кстати, дорогой, с праздником! Я блаженствую, потому что не связан узами гимназии, хоть на некоторое время могу успокоиться, отдохнуть, почитать. Из Ростова пока нет никаких известий. Жаль будет, если эта поездка тоже останется только на словах; мне хочется просто проехаться, на некоторое время переменить обстановку, образ жизни. Жду сегодня ответа, если же и сегодня письма не будет, тогда, вероятно, уже совсем не будет ответа. Это очень странно.

Теперь я расскажу тебе кое-что. Есть пословица «на ловца и зверь бежит»; и хотя я в данном случае не ловец, но зверь, так и бежит на меня. Я говорю о том странном совпадении, что и мама, и m-sieur Андрианский оба необыкновенно тщеславны, ненормально самолюбивы и поэтому помешаны на «пентэчках» (пятерки по-польски). И нужно же, чтобы я, который совершенно не обращает внимания на то, тройка ли, или четверка, или пятерка стоит в дневнике, имеет дело с такими двумя субъектами. Андрианский готов жертвовать даже здоровьем своих детей, если он видит или думает, что они могут получить тройку или четверку. И смешно то, что он не одинаково требует с них: Стефа может получать тройки и с него четверок не требуют; Юра должен получать четверки, а тройками отец недоволен; Миля же должен иметь по всем «пентэчки» и папаша уже недоволен, когда тот получает четыре! Спрашивается, на каком основании сделано такого рода разграничение? Мне кажется, что тут играет роль самая обыкновенная избалованность: Стефа в младших классах шел на двойках, так поэтому теперь рад, когда он получает тройки. Юра получал всегда то три, то четыре, то пять, так поэтому желатель-

но, чтобы он не получал троек; а Миля получал всегда пять, редко когда четыре, так поэтому он не должен получать четверок. Возмутительная логика! Если сообразовываться с их способностями и развитием, то требования должны быть распределены совершенно наоборот. Поэтому я думаю, что Андрианского прямо избаловали. То же самое у нас. Мы с первых классов получали почти всегда пять, так поэтому тройка существует не для нас и мы всегда должны иметь пять. Тоже избаловали. Надо было начинать с пар, вот тогда был бы другой разговор. Так вот, прихожу я в субботу из гимназии и приношу четверть. Первый вопрос матери был: «сколько же четверок?» Этот вопрос перевернул во мне разу все, и я сказал что не знаю. «Как это, не знаешь?» «Да так, не знаю». Потом оказалось, что столько же. Затем пошли иронические замечания, тонкие намеки и т.д. Я ей стал говорить то, что я думаю об отметках, об учителях, вспомнил ее фразу тогда утром: «говори все, что ты думаешь, открывай нам свою духовную жизнь, это вполне зависит от тебя». Но... мне сказать не дали. Пошли восклицания, удивления, фразы вроде того, что такие разговоры об учителях и отметках недостойны ученика 7-го класса, что я ничуть не изменился с 1-го класса и что во мне только прибавилось «бахвальства» (?), что раз заслуживаешь 4, поставят 4, а раз заслуживаешь 5, поставят пять. Я, наконец, не выдержал и прервал этот грязный поток фраз, упреков и оскорблений следующим образом: «Ты помнишь, – крикнул я матери (знаешь, как ты иногда кричишь, когда выйдешь из себя), – как ты мне говорила недавно утром, чтобы я открывал вам свою духовную жизнь, говорил все, что я думаю и т.д. Теперь же, когда я начинаю говорить то, что я думаю вообще о выставлении отметок и об учителях, ты кричишь, что это бахвальство. Где же здесь связь?» На это мать ответила несколькими фразами, в которых хотела что-то доказать, кажется, показать, что я не говорю, что думаю, а делаю что-то иное, унижающее мое достоинство и называемое бахвальством. Повторить всех этих фраз я не могу, так как в них не было никакого смысла и посему они весьма трудны для запоминания. После этой Scene de ballet никаких больше разговоров об этом не было. Все тихо, мирно. Так всегда у нас кончается. Впрочем, все хорошо, что хорошо кончается.

Еще несколько слов. Психологически интересный факт. Мама очень часто бывает у Посельских; придя оттуда, она с полчаса возмущается глупостью и мелочностью Евграфа Андр[еевича].

Она громит его так, что всякий с полной уверенностью скажет: «конечно, она больше туда не пойдет. Она, видно, человек умный, крупный; что ей там делать?» Но проходит день, два, и женщина-врач опять направляется к Посельским, а возвратившись, опять пускает громы и молнии на Е[вграфа] А[ндреевича]. Странно, где же тут логика? А мы сейчас найдем и логику. Для этого стоит два посидеть у Посельских, когда женщина-врач сидит там.

Е.А. Мда-да-а-а... Ну-с, как поживаете?

Н.Д. Ничего, слава Богу.

Е.А. Та-а-ак. Ну, а что слышно на железной дороге? Говорят, там штат сокращать будут.

Н.Д. Не знаю, право. Я что-то слышала.

Е.А. Как же Михаил Яковл[евич] не знает? Ведь это их касается, канцелярии-то.

Н.Д. Ну-у-у! Это гораздо больше касается там службы тяги, и... и...

Е.А. Нет-с, как можно. На врачебной службе больше всего ненужного.

Молчание.

Е.А. Ну, а как Всеволод?

Н.Д. Ничего, жив, здоров.

Е.А. Тэ-э-эк. Как он там без денег-то?

Н.Д. Как без денег?

Е.А. Да как же! Ведь ему же не посылаете?

Н.Д. Ну так что ж, он сам зарабатывает.

Е.А. Да, сам! Что же ему там остается? Ведь он проедет сюда, да туда – это 30 рублей, да-а-а.

Н.Д. Как 30? Нет, не тридцать. Дорога стоит 9 р. 13 коп., вот вам туда и обратно, значит, 9 и 9 – восемнадцать, да еще...

Е.А. Да позвольте, дорога стоит 9 р. 43 коп.

Н.Д. Нет, 9 р. 13 коп.

Е.А. Да нет же, Надежда Дорм[идонтовна], 9.43.

Н.Д. Ах, да что Вы это, Евграф Андреевич! Я уж проездила довольно эту дорогу, знаю ее, как свои пять пальцев.

Е.А. Ну, да что Вы спорите? Вы 20 лет тому назад ездили, а я в прошлом году там был, ну-у-у?

Н.Д. Ну так что ж такого? Цена не меняется, это ведь не базар.

Е.А. Да я знаю, что не базар. Только я прекрасно помню, что...

Н.Д. Да нет же, нет. Не спорьте. 9 рублей 13 копеек.

Е.А. Ну, да что там спорить. Саша, дай мне Крестный календарь, я сейчас найду.

Н.Д. Ну вот, и увидите, что 9 р. 13 копеек. Я же знаю.

Наступает молчание; Е[вграф] Андреевич] роется в календаре.

Е.А. Москва, Рязань, м-м-м, Москва... 9 рублей 43 копейки.

Н.Д. Покажите.

Е.А. Извольте.

Молчание

Е.А. Да вот, вот.

Н.Д. Ну так что же Вы говорите? 9 р. 23 коп.

Е.А. Да нет же, 43 коп.

Н.Д. Господи, да посмотрите же!

10 минут молчания

Е.А. Да, 9 р. 23 копейки. А мне помнится, что с меня взяли 9 руб. 43 коп.

Н.Д. Это очень странно. Я так ясно помню, что 9 руб. 13 копеек.

Крестный календарь кладется на стол и оба успокаиваются. Евграф Андр[еевич] набивает папиросу, женщина-врач вышивает.

А дома громы и молнии. Прочтя эту сцену, довольно трудно решить, кто кого перешеголял. Не надо забывать, что Е[вграф] Андреевич] не кончил даже корпуса и не имел никогда в руках приличной книжки, а женщина-врач окончила высшее учебное заведение и читала умные книжки. Но все-таки логика тут есть. Мама до того измелечала, что такие споры сделались для нее потребностью, она не может недели прожить без них. И в этом отношении папа и мама сделались очень похожи: папа не может прожить трех дней без клуба, а мама без Евграфа Андреевича. Вот и вся логика.

Ну, видишь, сколько я тебе накатал. И пишется удивительно легко, свободно. Сейчас пойду по делам и опущу это письмо. Будь здоров. Надя и Аксинья поздравляют тебя с праздником и желают «всего наилучшего».

Твой Бобря.

P.S. Сейчас принесли почту. Письма нет. Вероятно, не будет.

Ну, до свиданья.

¹ Акиншин А., Ласунский О. «Не для фавулы, а для детства» // Лит. Россия. 1986. 11 апр. № 15. С. 24; Они же. Семейство Эйхенбаумов в Воронеже // Эйхенбаумовские чтения: Тез. докл. Воронеж, 1996. С. 3–5; Акиншин А. Борис Михайлович Эйхенбаум в Воронеже: семейное и дружеское окружение // Известия ВГПУ. 2014. № 4. С. 14–18.

² ГАВО. Ф. И-2. Оп. 4. Д. 1502.

³ См.: Воронежский телеграф. 1917. 4 февр. № 28; 5 февр. № 29; 10 февр. № 33.

⁴ ГАВО. Ф. И-20. Оп. 2. Д. 790; Ф. И-71. Оп. 1. Д. 114.

⁵ См.: Воронежский телеграф. 1914. 4 июня. № 122.

⁶ См.: Там же. 1905. 18 июня. № 135.

⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 232. Д. 1671; ГАВО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 688.

⁸ Шауров И.В. Воспоминания участника первой русской революции. М., 1974. С. 8.

⁹ Лимбах Владимир Владимирович (1887–1923), однокашник Б. М. Эйхенбаума. Его отец, Владимир Иванович Лимбах (1854 – после 1923) в 1896–1903 гг. управлял аптекой при губернской земской больнице, после 1906 г. – член местной организации Кадетской партии (ГАВО. Ф. И-20. Оп. 2. Д. 558). В письме от 15 октября 1913 г. М.Я. Эйхенбаум извещал сына: «Володя Лимбах недавно приехал сюда и состоит преподавателем математики в коммерческом училище, а жена его преподавательница в 8-м классе епархиального училища» (РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Д. 672. Л. 68).

¹⁰ Петров Григорий Спиридонович (1868 – после 1917), священник, духовный писатель и популярный проповедник. Депутат II Государственной Думы.

¹¹ Ходский Александр Ипполитович (1886–1939), однокашник Б.М. Эйхенбаума, сын присяжного поверенного. В письме от 16 октября 1909 г. М.Я. Эйхенбаум сообщил сыну: «Твой приятель Ходский оканчивает юридический факультет» (РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Д. 672. Л. 16). В советское время А.И. Ходский работал адвокатом и юрисконсультом. 16 января 1938 г. арестован, 28 января приговорен к 10 годам заключения. Умер 14 февраля 1939 г. в Беломоро-Балтийском лагере (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 9406).

¹² Яровицкий Николай Дмитриевич, однокашник Б.М. Эйхенбаума, сын коллежского советника Дмитрия Варсонофьевича Яровицкого.

¹³ Преподавателем немецкого языка в гимназии в это время был Яков Христианович Мейер.

¹⁴ Преподавателем закона Божия и настоятелем гимназической домово́й церкви во имя св. Николая с 1886 по 1907 г. был протоиерей Иван Михайлович Васильев.

¹⁵ Махин Константин Митрофанович, однокашник Б.М. Эйхенбаума. Его отец, Митрофан Александрович Махин, являлся правителем дел канцелярии управления Юго-Восточных железных дорог.

¹⁶ Библийская седьмая заповедь гласит: «Не прелюбодействуй».

¹⁷ 15 января 1903 г. в зимнем городском театре в бенефис артистки Е.В. Поярковой были представлены две пьесы: «Золотое руно» С. Пишибышевского и «Контролер спальных вагонов» А. Биссона. Спектакль начинался в 8 час. вечера (Воронежский телеграф. 1903. 15 янв. № 7).

¹⁸ Ацек — школьное прозвище учителя математики и физики, надворного советника Евгения Казтановича Жижневского.

¹⁹ Сорочинский Константин Игнатьевич, однокашник Б.М. Эйхенбаума, сын подполковника Игната Григорьевича Сорочинского, члена Землянского уездного по воинской обязанности присутствия.

²⁰ Семья Эйхенбаумов в 1903 г. жила в доме художника М.И. Пономарева (Мешанская, 2); сейчас на этом месте, рядом с Домом актера, находится служебное здание (Орджоникидзе, 26). Семья Махиных проживала у Каменного моста, по ул. Старо-Московской, 26.

²¹ Борис Сергеевич Мартынов (1882–1948), одноклассник Всеволода Эйхенбаума, студент Петербургского университета, сын врача Сергея Васильевича Мартынова (1855–1919) и Софьи Александровны (1858–1918), урожденной Перелешинной. Впоследствии профессор-юрист Петербургского / Ленинградского университета. За резкие выступления на заседаниях Воронежского уездного комитета Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности С.В. Мартынов в ноябре 1902 г. был арестован и выслан на три года под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию.

²² В воскресенье, 19 января, в зале Николаевской женской прогимназии на Мало-Дворянской ул. должен был состояться розыгрыш лотереи в пользу Общества вспомоществования учащимся. Билеты продавались по 25 копеек (Воронежский телеграф. 1903. 19 янв. № 5).

²³ Посельские – Евграф Андреевич (1850 – после 1917), коллежский асессор, бухгалтер Воронежского отделения Крестьянского поземельного банка в 1898–1917 гг.; его жена Александра Григорьевна; дети Евгений (1884–1932), выпускник мужской гимназии 1904 г. Людмила (1882 – ?), выпускница Марининской гимназии 1900 г. Жили на ул. Средне-Московской.

²⁴ Учителем греческого языка в гимназии с 1886 г. был статский советник Иван Федорович Керсек. См. о нем: Сослуживец. 25-летний юбилей преподавательской деятельности // Воронежский телеграф. 1903. 11 апр. № 41.

²⁵ По поводу лекций газета сообщала: «8-го и 10-го марта женщина-врач Надежда Дормидонтовна Эйхенбаум прочтет в зале Воронежской городской думы две публичные лекции о «Гигиене кожи». Если мы примем во внимание, насколько успешно г-жею Эйхенбаум прочитаны были лекции в прошлом году, то можем быть уверены, что и эти две лекции будут содержательны и интересны» (Воронежский телеграф. 1903. 2 марта. № 26).

²⁶ Гастроли В.Ф. Комиссаржевской проходили с 16 по 21 марта 1903 г. в городском зимнем театре. Пьеса «Родина» шла 18 марта, во вторник (Воронежский телеграф. 1903. 19 марта. № 33).

²⁷ Писатель Е.Л. Марков (1835–1903) умер 17 марта, в понедельник. Вынос тела и отпевание в Смоленском кафедральном соборе состоялись 19 марта, в среду. Из собора процессия направилась на железнодорожный вокзал, поскольку похороны состоялись в имени Е.Л. Маркова Патепник Шигровского уезда Курской губернии (Воронежский телеграф. 1903. 19 марта. № 33).

²⁸ Ростропович Витольд Ганнибалович (1858–1913), преподаватель музыки в гимназии с 1889 по 1905 г. Одновременно давал частные уроки игры на фортепиано. М.Я. Эйхенбаум в письме к сыну от 15 октября 1913 г. упоминал о гимназическом учителе: «Прочел ли ты где-нибудь о том, что умер Ростропович (Витольд)? Да, скоропостижно у себя дома в 12 час. дня. Всех это очень поразило. За несколько дней до смерти я с ним беседовал на Дворянской, он очень волновался за Лелю [Леопольд Витольдович Ростропович (1892–1942). – А.А., О.Л.], который призывается нынче к отбыванию воинской повинности, хотя он наверное будет выбракван» (РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Д. 672. Л. 68).

²⁹ 23 марта в зале Дворянского собрания состоялся концерт артиста императорской оперы А.В. Смирнова с участием артистки оперы Е.В. Дювернуа, скрипачки М.Н. Гамовещкой и пианиста Г.И. Романовского (Воронежский телеграф. 1903. 23 марта. № 35).

³⁰ Ростропович Нина Витольдовна (1885–1967), дочь гимназического преподавателя музыки, в 1903 г. вышла замуж за офицера Николая Митрофановича Буйнова (1879 – нач. 1920-х гг.).

³¹ Дювернуа Екатерина Владимировна (1872 – после 1919), артистка оперы, концертная певица

³² Гамовещкая Мария Николаевна (ок. 1868 – после 1925), скрипачка, выпускница Петербургской консерватории.

³³ Романовский Гавриил Иванович (1873–1942), пианист, уроженец Воронежа.

³⁴ Видимо, речь идет о Михайловском Митрофане Петровиче, губернском секретаре, преподавателе III приходского училища.

³⁵ братец (пер. с лат.).

³⁶ Бибиков Федор Сергеевич – содержатель гостиницы «Киевское подворье» в начале Большой Девицкой ул.

³⁷ Селиванов Вениамин Иванович (1887 – ?), однокашник Б.М. Эйхенбаума, сын врача Ивана Петровича Селиванова (1854–1907).

³⁸ Подольский Александр Александрович (1886 – после 1912), однокашник Б.М. Эйхенбаума, сын врача Александра Капитоновича Подольского (1846 – после 1904).

³⁹ Видимо, речь идет о семье Андрианского Болеслава Антоновича (1849 – после 1907), инженера-контролера управления Юго-Восточных железных дорог в 1893–1907 гг.

⁴⁰ тот же, тот же самый (лат.).

⁴¹ поживем – увидим (лат.).

⁴² я сделал, что мог (лат.).

⁴³ Митрофан (1623–1703), епископ Воронежский с 1682 г., святитель. Скончался 23 ноября 1703 г.

⁴⁴ Пряслов Михаил Сергеевич, статский советник, преподаватель математики и физики в гимназии в 1901–1903 гг.

⁴⁵ Николаев Сергей Николаевич, коллежский советник, преподаватель русского языка в гимназии.

⁴⁶ Горбунков Леонид Петрович, статский советник, преподаватель древних языков в гимназии.

⁴⁷ Ладыженский Павел Михайлович, статский советник, преподаватель французского языка в гимназии.

⁴⁸ Крылов Владимир Федорович, надворный советник, преподаватель древних языков в гимназии.

⁴⁹ 21 декабря 1903 г. в зале Дворянского собрания состоялась лекция-концерт памяти П.И. Чайковского. В ней принимали участие пианист Е.В. Богословский, певцы Е.А. Римская-Корсакова и А.Л. Каченовский (Воронежский телеграф. 1903. 14 дек. № 153).

К.П. Паренаго

ТРИ ПИСЬМА К Б.М. ЭЙХЕНБАУМУ

Борис Михайлович Эйхенбаум после смерти родителей в Воронеже не бывал и связей с городом не поддерживал. В его обширном архивном фонде почти нет воронежских корреспондентов. Одно из немногих исключений – сохранившиеся открытка и два письма от К.П. Паренаго, датируемые по почтовому штемпелю 1937 г.

Ксенофонт Павлович Паренаго (24.06.1872–21.02.1938) – представитель известной дворянской семьи¹, выпускник воронежской классической гимназии. Юрист по образованию, статский советник, он служил судебным следователем, товарищем прокурора Острогожского, затем Воронежского Окружного суда. С 1912 г. – уездный член Воронежского Окружного суда в Землянске. Увлекался музыкой, был страстным библиофилом, собирателем пушкинианы². В советское время его не раз арестовывали, последний раз 20 января 1938 г., по обвинению в контрреволюционной пропаганде. 29 января 1938 г. «тройкой» Воронежского УНКВД он приговорен к расстрелу. Три недели спустя жизнь К.П. Паренаго оборвалась в местной тюрьме³.

Публикуемые письма представляют интерес в плане раскрытия круга общения Бориса Эйхенбаума в бытность его воронежским гимназистом, и в плане профессиональных занятий.

Письма воспроизводятся с сохранением особенностей стиля. Подстрочное примечание принадлежит автору писем.

1.

13 января [1937 г.]

Уважаемый Борис Михайлович, зная, что Вы причастны Пушкиноведению, мне хотелось бы поделиться преданием о смерти Пушкина, слышанным мной еще давно от сына первого медика, подавшего первую помощь раненому поэту⁴. Посему, если это Вас заинтересует, то прошу Вас сообщить мне Ваш точный адрес. Мой адрес такой: гор. Воронеж-областной, улица Цюрупы, дом № 1. Паренаго Ксенофонт Павловичу.

С уважением К. Паренаго

2.

31 января [1937 г.]

Борис Михайлович! Письмо Ваше дошло до меня. При сем прилагаю обещанное мною «сообщение» о Пушкине: о нем речь впереди, а сейчас пока побеседуем о другом. Да, я именно тот, кого Вы вспомнили: именно Лида, Саша, Леля Чигаевы⁵, Гремячье⁶ и т.д. Но, вижу, вспомнили Вы будто не сразу. Да! Время все сглаживает, старя людей. Я помню Вас гимназистиком⁷, часто пил... водку с Вашим отцом, милейшим Михаилом Яковлевичем⁸, относившемся ко мне хорошо, в поздний раз, в 1916, я в клубе играл с ним и с «Леонидом» (Поповым)⁹ в винт, причем Попов все бегал, выпивал из пузырька в боковом кармане «Спирт» (1916!)¹⁰.

Помню Вашего брата (где он, – не секрет?)¹¹. А братья Ала-лыкины?¹² Увы, все перечисленные, кроме Лиды, ныне вдовы. Тугорские исчезли навсегда. Саша и Леля Чигаевы погибли в гражданскую войну: Саша бесславно, а Леля неизвестно как. Лида вместе со своей матерью, вдовой (моей сестрой) и с двумя детьми – Олегом (24 г.) и Людмилой, живут в Москве. Лида служит в Наркомюсте архитектором по исправительным делам. Я их несколько раз посещал. Под Москвой них своя «дача». Ну, «Гремячье», конечно, для нас уже с 1924 года не существует. В этом году состоялось «выселение» моего брата¹³. Оба Алалыкина умерли: Константин осенью 1918, а Дмитрий – летом 1918 г.

Меня революция застигла в гор. Землянске, где я 5 лет пробыл уездным членом нашего бывш[его] суда. Потом я был во «временном» «административным судьей», а с марта 1918 года заделался профессиональным музыкантом, альтистом, коим пребываю по сей час. Были и у меня потрясения...¹⁴. Рад, что связался с Вами. Я Ваше имя впервые увидел в киоске кинотеатра, где играл «под картины», как автора работы о Л. Толстом. Тогда же подумал: неужели его, т. е. Толстого, Философия может быть принимаема всерьез?... Потом прочитал, кажется, именно Вашу заметку об эпиграмме на Орлову-Ч[есменскую]: «благочестивая жена...»¹⁵. Все это мне указало, что Вы профессорствуете, и, по совету моих знакомых, я решил не утаивать той «крупницы», что я располагаю о величайшем поэте, да вот наудачу и послал Вам открытку. Вышло хорошо.

Теперь об этой «крупнице». Конечно, она очень мала. Оцените, правдиво ли в ней то, что в ней есть, и сделайте из нее то, чего она, по Вашему мнению, стоит¹⁶. Но я верю этому. Описания

Жуковского ведь давно признаны «идиллическими». Да и было от чего быть Пушкину «тигром»¹⁷. Вы, конечно, знаете, что незадолго до дуэли Пушкин на каком-то рауте сидел в одиночестве в отдельной комнате в таком раздраженном состоянии, что дама (не помню, какая), пожалела заранее его жену, когда муж возвратится домой¹⁸. Об этом, кажется, есть и у пьяницы Щеголева¹⁹ (его прославленная работа о поэте меня совсем не удовлетворила). Не осудите меня, если мое сообщение совершенно неправдоподобно по существу: а я желал бы знать Ваше мнение на сей предмет.

Вскользь, от себя, замечу, что Пушкину вредили не столько Николай с Бенкендорфом, сколько его же литературные коллеги: Булгарин, Греч, Надеждин, Сенковский, бр[атя] Полевые, Катенин, Баратынский, и после Писарев и др., имена коих Вам известны... Имею списки «Гавриилиады» и «Царя Никиты» (эту фривольную шалость Вы знаете? Я от нее в восторге; видел фронтиспис ее издания... в Праге!). Будьте здоровы, откликнитесь.

К. Паренаго

3.

26 февраля [1937 г.]

Многоуважаемый Борис Михайлович, я очень давно уже послал Вам в заказном письме то о Пушкине, что мне хотелось сообщить о нем. Не знаю, получили ли Вы мое письмо? И хочется знать, какое Вы суждение сделали о моем сообщении. Мне это было бы очень интересно знать, и потому прошу Вас, не уделите ли вы из своего времени минутку писнуть мне. Еще попрошу Вас, не могу ли я от Вас узнать, был ли известен Вам один из Пушкинистов: Петр Митрофанович Устимович²⁰? Он короткое время служил вместе со мною, и, если Вы его знали, то не встречаетесь ли теперь с ним, т.е. где он теперь? Ну, я все-таки надеялся, что в моем письме с упоминанием о семье Чигаевых найдется что-либо, для Вас не совсем безразличное, т.е. я думал, что Вы откликнитесь. С надеждой на сие остаюсь уважающий вас

К. Паренаго.

РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Д. 533. Л. 1–9.

¹⁷ Это и подтверждает, что Пушкин после дуэли был «тигром».

¹ Более подробно о семье Паренаго см.: Акиншин А., Ласунский О. Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Изд. 2-е. Воронеж, 2009. С. 221–242.

² Акиншин А., Ласунский О. Библиофильская династия Паренаго // Восьмая научная конференция по проблемам книговедения «Книга и книжное дело на рубеже тысячелетий»: Тезисы докладов. М., 1996. С. 123–125.

³ ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 19290.

⁴ Согласно исследованию П.Е. Щеголева, первую помощь А. С. Пушкину оказали врачи К.К. Задлер (1801–1871) и В.Б. Шольц (1798–1860). В лечении поэта участвовали также врачи Н.Ф. Арендт (1785–1859), В.И. Даль (1801–1872), Х.Х. Саломон (1797–1851), И.Т. Спасский (1795–61). Кого из них имеет в виду К.П. Паренаго, не ясно.

⁵ Чигаевы – дети члена Окружного суда, коллежского советника Александра Федоровича Чигаева (1856–1917) и его жены Евгении Павловны, урожд. Паренаго (1864 – после 1937): Лидия (1886 – после 1937), Александр (1887–1920), участник белого движения, расстрелян в Крыму, Леонид (1890–1920), воевал в белой армии, убит в октябре 1920 г., Ксения (1892 – ?). Лидия в 1901 г. окончила пять классов Марининской женской гимназии в Воронеже. В канун революции семья жила в Петербурге, где А.Ф. Чигаев, будучи действительным статским советником, служил председателем Хозяйственного комитета Государственного банка. Сведения о Чигаевых сообщены генеалогом В.Н. Рыхляковым (Петербург) и лермонтоведом Т. Молчановой (США).

⁶ Гремяче – село Воронежского уезда (ныне Хохольского р-на Воронежской обл.), где находилось имение семьи Паренаго.

⁷ Б.М. Эйхенбаум учился в гимназии в 1897–1905 гг.

⁸ Эйхенбаум Михаил Яковлевич (1853–1917), врач.

⁹ Попов Леонид Николаевич, врач.

¹⁰ В период первой мировой войны в России действовал сухой закон.

¹¹ Эйхенбаум Всеволод Михайлович (1882–1945) жил в это время в эмиграции, во Франции.

¹² Алалькины: Дмитрий Дмитриевич (1862–1918), помощник губернского врачебного инспектора, врач при тюремной больнице, статский советник, и Константин Дмитриевич, старший врач 25-го Смоленского пехотного полка, коллежский советник (1867–1918).

¹³ Речь идет или о Михаиле Павловиче Паренаго (1852–1920-е гг.), статском советнике, земском начальнике Воронежского уезда, коллекционере, или об Александре Павловиче Паренаго (1859–1940), педагоге.

¹⁴ К.П. Паренаго арестовывали в 1932 г. (вскоре освобожден), и в 1936 г., когда по делу «контрреволюционной фашистской группы врача Словоцова» он был приговорен к одному году исправительных работ (ГАОПИ ВО. Ф. 9353. Оп. 2. Д. 19385. См. также: Акиншин А., Ласунский О. Музы для ГУЛАГА // Русская провинция. Воронеж, 1995. Вып. 2. С. 202–224).

¹⁵ Орлова-Чесменская Анна Алексеевна (1783–1848), графиня, камер-фрейлина. Речь идет о приписываемой А.С. Пушкину эпиграмме «Гр. Орловой-Чесменской» («Благочестивая жена...») (Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. М., 1963. Т. 2. С. 372).

¹⁶ Пушкинских материалов в настоящее время при письме не имеется.

¹⁷ Видимо, имеется в виду цитата из письма С.Н. Карамзиной от 27 января 1837 г.: «В воскресенье у Катрин было большое собрание без танцев: Пушкины, Геккерны (которые продолжают разыгрывать свою сентиментальную комедию к удовольствию общества). Пушкин скрежешет зубами и принимает свое всегдашнее выражение тигра [...]» (Пушкин в письмах Карамзинных 1836–1837 годов. М.; Л., 1960. С. 165).

¹⁸ Имеется в виду рассказ П.И. Бартенева со слов кн. В.Ф. Вяземской: «Накануне Нового года у Вяземских был большой вечер. В качестве жениха Гекерн явился с не-

вестую. Отказывать ему от дому уже не было повода. Пушкин с женою был тут же, и француз продолжал быть возле нее. Графиня Наталья Викторовна Строганова говорила княгине Вяземской, что у него [А.С. Пушкина. – А.А.] такой страшный вид, что, будь она его женой, она не решилась бы вернуться с ним домой» (Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследования и материалы. М., 1987. С. 109).

¹⁹ Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931), историк, литературовед-пушкинист. В 1889–1895 гг. учился в воронежской гимназии. Возможно, К.П. Паренаго был знаком с ним. Далее речь идет о книге П.Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина», вышедшей в 1936 г. очередным изданием.

²⁰ Устимович Петр Митрофанович (1867–1931), автор нескольких работ о пушкинских местах. В 1927 г. репрессирован, сослан на три года в Красноярск.

Список сокращений

- АН – Академия наук
 ВГВ – Воронежский губернские ведомости
 ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет
 ВГУ – Воронежский государственный университет
 ВДС – Воронежская духовная семинария
 ВЕВ – Воронежские епархиальные ведомости
 ВОКМ – Воронежский областной краеведческий музей
 ВУАК – Воронежская ученая архивная комиссия
 ГАВО – Государственный архив Воронежской области
 ГАОПИ ВО – Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
 ГСК – Губернский статистический комитет
 ГУАК – Губернская ученая архивная комиссия
 ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
 РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
 РГИА – Российский государственный исторический архив
 РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
 ЦГА Москвы – Центральный государственный архив Москвы
 ЦИАК – Церковный историко-археологический комитет
 ЦХД – Центр хранения документов

Именной указатель

- Абаза М.Н., см. Шидловская М.Н.
 Абрамов В.А. 211, 220
 Абт Ф. 215
 Аверьян А.Н. 288, 289, 310, 313, 329
 Аврамов А.М. 259, 267-271
 Аврамов М.А. 268
 Агафонов И.Е. 264, 272
 Аггеев Н.А. 145
 Агреева-Славянская О.Х. 245, 258
 Агреев-Славянский Д.А. 244, 245, 258
 Адарюков В.Я. 313
 Адеркас Б.А. 114
 Азарова М.Ф. 344, 345
 Айвазовский И.К. 149, 200
 Айхенвальд Ю.И. 318, 328
 Акиньшина Л.Ю. 3
 Алалыкин Д.Д. 422, 424
 Алалыкин К.Д. 422, 424
 Александр I, имп. 72, 73, 112, 113
 Александр II, имп. 204, 274, 353
 Александров И.А. 115
 Александров-Дольник К.О. 263, 272, 293, 307, 310, 316, 328
 Алексеев Т.Я. 185, 186
 Алексеев Я.П. 185
 Алексей Александрович, вел. кн. 279, 308
 Алехин А.И. 296, 309
 Алленова В.А. 274, 307
 Алмазов И.Ф. 359, 374
 Андреев Л.Н. 397-399, 402, 403, 405
 Андреев-Биязи Н.А. 236, 239, 240, 257
 Андреев-Бурлак В.Н. 241, 257
 Андрианский Б.А. 407, 414, 415, 420
 Андрианский М.Б. 407, 414, 415, 420
 Андрианский С.Б. 407, 414, 415, 420
 Андрианский Ю.Б. 407, 414, 415, 420
 Андронов 199
 Андрущенко А.И. 186, 201
 Андрущенко И.В. 186
 Аносов П.Н. 232, 256, 264, 269, 270, 272
 Аносова К.Н. 264
 Аносова Н.П. 264
 Антоний (Смирницкий), архиеп. 144, 145, 198, 258
 Антонин (Капустин), архим. 292, 310
 Антонович В.Б. 284, 309
 Анчиполовский З.Я. 223
 Аполлосов М.В. 334-336, 338, 339, 341-343, 345, 347, 348, 353, 370
 Апраксин П.Н., гр. 287, 288, 291, 309
 Аракчеев А.А., гр. 274
 Арапова 253
 Арендт Н.Ф. 424
 Артюхов И.А. 144, 167
 Аскоченский И.К. 354, 373
 Астафьев П.Е. 337, 370
 Астафьева К.Н. 227, 255
 Афиноген, монах 118
 Баженов Д.В. 342, 372
 Балацкая Н.М. 3
 Баранов А.М. 233, 256
 Баратынский Е.А. 423
 Бартнев А.А. 8-116
 Бартнев А.П. 11, 14, 16-18, 34, 110, 111
 Бартнев В.А. 111
 Бартнев Г. 110
 Бартнев Е. 110
 Бартнев И.А. 110, 111
 Бартнев М.С. 10, 110, 111
 Бартнев Н.А. 110, 111
 Бартнев П.И. 424
 Бартнев П.М. 10
 Бартнев С. 10, 110
 Бартнева А.А. 111
 Бартнева М.С. 58, 59, 61
 Бартнева Н.А. 111
 Бартнева Н.И. 10, 55, 64-66, 69, 110, 113
 Бартневы 110
 Басов И.П. 114
 Бахновлоков П.С. 191
 Бахтин И.И. 120, 136
 Башкирцев И.С. 159, 200
 Башкирцева М.В. 200
 Бегичев Д.Н. 8, 77, 78, 83-93, 114
 Белевцов 11-17
 Белевцовы 16
 Беллинский В.Г. 321, 388, 390, 412
 Белозоров А.И. 362, 374
 Белокурова С.А. 275, 276
 Беллев П.Г. 144, 195, 197
 Бенкендорф А.Х. 423
 Берг Н. 390
 Березников К.Н. 353, 373
 Берсио Ш. 206, 209, 227, 255
 Берлиоз Г. 209
 Бертен 176, 177
 Берхман М.С. 110, 116
 Берхман С.Ф. 110, 116
 Бессонон П.А. 276, 307
 Бетховен Л. 208, 209, 215-217
 Бехтеев В.С. 144, 197, 198
 Бехтеева А.П. 200
 Бибилов 198
 Бибилов Ф.С. 404, 420
 Биссон А. 418
 Богатырева П.В. 208
 Богачев С.А. 114
 Богданов А.П. 114
 Богданович А.В. 212-214, 221, 257
 Богословский Е.В. 420
 Бодв Н.Г. 258
 Бодв Я.Л. 251, 258
 Боккаччио Д., см. Степанов П.А.
 Бокос М.И. 155, 200
 Болговский 251, 252
 Болховитинов Е.А. 14, 118, 125, 136, 280, 295, 307, 308, 311, 312
 Бонч-Бруевич В.Д. 331
 Борзенков Д.С. 124, 136
 Борис Годунов, царь 10
 Борисов 164
 Борисовы 159
 Боровиковский В.Л. 147, 173, 174, 199
 Бородай М.М. 232, 252, 256
 Бородин А.В. 102, 103, 108, 115
 Бородин А.П. 102, 103, 108, 115
 Бородин В.П. 102, 103, 108, 115
 Бородин И.В. 102, 103, 108, 115
 Бородин П.Т. 102, 103, 108, 115
 Бородин Т.С. 102, 103, 108, 115
 Бороздин, см. Бородин
 Бравин М.И. 8, 39, 40, 48, 49, 111, 112
 Бравина Е.М., см. Кейкуатов Е.М.
 Бразоли 124
 Бринкман А.Г. 205, 206, 209, 219
 Брук Е.Л. 367
 Брюллов К.П. 140, 197, 301
 Брянская М.С. 236, 257
 Буало Н. 93, 115
 Буйнов Н.М. 419
 Булавкина Л.И. 266, 267, 272
 Булгарин Ф.В. 423
 Бунаков Н.Ф. 137
 Бухонов 198
 Былова А.М. 384
 Былова В.М. 384
 Бычков А.Ф. 278, 308
 Вагнер П. 216

- Ваксель П.Л. 290, 310
 Васильев 232
 Васильев А.Н. 3, 313-330
 Васильев Д.А. 352, 373
 Васильев И.М. 392, 393, 409, 418
 Васильев Н.В. 233, 252, 256
 Васильев П.В. 138, 146, 149, 150, 164, 165, 169, 176, 179-181, 199
 Васильева Л.М. 314, 327
 Васильева М.Г. 236, 257
 Васильев-Гладков М.П. 236, 240-242, 256
 Васильевский 355
 Васильевский В.Г. 293, 310
 Васильчиков Б.А. 345
 Васнецов В.М. 175, 193, 201
 Введенский С.Н. 312, 331, 333, 335, 348, 363-367, 369, 370
 Вебер И.И. 105, 116
 Вебер К. 209, 215
 Вейнберг Л.Б. 138, 217, 221, 363, 367, 369, 374
 Величко В.И. 65, 66, 113
 Величковский А.И. 138, 147, 173, 199
 Венгеров С.А. 313, 317, 321, 322, 324, 326, 352, 356, 373
 Веневитинов М.А. 274-282, 293, 308
 Веневитинов М.М. 243, 257
 Веневитинова Е.А. 201
 Венявский Г. 209, 220
 Вербицкая А.А. 258
 Веретеников И.В. 261, 271
 Веретеникова Е.В., см. Фадлевская Е.В.
 Верещагин В.В. 192, 193, 201
 Веселовские 137
 Веселовский В.Г. 290, 291, 310
 Веселовский Г.М. 29, 78, 138, 255
 Вигель Ф.Н. 195, 201, 231, 256
 Виктор А.Е. 309
 Викулин А.Ф. 119, 136
 Викулин С.А. 114
 Викулин Т.Ф. 119
 Викулина В.Г., см. Успенская В.Г.
 Викулина С.А. 255
 Винклер П.П. 219
 Виноградов В.П. 376
 Виноградов Г.В. 377
 Виноградов Н.В. 206, 219, 342, 372
 Виноградов П.В. 377
 Виноградова А.Г. 376-385
 Витберг Ф.А. 285, 290, 291, 309
 Владимиров П.В. 284, 309
 Владимиров П.В., см. Цезаревский П.В.
 Владиславлев И.В. 384
 Водопьянов А.М. 384
 Вознесенская Р.А. 266
 Вознесенский И.И. 144, 160, 176, 177
 Волин В.М., см. Эйхенбаум В.М.
 Волков Г.А. 154
 Волков П.П. 144, 145, 166
 Волков Т.П. 145, 166
 Волошинов 45
 Воронцов Ю.В. 223
 Воскресенский Н.В. 266, 267, 272, 337
 Востокова 234
 Всесвятский Н.В. 257
 Второв Н.И. 263, 272, 293, 307, 310, 316, 319, 328, 367, 368, 375
 Вульф К. 311
 Выскребенцев Я.А. 113
 Высоцкий М.И. 345, 372
 Вяземская В.Ф. 424, 425
 Вяземские 424
 Вяхирев В.В. 384
 Вяхирев Н.Н. 35, 36, 111
 Вяхирева 328
 Гаазе Б.О. 372, 387
 Гаазе В.Б. 387
 Гайворонский А.И. 113
 Гайдн Й. 208, 209, 215, 216, 217
 Галлер В.И. 78-81, 83, 114
 Гамбург М.К. 211, 214, 215, 220, 243, 257
 Гамовцевкая М.Н. 401, 419
 Гарденин Н.В. 267, 268, 272
 Гарин-Михайловский Н.Г. 394-396
 Гартонг Е.П., см. Дубенская Е.П.
 Гаушильд Н.И. 233, 256
 Гв Н.Н. 140, 197
 Гейне Г. 253
 Геккерны 424
 Гельм Р.А. 207-209, 219
 Гельдль Г. 209
 Генерозов Я.И. 351, 373
 Герве Ф. 241, 257
 Гершензон М.О. 315, 316, 320, 327, 328
 Гете И. 407
 Гиляровский В.А. 223, 256
 Глаголев М.И. 334, 370
 Глинка Г.Н. 112
 Глинка М.И. 208, 215, 216, 217
 Глинка Ф.Н. 301
 Глотов П.П. 257, 310
 Глотова Н.Д., см. Эйхенбаум Н.Д.
 Гмелин С. 345
 Гоголь Н.В. 321, 326
 Гозлан Л. 268
 Гольдштейн В.А. 373
 Гомер 389
 Горбунков Л.П. 412, 420
 Горбунков И.Ф. 254, 258
 Городецкий С.М. 320, 326, 329
 Горчаков А.И. 201
 Горчакова В.А. 195, 201
 Горький А.М. 390, 405
 Горянов И.А. 46, 47, 112
 Греков К.Г. 344, 372
 Греч Н.И. 423
 Грибоедов Д.К. 227, 255
 Григоров А.А. 113
 Громов 226
 Гунна К.Н., см. Астафьева К.Н.
 Гуно Ш. 209
 Давыдов В.Н. 223, 240, 256, 257
 Давыдов Д.В. 274
 Далматов В.П. 226, 244, 255, 256
 Даль В.И. 424
 Данилевич В.Е. 348, 373
 Данилевский Я.П. 197
 Данилов И.Д. 105
 Данилова М.И., см. Кейкуатова М.И.
 Дарвин Ч. 409
 Даргомыжский А.С. 209, 215, 216
 Дашков Д.В. 113
 Дашков П.Я. 285, 309
 Девольцов И.Н. 221, 255
 Дегтярев 57, 58, 63, 66
 Дегтярев С.Ф. 355, 358, 362, 373
 Де-Ливри Д. 30, 31, 111
 Деллер Ц.И. 230, 256
 Де-Пуле М.Ф. 8-10, 117, 261-263, 271, 272, 293, 298, 308, 310, 317, 319, 320, 328, 353
 Диденко К.А. 354, 373
 Димитрий (Самбкин), архим. 198, 199, 214, 221, 263, 272, 306, 312, 337, 345, 370
 Дмитриева В.И. 137
 Добролюбов Н.А. 326, 388, 413
 Долгополов В. 373
 Долгополов Н.И. 343, 372
 Долгополов С.И. 342, 344, 372
 Долгоруков А.А., кн. 113
 Долженков С.С. 11, 14
 Долженкова М.С., см. Бартенева М.С.
 Долин Ф.В. 254, 258
 Донецкая Н.Ф. 202
 Донецкий Т.И. 202-221, 255
 Дубенская Е.П. 46, 112
 Дубенский Н.П. 8, 41-49, 112
 Дулов Н.А. 144, 167
 Дулов Ф.А. 144
 Дьяков А.П. 342, 349, 372
 Дьяченко В.А. 248, 258, 317, 328
 Дювернуа Е.В. 401, 419
 Дядьков А.М. 309
 Дядькова Л.Г. 385
 Евдличко А.В. 227, 256
 Евланов А.П. 145, 198
 Ежов К.К. 145, 198

- Екатерина II, имп. 10
 Елизавета Алексеевна, имп. 73
 Еллинский Ф.Н. 132, 134
 Ерёмко Г.В. 365-368, 375
 Ермолова М.Н. 240, 257
 Ефремов П.В. 357, 374
 Ефремов С. 313
 Жалин П.А. 336-338, 340, 370
 Жижневский Е.К. 394, 411-413, 418
 Жилин М.М. 354, 373
 Жилкин С.В. 165
 Жуковский В.А. 197, 423
 Журбин С.К. 145, 198
 Забелин И.Е. 275, 281, 282
 Завадский М.А. 251, 258
 Загорский В.П. 6
 Задлер К.К. 424
 Зайков В. 145
 Закс В.Я. 369
 Заньковецкая М.К. 246, 258
 Захаров Н.С. 367
 Зацпин И.Я. 118, 136
 Зверев Г.М. 3, 275
 Зверев С.Е. 137, 274-313, 317, 324, 325, 328, 331, 341, 347, 349, 359, 362, 372, 373
 Зверева А.М. 287, 300, 310
 Земцов Д.Н. 107, 116
 Земцов Н.П. 113
 Зеновьев А.П. 26, 110
 Зеновьев В.А. 110
 Зеновьев А.А. 110
 Зеновьева И.А. 110
 Зеновьева Е.А. 110
 Зиновьев И.И. 268, 272
 Зинченко Б. 313
 Змиев И.Я. 115
 Зудерман Г. 400
 Зуева Е.Г. 330
 Зяблова Н.Г., см. Бодя Н.Г.
 Иванов 195
 Иванов Г.И. 329
 Иванова 315
 Иванова Е.П. 224, 255
 Ивченко М.В. 3, 331-375
 Игнатий (Семенов), архиеп. 198
 Иевский А.Н. 35, 111
 Иевский Д.Н. 35, 111
 Иевский Никан.Н. 35, 111
 Иевский Никол.Н. 111
 Иевский П.Н. 35, 111, 112
 Измайлов А.А. 382, 385
 Измайлова 236
 Иконников В.С. 275, 282-284, 309, 310
 Иконников Е.В. 229, 256
 Ильинский С.И. 102, 113
 Иовский А.А. 337, 371
 Иовский П.А. 337, 371
 Иосиф (Баженов), вл. 337, 371
 Иосиф (Богословский), архиеп. 198, 203
 Исаев П.А. 263, 272
 Кавелин К.Д. 285, 309
 Кавелина С.М. 320, 329
 Казанцев П.И. 233-235, 256
 Казьмин В.М. 327, 328
 Калашников В.Г. 214, 221
 Калинин Н.Н. 364
 Калиновская Н.Н. 209, 220, 254, 258
 Калиновский Н.Н. 209, 220, 254, 258
 Кандицев С.Н. 233, 256
 Каневецкий П.П. 114
 Канкрин В.Е. 201
 Канкрин О.А. 195, 201
 Капканчиков П.К. 257
 Каппель Ф.Ф. 226, 227, 255
 Карамзин Н.М. 136
 Карамзина С.Н. 424
 Карамзины 424
 Кареев 105
 Кареев Н.И. 400
 Карманов Д.Д. 356, 358, 374
 Карнеев Г.И. 135
 Карнович Б.Г. 257
 Картавцев И.М. 366, 367, 375
 Кастнер В.Ф. 232, 256
 Катенин П.А. 423
 Каченовский А.Л. 420
 Каченовский Г.П. 384
 Кашкин В.Д. 272
 Кашкин Д.А. 256, 261, 262, 271
 Кварталов И.Г. 231, 256
 Кейкуатов В.В. 38, 111, 112
 Кейкуатов И.В. 38, 39, 55, 111, 112
 Кейкуатов Н.В. 38, 111, 112, 114
 Кейкуатова Г.Н. 114
 Кейкуатова Е.М. 111
 Кейкуатова М.И. 111, 112
 Кейкуатова П.В., см. Паренаго П.В.
 Кейкуатовы 38, 111, 114
 Керсек И.Ф. 410, 412, 428
 Кириченко-Астромов К.А. 46, 47, 112
 Кишёнский Д.Д. 256
 Климентов П.С. 346, 350, 356, 373
 Ключок И.Н. 170, 200
 Ключевский В.О. 352
 Ключников П.П. 115
 Кляшгинская А.С. 252, 258
 Книгин И.Д. 133, 136
 Княжинский Б.П. 357, 374
 Кобзарева А.И. 338, 371
 Ковалевский А.Я. 354, 373
 Кованько Д.Ф. 225, 255
 Ковров Г.М. 235-237, 240-242, 256
 Кожемьякин А.В. 198
 Кожин 205
 Кожина 391, 404
 Козловский В.В. 334, 370
 Кокорев В.А. 262, 263, 271
 Колбас В.С. 3
 Колмаков В.Б. 199
 Кольбихин В.Н. 268, 272
 Кольцов А.В. 137, 178, 200, 259, 261, 262, 267, 270, 271, 273, 285, 287-291, 299, 301, 308, 309, 311, 321
 Кольцов В.П. 301, 311
 Кольцова О.В. 251, 258
 Кольцова П.И. 301, 311
 Кольцовы 199, 206
 Комарова Е. 376
 Комиссаржевская В.Ф. 400, 419
 Комиссаржевский Ф.П. 209, 220
 Комплинский В.С. 132, 134-136
 Компаорв Н.Б. 3
 Кондратов А.Г. 374
 Кондратов В.Г. 360, 374
 Кондратов Г.И. 352, 374
 Кондратов Н.Г. 374
 Кондратова Л. 352, 353, 355, 360, 373
 Кондрашев А.С. 226, 255
 Кони Ф.А. 269, 272
 Конторова Е.М. 384
 Контский Ан. 209, 220
 Контский Ап. 209, 220
 Копецкий В.Д. 114
 Корнеев В.А. 146, 149, 179
 Короленко-Миргород П.Н. 114
 Корсаков Д.А. 275, 285, 309
 Корсун Е.М. 256
 Корсун Н.М. 256
 Корш 256
 Косарев В.А. 245, 258
 Костомаров Н.И. 290, 292, 294, 296, 310, 311, 337, 349, 371
 Крамской И.Н. 140, 193, 197, 201, 336, 337, 370
 Крапивин Д. 329
 Краснов А.И. 154
 Крицков Н.И. 97, 115
 Крижанич Ю. 276, 307
 Кропивницкий М.Л. 246, 258
 Крыжановский А.К. в. 8, 39, 111
 Крылов В.Ф. 412, 420
 Крылов И.А. 37, 146
 Ксенофонт 399
 Крубасов И.А. 275, 285-292, 300, 309
 Кузнецов В.И. 376, 384
 Кузнецова Д.И. 218
 Кукольник Н.В. 301
 Кулаковский Ю.А. 275, 292, 293, 310

- Куманский М.И. 116
 Куник А.А. 279, 298, 308
 Куницкая А.Г. 128, 129, 134-136
 Куницкий П.А. 128, 129, 134-136
 Куракин, кн. 306
 Курбатов Н.П. 320, 329
 Курепин Д. 301, 311
 Кушнерев 374
 Кюи А.А. 201
 Лаврентий (Некрасов), еп. 274
 Ладыженский П.М. 412, 420
 Лазарев В.В. 145
 Лазарев Н.И. 145, 160
 Лазарев-Станицев И.А. 205, 219
 Лазарев-Станицев Н.С. 114
 Ланской 171, 176
 Лаппо И.И. 359, 374
 Ласунский О.Г. 3-7, 272, 311, 327, 418, 424
 Лауб Ф. 209, 220
 Лаужин Д.П. 225, 226, 248, 255
 Лашкин И.И. 264, 272
 Лебедев В.А. 155, 185, 198, 200
 Лебедева А.П. 232, 233, 256
 Лебедева В.Г. 301, 311
 Левашов Е.М., см. Конорова Е.М.
 Левашов И.М. 384
 Левашов М.И. 384
 Левашов С.А. 346, 372, 384
 Левашова А.И., см. Недетовская А.И.
 Левашова А.М., см. Былова А.М.
 Левашова В.М., см. Былова В.М.
 Лемке М.К. 313
 Ленский Н.А. 236, 257
 Леонардо да Винчи 144
 Леонова Д.М. 209, 220
 Леонтий (Лебединский), митр. 337, 371
 Лермонтов М.Ю. 288, 289, 291
 Лернер Н.О. 320, 322, 329
 Лесницкий П.А. 355, 374
 Лехно В.Б. 329
 Лжедмитрий, царь 10
 Лианов 251
 Лильф И.Г. 3
 Лимбах В.В. 387, 389, 390, 418
 Лимбах В.И. 418
 Линиченко И.А. 275, 293, 294
 Липинский К. 205, 219
 Лисаневич В.Т. 114
 Лисовский Н.М. 290, 310
 Лист Ф. 206, 225
 Литвинов В.В. 3, 274, 312, 313, 317, 324, 325, 327, 328, 331-375, 385
 Литвинова Т.Н. 3, 8, 111, 114
 Литольф А. 249, 258
 Лихачев Н.П. 275, 294, 295
 Лобанов-Ростовский Б.А. 57, 112
 Лобков М.Е. 139
 Лодыгин Н.И. 8, 95, 96, 100-103, 115
 Ломакин И.П. 146
 Ломоносов М.В. 292, 317, 321, 326
 Лопатников Д.Л. 3
 Лорис-Меликов М.Т. 382, 384
 Лосев А.М. 115
 Лосев И.И. 110, 116
 Лофицкая Е.Е., см. Степанова Е.Е.
 Лофицкий 100
 Лукомский Г.К. 326
 Лукьянчиков К.Н. 362, 374
 Лучкин П.И. 327
 Лысиков Н.Н. 176
 Любская М.П. 232, 233, 256
 Лялин М.С. 176, 201
 Ляченко А.И. 271, 285, 289, 309
 Мадатов М.П. 375
 Мадатова С.М. 366, 375
 Мазараки А.С. 204-207, 209, 210, 213, 218, 219, 227, 255
 Мазараки А.С., см. Сафонова А.С.
 Мазараки И.С. 255
 Майерова 226
 Майков В.В. 275, 295
 Майков Л.Н. 279, 308
 Макаренков А.А. 145, 160, 166
 Макаренков А.Г. 145
 Макаренков А.И. 199
 Макаренков А.Я. 160
 Макаренков Г.И. 199
 Макаренков Д.К. 138, 147, 165, 181-186, 188, 189, 199
 Макаренков И.К. 181, 185, 199
 Макаренков К.Г. 147, 183
 Макаренков М.И. 145, 166, 198, 199
 Макаренков П.И. 199
 Макаренкова А.П. 147, 182, 184, 199
 Макаренкова Ал.И. 199
 Макаренкова Ан.И. 199
 Макаренкова Н.С. 199
 Макаренкова С.К. 184
 Макаренковы 199
 Макаров А. 393, 394, 397
 Макаров А.С. 170
 Макаров В.С. 170, 171, 174, 200
 Макарова Е.М., см. Македонец Е.М.
 Македонец В.И. 8, 34-38, 111
 Македонец Е.М. 38, 111
 Малкин Л.Г. 211, 220, 257
 Малчевский И.И. 114
 Мальхин В.П. 317, 328
 Мальхин П.В. 268, 272
 Манько Л.Я. 246, 258
 Марков Е.Л. 137, 278, 308, 401, 419
 Мартос И.П. 113
 Мартынов Б.С. 395, 418
 Мартынов И. 146, 198
 Мартынов С.В. 419
 Мартынов Я. 146, 198
 Мартынова С.А. 402, 403, 418
 Маршев 358
 Маслов 145
 Матвеев 394
 Матвеев К.С. 114
 Матвеев Н.Ф. 76, 77, 113
 Матковский Г.В. 231, 235, 236, 256
 Матчинский Ф.В. 211
 Махин К.М. 392, 394, 395, 404, 418
 Махин М.А. 418
 Машины 418
 Медведев А.П. 154
 Медведев М.Е. 252, 253, 258
 Медзьер А.В. 353
 Мейер Я.Х. 418
 Мейербер Д. 206, 209
 Мелентьев И.Г. 261, 270, 273
 Мельников А.И. 113
 Мельников И.А. 254, 258
 Мендельсон Ф. 208, 209, 243
 Меньшикова 209, 220
 Микельанджело Б. 144
 Микулина 227
 Милашевич М.Н. 329
 Милашевич Н.С. 319, 328
 Миллицына Е.М. 360, 374
 Миллер В.Ф. 293, 310
 Минин 282
 Миньяр-Белоручев К.А. 203, 218
 Миропольский В.И. 338, 371
 Миропольский С.И. 338, 371
 Митрофан, еп., свят. 145, 198, 281, 282, 297, 298, 305, 306, 309, 411, 420
 Митрофанов П.П. 28, 110
 Митрофанов Я.П. 28, 110
 Михаил Федорович, царь 373
 Михайлов А.Р. 201, 272, 308
 Михайлов М.Р. 170
 Михайловский Д.Ф. 336, 370
 Михайловский М.П. 404, 420
 Михалек В.А. 247, 249
 Михеев С.В. 367, 375
 Михнев П.Ф. 112
 Мишковский А.Я. 101-103, 115
 Молчанова Т. 424
 Моляренко М.В. 176, 188
 Мордовцев Д.Л. 407
 Моцарт В. 209, 217, 249
 Муратов Л.И. 115
 Мурзаханов М.Т. 145, 166, 198
 Мурзаханов С.М. 198
 Мурзаханова П.М. 198
 Мурзин Е.С. 116
 Мурзоргский М.П. 209, 220
 Муфель А.П. 205, 219
 Муфель М.П. 205, 219

- Мюфке М.Г. 219
 Нагаев А. 146, 199
 Нагурский В.В. 330
 Надеждин Н.И. 423
 Назаров Е.Н. 146, 149, 169, 176, 179, 180
 Наласкин 24, 25
 Наливкин 96
 Наполеон, имп. 35, 38
 Настаушева Л.М. см. Васильева Л.М.
 Наумов 299
 Наумов П.И. 205
 Нафанаил (Соборов), еп. 384
 Нахимов А.Н. 35, 98, 111
 Неделин Е.Я. 236, 257
 Недетовская А.Г., см. Виноградова А.Г.
 Недетовская А.И. 378, 384, 385
 Недетовская Л.Г. 384
 Недетовская Л.Г., см. Дядькова Л.Г.
 Недетовский Г.И. 372, 376-385
 Недетовский И.А. 384
 Некрасов А.И. 321, 329
 Некрасов Н.А. 245
 Нестеров А.Н. 155, 185, 200
 Никитин И.С. 137, 201, 222, 262-264, 268, 271, 272, 289, 297, 307, 311, 313-330
 Николаев С.Н. 412, 420
 Николаева 209
 Николай I, имп. 113, 423
 Николай II, имп. 274
 Никольский П.В. 343, 344, 346, 347, 372
 Никулин В.И. 329
 Ницше Ф. 409
 Нордштейн А.П. 316, 328
 Оберн В.В. 221, 257
 Обрзцова И.А. 273
 Обухова Н.А. 218, 255
 Овидий 389
 Огнев Ф.Э. 197
 Огнев Э.К. 138, 144, 149, 158, 165, 166, 197
 Огнева А.Ф. 197
 Огнева А.Э. 166
 Огнева В.Э. 197
 Огнева Е.Э. 197
 Одинцова К.Л. 200
 Одовский В.Ф. 301
 Околович Н.Ф. 328, 370
 Олейников Т.М. 354, 373
 Оленина В.А. 198
 Онегина 251
 Орлов П.Н. 355, 373
 Орлова-Чесменская А.А., гр. 422, 424
 Остриков И.А. 257
 Острикова Е.А. 243, 257
 Островский А.Н. 231, 237, 241, 242, 257
 Остроухов 176
 Оффенбах Ж. 239, 257
 Павленко А.Н. 334, 370
 Павленков Л.Н. 328
 Павленков Ф.Ф. 262
 Павлов С.П. 155, 200
 Панафидина Л.С. 314, 316, 327
 Панов М.М. 337, 371
 Пантелеевский Н.Н. 221, 354, 373
 Панчин А.С. 247, 248, 258
 Паньшин., см. Панчин А.С.
 Паренаго А.П. 424
 Паренаго В.И., см. Фаленберг В.И.
 Паренаго Г.А. 113
 Паренаго Е.П., см. Чигаева Е.П.
 Паренаго Ил.А. 113
 Паренаго Иона А. 113
 Паренаго К.П. 421-425
 Паренаго М.А. 113
 Паренаго М.К. 359, 374
 Паренаго М.П. 144, 195, 197, 424
 Паренаго Н.И., см. Бартенева Н.И.
 Паренаго П.А. 205, 219, 257
 Паренаго П.В. 54, 55, 112
 Паренаго, семья 424
 Парфений (Чертков), архиеп. 198
 Паскалов В.Н. 254, 258
 Перголезе Д. 209
 Перевощиков В. 283
 Перелешина С.А., см. Мартынова С.А.
 Петипа М.М. 226, 246-251, 255
 Петр I, имп. 17, 280, 306, 310
 Петров А.И. 115
 Петров Г.А. 118, 136
 Петров Г.С. 390, 399, 418
 Петров Н.Н. 205, 219
 Петров С.М. 75, 78, 80, 81, 113
 Петрова А.Ф. 257
 Петропольский Митр.М. 342, 372
 Петропольский Мих.М. 342, 372
 Петухов Е.В. 275, 295, 359, 374
 Пивоваров 229
 Пирлинг П.О. 302, 311
 Писарев Д.И. 388, 393, 399, 400, 402, 404, 405, 423
 Писемский А.Ф. 404
 Планкетт Р. 257
 Платонов С.Ф. 274, 275, 296, 310, 311, 331
 Плотников 205
 Плотников Н.Е. 227
 Плотниковы 205
 Подольские 410
 Подольский А.А. 387, 405, 420
 Подольский А.К. 420
 Позняков 282
 Покатилло М.П. 144, 198, 200
 Полевой К.А. 423
 Полевой Н.А. 423
 Поликарпов Н.И. 344, 372
 Поликарпов Ф.И. 310, 314, 327, 339, 340, 372
 Полозов М.А. 112
 Поляков А.Ф. 211, 220, 227
 Поляков В.Ф. 211, 220, 227
 Поляков И.М. 367, 375
 Помяловский Н.Г. 378, 405
 Пономарев М.И. 138, 149, 199, 418
 Попов И.А. 205, 206, 219
 Попов Л.Н. 387, 422, 424
 Посельская А.Г. 413, 414, 419
 Посельская Л.Е. 395, 413-415, 418, 419
 Посельские 395, 413, 418
 Посельский Г.П. 185, 188
 Посельский Е.А. 414-317, 419
 Посельский Е.Е. 419
 Поссе А.Ф. 67, 68, 113
 Поссе Е.И. 67, 68, 113
 Поссе И.Ф. 67, 68, 113
 Поссе Ф.Ф. 67, 68, 113
 Постников В.М. 145, 164, 198
 Постников Н.В. 369, 375
 Потапова Т.М. 197
 Похилевич А.И. 226
 Пяркова Е.В. 419
 Предтеченский Ф.А. 230, 256, 257
 Прейслер И.Д. 143, 188, 197
 Провожденский Н.А. 247, 248, 258
 Прибытков И.Ф. 115
 Прибытков М.А. 115
 Придорогин И.А. 308, 316, 328
 Прозоров И.С. 94-105
 Прозорова 99
 Прокопович А.С. 133, 136
 Прялов М.С. 412, 420
 Пузинский К.З. 237, 239, 257
 Пуле А.Г. 209, 219
 Пускова О.А. 254
 Путинцев А.М. 222, 311, 313, 317, 324, 327, 328, 376, 377, 384
 Путинцев В.И. 334, 370
 Пушкарев Т.Л. 114
 Пушкин А.С. 69, 140, 197, 320, 322, 421-425
 Пушкина Е.Н. 425
 Пушкина Н.Н. 425
 Пушкины 424, 425
 Пшибышевский С. 418
 Радонежский П.А. 225, 253, 255
 Райчева Ц.А. 226, 236, 247, 255
 Ратмиров 247
 Рафаэль С. 144
 Рейнеке К. 207

- Репин И.Е. 185, 192, 201
 Репин Н.А. 280, 308
 Рехак А.А. 211, 214, 216, 217, 220, 221, 243, 257, 258
 Решетов А.В. 83-86, 89, 115
 Рибера Х. 144
 Римская-Корсакова Е.А. 420
 Римский-Корсаков Н.А. 257
 Роде П. 209
 Розенберг А. 329
 Розенберг А.С. 211, 220
 Розенберг К. 329
 Розенберг С.С. 211, 220
 Романовский Г.И. 401, 419
 Романовы, династия 373
 Ромберг Б.Г. 205, 219
 Россини Д. 206, 209
 Ростропович В.Г. 214, 216, 221, 243, 257, 258, 401, 402, 419
 Ростропович Л.В. 419
 Ростропович М.Л. 221
 Ростропович Н.В. 401, 419
 Ростроповичи 221
 Рубашевский И.И. 8, 75, 80, 81, 113
 Рубенс П. 144
 Рубинштейн А.Г. 209, 220
 Рубинштейн Н.Г. 209, 217, 220, 224, 225, 253-255, 258
 Рудинский В.И. 337, 371
 Рудинский О.И. 337, 371
 Русинов Н.С. 149, 199, 264, 265, 269, 270, 272
 Рыков Н. 360
 Рылов К.Ф. 113
 Рындин Ф.К. 365, 367, 375
 Рыжляков В.Н. 424
 Рюриковичи, династия 10
 Ряполов Ф. 114
 Ряполова Г.Н., см. Кейкутова Г.Н.
 Ряполова Е.Ф., см. Татаринова Е.Ф.
 Савеллов Л.М. 278, 279, 308
 Савин Д.Ф. 226, 255
 Савин И.И. 132, 133
 Савостьянов М.П. 272
 Савостьянов Н.М. 198
 Савостьянов П.И. 195, 201, 281, 282, 309
 Садовский М.К. 246, 258
 Саломатин А.М. 149, 150, 164, 165, 200
 Саломатин И.М. 180, 200, 201
 Саломатина А.П. 201
 Саломатина Е.М. 165
 Саломон Х.Х. 424
 Салтыков-Щедрин М.Е. 376, 384
 Самбикин 355
 Самбикин Д.И., см. Димитрий (Самбикин), архим.
 Сапожников А.П. 188, 189, 201
 Сафонов А.А. 211, 220, 364, 365, 374
 Сафонов П.И. 205, 219, 220
 Сафонова А.П., см. Муфель А.П.
 Сафонова А.С. 219
 Сафонова М.П., см. Муфель М.П.
 Сафоновы 205, 206, 208
 Сахаров 91, 301
 Северцов Н.А. 308
 Селиванов А.И. 161, 162, 164, 200, 263, 268-270, 272, 273
 Селиванов В.И. 405, 420
 Селиванов И.П. 420
 Селиверстов М.Н. 285, 288, 289, 301, 309, 314
 Семенников 358
 Семенов Н.С. 262, 271
 Семенова А.Ф. 271
 Санковский О.И. 423
 Серафим (Аретинский), архиеп. 144, 174, 198, 202, 205, 206, 219
 Сергей Александрович, вел. кн. 281, 308
 Сердюков 122
 Серов А.Н. 209, 215
 Сивцкий Ф.Е. 262, 271
 Сизов В.И. 281, 308
 Сильченков К.Н. 338, 371
 Сильченков Н.К. 360, 374
 Симонов 199
 Синакевич О.В. 328
 Синельников Н.Н. 223, 236-239, 252, 257
 Синельникова Н.Ф. 199
 Скайлер Е.Е. 308
 Скиада М.М. 272
 Склобовский Д.Я. 199, 337, 369, 375
 Склобовский С.Д. 334, 342, 370
 Склобовский С.Я. 334, 370
 Складенко М.С. 155, 200
 Скрипцын Г.В. 205, 219, 227, 255
 Скрипцын И.В. 205, 219
 Скрынченкова А.И. 199
 Скрыбин П.В. 338, 371
 Славянов Н.Е. 112
 Сластнион Ф.В. 200
 Словоцков Н.В. 424
 Смирницкая П.Г. 254, 258
 Смирнов А.В. 331, 401, 419
 Смирнов С. 197
 Смирнова 400
 Смыкалов Г.И. 140, 142, 145
 Соборова А.И., см. Недетовская А.И.
 Сойманов В.И. 201
 Соколов Е.И. 308
 Соколов И.А. 205, 206, 219
 Соколов Н.А. 216
 Соколов П.А. 145, 160, 176, 177
 Соколова Л.Г., см. Недетовская Л.Г.
 Соколовский П.В. 29, 30, 111
 Соловьев 251
 Соловьев В.С. 409
 Соловьев Л.Г. 137-201, 273
 Соловьев Н.Я. 257
 Солодилов Ф. 146
 Сольский 362
 Сомов С.М. 203, 218
 Сомовы 205
 Сороченков А.А. 114
 Сорочинский И.Г. 418
 Сорочинский К.И. 394, 418
 Спасский И.Т. 424
 Сперанский М.Н. 275, 297
 Спиноза Б. 409
 Срзневский В.И. 275, 297, 298
 Срзневский И.И. 298, 311
 Ставров П.И. 338, 371
 Сталь фон Гольштейн Н.А. 205, 206, 219
 Сталь фон Гольштейн О.А., см. Канкрин О.А.
 Сталь фон Гольштейн С.Н. 219
 Станкевич А.И. 275, 285, 299-302
 Станкевич В.И. 76, 77, 81, 82, 113, 114
 Станкевич Н. 143, 197
 Станкевич Н.В. 275, 299, 301, 338, 371
 Станкевич Н.И. 113, 114
 Старицын В.А. 342, 347
 Старчевский А.В. 270, 273
 Стасюлевич М.М. 376
 Стенбок-Фермор М.И. 205, 219
 Степанов Д.Ф. 90, 91, 115
 Степанов П.А. 211, 218, 220, 221-258
 Степанова Е.Е. 224, 255
 Степанова Е.П., см. Иванова Е.П.
 Стефанович О.А. 205, 206, 209, 219
 Столь Г.Ф. 206, 209, 219, 221, 243, 244, 257
 Столь Е.Г., см. Шерфер Е.Г.
 Столь М.Г., см. Мюфке М.Г.
 Столь А.Г., см. Пуле А.Г.
 Страхов А.С. 280, 308
 Стрижевский А.В. 115
 Стрижевский М.А. 115
 Строганова Н.В. 425
 Студин А., см. Аврамов А.М.
 Суворин А.С. 295, 311
 Суворов А.В. 201
 Сук В.И. 252, 258
 Щеплянский Н.В. 343, 344
 Сытин И.Д. 381, 385
 Татаринов И.П. 114

- Татаринов П.М. 83-90, 114, 115
Татарина Е.Ф. 86, 114
Тевяшов В.Н. 338, 352, 361, 373
Тевяшов И.Н. 337, 371
Тевяшов И.С. 199
Тевяшов Н.Н. 337, 371
Тевяшова 338
Тесленко А.В. 369
Титов А.А. 305, 312
Тихон Задонский, еп., свт. 145, 198, 347, 349
Толстов 139
Толстой Д.Н., гр. 263, 271, 274, 276, 285, 307
Толстой Л.Н., гр. 422
Тростницкий З.М. 98, 102, 104, 115
Троцкий Д.П. 199
Трубещая Д.В., см. Фредерикс Д.В.
Трубещой В.А., кн. 204-207, 210, 218, 220
Трубицын П.А. 177
Тулинов А.И. 96, 115
Тулинов В.В. 8, 74, 96, 108, 109, 113, 115, 116
Тулинов Д.И. 96, 115
Тулинов М.Б. 336, 337, 370
Тулинов Н.И. 96, 115
Тулинов Я.В. 96, 115
Тулиновы 96, 115, 201, 256
Турбин Г.И. 198
Тургенев И.С. 389, 390, 395
Турчаковский К.И. 355, 356, 374
Турские 422
Тыртов А.П. 219, 227, 256
Тыртова Е.М. 227, 256
Тюменев Д.Г. 332, 334-337, 339, 340, 346, 347, 353, 354, 356-358, 370
Тюрин И.А. 174, 201
Урывский Н.П. 211
Успенская А.Г., см. Куницкая А.Г.
Успенская В.Г. 119, 127, 129
Успенская Ф. 125-136
Успенский В.Г. 3, 117-136
Успенский Г.И. 382, 413
Успенский Г.П. 29, 110, 117-136
Успенский С.Г. 135, 136
Устимович П.М. 423, 425
Устиновский С.Г. 116
Фаддеев А.Д. 274
Фаленберг В.И. 64, 65, 113
Фаленберг Н.Ф. 113
Фаленберг П.И. 113
Фаленберг Т.Ф. 113
Фаленберг Ф.И. 113, 115
Фаленберги, семья 113
Федор, еп. 293
Федоров Н.Ф. 137, 138, 197, 298, 311
Федорова-Мюрат 230
Федотова Г.Н. 240, 257
Федяевская Е.В. 272
Федяевский К.В. 259-267, 270, 271
Фейст К.Ф. 227
Фельсберг Э.Р. 359, 374
Фере Э.Э. 257
Фефер 395
Фомин А.Г. 3, 313-330
Фомин Г.И. 329, 358, 374
Фострем Э. 245, 258
Фредерикс Д.В. 205, 206, 208, 219
Фредерикс Е.И. 205, 219
Харкевич А.И. 40, 41, 112
Харламов И.Н. 185
Харузин Н.Н. 275, 302, 303, 311
Хитрово А.З. 39, 111
Хованский А.А. 284, 298, 309, 311
Хованский, кн. 77
Ховен Х.Х. 8, 104-109, 116
Ходский А.И. 390, 393, 405, 418
Хрущова Н.А., см. Чертова Н.А.
Цветавев Д.В. 275, 304, 305, 312
Цезаревский П.В. 203, 211, 212, 220
Цицерон 399
Чайковский П.И. 215, 242, 257, 412, 413, 420
Чарыков А.А. 112
Чебышев А.А. 289, 310
Чер... 58-60, 62
Черемисиновы 124
Черенков И.Н. 112
Черкасский, свящ. 203
Черницкий Ф.А. 334, 370
Черницын П.А. 343
Чернышев, гр. 198
Чертков А.Н. 111
Чертков В.А. 32
Чертков В.Н. 111
Чертков Д.В. 40, 112
Чертков Д.Н. 111
Чертков Н.В. 32, 111
Чертков Н.Д. 285
Чертков С.Г. 355, 373
Черткова В.Н. 111
Черткова Е.Н. 111
Черткова Н.А. 32, 111
Чертковы 111, 338
Чесменский Б.М. 138, 149, 150, 158-164, 179
Чесноков В.И. 274, 307
Чещарин П.М. 146, 198
Чигаев А.А. 422, 424
Чигаев А.Ф. 424
Чигаев Л.А. 422, 424
Чигаев О.А. 422
Чигаева Е.А. 422, 424
Чигаева Е.П. 422, 424
Чигаева К.А. 424
Чигаева Л.А. 422, 424
Чигаевы 422-424
Чингисхан 38
Чистович И.А. 413
Чичагов М.Н. 255
Чубинский В.Г. 338, 344, 349, 350, 371
Шакуло Ю.И. 252, 258
Шаммаев М.Г. 144, 154
Шаловалов Ф.С. 211, 220
Шатилова С.Н., см. Сталь фон Гольштейн С.Н.
Шауров И.В. 387, 388, 418
Шахматов А.А. 290, 310
Шванвич С.Н. 200, 230, 256
Шевцов И.В. 145, 198
Шевченко Т.Г. 140, 142, 197
Шемьякин Ф. 375
Шепелев П.А. 114
Шерметовы, гр. 195
Шерфурт Е.Г. 219
Шеховцев Н.И. 334
Шидловская Е.И., см. Фредерикс Е.И.
Шидловская М.И., см. Стенбок-Фермор М.И.
Шидловская М.Н. 219
Шидловские 205
Шидловский Е.И. 78, 115
Шидловский И.Е. 114
Шидловский И.И. 205, 214, 219, 221
Шилинг Н.Б. 96, 97, 115
Шишковский В.И. 328
Шляпкин И.А. 275, 305, 306
Шматковский Л.А. 98, 99, 102-104, 115
Шмидт Г.О. 233, 234, 242
Шмидт И.О. 234
Шмурло Е.Ф. 274, 275, 280, 295, 296, 306-308, 311, 312
Шольц В.Б. 424
Шорохова 236
Штер М.П. 8, 33, 35, 47, 38, 111
Шуман Р. 217, 253
Шуринов А.П. 116
Шушерин А.А. 112
Щерголев П.Е. 423-425
Щербатов М.Л. 386, 375
Шукин С.И. 316
Эйхенбаум Б.М. 3, 386-425
Эйхенбаум В.М. 386-420, 422, 424
Эйхенбаум И.В. 387
Эйхенбаум М.Я. 386-420, 422, 424
Эйхенбаум Н.Д. 386-420
Эйхенбаум О.Б. 388
Эккартсхаузен К. 45, 112
Эльзон М.Д. 3, 313, 314, 327
Эмар Г. 251, 258
Эпштейн 230

Юдин Г.А. 329	Яковлев 45, 243	Яровицкий Н.Д. 390, 418
Юркевич В.В. 222	Яковлев Г.Н. 349, 353, 355, 356,
364, 365, 368, 369, 373	Ярополк, князь 293
Юшков С.В. 118, 136	Яковлева З.В. 274	Ярцев В.С. 353, 359, 373
Яблочкин А. 185	Ярошенко И.П. 185	Ясеновский В.В. 349, 350, 373
Яворский Ф.К. 293, 310, 368, 375	Яровицкий Д.В. 418	Яфа С.Н. 328
Языков В.Д. 287, 310		

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Ласунский О.Г. Свидетельства очевидцев	4
Бартенев А.А. Жизнь и воспоминания одного дворянина	8
Успенский В.Г. Воспоминания сына об отце	117
Соловьев Л.Г. Живопись и рисование в воронежском крае	137
Донецкий Т.И. Из прошлого Воронежского отделения Императорского музыкального общества	202
Степанов П.А. Музыка и театр в Воронеже в 1873–1893 гг	222
Библиотеки и книжники:	
Федяевский К.В. По поводу истекшего тридцатилетия Воронежской Публичной библиотеки (1864–1894);	
Аврамов А.М. Наши книгопродавцы, литераторы и новый товарищ Кольцова	259
Письма краеведу С.Е. Звереву (1888–1916)	274
Фомин А.Г. «... Все, касающееся Воронежа, меня интересует». Письма к А.Н. Васильеву (1911–1915)	313
Литвинов В.В. Письма к М.В. Ивченко (1908–1940)	331
Виноградова А.Г. Памяти Г.И. Недетовского-Забытого	376
Эйхенбаум Б.М. Письма к брату Всеволоду (1902–1903)	386
Паренного К.П. Три письма к Б.М. Эйхенбауму (1937)	421
<i>Список сокращений</i>	<i>426</i>
<i>Именной указатель</i>	<i>427</i>

Научное издание

ВОРОНЕЖ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ПИСЬМАХ СОВРЕМЕННОК

XIX — первая треть XX века

Публикация, предисловия и комментарии А.Н. Акиншина

Подписано в печать 7.09.2015.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура TimesC. Тираж 300 экз. Заказ

Центрально-Черноземное книжное издательство
394026 Воронеж, ул. Текстильщиков, 5 д

Типография ООО «Алмаз»
394026 Воронеж, ул. Текстильщиков, 5 д

ISBN 978-5-7458-1275-0

9 785745 812750 >

Александр Николаевич Акиншин родился 21 сентября 1955 г. в селе Козловка Бутурлиновского района Воронежской области. Окончил исторический факультет ВГУ (1977). В 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию «Социально-экономическое и политическое развитие города Воронежа периода позднего феодализма» (науч. рук. – проф. В.П. Загоровский). Доцент кафедры истории России ВГУ. Председатель Воронежского историко-культурного общества (с 2011), член совета

Союза краеведов России (с 2013), член правления городской общественной историко-просветительской организации «Мемориал», член городской комиссии по историко-культурному наследию.

Автор книг «Записки старого пешехода» (1995, 2002; совм. с О.Г. Ласунским), «Воронежское дворянство в лицах и судьбах» (1994, 2009; совм. с О.Г. Ласунским). «Храмы Воронежа» (1994, 2003), «Воронежские Ростоповичи. Семейный портрет на фоне истории» (2006), «Династия Романовых и Воронежский край» (2014; совм. с Н.А. Комоловым). Зам. гл. редактора «Воронежской историко-культурной энциклопедии» и «Воронежской энциклопедии». Научный редактор сборника «Из истории Воронежского края» (с 1998 г., вып. 7–21). Редактор-составитель книг «Воронежские губернаторы и вице-губернаторы» (2000). «Воронежские архипастыри от святителя Митрофана до наших дней» (2003). Подготовил к печати научные комментированные издания книг Е.А. Болховитинова (2011), М.И. Славинского (2014).

